

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт Дальнего Востока

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО
КИТАЕВЕДЕНИЯ**

Ответственный редактор
доктор исторических наук *Н.Л. Мамаева*

МОСКВА
Памятники исторической мысли
2014

ББК 63(5Кит)
075

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 12-33-09006*

Рецензенты:

доктор исторических наук Я.М. Бергер,
доктор философских наук В.Г. Буров

Коллектив авторов:

А.В. Виноградов (гл. IX), А.Г. Ларин (гл. VIII), А.В. Ломанов (гл. VI), Н.Л. Мамаева (гл. I, II),
А.В. Островский (гл. V), В.Я. Портяков (гл. IV), Д.А. Смирнов (гл. III),
М.Л. Титаренко (введение, гл. VI), С.А. Торопцев (гл. VII), Т.М. Турчак (гл. I)

075 Основные направления и проблемы российского китаеведения / Отв.
ред. Н.Л. Мамаева: Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Памятники истори-
ческой мысли, 2014. – 382 с.

ISBN 978-5-88451-329-7

Книга является новаторской работой. Коллектив авторов поставил перед собой задачу дать общую картину развития отечественного китаеведения в новых условиях постсоветского времени – вплоть до наших дней. Работа написана сотрудниками Института Дальнего Востока РАН. Основные направления и проблемы российского китаеведения, представленные в этом фундаментальном труде, включают важные составляющие китайской цивилизации. Предмет изучения – российские исследования внутренней и внешней политики Китая, российско-китайских отношений, политической системы и права, состояния экономики и экономических реформ, китайской философии и религии, культуры и образования, китайской миграции в России и проблем Тайваня, наконец, проблем модернизации и модели развития Китая.

Прошлое китаеведения, его настоящее и перспективы сливаются в исследовании в единое целое, что указывает на непрерывность процесса исследования Китая, на прочность традиций в изучении страны, выдвинувшейся на одно из ведущих мест в мире по целому ряду важных показателей. В противоречивых условиях современного мира и на фоне нового этапа сближения между Россией и Китаем на развитие российского китаеведения, которое и в прошлом имело влияние на формирование российско-китайских отношений, возлагается особая роль. Книга рассчитана на специалистов и всех, интересующихся Китаем.

ББК 63(5Кит)

ISBN 978-5-88451-329-7

© Коллектив авторов, 2014

© ИДВ РАН, 2014

От ответственного редактора

Существует мнение, что внимание ученых к теме развития китаеведения и определения его общего состояния, в том числе к истории Китая как наиболее масштабному направлению в китаеведении, является признаком достижения достаточно глубокого уровня исследований. Действительно, в настоящее время назрела необходимость обобщения и систематизации написанных китаеводами работ, выделения и характеристики основных направлений и определения формирующихся тенденций в изучении Китая, обозначения «белых пятен» и дискуссионных вопросов.

Российское китаеведение берет свое начало в далеком прошлом и связано с деятельностью Российской духовной миссии в Пекине в XVII–XX вв. Наиболее заметный след в мировой синологии оставил Иакинф (Н.Я.Бичурин), который действовал в Китае с 1808 по 1820 г. Еще до 1917 г. в России были заложены традиции изучения ближайшего соседа России. И в Российской духовной миссии, и историки-профессионалы занимались отдельными направлениями китаеведения в течение XVIII–XIX вв.¹ Широкую известность в области изучения истории китаеведения получил фундаментальный труд П.Е. Скачкова². В дальнейшем были неоднократные попытки написания истории китаеведения, однако в основном по разным направлениям и временным периодам. Хотя в 90-х гг. XX в. крупные обобщающие работы по китаеведению отсутствовали в отечественной науке, однако имел место выход в свет монографий, сборников статей, справочников, многочисленных публикаций в научных журналах, рецензий, информации о научной жизни, проведении внутренних и международных конференций, несомненно имеющих научную ценность. Вместе с тем в течение последних двадцати с небольшим лет (1990-е гг. – начало XXI в.) – периода изучения российского китаеведения в нашем коллективном труде – степень обобщения китаеведческих исследований постепенно возрастала, преимущественно в рамках отдельных направлений китаеведения.

По мере адаптации научного сообщества к новым условиям развития страны хотя количество китаеведов в течение 1990-х гг. и сократилось, однако основные его кадры нашли в себе силы для преодоления препятствий и уже в 1990-е г. по отдельным темам демонстрировали в своей работе определенные успехи. Кроме того, они сумели подготовить научную базу для дальнейших исследований, опубликованных уже в начале 2000-х гг.

Масштаб объекта изучения – основных направлений и проблем российского китаеведения, по сути, исключает возможность создания картины развития китаеведения в рамках

одной коллективной монографии и в короткие сроки. Учитывая объем литературы, каждое направление китаеведения заслуживает отдельной книги. Однако предпринимаемая впервые за долгие годы попытка создания обобщающего труда сама по себе заслуживает одобрения. Монография, безусловно, содержит новые знания о состоянии отечественного китаеведения, в значительной степени заполняет вакуум в этой сфере, структурирует плотно российского китаеведения и закладывает начало дальнейшему более подробному и масштабному изучению Китая. Кроме того, что весьма важно, открывает российское китаеведение зарубежным исследователям. При написании работы авторский коллектив использовал проблемно-хронологический принцип: период 1990-х гг. сменяется периодом 2000-х гг. 1991 г. был годом, который изменил государственный строй России, вызвал развал сильного относительно единого государства и по различным параметрам оказал свое влияние на состояние науки, в том числе китаеведения, демонстрируя как положительное, так и негативное воздействие. Несмотря на наличие отдельных крупных работ и талантливых исполнителей, 1990-е гг. в определенной степени притормозили развитие китаеведения. В целом, кардинальные изменения в стране и их влияние на развитие китаеведения позволяют обозначить начало 1990-х гг. как рубеж в развитии китаеведения.

С начала нулевых годов формировался новый этап российско-китайских отношений, наблюдалось постепенное развитие тенденции стабилизации во всех областях жизни России, соответствующим образом укреплению базы для развития науки, в том числе китаеведения. Элементы подъема китаеведения в нулевых годах также тесно связаны с результатами проделанной работы в течение 1990-х гг., в том числе в области публикации источников. В 2000-е гг. в полной мере проявились новые возможности в изучении китаеведения, частично имевшие место уже в 1990-е гг. – рост международных контактов, введение в научный оборот зарубежной, особенно китайской, литературы и источниковедческого материала, активное внедрение новых информационных и электронных технологий в научный процесс. Одной из главных особенностей нового этапа в изучении Китая можно считать развитие исследовательской работы на обновленной источниковедческой базе. Основная часть исследований продолжала изучение тех тем и направлений, которые разрабатывались в 1990-е гг. и ранее. Вместе с тем российское китаеведение 2000-х гг. выдвинуло ряд новых тем и форм научных исследований.

Книга состоит из введения, девяти глав, каждая из которых посвящена характеристике и анализу определенного направления китаеведения в отечественной науке, и заключения.

Для каждой главы, и прежде всего введения, характерно внимание авторов к исследованиям и исследователям, которые формировали российское китаеведение до 90-х гг. XX в. Информация о предшественниках дана в кратком виде, однако достаточном для получения представления о связи поколений ученых и их исследований. Исключение составляет глава VI, представляющая в более полном объеме развитие исследовательской мысли в областях философии и религии, что вполне оправдано спецификой этой области знаний и ее значительным влиянием на историю страны начиная с древнейших времен до наших дней. Следует также отметить, что все авторы являются сотрудниками Института Дальнего Востока РАН и опытными специалистами в своей области.

Примечания

¹ См.: *Гальперин А.Л.* Русская историческая наука о зарубежном Дальнем Востоке в XVIII – середине XIX в.: краткий обзор // *Очерки по истории русского востоковедения.* М., 1956. Вып. 2.

² *Скачков П.Е.* *Очерки истории русского китаеведения.* М., 1977.

Введение

Российское китаеведение и его роль в становлении диалога цивилизаций и российско-китайского стратегического партнерства

Российское китаеведение ведет начало с основания Российской духовной миссии в Пекине, образованной с согласия китайского императора Канси и русского императора Петра I в 1711 г. Таким образом, изучение Китая в России систематически ведется в течение трех столетий. В настоящее время российское китаеведение объединяет около 1,5 тыс. специалистов различных направлений – лингвистов, философов, филологов, экономистов, историков, политологов, религиоведов, культурологов, археологов, медиков, математиков, астрономов, этнологов, экологов, юристов.

За три столетия российские ученые внесли огромный вклад в объективное и всестороннее изучение Китая, в распространение среди общественности знаний об истории, о достижениях в области экономики, науки, культуры, искусства в соседней стране. Характерной чертой российского китаеведения с самого его зарождения является глубокое уважительное отношение к истории и традициям китайского народа, его культуре. Одновременно ему присуще стремление установить с китайской культурой многоуровневый межкультурный диалог, основанный на равноправии и принципах синергизма, взаимной учебы, взаимного обогащения.

РОССИЙСКОЕ КИТАЕВЕДЕНИЕ: ИСТОРИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ

XVIII–XIX вв. были периодом становления и подъема российского китаеведения. По мере становления китаеведения как комплексной науки, расширения и углубления масштабов исследований Китая и его цивилизации, складывались основные направления исследований, а внутри них – различные научные школы.

Исторически первым направлением китаеведения в России явилось языкознание, включавшее изучение господствовавших тогда в Цинской империи ханьского и маньчжурского, а также монгольского и тибетского языков, составление словарей, поиск путей адекватной транскрипции слов, терминов и собственных имен в русской графике.

Пионерами в изучении китайского языка были монахи и светские члены Российской духовной миссии в Пекине. Изучение китайского языка начало формироваться как научное направление деятельности сотрудников миссии последней четверти XVIII в., оно было неразрывно связано с подвижнической деятельностью бывших учеников миссии – И.К. Рассохина и А.Л. Леонтьева. Позднее они стали научными сотрудниками Российской Императорской Академии наук.

Первым избранным членом-корреспондентом этой академии стал начальник IX Российской духовной миссии в Пекине (1807–1821) архимандрит Н.Я. Бичурин (в монашестве отец Иакинф). Его научная деятельность заложила солидные основы отечественных школ изучения языков Китая, прежде всего ханьского языка, а также истории, этнологии, географии, культуры народов, живших в Цинской империи.

В дальнейшем российская школа изучения китайского языка получила теоретическое и практическое развитие в трудах академика В.П. Васильева, П.И. Кафарова (архимандрита Палладия), П.С. Попова, академика В.М. Алексеева, В.С. Колоколова, И.М. Ошанина, В.М. Солнцева, Н.Н. Короткова, С.Е. Яхонтова, Б.С. Исаенко, М.К. Румянцева, Т.П. Задоевко, О.И. Завьяловой, Б.Б. Мудрова, А.А. Хаматовой и других российских китаеведов.

Изучение истории Китая и его культуры начало складываться как важное направление фактически в конце XVIII в. Развертывание изучения китайского языка позволяло первым китаеведам переводить на русский язык популярные в Китае исторические сочинения.

Русская дипломатия и торговые обмены с Китаем опирались на помощь Российской духовной миссии и китаеведов, трудившихся в Пекине, Кульдже, Кяхте.

В середине XIX в. усилиями великих российских ученых Н.Я. Бичурина, В.П. Васильева и С.М. Георгиевского, П.И. Кафарова сложилась именно российская школа китаеведения. Ее главными особенностями стали комплексный подход к объекту изучения, особое внимание к исследованию первоисточников, уважительное отношение к китайской культуре и стремление наладить конструктивный диалог между русской и китайской культурами, содействовать взаимообогащению и синергетическому созранию.

Изучение Китая началось с составления словарей китайского, маньчжурского, тибетского языков, со знакомства с нравственными началами китайского народа. Первым переведенным на русский язык китайским первоисточником стал «Канон трех иероглифов» («Сань цзы цзин») – свод традиционных нравственных правил. Его переводили А.Л. Леонтьев и Н.Я. Бичурин¹.

Особую роль в становлении лучших научных традиций российского китаеведения сыграл Н.Я. Бичурин – автор многих уникальных трудов по истории, этнологии, экономике, философии, литературе Китая, которые сохраняют свое познавательное значение до наших дней. По сведениям П.Е. Скачкова, он является составителем более 10 словарей, так или иначе связанных с китайским языком, рукописи которых хранятся в Архиве Института восточных рукописей РАН и в библиотеке восточного факультета Санкт-Петербургского университета². Разработанная Бичуриным транскрипция наиболее адекватно передает звуковую гамму пекинского диалекта китайского языка, позднее она была развита П.И. Кафаровым и П.С. Поповым. Выдающейся заслугой Кафарова и Попова стали подготовка и издание соответственно «Китайско-русского» и «Русско-китайского» словарей³.

Позиции российского китаеведения XIX в. нередко серьезно расходились с официальной позицией царского правительства. Отечественные китаеведы сочувственно относились к восстанию тайпинов, они осуждали участие России в подавлении «боксерского» восстания (ихэтуаней), выступали с критикой экспансионистских акций царского правительства в отношении Китая.

История российского китаеведения XIX в. связана с именами выдающихся продолжателей дела Бичурина – таких ученых, как В.П. Васильев, С.М. Георгиевский, К.А. Скачков, П.С. Попов, П.И. Кафаров. Большим достижением этого периода являются «Очерки исто-

рии китайской литературы», подготовленные академиком В.П. Васильевым⁴. Этот труд стал одним из первых фундаментальных исследований китайской светской и религиозной литературы в европейской и мировой синологии. В начале XX в. были изданы переводы классиков древней китайской философии – Конфуция и Мэн-цзы (перевод П.С. Попова), Хань Фэй-цзы (перевод и исследование А.И. Иванова)⁵. В этот период началось изучение политической и этической конфуцианской культуры, китайских религий, особенно буддизма, ламаизма, магометанства, даосизма.

Ученик В.П. Васильева С.М. Георгиевский опубликовал фундаментальные труды «Важность изучения Китая» и «Принципы жизни Китая»⁶. В работах Георгиевского впервые были аргументированно поставлены под сомнение и фактически сняты тезисы об «исторической окаменелости» Китая, тезис Гегеля о том, что Китай стоит «на самой низшей ступени самопознания всемирного духа», а также тезис Канта: «Небесная империя стоит на весьма низкой ступени развития».

В начале XX в. знаменательным событием в деле изучения Китая в нашей стране стал выход в свет работ будущего академика В.М. Алексеева о китайской литературе, его университетские публичные лекции. По сути дела, В.М. Алексеев заложил основы современного научного подхода к переводам китайских художественных и философских текстов. Его переводы «Лунь юя» Конфуция⁷ и стансов танского поэта Сыкун Ту стали образцом для российских китаеведов, переводчиков китайской художественной и философской литературы. В фундаментальном исследовании В.М. Алексеева, посвященном китайской поэтической трилогии, давался перевод и анализ стансов Сыкун Ту и его подражателей – художника Хуан Юя и Янь Цзинцэна⁸.

В первой половине XX в. изучение Китая в России теснейшим образом было связано с глубоким интересом общественности нашей страны к жизни народа соседней страны, к его самоотверженной борьбе за независимость и социальный прогресс, его сопротивлению японской агрессии. Заслугой советских китаеведов было то, что их труды становились источником выработки политики государства на китайском направлении – политики активной поддержки борьбы китайского народа за свое освобождение, за утверждение независимости. Воплощением такого подхода стала выход в 1940 г. под редакцией академика В.М. Алексеева энциклопедического сборника «Китай»⁹, в котором приводились сведения по всем основным аспектам жизни соседней страны – от археологии, истории и философии до очерков хода антияпонской войны.

После начала «движения 4 мая» 1919 г. и в ходе антияпонской войны сложились тесные контакты между лучшими представителями советской и китайской интеллигенции, развивался полноценный межкультурный диалог между российской и китайской культурами. Его выдающимися участниками с китайской стороны были писатели и политики Лу Синь, Цюй Цюбо, Мао Дунь, Го Можо, Лао Шэ, философы Ян Сяньчжэнь и Хоу Вайлу, великий артист пекинской оперы Мэй Ланьфан и другие. С российской стороны это были литераторы А.М. Горький, В.В. Маяковский, Н.А. Островский, А.А. Фадеев, К.М. Симонов, известные китаисты В.М. Алексеев, С.Л. Тихвинский, Н.Т. Федоренко, Н.И. Конрад, журналист В.Н. Рогов, российские китаеведы – дипломаты А.С. Панюшкин и А.А. Петров, выдающиеся деятели отечественной культуры. Именно этот диалог китайской и российской культур содействовал формированию открытости китайской культуры, стал мощным фактором продвижения обменов и взаимной учебы.

В 1923 г. на русском языке была издана «Антология китайской лирики» VII–IX вв. в переводе Ю.К. Щуцкого¹⁰. Позднее ученый осуществил исследование и перевод классического канонического труда китайской философии «Книга перемен». Древнейший памятник поэтической культуры Китая «Шицзин: книга песен и гимнов» перевел и издал А.А. Штукин¹¹. В.Н. Рогов перевел ряд художественных произведений китайских писателей 30–40-х гг. XX в., среди которых особое место занимает перевод повести Лу Синя

«Подлинная история А-Кью»¹². Н.Т. Федоренко переводит и исследует классика китайской поэзии Цюй Юаня¹³. Будущий советский посол в Китае А.А. Петров пишет ряд статей по истории китайской философии и публикует исследование об одном из видных последователей китайского даосизма Ван Би¹⁴. Выходит также серия монографий об истории китайской живописи.

После образования в 1949 г. КНР развитие китаеведения в СССР получило новый мощный импульс. В 1950-е гг. тысячи китайских студентов учились в советских вузах, российские студенты учились в Китае. Так сформировался диалог на уровне страноведов и русистов. Следует отметить, что в сложные драматические годы развития Китая, связанные с «великой пролетарской культурной революцией», главной тенденцией российского китаеведения по-прежнему оставалось обстоятельное комплексное изучение истории культуры Китая, китайского языка, истории КПК, внутренней и внешней политики КНР.

В 1966 г. был воссоздан Институт Дальнего Востока АН, один из ведущих центров по изучению Китая. Важными направлениями исследований института стали комплексное изучение современного Китая, его истории, состояния и перспектив развития советско-китайских отношений, поиск путей нормализации и развития этих отношений. Институт сконцентрировал лучшие профессиональные кадры и стал центром подготовки молодых китаеведческих талантов высшей квалификации по всем направлениям.

Ведущее место в работе института заняли проблемы политического и экономического сотрудничества наших стран, вопросы преодоления разногласий. В комплексных научных планах института особое место отводилось истории российско-китайских отношений. Один из крупных проектов института – это издание документов по истории российско-советско-китайских отношений с начала их установления в начале XVII в. до февраля 1950 г. Огромную работу в этом направлении провели под руководством академика С.Л. Тихвинского, члена-корреспондента АН СССР М.И. Сладковского и академика В.С. Мясникова опытные исследователи А.М. Ледовский, А.С. Ипатова, Р.А. Мировицкая, И.Т. Мороз, Г.И. Саркисова и другие. К 2013 г. вышло 10 томов (из них два тома в двух книгах) из этой серии уникальных документов¹⁵.

В 1970-е гг. были изданы учебники современного и древнего китайского языка, книги по истории Китая, истории китайской философии, истории литературы. Тогда же вышел ряд работ по всеобщей истории Китая, истории революционного движения 1920–1940-х гг., истории КПК, политике и идеологии партии Гоминьдан. Эти вопросы были рассмотрены в трудах С.Л. Тихвинского, М.И. Сладковского, Г.В. Астафьева, Г.Б. Эренбурга, Л.Н. Симоновской, М.Ф. Юрьева, Л.И. Думана, В.И. Глунина, А.М. Григорьева, Л.П. Делюсина, А.В. Меликсетова, Н.Г. Сенина, Ю.М. Гарушянца, Г.Д. Сухарчука, Ю.В. Новгородского, В.А. Кривцова, В.Н. Никифорова, Р.В. Вяткина, Ю.М. Галеновича, А.И. Картуновой, Е.Ф. Ковалева, А.С. Мугрузина.

В 70–80-х гг. прошлого века проф. М.И. Сладковский опубликовал серию трудов, посвященных истории российско-китайских торгово-экономических отношений¹⁶, а также истории отношений Китая с Японией и Англией. Д.э.н. В.И. Шабалин, под псевдонимом Ванин В.И., в 1974 г. выпустил фундаментальное исследование об особенностях госкапитализма в Китае и роли китайской национальной буржуазии¹⁷. Известные китаеведы М.М. Никольский, Э.П. Пивоварова, А.В. Акимов, А.В. Островский, А.Н. Анисимов, В.Я. Портяков, Л.Д. Бони, Л.И. Кондрашова, Е.С. Баженова, О.Н. Борох, Л.А. Волкова, З.А. Муромцева в течение последних 40 лет выступали и выступают в числе лидеров различных направлений исследований социальных отношений в Китае, социально-экономической и цивилизационной специфики китайского общества, опыта политических реформ и открытости, состояния китайской отраслевой экономики.

Подлинным вкладом советских и российских китаеведов в создание атмосферы взаимопонимания между нашей страной и Китаем, демонстрацией готовности нашей страны –

несмотря на остроту межгосударственных отношений – к налаживанию практического диалога стали крупные научные конференции, посвященные коллективному обсуждению исторического пути развития Китая, его связей с Россией и другими странами, выявлению общности интересов исторической необходимости нормализации отношений двух стран. Такой подход стал конструктивной альтернативой выраженной Мао Цзэдуном в ходе встречи с президентом Р. Никсоном в 1972 г. готовности Китая присоединиться к возглавляемому США антисоветскому фронту. Последующие события конца 1980-х гг. показали, что сигнал доброй воли, посланный российской общественностью, был услышан в Пекине. Это означало наступление новой эры в российско-китайских связях.

По инициативе д.э.н. Л.П. Делюсина с 1970-х гг. и до наших дней в Институте востоковедения АН СССР на постоянной основе проводятся многоплановые ежегодные научные конференции «Общество и государство в Китае». В ИДВ с конца 1980-х гг. проводятся многочисленные научные конференции по экономике, культуре, истории современного Китая. В 1989 г. ИДВ АН СССР положил начало ежегодным международным конференциям под названием «Китай, китайская цивилизация и мир». В 2011 г. такая конференция была посвящена 100-летию Синьхайской революции¹⁸. На этой многодневной конференции было заслушано более 100 научных сообщений. В октябре 2013 г. прошла трехдневная международная конференция, посвященная роли Китая в АТР и в мире. В ней приняли участие около 200 ученых из 10 стран. В семи секциях и на пленарных заседаниях было заслушано 190 научных сообщений.

В 1970-е г. в Ленинградском университете под руководством проф. Г.В. Ефимова начали проводиться ежегодные научные конференции по историографии Китая. В годы тяжких потрясений в Китае и острого осложнения советско-китайских отношений китаеведы России, участвуя в принципиальной критике взглядов и действий Мао Цзэдуна, сохраняли хладнокровие и не скатывались на антикитайские позиции. Наоборот, в трудах российских китаеведов выражалось глубокое уважение к истории и культуре китайского народа, демонстрировалась надежда на то, что драматический зигзаг в наших отношениях с Китаем – это именно зигзаг, который рано или поздно закончится, и произойдет нормализация отношений двух стран. Были опубликованы труды о взглядах и политической деятельности Ли Дачжао, Пэн Бая, Чэнь Дусю, Цюй Цюбо, Мао Цзэдуна, Лю Шаоци, Чэнь Юня, Дэн Сяопина.

Серьезным стимулом для оживления российского китаеведения и призыва не ограничиваться лишь критикой тогдашней антисоветской политики Пекина, а начать формировать конструктивную платформу для добрососедского диалога с Китаем стал поворот к изучению и изданию богатого культурно-философского и исторического наследия китайского народа и истории добрососедства между Россией и Китаем. В 1972–1973 гг. под редакцией В.Г. Бутова и М.Л. Титаренко вышла книга «Древнекитайская философия: собрание текстов в двух томах»¹⁹, позднее была опубликована «Древнекитайская философия: Эпоха Хань»²⁰. Вышли перевод и исследование трудов Сунь Ятсена под редакцией академика С.Л. Тихвинского²¹, а также «Избранные произведения прогрессивных китайских мыслителей Нового времени»²². Л.С. Переломов осуществил перевод и исследование основного труда легистов «Книга правителя области Шан» (Шан цзюнь шу)²³. Л.Д. Позднеева выпустила сборник переводов «Атеисты, материалисты, диалектики Древнего Китая»²⁴, Л.Е. Померанцева исследовала и перевела трактат «Хуайнаньцзы»²⁵. Философский сборник «Люй-ши чуньцю» («Весны и осени господина Люя») перевел и исследовал Г.А. Ткаченко²⁶, В.Ф. Гусаров опубликовал ряд статей о взглядах философа-конфуцианца Хань Юя (768–824 гг.)²⁷.

Под руководством выдающегося китаеведа-лингвиста И.М. Ошанина была завершена начатая еще В.М. Алексеевым работа над четырехтомным «Большим китайско-русским словарем»²⁸. Его издание стало выдающимся достижением отечественной синологии.

Эта работа была удостоена Государственной премии. В это время советские китаеведы – литературоведы Д.Н. Воскресенский, В.Ф. Сорокин, Н.Т. Федоренко, Л.Е. Черкасский, М.И. Басманов, В.В. Петров, Е.А. Серебряков, А.П. Рогачев, Л.З. Эйдлин издали целую серию переводов классиков китайской литературы. Вышли переводы стихов Цюй Юаня, Бо Цзюйи, Ли Бо, Ли Цинчжао, Тао Юаньмина, новелл Пу Сунлина, романов «Троецарствие», «Сон в красном тереме», «Речные заводы», «Путешествие на Запад», китайских сказок. Под редакцией и с послесловием академика Б.Л. Рифтина двумя изданиями вышла в русском переводе монография известного китайского ученого Юань Кэ «Мифы древнего Китая»²⁹. Собранный и прокомментированный в книге материал открыл российским и европейским читателям новый пласт китайской культуры.

Видный российский китаевед-историк Р.В. Вяткин в 1960-е гг. начал свой поистине титанический труд по переводу многотомного труда «отца китайской истории» Сыма Цяня – «Исторических записок» («Ши цзи»)»³⁰. Работу завершил А.Р. Вяткин.

Расширение в начале 70-х гг. XX в. масштабов изучения и издания культурного наследия китайского народа и истории российско-китайских добрососедских связей выявило острый дефицит кадров китаеведов, работающих в сфере китайской философии, экономики, социологии и политики. В связи с этим на философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова была создана группа со специализацией по китайской философии с углубленным изучением современного китайского языка и вэньяня. В 1972 г. была проведена реорганизация Института восточных языков, который был преобразован в Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова. В этом институте было открыто новое социально-экономическое отделение. Кроме того, был расширен прием студентов на все другие китаеведческие отделения. Был увеличен прием также и на факультеты и отделения китайского языка в Ленинградском, Дальневосточном университетах и Читинском пединституте. К началу 1980-х гг. ряды китаеведов значительно пополнились новыми силами, что способствовало расширению изучения и понимания Китая. Из группы по истории китайской философии на философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова выросли такие видные исследователи доктора наук, как А.Е. Лукьянов, А.И. Кобзев, А.В. Ломанов и другие.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. после нормализации и установления добрососедских советско-китайских отношений возникла необходимость осмыслить и извлечь уроки из драматического периода истории наших отношений 1960–1980-х гг. На эту тему был проведен ряд международных научных конференций с участием российских и китайских коллег, опубликована серия научных работ. Важное место в этом плане заняла серия коллективных трудов российских китаеведов. Среди них – работы М.И. Сладковского, посвященные истории российско-китайских экономических отношений, цикл работ российских ученых по истории формирования российско-китайской границы, труды М.С. Капицы, О.Б. Рахманина, Б.Т. Кулика, В.И. Шабалина по истории советско-китайских отношений 50–70-х гг. XX в. В 1990-е гг. вышли монографии М.Л. Титаренко, посвященные анализу российско-китайских взаимоотношений и роли России и Китая в обеспечении проблем безопасности в Восточной Азии, работы Ю.М. Галеновича, С.Г. Лузянина, А.Д. Воскресенского по истории российско-китайских отношений в течение XX столетия.

Крупным событием в российской синологии конца XX – начала XXI в., особенно в области исследования истории Китая, стал выход серии трудов С.Л. Тихвинского: «Китай и всемирная история», «Путь Китая к объединению и независимости. 1898–1949. По материалам биографии Чжоу Эньлая», «Век стремительных перемен»³¹. Вслед за этим вышло собрание избранных сочинений С.Л. Тихвинского³². В 2007 г. С.Л. Тихвинский выступил с инициативой создания 10-томной «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века». В 2013 г. вышли из печати два тома из этой фундаментальной серии. Один том охватывает период от V в. до н.э. до III в. н.э. (т. II, отв. ред. Л.С. Переломов), другой – период 1912–1949 гг. (т. VII., отв. ред. Н.Л. Мамаева)³³.

При поддержке немецких коллег китаеведы ИДВ РАН в конце 1990-х гг. – начале XXI в. подготовили и издали уникальный труд «ВКП(б), Коминтерн и Китай»³⁴, в котором опубликован огромный комплекс документов из совершенно секретных архивов Политбюро ЦК КПСС и Коминтерна. Главные редакторы, составители и участники этого издания – ученые ИДВ РАН М.Л. Титаренко, А.М. Григорьев, В.И. Глунин, К.В. Шевелев, А.И. Каргунова, И.Н. Сотникова, Н.И. Мельникова, профессора Свободного университета Берлина Го Хэньюй и М. Лейтнер, профессор Берлинского университета им. Гумбольдта Р. Фельбер. Публикация этих документов позволила прояснить немало неясных моментов из истории китайской революции, антияпонской войны китайского народа, истории советско-китайских отношений и международных отношений на Дальнем Востоке в целом. Заметным явлением в обобщении итогов «смутного» двадцатилетия стал выход монографии Б.Т. Кулика «Советско-китайский раскол: причины и последствия»³⁵. В опубликованном в 2013 г. коллективном труде А.И. Денисова, Е.П. Бажанова, А.В. Лукина, А.В. Иванова, В.Л. Ларина, Г.Н. Романова, В.Г. Дацышена, А.А. Писарева, Н.А. Самойлова сделана попытка очертить основные направления и проблемы 400-летней истории отношений России и Китая³⁶.

С начала 80-х гг. прошлого столетия начался невиданный подъем Китая, связанный с проведением политики реформ и открытости. Российскими учеными-китаеведами опубликованы сотни монографий, статей и научных докладов, посвященных изучению различных аспектов развития Китая. Издано свыше 100 трудов, которые охватывают различные аспекты опыта китайских реформ и политики открытости, в том числе цикл трудов о партийно-политической системе и праве КНР, о развитии китайской промышленности, сельского хозяйства, транспорта, о правовом обеспечении политики реформ и инвестиционном климате, о месте и влиянии китайской экономики в мировой экономике. Весомый вклад в разработку этого направления китаеведения внесли А.В. Островский, В.Я. Портяков, В.И. Шабалин, Э.П. Пивоварова, Л.И. Кондрашова, Г.Д. Сухарчук, В.Г. Гельбрас, В.И. Потапов, В.В. Карлусов, М.В. Александрова, Л.Д. Бони, Л.П. Делюсин, З.А. Муромцева, Л.А. Волкова, Л.М. Гудошников, Н.Л. Мамаева, Г.А. Ганшин, А.В. Виноградов, Л.В. Новоселова и другие.

Углубленное изучение культурного наследия Китая, новая волна которого возникла в начале 1970-х гг., показало важное значение для понимания всех сторон жизни Китая и его громадного населения традиций китайской философии. В ней скрыта постоянно действующая методологическая программа, определяющая образ мышления и выбор системы ценностей, самоидентификацию и матрицу практических действий всех принадлежащих к китайской цивилизации субъектов.

Такое понимание стало стимулом для расширения сферы изучения китайской философии и духовной цивилизации. В Москве, Ленинграде/Санкт-Петербурге, Улан-Удэ, Владивостоке появились творческие группы китаеведов, которые в сравнительно короткий срок выпустили целый ряд фундаментальных работ китайских мыслителей и много-томных обобщающих трудов о китайской духовной культуре.

Публикации китаеведов А.В. Ломанова, А.Е. Лукьянова, Л.С. Переломова, А.И. Кобзева, А.Б. Старостиной, Е.А. Торчинова, Г.А. Ткаченко, И.И. Семененко, М.Л. Титаренко, С.Р. Белоусова, Л.Н. Борох, В.С. Спирина, Н.В. Абаева, В.Ф. Феоктистова, В.В. Малявина, В.Г. Бутова, Л.Е. Янгутова, А.М. Карапетянца, С.М. Аникеевой, Л.С. Васильева, В.Е. Еремеева, М.Е. Кравцовой, Д.Н. Воскресенского, О.Л. Фишман, А.С. Мартынова, Ю.Л. Кроля, Л.Н. Меньшикова, Б.Г. Доронина и других сформировали огромную много-томную библиотеку китайской классической и современной философии, художественной, исторической, медицинской, экономической, военной литературы. Сюда входят академические переводы канонов конфуцианской премудрости, многочисленные переводы даосских мудрецов Лао-цзы и Чжуан-цзы, трудов Мо Ди, легистов Шан Яна и Хань Фэйцзы, памятников философии эпох Хань, Тан, Сун, Мин и Цин, исследований трудов

известных философов XX в. – Фэн Юланя, Лян Шумина, Ху Ши, Ян Сяньчжэня. Впервые изданы многие памятники буддийской философии. Многопланово исследованы идеи Мао Цзэдуна, теория Дэн Сяопина и идеология современных лидеров КНР.

В 1990 г. в ИДВ РАН был создан авторский коллектив по подготовке уникального труда – энциклопедического словаря «Китайская философия»³⁷, который вышел в свет в 1994 г. Этот же коллектив стал костяком более широкого круга авторов, которые в течение 15 лет завершили написание и издание уникальной шеститомной энциклопедии «Духовная культура Китая»³⁸. Издательская фирма «Восточная литература» под руководством китаеведа С.М. Анисимовой в сотрудничестве с И.И. Меланьиним осуществила высокохудожественное и яркое оформление и макетирование всех томов энциклопедии на высочайшем профессиональном уровне.

Историзм, бережное, как правило, сохранение всего доброго, что накоплено предшествующими поколениями, принцип «отбрасывать устаревшее и выдвигать новое» (*туй чэнь чу синь*), уважительное отношение к своей истории – это характерные особенности китайского национального самосознания. В новой и новейшей истории Китая было лишь два значительных отступления от этой традиции – в ходе общенациональной смуты во время восстания ихэтуаней (1900–1901 гг.) и в период 10-летней «культурной революции» (1966–1976 гг.). Поэтому не случайно историческое направление и многочисленные исторические школы стали возникать и развиваться фактически с самого зарождения отечественной китаистики, начиная с трудов Н.Я. Бичурина, С.М. Георгиевского, К.А. Скачкова, В.П. Васильева.

Подлинный расцвет историческое направление отечественного китаеведения получило с 40-х гг. XX столетия. Это связано с тем большим вниманием и сочувствием, с которым следила общественность нашей страны за героическим сопротивлением китайского народа японской агрессии, начавшейся в 1931 г. с захвата Маньчжурии; в 1937 г. милитаристская Япония фактически положила начало Второй мировой войне, развернув массированную агрессию против Китая и стран Юго-Восточной Азии. В эти годы формируется отечественная школа всеобщей и новейшей истории Китая (Л.И. Думан, К.А. Харнский).

Послевоенные десятилетия стали периодом расцвета и широкомасштабного развертывания изучения всеобщей истории Китая, углубленного исследования различных эпох истории нашего соседа. Л.И. Думан, С.Л. Тихвинский, Г.Н. Войтинский, Г.Б. Эренбург, М.Ф. Юрьев, О.Е. Непомнин, В.Н. Никифоров, Л.С. Переломов, Р.Ф. Итс, Г.В. Астафьев, Л.А. Березный, Г.В. Ефимов, Л.В. Симоновская, Ю.В. Чудодеев, А.Н. Хохлов и др. открывают целый ряд новых направлений изучения всеобщей истории Китая. С.Л. Тихвинский, В.И. Глунин, А.М. Григорьев, А.И. Картунова, М.Ф. Юрьев, Е.Ф. Ковалев, Р.М. Асланов, Н.Л. Мамаева формируют новое направление в новейшей истории Китая – изучение политической истории Китая, начиная с конца XIX в. Выходит целая серия монографий и статей, посвященных Кан Ювэю, Тан Сытуну, Сунь Ятсену, политическим партиям ГМД и КПК. Глубокое развитие получает изучение истории КПК и возглавляемой ею китайской революции, антияпонской войны.

Крупным событием в развитии отечественного китаеведения стал выход двух фундаментальных трудов П.Е. Скачкова – всеохватывающей «Библиографии Китая» и глубоких по своим обобщениям и точности фактов «Очерков истории русского китаеведения»³⁹.

С начала 1960-х гг. ученые ИДВ и ИВ АН СССР развертывают широкомасштабные исследования по истории российско-китайских отношений, истории формирования границы между нашими странами. Под руководством С.Л. Тихвинского, В.С. Мясникова, Р.А. Миrowsкой, А.С. Ипатовой, Г.И. Саркисовой, И.Т. Мороз и других начинается издание документов по истории взаимоотношений Китая и России начиная с XVII в. М.И. Сладковский, Г.В. Астафьев, А.М. Дубинский, М.С. Капица, В.А. Кривцов, О.Б. Рахманин, В.С. Кузнецов выпустили ряд трудов по истории внешней политики Китая и его взаимоотношений с ведущими державами мира.

Китаеведы С.Л. Тихвинский, М.И. Сладковский, Ю.М. Галенович, В.Н. Усов, М.С. Капица, А.М. Григорьев, К.В. Шевелев, Р.М. Асланов, Б.Г. Доронин, Ф.Б. Белелюбский, В.П. Илющечкин, Г.А. Степанова, Л.П. Делюсин, А.В. Меликсетов, Р.А. Мировицкая, А.С. Ипатова, А.М. Ледовский, Л.С. Кюзаджан и другие были авторами или принимали участие в написании обобщающих работ по истории Китая, включая труды о важнейших внутренних событиях Китая – периодах «большого скачка», «культурной революции», оказавших серьезное влияние на восприятие Китая во внешнем мире.

Во второй половине прошлого столетия в рамках исторического направления получают развитие школы археологических и этнологических, экологических исследований, школа изучения религии в Китае, школы изучения китайского правоведения, китайских традиций, образования, кинематографической культуры КНР, Тайваня и Гонконга. Первопроходцами в наше время в деле изучения китайской археологии выступили А.П. Окладников, М.В. Крюков и С.Р. Кучера. Изучение истории формирования этнического состава Китая вели Н.Н. Чебоксаров, А.М. Решетов, Т.Р. Рахимов, А.А. Москалев, В.С. Таскин.

Изучение религий и верований Китая начал обладавший энциклопедическими познаниями Н.Я. Бичурин, продолжили и углубили эти исследования в XIX веке В.П. Васильев и С.М. Георгиевский. В наше время это направление обогатили своими трудами Е.А. Торчинов, Л.С. Васильев, С.А. Горбунова, Н.В. Абаев, Л.Е. Янгутов, В.В. Малявин, А.А. Маслов, В.С. Кузнецов, К.М. Тертицкий.

Начало изучению китайского правоведения положили Н.Я. Бичурин и С.М. Георгиевский, в последующие столетия эта проблематика мало интересовала отечественных китаеведов. Лишь в годы правового беспредела «культурной революции» проф. Л.М. Гудошников создал в ИДВ группу по изучению китайского права. По его инициативе были переведены и изданы основные законодательные акты КНР по правовому урегулированию вопросов, порожденных периодом «культурной революции», а также определившие правовые основы политики реформ и открытости, обеспечившей феноменальный культурно-экономический подъем Китая и превращение его во вторую экономическую державу мира. Серьезный вклад в изучение истории права в Китае внесли труды Е.И. Кычанова, Н.П. Свистуновой, В.М. Рыбакова.

Пионером исследований системы образования в Китае стала сотрудник ИДВ РАН Н.Е. Боревская. Исследования китайской кинематографической культуры Китая, Тайваня, Гонконга начал вести в ИДВ РАН С.А. Торопцев.

В России с начала XX в. сложилась богатая школа изучения китайского искусства и ремесел. Основоположником изучения китайской живописи, народного лубка выступил в России академик В.М. Алексеев. Заложенные им традиции в области изучения китайской живописи, каллиграфии и народного лубка продолжили Б.Л. Рифтин, М.Л. Рудова (Пчелина), Н.А. Виноградова, Э.П. Стужина, Е.В. Завадская (Виноградова), О.Н. Глухарева, С.М. Кочетова, И.Ф. Муриан, Т.А. Пострелова, В.Г. Белозерова. Изучение китайской культуры быта и одежды, садовой культуры вели Л.П. Сычев, В.Л. Сычев, Н.С. Сычева.

КИТАЙ И РУССКАЯ КУЛЬТУРА: ПОЗНАВАЯ МУДРОСТЬ НАРОДОВ

Среди главных особенностей китайской культуры выделяются уважение к истории, историзм в подходе к решению любых серьезных проблем. В Китае нет слишком большого разрыва между прошлым, настоящим и будущим. Российские синологи обратили внимание, что исторический подход характерен также для формирования русской культуры и российской

цивилизации. Примеров такой близости и переключки далекого прошлого с современностью можно привести множество. Для иллюстрации этого положения приведем пример своеобразного диалога через тысячелетия гениев китайской цивилизации Конфуция и Лао-цзы с одной стороны и гениев русской культуры А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого – с другой.

Труды Н.Я. Бичурина и талантливых исследователей светских членов Российской духовной миссии в Пекине, а затем сотрудников китаеведческих центров в университетах Санкт-Петербурга, Москвы и Казани создали уже в XIX в. мощную платформу для изучения китайской цивилизации в России. Синология стала предметом глубокого философского осмысления и влиятельным духовным компонентом благодаря тому, что самые выдающиеся представители русской культуры того времени – А.С. Пушкин, Н.Г. Чернышевский, Ф.И. Достоевский и Л.Н. Толстой – сделали китайские культурно-философские принципы важным строительным материалом русской культуры и политики.

Наиболее наглядно это можно проследить на примере отношения двух великих представителей русской культуры – Александра Сергеевича Пушкина и Льва Николаевича Толстого – к китайской философии, восточной мудрости и морально-этическим достижениям нашего восточного соседа. Они стали первыми, кто обратился к лучшим образцам философских достижений китайцев для того, чтобы понять и оценить то, что достойно изучения, осмысления и освоения русской культурой.

Учения китайских мудрецов стали известны в России задолго до того, как в Китае смогли познакомиться с поэзией А.С. Пушкина и произведениями величайшего писателя и моралиста Л.Н. Толстого. Образцы китайской философии пришли в Россию в конце XVIII – начале XIX в. Знакомство же китайцев с русской культурой, в том числе с литературой, началось лишь в XX в. В XIX в. китайские власти проводили жесткий курс закрытости от влияния достижений культуры и науки других народов. В России же, напротив, происходил процесс активного освоения культурных достижений европейской и азиатской цивилизаций.

Лучшие умы нашей страны не могли пройти мимо и не вобрать ставшие к началу XIX в. доступными в России лучшие образцы китайской философской мысли, китайского миропонимания и этических учений. Не случайно многие российские китаеведы с огромным энтузиазмом исследовали влияние китайской философии на творчество великих русских поэтов и прозаиков, в том числе А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого.

А.С. Пушкин очень тщательно и неформально работал над образами своих героев. Изучение рукописей и черновиков поэта выявляет большое количество интереснейших деталей. Так, создавая образ Онегина, человека образованного и думающего, А.С. Пушкин намеревался ввести в текст своего романа «Евгений Онегин» некоторые ценностные ориентиры Конфуция. Российские китаеведы обнаружили интересные наброски в черновиках первой главы поэмы, которые были написаны в Одессе не позже 1823 г. Среди зачеркнутых стихов они нашли такие:

(Конфуций) мудрец Китая
Нас учит юность уважать –
От заблуждений охраняя
Не торопиться осуждать
Она одна дает надежды
Надежду может...⁴⁰

Далее текст обрывается. Этот черновой набросок, к сожалению, не получил развития, но он явственно говорит о том, что идеи Конфуция витали в творческой лаборатории А.С. Пушкина. В полученных от знакомства с трудами Н.Я. Бичурина знаниях о Китае, гениальный поэт уловил наличие некой общности между русским и китайским пониманием нравственных ценностей.

7 января 1830 г. А.С. Пушкин обратился с письмом к начальнику Третьего отделения графу А.Х. Бенкендорфу с просьбой разрешить совершить поездку в Китай. Поэт просил дозволения посетить Китай с миссией, которая туда отправлялась. Просимого разрешения А.С. Пушкин не получил.

Роль А.С. Пушкина в межкультурном диалоге России и Китая в наше время получила признание в действиях представителей русской и китайской общественности. На скромной шанхайской улице Юэляньлу (название переводится как «улица Лунного света»), на высоком гранитном постаменте в 1928 г. был установлен бюст Александра Сергеевича Пушкина. Это единственный в Китае и первый во всей Азии памятник великому русскому поэту.

Ярким подтверждением актуальности роли А.С. Пушкина в межкультурном диалоге русской и китайской культур является и то, что празднование 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина в Китае в 1999 году обрело поистине общенациональный характер. Китайские издательства выпустили несколько вариантов переводов полного собрания сочинений А.С. Пушкина, не говоря уже о различных изданиях избранных сочинений. Это невиданное явление в издательской практике. Одновременно китайское телевидение, а также драматические и музыкальные театры поставили и показали зрителям все драматические произведения Пушкина и музыкальные произведения русских композиторов на стихи и произведения А.С. Пушкина.

Видный китайский поэт и общественный деятель Чэнь Хаосу к юбилею А.С. Пушкина выпустил в КНР двухтомник стихов А.С. Пушкина и других русских поэтов в параллельном расположении со стихами китайских поэтов на сходные поэтические мотивы.

Российское китаеведение обратило внимание и на взаимосвязь гигантского творческого потенциала Л.Н. Толстого с китайской философией. По мнению отечественных синологов, Л.Н. Толстому было легче, чем великому русскому поэту, потому что к середине XIX в. появился ряд переводов китайской классики. Уникальная любознательность, невероятное трудолюбие, глубина интеллекта открыли Толстому великие моральные ценности древнекитайских мудрецов.

В «Изложении китайского учения Конфуция» Л.Н. Толстой отмечал: «Сущность китайского учения такая: истинное (великое) учение научает людей высшему добру – обновлению людей и пребыванию в этом состоянии. Чтобы обладать высшим благом, нужно: 1) чтобы было благоустройство во всем народе. Для того чтобы было благоустройство во всем народе, нужно 2) чтобы было благоустройство в семье. Для того чтобы было благоустройство в семье, нужно 3) чтобы было благоустройство в самом себе. Для того чтобы было благоустройство в самом себе, нужно 4) чтобы сердце было чисто, исправлено, нужны 5) правдивость, сознательность мысли. Для того чтобы была сознательность мысли, нужна 6) высшая степень знания. Для того чтобы была высшая степень знания, нужно 7) изучение самого себя»⁴¹.

Лев Толстой с юношеских лет внимательно относился к Китаю. В молодости он чуть не попал в Китай, случилось это в конце 1855 г. После участия в знаменитой обороне Севастополя Л.Н. Толстой решил оставить военную службу и заняться литературным трудом. В то время маньчжурское правительство империи Цин, столкнувшись с военной угрозой со стороны Англии, навязавшей Китаю «опиумную» войну, спешно вербовало за рубежом, в том числе в России, военных специалистов для обучения своей армии. Толстой, опытный офицер-артиллерист, в числе других получил приглашение на выгодных условиях отправиться офицером-инструктором в Китай. Однако он не собирался продолжать военную службу, а главное, его не прельщала та роль, которую возлагало на командироваемых офицеров правительство.

Террор англичан и их союзников в Китае в 1860-е гг. Толстой воспринимал как одно из уродств европейской цивилизации. На этом фоне его все сильнее увлекали альтернатив-

ные восточные ценности. В опубликованной в № 5 «Русского вестника» (1862 г.) статье «Прогресс и определение образования», Толстой пишет о том, что в России известен Китай, имеющий 200 миллионов жителей, опровергающий всю нашу теорию прогресса, и мы ни на минуту не сомневаемся, что прогресс есть общий закон всего человечества и что мы, верующие в прогресс, правы, а не верующие в него, виноваты, и с пушками и ружьями идем внушать китайцам идею прогресса. Конец 70-х и начало 80-х гг. XIX в. исследователи считают периодом перелома во взглядах и мировоззрении Толстого. В эти годы он все чаще и глубже обращался к мыслителям Востока, искал в их философии идеи, созвучные его собственным размышлениям о сущности жизни и призвании человека. В 1891 г., рассуждая о том, какие мыслители оказали на него наибольшее воздействие, Лев Николаевич в одном ряду с философами Запада назвал Конфуция, Мэн-цзы и Лао-цзы. «Мое хорошее нравственное состояние, – отмечает он в своем дневнике, – я приписываю чтению Конфуция и, главное, Лао-цзы»⁴².

Занимаясь философией Лао-цзы, Толстой одновременно уделял много внимания осмыслению учения Конфуция. Писателя волновали идеи, которые он пытался применить в собственном кодексе нравственности, объяснить смысл жизни и выработать критерии праведности. Ответы на волнующие его вопросы Л.Н. Толстой искал также в этических взглядах Конфуция, в его трактовке идей человеколюбия, долга, верности, роли нравственного самоконтроля, самосовершенствования, любви к учебе, почитания родителей, уважения старших и т.д.

В письме к В.Г. Черткову Толстой приводит следующее изречение китайской мудрости: «Возобновляй сам себя каждый день с начала, и опять с начала, и всегда с начала». «Мне это очень нравится», – прибавляет Толстой, приведя это изречение⁴³.

В конце февраля 1884 г. Толстой писал В.Г. Черткову: «Я сижу дома в жару, с сильнейшим насморком, и читаю Конфуция второй день. Трудно представить себе, что это за необычайная нравственная высота». Эти строчки относятся к книге «The life and teaching of Confucius»⁴⁴ («Жизнь и учение Конфуция») – первому тому труда британского протестантского миссионера, синолога и переводчика Джеймса Легга «The Chinese Classics»⁴⁵ («Китайские классики»). Через месяц он снова пишет Черткову об этой работе: «Очень много почерпнул хорошего, полезного и радостного для себя. Хочу поделиться с другими»⁴⁶.

В 1886 г. Л.Н. Толстой хотел написать рассказ, в котором собирался использовать рассуждения Конфуция о бесконечности познания, его сравнение поисков истины с течением воды. Сохранился набросок начала рассказа, который в рукописи имел название «Течение воды»: «Однажды ученики Конфуция застали его у реки. Учитель сидел на берегу и пристально смотрел на воду, как она бежала. Ученики удивились и спросили: “Учитель, какая польза смотреть на то, как текут воды? Это дело самое обыкновенное, оно всегда было и будет”»⁴⁷.

Конфуций сказал: «Вы правду говорите: это дело самое обыкновенное, оно всегда было и будет, и всякий понимает его. Но не всякий понимает то, как подобно течение воды учению. Я глядел на воду и думал об этом. Воды текут без остановки, текут они днем, текут они ночью, текут до тех пор, пока не сольются все вместе в большом океане. Так и истинное учение отцов, дедов и прадедов наших от начала мира текло без остановки до нас. Будем же и мы делать так, чтобы истинное учение текло дальше, будем делать так, чтобы передать его тем, которые будут жить после нас, чтобы и те по нашему примеру передали его своим потомкам, и так до конца веков»⁴⁸.

В 1900 г., когда в Китае шла война, Толстой укрепился в мысли об издании в России китайских философов. В его дневниковых записях выписки из Конфуция перемежаются с грустными размышлениями о разбое великих держав в Китае и раздумьями о судьбах человеческой цивилизации. 12 ноября 1900 г. Толстой заносит в дневник такую запись: «Ничего не пишу, занимаюсь Конфуцием и очень хорошо. Черпаю духовную силу. Хочу за-

писать, как я понимаю теперь «Великое учение» и «Учение середины». И далее: «Думал о трех статьях: 1) Письмо к китайцам, 2) о том же, что все – на убийстве, и 3) что у нас, quasi-христиан, нет никакой религии». Можно предположить, что эти статьи были задуманы в связи с нападением европейских держав на Китай для подавления «боксерского восстания». В своем обращении к китайскому народу, которое он тогда только обдумывал, Толстой объявил, что западный мир держится на убийстве и что у европейских христианских правительств нет и тени христианского человеколюбия⁴⁹.

В последующие годы Толстой продолжал поддерживать идею распространения учения Конфуция в России и во всем мире. В 1903 г. он поддержал намерение своего знакомого П.А. Буланже написать брошюру о Конфуции. Книга о Конфуции вышла в свет в издательстве «Посредник» под заглавием «Жизнь и учение Конфуция», и в нее была включена статья Толстого «Изложение китайского учения»⁵⁰. Лев Николаевич принял в подготовке её к изданию самое активное участие. Философия китайского мыслителя освещена в книге с позиции толстовства. Специалисты считают, что это ценный труд о великом философе древности⁵¹.

Лев Толстой воспринял конфуцианское «учение о середине» как моральный принцип и дал ему свое истолкование. Вот как он излагал сущность этого учения: «Внутреннее равновесие есть тот корень, из которого вытекают все добрые человеческие деяния: согласие же есть всемирный закон всех человеческих деяний. Только бы состояния равновесия и согласия существовали в людях – и счастливый порядок царствовал бы в мире, и все существа процветали бы»⁵².

Из сказанного выше следует, что учение Конфуция о среднем пути является нравственным критерием проявления человеколюбия – «жэнь» в поведении и во взаимоотношениях каждого отдельного человека и с другими людьми. По Толстому, линия середины есть нечто вроде этического компаса, который помогает индивидууму определить, находится ли он в состоянии морального равновесия, внутреннего согласия, необходимых, чтобы следовать по правильному пути. Отклонение от этой линии ведет к нарушениям во взаимоотношениях между людьми и обществом.

Очень созвучными мировоззрению Л.Н. Толстого оказались наставления Конфуция, обращенные к правителям. Великий писатель переписал в свой дневник изречение Конфуция о том, что правитель должен заботиться о своих подданных, об их нравственном воспитании и просвещении: «Управлять – значит исправлять. Если вы ведете народ правильно, кто посмеет жить неправильно?»⁵³

Обобщая это изречение, Толстой заметил: «Разумное объяснение власти и учение о ней китайское было для меня откровением... Власть может быть не насилие, когда она признается как нравственно и разумно высшее... Власть истинная не может быть основана ни на предании, ни на насилии...»⁵⁴

Толстой в полной мере воспринял важнейшее понятие в этике конфуцианства – «жэнь», т.е. человеколюбие, гуманность. Конфуций учил, что отношения между людьми в семье и в обществе должны определяться доверием друг к другу, благорасположением и доброжелательством, взаимной помощью. «Не делай другим того, чего не желаешь себе», – вот главная максима нравственного поведения людей по Конфуцию. Человек не должен делать зла другому. Вышестоящий не должен обижать и презирать стоящего ниже его. Делаящий другому зло оскверняет и унижает себя. Мир предназначен для человека, и ничто не должно омрачать его пребывание на земле. Человеколюбие – высший и всеобщий принцип повседневного поведения людей и правления страной на основе нравственных норм.

Цитируя эти изречения Конфуция и вкладывая в них свой смысл, вслед за Конфуцием Толстой утверждал, что процесс нравственного самосовершенствования человека и общества бесконечен. Человек, – считал Толстой, – никогда не может сказать, что он достиг идеала. Его нравственная обязанность – всю жизнь учиться и стремиться к идеалу.

Два великих представителя русской культуры, А.С. Пушкин и Л.Н. Толстой, своими подходами к изучению нравственной философии Конфуция и других древних китайских мудрецов создали великий пример подлинного творческого диалога цивилизаций России и Китая.

РОССИЙСКОЕ КИТАЕВЕДЕНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В постсоветский период унаследование и развитие давних традиций диалога российской и китайской цивилизаций способствовало росту в России глубокого интереса к китайской культуре и ее опыту духовного и физического совершенствования. Почти в 100 университетах и институтах России в последние годы созданы факультеты или отделения китайского языка. Возникло немало средних школ и лицеев, в которых изучают китайские оздоровительные системы цигун, тайцзицюань, кунфу и т.п.

В настоящее время в России функционирует более 20 крупных центров изучения современного Китая. Ведущим среди них является Институт Дальнего Востока РАН, в котором более 100 научных сотрудников-китаистов занимаются комплексным изучением истории, экономики, политики, культуры, философии Китая. За полвека своего существования Институт подготовил более 500 фундаментальных трудов о китайской культуре, истории, экономике, политике, философии.

Широкий размах научной работы и объективность отечественных китаеведов в 1980–1990-е гг. подготовили солидную и устойчивую философско-историческую и политико-экономическую платформу для полной нормализации советско/российско-китайских отношений. Делом политиков и дипломатов было воспользоваться рекомендациями научных кругов, чтобы извлечь уроки из контрпродуктивного двадцатилетнего противостояния и оживить славные традиции дружбы между нашими странами и народами.

К счастью, эти надежды сбылись.

На основании изучения 400-летней истории двусторонних отношений российские ученые, а вслед за ними политики и дипломаты пришли к выводу, что коренные национальные интересы России и Китая не противоречат друг другу, они часто совпадают или параллельны друг другу. Наши страны могут совместно развивать экономики, взаимно обогащать свою культуру, поддерживать друг друга на международной арене. Выход отношений России и Китая на уровень всеобъемлющего стратегического взаимодействия и доверительного партнерства создает условия для дальнейшего развития и подъема отечественного китаеведения с опорой на тесное сотрудничество ученых двух стран.

В России высоко ценят ту роль, которую играют китайские русисты в укреплении взаимопонимания между нашими странами. Российские ученые поддерживают отношения с китайскими исследовательскими институтами и университетами. Наше сотрудничество в научной сфере, следуя духу времени, переходит на новый этап осуществления крупных совместных проектов. Создан Российско-китайский центр изучения экономики и мировой политики на основе сотрудничества ИДВ РАН и Университета Цинхуа (содиректор с китайской стороны – профессор Ван Ци). Успешно функционирует совместный Центр по изучению приграничного сотрудничества между Россией и Китаем при Цзилиньском университете в г. Чанчунь (содиректор центра – профессор Чжу Сяньпин). Мы высоко ценим усилия русистов Сычуаньского университета иностранных языков, которые в 2010 г. провели первую международную научную конференцию «Российское китаеведение» и опубликовали по ее итогам сборник научных статей⁵⁵. Китайские коллеги в Сычуаньском университете взяли на себя организацию перевода шеститомной энциклопедии «Духовная культура Китая».

Изучение Китая в России и изучение России в Китае – это два синергически влияющих друг на друга процесса, которые служат углублению взаимопонимания и взаимовыгодного сотрудничества между нашими народами и странами.

Народы России и Китая в течение нескольких столетий искали взаимоприемлемые основы и взаимовыигрышные нормы мирного сосуществования, платформу сотрудничества, добрососедства и дружеского взаимодействия. В этой многовековой истории были, к сожалению, драматические периоды и «горькие страницы». Но они не были главной ведущей тенденцией. Изучение Китая российскими китаеводами создает прочную базу для формирования отношений всеобъемлющего доверительного партнерства между нашими странами, для поддержания конструктивного межцивилизационного диалога. Интерес к современному Китаю в России в значительной мере связан с тем, что наши страны объединяет общность или близость стратегических интересов. И Россия, и Китай идут по пути модернизации и подъема. Эту общность интересов хорошо охарактеризовал президент России В.В. Путин, который заявил, что задача России – поймать «китайский ветер» в «паруса» российской экономики, с тем чтобы стимулировать всестороннюю модернизацию нашей страны. «Главная же моя мысль, – подчеркнул В.В. Путин, – процветающий и стабильный Китай нужен России, и, в свою очередь, Китаю, уверен, нужна сильная и успешная Россия»⁵⁶.

Одна из задач, стоящих перед российским китаеведением, состоит в том, чтобы сделать знание истории Китая и его традиций основой для понимания опыта реформ, проводимых в КНР, китайской политики мирного развития и возвышения. Наши исследования показали, что развивающаяся российская евразийская идентичность во многом близка к конфуцианским подходам культурного развития. Углубленное изучение специфики и духовной истории Китая помогло продемонстрировать важное значение для истории развития китайской культуры тезиса о «гармонии без навязывания единства» (*хэ эр бу тун*), а также диалектики развития «слияния двух различий в единое» (*хэ эр эр и*) и «раздвоения единого» (*и фэнь взэй эр*).

Российские китаеведы своими исследованиями стремятся создать максимально благоприятные предпосылки для укрепления взаимопонимания и доверия между нашими народами. В связи с этим ученым нередко доводилось оказываться под серьезным давлением со стороны общественного мнения. Это происходило в 1990-е гг., когда в России получили широкое распространение необоснованные страхи по поводу китайской миграции, прогнозы неизбежности «распада» или даже «краха» Китая, концепция мифической «китайской угрозы». Российские ученые в своих исследованиях объективно и с опорой на факты показывали несостоятельность этих утверждений.

Отечественные исследователи составили собственные прогнозы, которые были основаны на позитивной оценке перспективы длительного устойчивого роста китайской экономики, а также на признании заинтересованности Китая в проведении политики мира и добрососедства. В опубликованном в 2006 г. труде Б.Н. Кузика и М.Л. Титаренко «Китай – Россия 2050: стратегия соразвития»⁵⁷ показана общность интересов и стремление России и Китая к построению справедливого общества на основе стратегии сотрудничества и развития.

Разработки российских китаеведов служат полезным подспорьем и научной основой поиска эффективных политических решений по вопросам перспектив российско-китайского стратегического партнерства, определения рамок взаимовыгодного сотрудничества в деле подъема Сибири и Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. В России с глубоким вниманием изучают опыт современной китайской политики реформ и открытости. Среди российских китаеведов существуют различные точки зрения. Однако доминирующей остается мысль о ценности китайского опыта и его большом междунациональном значении.

Примечания

- ¹ Сань цзы цзин (Канон трех иероглифов). СПб., 1779 (пер. А.Л. Леонтьева); Сань-цзы-цзинь, или Троеслобие. СПб., 1829 (пер. Иакинфа – Н.Я. Бичурина).
- ² *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. С. 93, 312, 416.
- ³ *Кафаров П.И. (Палладий).* Китайско-русский словарь. В 2 т. Пекин, 1888; *Попов П.С.* Русско-китайский словарь. СПб., 1879; Пекин, 1896; Токио, 1900.
- ⁴ *Васильев В.П.* Очерки истории китайской литературы. СПб., 1880.
- ⁵ *Попов П.С.* Китайский философ Мэн-цзы. СПб., 1904 (пер. с кит.); *Попов П.С.* Изречения Конфуция, учеников его и других лиц. СПб., 1910 (пер. с кит.); *Иванов А.И.* Материалы по китайской философии. Школа Фа. Хань Фэй-цзы. СПб., 1912.
- ⁶ *Георгиевский С.М.* Важность изучения Китая. СПб., 1890; *Георгиевский С.М.* Принципы жизни Китая. СПб., 1888.
- ⁷ *Лунь Юй.* Изречения Конфуция, учеников его и других лиц. СПб., 1910 (пер. с кит. В.М. Алексеева).
- ⁸ *Алексеев В.М.* Китайская поэма о поэте: стансы Сыкун Ту (837–908): пер. и исслед. (с прил. кит. текстов). Петроград, 1916.
- ⁹ *Алексеев В.М.* Китай. М.–Л., 1940.
- ¹⁰ Антология китайской лирики VII–IX вв. по Р. Хр. / Пер. в стихах Ю.К. Щуцкого, ред., вводные обобщения и предисл. В.М. Алексеева. М.–Пг., 1923.
- ¹¹ Шицзин (Книга песен и гимнов). М., 1-е изд. 1957, 2-е изд. 1987.
- ¹² *Рогов В.* Лу Синь. Подлинная история А-Кью / Пер. с кит. и послесл. Вл. Рогова. М., 1960.
- ¹³ *Федоренко Н.Т.* Цюй Юань: истоки и проблемы творчества. М., 1986.
- ¹⁴ *Петров А.А.* Ван Би (226–249): Из истории китайской философии // Тр. ИВ АН СССР. Т. 13. М.–Л., 1936.
- ¹⁵ Русско-китайские отношения в XVIII веке: материалы и документы. Т. 2: 1725–1727 / Отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. В.С. Мясников, сост.: Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников, А.И. Тарасова. М., 1990; Русско-китайские отношения в XVIII веке: материалы и документы. Т. 3: 1727–1729 / Отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. В.С. Мясников, сост.: Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников, А.И. Тарасова. М., 2006; Русско-китайские отношения в XVIII веке: документы и материалы. Т. 6: 1752–1765 / Отв. ред. С.Л. Тихвинский; ред. В.С. Мясников; сост.: В.С. Мясников, Г.И. Саркисова. М., 2011; Русско-китайские отношения в XIX веке: материалы и документы. Т. 1: 1803–1807 / Отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. В.С. Мясников, сост.: М.Б. Давыдова, И.Т. Мороз, В.С. Мясников, Н.Ю. Новгородская. М., 1995; Русско-китайские отношения в XX веке: документы и материалы. Т. 3: Советско-китайские отношения, сентябрь 1931 – сентябрь 1937 / Отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. В.С. Мясников, сост.: А.М. Ледовский, Р.А. Мировицкая, В.С. Мясников. М., 2010; Русско-китайские отношения в XX веке: документы и материалы. Т. 4: Советско-китайские отношения, 1937–1945. Кн. 1 / Отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. В.С. Мясников, сост.: А.М. Ледовский, Р.А. Мировицкая, В.С. Мясников. М., 2000; Русско-китайские отношения в XX веке: документы и материалы. Т. 5. Советско-китайские отношения. 1946 – февраль 1950. Кн. 1, 2 / Отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. В.С. Мясников, сост.: А.М. Ледовский, Р.А. Мировицкая, В.С. Мясников. М., 2006; Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916 / Под общ. ред. В.С. Мясникова, сост.: И.Т. Мороз, В.С. Мясников. М., 2006.
- ¹⁶ *Сладковский М.И.* Очерки развития внешнеэкономических отношений Китая. М., 1953; Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М., 1957; Китай – основные проблемы истории, экономики, идеологии. М., 1978; История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974.
- ¹⁷ *Ванин В.И.* Государственный капитализм в КНР. М., 1974.
- ¹⁸ Вековой путь Китая к прогрессу и модернизации: К 100-летию Синьхайской революции. XIX МНК ККЦиМ. М., 19–21 окт. 2011 г.
- ¹⁹ Древнекитайская философия. Собрание текстов. В 2 т. Сер.: Философское наследие / Сост. Ян Хиншуна, вступ. ст. В.Г. Бурова, М.Л. Титаренко. М., 1972.
- ²⁰ Древнекитайская философия: Эпоха Хань. М., 1990.

- ²¹ *Сунь Ятсен*. Избранные произведения. М., 1985.
- ²² Избранные произведения прогрессивных китайских мыслителей Нового времени. (1840–1898). М., 1961.
- ²³ Книга правителя области Шан / Пер., вступ. ст. и коммент. Л.С. Переломова. М., 1968.
- ²⁴ *Позднеева Л.Д.* Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая: Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы (VI–IV вв. до н.э.). М., 1967.
- ²⁵ Философы из Хуайнани: Хуайнаньцзы. М., 2004.
- ²⁶ *Ткаченко Г.А.* Космос, музыка, ритуал. Миф и эстетика в «Люйши чунью». М., 1990.
- ²⁷ *Гусаров В.Ф.* Некоторые положения теории пути Хань Юя. М., 1977.
- ²⁸ Большой китайско-русский словарь по русской графической системе. В 4 т. М., 1983–1984.
- ²⁹ *Юань Кэ*. Мифы древнего Китая. 1-е изд.: М., 1965; 2-е изд.: М., 1987 / Пер. с кит. Е.И. Лубо-Лесниченко, Е.В. Пузицкого и В.Ф. Сорокина, послесл. Б.Л. Рифтина.
- ³⁰ *Сыма Цянь*. Исторические записки. В 9 т. М., Т. 1. 1972 (2001); Т. 2. 1975 (2003); Т. 3. 1984; Т. 4. 1986; Т. 5. 1987; Т. 6. 1992; Т. 7. 1996; Т. 8. 2002; Т. 9. 2010.
- ³¹ *Тихвинский С.* Китай и всемирная история. М., 1987; *Тихвинский С.Л.* Путь Китая к объединению и независимости. 1898–1949. По материалам биографии Чжоу Эньлая. М., 1996; *Тихвинский С.Л.* Век стремительных перемен: сб. ст. М., 2005.
- ³² *Тихвинский С.Л.* Избр. произв. В 5 кн. М., 2006; *Тихвинский С.Л.* Избр. произв. Кн. 6. Дополнительная. М., 2012.
- ³³ История Китая с древнейших времен до начала XXI в. Т. II: Эпоха Чжаньго, Цинь и Хань (V в. до н.э. – III в. н.э.). М., 2013; Т. VII: Китайская Республика (1912–1949). М., 2013.
- ³⁴ ВКП(б), Коминтерн и Китай. М., 1994–2007.
- ³⁵ *Кулик Б.Т.* Советско-китайский раскол: причины и последствия. М., 2000.
- ³⁶ Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А.В. Лукина М., 2013.
- ³⁷ Китайская философия. Энциклопедический словарь. М., 1994.
- ³⁸ Духовная культура Китая: Энциклопедия. В 5 т. М., 2006–2010.
- ³⁹ *Скачков П.Е.* Библиография Китая. М., 1960; *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.
- ⁴⁰ *Переломов Л.С.* Конфуций и конфуцианство с древности по настоящее время (V в. до н.э. – XXI в.). М., 2009. С. 519.
- ⁴¹ Цит. по: *Переломов Л.С.* Слово Конфуция. М., 1992. С. 4–5.
- ⁴² *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. В 90 т. М., 1928–1958. Т. 49. С. 68.
- ⁴³ Там же. Т. 85. С. 39.
- ⁴⁴ *Legge J.* The life and teaching of Confucius. N. Trübner, 1887.
- ⁴⁵ *Legge J.* The Chinese Classics: with a Translation, Critical and Exegetical Notes, Prolegomena and Copious Indexes. In 5 vol. Hong Kong, 1960.
- ⁴⁶ *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. В 90 т. Т. 85. С. 33.
- ⁴⁷ Там же. Т. 26. С. 119.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ См.: *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. 90 т. Т. 54. С. 54.
- ⁵⁰ *Толстой Л.Н.* Изложение китайского учения // *Буланже П.* Жизнь и учение Конфуция. М., 1903.
- ⁵¹ *Шифман А.И.* Лев Толстой и Восток. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1971.
- ⁵² *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. В 90 т. Т. 54. С. 57–58.
- ⁵³ Там же. Т. 49. С. 63.
- ⁵⁴ Там же. С. 70–71; *Шифман А.* Лев Толстой и Восток. М., 1960. С. 78.
- ⁵⁵ Элосы чжунгосюэ (Российское китаеведение) / Под ред. Ли Сяотао, Се Чжоу. Чунцин, 2011.
- ⁵⁶ Россия и меняющийся мир. Статья Владимира Путина в «Московских новостях». 27 февраля 2012 г.
- ⁵⁷ *Кузык Б.Н., Титаренко М.Л.* Китай – Россия 2050: стратегия соразвития. М., 2006.

ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ СЕРИЙ И КРУПНЫХ СБОРНИКОВ ДОКУМЕНТОВ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КИТАЯ В РОССИИ 1990-х – НАЧАЛА 2000-х гг.

По количеству и формам исследования изучение истории Китая можно рассматривать в качестве одного из самых масштабных направлений китаеведения, а создание новой источниковедческой базы и ее внедрение в научный процесс – как специфику нового этапа в изучении истории Китая. Две серии документов – «Русско-китайские отношения» в VII–XX вв. и «ВКП(б), Коминтерн и Китай» – представляют собою большую ценность, ибо формируют базу для объективного видения исторических событий внутренней и внешней политики и Китая, и России – двух государств, судьбы которых тесно связаны между собой. Опубликованные документальные сборники демонстрируют также тесную связь между внутренним положением в Китае и его внешней политикой, поднимают на новый уровень изучение российско-китайских отношений, а также роли Китая в системе международных отношений. Необходимость более тщательного и научно обоснованного изучения истории Китая и российско-китайских отношений отражает не только требования времени, изменившуюся внутри- и внешнеполитическую обстановку в обоих государствах, но и новую геополитическую ситуацию в мире.

Документальная серия

«РУССКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVII–XX ВВ.» – ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ

Одним из важнейших направлений российского китаеведения было и остается изучение российско-китайских отношений, причем фундаментальные исследования в этой области, как и российское китаеведение в целом, всегда были теснейшим образом связаны с практическими интересами российской дипломатии, национально-государственными интересами России на разных исторических этапах. Известный отечественный китаевед и специалист в области российского китаеведения П.Е. Скачков писал по этому поводу: «Отличительной чертой китаеведения по сравнению с некоторыми другими востоковедческими дисциплинами являлась его связь с практическими нуждами внешней политики

Российской империи и торговли с Китаем. Эта прикладная сторона, в свою очередь, способствовала развитию отечественного китаеведения как научной дисциплины...»¹ На разных исторических этапах цели и задачи, ставившиеся перед российским китаеведением практикой двусторонних отношений, были разные, но неизменным принципом исследований всегда оставался принцип опоры на источники.

С начала XVII столетия, когда еще в минский Китай в 1618 г. прибыла экспедиция Ивана Петлина, Россия и Китай начали писать историю межгосударственных отношений. Их становление отличалось рядом особенностей, связанных как с географическим положением, так и с этнокультурными различиями русского и китайского народов. Между двумя государствами простирались огромные территории, ставшие некоей контактной зоной между двумя цивилизациями. По мере освоения этих территорий обеими сторонами шел процесс формирования межгосударственной границы. При этом российско-китайская граница формировалась исключительно мирным путем, путем дипломатических переговоров, что является уникальным историческим опытом. Что касается этнокультурных различий, то они наложили отпечаток на весь процесс построения межгосударственных отношений между Россией и Китаем². Определяющим фактором были различные модели концепции построения внешних связей: российская модель отношений – это отношения между равными державами, китайская модель в XVII–XIX вв. – китаецентристская, предполагавшая формирование вертикальных связей в международных отношениях, связей от низшего субъекта к высшему³.

Итак, после установления в Китае маньчжурской династии Цин, с одной стороны, и выхода в середине XVII в. российского казачества на Амур – с другой, сложились предпосылки для формирования официальных отношений между двумя странами. С этого времени государства-соседи обменивались посольствами, формировали границу, путем переговоров решали различные проблемы двусторонних отношений. За почти четыре века взаимных контактов источников по российско-китайским отношениям накопилось множество, и их доступность для исследователей и работавших в практической сфере дипломатов всегда была актуальна. Как отмечалось, например, в предисловии к сборнику договоров России с Китаем, изданному МИД России в 1889 г., «...издание было предпринято с целью одновременно удовлетворить как потребности нашей пограничной администрации и дипломатического представительства, так и справедливым желанием специалистов, труды коих по изучению Китая должны все более и более интересоваться русское общество ввиду постоянного развития сношений наших с этой страной»⁴.

С этой целью неоднократно предпринимались издания сборников документов и материалов по истории двусторонних отношений. Первым из таких изданий был труд Н.Н. Бантыш-Каменского «Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год...»⁵. XIX вв. ознаменовался изданием нескольких документальных сборников по истории российско-китайских отношений⁶, что было связано с активизацией процесса формирования договорно-правовой базы межгосударственных связей. Однако эти сборники не были полными: в них помещались тексты не всех договорно-правовых актов, часть текстов публиковалась с сокращениями, документы не были снабжены легендами, допущены некоторые неточности. Кроме того, за исключением упомянутого выше «Сборника договоров России с Китаем. 1689–1881 гг.»⁷, публиковались только тексты документов на русском и других европейских языках, тексты на маньчжурском, китайском и монгольском языках не публиковались.

Учеными Института китаеведения АН СССР, созданного в 1956 г., была продолжена работа по публикации документов по истории отношений между двумя странами, включая и советский период. Был подготовлен и опубликован сборник документов и материалов, в котором составители учли и исправили недостатки, присущие предыдущим изданиям⁸. Однако в силу определенных обстоятельств в него не вошли некоторые договорно-право-

вые акты. К тому же в 1960 г. институт был закрыт, и дальнейшая разработка этого направления была приостановлена вплоть до 1966 г.⁹, когда было принято решение о воссоздании в рамках Академии наук СССР китаеведческого центра для проведения комплексных исследований советско-китайских отношений и проблем современного Китая – Института Дальнего Востока АН СССР/РАН.

С самого начала исследование истории взаимоотношений между Россией и Китаем стало в институте одним из приоритетных направлений. Потребности государства в научном обеспечении китайской и дальневосточной политики СССР, обусловленные обострением трений между двумя государствами в середине 1960-х гг., а в дальнейшем, в 1980-х гг., – необходимостью поиска путей для скорейшего урегулирования затянувшегося конфликта, делали это направление еще более актуальным. В середине 1960-х гг. вопросы истории территориального размежевания Российской империи и Цинского Китая выдвинулись на передний план, что было вызвано начавшимися тогда переговорами о прохождении линии советско-китайской границы. Это объективно создавало благоприятные условия для активизации работы по подготовке к изданию фундаментальной серии документов и материалов по истории русско-китайских отношений в XVII–XX вв. Именно тогда были заложены основы для создания будущей многотомной документальной серии «Русско-китайские отношения в XVII–XX вв.», работа над которой по сей день продолжается в ИДВ РАН под руководством академика С.Л. Тихвинского (редактор всей серии – академик В.С. Мясников)¹⁰ совместно с Историко-архивным департаментом МИД РФ.

Как уже отмечалось выше, все предыдущие издания не были полными, что не позволяло воссоздать целостную картину и специфику взаимоотношений России и Китая в разные исторические периоды. При создании серии авторы ставили целью расширение источниковедческой базы двусторонних отношений, введение в научный оборот систематизированного комплекса архивных документов и материалов, наиболее полно отражающих тот или иной период развития двусторонних отношений в хронологической последовательности. Это уникальное по полноте охвата архивных материалов издание, представляющее интерес как для ученых-историков, так и для отечественных дипломатов, позволяет построить научно обоснованную аргументацию при решении территориально-пограничных или иных проблем.

В сборники включены не только документы, касающиеся основных событий в тот или иной период истории развития российско-китайских отношений, но и дипломатическая переписка, материалы, отражающие реакцию западноевропейских государств на происходившие события, в переводе с французского, голландского, латинского и других европейских языков, а также некоторые оригиналы и переводы документов с маньчжурского, китайского и монгольского языков. Хронологические рамки серии – история российско-китайских отношений с момента их возникновения в начале XVII в. до февраля 1950 г. Структурно вся серия поделена на века, и каждый том нумеруется в пределах столетия с указанием конкретных хронологических рамок. Материалы и документы в каждом томе также подобраны в хронологическом порядке, с тем чтобы отразить все особенности формирования двусторонних отношений в охватываемый период. Значительная часть документов публикуется впервые, часть документов – впервые в полном объеме или в нескольких вариантах и переводах с сохранением оригинальных особенностей текста. Все тома имеют единую структуру, снабжены историческим предисловием и археографическим введением, приложениями, терминологическим словарем, подробными комментариями, которые включают в том числе и некоторые документы, не вошедшие в основной блок, географическим и аннотированным именованным указателями.

Всего к настоящему времени в серии вышло 10 томов (два из них – в двух книгах), посвященных отдельным периодам истории российско-китайских отношений. В рамках одного столетия (XVII, XVIII, XIX вв.) тома выходят в основном в хронологической после-

довательности, в рамках всей серии – по мере готовности. Тома серии «Русско-китайские отношения в XX веке» выходят в обратном хронологическом порядке.

К началу 90-х гг. XX в. вышло три сборника документов: два тома по XVII в. и один по XVIII в. Том первой серии «Русско-китайские отношения в XVII веке» посвящен начальному периоду контактов Русского государства с Китаем и включает документы первых русских посольств в Китае, начиная с миссии И. Петлина и заканчивая посольством Н.Г. Спафария¹¹. Том второй целиком посвящен важнейшему событию в истории двусторонних отношений, а именно заключению Нерчинского договора – первого договора в истории российско-китайских отношений¹². Первый том по истории российско-китайских отношений в XVIII в. охватывает период с начала века до 1725 года¹³. Он посвящен таким важным событиям в истории двусторонних отношений, как первое китайское посольство к волжским калмыкам, проследовавшее через территорию России, решению вопроса о постоянном нахождении в Пекине Российской духовной миссии (РДМ), которая прибыла в китайскую столицу вместе с возвратившимся посольством, прибытию в Пекин посланника Петра I Л.В. Измайлова.

В 1990–2000-х гг. работа по созданию многотомной документальной серии продолжилась. Тома выходили по мере готовности, но в данной монографии мы будем соблюдать хронологическую последовательность в рамках каждого столетия.

Документы по истории российско-китайских отношений в XVIII в. сохранились значительно лучше, и их намного больше, что связано с активизацией контактов между Россией и Китаем. Процесс разграничения территорий после заключения Нерчинского договора шел мирным путем, путем переговоров.

Всего планируется издание семи томов по XVIII в. Один, как отмечалось, вышел в 1978 г. С начала 1990-х гг. и по настоящее время вышло в свет три тома, оставшиеся три находятся в процессе подготовки. В 1990-м г. вышел второй том серии «Русско-китайские отношения в XVIII веке»¹⁴, а в 2006 г. – третий¹⁵. Тома включают уникальные архивные материалы, посвященные заключению Кяхтинского договора – одного из важнейших в истории российско-китайских отношений. Во второй том вошли документы, освещающие начальный период деятельности российского посольства, возглавляемого виднейшим дипломатом той эпохи – чрезвычайным посланником и полномочным министром С.Л. Владиславичем-Рагузинским до момента его отъезда из Пекина (с июня 1725 г. по апрель 1727 г.). Третий том включает документы, отражающие второй этап деятельности посольства с момента отъезда из Пекина на границу и до возвращения в Москву 18 декабря 1728 г. Кроме того, в том включены документы, выходящие за хронологические рамки деятельности посольства (1729 г. – март 1741 г.). Это отчеты о работе посольства, заключении Буринского и Кяхтинского договоров, документы, касающиеся территориального размежевания двух государств, а также личности самого С.Л. Владиславича-Рагузинского. Архивные источники богаты и разнообразны, в основном хранятся в АВПРИ и РГАДА¹⁶. Составители проделали колоссальную работу по отбору и обработке наиболее интересных и значимых документов, посвященных этому важнейшему периоду в истории двусторонних отношений. Главной задачей России было заключение общего трактата, который определял бы условия политических и торговых взаимоотношений между двумя странами, в то время как главной целью Цинской империи было территориальное разграничение с Россией с целью закрепления своего присутствия в Халха-Монголии и укрепления, таким образом, своих северных границ. При этом китайская сторона ставила решение политических и экономических проблем в зависимость от решения территориального размежевания. В результате, хотя России и пришлось пойти на некоторые территориальные уступки¹⁷, тем не менее, как пишет в историческом предисловии к тому В.С. Мясников, русской дипломатии «удалось противопоставить территориальным запросам маньчжурских правителей Китая принцип «каждый владеет тем, чем владеет»

и успешно претворить его в жизнь»¹⁸. Важно отметить, что если Нерчинский договор лишь весьма условно намечал границу между Россией и Китаем, то после подписания 20 августа 1727 г. Буринского трактата¹⁹ по настоянию русской стороны была проведена демаркация границы так, что «рубежи в районе Халха-Монголии сразу же определялись и устанавливались в соответствии с общепринятыми к тому времени нормами международного права»²⁰. Кяхтинский договор, подписанный 21 октября 1727 г., устанавливал между «обеими империями мир крепчайший... и вечный»²¹. Договор был составлен на трех языках: русском, маньчжурском и латинском²². В томе публикуется русский текст договора. Буринский договор с учетом результатов проведенной демаркации границы вошел в договор в качестве Статьи 3. Кяхтинским договором регламентировалась торговля русских караванов в Пекине и в двух пунктах на границе, юридически оформлялось присутствие в Пекине (РДМ) и нахождение при ней учеников, что фактически положило начало российскому китаеведению. Чтобы разрешить вопрос о взаимном титуловании императоров при официальной переписке, договором было установлено, что переписка отныне должна вестись от имени российского Сената и тобольского губернатора, с одной стороны, и китайского Трибунала (Палаты) внешних сношений (Лифаньюань) и ургинских пограничных чиновников – с другой. Это было положительным фактором, так как давало возможность вести официальную переписку без предварительных дискуссий по поводу титулования, но в то же время это отражало межцивилизационные различия в восприятии сторонами смысла статей договора. Цинское правительство продолжало рассматривать Россию не как равного партнера в двусторонних отношениях, а как порубежное данническое государство, что, в частности, выражалось в том, что Сенат и Лифаньюань никак не соответствовали друг другу по своему месту в системе государственной власти. Китаецентристские тенденции нашли свое отражение и в других статьях договора. Так, по настоянию китайской стороны, РДМ и русские купцы рассматривались как «гости» богдыхана, находящиеся на территории Китая лишь по его милости. В целом договор на тот момент устраивал обе стороны и определял российско-китайские отношения вплоть до середины XIX в.

Четвертый том серии «Русско-китайские отношения в XVIII веке» (составители А.С. Ипатова и В.С. Мясников), еще находится в процессе подготовки. Он будет опубликован в двух книгах и содержать полный текст «Статейного списка» С.Л. Владиславича-Рагузинского, где он подробнейшим образом описал ход длившихся в течение трех лет сложных переговоров, предшествующих подписанию Кяхтинского договора, и связанные с этим события²³.

Пятый том, который также еще находится в работе, посвящен двум китайским посольствам, направленным в Россию в 30-х гг. XVIII в. – к русскому двору и к калмыцкому хану, состоявшему в подданстве России²⁴. Главной задачей, стоявшей перед китайским посольством Туши и входившим в его состав посольством к калмыцкому хану (1730–1731), было выяснить позицию России по отношению к войне Цинов с Джунгарией и по возможности заручиться поддержкой России. Второе посольство во главе с цинскими чиновниками высокого ранга Дэ Сином и Баньди было направлено в Россию в 1731 г. Это были первые в истории Китая официальные посольства в европейское государство, оба они побывали в Москве и Петербурге, были приняты императрицей Анной Иоанновной. Этот эпизод в истории двусторонних отношений слабо изучен в отечественной и мировой науке, документы, включенные в том, в большинстве своем ранее не публиковались²⁵.

В шестой том серии включены материалы и документы, посвященные двум российским миссиям в Китай – дипломатических курьеров В.Ф. Брагищева в 1757 г. и И.И. Кропотова в 1762–1763 гг.²⁶. К этому времени в двусторонних отношениях накопился ряд проблем, которые требовали своего решения. Цинская империя достигла пика своего могущества, успешно завершив военные походы против Джунгарии (1757) и Кашгарии (1759).

Однако после побега в Россию возглавлявшего антиманьчжурское восстание в Джунгарии Амурсаны в российско-китайских отношениях обострился конфликт по поводу перебежчиков, которых Россия принимала вопреки соответствующей статье Кяхтинского договора. Между тем российские земли все более расширялись на северо-восток от Якутска, русские постепенно осваивали Камчатку, Курильские и Шантарские острова. Были получены сведения о существовании Сахалина – большой земли, лежащей близ устья Амура. Благодаря успешной деятельности Второй Камчатской экспедиции Беринга (Великая Северная экспедиция) России стали известны пути в Японию и Америку.

К середине XVIII в. встал вопрос о снабжении продовольствием обширного края от Якутска до Охотска и далее – Камчатки. Сибирский губернатор В.А. Мятлев, которому было поручено руководство возобновленной Второй Камчатской экспедицией, представил доклад, в котором писал, что наиболее надежно и выгодно осуществлять снабжение собственно экспедиции, Охотского края и Камчатки в целом по реке Амур. В 1753 г. было принято решение поставить перед цинским правительством вопрос об открытии совместного судоходства по Амуру²⁷. С этой целью в Китай был направлен в качестве курьера В.Ф. Братищев²⁸. Однако цинское правительство, руководствуясь принципом самоизоляции, не было заинтересовано в активизации российского присутствия на Амуре и ответило отказом на предложение России. Конфликт, связанный с бежавшим на российскую территорию Амурсаной, с одной стороны, и отказ цинских властей разрешить русским судам сплав по Амуру, с другой стороны, привели к обострению двусторонних отношений и увеличению численности войск по обе стороны границы. В 1762 г. в России было принято решение попытаться урегулировать споры дипломатическим путем. Летом 1763 г. в Пекин прибыл дипломатический курьер капитан-поручик лейб-гвардии И.И. Кропотов с предложением Екатерины II о направлении в Китай «знатного посольства» для решения вопросов о торговле и перебежчиках, данным императрицей курьеру «изустно», и с «листом» Сената о ее восшествии на российский престол²⁹. Однако цинское правительство в довольно резкой форме отклонило предложение России о направлении в Китай российского посольства.

Хронологически том охватывает период с 1752 по 1765 г. и включает документы, связанные с подготовкой обеих миссий Коллегией иностранных дел. Архивные материалы содержат интереснейшие сведения о положении на границе³⁰, об исторической обстановке в России того времени в целом. В опубликованном в томе «Журнале бытности в Пекине советника канцелярии Братищева»³¹ автор, уже имевший опыт дипломатической работы на Востоке, не только приводит подробное описание всех перипетий, связанных с миссией, но и дает объективную картину Цинского Китая того времени, анализирует информацию, полученную за время пребывания в Пекине. Еще один интересный документ В.Ф. Братищева, который также публикуется впервые в полном виде, – это «Осведомление или некоторое поверение Вольтеровых о Китае примечаний, собранное в краткую Братищева бытность в Пекине с комментариями И.К. Россохина»³². Что касается миссии И.И. Кропотова, то в том включены документы, связанные с ее подготовкой, рапорты Кропотова в Коллегию иностранных дел с приложениями «доношений» к Екатерине II, журнал И.И. Кропотова, публикуемый впервые³³.

В целом этот этап российско-китайских отношений был очень сложным, что наглядно демонстрируют материалы сборника документов. Важно отметить, что в России постепенно накапливалось все больше достоверных знаний о соседнем Китае, и российское Китаеведение в этот период начало оформляться как самостоятельная научная дисциплина. Именно к середине XVIII в. относится появление трудов первых российских Китаеведов И.К. Россохина и А.Л. Леонтьева, получивших подготовку в РДМ в Пекине. И тем более важен результат миссии В.Ф. Братищева, который добился согласия цинских властей на возобновление прерванной в 1755 г. практики направления в Китай в составе РДМ российских учеников.

Последний, седьмой том серии «Русско-китайские отношения в XVIII веке» еще находится в работе. Хронологические рамки тома охватывают вторую половину XVIII в. (1765–1802), и посвящен он не менее сложному периоду в русско-китайских отношениях. Китайская сторона, используя заинтересованность России в развитии торговых отношений, оказывала на нее давление в своих интересах, неоднократно в одностороннем порядке приостанавливая торговлю, отказывая в приеме российских курьеров. В центре тома два события – переговоры И.И. Кропотова в 1768 г., завершившиеся заключением «Дополнительной статьи к Кяхтинскому трактату о режиме на русско-китайской границе», и подписание «Международного акта о порядке русско-китайской торговли через Кяхту и пограничном режиме» 1792 г.³⁴ В целом, хотя эти соглашения заключались под сильным давлением цинской стороны, благодаря им удалось «придать молчанию» «все до сего времени между обеими сторонами бывшие старые дела»³⁵ и дополнить статью Кяхтинского трактата о нарушителях границы, а также возобновить торговлю в Кяхте, что было особенно важно для России.

Таким образом, в течение XVIII в. Россия и Китай продолжали мирным путем решать конкретные проблемы межгосударственных отношений, причем, как свидетельствуют документы, инициатором в тот период всегда была Россия. Как пишет В.С. Мясников, до середины XIX в. в русско-китайских отношениях продолжала господствовать смешанная модель отношений, при которой, «при сходстве социально-экономических параметров двух государств, цивилизационные различия оказывали существенное влияние на характер их отношений»³⁶, т.е. Китай по-прежнему придерживался вертикальной структуры построения отношений, а Россия стремилась к горизонтальной структуре. Таким образом, двусторонние отношения строились по некоей «третьей линии», вобравшей в себя элементы того и другого подхода. Медленно и постепенно преодолевая межцивилизационные барьеры, Россия и Китай шаг за шагом искали пути дипломатического решения двусторонних проблем. Доминантой оставалось стремление обеих сторон к добрососедству.

В начале XIX в. меняется расстановка сил в международных отношениях. С одной стороны, растет международный авторитет России, с другой – Китай постепенно втягивается в мировую политику в Восточной Азии и начинает осознавать мощь своего северного соседа.

Первый том серии «Русско-китайские отношения в XIX веке» посвящен посольству Ю.А. Головкина в Китай³⁷ и хронологически охватывает период с 1803 г. по 1807 г. Посольство было инициировано Россией, и по масштабу задач, поставленных перед ним Александром I, отличается от всех предыдущих. На этот раз его целью было решение «не только и не столько проблем двусторонних отношений, сколько утвердить новую политику России на Дальнем Востоке, которая с полным основанием может быть названа азиатско-тихоокеанской»³⁸. Предполагалось добиться для России права свободной торговли по всей границе, а в случае отказа – открытия торговли в новом торговом пункте на западном участке границы в районе Бухтармы; одновременно добиваться разрешения торговли в Гуанчжоу, где уже присутствовали европейцы и американцы, что дало бы возможность Российско-американской компании выйти на китайский рынок помимо Кяхты и таким образом создать более выгодные условия для торговли, связав рынки Северной Америки, Камчатки и Охотского побережья с рынками Китая и Японии. Для этого послу в инструкции предписывалось «разведать обстоятельно», судоходен ли Амур, и если судоходен, то вновь поднять вопрос о разрешении для русских кораблей плавать по Амуру. Предлагалось также получить согласие китайской стороны на «устройство сношений» с Нанкином³⁹. Кроме того, послу предписывалось добиться от китайских властей разрешения некоторым чиновникам миссии «проехать безопасно» из Пекина в Кабул⁴⁰. Таким образом, Россия от посольства Ю.А. Головкина ожидала чрезвычайно многого, однако ожидания эти не оправдались. Цинские власти не были заинтересованы в предложениях

посольства, поскольку главные вопросы, которые предполагала решить Россия, были связаны с торговлей – занятием для цинских политиков недостойным. К тому же российская сторона предлагала Китаю расширение связей, имея в виду прежде всего свои интересы и исходя из представлений европейской политики, не учитывая при этом интересов Китая и особенностей восприятия им предлагаемых методов. Так, в инструкции послу было рекомендовано в качестве компенсации предложить Китаю посредничество в решении проблем с Англией, если таковые возникнут в силу того, что англичане в Восточной Индии вышли к самым границам Китая⁴¹, что было преждевременно и совершенно неприемлемо для Китая. В итоге цинское правительство не пожелало принимать российское посольство. Китайская сторона сначала потребовала сократить численность посольства, очередную смену РДМ направить отдельно и в довершение всего в качестве предварительного условия выдвинула требование совершения послом церемонии «коуту» в Урге перед табличкой с его именем. Ю.А. Головкин решительно отверг это требование, и 1 февраля 1806 г. посольство покинуло Ургу. Хотя посольство и потерпело неудачу, деятельность Ю.А. Головкина во время поездки и пребывания в Сибири заслужила высокую оценку Александра I. Кроме того, уроком, извлеченным из неудавшейся миссии, было осознание необходимости углубления комплексного изучения Китая. Важным инструментом в развитии этого направления была Российская духовная миссия в Пекине, основной акцент в деятельности которой по распоряжению Александра I был смещен в пользу дипломатических функций⁴².

Материалы, включенные в том, уникальны и представляют особенный интерес. Во-первых, посольство Ю.А. Головкина в Китай относительно слабо исследовано в российской и зарубежной историографии. Дело в том, что неудача посольства и война с Наполеоном отодвинули интерес к нему на второй план. К тому же основные архивы посольства долгое время считались утраченными и были обнаружены составителями сборника в фондах АВПРИ по историческим меркам совсем недавно, так что абсолютное большинство документов публикуется впервые. Во-вторых, в сборник включены архивные документы не только российской, но и цинской стороны в переводе с маньчжурского языка (в общей сложности опубликованы материалы, оригиналы которых составлены на шести языках).

Уже во второй половине XIX в. между Россией и Китаем складывается другой тип отношений – равносторонних, когда обе стороны выступают в качестве равноправных субъектов взаимоотношений. Такой тип отношений просуществовал вплоть до 1917 г. В.С. Мясников отмечает, что в этот период влияние этнокультурных факторов во внешней политике Китая ослабевает и формационные факторы развития начинают превалировать над цивилизационными⁴³, при этом последние хотя и уходят на второй план, но по-прежнему продолжают действовать.

Начало XX в. ознаменовалось крупнейшими социальными революциями: Синьхайской революцией в Китае (1911–1913) и Октябрьской революцией 1917 г. в России. После 1917 г. отношения между Россией и Китаем перешли на совершенно новый этап развития. Вплоть до 1949 г. две страны с разными социально-экономическими системами существовали в сложнейших, экстремальных условиях кризиса системы международных отношений накануне Второй мировой войны и развернувшейся против них агрессии. Короткий исторический период вместил большое число важнейших событий в истории двух государств и мировой истории в целом, множество факторов оказывали прямое или косвенное влияние на процессы формирования двусторонних отношений. В эти годы отношения между СССР и Китаем впервые развивались не просто как двусторонние, а в теснейшей взаимосвязи с международными отношениями на Дальнем Востоке, «став элементом многосторонней дипломатии в международных организациях, в дипломатической переписке, на конференциях лидеров ведущих держав»⁴⁴.

Новый тип отношений требовал закрепления их в новых договорно-правовых актах. Процесс это был сложный, неоднозначный. По сей день этот период в истории отношений России и Китая привлекает пристальное внимание китайских и других зарубежных исследователей. Тем более важно, что благодаря труду исследователей, осуществивших отбор и подготовку к публикации архивных материалов, которые стали доступны лишь в последние 20 лет, появилась возможность открыть широкой общественности уникальные документы, воссоздать объективную картину двусторонних отношений этого периода.

Документальные сборники по теме «Русско-китайские отношения в XX веке. Советско-китайские отношения» охватывают период с октября 1917 г. по 14 февраля 1950 г., когда между СССР и КНР был подписан Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи. В настоящее время изданы третий, четвертый и пятый тома документов и материалов по истории советско-китайских отношений. Первый (1917–1924) и второй (1925 г. – сентябрь 1931 г.) тома еще в работе. Руководствуясь единой концепцией серии, составители сосредоточили свое внимание на политических отношениях, исключив по возможности межпартийные.

Последний из вышедших, – но хронологически первый из серии, – третий том⁴⁵ охватывает период с сентября 1931 г. по сентябрь 1937 г. На фоне кризиса Версальско-вашингтонской системы и обострения международной обстановки в целом вторжение Японии на Северо-Восток Китая в сентябре 1931 г. означало возникновение очага новой мировой войны. Японская агрессия в Китае и на Дальнем Востоке, борьба китайских милитаристов против нанкинского правительства, борьба между КПК и ГМД, продолжение гражданской войны в Китае стали определяющими факторами развития отношений между Советским Союзом и КР. Как ГМД, так и КПК возлагали особые надежды на помощь СССР в борьбе против Японии, что создавало благоприятные условия для восстановления прерванных в 1929 г. отношений с СССР и их дальнейшего развития. Китай при этом преследовал свои цели. Обращаясь к СССР с предложением о восстановлении в полном объеме дипломатических отношений одновременно с заключением пакта о ненападении, китайское руководство надеялось таким образом ускорить вступление СССР в войну с Японией⁴⁶. Советское руководство же, понимая, что СССР не готов к войне, настаивало на восстановлении отношений без предварительных условий⁴⁷, одновременно принимая дипломатические шаги против втягивания СССР в войну с Японией. В итоге дипломатические и консульские отношения были восстановлены, а что касается переговоров по заключению пакта о ненападении, то они продолжились вплоть до августа 1937 г. Важным направлением советской политики на Дальнем Востоке стал поиск путей оказания реальной помощи Китаю, не обостряя при этом отношений с Японией. Налаживая контакты с нанкинским правительством, советское руководство должно было учитывать еще множество факторов. Так, после создания на Северо-Востоке Китая Маньчжоу-го⁴⁸, СССР был вынужден вести с Японией переговоры по КВЖД и другой советской собственности на территории вновь созданного государства, о защите жизни и имущества советских граждан, проживающих в Северо-Восточном Китае, судоходстве по пограничным рекам и др.⁴⁹ Советские дипломаты в Китае и Японии отслеживали реакцию руководства КР и Маньчжоу-го на политику СССР. Многие вопросы двусторонних отношений, наряду с официальными каналами, прорабатывались через неформальные каналы связей между советским и китайским руководством. Одним из первых примеров таких переговоров служит прием на высоком уровне военной делегации во главе с Ян Цзэ⁵⁰. В том включены документы, хранящиеся в трех российских архивах – АВП РФ, АП РФ и РГАСПИ. Это многочисленные записи бесед советских дипломатов с китайскими и японскими представителями, телеграммы и шифротелеграммы, записки, письма и информационные письма, дневниковые записи сотрудников советских дипломатических представительств, а также официальные ноты, выписки из протоколов заседаний ПБ ЦК ВКП(б), проекты постановлений и т.д. – всего в основном блоке 418 документов.

Целый блок документов посвящен таким важнейшим проблемам, как советская политика в Синьцзяне, с которым СССР имел широкие торгово-экономические связи (переписка советского руководства с губернатором Синьцзяна Шэн Шицаем), и во Внешней Монголии. Синьцзян, будучи удаленным от центра Китая, был фактически независим от нанкинского правительства и традиционно поддерживал активные связи с СССР. Советское руководство выступало против сепаратистских устремлений Шэн Шицая, придавало большое значение разъяснению руководству КР своей позиции по Синьцзяну. Так, в директиве по работе в Синьцзяне ПБ ЦК ВКП(б) в первую очередь говорится о неприемлемости «поддерживать лозунги и политику отделения Синьцзяна от Китая»⁵¹. Что касается монгольской проблемы, то она обострилась после захвата Японией Северо-Восточного Китая и продажи японцам КВЖД в 1935 г. Руководство МНР обратилось к Советскому Союзу с предложением подписать Протокол о взаимной помощи, что было сделано, и в Монголию были введены советские войска. Правительство КР выступило против подписания советско-монгольского Протокола, как противоречащего Советско-китайскому соглашению от 31 мая 1924 г., и направило ноту соответствующего содержания полпреду СССР в КР Д.В. Богомолу⁵². Советское руководство подчеркивало, что заключение пакта соответствует интересам не только СССР, но и Китая, поскольку Китай «не имеет возможности в настоящее время сам защитить Внешнюю Монголию и поскольку ее завоевание Японией нанесло бы очевидный ущерб Китаю со всех точек зрения»⁵³. В результате благодаря действиям СССР вооруженные провокации на монголо-маньчжурской границе прекратились и Япония вынуждена была отступить.

Все эти факторы, включая проблему продажи Японии КВЖД, затягивали процесс улучшения официальных советско-китайских отношений. Тем временем в Китае уже шла необъявленная японо-китайская война. Правительство КР очень рассчитывало на советскую военную помощь, но понимало, что СССР не начнет поставки вооружения в Китай, не будучи уверенным, что оно не будет использовано против войск КПК. В то же время КПК, руководствуясь решениями VII Конгресса Коминтерна обратилась в июле – августе 1935 г. ко всем партиям и политическим группировкам Китая с призывом «объединить силы для борьбы против японской агрессии». Советское руководство внимательно следило за развитием ситуации в Китае. Вопрос поисков пути создания единого антияпонского фронта на основе сотрудничества КПК и ГМД начиная с лета 1935 г. становится главным направлением советской политики в Китае. В марте 1936 г. полпред Д.В. Богомол в письме заместителю наркома иностранных дел СССР Б.С. Стомонякову писал: «...усиление темпов японской агрессии должно увеличить интерес Чан Кайши к достижению соглашения с другими группировками и партиями, в том числе с коммунистической партией»⁵⁴, а в письме от 3 мая он сообщает, что «Чан Кайши принимает серьезные меры к подготовке сопротивления Японии»⁵⁵. Общенациональный патриотический подъем в Китае и позиция коммунистов по формированию единого фронта вынудили Чан Кайши пойти на переговоры с СССР о заключении военно-оборонительного союза. Однако СССР отклонил предложение Чан Кайши, настаивая на создании системы коллективной безопасности на Дальнем Востоке и в АТР. Переговоры по поводу заключения Тихоокеанского пакта велись наркомом иностранных дел СССР М.М. Литвиновым и китайским послом в Москве Цзян Тинфу в марте – июле 1937 г.⁵⁶ Далее переговоры продолжил советский полпред в Китае Д.В. Богомол. Китайская сторона, видя отрицательное отношение к пакту со стороны западных держав, продолжала настаивать на заключении двустороннего соглашения. Только после событий в районе Лугоуцяо и высадки японских войск на ряд островов на Амуре в июле 1937 г. СССР и КР активизировали усилия по организации совместных действий в борьбе против японских захватчиков. Советская сторона отказалась от предложения Чан Кайши подписать договор о военном союзе или о взаимной помощи, но согласилась заключить с Китаем договор о ненападении. Третий том содержит документы, отражающие

процесс переговоров, предшествующих подписанию Договора о ненападении между СССР и КР от 21 августа 1937 г. Сам же договор опубликован в четвертом томе⁵⁷. Подписывая договор, обе стороны словесно строго конфиденциально дали взаимное обещание не подписывать с Японией пакта о ненападении («джентльменское соглашение», по выражению Б.С. Стомонякова)⁵⁸. Договор косвенно осудил японскую агрессию в Китае и заложил международно-правовую основу для развития дружественных отношений между СССР и КР. При этом он был составлен таким образом, что позволял Советскому Союзу оказывать помощь Китаю, не давая при этом Японии формального повода для агрессии против СССР.

Важно отметить, что период, предшествовавший началу японо-китайской войны, в истории российско-китайских отношений был периодом активного развития народной дипломатии. В эти годы СССР по линии ВОКС посетило немало деятелей науки и культуры Китая, таких, как Сюй Бэйхун, Мэй Ланьфан и другие. Было создано Китайско-советское культурное общество, председателем которого избран Сунь Фо и которое способствовало распространению знаний о русской и советской культуре в Китае. Организовывались выставки, поездки советских художественных коллективов в Китай, книгообмен и т.д. В 1937 г. было принято решение о приеме китайских студентов в вузы СССР. Все эти события также отражены в документах тома.

Четвертый том серии «Русско-китайские отношения в XX веке» вышел в двух книгах и включает документы и материалы, отражающие развитие советско-китайских отношений в 1937–1945 гг., т.е. в годы Второй мировой войны, войны сопротивления китайского народа японской агрессии и Великой отечественной войны советского народа. Главным фактором, определявшим развитие советско-китайских отношений в этот период, была война, развязанная против Китая японским милитаризмом. Китай, оказавшись перед лицом японской агрессии, искал поддержки в разных направлениях и, потерпев неудачу в поисках заступников на Западе, был вынужден обратиться за помощью к СССР. Советский Союз оказывал помощь Китаю не только из чувства дружбы и солидарности с китайским народом, но и потому, что японский милитаризм представлял непосредственную угрозу безопасности СССР.

После подписания 21 августа 1937 г. Договора о ненападении между СССР и КР Советский Союз развернул активную работу по реализации программы экономической и военной помощи Китаю⁵⁹. Одновременно СССР оказывал Китаю политическую поддержку на международной арене в первую очередь препятствуя капитуляции Китая, чего добивались Япония и Германия⁶⁰. Военные действия советских войск у оз. Хасан и р. Халхин-Гол также были косвенной помощью китайскому народу. Подписание в апреле 1941 г. договора о нейтралитете между СССР и Японией вызвало со стороны Чан Кайши крайне негативную реакцию, поскольку означало провал политики втягивания СССР в войну с Японией⁶¹. После начала Великой отечественной войны против фашистской Германии СССР не мог вступить в войну с Японией, однако продолжал делать все возможное для оказания помощи китайскому народу в борьбе против японских захватчиков.

Вторая книга четвертого тома включает документы и материалы по советско-китайским отношениям, относящиеся к 1945 г. На последнем этапе войны определяющую роль в советско-китайских отношениях играли, с одной стороны, решения Крымской конференции глав правительств СССР, США и Великобритании и Ялтинское соглашение по вопросам Дальнего Востока, с другой – советско-китайские переговоры и заключенные 14 августа 1945 г. Советско-китайский договор о дружбе и союзе, соглашения о Китайской Чанчуньской железной дороге, Порт-Артуре, Дальнем и др. Документы второй книги четвертого тома отражают сложный процесс обсуждения и подготовки к подписанию этого договора и соглашений. Китайскую сторону не устраивали касавшиеся Китая пункты Ялтинского соглашения, которые по решению Крымской конференции должны были лечь в основу советско-китайских соглашений, а именно признание независимости Внешней

Монголии (МНР), восстановление прав аренды СССР на Порт-Артур, преимущественные права СССР в г. Дальнем, на КВЖД и ЮМЖД⁶². Кроме того, были разногласия с китайской стороной по поводу отношений СССР с послевоенной Японией. В итоге советская сторона во многом пошла навстречу Китаю. Упомянутый выше договор и соглашения были подписаны⁶³. Как отмечают авторы исторического введения, «в связи с непримиримой позицией, занятой китайской делегацией... антияпонская направленность в советско-китайском договоре, заключенном 14 августа 1945 года, в значительной степени сохранилась» и впоследствии была перенесена в договор от 14 февраля 1950 г.⁶⁴ В целом договор стал хорошей основой как для дальнейшего развития советско-китайских отношений, так и для налаживания международного сотрудничества на Дальнем Востоке и в АТР в целях установления и сохранения мира в регионе.

Подбирая документы для тома, составители ставили целью дать как можно более полную информацию о развитии советско-китайских отношений в обозначенный период, поддержке советским государством борьбы Китая против японской агрессии, политической линии китайского руководства на разных этапах. В том вошли в основном документы из двух архивов – АВП РФ и АП РФ. Это официальные документы – договоры, соглашения и протоколы, подписанные в 1937–1945 гг. Некоторые из документов ранее публиковались в СССР или Китае, тем не менее составители сочли необходимым включить их в том для создания наиболее полной картины двусторонних отношений того периода. Все эти документы сверены с архивными источниками. Ноты, политические письма, директивы советского руководства в адрес полпреда (с 1941 г. – посла) СССР в КР, письма руководителей советского посольства в Китае в НКВД СССР также входят в эту группу документов. В том вошли также записи бесед советских руководителей с ответственными дипломатическими представителями КР и должностными лицами различного уровня, приезжавшими в СССР с официальной миссией или по другим каналам (напр., записи бесед И.В. Сталина с Сунь Фо), руководства Китая с главой советского дипломатического представительства в КР, полный пакет документов, относящихся к проходившим в июне – августе 1945 г. в Москве советско-китайским переговорам (в том числе записи бесед И.В. Сталина и В.М. Молотова с китайской делегацией, возглавляемой Сун Цзывэнем), а также записи бесед И.В. Сталина с личным представителем Чан Кайши Цзян Цзинго в декабре 1945 – январе 1946 г. по вопросам объединения Китая, ситуации в Маньчжурии и Синьцзяне, позиции китайских коммунистов и взаимоотношений КПК и ГМД. Отдельный блок документов – это переписка руководителей СССР и КР в годы войны⁶⁵. Эти документы характеризуют уровень политических отношений между двумя странами на разных этапах войны, а также после вступления СССР в войну на Дальнем Востоке. Как отмечает в археографическом введении одна из составителей тома Р.А. Мировицкая, том содержит наиболее полное в источниковедении издание переписки И.В. Сталина и Чан Кайши. Большой пласт документов составляют записи бесед, записки, телеграммы на уровне дипломатических служб СССР и Китая, между представителями общественности двух стран по вопросам военно-политической ситуации в Китае, взаимоотношений между ГМД и КПК и др. Абсолютное большинство документов и материалов тома рассекречено недавно и впервые вводится в научный оборот. Отдельная группа документов – это впервые переведенные на русский язык документы из многотомного американского документального издания *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (FRUS)*. Эти материалы, хотя строго говоря, не относятся к советско-китайским отношениям, дают представление о среде, в которой происходило их развитие в тот период⁶⁶.

Пятый том серии⁶⁷ также вышел в двух книгах и включает документы по советско-китайским отношениям с 1946 г. по февраль 1950 г. Основное содержание – отношения СССР с КР (1946–1949), а затем – с КНР. С момента образования в 1949 г. КНР отношения между двумя странами развивались уже в рамках односистемной модели. После

подписания Договора о дружбе и союзе, советское и китайское правительства были заинтересованы в поддержании двусторонних отношений на должном уровне, в решении взаимных проблем в конструктивном ключе. Хотя по договору правительство СССР брало на себя обязательство во всех вопросах советско-китайских отношений иметь дело только с Центральным правительством КР, что рассматривалось Чан Кайши как отказ от оказания помощи КПК, на деле, учитывая реальную обстановку в Китае, СССР поддерживал отношения как с Центральным правительством, так и с руководством КПК.

В 1946–1949 гг. советско-китайские отношения испытывали воздействие разноплановых факторов. С точки зрения международной обстановки они развивались в условиях резкого ее ухудшения, обострения противоречий между СССР и США и их союзниками. С точки зрения внутривосточной ситуации в Китае двусторонние отношения развивались на фоне усиления борьбы за власть между правящей партией Гоминьдан и противостоящей ей вооруженной оппозицией в лице КПК. Конфликт между ГМД и Компартией Китая значительно усилился при решении вопроса о приеме капитуляции японских войск в Китае и вскоре перешел в вооруженные столкновения. По инициативе советского правительства в середине декабря 1945 г. на Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, посвященном обсуждению послевоенного урегулирования в Европе, обсуждалась также проблема внутреннего положения в Китае и связанные с ней вопросы советско-американских отношений, а именно завершение советского и американского присутствия на территории Китая. Появление американских войск на территории Китая уже после разгрома Японии рассматривалось советской стороной как попытка оказать содействие правительству Чан Кайши в борьбе против КПК. В то же время Советский Союз был заинтересован в существовании по соседству дружественного режима, и после освобождения Маньчжурии на ее территории при содействии советского военного командования была создана Объединенная демократическая армия, которой было передано трофейное оружие и имущество японской армии, и в конечном итоге – Маньчжурская революционная база, противостоявшая Гоминьдану и США, которые оказывали помощь и поддержку гоминьдановскому режиму. Чан Кайши, как уже упоминалось выше, предпринял попытку убедить И.В. Сталина в необходимости выступить посредником в урегулировании отношений между ГМД и КПК и побудить руководство КПК отказаться от вооруженной борьбы против ГМД, для чего направил в Москву в декабре 1945 г. своего сына Цзян Цзинго. Как следует из записи беседы, Чан Кайши считал, «что имеется ряд вопросов, которые не следует решать в дипломатическом порядке»⁶⁸. Однако Сталин от каких-либо обещаний уклонился.

Таким образом, до 1949 г. отношения СССР с Китаем строились в двух плоскостях. Составители тома при отборе в АВП РФ и АП РФ материалов для публикации ставили себе целью дать возможно более полную документальную картину развития как официальных двусторонних дипломатических отношений с Центральным правительством Китая, так и контактов руководства СССР с КПК. Кроме официальных документов – нот, меморандумов, договоров, телеграмм, заявлений, служебной переписки по важным вопросам двусторонних отношений – значительное место, как и в предыдущем томе, занимают записи бесед советских руководителей с ответственными представителями КР (после 1 октября 1949 г. – КНР), прибывавших в Москву для переговоров; записи бесед советских ответственных работников, направленных в Китай для переговоров с официальным китайским руководством, с руководителями КПК. Так, в томе впервые публикуется полный комплект записей бесед представителя советского государства А.И. Микояна с руководством КПК в начале 1949 г. в Сибайпо⁶⁹, записи бесед делегации руководства КПК во главе с Лю Шаоци с советскими руководителями летом 1949 г.⁷⁰, а также записи бесед И.В. Сталина и других советских руководителей с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем в декабре 1949 – феврале 1950 гг.⁷¹. Особый интерес представляет переписка И.В. Сталина и Мао Цзэдуна в виде шифротелеграмм

в 1947–1949 гг. по вопросам визита Мао Цзэдуна в СССР, советской помощи КПК и др. Впервые подробно документально освещены визит Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая в Москву в декабре 1949 – феврале 1950 г. и процесс подготовки и подписания Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи 14 февраля 1950 г. Как и в предыдущих томах, очень многие недавно рассекреченные материалы впервые вводятся в научный оборот, ранее опубликованные документы сверены с архивными оригиналами, в случае необходимости исправлены и дополнены. Так, например, в томе опубликовано секретное Дополнительное соглашение⁷², которое не было включено в неоднократно публиковавшийся пакет соглашений, подписанных 14 февраля 1950 г. Некоторые документы, в том числе упомянутый договор и Дополнительное соглашение, публикуются на русском и китайском языках.

Значительный интерес представляют также записи бесед на уровне дипломатических служб двух стран, между сотрудниками советского посольства в Китае и представителями дипломатических ведомств третьих стран (см., напр., беседы посла СССР в КР А.А. Петрова с послом США в КР Дж. Л. Стюартом), с представителями общественности по вопросам военно-политического положения в стране, хода гражданской войны в Китае, взаимоотношений между КПК и ГМД, советско-китайских отношений. Том также включает документы, отражающие служебную переписку между советскими ведомствами, участвовавшими в решении практических вопросов советско-китайских отношений (ЦК ВКП(б), МИД СССР, МВД СССР, МВТ СССР и др.). Ряд документов содержит информацию о переписке председателя Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР Г.Г. Карпова и ДВО МИД СССР о финансировании РДМ в Пекине.

Работа над уникальной документальной серией «Русско-китайские отношения в XVII–XX вв.» продолжается. Серия, безусловно, является весомым вкладом в мировую фундаментальную науку, ценность ее как источника по истории русско-китайских отношений неизмерима. Она востребована как отечественными учеными и дипломатами, так и специалистами в области российско-китайских отношений за рубежом, в том числе и в Китае. Об этом свидетельствуют многочисленные рецензии на изданные сборники⁷³. Анализ огромного пласта уже опубликованных и готовящихся к публикации документов позволил исследователям сформулировать документально обоснованную концепцию двусторонних российских отношений. Суть ее заключается в том, что «исторический позитивный опыт этих отношений значительно превышает драматические и даже трагические моменты, возникавшие в сравнительно короткие отрезки времени и... решавшиеся также мирным путем»⁷⁴. Мирный характер российско-китайских отношений – историческое достояние двух государств – соседей, принадлежащих к различным цивилизационным системам, которое обращено не только в прошлое, но и в настоящее и в будущее.

В ходе работы по подготовке к публикации документов и материалов серии «Русско-китайские отношения в XVII–XX вв.» было также подготовлено немало статей, в которых отражены результаты исследований. Это статьи А.С. Ипатовой, Р.А. Мировицкой, И.Т. Мороз, В.С. Мясникова, Г.И. Саркисовой⁷⁵.

**Документальная серия «ВКП(б), Коминтерн и Китай» –
важная составляющая «КОМИНТЕРНОВЕДЕНИЯ» и база для изучения
многослойного внутривнутриполитического процесса в Китае 1920–1940-х гг.**

События 1991 г., как уже упоминалось, сопровождались одновременно рядом положительных моментов, способствовавших развитию китаеведения. К ним в первую очередь относится открытие в России архивов, которое стало возможным в связи с проведением новой для российского общества демократической политики открытости.

Доступ исследователей к архивным документам вызвал так называемый источниковедческий бум, сопровождавшийся развитием тенденции подготовки сборников архивных документов, большинство которых ранее не были известны историкам. Эта тенденция выделялась четко и сразу. Процесс издания источников, стабильно развивавшийся в течение 90-х гг. XX в. и продолжившийся в XXI в., стал толчком для развития исследовательской работы по истории Китая и вглубь и вширь, создал возможности пересмотра ряда устоявшихся представлений о развитии исторического процесса в Китае и открытия новых тем и направлений.

На общем фоне развития источниковедения помимо серии «Русско-китайские отношения в XVII–XX вв.» выделяются серия «ВКП(б), Коминтерн и Китай» и ряд фундаментальных сборников документов и материалов, связанных прямо или косвенно с китайской политикой Москвы и КИ, с историей национального демократического движения Китая 20–40-х гг. XX в. и с особенностями политического процесса в Китае в целом.

Том I из этой серии увидел свет уже в 1994 г.⁷⁶ В 1996 г. вышел Том II в двух книгах⁷⁷, в 1999 г. – Том III в двух книгах⁷⁸. В 2000-х годах продолжалась работа над подготовкой и изданием IV (в двух книгах) и V томов, последний увидел свет в 2007 г.⁷⁹ Документальная серия включила 1517 документов⁸⁰. Работа осуществлялась Институтом Дальнего Востока РАН в сотрудничестве с РГАСПИ и учеными Восточноазиатского семинара Свободного университета Берлина (ФРГ). Том I вышел под руководством академика М.Л. Титаренко и известного в научных кругах господина Го Хэньюя. Работу над всеми последующими томами возглавляли М.Л. Титаренко и М. Лейтнер. Коллективом авторов и составителей сборника проделана грандиозная работа. Серия включает также кроме общепринятых приложений аннотированный указатель имен, подготовленный И.Н. Сотниковой при участии В.В. Ларина, К.В. Шевелева, В.Н. Щечилиной, что делает работу еще более ценной. Все тома переведены на немецкий и китайский языки. Причем китайское издание имеет свою особенность. Китайские ученые почти к каждому переведенному с русского языка тому добавляли книгу документов, составленную на основе китайских материалов по данному периоду.

В основе этой публикации лежали архивные документы РГАСПИ. Подготовка и издание сборников серии продемонстрировала открывшиеся возможности международного сотрудничества, способствовавшего выполнению поставленной учеными грандиозной задачи создания источниковедческой базы для всестороннего освещения политики РКП(б) / ВКП(б) и КИ в Китае в течение 1920–1943 гг. В общей сложности работа продолжалась около 15 лет. Выход в свет данной серии документов и материалов значительно расширил рамки «коминтерноведения» и углубил его содержание. Документы сборников предоставили новую информацию о Китае, без учета которой нельзя реалистически оценить сущность, цели и результаты политики КИ в национально-освободительном и коммунистическом движениях. Нельзя сказать, что до появления этой публикации полностью отсутствовала источниковедческая база деятельности Коминтерна в Китае. Достаточно указать на сборник документов и материалов «Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы»⁸¹, вышедший в 1986 г. и содержащий основные решения конгрессов и пленумов Коминтерна по Китаю. Материалы о советской внешней политике и частично о внутренней ситуации в Китае можно было найти в сборниках «Документы внешней политики СССР»⁸².

Переведенные на русский язык и изданные под руководством академика С.Л. Тихвинского основные произведения лидера национально-освободительного движения в Китае 20-х гг. XX в. Сунь Ятсена⁸³ давали представление о положении в Китае и его внутренней специфике, об отношении Сунь Ятсена и возглавляемого им Гоминьдана к СССР и проблеме национального суверенитета. Вместе с тем документальная база остро нуждалась в расширении. Нехватка достоверных источников сводила практически на нет

бесконечные споры и дискуссии о характере и основных силах национально-революционного движения 1920-х гг. Поэтому появление в 1990-х гг. и в начале XXI в. новых документов и материалов, в основном из российских и китайских архивов (1980–1990-е гг. в КНР вышел целый ряд сборников документов на китайском языке, в том числе по истории ГМД, в меньшей степени – англоязычных⁸⁴), в значительной степени восполняло существовавшие документальные пробелы в освещении взаимодействия КИ и его посланцев в Китае с основными на тот период политическими партиями КР – Компартией Китая и ГМД. Прежде довольно запутанная и политизированная картина политики КИ в Китае впервые приобрела источниковедческую базу, достаточную для формирования объективного видения политики ВКП(б) и КИ в Китае и освещения революционного и политического процесса в Китае 20–40-х гг. XX в. Большое значение имели документы и материалы, связанные с деятельностью Сунь Ятсена и Гоминьдана, который с 1928 г. получил все функции правящей партии страны. Приложение политики ВКП(б) и КИ к реальной обстановке в Китае, к программным положениям и практике Компартии Китая и Гоминьдана позволяют оценивать политику КИ, КПК и ГМД более объективно, чем прежде, когда концепции строились главным образом на изучении отношений КИ и КПК и, по сути, игнорировалась многослойность политического и революционного процесса в КР.

Том I документов занимает, на наш взгляд, важное место как по количеству впервые появившихся в открытой печати документов и материалов, так и по их содержанию. Именно этот том дает весомые основания для пересмотра ряда устоявшихся в историографии положений о характере и содержании революции 20-х гг. XX в., ее участниках и конкретных целях. Впервые читатель получил всестороннюю информацию о формах участия представителей СССР, руководителей РКП(б) / ВКП(б) и КИ в национально-революционном и коммунистическом движениях, об их взаимодействии с обеими ведущими партиями Китая, о формировании политической революционной программы лидера ГМД Сунь Ятсена и его партии в национально-освободительном движении, о связях Сунь Ятсена с полпредами СССР и представителями КИ в КР. Документы тома дают возможность проследить конкретную реализацию основного документа КИ по вопросам его политики в Китае – Тезисов по национально-колониальному вопросу, принятых II конгрессом Коминтерна в 1920 г. В томе впервые были опубликованы документы по Китаю, исходящие из Политбюро ЦК РКП(б) / ВКП(б), находившиеся на особом хранении – в так называемых «особых папках», а также протоколы Китайской комиссии ПБ ЦК РКП(б) (создана 19 марта 1925 г.), о деятельности которой до выхода настоящей книги практически не было сведений.

Документы свидетельствуют о значительной роли в развитии национально-освободительного движения в Китае вплоть до весны 1927 г. Китайской комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) и лично ее председателя М.В. Фрунзе, занимавшего должность председателя Реввоенсовета СССР. Осуществляя тесную связь с полпредом СССР в КР Л.М. Караханом и политическим советником Сунь Ятсена и ЦИК ГМД М.М. Бородиным, Фрунзе обладал достаточно полным знанием политической ситуации в Китае; насколько позволяли обстоятельства, предпринимал временами успешные усилия по удержанию политики руководства КИ и КПК в рамках проведения в жизнь Тезисов по национально-колониальному вопросу, противодействуя при этом росту радикализма в руководстве КИ, особенно его Восточного отдела, и КПК⁸⁵.

Сборник содержит большое количество архивных дел, касающихся финансовой помощи Советского государства освободительному движению в Китае, помощи военными и политическими советниками, а также затрат на обучение китайцев в образовательных учреждениях СССР и Китая. Значительный материал освещает малоизученные сюжеты организации Москвой и КИ «северного маршрута» национально-революционного движе-

ния с опорой на Национальные армии генералов Фэн Юйсяна и Ху Цзинъи. Кроме того приведены документы об оказании значительной материально-финансовой помощи этим армиям, почти сопоставимой с размерами помощи военным силам Гоминьдана.

Вопрос о размерах финансовой помощи СССР и КИ национально-революционному движению Китая до сих пор не имеет четкого ответа. Это задача будущих исследований. При этом совершенно очевидно то обстоятельство, что помощь китайскому национально-освободительному движению оказывалась в очень тяжелые для Советского государства годы. Главным представляется тот факт, что помощь была оказана в критическое для партии Сунь Ятсена время, когда в ней было отказано всеми другими державами, т.е. помощь была своевременной. Важно и другое: как показано в документах, на первом месте было желание Москвы и Коминтерна помочь китайскому народу освободиться от гнета северных милитаристов и давления иностранных держав, контролировавших Пекинское правительство. Понятие интернационализма, почти забытое в настоящее время, в полной мере проявлялось в отношении РКП(б) / ВКП(б) и КИ к национальной революции в Китае.

Документы I тома впервые дают ясное представление об особенностях советской дипломатии в Китае, которая развивалась как бы по двум направлениям. Первое, главное направление – нормализация отношений между двумя государствами, развивавшаяся в рамках международного права. Второе – взаимодействие с революционным движением. В дальнейшем, как это зафиксировано в последующих томах данной серии, эта специфика сохранялась.

Следует отметить также полную публикацию материалов (часть документов уже была известна в советской историографии.), посвященных визиту военной делегации ГМД в СССР (2 сентября – 29 ноября 1923 г.), которую возглавлял начальник Генерального штаба армии Кантонского (Гуанчжоуского) правительства Чан Кайши. Их изучение проливает свет на формировавшуюся программу Гоминьдана в национально-революционном движении Китая, на пределы сближения ГМД и КПК, на специфическое понимание Гоминьданом идеи мировой революции, в которое Сунь Ятсен и руководимая им партия вкладывали идею борьбы наций угнетенных с угнетающими.

В томе представлено 205 документов и материалов, значительное место занимают ранее не публиковавшиеся письма (Г.В. Чичерина, А.А. Иоффе, А.К. Пайкеса, Л.М. Карахана, Сунь Ятсена, Г.Н. Войтинского и других), а также докладные записки в вышестоящие инстанции политических и военных советников ГМД и КПК. Они несут в себе чрезвычайно большую информацию о программных положениях ГМД и КПК в национальной революции, об объединяющих партии взглядах на революционный процесс и выявляют противоречия в целях и методах КПК и ГМД, демонстрируют степень адекватности решений КИ китайским условиям.

Во II томе было опубликовано 268 документов. В перечень документальных источников вошли также распоряжения, докладные записки и переписка нового органа в структуре Коминтерна – Дальневосточного Бюро ИККИ, созданного в апреле 1926 г. для работы в Китае (Шанхай). Если подбор документов для I тома отвечал требованиям всестороннего отражения ситуации в Китае, то при подборе документов II тома было отдано предпочтение введению документов, отображающих политику и представления КИ и КПК о национальной революции как о революции широких народных масс, развивающейся «снизу». Завершение революции обозначалось 1927 г., т.е. разрывом «единого фронта» КПК и ГМД. За рамками сборника осталось большинство событий, связанных с деятельностью ГМД, с работой национальных (гоминьдановских) правительств 1927 и 1928 гг., с продолжением Северного похода и разгромом милитаристской системы как главной цели национальной революции в Китае. Тем не менее II том документов, большинство которых впервые введены в оборот, заслуживает высокой оценки. Недочеты не «делают

погоды»⁸⁶. Как и вся серия документов «ВКП(б), Коминтерн и Китай», II том вносит свой вклад в развитие «коминтерноведения».

Наряду с впервые публикуемыми документами Политбюро ЦК ВКП(б) (в том числе материалов «Особой папки Политбюро»), ИККИ и подразделений аппарата ИККИ, занимавшихся проблемами Компартии Китая, материалами переписки ИККИ с руководством КПК, документами Дальневосточного бюро ИККИ, III том включает адресованные ИККИ материалы советской военной разведки (IV управления Штаба Красной армии), относящиеся к Китаю⁸⁷. По этому направлению были использованы также документы из фондов РГВА. Документы убедительно показывают, что самостоятельная работа спецслужб сопровождалась ее взаимодействием с КИ и его представителями в Китае. Эта неизвестная ранее страница истории дает возможность выявить направления и формы взаимодействия спецслужб Советского государства с КИ и с КПК, определить их влияние на сферу внешней политики СССР в отношении Китая и Японии. Впервые получила документальное освещение одна из важнейших сторон конспиративной деятельности особого подразделения аппарата Коминтерна – Отдела международной связи (ОМС ИККИ). III том в основном включает документы начального периода «советского движения». Это был сложный для Компартии период поиска нового содержания революционного процесса, недостаточно документированный до выхода сборника в свет. Как показывают материалы тома, переход от стратегии вооруженных выступлений КПК против ГМД, в формировании которой принимал активное участие КИ, к периоду «советского движения», строительству опорных баз в тылу ГМД, был не только результатом объективного хода событий, но и следствием влияния на руководство КПК политики КИ, умеющего делать выводы из своих ошибок. Этот процесс, фактически, совпал с усилением власти И.В. Сталина, который для ВКП(б) формулировал основополагающие установки китайской политики КИ, а те, в свою очередь, передавались в Китай руководству КПК и представителям КИ в КПК. Строительство Красной армии по типу советской Красной армии осуществлялось при взаимодействии КПК с военной комиссией при Восточном секретариате ИККИ, председателем которой был начальник управления Я.К. Берзин. Документы тома предоставляют некоторую информацию о механизме финансирования КПК Коминтерном.

IV том серии «ВКП(б), Коминтерн и Китай» включает документы, освещающие позицию Москвы и взаимоотношения между КИ и КПК в период от захвата Японией Северо-Востока Китая (сентябрь 1931 г.) до начала японо-китайской войны (июль 1937 г.). В 1933–1934 гг. началась полоса поражения «советского движения». Блокада Центрального советского района поставила коммунистов на грань выживания. Прорвав блокаду, армия КПК выступила в свой легендарный Великий поход в 50 000 ли.

Документы предоставляют интересные материалы о поиске коммунистами новой стратегии демократической революции: от всеобщей советизации к сплочению патриотических сил. Содержится убедительная информация о том, что процесс поиска шел с двух сторон: изнутри и извне, т.е. он формировался в том числе и под влиянием решений VII Конгресса Коминтерна, хотя в целом влияние КИ в Китае в этот период было весьма ограниченным. В новой международной ситуации резко сократились возможности контактов КИ и КПК. Как показывают документы, в течение 1931–1935 гг. ИККИ не принял ни одной развернутой резолюции о задачах КПК и «советского движения», что объяснялось отсутствием единства мнений в КИ по данному вопросу и нежеланием СССР раздражать Японию, представлявшую реальную опасность для Советского государства на его восточных рубежах. Кроме того, отсутствовала достаточно реалистичная информация о положении в Китае. Не случайно, что перед военными разведчиками, в частности перед группой Р. Зорге, работавшей в Китае в 1930–1932 гг., одной из основных задач являлся сбор информации о внутривнутриполитической ситуации в Китае. Как следует из документов, наиболее важные решения ИККИ по вопросу единого национального антияпонского фронта готовились И.В. Сталиным

и генеральным секретарем ИККИ (с 1935 г. – до роспуска КИ) Г. Димитровым. Они были приняты Секретариатом ИККИ в июле – августе 1936 г. В целом тактика единого национального антияпонского фронта вырабатывалась в 1936–1937 гг. совместными усилиями Секретариата ИККИ и делегации КПК в ИККИ, возглавляемой Ван Мином; ЦК КПК в Китае также работал в этом направлении.

Итог совместных усилий содержался в выступлении Г. Димитрова на заседании Секретариата ИККИ по китайскому вопросу 10 августа 1937 г.⁸⁸ Этим документом открывается V том. Его документы охватывают период с августа 1937 г. до роспуска Коминтерна в мае 1943 г. Они посвящены разработке в деталях политики единого национального антияпонского фронта, в том числе охватывают многочисленные инициативы КИ по предотвращению раскола единого фронта, опасность которого была явной и исходила периодически то со стороны ГМД, то со стороны КПК. Большое место в документальной базе тома заняли шифротелеграммы между Секретариатом ИККИ и ЦК КПК, а также между Г. Димитровым и Мао Цзэдуном, которые в своем большинстве ранее не были известны исследователям. В то же время, как и прежде, ИККИ в основном следовал позициям советского руководства в его политике относительно КР и отношений между двумя партиями.

Одна из особенностей тома состоит в том, что он включает комплекс документов о финансовой помощи Советского Союза и КИ, предоставляемой КПК⁸⁹. Как следует из документа № 180⁹⁰, Политбюро ЦК ВКП(б) 3 июля 1941 г. постановило выделить ИККИ один миллион американских долларов для оказания помощи ЦК КПК в ответ на его просьбу от 16 мая 1941 г.⁹¹ СССР отпускали Компартии Китая также технические, медицинские средства, различное имущество⁹². В 1937 г. с помощью СССР была создана военная школа в Урумчи для подготовки военно-технических кадров для 8-й армии, в которой работали советские инструкторы⁹³.

Следует особо отметить стремление КИ к изучению внутренней обстановки в Китае. Как свидетельствуют документы, практиковалась форма заслушивания на заседаниях Президиума ИККИ докладов ведущих деятелей КПК – Жэнь Биши (апрель 1938 г.) и Чжоу Эньля (конец декабря 1939 г.)⁹⁴. Глубокое внутреннее содержание имели выступления Г. Димитрова на Секретариате ИККИ 10 августа 1937 г., беседа И.В. Сталина в Кремле с Ван Мином, Кан Шэном и Ван Цзясяном накануне их отъезда в Китай (11 ноября 1937 г.)⁹⁵ В документах представлены отдельные перипетии внутрипартийных разногласий, в частности, Мао Цзэдуна и Ван Мина. Свыше 20 документов освещают отношения «хозяина Синьцзяна» Шэн Шица с СССР.

Завершают том документы, связанные с самороспуском Коминтерна, сам факт которого до сих пор является предметом дискуссий в научной среде. Между тем документы тома по данному вопросу однозначно свидетельствуют о поддержке китайскими коммунистами этой инициативы КИ. И КИ, и Компартия Китая проявили по этому вопросу адекватную историческим условиям позицию. Напомним, что еще в материалах VII Конгресса Коминтерна рекомендовалось избегать непосредственного вмешательства КИ во внутриорганизационные дела коммунистических партий⁹⁶. ЦК КПК в своем решении по поводу предложения Президиума ИККИ о роспуске КИ (Яньань, 26 мая 1943 г.)⁹⁷ отметил положительную роль КИ в становлении КПК, особо выделив его роль в создании единого фронта КПК и ГМД в 1924 г. еще при жизни Сунь Ятсена и в поддержке победоносного Северного похода 1926–1928 гг.⁹⁸ Поддержка данного решения ИККИ обосновывалась в решении ЦК КПК также рядом причин: необходимостью предоставления свободы действия всем партиям с целью мобилизации сил в антифашистской борьбе; убежденностью в том, что уже давно «китайские коммунисты в состоянии совершенно самостоятельно разрабатывать свой собственный политический курс, свою политику, и вести свою деятельность, исходя при этом из конкретной обстановки и специфических условий развития своей нации»⁹⁹.

**ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СБОРНИКИ О ПОЛИТИКЕ КИ И СССР В КИТАЕ,
РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СТРАНЕ**

Значительным явлением в российском источниковедении стало издание в 2004 г. сборника документов «Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы»¹⁰⁰, который наряду с серией «ВКП(б), Коминтерн и Китай» расширяет и углубляет источниковедческую базу «коминтерноведения». Включенные в сборник документы хранятся в РГАСПИ в фондах ЦК РКП(б) – ВКП(б), Исполкома КИ, Компартии Италии и КПК; в личных фондах Г.Е. Зиновьева, В.И. Ленина, В.М. Молотова, К.Б. Радека, И.В. Сталина, Л.Д. Троцкого и других. Прослеживается сложный процесс взаимодействия ВКП(б) и КИ, содержание их деятельности. Документы показывают неуклонный рост влияния И.В. Сталина на китайскую политику Политбюро ЦК ВКП(б). Отметим, что в начале 1920-х гг. руководство РКП(б) выстраивало структуру КИ по работе с китайскими коммунистами и одновременно активно сотрудничало по китайскому вопросу с представителями НКВД СССР в Китае, благодаря чему, как видно из документов, выбор КПК союзников в национально-революционном движении оказался на стороне партии Сунь Ятсена, а не генералов У Пэйфу, Чжан Готао и др., на что нацеливал в то время Коминтерн.

Из документов следует, что с 1927 г. КИ укрепил свои позиции и добился роста своего влияния и на ВКП(б) и на КПК. С годами он все более становился инструментом ВКП(б). Тщательное знакомство с данным сборником документов демонстрирует факт большего внимания КИ к западному направлению. Китай в политике КИ не занимал значительного места по ряду причин. Удаленность от Москвы и сложности внутриполитической обстановки в КР создавали условия для ослабления контроля КИ и его китайской секции над деятельностью КПК в Китае, которая в первой половине 1930-х гг. пыталась создавать очаги советской власти в сельской местности, одновременно противостояла карательным походам ГМД. С конца 1930-х – в первой половине 1940-х гг. КПК находилась в условиях войны с японским агрессором.

Неудача попыток осуществления мировой революции в Германии, Болгарии и других европейских странах, как показывают документы, возможно, несколько снизила радикальные настроения ВКП(б) и КИ на восточном направлении, однако не заставила отказаться от идеи осуществления в Китае аграрной революции в 1927–1928 гг. и от ширококомасштабной организации советского движения, потерпевшего крах в 1934 г. Говоря об ошибках КИ, подчеркнем сложность ситуации в целом, объективные трудности в поисках правильных решений. Одна из серьезных ошибок КИ первой половины 1930-х гг. заключалась в длительном сохранении резко конфронтационной позиции по отношению к социал-демократии, что означало затягивание формирования политики единого фронта и на Западе, и на Востоке. Только опыт антифашистской борьбы в Европе убедил руководство ВКП(б) и КИ выдвинуть на передний план антифашистские и антивоенные задачи, а не меры по подготовке социалистической революции.

Показано, что после VII Конгресса Коминтерна была осуществлена комплексная реорганизация его политики, согласно которой вектор общего стратегического плана направлялся на объединение всех демократических сил в борьбе с международной агрессией. Несмотря на ряд принятых решений не подменять политику КИ политикой ВКП(б), руководство ВКП(б) продолжало контролировать и направлять политику КИ. Сборник содержит убедительные материалы о значительном влиянии И.В. Сталина на разработку Коминтерном политики создания единого национального антияпонского фронта в Китае и внедрении ее в практику.

Включенные в сборник документы и материалы показывают, насколько масштабной была деятельность Коминтерна в последние предвоенные годы и в период Второй мировой войны, что до публикации книги не было настолько хорошо известно специалистам

и общественности. Она охватывала десятки стран Запада и Востока: это и подготовка национальных кадров, и заброска кадров на оккупированные территории, организация радиопропаганды, работа с военнопленными и т.д.

Не углубляясь в содержание документов по актуальной теме репрессий в отношении кадров КИ, начавшихся в 1935 г., лишь отметим, что аппарат ИККИ считался чуть ли ни основным каналом просачивания в СССР диверсионных элементов; имели место многочисленные аресты, закрытие всех учебных заведений ИККИ, включая Международную ленинскую школу, подготовившую для многих стран, в том числе для КПК, квалифицированные кадры, роспуск Компартии Польши и т.д.

Несмотря на ряд негативных событий, связанных с деятельностью КИ, материалы сборника свидетельствуют, во-первых, о стремлении КИ строить политику в Китае, адекватную ситуации, что не всегда получалось, во-вторых, о его значительной роли в организации антифашистской антияпонской борьбы, что имеет мировое значение. Документы не оставляют сомнений в том, что «И. Сталин и его ближайшее окружение направляли Коминтерн на развертывание борьбы с фашизмом, организацию европейского движения Сопротивления и национально-освободительной антифашистской войны»¹⁰¹.

К изложенной выше тематике примыкают два сборника, которые подготовлены в ИДВ РАН А.И. Картуновой. В 2003 г. вышел сборник документов и материалов под названием «В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг. Новые документы главного военного советника»¹⁰². А.И. Картунова выступает в роли составителя, ответственного редактора, автора введения и примечаний. Прделана большая и интересная работа. Документы характеризуют В.К. Блюхера как выдающегося военачальника, умного интересного человека, чья жизнь и деятельность оказалась тесно связанной с революционными событиями в Китае, в которых он сам выступал одним из главных действующих лиц.

Поскольку в китайском национально-революционном движении большая роль принадлежала военному фактору, деятельность начальника Южнокитайской группы военных советников, прикомандированных к Кантонскому (Гуанчжоускому), а с 1 июля 1925 г. к Национальному (гоминьдановскому) правительству, оказалась в гуще событий, вследствие чего главный военный советник и его группа обладали большей мобильностью и возможностью видения сути внутривосточной ситуации в Китае того времени. В.К. Блюхер значительно раньше других советников и многих китайских коммунистов понял военную специфику революционного движения, его результаты он связывал больше с успехами военного строительства, чем с уровнем рабочего и крестьянского движения тех лет. Выпуску данной работы предшествовало издание в 1970 г. (переиздание в 1979 г.) сборника документов и материалов о деятельности В.К. Блюхера и военных советников¹⁰³, которое также было подготовлено А.И. Картуновой. Еще первый подготовленный ею сборник был очень положительно воспринят советскими и зарубежными историками. Его материалы содержали основу для внесения коррективов в сложившиеся в историографии представления историков о расстановке политических сил в стране и характере социальной среды того времени, о программе ГМД, представлениях его лидера Сунь Ятсена о национально-освободительном движении Китая, о Северном походе 1926–1928 гг., направленном на восстановление национального суверенитета Китая и объединение страны. В 1927 г. В.К. Блюхер вернулся в СССР. Опубликованный А.И. Картуновой в 2003 г. сборник документов о В.К. Блюхере более информативный, он включает наряду с другими материалами полную, в отличие от издания 1970 г., публикацию рукописи В.К. Блюхера под названием «Гуандун. Очерк военных событий. Декабрь 1924 г. – июль 1925 г.» (док. № 2). В.К. Блюхер закончил этот очерк после первой командировки на юг Китая (сентябрь 1924 г. – конец мая 1925 г.) в сентябре 1925 г. Период его второй командировки в Китай – май 1926 г. – сентябрь 1927 г. Военный талант В.К. Блюхера, как показывают документы, сыграл значительную роль в создании при

Кантонском (Гуанчжоуском) правительстве Сунь Ятсена армии нового типа, отличной от армий милитаристов. В течение 1924–1925 гг. армия создавалась и укреплялась в ходе военных действий вооруженных подразделений Сунь Ятсена с военными подразделениями Чэнь Цзюньмина – бывшего соратника Сунь Ятсена, войсками юннаньских и гуансийских генералов, стремившихся контролировать провинцию Гуандун. В результате I и II Восточных походов к концу 1925 г. была заложена основа военного строительства в Кантонской революционной базе¹⁰⁴. Необходимо отметить включение в сборник ряда документов об организации и работе военной школы Хуанпу, создавшей костяк вооруженных сил гоминьдановской армии, о роли В.К. Блюхера в работе школы, о значении ее выпускников в вытеснении с Юга войск мятежных генералов. Вторая командировка В.К. Блюхера совпала с Северным походом, – центральным событием национальной революции в Китае. Документы показывают трудности В.К. Блюхера, часто обусловленные с отсутствием постоянно действовавших каналов связи как с Национальным правительством, так и с Москвой, необходимостью принятия несогласованных с китайским генералитетом и с Москвой решений, «конфликтом интересов» с главным политическим советником ГМД М.М. Бородиным, склонным в 1927 г. к принятию радикальных решений, нередко под влиянием КИ.

В сборник включены материалы о не известных историкам событиях, связанных с Хубэйской и Цзянсийской операциями Северного похода; в нем представлены документы и материалы о взаимоотношениях генералов Чан Кайши и Тан Шэнчжи, существенно повлиявших на расстановку военных и политических сил, дана оценка В.К. Блюхера «революционности» этих генералов¹⁰⁵. Следует отметить, что В.К. Блюхер, принимавший самое активное участие в составлении планов Северного похода, хорошо понимал ситуацию в Китае, знал многих генералов и их настроения. Так, он никогда не заблуждался относительно политических воззрений генералов Тан Шэнчжи и Фэн Юйсяна, не доверял им и был уверен, что они не являются верными сторонниками Уханьского правительства, что подтверждено развитием событий. Вместе с тем, в отличие от руководства КИ и от главного политического советника ЦИК ГМД М.М. Бородина, он более реалистично оценивал возможности генерала Чан Кайши, указывал своим оппонентам на масштабную поддержку его политики Гоминьданом, иностранными державами, предпринимателями и торговцами, на его авторитет в военной среде. Неоднократно он обращал внимание и на расхождение между положениями нормативных документов военной школы Хуанпу и стилем поведения советских военных советников в управленческих структурах Хуанпу и в военных корпусах¹⁰⁶.

Документы содержат немало сведений о помощи советских политических и военных советников в реорганизации ГМД в массовую «партию действия», в создании Гоминьданом армии нового типа, существенно отличавшейся от вооруженных сил милитаристов. Совершенно очевиден вклад советских военных советников в победу Северного похода в 1928 г., покончившую с засильем системы регионального милитаризма, поставившей Китай на грань системного кризиса. Немалая роль в достижении ГМД военных успехов принадлежала СССР, оказавших Гоминьдану материально-финансовую помощь, помощь оружием, советниками и т.д.

Сборник содержит 17 документов, из них 13 составлены В.К. Блюхером. Представляет интерес и Приложение, включающее четыре документа и содержащее оценки В.К. Блюхером военно-политических проблем, связанных с деятельностью Уханьского правительства и взаимоотношений советских советников В.К. Блюхера и М.М. Бородина. Сборник документов вызвал большой интерес китайских коллег. Документальное освещение темы политики КИ и СССР в Китае, прямо связанной и с развитием советско-китайских отношений, а также с формированием национально-революционного и коммунистического движений в Китае, продолжает изданная в 2008 г. А.И. Картуновой переписка

(август 1923 г. – 1926 г.) генерального секретаря ЦК РКП(б) / ВКП(б) И.В. Сталина и полпреда в Китае Л.М. Карахана (РГАСПИ), а также наркома иностранных дел СССР Г.В. Чичерина и Л.М. Карахана (АВП РФ)¹⁰⁷. Жанр переписки в источниковедении занимает особое место. Содержащаяся в ней информация вкупе с информацией из опубликованных документов политических, государственных и партийных органов не только воссоздает атмосферу времени, но и уточняет и конкретизирует внутри- и внешнеполитические проблемы, помогает вскрыть подоплеку тех или иных важных политических решений. Переписка И.В. Сталина и Л.М. Карахана публикуется впервые, в то время как переписка Г.В. Чичерина и Л.М. Карахана публиковалась и ранее, однако не в таких масштабах. По сравнению с перепиской Г.В. Чичерина и Л.М. Карахана переписка И.В. Сталина с Л.М. Караханом занимает незначительное место.

Содержание данного сборника подтверждает известное из истории российской дипломатии в Китае факт тщательного подбора кадров для работы в Китае. Так, имя Л.М. Карахана, полпреда СССР в КР в течение 1923–1926 гг., как дипломата было хорошо известно в Китае и ранее. Переписка на конкретных примерах демонстрирует высокую профессиональную подготовку полпреда СССР в Китае, а также показывает глубокое проникновение в проблемы российско-китайского взаимодействия И.В. Сталина и Г.В. Чичерина.

Обозначим ряд направлений и событий, вызывавших особое внимание И.В. Сталина, Г.В. Чичерина и Л.М. Карахана. Широкое освещение в переписке получили переговоры Л.М. Карахана с представителями Пекинского правительства о подготовке «Соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой» (заключено 31 мая 1924 г.). Переписка дает полное представление об огромных усилиях Л.М. Карахана в деле подготовки данного соглашения, подписанию которого активно мешали США¹⁰⁸. Из истории известно, что по этому вопросу не было единства и в китайской среде. Даже Сунь Ятсена, с партией которого развивались особо дружеские связи и который сам надеялся на официальное признание Кантонского правительства Москвой, пришлось долго убеждать в необходимости заключения соглашения по государственной линии между СССР и КР. Большие заслуги в этом принадлежали также главному политическому советнику Сунь Ятсена и ЦИК Гоминьдана М.М. Бородину. Новые факты представлены в переписке по вопросу подписания соглашения с Мукденом от 20 сентября 1924 г., среди них – подробности преодоления конфликта интересов СССР с Чжан Цзолинем относительно КВЖД, который усиливался давлением на Чжан Цзолиня со стороны Японии и некоторых западных держав¹⁰⁹.

Как и в серии документов «ВКП(б), Коминтерн и Китай», в данном сборнике содержится ряд материалов о том, что ВКП(б) и КИ не сразу определили в лагере национально-освободительного движения наиболее перспективную политическую силу, способную возглавить борьбу с северными (бэйянскими) милитаристами; некоторые руководящие лица КИ и ВКП(б) не сразу увидели разницу между милитаристскими группировками Чжан Цзолиня, У Пэйфу и другими, с одной стороны, и Сунь Ятсеном и его партией – с другой. В переписке нашла отражение и продолжение представленная в серии документов «ВКП(б), Коминтерн и Китай» тема разработки северного маршрута революции с опорой на Национальные армии Фэн Юйсяна и Ху Цзиньши.

Судя по переписке, Л.М. Карахан, поддерживавший постоянный контакт с политическим советником Сунь Ятсена и ЦИК Гоминьдана М.М. Бородиным, был в курсе всех событий внутренней жизни и Северного, и Южного Китая, лучше многих представителей КИ представлял программу и политику ГМД, что способствовало проведению СССР достаточно адекватной политики как по отношению к официальной власти КР, так и при контактах с лагерем национально-революционного движения. Поддержка Москвой и КИ Северного похода (разногласия между ГМД и КИ имели место главным образом по вопро-

су времени выступления НРА в Северный поход) является ярким примером объективного подхода советской стороны к решению ряда принципиальных проблем национально-освободительного движения.

Переписка показывает и достижения, и просчеты советской стороны в организации взаимодействия СССР с национально-революционным движением. Так, по мнению М.В. Фрунзе, Л.М. Карахан выдвигал завышенные требования к советской стороне в оказании генералу Фэн Юйсяну финансовой помощи. Дальнейшее развитие событий подтвердило факт переоценки Л.М. Караханом значения Фэн Юйсяна в национально-революционном движении.

Переписка выявила имевшие место разногласия по ряду вопросов в Кантонском правительстве, связанные в том числе с периодически возникавшими конфликтными ситуациями на КВЖД, в возникновении которых была повинна то китайская, то российская сторона. Большое внимание в переписке уделено инспекционной поездке в Китай военно-политической комиссии Политбюро ЦК ВКП(б), возглавлявшейся членом ЦК и Оргбюро ЦК ВКП(б), начальником Политуправления РККА А.С. Бубновым (Ивановским), которая работала в Китае с начала февраля 1926 г. по конец апреля 1926 г. Результат деятельности комиссии, призванной наряду с решением задачи по урегулированию ситуации вокруг КВЖД исправить допущенные КИ ошибки в работе советских советников при ГМД и его армии, оценивался по-разному. Как следует из документов, в СССР преобладала точка зрения сделать крайними М.М. Бородин и Л.М. Карахана. Между тем материалы и документы свидетельствуют о том, что внутренняя ситуация была сложнее и причины конфликтов были больше связаны с недостаточным знанием в КИ и ВКП(б) политической программы и практики ГМД, а также положения в Китае в целом.

В освещении темы «ВКП(б), Коминтерн и Китай» большой вклад вносит публикация документов известного в 1920-х гг. деятеля КИ К.Б. Радека, предпринятая китаеведом А.В. Панцовым¹¹⁰, выпускником ИСАА при МГУ, ныне живущим и работающим в США, однако не теряющим научных контактов с российскими учреждениями и коллегами. Как следует из книги, теорией и практикой китайской революции К.Б. Радек занимался вплотную в 1923–1927 гг., особенно – в 1925–1927 гг., когда являлся ректором Университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена. Одновременно он был заметной фигурой отечественного китаеведения. Сборник содержит девять документов из РГАСПИ и два документа из АРАН. И документы, и вступительная статья А.В. Панцова показывают деятельность Карла Радека не только как теоретика и практика китайской политики КИ, но и как активного участника внутрипартийной оппозиции в ВКП(б). Все приводимые в сборнике документы весьма значительны, расширяют исторический фон, на котором разворачивались события китайской революции, свидетельствуют о высоком напряжении в ВКП(б) и в КИ при решении дискуссионных проблем по вопросам национальной революции в Китае. Содержание работы показывает вместе с тем отсутствие полной ясности по вопросу избрания в КИ и ВКП(б) адекватной ситуации в Китае стратегического курса, в том числе при решении проблемы выхода КПК из ГМД по мере нарастания противоречий в «едином фронте». Отметим при этом недостаточную убедительность мнения А.В. Панцова по проблеме поиска причин поражения стратегии КПК в национальной революции, которая связывается им в основном с продолжением вхождения коммунистов в ГМД. При этом основная часть вины по данному вопросу возлагается им на И.В. Сталина. Правомерность данного тезиса представляется не вполне доказанной, учитывая сложную ситуацию 1920-х гг., положение в ГМД и преимущества легальной деятельности КПК, предусмотренные политикой «единого фронта» с Гоминьданом. В силу этих обстоятельств возникают сомнения в полной справедливости положений, выдвигаемых А.В. Панцовым. В целом представленная книга, вызывающая научные дискуссии, снабженная превосходным научным аппаратом: примечаниями, библиографией, биобиблиографией, вкуче с широтой знаний редактора

и составителя, автора вступительной статьи, выходит в ряд высокопрофессиональных работ, открывает новые перспективы для научных исследований.

Предпринятая нами характеристика блока крупных документальных серий документов и документальных сборников, изданных в течение 1990–2000-х гг., содержащих достоверную источниковедческую базу для изучения российско-китайских отношений, национально-освободительного движения и многослойного внутривосточного процесса в Китае, китайской политики ВКП(б) и КИ, свидетельствует о появившейся возможности более углубленного изучения проблем внутренней истории Китая, внешней политики и ликвидации ряда «белых пятен» в политической истории страны, связанных в том числе с определением места партии Сунь Ятсена в национальной революции 20-х гг. XX в. и в целом с событиями демократической революции 20–40-х гг. XX в.

Примечания

- ¹ Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. С. 15.
- ² Подробнее см.: Мясников В.С. Историко-культурные особенности экономического взаимодействия России с Китаем // Россия во внешнеэкономических отношениях: уроки истории и современность. М., 1993. С. 106–123.
- ³ См.: Мясников В.С. Особенности становления договорных отношений России с Китаем // Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916. М., 2006. С. 7–12.
- ⁴ Цит. по: Ипатова А.С. История российско-китайских отношений в документах и материалах (XVII–XX вв.) // НИИ. М., 2013. № 2. С. 73.
- ⁵ Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год, составленное по документам и материалам, хранящимся в Московском архиве Государственной коллегии иностранных дел в 1792–1803 году. Издано в память истекшего 300-летия Сибири В.Ф. Флоринским. Казань. 1882.
- ⁶ Подробнее см.: Ипатова А.С. Указ соч. С. 75.
- ⁷ Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881. СПб., 1889.
- ⁸ Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы / Сост. П.Е. Скачков и В.С. Мясников. М., 1958; Советско-китайские отношения. 1917–1957. Сб. докл. / Отв. ред. И.Ф. Курдюков. М., 1959.
- ⁹ С 1964 по 1966 г. работа по изучению истории двусторонних отношений продолжалась в рамках Отдела истории Института экономики мировой социалистической системы АН СССР под руководством рук. Отдела, зам. директора ИЭМСС АН СССР С.Л. Тихвинского.
- ¹⁰ С 1993 г. работа по проекту «Взаимоотношения России с Китаем в XVII–XX вв.» велась также при финансовой поддержке РГНФ.
- ¹¹ Русско-китайские отношения в XVII веке: материалы и документы. Т. 1: 1608–1683 / Отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. Л.И. Думан, сост.: В.С. Мясников, Н.Ф. Демидова. М., 1969.
- ¹² Русско-китайские отношения в XVII веке: материалы и документы. Т. 2: 1686–1691 / Отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. Л.И. Думан, сост.: В.С. Мясников, Н.Ф. Демидова, И.Т. Мороз. М., 1972.
- ¹³ Русско-китайские отношения в XVIII веке: материалы и документы. Т. 1: 1700–1725 / Отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. В.С. Мясников, сост.: В.С. Мясников, Н.Ф. Демидова. М., 1978.
- ¹⁴ Русско-китайские отношения в XVIII веке: материалы и документы. Т. 2: 1725–1727 / Отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. В.С. Мясников, сост.: Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников, А.И. Тарасова. М., 1990.
- ¹⁵ Русско-китайские отношения в XVIII веке: материалы и документы. Т. 3: 1727–1729 / Отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. В.С. Мясников, сост.: Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников, А.И. Тарасова. М., 2006.
- ¹⁶ Подробнее см.: Там же. С. 28.
- ¹⁷ Россия отказалась от значительных территорий в Западной Монголии, принадлежавших Алтын-Ханам, находившимся почти в течение всего XVII в. в русском подданстве. См.: Там же. С. 22.
- ¹⁸ Там же. С. 7.
- ¹⁹ Там же. Док. № 41.
- ²⁰ Там же. С. 7.
- ²¹ Там же. Док. № 64. С. 187.

- ²² Интересно, что уже вскоре после подписания договора в разноязычных текстах были отмечены некоторые разночтения. Подробнее см.: Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916 / Под общ. ред. В.С. Мясникова, сост.: И.Т. Мороз, В.С. Мясников. М., 2006. С. 592–593.
- ²³ Миссия С.Л. Владиславича-Рагузинского продлилась три года и состояла из 58 раундов переговоров (Т. 3. С. 19). Подробнее о «Статейном списке» см.: *Ипатова А.С.* Посольство С.Л. Владиславича-Рагузинского по материалам его «Статейного списка» (1725–1729) // XIX МНК ККЦиМ: тез. докл. М., 2011. С. 30–33.
- ²⁴ Том выйдет в двух книгах, хронологические рамки 1729–1733 гг. Составители: И.Т. Мороз и В.С. Мясников.
- ²⁵ См.: *Мороз И.Т.* Первое китайское посольство в Санкт-Петербург (1732 г.) // ВА. М., 2010. № 2 (22). С. 19–27.
- ²⁶ Русско-китайские отношения в XVIII веке: документы и материалы. Т. 6: 1752–1765 / Отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. В.С. Мясников, сост.: В.С. Мясников, Г.И. Саркисова. М., 2011.
- ²⁷ Русско-китайские отношения в XVIII веке: документы и материалы. Т. 6. Док. № 17. С. 63–65.
- ²⁸ О Братищеве В.Ф. см.: *Саркисова Г.И.* Российский дипломат В.Ф. Братищев (новые материалы к биографии) // XII науч. конференция ОГК: тез докл. М., 1991. Ч. 3; *Саркисова Г.И.* В.Ф. Братищев и его миссия в Пекине в 1757 г. // ПДВ. 1993. № 3.
- ²⁹ Первоначально И.И. Кропотков должен был доставить «лист» о восшествии на престол Петра III (см. док № 95, с. 234–235), но подготовка миссии затянулась, и потребовалось заменить «обвести-тельный лист» и некоторые другие документы. Переписка по этому вопросу также нашла отражение в томе.
- ³⁰ Русско-китайские отношения в XVIII веке: документы и материалы. Т. 6. Док. № 28, 29.
- ³¹ Там же. Док. № 62.
- ³² Там же. Прил. № 1. С. 331–348.
- ³³ Там же. Док. № 126.
- ³⁴ Русско-китайские договорно-правовые акты. С. 53–58.
- ³⁵ Там же. С. 53.
- ³⁶ Там же. С. 10.
- ³⁷ Русско-китайские отношения в XIX веке: материалы и документы. Т. 1: 1803–1807 / Отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. В.С. Мясников, сост.: М.Б. Давыдова, И.Т. Мороз, В.С. Мясников, Н.Ю. Новгородская. М., 1995.
- ³⁸ Русско-китайские отношения в XIX веке: материалы и документы. Т. 1. С. 7.
- ³⁹ Русско-китайские отношения в XIX веке: материалы и документы. Т. 1. Док. № 130. С. 179–180.
- ⁴⁰ Там же. Док. № 131. С. 185.
- ⁴¹ Там же. Док. № 130. С. 182.
- ⁴² Там же. С. 181–182.
- ⁴³ Русско-китайские договорно-правовые акты. С. 12. Подробнее см.: *Мясников В.С.* Семь особенностей и семь моделей отношений России с Китаем (Россия и Китай на пороге тысячелетий) // Российское самодержавие и бюрократия: сб. ст. в честь Н.Ф. Демидовой. Москва–Новосибирск, 2000. С. 306–325.
- ⁴⁴ Русско-китайские отношения в XX веке: документы и материалы. Т. 4. Советско-китайские отношения, 1937–1945. Кн. 1 / Отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. В.С. Мясников, сост.: А.М. Ледовский, Р.А. Мировицкая, В.С. Мясников. М., 2000. С. 6.
- ⁴⁵ Русско-китайские отношения в XX веке: документы и материалы. Т. 3: Советско-китайские отношения, сентябрь 1931 – сентябрь 1937 / Отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. В.С. Мясников, сост.: А.М. Ледовский, Р.А. Мировицкая, В.С. Мясников. М., 2010.
- ⁴⁶ Там же. Док. № 158. С. 219; Док. № 181. С. 253–255.
- ⁴⁷ Там же. Док. № 65. С. 97.
- ⁴⁸ Там же. Док. № 40. С. 72–73.
- ⁴⁹ Там же. Док. № 114. С. 151.
- ⁵⁰ Там же. Док. № 191. С. 277–278.
- ⁵¹ Там же. Док. № 141. С. 193.
- ⁵² Там же. Док. № 328–329.
- ⁵³ Там же. Док. № 331.
- ⁵⁴ Там же. Док. № 325. С. 516.
- ⁵⁵ Там же. Док. № 335. С. 551.

- ⁵⁶ Там же. Док. № 395.
- ⁵⁷ Русско-китайские отношения в XX веке: документы и материалы. Т. 4: Советско-китайские отношения, 1937–1945. Кн. 1, 2 / Отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. В.С. Мясников, сост.: А.М. Ледовский, Р.А. Мировицкая, В.С. Мясников. М., 2000. Док. № 53. С. 88–89.
- ⁵⁸ Там же. Кн. 1. Примеч. 1 к док. № 53. С. 583
- ⁵⁹ Там же. Док. № 60–61.
- ⁶⁰ Там же. Док. № 129.
- ⁶¹ Там же. Док. № 477.
- ⁶² Там же. Док. № 705–709.
- ⁶³ Там же. Док. № 710.
- ⁶⁴ Там же. С. 19.
- ⁶⁵ Там же. Кн. 1. Док. № 124, 127, 213, 246, 578–579; Кн. 2. Док. № 656, 668.
- ⁶⁶ Там же. Кн. 1. Док. № 179–180.
- ⁶⁷ Русско-китайские отношения в XX веке. Документы и материалы. Т. 5: Советско-китайские отношения. 1946 – февраль 1950. Кн. 1, 2 / Отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. В.С. Мясников, сост.: А.М. Ледовский, Р.А. Мировицкая, В.С. Мясников. М., 2006.
- ⁶⁸ См.: Русско-китайские отношения в XX веке. Документы и материалы. Т. 4. Кн. 2. Док. № 824, 827, 829; Т. 5. Кн. 1. Док. № 3.
- ⁶⁹ Русско-китайские отношения в XX веке. Документы и материалы. Т. 5. Кн. 2. Док. № 426–435, 437.
- ⁷⁰ Там же. Док. № 490–491.
- ⁷¹ Там же. Док. № 544, 564.
- ⁷² Там же. Док. № 576. Впервые опубли.: *Мировицкая Р.А.* Не публиковавшееся Дополнительное соглашение к Договору о дружбе, союзе и взаимопомощи между СССР и КНР (14 февраля 1950 г.) // Китай в диалоге цивилизаций: к 70-летию академика М.Л. Титаренко. М., 2004. С. 469–470.
- ⁷³ *Покровский Н.Н.* Русско-китайские отношения в XVII–XVIII вв. Т. 1–4. М., 1969–1990 // НИИ. М., 1992. № 2. С. 208–211; *Воскресенский А.Д.* Размышления над новой книгой // Вестник РАН. 2001. № 7. С. 650–655 и др.
- ⁷⁴ *Инатова А.С.* Указ. соч. С. 92; *Покровский Н.Н.* Русско-китайские отношения в XVII–XVIII вв. Т. 1–4. М., 1969–1990.
- ⁷⁵ *Мороз И.Т.* Китайское посольство Тулишэня к калмыцкому хану Аюке на Волгу (1712–1715 гг.) // ВА. М., 2009. № 2 (20). С. 28–40; *Мороз И.Т.* Первое китайское посольство в Санкт-Петербург (1732 г.) // ВА. М., 2010. № 2 (22). С. 19–27; *Инатова А.С.* Посольство С.Л. Владиславича-Рагузинского по материалам его «Статейного списка» // Вековой путь Китая к прогрессу и модернизации: К 100-летию Синьхайской революции // XIX МНК ККЦИМ: тез. докл. М., 2011; *Инатова А.С.* Российско-китайские отношения в XVII – первой трети XVIII в. Фрагменты истории (по материалам документальной серии «Русско-китайские отношения в XVII–XX вв.») // Китай в эпицентре глобальных проблем АТР // XX МНК ККЦИМ: тез. докл. М., 2013; *Саркисова Г.И.* Из истории российско-китайских отношений: Международный акт о порядке российско-китайской торговли через Кяхту и пограничном режиме (8 февраля 1792 г.) (по архивным материалам). // Восток–Запад. Историко-литературный альманах. 2011–2012. М., 2013. С. 61–76; *Саркисова Г.И.* Из истории подготовки и заключения Международного акта о порядке русско-китайской торговли через Кяхту и пограничном режиме (8 февраля 1792 г.) // Исторические события в жизни Китая и современность. М., 2013; *Саркисова Г.И.* К пользе казенного интереса и купечества. (Архивные материалы о деятельности полномочного комиссара И.И. Кропотова на российско-китайской границе в Кяхте в 1768 г.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М., 2013. Вып. XVIII. С. 359–380; *Саркисова Г.И.* Российский дипломат В.Ф. (новые материалы к биографии) // XII научная конференция ОГК: тез. докл. М., 1991. Ч. 3; *Саркисова Г.И.* В.Ф. Братищев и его миссия в Пекине в 1757 г. // ПДВ. М., 1993. № 3.
- ⁷⁶ ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. I: 1920–1925 / Ред. кол.: М.Л. Титаренко, Го Хэньюй, (рук. работы), К.М. Андерсон, В.И. Глунин, А.М. Григорьев, М. Лейтнер, Р. Фельбер // ВКП(б), Коминтерн и Китай. В 5 т. М., 1994.
- ⁷⁷ ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. II: 1926–1927. В 2 ч. / Ред. кол.: М.Л. Титаренко, М. Лейтнер (рук. работы), К.М. Андерсон, В.И. Глунин, А.М. Григорьев, Р. Фельбер, К.В. Шевелев // ВКП(б), Коминтерн и Китай. В 5 т. М., 1996.
- ⁷⁸ ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. Документы. Т. III: 1927–1931. В 2 ч. / Ред. кол.: М.Л. Титаренко, М. Лейтнер (рук. работы), К.М. Андерсон, В.И. Глунин, А.М. Григорьев, И. Крюгер, Р. Фельбер, К.В. Шевелев // ВКП(б), Коминтерн и Китай. В 5 т. М., 1999.

- ⁷⁹ ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. Документы. Т. IV: 1931–1937. В 2 ч. / Ред. кол.: М.Л. Титаренко, М. Лейтнер (руководители работы), К.М. Андерсон, В.И. Глунин, А.М. Григорьев, И. Крюгер, Р. Фельбер, К.В. Шевелев // ВКП(б), Коминтерн и Китай. В 5 т. М., 2003; ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. Документы. Т. V: 1937 – май 1943 / Ред. кол.: М.Л. Титаренко, М. Лейтнер (руководители работы), К.М. Андерсон, А.М. Григорьев, А.И. Картунова, И. Крюгер, Н.И. Мельникова, К.В. Шевелев // ВКП(б), Коминтерн и Китай. В 5 т. М., 2007.
- ⁸⁰ См.: Картунова А. К завершению издания серии сборников документов «ВКП(б), Коминтерн и Китай. 1920 – май 1943 гг.» // ПДВ. М., 2008. № 1. С. 103.
- ⁸¹ Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы. М., 1986.
- ⁸² Документы внешней политики СССР. Т. I–X. М., 1957–1965.
- ⁸³ *Сунь Ятсен*. Избр. произв. 2-е изд., испр. и доп. М., 1985.
- ⁸⁴ См.: *Saich T.* The Origins of the First United Front in China. The Role of Sneefliet (alias Maring). 2 vols. Leiden, 1991.
- ⁸⁵ ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. I. Док. № 141, 144, 146, 152, 153, 158, 160–163, 166, 171–173, 177, 180, 192, 195.
- ⁸⁶ Недочеты подобного рода отмечал в своей рецензии на II том документов и Ю. Гарушняц. См.: Гарушняц Ю. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. II // ПДВ. М., 1997. № 4. С. 149.
- ⁸⁷ ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. III. М., 1999.
- ⁸⁸ ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. V. Док. № 1.
- ⁸⁹ Там же. Док. № 65, 126, 140, 157, 180, 198, 202, 217.
- ⁹⁰ Там же. Док. № 180.
- ⁹¹ Там же. Док. № 172.
- ⁹² Там же. Док. № 28, 57, 69, 94, 116, 124, 157, 173, 202.
- ⁹³ Там же. Док. № 70.
- ⁹⁴ Там же. Док. № 47, 48, 53.
- ⁹⁵ Там же. Док. № 7.
- ⁹⁶ ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. IV. Ч. 2. Док. № 285.
- ⁹⁷ ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. V. Док. № 291.
- ⁹⁸ ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. V. Док. № 291. С. 669.
- ⁹⁹ Там же. С. 671.
- ¹⁰⁰ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919 – 1943 гг. Документы / Ред. кол.: Г.М. Адибеков (отв. ред.-подг.), К.М. Андерсон, К.К. Шириня (отв. ред.-подг.) / составители: Г.М. Адибеков, Ж.Г. Адибекова, Л.А. Роговая, К.К. Шириня. М., 2004.
- ¹⁰¹ *Адибеков Г.М., Шириня К.К.* Предисловие // Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. С. 18.
- ¹⁰² В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг. Новые документы главного военного советника / Сост., отв. ред., авт. введения и примеч. А.И. Картунова. М., 2003.
- ¹⁰³ *Картунова А.И.* В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг. Документированный очерк. Документы. М., 1979.
- ¹⁰⁴ В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг. Новые документы главного военного советника. М., 2003. С. 397–432.
- ¹⁰⁵ Там же. Док. № 10–12.
- ¹⁰⁶ Там же. Док. № 1, 3, 4.
- ¹⁰⁷ Переписка И.В. Сталина и Г. В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом: документы, август 1923 г. – 1926 г. / Сост., отв. ред.-подг., автор предисл. А.И. Картунова, гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 2008.
- ¹⁰⁸ Там же. Док. № 7, 12, 15, 44. 46, 54.
- ¹⁰⁹ Там же. Док. № 9.
- ¹¹⁰ Карл Радек о Китае. Документы и материалы / Ред. и сост. А.В. Панцов. М., 2005.

РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ КИТАЯ: ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

Активность российских китаеведов в изучении истории Китая обусловлена рядом факторов. Среди них – наличие длительной границы между Россией и Китаем, участие России в различных формах в важнейших исторических событиях Китая. Наиболее впечатляющие события, в которых переплеталась история обоих государств и закладывались основы сближения российского и китайского народов, особенно характерны для первой половины XX в. – периода войн, революций, политических и социальных движений, а также для первого десятилетия дружбы и сотрудничества между СССР и КНР (1949–1960), вошедшего в историческое сознание обоих народов, хотя по ряду причин эти события уже стираются в памяти не только населения обоих государств, но и некоторых китайских и российских историков.

Российскую историографию сближает с историей Китая наличие «золотого фонда» отечественного китаеведения. Это значительное количество статей и брошюр, написанных в жанре политической публицистики очевидцами и участниками революционного движения Китая и важных политических событий 1920–1940-х гг. Наряду с наличием произведения мемуарного характера, литература подобного рода «приближает» к пониманию китайской истории. Участие Советского государства, его правящей партии и международного коммунистического движения в политических событиях, включая помощь Китаю со стороны СССР и влияние представителей Советского государства и КИ на формирование национального самосознания китайского народа, особенно в годы антияпонской войны, свидетельствует об относительно больших возможностях российских исследователей Китая в освещении истории страны.

Нельзя не отметить и наличия в отдельные исторические периоды негативного развития событий, затрагивавших внутреннюю ситуацию в Китае и тесно связанные с ней внешнеполитические аспекты российско-китайских отношений. Российская историография тщательно изучала и изучает эти моменты, группирующиеся чаще всего в области внешней политики, особенно вокруг пограничных проблем, однако потерявшие свою остроту и актуальность после Второй мировой войны и особенно после подписания нашими государствами Договора о дружбе и сотрудничестве в 2001 г. В сфере внутренней политики конфликт интересов включал главным образом проблемы КВЖД, Синьцзяна,

Монголии, но, в основном концентрировался вокруг параллельного развития и сочетания советско-китайских отношений государственного уровня и интернациональных связей ВКП(б) и КИ с Коммунистической партией Китая. При этом обратим особое внимание на утвердившуюся в российской и китайской историографии точку зрения о преобладании в развитии российско-китайских отношений конструктивных тенденций.

Отраженные в работах советских и российских историков основные направления взаимодействия между нашими народами и их государствами, условия, в которых оно осуществлялось, дают представление о «причастности» отечественной истории к истории Китая. Как следует из отечественной историографии Китая, российскому китаеведению свойственно так называемое «историческое сознание», позволяющее глубоко чувствовать и ощущать историю своего великого соседа, реалии исторического прошлого и настоящего.

Распад Советского Союза и изменение общественно-политического строя России имел для российского китаеведения, прежде всего, российской историографии Китая, противоречивый результат. Глубокий финансовый и экономический кризис в России прямо затронул российскую науку. Простое количественное сопоставление выхода в свет фундаментальных исследований монографического плана и обобщающих работ в 1990-х гг. по сравнению с несколькими предыдущими десятилетиями свидетельствовало о снижении числа новых исследований. Китаеведение потеряло целый ряд профессионалов-историков, покинувших территорию новой России. В целом утвердившийся в советское время системный характер изучения истории Китая дал трещину, но в силу ряда особенностей, в том числе названных выше, китаеведение как таковое сумело удержаться на определенных позициях, а изучение истории Китая продолжалось, хотя и не столь высокими темпами.

Перед российской историографией выдвигается ряд важных задач научного и геополитического плана: привлечь внимание мировой науки к достижениям советских и российских исследований, четко обозначить их; выделить основные направления в источниковедении и историографии, одновременно направить усилия к дальнейшему изучению истории Китая, продемонстрировать знание истории Китая и глубокий интерес российской науки к истории соседнего государства, продолжить развитие мощного исследовательского процесса, демонстрировавшего в 1950–1980-х гг. высокий уровень.

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ. 1990-е ГОДЫ

Представленная выше характеристика блока документов и материалов, связанных с темой «ВКП(б), Коминтерн и Китай», а также с направлением «СССР и национально-освободительное движение в Китае», охватывает российское источниковедение 90-х гг. XX в. и начала 2000-х гг. Эта документальная серия и отдельные крупные сборники документов по данной или смежной тематике далеко не исчерпывают опубликованную в 1990-е и 2000-е годы документальную базу по новой и новейшей истории Китая.

Между тем помимо документов, связанных в той или иной степени с «коминтерноведением», издавались интересные и важные для исследований документы, мемуары, записки, хотя и не в форме серийных изданий. Если до самороспуска КИ в 1943 г. большинство контактов КПК с ВКП(б) и СССР осуществлялось через КИ, то впоследствии развивалась тенденция установления прямых каналов связи между руководством КПК и И.В. Сталиным. Это направление отражено в ряде документов, впервые опубликованных А.М. Ледовским, историком и дипломатом, который с 1942 г. по 1952 г. с небольшим перерывом осуществлял дипломатическую деятельность в КР – до 1949 г., с 1949 г. – в КНР, активно работавшим после завершения дипломатической карьеры в ИДВ РАН. Его публи-

кации внесли свежую струю в расширение источниковедческой базы изучения истории Китая¹. Предпринятые А.М. Ледовским публикации документов и материалов содержали новую информацию, связанную не только с деятельностью Мао Цзэдуна и китайских коммунистов и их взаимодействием с И.В. Сталиным, ВКП(б) и СССР, но и с событиями противоположного лагеря.

Особое место в ряду документальных источников занимают материалы о визите советского государственного и политического деятеля А.И. Микояна в Китай в январе – феврале 1949 г. Это было очень ответственное для КПК время, когда решались сложные вопросы войны и мира. Среди них на повестку дня выходил дискуссионный вопрос об отношениях КПК с демократическими партиями после победы над ГМД. В отличие от китайского руководства, считавшего, что после победы революции все партии, кроме КПК, должны уйти с политической арены, ЦК ВКП(б) во главе с И.В. Сталиным выдвигал иную точку зрения. Она состояла в утверждении о необходимости сохранения отношений сотрудничества КПК с демократическими партиями и после победы КПК в гражданской войне с ГМД. Как следует из Записки А.И. Микояна в Президиум ЦК КПСС о поездке в Китай в январе – феврале 1949 г., «в связи с этим советом КПК изменила свою политику в отношении буржуазных партий»². Историческую ценность имеет публикация А.М. Ледовского о визите в Москву делегации КПК во главе с членом ПБ ЦК КПК, секретарем ЦК КПК Лю Шаоци (июнь – август 1949 г.)³, о котором в исторической литературе было мало сведений. Как показывает публикация архивных документов, в ходе переговоров представителей КПК с И.В. Сталиным и с партийным руководством СССР обсуждались важнейшие для заключительного периода демократической революции в Китае вопросы о завершении войны и новом политическом и государственном строительстве. По теме выделения кредитов И.В. Сталин изложил мнение ЦК ВКП(б) о решении удовлетворить просьбу китайских товарищей и предоставить ЦК КПК кредит в 300 млн долл.; положительное решение советской стороны получила и просьба КПК о направлении в Китай специалистов различных профилей; китайской стороной было получено обещание об оказании определенной помощи КПК в создании флота и укреплении обороны Циндао после провозглашения всекитайского правительства. Кроме того, И.В. Сталин рекомендовал ускорить занятия Синьцзяна и проводить политику заселения китайцами приграничных районов в интересах укрепления обороны Китая⁴.

Весьма примечательно очень внимательное отношение И.В. Сталина ко всем поставленным КПК вопросам и искреннее стремление глубоко вникнуть в китайские проблемы⁵. Со стороны Лю Шаоци была выражена благодарность И.В. Сталину и СССР «за помощь китайскому народу»⁶.

В это сложное время, когда КПК еще не достигла победы, а США активно поддерживали ГМД, КПК предприняла определенные шаги к сближению с США с целью добиться прекращения с их стороны оказания различных форм помощи гоминьдановскому режиму, а также в надежде получить от США финансовую поддержку для развития экономики занятых демократическими силами территорий. Этот сюжет «распутан» и убедительно представлен в публикации академика С.Л. Тихвинского, который исходил из собственного богатого опыта в науке и дипломатической практике. Кроме того, им были привлечены документы из АП РФ, использован документальный сборник документов, опубликованный Госдепартаментом США (1978)⁷. Согласно публикации суть событий заключалась в стремлении КПК получить материальную и финансовую помощь от США в условиях экономической блокады освобожденных коммунистами территорий, не поступаясь при этом собственными принципами и национальными интересами страны. Подобный подход был одобрен И.В. Сталиным, который при этом подчеркивал важность выдвинутого Мао Цзэдуном условия о прекращении поддержки со стороны США гоминьдановского режима как предварительного при сближении КПК с США. По мнению С.Л. Тихвинского, распространенное в англоязычной литературе утверждение о том, что Чжоу Эньлай в мае

1949 г. «направил секретное послание американской миссии в Китае с просьбой о поддержке на завершающих этапах гражданской войны», акцентированное на идее большего значения для КПК сближения с США, чем с СССР, было неверно понято⁸. Как следует из документов, попытка КПК осуществить сближение с США на своих условиях не получила одобрения в США. К лету 1949 г. в правящих кругах Соединенных Штатов возобладали резко антикоммунистические настроения и попытки сближения США с КПК были прекращены.

Опубликованные документы о контактах И.В. Сталина с лидерами КПК охватывают практически весь послевоенный период, в течение которого КПК разрабатывала новую стратегию поведения с Гоминьданом, СССР и США. Документальные источники свидетельствуют о том, что роль СССР в формировании стратегии КПК, ее отношений с крупными державами, в построении планов будущего мирного развития Китая была значительной и, что весьма существенно, рекомендации китайским коммунистам не навязывались И.В. Сталиным, решения принимались в тесном взаимодействии обеих сторон. Большой интерес представляет содержание опубликованной А.М. Ледовским стенограммы переговоров И.В. Сталина с Мао Цзэдуном во время визита Мао Цзэдуна в Москву в декабре 1949 – феврале 1950 г.⁹ Эта встреча была значительной по многим аспектам, но главным образом потому, что была достигнута договоренность с лидером КПК о заключении Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи, заменившего в лучшую для КНР сторону советско-китайский договор 1945 г. После заключения договора 1950 г. контакты на высшем уровне продолжались. На повестку дня вышла задача создания системы всестороннего советско-китайского сотрудничества. Этой проблеме был посвящен визит Чжоу Эньлая в СССР в августе – сентябре 1952 г., в ходе которого имели место переговоры Чжоу Эньлая со Сталиным¹⁰. Опубликованная А.М. Ледовским стенограмма переговоров дает сведения о формировании планов индустриализации Китая, о решении советской стороны направить в Китай советских специалистов различных профилей, о помощи СССР в разработке первого пятилетнего плана, о договоренностях по оказанию со стороны СССР помощи Китаю в укреплении обороноспособности, особенно в связи с корейской войной, и др.

Значительным явлением в процессе публикации документов из фондов АП РФ является подготовленная А.М. Ледовским книга «СССР и Сталин в судьбах Китая»¹¹, большая часть которой состоит из документов, опубликованных автором книги ранее в научных журналах, о которых речь шла выше. В книгу вошли также собственные впечатления автора о событиях в Китае, очевидцем или участником которых он являлся. К примеру, он предоставляет интересные факты о содействии СССР весной 1945 г. организации встречи Мао Цзэдуна с Чан Кайши в Чунцине, о прочной позиции СССР поддержки КПК в перипетиях между ГМД и КПК периода «единого фронта» между ними в годы антияпонской войны, делится своими впечатлениями о миссии представителя президента США Трумэна генерала Дж. Маршалла в переговорном процессе между КПК и ГМД в течение декабря 1945 – января 1946 г. Книга имела большой резонанс в мире историков и политиков, поскольку она проливает свет на малоизвестные или искаженные в историографии (преимущественно – западной, частично – китайской) события внутренней и внешней политики Китая.

В опубликованном письме Мао Цзэдуна, направленном И.В. Сталину в 1946 г., содержится озабоченность, связанная с проблемой взаимодействия КПК и ГМД в период завершения Второй мировой войны и начала послевоенного времени, когда, по выражению Мао Цзэдуна, «Америка протянула свои руки в практические вопросы, возникшие между нашими (КПК и ГМД) партиями», а на повестку дня выходил также вопрос дальнейшего пути развития страны¹². Публикация подготовлена академиком РАН В.С. Мясниковым. За скупыми строчками информации стоит вопрос, вернее, желание коммунистической стороны, окрепшей, но еще недостаточно сильной, привлечь СССР в переговорный процесс.

Изучение в историографии личности лидера китайских коммунистов как теоретика, политика и практика осуществлялось параллельно с признанием его заслуг как знатока китайской поэзии и прозы, китайской философии и истории. В беседе члена-корреспондента РАН Н.Т. Федоренко с Мао Цзэдуном на пути в Москву в декабре 1949 г.¹³ проявилось глубокое знание лидером китайской революции китайской культуры, в том числе иероглифики как науки и культуры и китайской каллиграфии. Мао Цзэдун очень любил поэзию и немало написал собственных стихов, интерес к которым проявляли советские деятели культуры Н.Т. Федоренко, А. Ахматова и другие, который не проходит и в наши дни. Любопытные исторические факты содержатся в докладных записках П.Ф. Юдина И.В. Сталину и Н.С. Хрущеву¹⁴. Назначению П.Ф. Юдина на пост Чрезвычайного и Полномочного посла СССР в КНР (1953–1959) предшествовала его поездка в Китай в октябре 1950 – январе 1951 г. Как информировал П.Ф. Юдин И.В. Сталина (20 января 1951 г.), одной из важных интересующих китайскую сторону задач являлась задача укрепления межпартийных связей, решение которой китайские руководители связывали с учреждением представительства ЦК ВКП(б) при ЦК КПК. Весьма интересно, что подобная практика уже активно использовалась китайским руководством в отношении ряда азиатских стран. Впечатления П.Ф. Юдина о поездке в Китай в 1951 г. были в целом оптимистичными. Он обращал внимание на единодушие различных слоев населения относительно политики КНР по отношению к войне в Корее и в вопросах политики КПК, но в то же время отмечал и недостаточно активный процесс идеологического воспитания населения, особенно в деревне, подчеркивал отсутствие идеологического единства среди интеллигенции, рост разногласий в вопросах понимания марксизма. В записке Н.С. Хрущеву от 1957 г., написанной по итогам работы с китайской делегацией, прибывшей в Москву во главе с Мао Цзэдуном 2 ноября 1957 г. для участия в Совещании представителей коммунистических и рабочих партий (16–19 ноября), основное внимание уделялось вопросам коммунистического и рабочего движения, отмечалось появление различного рода разногласий в коммунистическом движении¹⁵.

Ряд документов, опубликованных в 1990-х гг., связан также с деятельностью Сунь Ятсена, интерес к которому, как и к деятельности И.В. Сталина и Мао Цзэдуна, еще более возрос в нулевые и 10-е гг. XXI в. К.В. Шевелев, так же как А.И. Картунова и А.М. Ледовский, большой знаток российских архивов, приводит интервью Сунь Ятсена корреспонденту «Кантон ньюс сервис» от марта 1924 г. В интервью лидер ГМД называет отношения между Южным правительством (Сунь Ятсена) и Советской страной не просто дружественными, но даже братскими; высказывает свое одобрение НЭП в СССР, подчеркивает схожесть основных принципов НЭП с принципами экономического строительства, заложенными в программе лидера ГМД. Эти мысли Сунь Ятсена весьма примечательны для освещения вопроса отношения Сунь Ятсена к СССР. Подчеркивая наличие общих идеалов между Южным правительством и Советской Россией, Сунь Ятсен высказывает мнение о том, что крепкая внутренняя связь между правительствами имеет место и без наличия официального дипломатического признания сторон¹⁶.

К источниковедческим работам относится оригинальная книга историка-китаеведа Н.М. Калужной (ИВ РАН), содержащая первый комментированный перевод на русский язык произведений Чжан Бинлиня – мыслителя, философа, общественного деятеля предсиньхайского периода. Творчество Чжан Бинлиня дает возможность почувствовать сложную противоречивую ситуацию в кругах интеллигенции Китая, оказавшейся перед выбором традиционного и нового начал в идейно-политической жизни¹⁷.

Публикации документов значительно расширили источниковедческую базу изучения истории Китая. Подготовленные в 1990-х гг. в большинстве своем научными сотрудниками, дипломатами, философами, они содержали информацию, формирующую новые подходы к оценке событий.

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВНУТРЕННИХ ПРОБЛЕМ КИТАЯ. 1990-е г.

В центре внимания историков в 1990-е г. находилась политическая история Китая нового времени¹⁸. Одним из основных направлений исследований с полным основанием можно назвать изучение национально-революционного и коммунистического движений. Революционная тематика развивалась на новой источниковедческой базе, что включило в процесс исследования Национальную партию (Гоминьдан) и скорректировало чрезмерное увлечение историками-китаеводами историей КПК; в изучении истории Китая усилился цивилизационный подход. В ряде работ исторического направления корректируются прежние оценки, формируются новые темы и проблемы. Следует отметить, что в изучении истории коммунистического движения Китая советские / российские китаеведы имели немалые заслуги. Это направление изучалось системно в ИДВ РАН начиная с конца 1960-х – начала 1970-х гг. под руководством д.и.н. В.И. Глунина, автора многих работ по истории КПК и политике КИ в Китае¹⁹. Назовем еще ряд имен отечественных исследователей истории КПК, формировавших это направление китаеведения: М.Ф. Юрьев, А.М. Григорьев, К.В. Шевелев, С.А. Горбунова, А.И. Картунова, Н.Л. Мамаева, И.Н. Сотникова, Н.И. Мельникова, Титов А.С. и другие. В начале 90-х гг. были опубликованы две книги, написанные исследователями ИДВ РАН и посвященные отдельным проблемам соответственно из истории КПК и ГМД. В монографии И.Н. Сотниковой на фоне истории КПК изучается деятельность известного китайского коммуниста Ван Мина (в историографии он характеризуется как деятель «прокоминтерновского» толка) в наиболее важный период его политической жизни – с 1929 по 1938 г.²⁰ На протяжении 1930-х гг. Ван Мин находился на различных ступенях партийной иерархии: от кадрового работника низшего звена до одного из руководителей партии и члена делегации КПК в ИККИ. В работе И.Н. Сотниковой вопросы о так называемых «линиях», приписываемых Ван Мину китайскими историками партии, рассматриваются через призму неоднозначного опыта КИ. Автор считает, что китайская историография проявляла чрезмерный «энтузиазм» в определении ошибок Ван Мина, имевших в определенной мере место в 1931–1935 гг., представляя их как «третью левую линию» в истории КПК. При такой постановке вопроса вина приписывалась узкому кругу лиц, в то время как сектантские и левые тенденции в различные периоды были характерны для всей КПК. Что касается так называемой «правокапитулянтской», или «правооппортунистической», линии Ван Мина при проведении КПК политики антияпонского единого фронта, то, как сказано в работе, она была сконструирована задним числом Мао Цзэдуном с целью борьбы за власть и использовалась им в борьбе с догматическими установками КИ. Основываясь на анализе публикаций Ван Мина, автор монографии делает вывод о том, что его вклад в разработку курса КПК заключался в основном в интерпретации и модификации теоретических построений КИ. Слабой стороной исследования является недостаточность источниковедческой базы, поскольку книга была подготовлена до открытия партийного архива (РГАСПИ), что не позволило автору выявить нюансы мировоззрения Ван Мина в указанный период.

В свете новых источников постепенно вырисовывалось место ГМД в национально-революционном движении Китая 1920-х гг., отличное от прежних характеристик. В 1990-е г. четко обозначилась тенденция выдвижения ГМД, правящего лагеря КР и положения в КР в целом в качестве важных объектов и направлений изучения историков. Этот процесс шел как бы параллельно с развитием китайской историографии, которая постепенно освобождалась от пут политизации в изучении исторических событий и процессов²¹. Книга Н.Л. Мамаевой «Гоминьдан в национально-революционном движении Китая (1923–1927)»²² (ИДВ РАН), готовилась в годы, предшествовавшие началу 1990-х. Тщательное изучение наследия Сунь Ятсена, его политической программы на «военный

этап строительства государства», доступных гоминьдановских документов и материалов 20-х гг., публикаций советских участников или очевидцев революционных событий в Китае того времени, а также таких оригинальных источников 1920-х гг., как журналы «Кантон», «Коммунистический Интернационал», «Материалы по китайскому вопросу», «Новый Восток», позволили автору составить достаточно подробное и неоднородное представление о ГМД тех лет и соответственно скорректировать устоявшиеся стереотипы.

На основе новых архивных материалов автор углубляет и расширяет самое понятие «национальная революция 1920-х гг.», определяет важное место в национально-освободительной борьбе Национальной партии Китая во главе с ее лидером Сунь Ятсеном, корректирует задачи и содержание национальной революции как направленной в первую очередь против милитаристской системы, разлагающей страну. Дифференцированный подход к политике ГМД и КПК, действовавших в национальной революции и в рамках «единого фронта», и самостоятельно, позволил автору книги сместить акценты, предложить более взвешенную оценку КПК в массовом движении и поднять значение в победе революции национальных сил.

Как считает автор, в основе гоминьдановской программы лежали суньятсеновские политические установки и планы «строительства государства», вобравшие в себя и китайскую специфику, и веяния мирового революционного процесса. Проводившийся лидером ГМД курс на союз с СССР и сотрудничество с китайскими коммунистами способствовал углублению демократических сторон политической практики Сунь Ятсена и ГМД. После смерти Сунь Ятсена между военной и социальной политикой ГМД была воздвигнута глухая стена, все более жестко регламентировалось массовое движение, усиливалось недоверие к тенденции демократизации политической жизни. Несмотря на усиление в Национальной партии консервативных тенденций и частичное возрождение милитаристских позиций, Гоминьдану, использовавшему помощь КПК, ВКП(б) и КИ, удалось свергнуть Пекинское правительство и перейти к этапу нового государственного, экономического и политического строительства, начать политику ликвидации неравноправных договоров. Как подчеркивает Н.Л. Мамаева, трагический для КПК разрыв «единого фронта» с ГМД усугубил в дальнейшем и слабости ГМД по ряду направлений²³. В книге представлены многослойность политического процесса, сложность и многогранность задач многоукладного общества. Подготовленное тем же автором исследование «Коминтерн и Гоминьдан. 1919–1929»²⁴, учитывающее уже полученные результаты о политике ГМД, а также опубликованные и неопубликованные архивные документы, рассматривает взаимодействие КИ и ГМД в течение 1919–1929 гг. В российской и зарубежной историографии до сих пор отсутствуют работы, изучающие в комплексе прямые связи между КИ и ГМД и их значение в истории Китая 20-х гг. XX в. Стереотип идентификации революционного процесса, иными словами, национальной революции, в Китае того времени с программой и деятельностью КПК, игнорирующий значение ГМД, пустил глубокие корни в научной литературе, и появление подобной книги, написанной на новой источниковедческой базе, углубляет и расширяет содержание революционного процесса в Китае. В книге аргументированно представлено реальное место в национально-освободительной борьбе ГМД как ведущей политической силы в революции, одновременно определены значение КПК и ее помощь Гоминьдану в партийном строительстве, в организации агитационной и пропагандистской работы в массах, в реализации военных планов, направленных на борьбу с милитаристскими кликами. Как следует из содержания книги, социально-классовые аспекты, приоритет которых возрастал в политике КПК с начала 1927 г., все больше входили в противоречие с содержанием революционной модели ГМД – партнера КПК в «едином фронте». Представленное в книге видение национальной революции позволяет сместить акценты в содержании национально-революционного движения, констатировать подъем его социальной составляющей в течение 1925–1927 гг. («движение 30 мая»

1925 г., Гонконг-Кантонская забастовка-бойкот 1925–1926 гг., аграрное движение 1927 г.) и стабильное возвышение военного фактора (Северный поход), обеспечившего в 1928 г. победу НРА над милитаристскими армиями.

Выявлена существенная роль КИ и Москвы в создании «единого фронта» КПК и ГМД как существенной предпосылки реорганизации ГМД в «партию действия» и его армии по типу Красной армии СССР. В данной работе много интересных сюжетов, связанных с деятельностью военных и политических советников в Китае, с взаимодействием российских дипломатов с Сунь Ятсеном, с неоднократными попытками ГМД вступить в КИ. Подробно представлена картина формирования в КИ «модели революции», имевшей немало общих черт с Октябрьской революцией 1917 г. в России, по сути, альтернативной к гоминьдановской модели, однако активно внедрявшейся КИ с лета 1927 г. в политику КПК. Победа ГМД над северными милитаристами в 1928 г. отождествляется в книге, хотя и с оговорками, с успехом национальной революции, открывшей новый этап развития страны под руководством ГМД.

В 1997 г. вышла в свет книга Г.М. Адиебекова, Э.Н. Шахназаровой и К.К. Шириня об организационной структуре КИ (1919–1943)²⁵. На основе обширного архивного материала впервые в историографии рассматривается развитие организационной структуры руководящих органов КИ с начала существования этой организации и до ее формального роспуска, а фактически до плавного перетекания кадров КИ в структуры образованного в июне 1943 г. Отдела международной информации ЦК ВКП(б). Книга выходит далеко за рамки информационно-справочного издания. Авторами проделана грандиозная работа, в том числе прослеживается процесс принятия решений ИККИ и его руководящими органами. Показано строительство централизованной организационной модели КИ, ее распространение и на построение национальных компартий – членов КИ, что в отдельные периоды помогало развитию национальных компартий, а в некоторые периоды ограничивало их самостоятельность. Хотелось бы отметить особую ценность примечаний, выполненных с привлечением архивных материалов и на высоком профессиональном уровне. Вместе с тем, ощущается необходимость наличия в книге аннотированного указателя, а также более тщательной выверки китайских имен. Наличие в российском китаеведении подобного исследования впервые показало грандиозную работу аппарата КИ, который хотя и не смог в своей деятельности избежать разного рода ошибок, однако не изменил принципу интернационализма.

Российская историография 1990-х гг. характеризуется не только новыми подходами к изучению китайского революционного движения в период существования его связей с КИ и ВКП(б). Имело место расширение традиционной для отечественной историографии тематики. Книга А.С. Костяевой (ИВ РАН), посвященная изучению тайных обществ (или союзов) Китая первой четверти XX в.²⁶, показывает социальную и общественную жизнь под другим ракурсом, отражает одну из специфических черт традиционного Китая, в котором существование тайных обществ, состоявших, главным образом, из маргинальных социальных слоев, являлось неотъемлемым компонентом социальной структуры. Как представлено в книге, само существование тайных обществ было результатом бедности, тяжелых жизненных условий населения, особенно сельского; тайные общества как бы компенсировали слабость государственной власти, не способной создать крепкую вертикаль власти и защитить интересы бедных и люмпенских слоев населения страны. Характеризуя деятельность тайных обществ цинского Китая и позднецинского времени, А.С. Костяева дает интересную информацию об их участии совместно с революционерами в восстаниях, предшествовавших Синьхайской революции. Автору удалось выявить конкретные формы участия тайных союзов в Синьхайской революции в разных провинциях и даже уездах, что позволяет наряду с другими достижениями в разработке этой темы высоко оценить вклад книги А.С. Костяевой в изучение истории Китая²⁷.

Продолжалась работа по изучению проблем Синьхайской революции – традиционной для советской / российской историографии темы. Базовой работой остается большой раздел о Синьхайской революции в «Новой истории Китая», опубликованной под редакцией С.Л. Тихвинского еще в советское время²⁸. Эта тема настолько сложна и значима, что некоторые ее аспекты вплоть до настоящего времени недостаточно изучены не только в российской, но и в китайской историографии. К таким темам относится партийно-политическая составляющая судьбоносного периода Синьхайской революции, ее правовые аспекты. Некоторые «белые пятна» в изучении Синьхайской революции в определенной степени закрывает исследование Е.Ю. Стабуровой, в начале 1990-х гг. подготовившей книгу о политических партиях и союзах в Китае в период Синьхайской революции²⁹. Особое внимание автор уделяет специфике политических партий и организаций Китая, выявляет их отличие от «классических» партий Запада, анализирует соотношение в их природе и деятельности традиционных черт и современных начал. Как следует из книги, эксперимент многопартийности в 1911–1913 гг., с одной стороны, выявил возможность развития многопартийности и в дальнейшем, хотя и с оговорками, с другой стороны, продемонстрировал отрицательное воздействие на партийную жизнь отсутствия традиций функционирования партийной системы, а также глубоко вошедший в сознание народа стереотип наличия единоличной сильной власти как оптимальной для управления страны. Является фактом, как считает автор, бурное возникновение партий двух типов – партий малых групп и партий, выражавших интересы широкой социальной коалиции. Именно поддержка последних обеспечила после восстания в Учане (октябрь 1911 г.) окончательное падение монархии. Этот вывод автора, наряду с другими умозаключениями, является принципиально важным в дискуссии о приемлемости для Китая республиканских институтов, в частности многопартийности.

Цинское время представлено в 1990-х гг. большей частью политическими биографиями. К ним относится книга историка-китаеведа Н.М. Калюжной «Традиция и революция: Чжан Бинлинь – китайский мыслитель и политический деятель нового времени», подготовленная в ИВ РАН³⁰ на основе переведенных Н.М. Калюжной многочисленных произведений Чжан Бинлиня – философа, филолога и просветителя, а также деятеля революционного движения, примкнувшего к Синьхайской революции. Как и у целого ряда просветителей Китая, его общественно-политические взгляды, считает автор, оставались противоречивыми. Автор называет Чжан Бинлиня антиманьчжурски настроенным ученым-традиционалистом. Политический портрет выдающегося государственного деятеля цинского Китая Линь Цзэсюя (1785–1850 гг.), «написанный» С.Ю. Вradiем, сотрудником Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (Владивосток), на основе привлечения большого числа китайских источников, не только обогащает российское китаеведение знакомством с еще одним выдающимся деятелем Китая, но и вскрывает животрепещущую проблему Китая, такую, как опиумоторговля³¹. Автор показывает роль Линь Цзэсюя в борьбе за искоренение в стране торговли опиумом. Кроме того, подчеркивает его непримиримость к позиции иностранных держав, по сути способствовавших развитию опиумоторговли. Не менее существенным, по мнению автора, является его вклад в развитие общественно-политической мысли.

История малых политических партий Китая (МПП) в 1928–1949 гг., многие из которых активно действовали еще накануне и в период Синьхайской революции, о чем повествует исследование Е.Ю. Стабуровой, – предмет изучения в монографии П.М. Иванова³². Е.Ю. Стабурова и П.М. Иванов, пытавшиеся в своих исследованиях закрыть отдельные «белые пятна» в изучении КР, связанные с партийно-политической историей, в значительной степени преуспели в осуществлении поставленных задач и придали новые качественные характеристики российской историографии Китая нового времени. Книга П.М. Иванова, базирующаяся на китайских источниках, дает обширный новый материал

о программах и конкретной деятельности МПП на протяжении всей истории КР, выделяет в качестве основных партию Государственного социализма, Младокитайскую партию³³, «Третью партию», Общество спасения государства, Группировку сельского строительства, Демократическую лигу Китая. Как в синьхайский и постсиньхайский периоды, эти партии не сыграли значительной роли в политической жизни страны, кроме Демократической лиги. Говоря об основных причинах такого развития событий, автор обращает внимание на отсутствие у малых партий военной опоры, одновременно на преобладание в ГМД консерваторов, не приемлющих демократической направленности политического процесса, присущей в той или иной мере программным документам малых партий. Как следует из книги, наличие малых партий являлось фактом на всем протяжении истории КР, и отрицать определенную степень их влияния на политический процесс было бы ошибкой³⁴. Изучение партийной тематики характерно также для монографии Г.А. Степановой, представляющей ценность для понимания партийно-политической составляющей процесса модернизации Китая³⁵. Ее работа, посвященная изучению политических программ и влияния на политический процесс демократических партий, главным образом периода формирования системы многопартийного сотрудничества в КНР периода реформ и открытости, продолжила в некотором роде тематику малых партий, представленную в монографии П.М. Иванова. Рассматривая развитие демократических партий современного Китая, в большинстве своем формировавшихся во второй половине 40-х гг. XX в., автор определила место восьми демократических партий в политической системе и системе управления КНР, обозначив их историческую специфику.

Обращение в 1990-е гг. историков-китаеведов к изучению истории ГМД и гоминьдановской государственности, начавшееся с публикации упомянутой выше книги «Коминтерн и Гомиьдан», в целом носило фрагментарный характер, тем не менее повысило качество российского китаеведения. В книге сотрудника ИДВ РАН, известного специалиста по истории советско/российско китайских отношений Р.А. Мировицкой³⁶, одного из основных составителей III, IV и V томов серии «Русско-китайские отношения в XX веке (Материалы и документы)», проблемы советской политики в Китае, внешней политики КР в целом в течение 1941–1945 гг. представлены на фоне внутреннего развития страны и укрепления китайской государственности. Автор приходит к выводу, что в эти годы страна добилась больших успехов в мобилизации духовных сил, материальных ресурсов, в укреплении государственности. При поддержке СССР и США КР добилась международного признания как великая держава и стала постоянным членом Совета Безопасности ООН. Что касается внутреннего положения в Китае, то автор выделяет центральным событием внутривнутриполитической жизни упрочение и сохранение национального единого антияпонского фронта на основе сотрудничества ГМД и КПК, который характеризует как необходимую предпосылку внутренней стабильности и сохранения национального суверенитета КР. На конкретных материалах Р.А. Мировицкая демонстрирует участие советской стороны в деле разрешения и предотвращения конфликтных ситуаций между ГМД и КПК, а также акцентирует точку зрения И.В. Сталина, высказанную им в беседе с председателем Исполнительного юаня КР Сун Цзывэнем (10 августа 1945 г.) о том, что «...в случае столкновения между войсками коммунистов и войсками центрального правительства Советскому Союзу будет весьма трудно поддерживать Национальное правительство»³⁷. В последние годы Второй мировой войны, как отмечает автор, ГМД выступал против создания коалиционного правительства с коммунистами и демократическими партиями и деятелями, в то время как СССР поддерживал позицию КПК о создании коалиционного правительства как важного шага на пути достижения «политического единства»³⁸. В целом 1990-е г. продемонстрировали определенные элементы новых подходов российской историографии к изучению истории Китая, в частности, более широкий охват исторических событий и новый интерес к изучению истории правящих социальных слоев.

Традиционным направлением для российской историографии стабильно оставалось изучение Маньчжурии (Северо-Восточный Китай) в разные исторические периоды. Интерес к этой теме вызван различными обстоятельствами. Не следует недооценивать и тот факт, что Маньчжурия относилась к сфере интересов царской России в Китае. Усиленное внимание к проблемам Маньчжурии было вызвано также строительством еще во времена царской России КВЖД и перипетиями между Россией, Китаем, Японией, США и крупными западными державами вокруг проблемы ее эксплуатации. Оно обусловлено также статусом Маньчжурии как территории, граничащей с СССР, взаимодействием русского населения, обслуживавшего деятельность КВЖД, с китайскими властями, значением Маньчжурской революционной базы, созданной в послевоенное время, и вооруженных сил СССР в окончательной победе стран антигитлеровской коалиции над Японией, ролью Маньчжурии как плацдарма демократических и коммунистических сил в гражданской войне с ГМД. Книга «Маньчжурия далекая и близкая»³⁹ Г.В. Мелихова, известного китаеведа, сотрудника ИРИ РАН, прожившего более 50 лет в Маньчжурии, написана в форме воспоминаний, одновременно – с использованием большого архивного материала. Она вносит весомый вклад в изучение обстоятельств строительства русскими и китайскими властями КВЖД, города Харбина; рассказывает о повседневной жизни и быте первых русских поселенцев; ставит и анализирует целый ряд проблем и направлений: подписание Русско-китайского договора 1896 г. и начало строительства КВЖД; восстание ихэтуаней; Русско-японская война 1904–1905 гг.; быстрый рост Харбина в течение 1911–1914 гг.; развитие разных форм сотрудничества между китайцами и русским населением Маньчжурии. Автор в своих книгах⁴⁰ живо и увлекательно описывает разные стороны жизни российских эмигрантов в полосе отчуждения железной дороги, в городах Харбин, Хайлар и др.

Советская/российская историография всегда отличалась многообразием жанров. К числу активно развивавшейся формы исторических исследований относится упоминавшийся выше жанр политической биографии известных деятелей. Говоря о периоде новой истории Китая, изучение которой в 1990-х гг. преобладало над исследованием других исторических периодов, можно констатировать публикацию ряда исследований в этом жанре. Отметим при этом, что политические биографии, вышедшие из под пера российских китаеведов, разнились структурой и содержанием. Под общей редакцией академика С.Л. Тихвинского в 1991 г. вышла книга «Китай: история в лицах и событиях»⁴¹. Это не просто отдельное биографии китайских революционеров, но тематически выдержанное краткое исследование важных исторических событий, которое дается через призму жизненного пути знаменитых деятелей Китая: Чжоу Эньлая, Чжу Дэ, Лю Шаоци, Линь Бяо, Пэн Дэхуая. Авторы книги – известные китаеведы С.Л. Тихвинский, М.Ф. Юрьев, А.С. Титов, В.И. Усов.

Освещение в российской историографии 1990-х гг. проблем новой истории Китая логично завершить обобщающей изучение этого периода работой – очередным фундаментальным трудом С.Л. Тихвинского⁴², ставшим событием для российской синологии. В книге сочетаются признаки жанра «исторических портретов», занимающего в его творчестве особое место, и научного исследования масштабного характера. Подобный тип исследования представляется особенно эффективным для изучения истории Китая, ибо позволяет лучше понять и «почувствовать» атмосферу времени и особенности китайской цивилизации. Биография Чжоу Эньлая дается в контексте новой истории Китая. Монография включила в себя достижения предыдущей историографии и представила целый ряд новых фактов и подходов, главным образом в области истории отношений между СССР и КР, взаимодействия представителей КИ и ВКП(б) с ГМД и КПК вплоть до самороспуска Коминтерна, прежде всего И.В. Сталина и Мао Цзэдуна. Автор книги внес существенные коррективы в освещение внутрипартийной жизни КПК, показал выдающуюся роль Чжоу Эньлая как оратора, организатора, теоретика и практика, порой не уступающую значению Мао Цзэдуна. С.Л. Тихвинский убедительно, с привлечением

архивных российских и документальных китайских материалов скорректировал ряд существенных подходов к освещению национально-освободительного и коммунистического движений и истории КР в целом.

Он уделил значительное внимание переговорному процессу между ГМД и КПК с участием представителей США в деле предотвращения разрыва «единого антияпонского фронта» в 1940-х гг., продемонстрировал талант Чжоу Эньлая как основного переговорщика со стороны КПК. В книге убедительно представлено, что именно Чжоу Эньлай последовательно проводил линию на внедрение в планы КПК и ГМД идеи создания демократических институтов и на привлечение в годы гражданской войны 1946–1949 гг. демократических партий и объединений к поддержке демократической революции, завершившейся в 1949 г. победой КПК.

Завершая краткую характеристику фундаментального исследования С.Л. Тихвинского, обратим внимание на ярко выраженную тенденцию к созданию единого полотна исторического процесса, в котором переплетаются проблемы революции и реформы государственной власти, связи СССР с революционным движением и формирование внешнеполитических связей Советского Союза с официальными властями КР на протяжении всей истории Китая нового времени. Исследование продемонстрировало блестящий результат многомерного видения исторических событий.

Одним из серьезных исследований 1990-х гг. по новейшей истории Китая, а именно по внутренней истории периода КНР, является монография В.Н. Усова, вышедшая в двух частях в 1998 г.⁴³ Она представляет собой, по сути, первую в российской исторической науке комплексную работу, посвященную периоду истории КНР со второй половины 1960 г. по весну 1966 г. Результатом обширных знаний и научной добросовестности автора, сумевшего ввести в научный оборот уникальный источниковедческий материал, в том числе последние документальные публикации КНР по данному периоду, явилось написание оригинального труда, позволившего, в ряде важных аспектов пересмотреть прежнюю концепцию. Шаг за шагом в книге отслеживаются теория и практика формирования политики «урегулирования» почти во всех областях: в экономике, культуре, социальной сфере, пришедшей на смену планов «большого скачка». Введение в отдельных регионах подворного подряда, попытки реформы в области образования, промышленности, организации трестов в стране не смогли закрепиться в период «урегулирования» по ряду причин. Как считает автор, к ним можно отнести отсутствие единства в китайском руководстве, часть которого (Мао Цзэдун, Кан Шэн, Чэнь Бода, Цзян Цин и другие) видела в мерах по урегулированию проявление ревизионизма, а другая часть (Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Дэн Сяопин, Чэнь Юнь, Бо Ибо и другие) не имела мужества открыто отстаивать позицию поддержки новой формирующейся политики ввиду усиления культа личности Мао Цзэдуна, а также принимая во внимание настроения низших слоев деревни, поддерживавших «уравнительные» тенденции прошлых лет. Как нам представляется, вывод автора о еще несозревшем в глубине крестьянских масс желании кардинального изменения устоявшегося образа жизни является весьма глубоким, отражающим действительное положение вещей, подобно тому, как руководство Советской России под давлением крестьянских масс не смогло «удержать» НЭП⁴⁴. По мнению В.Н. Усова, на начальном этапе политики реформ в Китае в 1980-е гг. использовались методы хозяйствования, опробованные в первой половине 1960-х гг.

Тенденция к расширению сферы объектов исторического исследования периода КНР многогранна. Политическая история значительно расширила свои рамки. Появился ряд новаторских работ историко-социологического жанра, к которым с полным основанием можно причислить работу Э.А. Синецкой⁴⁵. Автор предложила оригинальное исследование, изучающее жизнь китайских граждан как бы «изнутри». Положив в основу специфический китайский источник – *сборник дацзыбао* («газета больших иероглифов») – на-

писанный рабочими и служащими Шицзиншаньского металлургического завода в 1957 г. в период движения «за исправление стиля работы партии», и проделав большую работу по анализу *дацзыбао*, автор выявила наиболее важные проблемы, интересующие рабочих и служащих завода. Они касались вопросов заработной платы, содержали критику в адрес партийных деятелей и администрации, кадровых работников на селе, взаимоотношений партии и народа. Содержание *дацзыбао* порой значительно отличалось от интерпретаций аналогичных проблем в центральной прессе. Одним из важных результатов анализа является представленный Э.А. Синецкой факт признания во второй половине 1950-х гг. рабочими и служащими авторитета КПК и ее руководящей роли во всех сферах жизни общества. Вина за невыполнение отдельных решений партии возлагалась на местных бюрократов.

Важным явлением в российской синологии стала подготовка коллективом авторов – сотрудников ИСАА и ИВ РАН – Л.В. Васильевым, З.Г. Лапиной, А.В. Меликсетовым и А.А. Писаревым учебника для вузов «История Китая», излагающего исторические события с древнейших времен до наших дней⁴⁶. В течение нулевых годов учебник выдержал еще несколько изданий, поскольку потребность в обобщающей работе и для исследователей, и для студентов оказалась очень велика. Предыдущие обобщающие работы, последние из которых вышли в первой половине 1980-х гг.⁴⁷, писались на источниковедческой базе того времени и соответственно не могли учитывать новые знания по истории Китая, которые, как нами показано, вызвали корректировку целого ряда прежних подходов к истории страны. Поэтому выход в свет подобной книги, в которой не только обобщались достижения историографии прошлых лет, но и внедрялись результаты новых исследований по темам, ранее не получившим достойного внимания в историографии, был встречен всеобщим одобрением. Это относится в первую очередь к древней, новой и частично новейшей истории Китая, в меньшей степени, чем современная история Китая, связанных с политическими пристрастиями авторов. В целом для этого учебника типичны более взвешенная характеристика политики великих держав, более справедливая оценка их экономической и миссионерской деятельности, во многом ускорившей развитие общества и государства, уменьшение акцента на революционном движении Китая и усиление акцента на изучении истории правящих структур, их внутри- и внешнеполитической деятельности. Что касается новой истории Китая и, прежде всего истории гоминьдановского режима в нанкинское десятилетие (1928–1937), то ее освещение поднялось авторами, как нам представляется, на новый уровень. Хотелось бы при этом отметить недостаточное использование в работе документов серии «ВКП(б), Коминтерн и Китай», что, возможно, не позволило уточнить некоторые положения, связанные с определением роли КИ и Москвы в революционном движении Китая. Недостаточно подробно освещена также внутренняя политика гоминьдановского Китая периодов Антияпонской войны и послевоенного времени.

Отметим также, что в 1997 г. в Волгограде вышла книга «Китай: краткий исторический словарь»⁴⁸, составленный преподавателями Волгоградского университета А.Я. Серебряным и А.В. Скрипкиным.

Изучение проблем древнего и средневекового Китая ввиду сложности тематики, а также иероглифики тех времен поглощает огромное количество времени у исследователей. Исторические труды по древнему и средневековому Китаю не без основания причисляют к исследованиям цивилизационного характера. В историографии они занимают особую нишу, и их место в китаеведении требует специального изучения. Почти одновременно с учебником «История Китая» вышла в свет книга петербургского синоведа К.В. Васильева «Истоки китайской цивилизации»⁴⁹. Историком-китаеведом, сотрудником ИВ РАН Л.С. Васильевым была подготовлена трехтомная монография «Древний Китай»⁵⁰. В 1996 г. увидели свет два фундаментальных исследования: С. Кучера «Древнейшая

и древняя история Китая. Древнекаменный век»⁵¹ и петербургского ученого Л.Н. Гумилева «Древний Тибет»⁵². В 1999 г. опубликовано исследование крупного специалиста по истории средневекового Китая И.Ф. Поповой «Политическая практика и идеология ранне-танского Китая»⁵³. Книга вызывает особый интерес. Автор предлагает свою трактовку причин расцвета страны в эпоху Тан, считающуюся «золотым трехвековьем» китайской истории. Используя комплексный подход к характеристике танского общества и его политической культуры, автор объяснила причины устойчивого развития Танской империи. Не имея возможности подробно конкретизировать подходы и выводы автора, отметим лишь их значимость и для современного китайского общества, в том числе по вопросам, успешно разрешавшимся танскими властями. К ним относятся эффективные результаты решения традиционных проблем взаимодействия центра и местной администрации, налоговой политики, кадровой политики и совершенствования системы управления страной. Известный петербургский ученый Г.Я. Смолин опубликовал в 1999–2000 гг. две части (книги) своего большого исследования «Они бросили вызов Небу: о крестьянской войне 874–901 гг. в Китае»⁵⁴. В монографии исследуются общие и конкретные причины и предпосылки повстанческого движения 874–901 гг. Перед читателем раскрываются все подробности и особенности крестьянской войны в средневековом Китае, место и роль идеологии, агитационно-пропагандистских акций руководителей повстанческого движения. Исследование «населено» живыми людьми, их настроениями и желаниями.

Ярким явлением в историографии стала публикация по истории Китая⁵⁵ известного китаеведа и историографа Китая, профессора В.Н. Никифорова. Написанная автором при жизни (1920–1990), в силу ряда обстоятельств она увидела свет только в 2002 г., вызвав большой интерес читателей. Монография явилась итогом многолетних размышлений автора об истории Китая. Ученый энциклопедических знаний, В.Н. Никифоров охватил в своем исследовании длительный период истории Китая – с зарождения древнекитайской цивилизации во II тыс. до н.э. до 1919 г. Основным интерес автора сосредоточен на политической истории Китая. Книга включает многочисленные рассуждения по дискуссионным проблемам, уделяет много внимания вопросам литературы и искусства при различных династиях и предлагает собственное видение автора личностей императоров и видных политических деятелей страны.

Значительным трудом, подготовленным в ИДВ РАН в конце прошлого столетия, стала многоплановая монография «Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999»⁵⁶, как бы подводящая итог развитию КНР в течение 50 лет. Главный вывод, вытекающий из этой книги, состоит в констатации факта успеха китайских реформ, проводившихся в ходе адаптации государства и общества к вызовам времени. В приложении к этому труду дается перечень названий 473 книг о Китае, изданных в России и странах СНГ на русском языке в 1989–1999 гг.⁵⁷

К разряду крупных многоплановых исследований относятся также вышедшие в конце 1990-х гг. труды директора ИДВ РАН, в то время члена-корреспондента РАН М.Л. Титаренко: «Китай: цивилизация и реформы» и «Россия лицом к Азии»⁵⁸. В этих книгах, изучающих особенности реформистской деятельности в Китае и России и использующих методы сравнительного анализа событий в обоих государствах, содержится принципиальное для развития взаимоотношений России и Китая положение о том, что отличия в идеологии, политической системе и других областях при разумном и взвешенном подходе обеих сторон не будут препятствием для отношений сотрудничества между государствами.

С середины 1990-х гг. усилилось всестороннее изучение этапа политики реформ и открытости (начальная дата этого этапа – 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва, декабрь 1978 г.; продолжается в наши дни). Внимание российских китаеведов к изучению политики реформ и открытости началось с исследования реформ в сфере экономики. Тем не менее в 1990-х гг.

в российское китаеведение прочно вошли и проблемы развития политической системы КНР, партийно-политического и государственного строительства, правовой, кадровой и управленческой политики КПК и КНР. Изучением этих направлений, находившихся на стыке наук – истории, социологии, права, политологии, с энтузиазмом занималась группа ученых, сложившаяся в ИДВ РАН под руководством д.ю.н. профессора Л.М. Гудошникова (К.А. Егоров, Р.М. Асланов, Е.Г. Пашенко, К.А. Кокарев, Н.Л. Мамаева, Г.А. Степанова, Д.А. Смирнов, Н.Х. Ахметшин, П. Трощинский, Т.М. Емельянова, Е.В. Бирюлин и др.). Разработки 1990-х гг. лежат в основе фундаментальных трудов, посвященных изучению политической системы и права КНР, роли Компартии Китая в ходе политических преобразований страны, партийно-политического процесса в целом, появившихся уже в 2000-е г.⁵⁹ Еще в конце в 1988 г. под редакцией Л.М. Гудошникова вышла книга «Государственный строй Китайской Народной Республики», положившая начало развитию нового направления в изучении Китая⁶⁰. В конце 1990-х гг. появилось новаторское исследование специалиста высокого класса, сотрудника ИДВ РАН К.А. Егорова «Представительная система Китая: история и современность»⁶¹. Автором исследуются представительные учреждения Китая на протяжении 85 лет их существования, начиная с парламента, сформированного в период Синьхайской революции 1911–1913 гг., до современных представительных органов КНР (включая Сянганский особый административный район) и Тайвань.

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ И РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КИТАЯ 2000-х гг. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

В период нулевых и 10-х годов XXI в. продолжалось издание документальных серий «ВКП(б), Коминтерн и Китай» и «Русско-китайские отношения в XVII–XX вв.». Издавались и другие источники, которые также заслуживают большого внимания. Не опубликованная речь И.В. Сталина о Китае была обнаружена А.И. Картуновой в РГАСПИ и передана для печати в журнал «Проблемы Дальнего Востока»⁶². Текст выступления И.В. Сталина на собрании актива Московской организации ВКП(б) от 5 апреля 1927 г. более 70 лет пролежал в архиве. Его содержание подтверждает и дополняет информацию о китайской политике КИ, опубликованную в I и II томах серии «ВКП(б) Коминтерн и Китай». В Докладе И.В. Сталин предпринимает попытку объяснить влияние китайской политики ВКП(б) на обострение внутрипартийной борьбы в ВКП(б). С позиции знаний сегодняшнего дня отчетливо видно, что линия размежевания между большинством и оппозицией по китайскому вопросу, представленная в Докладе, свидетельствовала о борьбе левых с еще более левыми⁶³. То есть в ВКП(б) не владели в полной мере реалистичным видением внутренней ситуации в Китае; и те и другие группировки в ВКП(б) преувеличивали уровень революционности ГМД, не знали его политической программы, завышали возможности КПК и уровень национального самосознания в обществе в целом.

Выявленные сотрудником ИДВ РАН К.В. Шевелевым в РГАСПИ документы дополняют и уточняют содержание деятельности представителей КИ в Китае, прежде всего, Г.Н. Войтинского и Г. Маринга, по подготовке I съезда КПК⁶⁴. Как следует из документов, в начале 1921 г. организационные структуры КИ для Китая находились в стадии формирования, поэтому деятельность его представителей требовала большого напряжения. Публикация включает обмен телеграммами между Секцией восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б) и Г.Н. Войтинским от апреля 1920 г. Иностранным отделом Владивостокского отделения Дальбюро ЦК РКП(б) ставилась задача выяснения состояния и установления связей с китайским революционным и прежде всего профсоюзным движением Китая. Г.Н. Войтинский – участник всех собраний и совещаний с китайскими товарищами, предшествовавших созыву I съезда КПК. В предсъездовский период главным руководящим

органом для посланцев КИ в Китае стала Секция восточных народов Сибирского бюро ЦК РКП(б)⁶⁵. Какое-то время главным ответственным за связь между Г. Войтинским и заместителем председателя Секции восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б) был глава Миссии ДВР в Китае И.Л. Юрин⁶⁶. Однако в ходе оргстроительства руководящих структур КИ в Москве в Китае, как и во многих других странах, постепенно выстраивалась вертикаль власти по линии КИ. Китайским коммунистам с помощью КИ удалось сделать главное для того периода: подготовить и созвать I учредительный съезд КПК, с которого началась уже другая история. К.В. Шевелевым были также опубликованы неизвестные специалистам письма Сунь Ятсена и его жены Сун Цинлин к М.М. Бородину⁶⁷. В письмах отражены направления взаимодействия Москвы и КИ с китайскими революционерами. В ходе переписки обсуждались вопросы, связанные с определением направлений взаимодействия Сунь Ятсена с полпредом РСФСР в КР А.А. Иоффе, что способствовало более четкому выявлению позиций обеих сторон. Принятое 26 января 1923 г. совместное Коммюнике Сунь Ятсена – Иоффе стало переломным моментом в отношениях ГМД и КПК, открыло этап тесного сближения Сунь Ятсена с СССР. Рассматривались ситуация в Кантоне, проблема заключения «Соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой» и другие важные вопросы. Очередное источниковедческое исследование по коминтерновской тематике осуществила А.И. Картунова. По времени оно совпало с 85-летием образования КПК и касалось личности представителя Профинтерна Нейман-Никольского, который вместе с более известным в Китае Г. Марингом представлял КИ на I съезде КПК. В статье⁶⁸ даются более полные, чем в 1989 г.⁶⁹, сведения о Никольском, который занимался в Китае начала 1920-х гг. подготовкой I съезда КПК и организацией поездки представителей КПК на I съезд коммунистических и революционных организаций Дальнего Востока. Как выяснила А.И. Картунова, после 1921 г. Никольский связал свою жизнь с органами разведки и контрразведки на советском Дальнем Востоке.

К числу исторических источников принадлежит и «Автобиография» Мао Цзэдуна, записанная с его слов американским журналистом Эдгаром Сноу в 1936 г. Длительное время она выполняла, скорее, функции пропагандистского материала и не воспринималась всерьез научным сообществом. Однако благодаря профессионализму А.В. Панцова, снабдившему работу комментариями и прекрасно выполненными примечаниями, органично соединив ее с рядом выступлений Мао Цзэдуна и стихами автобиографического характера, «Автобиография» Мао Цзэдуна приобрела подлинно научное значение и вышла в ряд важных источников при изучении жизни и деятельности лидера КПК⁷⁰.

В начале XXI в. в переводе с китайского языка на русский вышло несколько сборников документов по истории КНР. Среди них – «Мао Цзэдун. Революция и строительство в Китае»⁷¹ (12 статей Мао Цзэдуна периода 1950–1964 гг.), несколько книг Цзян Цзэминя, включавших сборники статей, выступлений и высказываний, охватывающих период с 1989 по 2001 г.⁷², и сборник работ Дэн Сяопина, посвященный теме построения в Китае социализма с китайской спецификой⁷³.

Важным событием в развитии российского источниковедения 2000-х гг. по проблемам КНР стала публикация сборника документов о «десятилетии дружбы» между СССР и КНР, вышедшего в свет в двух томах под общей редакцией академика В.С. Мясникова⁷⁴. Данная публикация решает две важнейшие и связанные между собой задачи: предоставляет новые материалы для изучения отношений между СССР и КНР, а также аккумулирует новую информацию, на основе которой возможно создание более полной картины внутривосточной ситуации в Китае в наиболее важные для дальнейшего развития страны годы первого десятилетия существования КНР. Первый том включает в себя большей частью материалы, т.е. в основном путевые записки, дневники, аналитические записки, переписку, которые опубликованы впервые. Впечатления о Китае советских и китайских

ученых выглядят не менее убедительно, чем документы, освещающие сотрудничество СССР и КНР в политической, экономической, научно-технической и гуманитарной сферах, включенные во второй том сборника документов. Короче говоря, материалы дополняют документы, вносят в них биение жизни, дают представление о дружеской атмосфере, типичной для десятилетия дружбы.

Вступительная статья В.С. Мясникова⁷⁵, написанная емко, четко, убедительно, резюмирует основные результаты и формы сотрудничества советских и китайских людей. На основе собственных исследований и с привлечением источников и специализированных работ других авторов В.С. Мясников характеризует результативность помощи СССР в различных сферах посредством ее точного выражения в цифрах (построенных предприятий в областях тяжелой и легкой промышленности, а также в военно-промышленном комплексе, количества железных дорог, выданных кредитов, числа обученных студентов и т.д.), что усиливает тезис о значительном участии СССР в развитии процесса модернизации, несмотря на имевшие место со второй половины 1950-х гг. разногласия между партиями и государствами, которые автором не умалчиваются. Эта публикация, содержание которой прямо касается и проблем внутренней истории КНР, является одним из немногих масштабных русскоязычных источников по истории КНР.

Воспоминания дипломатов, работавших в Китае, всегда привлекают внимание российских историков и общественности. Для периода КНР, неохотно открывающей свои архивы, записки дипломатов нередко служат одной из основных форм источников. Большой резонанс в обществе вызвали воспоминания советского дипломата Б.Н. Верещагина, который, используя и документальный материал, делится своими впечатлениями о событиях в экономической жизни Китая, в областях политики и культуры. Свои воспоминания он доводит до 1997 г.⁷⁶ Дипломат-китаист, Чрезвычайный и Полномочный Посол К.А. Крутиков предлагает широкую картину личных воспоминаний, начиная с периода Антияпонской войны сопротивления и заканчивая первым десятилетием становления КНР⁷⁷. В 2007 г. была опубликована книга воспоминаний работавшего в свое время в КНР и США проректора (ныне – ректора) Дипломатической академии МИД РФ Е.П. Бажанова⁷⁸, для которого тема Китая стала одной из основных в его научной, образовательной и общественной деятельности.

Таким образом, источниковедческая основа выстраивается в российской науке и в области новой истории, и в области новейшей истории Китая, что создает необходимые предпосылки для более масштабного изучения истории Китая в России.

Аналитический обзор исследований российских синологов 2000-х гг. правомерно начать с революционной тематики, которая занимала и в 1990-х гг. значительное место. Как следует из книги А.И. Картуновой⁷⁹, стремление Сунь Ятсена и ГМД учитывать военный фактор в планах развития национально-революционного движения означало понимание ими специфики политического процесса в Китае. При помощи представителя КИ в Китае Г. Маринга Сунь Ятсен принял решение о создании военной школы Хуанпу и «партийной» армии. Реорганизация армии осуществлялась при помощи СССР, о чем подробно повествует автор книги. Большое место уделяется деятельности Главного военного советника в Южном Китае, известного советского военачальника генерала В.К. Блюхера, под руководством которого создавалась НРА, осуществлялось освобождение революционной базы в провинции Гуандун от милитаристских попутчиков ГМД, разрабатывались и проводились в жизнь планы Северного похода. В книге подчеркивается предоставление СССР различных форм помощи ГМД, при этом отмечается факт принципиального отказа советского правительства от прямого вмешательства Красной армии в военные действия НРА. Весьма интересными представляются информация и анализ А.И. Картуновой военной политики КПК, нелегально проводившейся в годы национально-революционного движения в рамках «единого фронта» с ГМД. Как следует из книги, идея создания специ-

альных военных органов в структуре КПК – военных отделов разных уровней – принадлежала руководству ВКП(б) и КИ⁸⁰. Подразумевалось, что военные отделы КПК должны были действовать под флагом ГМД, стремиться к осуществлению руководства политработой в НРА и к постепенному захвату руководящих позиций в военной работе. Военный отдел ЦК КПК был провозглашен 12 декабря 1925 г. Военным советником Военного отдела ЦК КПК был назначен в ноябре 1925 г. А.П. Хмелев (Аппен). В ряде городов удалось организовать военные комиссии, формирующие боевые дружины из рабочих, действовавшие в разных направлениях, в том числе проводившие работу на разложение милитаристских армий. Участие рабочих дружин имело место в подготовке и проведении вооруженного восстания шанхайских рабочих 21–22 марта 1927 г.⁸¹ В книге содержится уникальный материал о военной политике и ГМД, и КПК, позволяющий понять специфику революционного движения в Китае. Автор пытается в деталях представить позиции главных советников ГМД – М.М. Бородина и В.К. Блюхера – и степень соответствия их поведения установкам КИ. Вместе с тем недооценивается, на наш взгляд, недостаточная осведомленность КИ о политической программе ГМД, содержании его революционной модели, что мешает более реалистичной оценке предписаний КИ и позиций советских советников. Достаточно убедительным выглядит утверждение автора о высокой степени понимания особенностей китайской революции Главным военным советником ЦИК ГМД В.К. Блюхером, снискавшим большой авторитет и признание среди китайского генералитета.

Теме политики ВКП(б) и КИ в Китае, преимущественно по отношению к КПК, истории советско-китайских отношений посвящено исследование А.В. Панцова «Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927)»⁸². Количество книг и разнообразие жанров выпускника ИСАА А.В. Панцова свидетельствуют о высокой степени его активности в науке. Особенность его работ – их дискуссионный характер. Коминтерновская тематика – одно из предпочтений А.В. Панцова в исследовательской работе. Упомянутая выше книга, написанная на чрезвычайно широкой источниковедческой базе, уже только по этой причине заслуживает пристального внимания. Впервые в историографии анализируется комплекс разнообразных большевистских концепций китайской революции, которые разрабатывались деятелями РКП(б) / ВКП(б) и КИ В.И. Лениным, И.В. Сталиным, Л.Д. Троцким, Г.Е. Зиновьевым, К.Б. Радеком, М.Н. Роем, Ф.Ф. Раскольниковым и другими. Большой интерес вызывает повествование автора о роли и месте китайского фактора во внутрипартийной борьбе в ВКП(б), особенно в 1927 г. – в период наивысшего подъема социально-классовой составляющей китайской революции. Эта тема никем так подробно и тщательно не исследовалась. Вместе с тем отметим, что тщательное исследование автором книги концепций, формировавшихся в КИ и ВКП(б), не сопровождается изучением политической модели ГМД, которая, по сути, почти не представлена. В итоге трудно определить, насколько идеи и теории КИ соответствовали китайским реалиям. Дискуссионный характер исследования позволяет обозначить неясность оценки автором роли Н.И. Бухарина в повороте КИ и тесно с ним связанной КПК к усилению радикализма в теории КИ и практике КПК после VII расширенного Пленума ИККИ, пересмотревшего ряд принципиальных положений II Конгресса Коминтерна. Между тем в основу принятой VII Пленумом Резолюции по вопросу о положении в Китае были положены тезисы выступления Н.И. Бухарина на заседании китайской комиссии Пленума 1 декабря 1926 г.⁸³. Значительной была и роль И.В. Сталина, которая тщательно изучена автором книги. А.В. Панцов вводит в содержание интересные темы подготовки в СССР революционных кадров для Китая, в книге представлена драматическая история китайской подпольной троцкистской организации в Москве, разгромленной советскими властями. Дается базирующийся на архивных документах анализ развития троцкизма в Москве и в Китае и определяется его роль в развитии китайского коммунистического движения.

В изучение политики КИ в Китае вовлекаются и различные регионы России. Среди многочисленной тематики исследований Барнаульского государственного педагогического университета значится и политика КИ в Синьцзяне⁸⁴.

Тему китайской политики ВКП(б) и КИ пытался представить и обобщить в своей аналитической статье член редколлегии и вдохновитель всех пяти томов документальной серии «ВКП(б), Коминтерн и Китай» профессор ИДВ РАН А.М. Григорьев⁸⁵. Отметим стремление к всесторонней характеристике новой документальной базы, которое позволило автору дать весьма полную картину принятых КИ решений и установок относительно китайской политики. Наиболее удачным представляется освещение недостаточно изученной темы формирования в КИ и КПК стратегии единого антияпонского фронта, поворот к которой, как убедительно показано в статье, был сложным и болезненным для КИ, КПК и для ГМД. Шаг за шагом А.М. Григорьев раскручивает эту тему, выделяет и анализирует основные документы, на основе которых формировался «единый фронт» между ГМД и КПК. Автор убедительно развенчал некоторые сложившиеся в советской, западной и китайской историографии по ряду направлений мифы о «всегда правом» Коминтерне, о единоличной разработке Мао Цзэдуном «правильной линии» китайской революции. Доказывается необоснованность по ряду проблем противопоставления «линии Мао Цзэдуна» «линии Коминтерна», а также неправомерность утверждения о якобы изначально негативном отношении КИ к Мао Цзэдуну. Напротив, приводятся документы, согласно которым уже с конца 1920-х гг. Москва и ее представители в Китае активно способствовали выдвижению Мао Цзэдуна в число ведущих фигур в руководстве КПК и ее вооруженных сил⁸⁶. Прослежена также тенденция постепенного превращения КИ из штаба мировой революции в послушный инструмент сталинского режима.

Статья буквально насыщена вопросами дискуссионного характера, освещение которых могло бы стать предметом специальных монографических исследований. Не вдаваясь в подробности, отметим также наличие некоторой противоречивости позиции автора по ряду направлений, неубедительности в освещении ряда принципиальных вопросов. Например, при выдвижении тезиса о противопоставлении в политике КИ и Москвы позиций интернационализма и национального эгоизма – излюбленного тезиса западной историографии, теория отрывается от практики. В политике КИ и Москвы 1920-х гг. автор не видит интернациональных черт, в то время как интернационализм был изначально важной составной частью всех теоретических и практических построений китайской политики КИ и РКП(б) / ВКП(б)⁸⁷. Обратим внимание на то, что полпред России в КР А.А. Иоффе, находясь «в плену» революционного энтузиазма, еще 13 января 1923 г. в письме руководителям КИ, РКП(б) и Советского правительства призывал даже признать законным правительством Китая революционное правительство Сунь Ятсена (Кантонское правительство). А.А. Иоффе был одним из главных ходатаев оказания правительству Сунь Ятсена материально-финансовой помощи, которая и оказывалась Гомиьндану с 1924 г.⁸⁸ За рамками статьи осталось ощущение атмосферы революционного энтузиазма 1920-х гг., которое буквально охватывает исследователя, изучающего события тех лет. Весьма примечательно, что идеи интернационализма и мировой революции, правда в ее специфическом понимании, были восприняты в 1920-х гг. и Гомиьнданом, предпринимавшим неоднократные попытки вступления в КИ. Советскому правительству на протяжении всего периода КР удавалось совмещать в своей политике интернациональные позиции с политикой развития государственных отношений с официальным правительством КР и не нарушать нормы международного права. Автор также проигнорировал тот факт, что стремление к сотрудничеству КИ и КПК, КИ и ГМД в 1920-х гг. было взаимным, но не навязанным со стороны Москвы и КИ. Из ложной позиции вытекает и утверждение А.М. Григорьева о реорганизации Гомиьндана как результате давления КИ на ГМД. Это принципиальные моменты. Подобные просчеты являются, как нам представляется, следствием увлеченно-

сти изучением теоретических построений КИ и невниманием к конкретной политической программе Сунь Ятсена и ГМД. И достижения, и недостатки политики КИ трудно оценить без их «приложения» к исторической обстановке. Однако, и мы это подтверждаем, просчеты автора несопоставимы с достоинствами его статьи, систематизировавшей новую документальную базу изучения политики КИ в Китае и предложившей оценки историка-профессионала политики КИ в Китае.

Системный подход к изучению истории КПК продемонстрировал сборник статей, подготовленный в ИДВ РАН по случаю 80-летия создания КПК⁸⁹. В книге представлены теория и отдельные события политической практики КПК начиная от предыстории первого съезда КПК и первого «единого фронта» между КПК и ГМД и до функционирования КПК на рубеже XX и XXI в. На современной источниковедческой базе рассматриваются проблемы взаимодействия ВКП(б) и КИ с КПК и ГМД на этапе Северного похода (А.И. Картунова), военное обучение китайских коммунистов в высших учебных заведениях Москвы (Р.А. Мировицкая) в 1927–1929 гг., поиск выхода КПК из кризиса «большого скачка» (В.Н. Усов). Значительное внимание уделено Дэн Сяопину как теоретика «социализма с китайской спецификой» (В.Ф. Феоктистов), содержанию процесса модернизации КНР (Д.А. Смирнов) и формированию китайской модели социализма (Р.М. Асланов). Особый интерес представляет статья К.В. Шевелева, содержащая новый конкретный материал по созыву и решениям I съезда КПК. Как считает автор, уже на начальном этапе создания партии в КПК имел место высокий накал дискуссий по ряду вопросов, в частности о содержании программы КПК и об отношении КПК к Сунь Ятсену. Автор статьи высказывает также предположение о принятии съездом Манифеста, в котором давалась критическая оценка деятельности лидера ГМД Сунь Ятсена⁹⁰. При этом отмечается противоречивость сведений о принятии Манифеста I съездом КПК, что можно интерпретировать как отсутствие весомых доказательств в пользу этого утверждения. В статье Н.Л. Мамаевой прослеживаются развитие партийного строительства с 3-го Пленума ЦК КПК 11-го созыва до начала XXI в. и адаптация различных направлений политики КПК к новым условиям модернизирующегося Китая⁹¹. Причины долгожительства Компартии Китая автор видит в способности партии учитывать в своей политике новые реалии, искать собственный путь развития, т.е., в тех качествах, которые формировались в КПК в годы гражданской войны с ГМД в период существования КР.

90-летний юбилей образования Компартии Китая (июль – август 2011 г.) сопровождался активизацией российских исследователей. Был подготовлен ряд статей. Обратим особое внимание на публикацию специалиста-китаеведа ИДВ РАН И.Н. Сотниковой «Коминтерн и начало коммунистического движения в Китае»⁹². Статья посвящена малоизученной теме – началу агитационно-пропагандистской работы российских коммунистов в Китае по созданию КПК. На широком архивном материале, как опубликованном, так и впервые вводимом в научный оборот, автор анализирует роль советских партийных и внешнеполитических организаций Сибири и Дальнего Востока в установлении первых контактов с лидерами революционных кружков Китая в 1919–1920-х гг. Выявлена значительная роль деятельности группы представителей Иностранного отдела Дальбюро РКП(б) во главе с Г.Н. Войтинским в организации и финансировании подготовительной работы I-го Учредительного съезда КПК, состоявшегося в июле – августе 1921 г., и в организации в Шанхае Ревбюро, ставшего прообразом представительства КИ в Китае⁹³.

В отечественной историографии никогда не ослабевало внимание к жизни и деятельности одного из основателей Компартии Китая, революционера и политика, первого генерального секретаря ЦИК КПК Чэнь Дусю. Его наиболее активная деятельность пришлась на самые тяжелые и противоречивые годы революционного движения в Китае и в мире. Руководство КПК, во многом действовавшее согласно указаниям КИ, вплоть до смерти Чэня возлагало на него всю вину за разрыв «единого фронта» КПК и ГМД летом 1927 г.

и за поражение стратегии коммунистов в национальной революции, не предпринимая при этом тщательного исследования событий. В 2004 г. в ИВ РАН специалистом-китаеведом С.Л. Рыковой была опубликована книга о ранних годах жизни и деятельности Чэнь Дусю⁹⁴. Впервые отечественная историография в лице С.Л. Рыковой обратилась к изучению этого периода жизни Чэнь Дусю. Автором прослеживается эволюция идейно-политических взглядов Чэня от сторонника реформистских идей к революционеру-демократу. Показан также процесс становления его как известного публициста и лидера образованной китайской молодежи до и в период Синьхайской революции. Утверждение китайской историографии о том, что целый ряд революционеров – участников Синьхайской революции стали впоследствии коммунистами, ярко демонстрирует революционная деятельность Чэнь Дусю.

Как показывает история, кадровый вопрос в любой революции занимает одно из главных мест, ощутимо влияет на результат революционных событий. В силу ряда объективных и субъективных причин тема подготовки революционных кадров КПК в московских школах Коминтерна длительное время находилась в тени, хотя и не замалчивалась. Еще со времен СССР имела место публикация отдельных сюжетов по данной теме. К ней обращались китаеведы В.Н. Никифоров, Г.В. Ефимов, В.Н. Усов, А.В. Панцов, Н.Н. Тимофеева, В.П. Галицкий и другие. Издавались также отдельные англоязычные публикации. Между тем комплексное исследование истории обучения в СССР китайских революционеров до сих пор не проводилось, поскольку вплоть до начала 1990-х гг. не было возможности использовать многочисленные архивные фонды по данной теме. Первой работой подобного рода в российской историографии стала опубликованная в 2012 г. книга молодого исследователя истории Китая Д.А. Спичак, выпускницы ИСАА, а в настоящее время – доцента Отделения востоковедения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»⁹⁵. Автору удалось выявить и исследовать существовавшую в Москве систему обучения китайских студентов, в которую входил ряд коминтерновских учебных центров: Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена (УТК), Коммунистический университет трудящихся Китая (КУТК), Международная ленинская школа (МЛШ) и др. Автор книги выяснила, что в различные периоды учебная сеть подвергалась реорганизации, направленной на совершенствование системы обучения. Особо отметим новые данные о деятельности МЛШ и ряде научно-исследовательских институтов при основных центрах, о которых ранее сведений было немного. В монографии много новых фактов, событий, интересных подробностей о жизни студентов и их связях с центральным руководством КИ и КПК. Не увлекаясь подробностями, обратим внимание на один из выводов автора, согласно которому основная часть студентов, прошедших обучение в учебных центрах КИ, состояла из китайских коммунистов; 167 из них сыграли заметную роль в истории страны. В их число входила целая группа будущих руководителей КНР, значительная часть которых в конце 1970-х и в 1980-е гг. инициировала крупномасштабные экономические реформы в КНР.

Изучение военного аспекта национально-освободительного движения в начале 10-х гг. ХХI в. представлено в давно ожидаемой в научном мире книге китаеведа-историка А.Г. Юркевича⁹⁶ (ИДВ РАН; Отделение востоковедения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»), который длительное время успешно занимался изучением военной политики ГМД и помощи СССР национально-революционному движению 1920-х гг.

Книга А.Г. Юркевича оправдала ожидания его коллег. Вследствие привлечения многочисленных документов автору удалось дать приблизительные оценки помощи СССР партии Сунь Ятсена, хотя точными цифрами историография не располагает и поныне. Как пишет автор, финансирование военной деятельности ГМД и КПК осуществлялось через Главного политического советника ЦИК ГМД М.М. Бородина, который слабо разбирался

в военных вопросах, в то же время Главный военный советник ГМД В.К. Блюхер, которому в исследовании А.Г. Юркевича дана по праву высокая оценка, не обладал полномочиями в распределении финансов. Убедительны примеры, демонстрирующие более высокую степень политической сознательности НРА по сравнению с милитаристскими армиями, которая гарантировала превосходство НРА над военно-политическими группировками Китая. Построение армии, подчиняющейся партийному руководству, осуществлялось, как показано в монографии, при участии и содействии Общества соучеников Хуанпу, на которое Чан Кайши опирался и в дальнейшем. Эта линия развития военной политики ГМД впервые столь подробно представлена в российской историографии. Автор указывает и на имевшие место недостатки в военной деятельности ГМД и советских военных советников, однако считает, что в целом имевшие место негативы не смогли воспрепятствовать победе НРА. Отмечается, что военная реорганизация 1920-х гг. под руководством советских специалистов была высоко оценена Чан Кайши. Добавим, что в первые же годы бегства ГМД на Тайвань (в 1950–1951 гг.) первое, что сделал Чан Кайши, – это провел реорганизацию партии и армии по образцу военной реорганизации 1920-х гг., что, по сути, не только спасло ГМД от полного разложения, но и способствовало его возрождению.

Продолжалось изучение проблем Синьхайской революции. Результатом многолетней работы профессора ИВ РАН Е.А. Белова, автора монографии⁹⁷ и множества статей, одного из ведущих специалистов по новой истории Китая, явилось издание в 2001 г. книги по проблемам Синьхайской революции, имеющей в то же время и специальное предназначение – в качестве учебника для преподавателей и студентов⁹⁸. На основе собственных исследований и с использованием материалов АВПРИ автору удалось представить широкую картину подготовки и проведения Синьхайской революции, показать ее специфические особенности, связать запоздавшие реформистские попытки цинской власти с качественными характеристиками Синьхайской революции. В работе приведены интересные подробности деятельности Хубэйского революционного центра, сделан акцент на «провинциальном характере» революции, распространявшейся из провинции Хубэй на другие провинции, т.е. с мест – к центру, активную позицию российской дипломатии в этой революционной ситуации. Е.А. Белов убедительно представил Синьхайскую революцию как ключевое событие истории Китая в новое время. Круг научных интересов Е.А. Белова был чрезвычайно широк⁹⁹.

В 2011 г. в связи со 100-летием Синьхайской революции последовал всплеск научной активности российских историков в изучении революции, определении места и роли этого выдающегося события в историческом процессе. И в Китае, и в России прошел целый ряд внутренних и международных научных конференций. Очередная Международная научная конференция «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы», проводившаяся в 2011 г. ИДВ РАН, проходила под девизом 100-летия Синьхайской революции. Материалы конференции продемонстрировали идентичное понимание значения и характерных особенностей Синьхайской революции российскими китаеоведами и китайскими учеными¹⁰⁰. Главная Международная научная конференция в Китае по Синьхайской революции проходила в Ухане, с которого началось распространение революции по всему Китаю¹⁰¹.

Инициатором публикации сборника, приуроченного к 100-летию Синьхайской революции, выступил также в 2013 г. ИВ РАН¹⁰². Как и в сборнике, изданном в 2011 г. ИДВ РАН, характерная для предыдущей научной литературы тематика была расширена, использованы более широко архивные источники и научные исследования, поставлены дискуссионные проблемы, конкретизированы направления прямого и косвенного влияния революции на исторические и партийно-политические события. Отдельной главой сборника выделена тема «Синьхайская революция и республиканский Китай в мировой историографии». По случаю юбилея Синьхайской революции в журнале «Проблемы Дальнего Востока»

была опубликована статья Н.Л. Мамаевой, характеризующей Синьхайскую революцию с позиций развития правовых институтов, которые чем дальше, тем больше включались в историческое полотно, расширяя рамки политической истории¹⁰³. Как подчеркивается в статье, Синьхайская революция предложила новую модель политической структуры и государственного управления – на основе конституции и в рамках парламентской республики. Деятельность революционного Нанкинского правительства (1912–1913), особенно в период временного президентства Сунь Ятсена, проложила «русло», по которому начал свое движение процесс модернизации в политической сфере. Как считает автор статьи, с правовой точки зрения принятие 10 марта 1912 г. Временной конституции КР стало основным результатом Синьхайской революции. Временная конституция означала прорыв в правовом сознании, обеспечивший невозможность возврата к монархическому режиму¹⁰⁴. Она стала знаковым событием конституционной истории, которая восходит к деятельности китайских реформаторов начала 1890-х гг., руководимых Кан Ювэем. Парламентская деятельность в течение первых лет после свершения Синьхайской революции была уникальной и определялась, наряду со стремлением к копированию западных образцов парламентаризма, внутренней потребностью общества к новому политическому строительству. Именно поэтому она стала основой для поиска в дальнейшем политических моделей, более адекватных исторической специфике страны. Уже с укреплением власти Юань Шикая в качестве президента и поражением «второй революции» в 1913 г. начался процесс постепенного ослабления элементов демократизации, которые принесла Синьхайская революция. После смерти Юань Шикая в 1916 г. все интенсивнее развивалось формирование военно-политических группировок, находившихся в постоянной борьбе между собой за обладание контролем над Пекинским правительством. Этот процесс сопровождался постепенной ликвидацией отдельных элементов демократических процедур, ростом зависимости от великих держав, контролировавших те или иные милитаристские группировки.

Стремление к всестороннему изучению революции нашло свое отражение также в развитии темы взаимосвязи российского консульства в Ханькоу с событиями Синьхайской революции. Взяв за основу документы АРАН, А.Л. Верченко дает характеристику деятельности Российского консульства, которое оказалось в центре революционных событий 1911 г.¹⁰⁵ Консул А.Н. Островерхов (работал до мая 1912 г.) подробно информировал МИД о событиях в «Хубэйской провинции и ее окрестностях». А.Н. Островерхов сочувственно относился к революционерам, позволяя им проводить встречи на его квартире. После революции выступил посредником на переговорах между конфликтовавшими Югом и Севером Китая. Прекрасная языковая и страноведческая подготовка сотрудников консульства позволила им достаточно объективно оценивать обстановку и информировать посольство и Санкт-Петербург о кадровых перестановках, о новых принятых законодательных актах, о настроениях народа. Аналитические материалы консульства представляют собой один из источников для дальнейшего изучения событий периода Синьхайской революции.

Российская историография, как и китайская, остро нуждается в усилении активности историков в направлении изучения постсиньхайского периода, тех проблем, которые связаны с обстановкой в стране, в том числе с формированием после смерти Юань Шикая политической системы регионального милитаризма. Как отмечают китайские историки, в изучении системы регионального милитаризма постсиньхайского времени в китайской историографии существуют значительные пробелы. С начала 2000-х гг. постепенно усиливается стремление российских историков к изучению Китая постсиньхайского периода. Еще в 1980-х гг. появились две интересные работы по данной теме. Одна была написана специалистом-китаеведом В.В. Жуковым¹⁰⁶, другая – историком Китая Г.С. Каретиной (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока)¹⁰⁷. В 2001 г. увидела свет новая книга Г.С. Каретиной, посвященная изучению военно-политиче-

ских группировок Северного Китая: Дуань Цижуя (аньхуэйская группировка), У Пэйфу (чжилейская группировка), Фэн Юйсяна (чжилейская группировка, затем-Национальные армии), Чжан Цзолиня (фэнтяньская группировка), позже – Чжан Сюэяна – сына Чжан Цзолиня¹⁰⁸. В ней приводятся конкретные материалы, характеризующие лидеров, их методы борьбы и управления подвластными территориями. Автор выделяет ряд фигур, обустроивших свои территории, развивающих производство, сельское хозяйство, торговлю, образование, – «образцового правителя Янь Сишаня» и других. Делается вывод о стремлении отдельных милитаристов к восприятию передовых идей, о предпринимавшихся попытках развития капиталистического уклада в некоторых подконтрольных провинциях. Предпринята попытка создания единого исторического полотна системы регионального милитаризма, обозначения ее специфики. Как следует из монографии, отдельные положительные элементы в развитии производства, культуры, образования, на которые автор обращает особое внимание, все же не смогли противостоять росту негативов порочной военно-политической системы. Страна разваливалась, правительство с середины 1926 г. практически не имело реальной власти над воинскими соединениями и само выполняло приказы наиболее могущественных милитаристов. Автор прослеживает эволюцию китайского милитаризма в 1920–1930-е гг. «Белые пятна» в историографии постсинхайского периода в определенной степени закрываются также исследованиями опытного историка-китаеведа И.Е. Пожилова (Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина). В центре его интересных книг¹⁰⁹, опирающихся на китайские документы, воспоминания, мемуары военных и политических деятелей КПК и ГМД, стоит фигура «красного генерала» Чжу Дэ, преданного своим идеям создания независимого сильного государства и лидеру КПК Мао Цзэдуну. Автору монографий свойственно со знанием дела характеризовать известного военачальника, не сразу пришедшего к КПК, на фоне специфической социально-экономической и политической ситуации системы военного милитаризма, глубоко подорванной лишь в 1928 г. победой НРА в Северном походе. Чжу Дэ длительное время, как пишет автор, незаслуженно оставался в тени китайской историографии. Между тем, обладавший военным талантом, верно понимавший в условиях милитаристского Китая значение военного фактора в КР, он был талантливым полководцем с минимумом амбиций. Как пишет автор, «благодарные сычуаньцы еще при той, милитаристской, жизни поставили ему памятники»¹¹⁰. У него было много заслуг. Автор убедительно показывает роль Главкома НОА Чжу Дэ в трех важнейших битвах с ГМД на заключительном этапе Третьей Гражданской войны, в осуществлении реорганизации НОА, обеспечившей, по мнению автора, преимущества армии КПК перед гоминьдановскими войсками.

Характеристика малоизученного в российской и зарубежной историографии периода истории Китая (1911–1928) получила существенное дополнение в области изучения партийной тематики. Объектом изучения опытным специалистом В. Крюковым в начале нулевых годов XXI в. стала партия Гэминдан (Революционная партия), основанная в 1914 г. Сунь Ятсеном и его соратниками после запрета Юань Шикаем ГМД в результате успехов ГМД в парламентской жизни КР¹¹¹. Используя не публиковавшиеся ранее документы, хранящиеся в Архиве комиссии по изучению истории Гоминьдана в Тайбэе, автор тщательно проанализировал события, связанные с «Третьей революцией» 1915–1916 гг. Вдохновителем и одним из ее организаторов, как пишет автор, был Сунь Ятсен, уехавший после разрыва с Юань Шикаем в Японию и провозгласивший там создание партии Гэминдан для борьбы с Юань Шикаем и за восстановление демократических завоеваний Синхайской революции. Следует отметить, что в историографии о деятельности Гэминдана – предшественницы ГМД, созданного в 1919 г., как и о событиях, связанных с началом «Третьей революции» в Шаньдуне, до появления статьи В. Крюкова было мало что известно. Можно утверждать, что автор «закрыл» «белое пятно» – осветил и предста-

вил в деталях конкретную деятельность Сунь Ятсена и Гэмಿಂದана в Китае против Юань Шикая, проводившуюся при существенной поддержке Японии.

В конце 1990-х гг. и в нулевые годы XX в. наблюдался рост интереса историков к гоминьдановской тематике. В начале XXI в. появилось несколько сборников статей и работ монографического плана, подготовленных в ИСАА, в которых уделялось внимание политике Сунь Ятсена, ГМД и гоминьдановскому режиму в целом. В 2004 г. вышел сборник статей, редактором-составителем которого выступал специалист по проблемам гоминьдановского Китая В.А. Козырев¹¹². Отметим статьи Ю.М. Гарушянца, в которой он ставил вопрос о причинах «самоустранения» Сунь Ятсена от участия в «движении 4 мая», П.М. Иванова, отмечающего склонность Сунь Ятсена к христианству и одновременно эклектичность его мировоззрения, А.А. Писарева, в которой высказывались мысли о положительном воздействии на ГМД политики КПК в аграрном вопросе, в смысле ее стимулирующей роли в проведении Гоминьданом аграрной политики. Статьи Аграрного закона, принятого ГМД в 1930 г., по мнению А.А. Писарева, в основных чертах соответствовали взглядам Сунь Ятсена по аграрному вопросу. Теме антианалоговых выступлений крестьян на севере провинции Аньхуэй в начале 1930-х гг. посвящено исследование А.Н. Карнеева. В статье В.А. Козырева предпринята успешная попытка обобщения мероприятий гоминьдановского режима, направленных на достижение политической консолидации в стране и определение причин, препятствовавших объединению и усилению Китая.

Вопрос о причинах победы демократической революции в Китае в 1949 г. остается актуальным и до сих пор дискуссионным. Причин победы множество, и среди них одно из важных мест занимают успехи КПК в проведении аграрной реформы в Маньчжурии в течение 1945–1949 гг. Данная тема не является новой для российской историографии, однако ранее она не разрабатывалась в монографическом формате. В 2009 г. вышла в свет первая в отечественном китаеведении книга, посвященная тщательному исследованию аграрной реформы в Маньчжурии¹¹³. Ее автором является Г.П. Белоглазов – заведующий отделом востоковедения Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Автор тщательно изучает нормативную базу аграрной политики КПК, в том числе «Основные положения земельного закона Китая», официально опубликованные 10 октября 1947 г. вместе с Декларацией НОА.

Как убедительно показано в книге, осуществление уравнительного передела земли нанесло мощный удар по существовавшей тысячелетия системе феодального землепользования. В результате крестьяне активно вступали в армию, снабжали ее провиантом, фуражом, обмундированием и т.д. Аграрная реформа, несмотря на все ее перегибы, которые постепенно были ликвидированы, обеспечивала армию людскими и материальными ресурсами и приближала победу коммунистов в масштабах всего Китая. «Свежий» взгляд на Третью Гражданскую революционную войну в Китае, недостаточно проанализированную в отечественной историографии, представлен также в статье Н.П. Рябченко (Институт истории, археологии этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН)¹¹⁴. Новые данные приводит автор по ряду направлений, прежде всего подробно воспроизводит ход военных действий между воюющими сторонами, уточняет численность их военных сил, акцентирует назревшую потребность перехода НОАК от армии партизанского типа к регулярной армии. Одной из главных причин усиления армии КПК считает успешно проведенную в 1948–1949 гг. реорганизацию НОАК¹¹⁵. Автор стремится к комплексному анализу ситуации периода Третьей Гражданской войны, включая аграрную политику обеих сторон, плюсы и минусы тесных связей ГМД с США, военную помощь СССР демократическим силам и т.д.¹¹⁶

Значительное место в отечественной историографии новой истории Китая занимает фундаментальное исследование трех авторов А.Н. Карнеева, В.А. Козырева и А.А. Писарева, относительно тесно связанных с китаеведческой школой ИСАА при МГУ¹¹⁷. Если изучение

в отечественной историографии политической истории ГМД дало свои всходы, то исследование проблем социально-экономического характера, и в первую очередь аграрной и административной политики гоминьдановской власти, только начиналось¹¹⁸. Однако это начало стало ярким явлением в российском Китаеведении. Авторам монографии, работавшим под руководством известного исследователя, специалиста по ГМД и гоминьдановскому Китаю А.В. Меликсетова, удалось определить специфику аграрного вопроса, одна из важных характеристик которого, по их мнению, заключалась в необходимости выстраивания новой политики между сельским обществом и государственными институтами на местах. Как выявили авторы, – повышение эффективности сельского хозяйства в целом – было тесно связано с осуществлением реформирования системы налогообложения. В книге убедительно показаны почти непреодолимые трудности при реорганизации структуры местной администрации, необходимой для проведения реформы налоговой системы и аграрных преобразований. Между тем именно местная администрация сводила на нет все реформистские инициативы центральной власти. «Аграрный закон» 1930 г., принятый гоминьдановской властью, натолкнулся на сложности уже в самом начале – на этапе широких обследований в деревне, включая получение сведений о распределении земли и налоговом бремени. Необходимость создания новой бюрократии наталкивалась на ожесточенное сопротивление старой бюрократии. Недостаток финансов (война с КПК, японо-китайская война) осложнял ситуацию. Наиболее серьезным препятствием реформаторской деятельности авторы книги считают нежелание к переменам традиционных элит, обладавших авторитетом и влиянием в деревне. Избранная авторами книги тема настолько сложна, что необходимы дополнительные источники и усилия для ее более полного и аргументированного раскрытия.

Характерная черта отечественного Китаеведения 2000-х гг. по истории Китая – возросшая активность региональных исследовательских центров России. Помимо научных исследований, о которых речь шла выше, издавались справочники по разным направлениям и учебные пособия для студентов вузов. Так, кроме новых тиражей учебника «История Китая», выпущенного в 1998 г. ИСАА, значительную известность получило учебное пособие по новой истории Китая, написанное опытным Китаеведом В.Г. Дацышеном (Красноярск)¹¹⁹. Учебное пособие по истории Китая в «эпоху перемен» (1978–2005) подготовила Т.А. Воробьева (Вятский государственный гуманитарный университет)¹²⁰. Т.В. Котельникова (Читинский государственный университет) выпустила для студентов «Семь лекций по истории Китая»¹²¹. Активная позиция в изучении Китая ДВО РАН проявилась также в подготовке справочника по истории Северо-Восточного Китая¹²².

В 2000-х гг. по истории КНР вышло несколько чрезвычайно интересных исследований, авторами которых были ученые ИДВ РАН. Книга Б.Т. Кулика¹²³ – авторитетного Китаеведа, дипломата и общественного деятеля, очевидца и даже участника многих событий тех лет – посвящена изучению развития межпартийных (КПСС и КПК) и межгосударственных (СССР и КНР) отношений, характеристика которых в мировой историографии до сих пор весьма политизирована. Работа Б.Т. Кулика отмечается также нетипичным для исследований внешнеполитической тематики глубоким «погружением» во внутриполитическую историю страны. В изложении Б.Т. Кулика политический курс руководства КПК со всеми его «левачествами» не отрывался от жизненных реалий. Мотивация курса «большого скачка», народных коммун, наконец, «культурной революции» выводится за рамки политической борьбы за власть и «волюнтаризма» Мао Цзэдуна и опускается на реальную почву комплекса внутренних проблем и противоречий, среди которых особое внимание уделяется факторам голода, нищеты, психологического настроения масс на ускорение темпов экономического развития и на уравниловку, наличия большого заряда просоциалистических настроений в китайском обществе и другим проблемам слабого государства, стремившегося к лучшей жизни.

Впервые в научной литературе получила целостную характеристику помощь СССР Китаю в политической сфере: рекомендации ВКП(б) и И.В. Сталина по проблемам восстановительного периода и первого пятилетнего плана, направленные против политики «забегания вперед», характерной для ряда лидеров КПК уже с конца 1940-х гг. Автор выдвигает точку зрения о комплексном характере обстоятельств, которые привели к расколу между партиями и странами. Одной из причин раскола, особенно в идеологической сфере, автор, наблюдая Китай «изнутри», называет специфику восприятия в Китае критики культа личности И.В. Сталина. Он пишет: «В сознании политически грамотной части населения КНР имя Сталина ассоциировалось не с ГУЛАГом, а с советскими летчиками, защищавшими китайские города от налетов японской авиации в годы Антияпонской войны, с разгромом Вооруженными силами СССР мощнейшей Квантунской армии и освобождением Маньчжурии от японских оккупантов, со срывом американской блокады КНР, с требованиями Москвы восстановить права КНР в ООН, с десятками заводов и фабрик, строившихся в Китае с помощью советских специалистов»¹²⁴. Поэтому осуждение в СССР культа личности И.В. Сталина воспринималось в КНР как предательство социализма и всех тех идей, которым следовала КПК в то время. Во многом новаторское освещение Б.Т. Куликом внутривосточной истории Китая позволило ему по-новому поставить проблему истоков разногласий. Фундаментальное исследование Б.Т. Кулика способствовало развитию новых подходов к осмыслению истоков разногласий как в среде ученых, так и политиков. Освещение темы идеологического спора между КПСС и КПК в 1956–1966 гг. продолжалось автором и в последующие годы. В 2002 г. вышел документальный очерк автора, дающий немало оснований для нового прочтения причин и содержания идеологического спора между КПСС и КПК и советско-китайского раскола¹²⁵.

Заслуженное признание в исторических кругах получила книга Т.Г. Зазерской, которая на основе архивных документов проработала интересную тему становления военно-промышленного комплекса Китая в 1949–1960 гг. и роли советских специалистов в его формировании¹²⁶. Книга этого автора получила большую известность не только в России, но и за рубежом.

Переход КНР после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.) к новому этапу развития, последовавшему после одного из самых тяжелых периодов истории КНР – «культурной революции», естественно, вызвал интерес историков к освещению событий, предшествовавших судьбоносному пленуму и последовавших после него. Предметом исследования специалиста по истории КНР В.Н. Усова¹²⁷ стал исторический период 1976–1984 гг. Монография подготовлена на основе множества новых зарубежных, прежде всего китайских источников. Всесторонне исследуется история борьбы сторонников Дэн Сяопина с последствиями «культурной революции» в Китае, представлена разработка решения о переходе от курса подготовки к войне и «казарменного коммунизма» к политике реформ и открытости. Большое значение автор правомерно придает личности Дэн Сяопина. Политическая борьба после смерти Мао Цзэдуна в верхнем эшелоне руководства КПК двух основных группировок завершилась арестом «четверки» (Цзян Цин, Чжан Чуньцяо, Ван Хунвэнь, Яо Вэньюань), возвращением к политической жизни Дэн Сяопина (1978–1983 – Председатель Всекитайского комитета НПКССК, 1983–1990 – Председатель Центрального военного совета КНР) и постепенным вытеснением с первых позиций Хуа Гофэна (1976–1981 – Председатель ЦК КПК, 1976–1982 – Председатель Центрального военного совета КНР, 1976–1980 – Премьер Госсовета) и его ближайших сторонников.

Как показывает автор, еще до XII съезда КПК (1982 г.) активно проводилась широкомасштабная реабилитация лиц, подвергавшихся репрессиям в годы «культурной революции». Важным этапом политики реформ и открытости В.Н. Усов считает достигнутые в 1978–1984 гг. успехи в реформировании села, осуществление различных форм подрядных отношений, что практически привело к распаду народных коммун. Перелом

в аграрных отношениях позволил накормить городское и сельское население. В те же годы Китай начал осуществлять курс на создание первых особых экономических зон, значение которых, по мнению автора, было чрезвычайно велико. Постепенно Китай от мобилизационной модели социализма с китайской спецификой стал переходить к модели «рыночного социализма» с китайской спецификой.

На основе предыдущих работ В.Н. Усов написал учебник для гуманитарных вузов, остро необходимый для молодых специалистов России в условиях перемен как в Китае, так и во всем мире. Автор, обладающий обширными знаниями по истории Китая, можно сказать, прикрыл амбразуру, образовавшуюся по ряду причин. Одна из них – недостаточность контактов российских и китайских ученых вплоть до конца 1980-х – начала 1990-х гг. как результат конфликта интересов в 1960–1970-х гг., слабая документальная база всего периода 1949–1984 гг. не только в России, но и в Китае. Основным источником при написании учебника были не китайские архивные документы, но китайская пресса, различного рода хунвэйбиновские материалы времен «китайской революции», которые постепенно систематизировались и в КНР, и в СССР (в ИДВ РАН с 1968 по 1978 г. было издано более чем 20 выпусков специальных бюллетеней хунвэйбиновских материалов в переводе с китайского), и в США.

В период реформ и открытости по мере потепления межгосударственных отношений, укрепления и активизации научных контактов появился целый ряд воспоминаний ведущих деятелей партии и правительства КНР, охватывающих 1950–1970-е г., кроме того, ЦК КПК перешел к изданию документов и нормативных актов по партийному строительству, кадровой политике, государственному строительству, политсистеме, законодательной деятельности и т.д., которые расширяют документальную базу исследований. К сожалению, публикации архивных материалов в КНР не приобрели таких широких масштабов, как в России.

Учебник «История КНР»¹²⁸ охватывает историю Китая с 1949 по 2004 г. Книга является первым в нашей стране учебником, написанным на богатом фактическом материале с использованием большого количества российских и зарубежных источников. Автор учебника систематизировал и проанализировал весь доступный ему исторический материал, предложил продуманную периодизацию, в целом идентичную периодизации, представленной в китайских исследованиях. Первый том завершается периодом урегулирования – 1966 г. В качестве специфики новейшей истории Китая правомерно выдвигается факт периодически проводившихся по инициативе сверху политико-идеологических кампаний, которые, как правило, предшествовали крупным историко-политическим событиям в стране.

Во втором томе (1966–2004) излагается история Китая начиная с «культурной революции» и до 2004 г. (На наш взгляд, целесообразнее было бы закончить том I периодом «культурной революции».) История КНР представлена под девизом поиска пути развития страны, адекватного исторической специфике Китая. Прослеживаются экономическая политика, структурные преобразования в политической сфере, кадровая политика, развитие науки, образования и культуры. Наглядно представлены успехи в аграрном и промышленном секторах, а также просчеты и недостатки. В рамках «зигзагообразного» развития страны с начала 2000-х гг. выдвигаются на передние рубежи социальные аспекты политики реформ и открытости, стремление к гармонии всех направлений политики развития.

Следуя хронологическо-проблемному принципу в изучении отечественного Китаеведения, отметим, что в рамках периода реформ и открытости (с 1978 г. до наших дней), значительные усилия российских ученых, особенно ИДВ РАН, были сконцентрированы на изучении партийно-политической системы, государственного и правового строительства и развития законодательства, кадровых вопросов и системы управления страной в целом. Ученые ИДВ РАН по сути, возглавили этот сложный процесс изучения со-

временного Китая, который осуществлялся на стыке истории, философии, социологии, юриспруденции, политологии. В 2000-е г. были достигнуты существенные успехи. Книги «Как управляется Китай»¹²⁹, «Политический режим и модернизация Китая»¹³⁰, «От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао»¹³¹, «Политическая система и право КНР в процессе реформ»¹³², «Конституции и политическая система Китайской Народной Республики»¹³³, «Партия и власть»¹³⁴, «Идейно-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину»¹³⁵, «Китайская модель модернизации: поиски новой идентичности»¹³⁶ (второе издание – в 2008 г.), «Проблемы трансформации политических систем России и Китая: опыт сравнительного анализа»¹³⁷, «КНР: военная политика на рубеже веков»¹³⁸, «Китай и его соседи. На пути к гражданскому обществу»¹³⁹ и ряд других вовлекли в оборот события партийно-политической истории КНР, теоретические аспекты нового исторического этапа, подняли на должную высоту значение конституционного развития, роль законодательства и права, обратили внимание на место Китая в развитии мировой цивилизации. Насыщенные фактами отечественные исследования по современному Китаю выделили дискуссионные проблемы. В ряде работ был предпринят сравнительный анализ политических и экономических процессов в КНР и СССР, теории и политики КПК и КПСС¹⁴⁰.

* * *

В начале XXI в. вышел ряд фундаментальных работ по древнему, средневековому Китаю и по Китаю нового и новейшего времени. Среди них есть обобщающие работы по различным темам и периодам истории Китая, ряд которых издавался в формах монографий, включая избранные произведения, энциклопедических и справочных изданий, сборников статей, посвященных крупным историческим событиям и юбилейным датам, сборников материалов крупных научных конференций. Китайская цивилизация, по многим параметрам весьма отличная от других мировых цивилизаций, соответственно обладает и весьма «необычными» объектами для изучения. Речь в данном случае идет об исследовании Д.Н. Воскресенского и В.Н. Усова, посвященном институту евнухов, существовавшему в Китае больше двух тысяч лет, вплоть до начала XX в. Эффективное изучение этого института, обращение к которому началось сравнительно недавно, стало возможным благодаря сотрудничеству литературоведа Д.Н. Воскресенского и историка В.Н. Усова¹⁴¹. На основе переводов произведений писателей минского Китая вкупе с тщательным изучением китайских исторических трудов авторам удалось создать интересную картину дворцового быта и определить место евнухов в быту и на политической арене. Отражено постоянное стремление дворцовых евнухов к узурпации политической и даже военной власти в государстве. Интересно, что одним из основных источников пополнения этой социальной прослойки являлись военнопленные и люди, стремившиеся выбраться из нищеты любыми способами. Как выяснили авторы, максимальной величины количество евнухов достигло в эпоху китайской династии Мин, но не при иноземцах-маньчжурах. Данное явление в целом требует дальнейшего изучения.

Высококвалифицированный специалист по древнему Китаю С. Кучера (ИВ РАН) представил читателю свой очередной труд¹⁴². В книгу включены работы разных лет. Ученый выбрал 17 статей, опубликованных в разные годы, в том числе статьи, мало знакомые коллегам-историкам. Часть публикаций подверглась определенной переработке в связи с учетом новых источников и достижений мировой синологии. Основные направления исследований, собранных в данной книге, – это история, культура и право древнего Китая. Ю.В. Чудодеев¹⁴³ (ИВ РАН), активно работающий по разным направлениям истории Китая, поставил задачу проследить под углом зрения смены династий в Китае постепенный рост предпосылок, подготовивших Синьхайскую революцию 1911 г. На базе

обширных знаний истории Китая автору удалось представить широкую картину истории страны, объяснить становление различных течений антимонархической оппозиции, «нарисовать» ситуацию революционного подъема, приведшего к свержению маньчжурских правителей и провозглашению Китайской Республики.

Заметным явлением в историографии широкомасштабных работ, охватывающих длительные временные периоды, относится коллективный труд известных российских синологов А.А. Бокшанина, О.Е. Непомнина и Т.В. Степугиной¹⁴⁴ (ИВ РАН). Период, изученный авторами, распространяется с древнейших времен до начала XX в. Глобальный подход к изучению китайской цивилизации, истории древней, средневековой и новой истории Китая, свойственный этим авторам, отражает высокий уровень их знаний истории Китая, а также, знакомство с оригинальными историческими и специальными исследованиями российских, китайских и западных ученых. Книга состоит из трех частей, посвященных древней, средневековой и новой истории Китая.

Один из самых плодовитых и знающих историков Китая нового времени О.Е. Непомнин, для многочисленных работ которого характерно оригинальное, по ряду аспектов дискуссионное, видение исторического процесса, в 2005 г. опубликовал одну из лучших своих книг – монографию по истории эпохи Цин¹⁴⁵. Работа, исследующая и обобщающая события цинского времени, анализирует крупнейшие события и связанные с ними процессы: крестьянскую войну второй четверти XVII в., маньчжурское завоевание Китая, становление империи Цин, фазу смуты, крестьянские войны и повстанческие движения середины XIX в. Во второй части книги представлены последствия «опиумных войн», гибель монархии и создание республики. Автор – сторонник и одновременно создатель концепции циклического развития. Применительно к Китаю он представляет точку зрения о чередовании линейной эволюции с периодическими циклами упадка и процветания. Его новая крупная работа, посвященная изучению истории Китая XX в.¹⁴⁶, ведет отсчет от крушения Цинской монархии и заканчивается разделом о реформировании социалистической системы КНР в рамках нового этапа модернизации. Автор демонстрирует объективный подход к изучению исторических событий и процессов. Его исследование дает почувствовать всю глубину проникновения автора в историю Китая. Как и в предыдущих исследованиях, О.Е. Непомнин характеризует исторический процесс под углом зрения принципа цикличности. При этом, возможно, преувеличивает фактор «крестьянской войны» в истории Китая до 1949 г., точнее, «отрывает» его от прочих факторов социально-экономического и политического развития.

ИВ РАН в течение 2002–2008 гг. подготовил шеститомную «Историю Востока»¹⁴⁷. Последний том «Восток в новейший период (1945–2000 гг.)» вышел в 2008 г. Глава «Китай» периода КНР была написана главным научным сотрудником ИДВ РАН, д.и.н. Ю.М. Галеновичем, старейшим китаеведом, автором большого количества исследований.

В рамках истории Китая большим вниманием отечественных историков всегда пользовалась история автономий. История Синьцзяна, наряду с историей Внутренней Монголии, входит в одно из популярных направлений китаеведческих исследований, осуществляющихся на базе АлтГУ – на Кафедре востоковедения АлтГУ (в 2000–2007 гг. ее возглавлял В.А. Моисеев – один из выдающихся востоковедов Сибири, в 2007–2014 гг. – известный китаевед А.В. Старцев) и в Алтайском центре востоковедных исследований (позднее преобразован А.В. Старцевым в Алтайский международный центр азиатских исследований). В известной книге проф. В.А. Моисеева «Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.)»¹⁴⁸ теме Синьцзяна, Внутренней Монголии, внутренней политике Китая уделено большое внимание. поэтапная характеристика социально-экономических и политических процессов Синьцзяна в 1949–1978 гг. убедительно представлена в книге О.А. Омельченко; автором книги показана специфика преобразований в городе и в аграрной сфере крупнейшего автономного образования Китая; рассмотрены вопросы влияния

советско-китайского сотрудничества на экономическую ситуацию СУАР. Серьезная научная база исследований истории Синьцзяна создала основу для написания историками Сибири учебного пособия высокого уровня, предназначенного для студентов¹⁴⁹.

В 2005 г. российский читатель, относительно мало знакомый с историей Тибета, получил интересно написанную книгу, охватившую практически всю историю Тибета – от древности до наших дней¹⁵⁰. Работа написана двумя китаистами-историками, читавшими курс истории Тибета на восточном факультете Санкт-Петербургского государственного университета. При отсутствии в европейской и американской науке работы подобного рода, ее появление в России имеет особо важное значение. Написанная авторами книга рассматривается в некотором роде и как учебное пособие. Не будучи тибетологами, число которых в мировой науке минимально, авторы имели высококвалифицированных предшественников – тибетолога-историка В.А. Богословского (ИДВ РАН), известного своей книгой по истории Тибета в 1912–1949 гг.¹⁵¹, и Р.Е. Пубаева – сотрудника Института общественных наук СО АН СССР¹⁵².

В историческом ракурсе изучался национальный вопрос в Китае. Основным представителем этого направления являлся А.А. Москалев (ИДВ РАН), в сферу интересов которого входили проблемы национально-языковой политики КНР, этнонациональной политики, теоретические вопросы национальной политики в Китае, эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму. Основные работы талантливого китаевода увидели свет в 2000-х гг.¹⁵³ Политика КПК и КНР в национальных районах, и прежде всего кадровая политика, – основная тематика работ историка-китаевода Т.В. Лазаревой¹⁵⁴. Как следует из ее исследований, руководство КПК очень осторожно, учитывая китайскую специфику народонаселения, правового строительства, уровня жизни в национальных окраинах, формулирует основные аспекты кадровой политики на этих территориях.

Классик советского/российского китаеведения и ученый мирового уровня академик С.Л. Тихвинский в 2005 г. издает книгу «Век стремительных перемен»¹⁵⁵, в которой выступает как историк, дипломат и общественный деятель (Чрезвычайный и Полномочный посол в отставке, Заслуженный работник дипломатической службы России, советник Президиума РАН). В сборник включены наряду с исследовательскими статьями рецензии на работы отечественных и зарубежных историков и дипломатов, ранее не известные архивные документы. Статьи и рецензии сгруппированы по разделам: всемирная история, отечественная история, история Китая. Предпринят своеобразный экспресс-анализ основных процессов и событий минувшего столетия. Центральная тема книги – внешняя политика страны и история международных отношений XX в. Большой вклад в историю международных отношений вносит очерк о деятельности советских дипломатов в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Автор владеет поистине уникальным материалом по данной теме, не говоря уже о том, что, находясь в Китае на дипломатической работе, он был свидетелем и действующим лицом многих международных событий¹⁵⁶.

В 2006 г. увидело свет пятитомное издание избранных произведений С.Л. Тихвинского. Каждый том посвящен одной крупной теме¹⁵⁷. Предпринятая издательством «Наука» инициатива переиздания основных сочинений С.Л. Тихвинского весьма своевременна и отвечает потребностям сегодняшнего дня, характеризующимся стремительным ростом интереса к истории, культуре, языку Китая в нашей стране и за рубежом.

Первый том посвящен истории Китая до XX в. Основное исследование тома – «Движение за реформы в Китае в конце XIX в. и Кан Ювэй». В работу, впервые изданную в 1959 г., автором внесены некоторые коррективы, основанные на привлечении новых материалов. В этот том вошли и другие работы С.Л. Тихвинского по новой истории Китая.

Второй том открывает монография, посвященная деятельности и внешнеполитическим воззрениям лидера ГМД, первого Временного президента КР Сунь Ятсена.

С.Л. Тихвинский выдвинул фигуру Сунь Ятсена на передние рубежи исторической науки о Китае еще в 1964 г., когда он взял на себя нелегкий труд ответственного редактора при подготовке издания избранных произведений Сунь Ятсена на русском языке. Знакомство с произведениями Сунь Ятсена определило дальнейшую профессию и судьбы многих советских и российских китаеведов, позволило отечественным синологам близко подойти к китайской действительности, понять и ощутить ее специфические черты.

Третий том посвящен изучению истории Китая с конца 90-х гг. XIX в. по 1949 г. Центральная сюжетная линия связана с политической биографией одного из лидеров КПК – ближайшего помощника и соратника Сунь Ятсена – Чжоу Эньлая, которая представлена на историческом фоне КР¹⁵⁸. Не будем подробно останавливаться на этой замечательной книге, о которой речь шла уже выше. В третьем томе, как нам представляется, автором дается во многом новый взгляд на всю историю китайской революции и, в целом Китайской Республики.

Работы, формирующие четвертый том избранных произведений С.Л. Тихвинского, объединены темой «Отечественная и всемирная история». Вошедшие в том очерк о деятельности советских дипломатов в годы Второй мировой войны, а также раздел по истории послевоенной нормализации отношений Советского Союза с Японией под названием «Россия – Япония: обречены на добрососедство», воспроизводят непростую историю дипломатических и межгосударственных контактов СССР на Востоке, связаны многими нитями с современной историей международных отношений.

Название пятого тома – «Воспоминания дипломата и заметки историка. Автор о себе, своих коллегах – историках и дипломатах». В центре первой части тома находятся незаурядная личность учителя академика С.Л. Тихвинского – академика В.М. Алексеева и ряд китаеведов петербургской школы. В этой части содержатся интересные воспоминания автора о жизненном и творческом пути его коллег – А.А. Губера, В.М. Хвостова, А.Л. Нарочницкого, Лю Даняня, Дж. К. Фэйрбэнка, В.С. Мясникова и др. Вторая часть пятого тома носит автобиографический характер. Подводя итоги своим размышлениям, С.Л. Тихвинский отмечает, что ему довелось быть свидетелем, а порой и участником многих важных событий, происходивших в Китае, и главным из них он считает провозглашение 1 октября 1949 г. на многотысячном торжественном митинге на площади Тяньаньмэнь в Пекине нового государства на китайской земле – Китайской Народной Республики. Работая над отечественной историографией Китая, невольно сравнивая объемы, качество и количество исследуемой научной литературы в области истории, нельзя не выразить своего восхищения таланту, научной энергии, умению погружаться в исторические события, находить новые подходы к оценке событий, которые, казалось бы, давно уже известны, С.Л. Тихвинского, на работах которого воспитана, по сути, большая часть китаеведов, особенно историков. Запас знаний и наличие большого количества творческой энергии находит выход в новых публикациях. После издания пятитомника избранных произведений С.Л. Тихвинского вышла в свет в 2012 г. книга шестая, дополнительная¹⁵⁹. Основным произведением, включенным в этот том, является опубликованная в издательстве «Наука» в 2008 г. его новая книга «Восприятие в Китае образа России»¹⁶⁰. В ее основе – история российско-китайских отношений и восприятие населением основных событий российско-китайских отношений, которое, как пишет автор, не всегда было однозначным. Умение мыслить масштабно и встраивать в политическую историю человеческий фактор, учитывать влияние русской и советской литературы на Китай делают этот том легко воспринимаемым различными слоями населения и убедительным в утверждении о стабильности российско-китайских отношений. История Китая, в различные исторические периоды тесно связанная с историей СССР / России, развитие конструктивных отношений России и Китая на государственном уровне и дружеских связей на уровне «народной дипломатии» свидетельствуют о преобладании добрососедских отношений и взаимопонимания между

народами. Еще одно подтверждение глубокой симпатии отечественной интеллигенции и специалистов-китаеведов к Китаю и китайцам отражено в недавно вышедшем сборнике очерков о Китае известных российских ученых, журналистов, общественных деятелей, дипломатов, писателей и переводчиков, в большинстве своем работающих в ИДВ РАН¹⁶¹ или тесно связанных с ним. Многие из авторов книги подолгу жили и работали в КНР, проходили языковую и научную стажировку. Во время пребывания в КНР они приобрели верных друзей и товарищей, почувствовали особенности жизни в Китае изнутри. Их объединяет вера в способность Китая к преодолению всех преград.

Уровень китаеведения характеризуется также наличием сборников статей и отражается в статьях, публикуемых в разных научных журналах¹⁶². В нулевые и 10-е г. XXI в. издана серия китаеведческих сборников¹⁶³, которые в совокупности демонстрируют достаточно высокий уровень китаеведения, в частности исторических исследований проблем Китая. Общая тематическая направленность статей сборника обозначена в названии каждой статьи.

В 2013 г. увидела свет, можно сказать, новая форма исторической литературы – «Архив российской китаистики»¹⁶⁴. Его составители и редакторы назвали эту форму работы как «новое продолжающееся издание, специально посвященное 300-летней истории одной из наиболее развитых отечественных наук – синологии». Идея собрания текстов максимально широкого проблемного и жанрового диапазона, включающего оригинальные современные исследования и научное наследие прошлых лет, учебные и справочные материалы, воспоминания и архивные документы, рецензии и библиографии, редкие иллюстрации, выглядит очень здравой. «Архив российской китаистики» поможет читателю пополнить свои знания, вспомнить выдающихся ученых и хорошие работы, некоторые из которых, возможно, незаслуженно забыты, и в целом усилить внимание историков и общественности к китаеведению. Подобная инициатива созрела в ИВ РАН и поддержана РГНФ.

Изучение китайской культуры, философии, истории, духовных традиций, морально-этических учений, активно осуществлявшееся в России 1990-х – начала 2000-х гг. и ранее, заложило основу создания пятитомного (плюс дополнительный 6-й том) фундаментального труда «Духовная культура Китая», изданного в 2000-х гг. и получившего в 2010 г. Государственную премию Российской Федерации. Энциклопедия вызвала наибольший резонанс в культурной и общественной жизни страны¹⁶⁵. Издание этого многотомного труда было инициировано ИДВ РАН и осуществлялось под научным руководством его директора академика М.Л. Титаренко. Каждый том имел свою редколлегию. К научной работе над томами были привлечены квалифицированные ученые-китаеведы всей страны. По своему содержанию глава по внутренней истории Китая ближе всего соприкасается с IV томом энциклопедии¹⁶⁶. Авторами материалов IV тома энциклопедии являются видные российские китаеведы: С.Л. Тихвинский, В.А. Вельгус, Л.М. Гудошников, Б.Г. Доронин, Ю.Л. Кроль, Е.И. Кычанов, Н.Л. Мамаева, А.С. Мартынов, О.Е. Непомнин, Л.С. Переломов, И.Ф. Попова, В.М. Рыбаков, Г.Я. Смолин, Д.А. Смирнов, В.Н. Усов, А.Н. Хохлов и другие. Том IV состоит из двух больших разделов – общего и словарного. Общий раздел включает следующие темы (или главы): «Историческая мысль», «Политическая культура традиционного Китая», «Политическая культура новейшего времени», «Гоминьдан: история и современность», «Коммунистическая партия Китая», «Традиционное право», «Китайское право в XX в.». Одна из особенностей статей общего раздела состоит в том, что затрагиваемые в них проблемы рассматриваются под углом зрения традиционного и современного Китая. IV том содержит много ценных материалов, не имеющих аналогов в литературе по Китаю. Не меньшую ценность имеет словарный раздел, в котором представлены основные понятия и школы историко-политической мысли, династийные истории и кодексы, персоналии, включающие твор-

чество китайских историков, биографии исторических личностей. Том включает также избранную библиографию, хронологические таблицы, карты и указатели. Работа над изучением духовных основ китайской цивилизации стимулировала создание, развитие и уже частичную реализацию научного проекта, возникшего в конце нулевых годов XXI в. в Президиуме РАН под названием «История Китая с древнейших времен до начала XXI века» (в 10 томах).

Прежде чем перейти к характеристике данного широкомасштабного проекта, определившего на последнее пятилетие основное направление работы наших историков-китаеведов, обратимся вновь к персоналиям как к одному из популярных жанров отечественного китаеведения, нужному, полезному, однако не заменяющему форму монографических исследований, посвященных конкретным частным или общим проблемам, придающих изучению истории Китая системный характер. Именно биографии, написанные на историческом фоне, вносящие много новых подробностей в освещение эпохи, помогают видеть в деятелях Китая живых людей, почувствовать атмосферу, царящую в обществе. К таким биографиям относится и книга В.Н. Усова, посвященная жизни и деятельности последнего китайского императора Пу И (1906–1987)¹⁶⁷, отречение которого от трона состоялось в результате Синхайской революции. Книга базируется в основном на воспоминаниях самого императора, впервые изданных в КНР в 1964 г. Написанная живым литературным языком и обладающая элементами научного исследования, работа восстанавливает всю историю жизни последнего императора Китая, тесно связанную с историей страны. Автор в работе над данной книгой проявил не только исследовательский, но и литературный талант.

Перу В.Н. Усова принадлежит и книга, посвященная изучению биографии Кан Шэна – члена ПБ ЦК КПК, одного из главных инициаторов и проводников «культурной революции», тесно связанного с китайской разведкой¹⁶⁸. После того как 28 мая 1966 г. была утверждена «Группа ЦК КПК по делам культурной революции», Кан Шэн был назначен ее советником. Автор, использующий все доступные ему источники и литературу, прессу, внес большой вклад в реконструкцию политической ситуации в партии и стране особенно в период подготовки «культурной революции», уделил значительное внимание лозунгам и практике «культурной революции», ее формам и целям. Отношение автора к этой личности, принесшей много горя соратникам по партии и населению страны, однозначно отрицательное. В книге предпринята попытка разобраться в ситуации и определить конкретное место Кан Шэна в политическом процессе.

Логично было ожидать от В.Н. Усова и написания работы об «архитекторе китайских реформ» Дэн Сяопине (1984–1997)¹⁶⁹. Сразу отметим, что к изучению деятельности Дэн Сяопина обращалось немало историков, однако в несколько ином ракурсе, к примеру, при изучении истории КПК и партийно-политической системы, экономической реформы в КНР, кадровой политики, модели модернизации Китая и т.д. Таким образом, автор имел возможность использовать неплохо изученные китаеводами ИДВ РАН и других институтов направления, по которым работал Дэн Сяопин со своими сподвижниками. Этот факт не снижает проделанной автором большой работы по воссозданию деятельности Дэн Сяопина на протяжении всей его жизни. Книга В.Н. Усова – это и биографический очерк, и научное исследование. По мнению автора, главная заслуга Дэн Сяопина заключается в ликвидации обстановки хаоса и нищеты после «культурной революции» и в выработке курса на создание устойчивого социально-экономического развития страны. Не вдаваясь в подробности, отметим, что автор использует комплексный подход к характеристике лидера китайских реформ. Он пишет не только об «экономическом чуде», к которому вела экономическая политика Дэна, но и об административно-политических преобразованиях с конца 70-х гг. XX в., об активной законодательной деятельности и о политико-правовых инициативах, о совершенствовании парламентской деятельности

и о политике открытости, о реанимации ряда традиций, способствовавших внедрению в общество идеи средней зажиточности (сяокан). Высоко оценивая деятельность Дэн Сяопина, автор показывает читателю живого человека, наделенного и положительными, и негативными чертами.

Однако пальма первенства при написании политических биографий, и при характеристике отдельных важных событий, связанных с деятельностью выдающихся личностей Китая¹⁷⁰, принадлежит широко известному в научном мире китаеведов ученому и дипломату Ю.М. Галеновичу, количество работ которого чрезвычайно велико и вклад в развитие российского китаеведения весьма значителен¹⁷¹. Его работы имеют определенную специфику, связанную с отражением личных впечатлений о тех или иных людях или событиях. Ю.М. Галенович много лет жил и работал в Китае, был знаком с известными государственными деятелями Китая, нередко являлся участником, либо свидетелем всевозможных встреч и бесед. Хотя большинство его произведений посвящены с проблемам советско/российско-китайских отношений и вопросам внешней политики КНР и России, тем не менее отметим некоторые работы, близкие к внутренней истории и политике Китая. Особенность публикаций Ю.М. Галеновича – стремление автора заинтересовать читателя, открыть дискуссию. Подобный стереотип научного исследования способствует «раскрепощению сознания», будит мысль, помогает формированию новых подходов к изучению тех или иных событий. Приведем конкретные работы, имевшие в китаеведческой среде большой резонанс. В книге «Китайское чудо или китайский тупик?»¹⁷² автор склоняется ко второму варианту; в книге «Прав ли Дэн Сяопин, или Китайские инакомыслящие на пороге XXI века»¹⁷³ автор знакомит читателей с отличными от официальных точками зрения на пути дальнейшего развития страны; личность Ху Цзиньтао и его идеи – содержание еще одной книги Ю.М. Галеновича¹⁷⁴. Ю.М. Галенович был одним из первых китаеведов, которые с середины нулевых годов XXI в. вновь обратились к изучению личности и деятельности Мао Цзэдуна. Последний год жизни китайского лидера – в центре внимания книги «Смерть Мао Цзэдуна», в которой автор подробно исследует все действия Мао и его окружения, включая реабилитацию ряда видных руководителей страны и деятелей культуры, деятельность Кан Шэна, У Дэ, Ни Чжифу, «четверки». В своей второй книге о Мао Цзэдуна¹⁷⁵ Ю.М. Галенович показывает Мао Цзэдуна в личной жизни и в быту. Третья его работа – «Пэн Дэхуай и Мао Цзэдун» посвящена взаимоотношениям между двумя китайскими руководителями в конце 1950-х – и в 1960-е гг.¹⁷⁶ Автор считает Пэн Дэхуая самым талантливым китайским полководцем, «маршалом правды».

Перу Ю.М. Галеновича принадлежит книга «Возвращение Лю Шаоци»¹⁷⁷, где подробно изложены жизнь и деятельность бывшего председателя КНР (1959–1966). В том же году вышла в свет в двух книгах работа Ю.М. Галеновича «Дао Ху-гуана»¹⁷⁸, посвященная исследованию жизни и деятельности Ху Яобана, занимавшего в 1980–1987 гг. пост Генерального секретаря ЦК КПК.

Не снижая темпов своих исследований, в 2012 г. Ю.М. Галенович выпускает книгу о жизни и деятельности политического и государственного деятеля КНР Чжао Цзыяна¹⁷⁹, который в течение 1980–1987 гг. занимал пост премьера Госсовета КНР, а в 1987–1989 гг. был избран Генеральным секретарем ЦК КПК. В книге, использующую в том числе воспоминания Чжао Цзыяна, внутривнутрипартийная ситуация накануне трагических событий 1989 г. приобретает иные характеристики, как и взаимоотношения Чжао Цзыяна и Дэн Сяопина. Интерес китаеведов к личности Чжао Цзыяна, который, в отличие от своих коллег аналогичных рангов, изначально признавал большое значение в формировании модели модернизации страны проведению политических преобразований в КНР и проблеме демократизации, существовал изначально. Как подчеркивает автор, в 1989 г. Чжао Цзыян не согласился с решением Дэн Сяопина ввести военное положение и силой подавить

массовые демонстрации с требованиями свободы и демократии. Оставив подробности, отметим, что книга Ю.М. Галеновича была встречена читателями с большим интересом. В серию работ Ю.М. Галеновича под общим названием «Лидеры Китая в XX веке», входит также книга «Цзян Чжунчжэн, или Неизвестный Чан Кайши»¹⁸⁰. Книга содержит интересный и достоверный материал и биографического, и политического плана.

Направление «биографии», или «персоналии», представленное в историографии достаточно хорошо, завершаем двумя книгами (серия ЖЗЛ) А.В. Панцова, посвященными жизни и деятельности двух китайских лидеров – Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. В 2007 г. впервые на книжном рынке России появилось самое полное на тот момент издание, написанное о Мао Цзэдуна. Его автор – А.В. Панцов¹⁸¹. Сильной стороной работы является прежде всего источниковедческая база. Среди огромного количества материалов, использованных в книге, – многотомное личное дело Мао и его досье, несколько тысяч томов личных дел других революционеров Китая, а также записи бесед автора с людьми, знавшими Мао. Большая часть этих материалов была привлечена впервые. В этой работе А.В. Панцов выступает и как писатель, и как ученый. Совместить эти характеристики не так уж легко, поскольку «интеллектуальные биографии» (к ним по праву относится эта книга), претендующие одновременно на высокую степень научного исследования, порождают естественным образом вопросы у специалистов, ответ на которые трудно найти в рамках серии монографий ЖЗЛ. Один из них – насколько высока степень объективности автора в оценке политики Мао до и после образования КНР. В связи с этим целесообразно отметить дискуссионный характер ряда оценок и характеристик Сталина и Мао, либерализма и тоталитаризма, соотношения «сталинизации» КНР и его связи с «маоизацией». Признаки тоталитаризма в партийно-политическом процессе и в государственном строительстве автором неизменно связываются с влиянием на Китай советской действительности. При этом полностью игнорируются присущие Китаю авторитарные черты в системе управления, идущие из глубины веков. Достаточно также вспомнить учение Сунь Ятсена о «трех этапах строительства государства», тесно привязанного на этапах военного строительства и периода «политической опеки» к однопартийной системе и к стереотипу личной власти лидера в государстве.

В целом автору удалось проследить более детально, чем это уже сделано в российской историографии, жизнь Мао Цзэдуна на широком историческом фоне и сделать попытку в направлении освещения процесса формирования мировоззрения Мао Цзэдуна. Уникальное по своей масштабности и информативности издание значительно расширяет знания о «великом кормчём» Поднебесной и о Китае. Мао предстает не только политиком, но и человеком, со всеми его достоинствами и недостатками. В продолжение биографического направления А.В. Панцов в 2009 г. издал «Рассказы о Мао Цзэдуна» в двух книгах¹⁸², которые характеризуются занимательностью сюжетов, подробными описаниями событий и людей, связанных с личной жизнью Мао Цзэдуна.

Биография Дэн Сяопина, вышедшая в серии «ЖЗЛ»¹⁸³ написана по типу биографии Мао Цзэдуна. Сочетая классические черты написания биографий с изложением проблем истории и развития страны, автор создал работу, близкую к объективности. Как пишет он в эпилоге, «социализм с китайской спецификой» оказался жизнеспособным»¹⁸⁴. Изучив шаг за шагом всю жизнь Дэн Сяопина, автор, как и большинство населения КНР, разделяет высокую оценку деятельности Дэн Сяопина, данную ему официально руководителем третьего поколения китайских руководителей Цзян Цзэминем: «Если бы не товарищ Дэн Сяопин, то не было бы у китайского народа нынешней новой жизни, не было бы у Китая сегодняшней новой обстановки реформ и открытости, прекрасных перспектив социальной модернизации»¹⁸⁵.

Значительный интерес у историков, в научных кругах и среди широких слоев населения, без сомнения, вызовет десяти томная «История Китая с древнейших времен

до начала XXI века», над которой работали и продолжают работать ученые различных академических институтов и университетов России (ИДВ РАН, ИВ РАН, Институт восточных рукописей РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН, ИСАА, СПбГУ и др.). Авторы, ответственные редакторы томов и члены Главной редколлегии, понимая всю сложность поставленной задачи, попытались отразить основные события истории Китая – от палеолитических стоянок и первых неолитических поселений до современной жизни КНР с ее общепризнанным международным авторитетом. В каждом томе в среднем около 60 авторских листов, предусмотрены хронологические таблицы, биографии, списки иллюстраций и карт, избранная библиография, указатели имен и географических названий. На настоящий момент вышли три тома. Тома этого издания в силу ряда объективных и субъективных причин выходят не в хронологической последовательности. Второй том «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века», вышедший в 2013 г., – коллективная работа, посвященная трем периодам в истории Китая, в течение которых были заложены основы китайской цивилизации¹⁸⁶. Создание обобщающей работы по данным периодам, заложившим основные направления и тенденции развития китайской цивилизации, – дело чрезвычайно трудоемкое, но очень важное для понимания исторического процесса Китая. Первый из трех периодов – период Чжаньго (Борющихся царств; V–III вв. до н.э.) – «золотой век» китайской философской и юридической мысли. В период Чжаньго выделились две этико-политические школы, предлагавшие различные модели общественного и государственного устройства. Одна школа характеризовалась идеей «народ для государства» (легисты). Девиз другой школы – «государство для народа» (конфуцианцы). В соперничестве двух школ победили легисты. Победа легистов ознаменовалась объединением страны и созданием империи Цинь (221–207 гг. до н.э.) во главе с императором – реформатором Цинь Шихуаном. Он также известен проведением ряда экономических и политических реформ, сопровождавшихся жесточайшей эксплуатацией населения и введением жестких законов. Социально-политическая ситуация была не легкой, что вызвало многочисленные восстания, предопределившие крах империи. В период правления династии Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.), сменившей династию Цинь, государственной идеологией становится конфуцианство. В систему управления вошла практика госэкзаменов, во многих аспектах сохранившаяся до нашего времени; предпринимались попытки воплощения социальной утопии Конфуция – создания общества малого благоденствия (сяокан), задача построения которого вновь поставлена на ближайшие десятилетия современным китайским руководством, что демонстрирует тесную связь современного Китая с традициями, их живучесть и значение в современной жизни.

Седьмой том серии «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века», вышедший в 2013 г., охватывает период с провозглашения Китая республикой в 1912 г. до образования Китайской Народной Республики в 1949 г.¹⁸⁷ Как и каждый том данной серии, он посвящен комплексному изучению Китая во всем многообразии жизни общества и государства. Период КР характеризуется авторами как переходный от традиционного Китая к современному. Именно на том этапе, как показано в книге, формировались альтернативные пути развития страны, росло влияние КПК среди демократических сил и населения, падал престиж правящего гоминьдановского режима, формировалось национальное самосознание. Авторы представили широкую панораму жизни китайского общества, в которой политическая история, как и в реальной жизни, переплетается с историей экономики, правовых и административных процессов, с военной историей, историей дипломатии, внешней политики, с социальной историей, историей религии, культуры и т.д. Особо отмечается воздействие на Китай социальных потрясений, войн и революций, характерных для первой половины XX в. Такой широкий охват направлений отличает это издание от предыдущих обобщающих работ по истории данного периода.

Имеет место корректировка концептуальных подходов по ряду проблем, связанных с национальной революцией 1920-х гг., политикой КИ вплоть до его самороспуска, процессом развития единого фронта КПК и ГМД до и в период антияпонской войны и в послевоенный период, со значением помощи СССР в образовании КР, с усилением КПК, с развитием демократического движения и победой КПК в 1949 г. В томе представлены новые характеристики гоминьдановского Китая как государства, стремившегося особенно в нанкинское десятилетие к модернизации страны.

С активным привлечением новой источниковедческой базы из серии «ВКП(б), Коминтерн и Китай» и других изданий представлена всесторонняя картина революционного периода 1920-х гг., которую Сунь Ятсен относил к «военному этапу строительства государства». События национальной революции проанализированы в двух главах (6-й и 7-й) I части тома. Авторы (соответственно Н.Л. Мамаева и А.И. Картунова) подошли дифференцированно к анализу событий 1920-х гг.: со стороны Гоминьдана (глава 6) и со стороны КПК (глава 7), что позволило распутать клубок политических и социальных программ и революционной практики, определить направления совместных (ГМД и КПК) действий и основные расхождения между КПК и ГМД, а также между КИ и ГМД в вопросах китайской революции. В результате в работе удалось дать более взвешенную оценку КПК и ГМД в массовом движении и поднять значение в победе революции национальных сил¹⁸⁸. Использование новых документов позволило убедительно представить значимую роль СССР в Китае, выявить конкретные формы помощи советского правительства КР в годы японо-китайской войны, взаимодействия с КПК и демократическими силами страны в создании Маньчжурской революционной базы, в восстановлении национального суверенитета и объединении страны, получившей 1 октября 1949 название Китайской Народной Республики.

Прямым результатом квалифицированного использования архивных документов явилось более детальное и по ряду направлений новое видение проблем единого фронта и сотрудничества между ГМД и КПК в первые годы антияпонской войны. Автор Н.И. Мельникова детально изложила переход обеих партий на более приемлемые позиции на пути предоставления взаимных уступок в деле создания единого демократического фронта как со стороны Чан Кайши, так и со стороны Мао Цзэдуна. При этом показана более активная позиция коммунистов в поисках подходов обеих сторон к сближению. Создание единого демократического фронта, хотя и довольно неустойчивого характера, имело, как следует из содержания тома, положительный результат для обеих сторон и для всего Китая¹⁸⁹.

Впервые в работах подобного рода представлена повседневная жизнь людей¹⁹⁰ (часть IV, глава 6, автор – А.Л. Верченко), направление, тесно связанное с социальной историей, активно развивающейся в российской исторической науке в последние годы. Отражение в сознании и человеческой практике политики КР показывает направления, созвучные потребностям населения, а также те, которые плохо воспринимались либо вовсе отторгались населением. Данная тема включает одновременно вопрос о роли традиций в истории Китая¹⁹¹.

В VII томе показана вся сложность событийного ряда, состоящего из нескольких «параллельных» исторических процессов, включая историю борьбы республиканских сил с реакционными милитаристами Севера и Северо-Востока в 1916–1928 гг., историю ГМД и его деятелей, развитие коммунистического движения, в течение которого постепенно выдвигался в лидеры коммунистического и демократического движения Мао Цзэдун, историю японо-китайской войны и основные этапы гражданской войны, победу демократической революции в 1949 г. В данный период китайская цивилизация, развивающаяся в общем русле истории человечества, демонстрировал как потенциал развития, так и внутреннюю слабость, не в последнюю очередь связанную с последствиями японо-китайской

войны, консервативностью гоминьдановских лидеров и т.д. Публикация в печати VII тома значительно расширит объем знаний о Китае у российского и зарубежного читателя, соответственно повысит уровень доверия между россиянами и китайским народом.

В 2014 г. вышел десятый том многотомной «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века»¹⁹². Он состоит из четырех разделов: «Тайвань», «Сянган (Гонконг)», «Аомэнь (Макао)» и «Зарубежная китайская диаспора». Три первых раздела представляют собой комплексное исследование островной провинции Китая Тайвань, а также бывших колониальных анклавов Великобритании и Португалии – Сянгана (Гонконг) и Аомэня (Макао), вернувшихся в лоно Китая в конце XX столетия в качестве особых административных районов КНР. Под углом зрения истории и современности рассматриваются политические и партийные системы, даются социально-экономические характеристики, изучаются образование, наука, религиозная жизнь, архитектура. В четвертом разделе представлено прошлое и настоящее зарубежной китайской диаспоры, проживающей на многих территориях земного шара. Прослеживаются история и причины эмиграции из Китая, указываются основные ареалы расселения китайцев по миру. Особое внимание уделяется роли диаспоры в осуществлении модернизации в КНР.

* * *

Хотя историографическая школа в российском китаеведении, известными представителями которой в 70–80-х гг. XX в. были Г.В. Ефимов¹⁹³ и В.Н. Никифоров¹⁹⁴, ощутимо сдала свои позиции к 90-м годам XX в., однако полностью не прерывалась. В 2007 г. вышел в свет историографический сборник, подготовленный историками ИДВ РАН в содружестве с историками Университета Цинхуа – Ху Сяньчаном, Ван Ци, Чжоу Юндунем и историком Беларуси Н.И. Абловой¹⁹⁵. Внутренняя структура состояла из следующих рубрик: «Общества, организации, издания» (Г.В. Куликова, Ху Сяньжан, Л.М. Гудошников, Г.А. Степанова, Т.Г. Герасимова, И.А. Тулина); «Проблемы внешней политики и российско-китайского сотрудничества» (Р.А. Мировицкая, Н.И. Аблова, Ван Ци, Чжоу Юндун, А.Л. Верченко); «Российские китаеведы о новых тенденциях в исторических и политологических исследованиях КНР» (А.С. Ипатова, Н.Л. Мамаева, С.А. Горбунова, Д.А. Смирнов, В.Ф. Бородич, А.В. Беляков). Разброс тематический не снизил качества исследований этого издания. Напротив, представил результаты по каждой исследуемой теме обоснованно и в достаточно широком объеме. Появление этой книги имело положительный отзыв в научной печати¹⁹⁶. Сборник открывается вступительной статьей академика М.Л. Титаренко, задающей общую тональность всему сборнику, служащей объединяющим началом разноплановым материалам сборника, ставящей проблему диалога российской и китайской науки и культуры¹⁹⁷. Несколько статей по историографии Китая принадлежат В.Н. Усову¹⁹⁸. Они, как правило, охватывают широкий спектр исследований отечественных историков по Китаю, служат хорошим подспорьем российским китаеведам при изучении истории Китая, в основном периода КНР. Обладают только одним недостатком – недостаточной информативностью, главным образом потому, что формат статей ограничивает объем содержания. Отметим также статью И.Н. Сотниковой, посвященную советской и российской историографии Синьхайской революции. Автор продемонстрировала неиссякаемый интерес российских китаеведов к такому величайшему событию в жизни Китая, как Синьхайская революция, показала адекватное восприятие отечественными китаеведами содержания и значения Синьхайской революции для истории Китая¹⁹⁹.

В историографическом ключе написана книга «Люди и идеи»²⁰⁰, посвященная 50-летней годовщине ИДВ РАН. 50 лет, в течение которых целенаправленно велись исследова-

ния по Китаю, продемонстрировали вклад ИДВ РАН в развитие российской синологии, который трудно переоценить. Составлены портреты ученых, имя которых неотделимо от отечественного китаеведения (С.Л. Тихвинский, М.И. Сладковский, М.Л. Титаренко, Г.В. Астафьев, Б.Т. Кулик, А.М. Ледовский, А.А. Москалев, И.Н. Наумов, Л.С. Переломов, Т.Р. Рахимов, Р.М. Неронов, В.Ф. Феокистов, К.В. Шевелев, А.Г. Яковлев). Вторая часть книги дает представление об основных направлениях работы Института Дальнего Востока РАН, прежде всего по Китаю, более подробное изучение которых предпринимается в нашей книге.

Российское китаеведение уже длительное время вызывает большой интерес китайской стороны. Частично китайские ученые, в основном китайские русисты, знакомы с наиболее известными российскими учеными-китаеводами и рядом научных работ. При этом интерес к российским исследователям и к исследованиям растет год от года. Но это отдельная тема. В рамках нашего исследования отметим издание в КНР в 2011 г. сборника статей «Российское китаеведение», написанного китайскими и российскими учеными²⁰¹. В сборнике – два основных раздела. Первый раздел посвящен изучению Китая в России. В поле зрения авторов как общие проблемы, так и отдельные аспекты развития российского китаеведения. Второй раздел книги посвящен сравнительному изучению культур России и Китая. Следует признать, что изучение Китая в России и изучение России в Китае – это два дополняющих друг друга процесса, которые служат углублению взаимопонимания между нашими народами и странами. С российской стороны представлены статьи М.Л. Титаренко, А.В. Ломанова, О.И. Завьяловой, А.С. Ипатовой, Н.Л. Мамаевой, А.Е. Лукьянова, О.Н. Борох.

В 2014 г. вышла совместная с китайскими коллегами из Университета Цинхуа книга «Стратегический партнерский диалог между Россией и Китаем. Современное состояние, проблемы и предложения»²⁰². Аналогичная книга издана и на китайском языке. Работа посвящена проблемам отношений России и КНР, стратегии их развития, исторического опыта их стратегического партнерства на международной арене, в сфере безопасности, в торгово-экономических связях, военном деле, культуре, науке и образовании. С российской стороны большинство авторов – сотрудники ИДВ РАН (М.Л. Титаренко, А.В. Ломанов, С.В. Уянаев, С.Г. Лузянин, В.И. Трифионов, Н.Л. Мамаева, А.Л. Верченко и другие). Развивающаяся практика совместных исследований способствует повышению качества работ, усиливает контакты между учеными, сближает научные круги и повышает уровень доверия между народами России и КНР.

* * *

Изучая российское китаеведение, нельзя не отметить значения в его развитии продолжающихся изданий. К ним прежде всего, принадлежит серийное информационно-аналитическое издание «Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура» (до 1972 г. – «для служебного пользования», с 1973 г. – открытое издание), иначе говоря, ежегодник, выпускаемый ИДВ РАН с 1969 г. по сей день. Как пишет автор статьи о ежегоднике Т.Г. Герасимова, «главная задача издания с первых дней его появления состояла в том, чтобы представить широкой общественности объективную многоплановую картину развития КНР»²⁰³. Ежегодники на протяжении десятилетий успешно выполняют свою функцию, дают научно обоснованную картину развития КНР, одновременно выделяют важные события, происходящие в КНР, и в целом отражают направления развития китаеведения в России. Другим серийным изданием, завоевавшим большой авторитет в научной среде, с полным основанием можно назвать сборники «Китай в мировой и региональной политике»²⁰⁴.

Характеристика китаеведения как системы, включающей ряд составляющих, в том числе внутренние и международные конференции, научные журналы, подготовку кадров и т.д., не может быть равномерно отражена в рамках нашей книги. Она требует написания специальных дополнительных работ. Поэтому назовем лишь несколько международных научных конференций и научных журналов при центрах китаеведения, оказывающих наибольшее, по сравнению с другими, влияние на научный процесс. С 1969 г. Отделом Китая Института востоковедения АН СССР начала проводиться научная конференция «Общество и государство в Китае» (с выпуском тезисов и докладов), которая и в настоящее время является одной из авторитетнейших научных конференций в сфере китаеведения. У ее истоков стояли китаеведы Л.П. Делюсин, А.Н. Хохлов, О.Е. Непомнин, В.А. Рубин. Ее значение на том этапе развития китаеведения трудно переоценить. Она, можно сказать, взрастила молодое поколение; пользовалась и пользуется большим авторитетом у китаеведов любого возраста. С 1989 г. ИДВ РАН почти ежегодно созывает международные научные конференции «Китай и мир. История, современность, перспективы» с публикацией тезисов докладов. Инициированная директором ИДВ М.Л. Титаренко, она потребовала больших усилий целой группы сотрудников, в первую очередь заместитель директора Р.М. Асланова, а также С.А. Горбуновой, Н.Ю. Демидо и других. Это очень авторитетная в России и наиболее известная за рубежом, прежде всего в КНР, научная конференция, посвященная проблемам Китая. Значительная часть докладов связана с проблемами внешней и внутренней политики (история и современность), российско-китайских отношений и современной ситуации в Китае и в мире. Ее значение для развития китаеведения в России исключительно велико, поскольку именно на этой конференции завязываются многочисленные научные контакты, необходимые для ученых и общественности двух стран. Важной составляющей китаеведения в ИДВ РАН и в России в целом, придающей китаеведению системный характер, является издание с 1972 г. журнала «Проблемы Дальнего Востока», учредителями которого в настоящее время являются Российская академия наук и Институт Дальнего Востока РАН.

Широко известна среди востоковедов международная научная конференция «Источниковедение и историография стран Азии и Африки», которая созывается в Санкт-Петербурге на Восточном факультете СПбГУ. Последняя конференция была уже XXVII. Китаеведение на этой конференции занимает значительное место.

Как показало изучение российской историографии 1990-х гг. – начала XXI в., этот временной период не выпадает из общего положительно развивающегося процесса развития китаеведения. Более того, открытие архивов и практика тесных контактов, прежде всего с китайскими историками, сильно повлияли на степень интенсивности работы историков и способствовали переоценке ряда сложившихся стереотипов в оценках некоторых событий и исторических периодов. В области изучения внутренней истории характерно преобладание работ по новой истории Китая (сер. XIX – сер. XX в.), преимущественно с Синьхайской революции до образований КНР в 1949 г., причем исследование истории КПК по-прежнему носит системный характер, углубленный введением в научный процесс новых факторов, связанных с «коминтерноведением», с историей ГМД и ситуацией в КР в целом. Развивается исследование политики ГМД в 1930–1940х гг. Заметные успехи характерны для отечественного китаеведения периода КНР, хотя изучение этого периода носит больше фрагментарный характер и нуждается в повышении темпов исследовательской работы. Период реформ и открытости привлекает внимание историков, однако преобладает изучение политсистемы и политологических исследований, нуждающихся, по нашему мнению, в более тщательном изучении исторической подоплеки.

В качестве специфической особенности изучаемого нами историографического периода можно назвать появление многотомных серий документов и материалов и крупных обобщающих фундаментальных изданий: «Энциклопедии: Духовная культура Китая»,

«Избранные произведения С.Л. Тихвинского», издание некоторых томов академической 10-томной «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века» (II, VII, X тома). Ярко проявилась также такая специфическая черта российской историографии, как издание значительного количества политических портретов и биографий выдающихся деятелей Китая, написанных на историческом фоне и повышающих уровень исследования тех исторических периодов, в которых они жили и действовали.

Поскольку определение уровня развития исторической науки по Китаю в наибольшей степени зависит от количества и качества монографий и фундаментальных обобщающих работ различных жанров, которые мы старались максимально учитывать в настоящей книге, то есть определенные основания считать, что данная глава отражает основные направления и проблемы российской историографии Китая. Российская историография Китая нового и новейшего времени представлена в работе достаточно полно, между тем как историография традиционного Китая требует написания специального историографического исследования.

Примечания

- ¹ См.: *Ледовский А.* Секретная миссия А.И. Микояна в Китай (январь – февраль 1949 г.) // ПДВ. 1995. № 2, 3.
- ² Там же. № 2. С. 102. По этой теме см. также: *Ледовский А.* Две телеграммы из переписки Мао Цзэдуна с И.В. Сталиным // ПДВ. 2000. № 6.
- ³ *Ледовский А.* О визите в Москву делегации Коммунистической партии Китая в июне – августе 1949 г. // ПДВ. 1996. № 4.
- ⁴ Там же. С. 68–70.
- ⁵ Там же. С. 75.
- ⁶ Там же. С. 82.
- ⁷ См.: *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1949* // *The Far East: China. 1978. Vol. VIII.*
- ⁸ *Тихвинский С.* О «секретном демарше» Чжоу Эньлая и неофициальных переговорах КПК с американцами в июне 1949 г. // ПДВ. 1994. № 3. С. 137.
- ⁹ *Ледовский А.М.* Переговоры И.В. Сталина с Мао Цзэдуном в декабре 1949 – феврале 1950 г. // НИИ. М., 1997. № 1.
- ¹⁰ *Ледовский А.М.* Стенограмма переговоров И.В. Сталина с Чжоу Эньлаем в августе – сентябре 1952 г. // НИИ. М., 1997. № 2.
- ¹¹ *Ледовский А.М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий 1937–1952. М., 1999.
- ¹² «Китайский вопрос по-прежнему остается сложным» – Письмо Мао Цзэдуна И.В. Сталину. 1946 г. // ИА. М., 2006. № 4.
- ¹³ *Федоренко Н.Т.* Беседы с Мао Цзэдуном на пути в Москву. Декабрь 1949 г. // НИИ. М., 1996. № 6; Н.Т. Федоренко – филолог-востоковед, заместитель министра иностранных дел СССР (1955–1958), посол в Японии в 1958–1962 гг., член-корреспондент АН СССР (с 1958 г.)
- ¹⁴ П.Ф. Юдин о беседах с Мао Цзэдуном. Докладные записки И.В. Сталину и Н.С. Хрущеву. 1951–1957 гг. / Публ. подг. В.Г. Бухерт // ИА. М., 2006. № 4. С. 14, 18.
- ¹⁵ Там же. С. 25–27.
- ¹⁶ *Шевелев К.В.* Сунь Ятсен и советско-китайские отношения: новые архивные документы // ПДВ. 1996. № 6. С. 116.
- ¹⁷ *Чжан Бинлинь.* Избр. произ. 1894–1913 гг. / Пер. с кит., сост., автор введ. Н.М. Калюжная. М., 2013.
- ¹⁸ Период новой истории Китая (Чжунго цзиньдай ши), согласно китайской классификации начинается с опиумных войн (сер. XIX века) и заканчивается победой национальной демократической революции в 1949 г. После 1949 г. Китай вступает в период новейшей истории Китая (Чжунго дандай ши), продолжающийся до наших дней. Однако с целью внесения большей ясности в периодизацию истории КНР период реформ и открытости (провозглашен 3-м Пленумом XI созыва ЦК КПК в декабре 1978 г.) нередко выделяется в качестве периода современного Китая (Чжунго сяндай ши). В России период новейшей истории Китая открывается Великой Октябрьской социалистической революцией. В нашем аналитическом обзоре мы следуем китайской классификации.

- ¹⁹ *Глунин В.И.* Коммунистическая партия Китая накануне и в период национальной революции 1925–1927 гг. В 2 т. М., 1975; *Глунин В.И.* Коминтерн и становление коммунистического движения в Китае (1920–1927) // Коминтерн и Восток. М., 1969.
- ²⁰ *Сотникова И.Н.* Роль Ван Мина в разработке и осуществлении стратегии и тактики КПК в 30-е годы // ИБ ИДВ АН СССР. М., 1991. № 11.
- ²¹ *Мамаева Н.Л.* Современные историки КНР о республиканском периоде истории Китая (1912–1949). От старых стереотипов к новым подходам // ННИ. М., 2009. № 6.
- ²² *Мамаева Н.Л.* Гоминьдан в национально-революционном движении Китая (1923–1927). М., 1991.
- ²³ Там же. С. 188.
- ²⁴ *Мамаева Н.Л.* Коминтерн и Гоминьдан. 1919–1929. М., 1999. Работа написана и издана при финансовой поддержке Фонда Цзян Цзинго (Chiang Ching – kuo Foundation for International Scholarly Exchange. Taipei, Taiwan R. O. C. № RG 028-92-U; SP-003-U-97).
- ²⁵ *Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К.* Организационная структура Коминтерна (1919–1943). М., 1997. Издание осуществлено при финансовой поддержке РФНФ. Проект № 97-01-16426.
- ²⁶ *Костяева А.С.* Тайные общества Китая в первой четверти XX века. М., 1995.
- ²⁷ Там же. С. 152–158.
- ²⁸ Новая история Китая / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 1972.
- ²⁹ *Стабурова Е.Ю.* Политические партии и союзы в Китае в период Синьхайской революции / Отв. ред. Л.П. Делюсин. М., 1992.
- ³⁰ *Калужная Н.М.* Традиция и революция: Чжан Бинлинь – китайский мыслитель и политический деятель нового времени. М., 1995.
- ³¹ *Врадий С.Ю.* Линь Цзэсюй. Патриот, мыслитель, государственный деятель цинского Китая. Владивосток, 1993.
- ³² *Иванов П.М.* Малые партии Китая в борьбе за демократию (1928–1947 гг.). М., 1999.
- ³³ Названия «Партия государственного социализма» и «Младокитайская партия» переводятся на русский язык разными авторами по-разному: вместо названия «Партии государственного социализма» нередко используется название «Социал-демократическая партия» (миньшэдан), вместо «Младокитайская партия» – «Молодежная партия» (цинняньдан).
- ³⁴ Там же. С. 174–178, 257–263.
- ³⁵ *Степанова Г.А.* Система многопартийного сотрудничества в Китайской Народной Республике. М., 1999.
- ³⁶ *Мировицкая Р.А.* Китайская государственность и советская политика в Китае. Годы Тихоокеанской войны: 1941–1945. М., 1999.
- ³⁷ Там же. С. 287.
- ³⁸ Там же. С. 217.
- ³⁹ *Мелихов Г.В.* Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991. (2-е изд. М., 1994.)
- ⁴⁰ *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в Китае (1917–1924). М., 1997; *Мелихов Г.В.* Белый Харбин. М., 2003.
- ⁴¹ Китай: история в лицах и событиях. М., 1991.
- ⁴² *Тихвинский С.Л.* Путь Китая к объединению и независимости. 1898–1949. По материалам биографии Чжоу Эньлая. М., 1996.
- ⁴³ *Усов В.Н.* КНР: от «большого скачка» к «культурной революции». В 2 ч. // ИБ ИДВ РАН. М., 1998. № 4, 5.
- ⁴⁴ Там же. С. 199–200.
- ⁴⁵ *Синецкая Э.А.* Автопортрет китайского горожанина. М., 1997.
- ⁴⁶ История Китая / Под ред. А.В. Меликsetова, авт. кол.: Л.В. Васильев, З.Г. Лапина, А.В. Меликsetов, А.А. Писарев. М., 1998.
- ⁴⁷ Новейшая история Китая. 1917–1927 / Ред. М.И. Сладковский. М., 1983. Новейшая история Китая. 1928–1949 / Ред. М.И. Сладковский. М., 1984. Это коллективные обобщающие работы, написанные на хорошем профессиональном уровне. Они не являлись учебниками, хотя активно использовались студентами.
- ⁴⁸ Китай: краткий исторический словарь. Волгоград, 1997.
- ⁴⁹ *Васильев К.В.* Истоки китайской цивилизации. М., 1998.
- ⁵⁰ *Васильев Л.С.* Древний Китай. В 3 т. Т. I: М., 1995; Т. II: М., 2000; Т. 3: М., 2006.
- ⁵¹ *Кучера С.* Древнейшая и древняя история Китая. Древнекаменный век. М., 1996.
- ⁵² *Гумилев Л.Н.* Древний Тибет. М., 1996.
- ⁵³ *Попова И.Ф.* Политическая практика и идеология раннетанского Китая. М., 1999.

- ⁵⁴ *Смолин Г.Я.* Они бросили вызов Небу: о крестьянской войне 874–901 гг. в Китае. В 2 ч. СПб., 1999–2000.
- ⁵⁵ *Никифоров В.Н.* Очерк истории Китая. II тысячелетие до н.э. – начало XX столетия / Отв. ред. Н.Л. Мамаева. М., 2002.
- ⁵⁶ Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999 / Отв. ред. М.Л. Титаренко. М., 1999.
- ⁵⁷ См. также: *Гудошников Л.М., Степанова Г.А.* Российские центры китаеведения: основные направления исследований в конце 1990-х годов // *Образ Китая в современной России. Некоторые проблемы китайской истории и современной политики КНР в исследованиях российских и зарубежных ученых* / Отв. ред. Н.Л. Мамаева. М., 2007.
- ⁵⁸ *Титаренко М.Л.* Китай: цивилизация и реформы. М., 1999; *Он же.* Россия лицом к Азии. М., 1998.
- ⁵⁹ Как управляется Китай. 1-е и 2-е изд. М., 2001, 2004; Политическая система и право КНР / Отв. ред. М.Л. Титаренко, рук. авт. колл. Л.М. Гудошников М., 2007; *Мамаева Н.Л.* Партия и власть: компартия Китая и проблема реформы политической системы. М., 2007; *Степанова Г.А.* Демократические партии в политической системе КНР. М., 1999. Подробно это направление российской историографии рассматривается в Главе III.
- ⁶⁰ Государственный строй КНР / Отв. ред. Л.М. Гудошников. М., 1988.
- ⁶¹ *Егоров К.А.* Представительная система Китая: история и современность. М., 1998.
- ⁶² Непубликованная речь И.В. Сталина о Китае / Публ. и коммент. А. Картуновой, вступ. ст. А. Григорьева // ПДВ. 2001. № 1.
- ⁶³ Подробнее см.: *Мамаева Н.Л.* Коминтерн и Гоминьдан (1919–1929). М., 1999.
- ⁶⁴ *Шевелев К.* К 80-летию образования Компартии Китая: новые документы // ПДВ. 2001. № 4.
- ⁶⁵ Там же. С. 128.
- ⁶⁶ Там же. С. 126.
- ⁶⁷ Неизвестные письма Сун Цинлин и Сунь Ятсена М.М. Бородину // ПДВ. 2003. № 3.
- ⁶⁸ *Картунова А.* Нейман-Никольский – участник I съезда КПК // ПДВ. 2006. № 4.
- ⁶⁹ См.: *Картунова А.И.* Забытый участник I съезда КПК // ПДВ. 1989. № 2.
- ⁷⁰ *Мао Цзэдун.* Автобиография. Стихи / Сост., пред., коммент., пер. с кит. и англ. А.В. Панцова. М., 2008.
- ⁷¹ *Мао Цзэдун.* Революция и строительство в Китае. М., 2000.
- ⁷² *Цзян Цзэминь.* Реформа. Развитие, стабильность: Статьи и выступления. М., 2002; Цзян Цзэминь. О социализме с китайской спецификой: Сборник высказываний по темам. В 2 т. М., 2002.
- ⁷³ *Дэн Сяопин.* Строительство социализма с китайской спецификой. М., 1997; М., 2002.
- ⁷⁴ Китайская Народная Республика в 1950-е годы: сб. док. В 2 т. / Под ред. В.С. Мясникова. Т. I: Взгляд советских и китайских ученых. М., 2009; Т. II: Друг и союзник Нового Китая. М., 2010.
- ⁷⁵ *Мясников В.С.* Десятилетие дружбы // Китайская Народная Республика в 1950-е годы: сб. док. В 2 т. / Под ред. В.С. Мясникова. М., 2009. Т. I. С. 7–13.
- ⁷⁶ *Верещагин Б.Н.* В старом и новом Китае: из воспоминаний дипломата. М., 1999.
- ⁷⁷ *Крутиков К.А.* На китайском направлении: Из воспоминаний дипломата. М., 2003.
- ⁷⁸ *Бажанов Е.* Китай: от Срединной империи до сверхдержавы. М., 2007.
- ⁷⁹ *Картунова А.И.* Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1923 г. – июль 1927 г.). М., 2000 (1-е изд.); 2001 (2-е изд.).
- ⁸⁰ Там же. С. 70–72.
- ⁸¹ Там же. С. 75.
- ⁸² *Панцов А.В.* Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М., 2001.
- ⁸³ См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. II. Док. № 135. С. 539–544.
- ⁸⁴ См. также: *Бармин В.А.* О деятельности КИ в создании Компартии в Синьцзяне 20-х – 30-х гг. XX в. // Вести Барнаульского гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. Барнаул, 2005. № 5; *Крушинский А.* СССР, Коминтерн и китайский фактор Второй мировой войны // ПДВ. 2013. № 3.
- ⁸⁵ *Григорьев А.М.* Китайская политика ВКП(б) и Коминтерна. 1920–1937 // История Коммунистического Интернационала 1919–1943. Документальные очерки. М., 2002.
- ⁸⁶ Там же. С. 328–329.
- ⁸⁷ Подробнее см.: *Мамаева Н.Л.* Коминтерн и Гоминьдан. 1919–1929.
- ⁸⁸ Коммунистический Интернационал и китайская революция. Док. № 56. С. 180–181. См. также: *Мамаева Н.Л.* Коминтерн и Гоминьдан. 1919–1929. С. 43.
- ⁸⁹ Коммунистическая партия Китая: история и современные проблемы. К 80-летию Коммунистической партии Китая / Сост.: Р.М. Асланов, Н.Л. Мамаева. М., 2001.

- ⁹⁰ *Шевелев К.В.* Предыстория единого фронта в Китае и первый съезд КПК // Коммунистическая партия Китая: история и современные проблемы. К 80-летию Коммунистической партии Китая. М., 2001. С. 10–13, 15–16.
- ⁹¹ *Мамаева Н.Л.* КПК на рубеже тысячелетий // Коммунистическая партия Китая: история и современные проблемы. К 80-летию Коммунистической партии Китая. М., 2001.
- ⁹² *Сотникова И.Н.* Коминтерн и начало коммунистического движения в Китае // ПДВ. 2011. № 6.
- ⁹³ По случаю 90-летия образования КПК руководство КПК в июне 2011 г. организовало Международную научную конференцию, которая проходила на родине первого съезда в Шанхае. В центре внимания стояли вопросы, связанные с образованием Компартии, подготовкой ее первого съезда и участием представителей РКП(б) и КИ в этих событиях. По приглашению китайских ученых в работе этой конференции участвовали три российских историка – А.М. Буяков, Н.Л. Мамаева и И.Н. Сотникова. Использование докладчиками новых архивных документов, связанных с вопросом оказания китайским коммунистам конкретной помощи в подготовке съезда, уточнило ряд спорных вопросов и нашло отклик у китайской стороны. Важно отметить, что хорошо аргументированные положения докладчиков о значительной помощи представителей РКП(б) и КИ в создании КПК были положительно восприняты научным сообществом Международной научной конференции.
- ⁹⁴ *Рыкова С.Л.* Ранние годы жизни и деятельности Чэнь Дусю (1879–1914 гг.). М., 2004.
- ⁹⁵ *Сичак Д.А.* Китайский авангард Кремля. Революционеры Китая в московских школах Коминтерна (1921–1939). М., 2012. Следует отметить написанный на хорошем научном уровне источниковедческий и историографический обзор по теме исследования.
- ⁹⁶ *Юркевич А.Г.* Москва – Кантон, 1920-е: помощь СССР Гоминьдану и две стратегии объединения Китая. М., 2013.
- ⁹⁷ См.: *Белов Е.А.* Учанское восстание в Китае (1911 г.). М., 1971; и др.
- ⁹⁸ *Белов Е.А.* Краткая история Синьхайской революции 1911–1913: учебное пособие. М., 2001.
- ⁹⁹ *Белов Е.А.* Россия и Монголия (1911–1919 гг.) / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 1999.
- ¹⁰⁰ Вековой путь Китая к прогрессу и модернизации. К 100-летию Синьхайской революции. XIX МК ККЦИМ: тез. докл. М., 2011.
- ¹⁰¹ Российское китаеведение было представлено на конференции в г. Учан двумя китаеоведами, работающими в ИДВ РАН, – д.и.н. Н.Л. Мамаевой с докладом «Синьхайская революция и идея конституционного правления» и к.и.н. И.Н. Сотниковой с докладом «Российская историография Синьхайской революции на современном этапе».
- ¹⁰² Синьхайская революция и республиканский Китай: век революций, эволюции и модернизации: сб. ст. / Отв. ред. В.Ц. Головачев. М., 2013.
- ¹⁰³ *Мамаева Н.Л.* Синьхайская революция и идея конституционного правления // ПДВ. 2011. № 5. С. 128–139.
- ¹⁰⁴ Интерес китайских историков к подобной постановке вопроса можно видеть в появившейся в дни прохождения конференции сокращенной публикации данной статьи в многостраничной газете КНР: *Мамаева Н.Л.* Синьхай гэмин хэ гохуэйчжи (Синьхайская революция и парламентаризм // Чжунго шэхуэй кэсюэ юань бао (Академия общественных наук Китая). 11 сент. 2011.
- ¹⁰⁵ *Верченко А.Л.* События Синьхайской революции в донесениях российского императорского консульства в Ханькоу // Восток (Oriens). 2012. № 4. С. 88–93.
- ¹⁰⁶ *Жуков В.В.* Китайский милитаризм. 10–20-е годы XX в. М., 1988.
- ¹⁰⁷ *Каретина Г.С.* Чжан Цзолинь: политическая борьба в Китае в 20-е годы XX в. М., 1984.
- ¹⁰⁸ *Каретина Г.С.* Военно-политические группировки Северного Китая (Эволюция китайского милитаризма в 20–30-е годы XX в.). Владивосток, 2001.
- ¹⁰⁹ *Пожилов И.Е.* Чжу Дэ. Политическая биография. М., 2011; *Он же.* Стальной воитель. Из жизни юньнаньского генерала Чжу Дэ. Тамбов, 2014.
- ¹¹⁰ *Пожилов И.Е.* Чжу Дэ. Политическая биография. С. 7.
- ¹¹¹ *Крюков В.* Сунь Ятсен и «Третья революция»: шаньдунский вариант // ПДВ. 2001. № 6.
- ¹¹² Революция и реформы в Китае новейшего времени: поиск парадигмы развития: сб. ст. / Ред.-сост. В.А. Козырев. М., 2004.
- ¹¹³ *Белоглазов Г.П.* Аграрная реформа в Маньчжурии (Северо-Восточный Китай) 1945–1949 гг. Владивосток, 2009.
- ¹¹⁴ *Рябенко Н.П.* Третья Гражданская революционная война в Китае: путь КПК к победе // Россия и АТР. Владивосток, 2009. № 3.
- ¹¹⁵ Там же. С. 23.
- ¹¹⁶ Там же. С. 23–24.

- ¹¹⁷ Карнеев А.Н., Козырев В.А., Писарев А.А. Власть и деревня в республиканском Китае (1911–1949) / Под ред. А.В. Меликсетова. М., 2005.
- ¹¹⁸ Аграрная тематика – не новая для отечественной историографии. Серьезная основа для изучения этого направления была заложена авторитетным исследователем-китаеведом А.С. Мугрузиным. См.: Мугрузин А.С. Аграрные отношения в Китае в 20–40-х годах XX в. М., 1970. *Он же*. Аграрно-крестьянская проблема в Китае в первой половине XX века. М., 1994.
- ¹¹⁹ Дацышен В.Г. Новая история Китая: учебное пособие. Красноярск, 2003.
- ¹²⁰ Воробьева Т.А. Китай в эпоху перемен (1978–2005). Киров, 2005.
- ¹²¹ Зотельникова Т.В. Семь лекций по истории Китая. Чита, 2005.
- ¹²² Северо-Восточный Китай на рубеже XX–XXI вв. Науч. справ. изд. / Гл. ред. В.Л. Ларин. Владивосток, 2005.
- ¹²³ Кулик Б.Т. Советско-китайский раскол: причины и последствия. М., 2000.
- ¹²⁴ Там же. С. 34.
- ¹²⁵ Кулик Б.Т. К истории отношений КПСС и КПК (1956–1966 гг.) // Китай в мировой и региональной политике (история и современность). М., 2002.
- ¹²⁶ Зазерская Т.Г. Советские специалисты и формирование военно-промышленного комплекса Китая (1949–1960 годы). СПб., 2000.
- ¹²⁷ Усов В.Н. КНР: от «культурной революции» к реформам и открытости (1976–1984 гг.). М., 2003.
- ¹²⁸ Усов В.Н. История КНР. Учебник. В 2 т. М., 2006. Т. I: 1949–1965 гг.; Т. II: 1966–2004 гг.
- ¹²⁹ Как управляется Китай: Эволюция властных структур Китая в конце XX – начале XXI века / Под ред. М.Л. Титаренко. М., 2004.
- ¹³⁰ Кокарев К.А. Политический режим и модернизация Китая. М., 2004.
- ¹³¹ Портяков В.Я. От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI века: Очерки. М., 2006.
- ¹³² Политическая система и право КНР в процессе реформ 1978–2005 / Рук. авт. кол. Л.М. Гудошников. М., 2007.
- ¹³³ Доронин Б.Г. Конституции и политическая система Китайской Народной Республики. СПб, 2007.
- ¹³⁴ Мамаева Н.Л. Партия и власть: Компартия Китая и проблема реформы политической системы. М., 2007.
- ¹³⁵ Смирнов Д.А. Идеино-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину. М., 2005.
- ¹³⁶ Виноградов А.В. Китайская модель модернизации: поиски новой идентичности. М., 2005.
- ¹³⁷ Бородич В.Ф. Проблемы трансформации политических систем России и Китая (конец XX – начало XXI вв.): опыт сравнительного анализа. М., 2008.
- ¹³⁸ Каменнов П.Б. КНР: военная политика на рубеже веков. М., 2008.
- ¹³⁹ Ганшин В.Г. Китай и его соседи. На пути к гражданскому обществу. М., 2004.
- ¹⁴⁰ Более подробную информацию и анализ политического процесса современного Китая отечественное китаеведение представляет в главах II и VII монографии.
- ¹⁴¹ Книга дворцовых интриг. Евнухи у кормила власти в Китае / Под общ. ред. Д.Н. Воскресенского. М., 2002.
- ¹⁴² Кучера С. История, культура и право древнего Китая: собрание трудов. М., 2012.
- ¹⁴³ Чудодеев Ю.В. Крах монархии в Китае. М., 2013.
- ¹⁴⁴ Бокщанин А.А., Непомнин О.Е., Степугина Т.В. История Китая: древность, средневековье, новое время. М., 2010.
- ¹⁴⁵ Непомнин О.Е. История Китая: эпоха Цин. М., 2005.
- ¹⁴⁶ Непомнин О.Е. История Китая XX века. М., 2011.
- ¹⁴⁷ История Востока. В 6 томах / Гл. редкол.: Р.Б. Рыбников, М.С. Капица и др. М., 2002–2008.
- ¹⁴⁸ Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул, 2003.
- ¹⁴⁹ Анисимова И.В., Бармин В.А., Лысенко Ю.А., Старцев А.В. История Синьцзяна: учебное пособие. Барнаул, 2012.
- ¹⁵⁰ Кычанов Е.И., Мельниченко Б.Н. История Тибета с древнейших времен до наших дней. М., 2005.
- ¹⁵¹ Богословский В.А. Политика XIII Далай-ламы в Тибете. М., 2002.
- ¹⁵² Ныне – Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.
- ¹⁵³ Москалев А.А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949–1999). М., 2001; *Он же*. Нация и национализм в Китае: эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму. М., 2005.
- ¹⁵⁴ Лазарева Т.В. Кадровое строительство в национальных районах КНР (1949–1999). М., 2001.

- ¹⁵⁵ Тихвинский С.Л. Век стремительных перемен. Сб. ст. М., 2005.
- ¹⁵⁶ Сборники материалов подобного рода выпускаются С.Л. Тихвинским раз в 30 лет, составляют как бы своего рода источник для изучения атмосферы и основных событий в Китае и на международной арене. Данный сборник является третьим в этой серии.
- ¹⁵⁷ Тихвинский С.Л. Избр. произв. В 5 кн. М., 2006.
- ¹⁵⁸ Подробно о книге С.Л. Тихвинского «Путь Китая к объединению и независимости (1898–1949)» см. на с. 60–61 данной Главы.
- ¹⁵⁹ Тихвинский С.Л. Избр. произв. В 5 кн. Кн. 6. Дополнительная. М., 2012.
- ¹⁶⁰ Тихвинский С.Л. Восприятие в Китае образа России. М., 2008.
- ¹⁶¹ Китай глазами китайских друзей. М., 2012.
- ¹⁶² Как видно из предыдущего текста, в основу характеристики отечественной историографии положены монографии и крупные фундаментальные работы разных жанров. Их оказалось такое большое количество, что в рамки Главы, размер которой весьма значительный, нет возможности в той мере, как этого хотелось бы, включить содержание сборников и различные статьи. Характеристика статей имеет место, но оно не столь велико.
- ¹⁶³ Восток – Россия – Запад. К 70-летию академика В.С. Мясникова. М., 2001; Китай в диалоге цивилизаций. К 70-летию академика М.Л. Титаренко. М., 2004; Раздвигая горизонты сотрудничества. К 90-летию академика С.Л. Тихвинского. М., 2008; Китай: поиск гармонии. К 75-летию академика М.Л. Титаренко. М., 2009; Китай на пути к возрождению. К 80-летию академика М.Л. Титаренко. М., 2014; Революция и реформы в Китае новейшего времени: поиск парадигмы развития. М., 2004.
- ¹⁶⁴ Архив российской китаистики. В 2 т. / Сост. А.И. Кобзев, отв. ред. А.Р. Вяткин; ред. кол.: А.И. Кобзев (председатель), А.Р. Вяткин, В.Г. Дацышен, Д.Е. Мартынов, А.Н. Хохлов, М.Ю. Ульянов. М., 2013. Рукопись подготовлена к публикации в рамках проекта РГНФ № 12–33–09010a(ц). Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13–01–16011.
- ¹⁶⁵ Духовная культура Китая: энциклопедия. В 6т. / Гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 2006.
- ¹⁶⁶ Историческая мысль. Политическая и правовая культура // Духовная культура Китая: энциклопедия. В 5 т. Т. 4 / Гл. ред. М.Л. Титаренко; ред. тома М.Л. Титаренко, Л.С. Переломов, В.Н. Усов, С.М. Анн-кеева, А.Е. Лукьянов, А.И. Кобзев. М., 2009.
- ¹⁶⁷ Усов В.Н. Последний император Китая. Пу И (1906–1967). М., 2003.
- ¹⁶⁸ Усов В.Н. Китайский Берия Кан Шэн. М., 2004.
- ¹⁶⁹ Усов В.Н. Дэн Сяопин и его время. М., 2009.
- ¹⁷⁰ Биографии как самостоятельная форма исторических исследований, как это видно и из нашей главы, имеют, можно сказать, различные виды; они в разной степени связаны с элементом научного исследования.
- ¹⁷¹ Активная научная деятельность Ю.М. Галеновича в различных жанрах изучения истории и современного Китая по своему многообразию, количественным и качественным показателям нуждается в специальном исследовании историографов, ибо включить ее в достаточно полном объеме в книгу не представляется возможным. В нашей главе по внутренней истории Китая освещается лишь небольшая часть его работ, в большей степени посвященных вопросам внешней политики.
- ¹⁷² Галенович Ю.М. Китайское чудо или китайский тупик? М., 2002.
- ¹⁷³ Галенович Ю.М. Прав ли Дэн Сяопин, или Китайские инакомыслящие на пороге XXI века. М., 2000.
- ¹⁷⁴ Галенович Ю.М. Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае. М., 2006.
- ¹⁷⁵ Галенович Ю.М. Мао Цзэдун вблизи. М., 2005.
- ¹⁷⁶ Галенович Ю.М. Пэн Дэхуай и Мао Цзэдун. М., 2005.
- ¹⁷⁷ Галенович Ю.М. Возвращение Лю Шаоци. М., 2008.
- ¹⁷⁸ Галенович Ю.М. Дао Ху-гуана. М., 2008.
- ¹⁷⁹ Галенович Ю.М. Чжао Цзянь и реформы в Китае. М., 2012.
- ¹⁸⁰ Галенович Ю.М. Цзянь Чжунжэнь, или Неизвестный Чан Кайши. М., 2000.
- ¹⁸¹ Панцов А.В. Мао Цзэдун. М., 2007. (ЖЗЛ.)
- ¹⁸² Панцов А.В. Рассказы о Мао Цзэдуне. В 2 кн. Ростов-на-Дону – Краснодар, 2009. Кн.1: Любовь и революция, или Приемный сын Бодхисаттвы. Кн. 2: Революция без любви, или Бунт – дело правое.
- ¹⁸³ Панцов А.В. Дэн Сяопин. М., 2013. (ЖЗЛ.)
- ¹⁸⁴ Там же. С. 480.
- ¹⁸⁵ Панцов А.В. Дэн Сяопин. С. 481.
- ¹⁸⁶ Эпоха Чжаньго, Цинь и Хань (V в. до н.э. – III в. н.э.) / Отв. ред. Л.С. Переломов // История Китая с древнейших времен до начала XXI века. В 10 т. / Гл. ред. С.Л. Тихвинский. Т. II. М., 2013. Издание

- осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 13-01-16022.
- ¹⁸⁷ Китайская Республика (1912–1949) / Отв. ред. Н.Л. Мамаева // История Китая с древнейших времен до начала XXI века. В 10 т. / Гл. ред. С.Л. Тихвинский. Т. VII. М. 2013. Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 13-01-16013.
- ¹⁸⁸ Новейшая история Китая. 1917–1927. М., 1983; Новейшая история Китая. 1928–1949. М., 1984.
- ¹⁸⁹ Мельникова Н.И. Проблемы единого фронта и сотрудничества между Гоминьданом и КПК в первые годы войны // Т. VII: Китайская Республика (1912–1949). М., 2013. С. 453–463.
- ¹⁹⁰ Верченко А.Л. Повседневная жизнь // Т. VII: Китайская Республика (1912–1949). С. 696–723.
- ¹⁹¹ См. также: Верченко А.Л. Китайские народные праздники. М., 2002.
- ¹⁹² Тайвань, Сянган (Гонконг), Аомэнь (Макао), зарубежная китайская диаспора / Отв. ред. Л.М. Гудошников, Г.А. Степанова // История Китая с древнейших времен до начала XXI века. В 10 т. Т. X. М., 2014.
- ¹⁹³ Ефимов Г.В. Историко-библиографический обзор источников и литературы по новой и новейшей истории Китая. Л., 1980; Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки: посвящается 70-летию И.П. Петрушевского / Отв. ред. Г. В. Ефимов. Л., 1968.
- ¹⁹⁴ Никифоров В.Н. Очерк истории Китая. II тысячелетие до н.э. – начало XX столетия / Отв. ред. Н.Л. Мамаева. М., 2002.
- ¹⁹⁵ Образ Китая в современной России. Некоторые проблемы китайской истории и современной политики КНР в исследованиях российских и зарубежных ученых / Отв. ред. Н.Л. Мамаева, сост.: А.Л. Верченко, Н.Л. Мамаева. М., 2007.
- ¹⁹⁶ Волохова А. (рец). Образ Китая в современной России. М., 2007 // ПДВ. 2008. № 4.
- ¹⁹⁷ Титаренко М.Л. О роли российского Китаеведения в развитии диалога российской и китайской цивилизаций // Образ Китая в современной России. С. 5–16.
- ¹⁹⁸ Усов В. Изучение истории КНР в России за последние десять лет (1999–2009 гг.) // ПДВ. 2009. № 5; Он же. Изучение истории КНР советскими и российскими учеными (основные этапы исследования) // Китай: поиск гармонии: к 75-летию академика М.Л. Титаренко / Отв. ред. С.Г. Лузянин. М., 2009.
- ¹⁹⁹ *Sotnikova I.* Russian historiography of the Xinhai Revolution // *Journal of Modern Chinese History*. Vol. 6. № 1. June 2012. P. 95–103.
- ²⁰⁰ Люди и идеи: к 50-летию ИДВ РАН / Отв. ред. А.В. Островский. М., 2006. См. также: Институт Дальнего Востока. Годы, люди, труды. Инф.-библиограф. справочник / Отв. ред. М.Л. Титаренко, сост.: В.П. Журавлева, А.С. Ипатова, О.Н. Попова. М., 2006.
- ²⁰¹ Элосы чжунго сюэ (Российское Китаеведение) / Отв. ред. Ли Сяотао, Се Чжоу. Чунцин, 2011 (на кит. яз.).
- ²⁰² Стратегический партнерский диалог между Россией и Китаем. Современное состояние, проблемы и предложения. М., 2014.
- ²⁰³ Герасимова Т.Г. Продолжающееся издание ИДВ РАН «Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура» и его место в развитии отечественного Китаеведения // Образ Китая в современной России. С. 77.
- ²⁰⁴ Подробнее см. в главе III.

РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И ПРАВА КНР

1990-е гг.

После ряда «бархатных» революций в Восточной Европе и распада СССР и спустя несколько лет после событий на площади Тяньаньмэнь перед российскими исследователями встала сложная задача дать объективную оценку политическим процессам в Китае в условиях перехода страны к новому углубленному этапу проведения политики реформ. Как в России, так и в Китае исследователи-политологи оказались перед необходимостью переосмысления исторического опыта социализма и выработки новых подходов к анализу процесса трансформации «классического» социализма советского типа на пути построения рыночной экономики. В число важнейших вопросов этого процесса входила также разработка конкретного содержания и темпов проведения реформы политической системы.

При рассмотрении общих итогов исторического пути КНР с момента ее создания отмечалось, что «в более широком смысле процесс строительства нового социалистического общества в КНР отразил в своеобразной форме – в условиях Китая – общую тенденцию развития социализма – «социалистической идеи» – от утопии к науке, от революционного романтизма к реализму». Для осуществления реформ в таких крупных странах, как Китай и СССР, необходимы «политическая стабильность, сильная, авторитетная власть, способная преодолеть сопротивление реформам «вверху» и «внизу», создать условия для реализации реформ «мерами сверху при поддержке снизу», обеспечить экономическую и политическую стабильность при переходе к новым условиям жизни и производства¹. В то же время не исключалось, что набирающий силу социально-экономический плюрализм «неизбежно потребует адекватных политических перемен». Существующая в Китае инфраструктура политического плюрализма в лице восьми демократических партий и массы общественных объединений в центре и на местах, действующих под контролем КПК, в случае ослабления ее роли «вполне могут стать механизмами политического самоопределения новых социальных слоев и групп». При этом отмечалась необоснованность пессимистической точки зрения на развитие политической ситуации в КНР после смерти Дэн Сяопина. Подчеркивалась необходимость постепенности в проведении реформ и недопущения резких скачков, чреватых дестабилизацией обстановки².

С точки зрения долгосрочной перспективы, отмечает директор ИДВ РАН академик РАН М.Л. Титаренко, перед китайским руководством «остро стоят проблемы проведения ре-

формы политической системы» и приведения моноцентричной надстройки в соответствие с многокладной структурой экономического базиса. При этом специфика политической ситуации в КНР состоит в том, что, несмотря на наличие значительной экономической и личной свободы, вновь сформировавшийся за годы реформ слой частных собственников в Китае «в целом отчужден от власти», чем и объясняется отсутствие роста демократии»³.

Касаясь ближайшей перспективы внутривнутриполитического развития, автор считает неизбежным складывание коллективного руководства после смерти Дэн Сяопина ввиду отсутствия равного его фигуре харизматичного лидера, при этом выражает надежду на то, что авторитаризм как «постоянный политический атрибут Китая» будет становиться более просвещенным⁴.

Что касается проблемы сохранения целостности государства при угрозе возрождения, на базе развития рыночных отношений традиционного для Китая регионализма, особенно сепаратизма на национальных окраинах, то автор отмечает, что, во-первых, при всем многообразии специфики китайских регионов «местнические центробежные тенденции не являются доминирующими», так как политическая и экономическая системы отношений в Китае обеспечивают «мощный, эффективный контроль над ключевыми провинциальными кадрами и над региональными экономическими и сырьевыми ресурсами», а, во-вторых, «важным фактором, обеспечивающим стабильность, устойчивость китайской цивилизации и государственности», является «традиционная глубокая вовлеченность армии в политические структуры власти», сохранение политической роли вооруженных сил в стране «как гаранта сдерживания регионализма (сепаратизма) и подрыва государства»⁵.

Значительное место в работах российских исследователей занимал анализ политики КПК и вопросов партийного строительства. Р.М. Асланов проанализировал в своих трудах формирование стратегии и тактики КПК в деле осуществления модернизации КНР, роль Дэн Сяопина в разработке и осуществлении политики реформ и открытости. Итогом реализации этой политики стало создание рыночной экономики при сохранении существующей политической системы КНР с ее основой в виде Собраний народных представителей при наличии «жесткой монополии КПК на власть» и отказе от заимствования западных политических моделей в силу «соображений о поддержании политической стабильности и единства». При этом автор выделил такой «новый момент» в государственно-политическом строительстве в КНР, как декларирование задачи построения правового государства, в русле выполнения которой КПК взяла на себя обязательство действовать в рамках закона.

Автор отмечает, что наряду с объективной потребностью Китая в резком ускорении развития производительных сил, ответом на которую и стали реформы Дэн Сяопина, существовала и субъективная причина принятия стратегии реформ «как реакция на суть и последствия «культурной революции». Автор также подчеркивает, что для преодоления застоя в экономике и безразличия народа к своей судьбе мало было выдвижения «одних только аполитичных и прагматичных формулировок Дэн Сяопина «практика – критерий истины», «раскрепощать сознание». Для этого потребовалась глубокая перестройка идейно-теоретических основ китайского общества, в ходе которой «подверглись творческому пересмотру, казалось бы, незыблемые представления, считавшиеся объективными закономерностями строительства социализма во всех странах». Значение некоторых новаций, по мнению автора, выходит за рамки собственно Китая, «они носят характер прорыва в науку о социализме, в особенности для стран со слабо развитой экономической системой»⁶.

В работах Н.Л. Мамаевой было осуществлено исследование роли и места КПК в политической системе КНР на этапе проведения реформ. Она отмечала, что проведение политики «реформ, открытости и модернизации» на протяжении двух десятилетий не только продемонстрировало выдающиеся успехи в экономическом развитии, но и «показало также возможности и направления эволюции политического механизма и государственного

устройства, как эффективные, так и тупиковые пути в развитии политической системы» Китая. В первую очередь это касается КПК – важнейшего субъекта политической системы КНР, ставшего главным инициатором реформ. Хотя политическая система перестраивалась не столь «революционно», как экономическая, «изменения институционально-политического плана как следствие преобразования функций субъектов власти, и прежде всего КПК, имели в специфических условиях Китая глубокий характер».

Исходные позиции в реорганизации политической системы в Китае диктовались разрушительными последствиями «культурной революции», характеризовавшейся чрезмерным сращиванием партии и государства, особенно на местах, в виде «ревкомов» и «народных коммун» и ликвидацией представительной власти. Суть процесса преобразования управления страной в ходе реформ охарактеризована автором как «постепенный переход от командно-административного стиля управления государством и обществом, принявшим абсурдные формы в период «культурной революции», к менее централизованной форме руководства, а также активное функционирование государственных и общественных структур, включающий элементы диалога КПК с политическими партиями и общественными организациями». Характерными чертами реформ, осуществляемых КПК, стали «последовательность, постепенность и поэтапность».

Задачи проведения в жизнь стратегии реформ, открытости и модернизации поставили правящую партию перед необходимостью перестройки собственной деятельности и функций государственных органов. Перестройка шла по пути разграничения партийных и государственных функций, отказа от подмены государственных органов партийными, постепенного преодоления «чрезмерной концентрации власти», что рассматривалось Дэн Сяопином в качестве одного из главных направлений в деле проведения политической реформы. Задачей партии, согласно принятому на ее XII съезде (1982) Уставу, стало «главным образом руководство в политическом, идеологическом и организационном отношении», что отразилось на конкретных практических задачах партии, стиле и методах ее работы.

Особое внимание, подчеркивает автор, уделялось перестройке кадровой работы, борьбе с коррупцией, выполнению контрольных, рекомендательных и воспитательных функций партии, достижению «устойчивого равновесия в управленческой сфере между партией, собраниями народных представителей, народными правительствами и судебно-прокурорскими органами». Одновременно «в рамках медленно текущей политической реформы с китайской спецификой усиливался курс на правовое обеспечение функционирования всех элементов государственного механизма и общества»⁷.

Д.А. Смирнов провел исследование идеологических аспектов политики КПК в рассматриваемый период. Руководству КПК приходилось действовать в сложной идеологической обстановке. С одной стороны, в ходе попыток проведения либеральных реформ в рамках «перестройки» закосневшего механизма власти фактически самоликвидировалась мировая социалистическая система во главе с Советским Союзом, а затем и сам Советский Союз, что не могло не поставить под сомнение историческую перспективу социалистического общественного строя, с другой – углубление реформ и открытой политики в КНР с конца 70-х гг. XX в. обострило реально существующее расхождение между официальными идеологическими установками, сформировавшимися в период гражданской войны и социалистического строительства в КНР, и курсом КПК на развитие рыночной экономики.

В отличие от горбачевской перестройки, во времена которой одновременно с либерализацией экономики проводилась (вольно или невольно) либерализация политической системы, в Китае и после 20 лет успешного проведения реформ ни в политике, ни в идеологии не допускалось серьезных отклонений от монополии КПК на политическую власть, не говоря уже о заимствовании зарубежных моделей демократического развития. Руководящая роль Компартии Китая рассматривалась в качестве ключевого принципа со-

хранения социально-политической стабильности, которой отдавался приоритет в вопросе регулирования отношений между реформой, развитием и стабильностью, при одновременном признании необходимости «управлять страной на основе закона».

В условиях растущей имущественной дифференциации, формирования новых социальных слоев со своими объективными интересами, массовой коррупции и идеологической дезориентации населения, особенно молодежи, создавались условия для отчуждения общества от власти. Для преодоления этого отчуждения помимо проведения соответствующей социальной политики в идеологическом плане в сознание общества внедрялась жесткая и бескомпромиссная установка на обеспечение стабильности государства как главной гарантии успешного продолжения реформ и вообще нормального развития страны.

Вместе с тем сохранение власти КПК и ее авторитета как вдохновителя и организатора реформ потребовало обновления идеологической платформы партии. На всем протяжении процесса реформ происходило последовательное «вымывание» из идейно-теоретического арсенала КПК отдельных постулатов, вступавших в противоречие с установками на внедрение рыночных отношений в социалистическую экономику. Но этот процесс происходил постепенно и таким образом, чтобы не допускать излишнего обострения идеологических дискуссий, могущих послужить детонатором социально-политической нестабильности. Была пересмотрена прежняя оценка роли и места «идей Мао Цзэдуна», из которых были исключены допущенные им левацкие ошибки, а сам он был канонизирован как вождь, самостоятельно нашедший собственный путь китайской революции и строительства социализма на основе правильного применения основных положений марксизма в условиях Китая.

В то же время под давлением необходимости адекватного реагирования на складывающуюся в процессе модернизации страны новую социальную ситуацию происходила трансформация КПК из партии классовой борьбы в партию классового мира – общенациональную по программе и социальному составу организацию, призванную обеспечить общенародную поддержку политики реформ и социально-политическую стабильность. Это, однако, не исключало, в случае серьезного обострения социальной напряженности и временного отката назад, усиления старых партийных традиций и методов пропаганды⁸.

Характеризуя задачи реформирования политической системы в современном Китае, В.Г. Гельбрас (ИСАА МГУ) отмечает необходимость учета «характера и мощи инерции в исторической эволюции общества», имеющего свои культурно-исторические особенности и качественные характеристики, «делающие практически невозможными произвольные его трансформации». Это зависит от «культурно-исторических доминант» – «заданных прошлым направлениях и одновременно ограничителях исторического движения». Для Китая это приоритет государства, государственная собственность как высшая ее форма, отсутствие демократических традиций, норм и институтов, господство отношений «государство – подданный». Автор отмечает, что с началом реформ «партия-государство» вступила в период «своего перерождения» (признание допустимости эксплуатации человека человеком, углубление разрыва между идеологическими установками и реальной жизнью, вместо «диктатуры пролетариата» – установление диктатуры ганьбу под прикрытием тезиса о «демократической диктатуре народа»). Вместо прежнего «горного местничества» в рядах ганьбу устанавливается преобладание «группировок модернизирующегося патернализма», порожденных развитием товарно-денежных отношений, усиливается противоречие между слоем партийно-государственной номенклатуры и трудящимися, что осознается третьим поколением китайского руководства, поставившим задачу преодолеть отрыв партии от народа и укрепить партию как авангард народных масс. «Партия-государство» становится «оболочкой», прикрывающей совершенно новые общественные отношения, вырастающие из новых устоев жизни, и новую систему цен-

ностей. Но проблема китайского общества в том, что, пока не сложились самостоятельные общественные движения, партия-государство с целью собственного самосохранения, препятствует осознанию новыми социальными слоями своих интересов и их самоорганизации, формированию гражданского общества и решительно выступает против многопартийности и парламентаризма⁹.

М.В. Карпов (ИСАА МГУ) дал определение существовавшей до реформ в Китае конструкции «индустриального социализма» как «соединению жестко идеологизированной диктатуры компартии и мощного госсектора в промышленности», некий «партийно-индустриальный симбиоз», характеризующийся преобладанием внеэкономического принуждения. При проведении реформ этот «монолит» переживает децентрализацию, однако «структурно не перестраивается, сохраняя прежние административно-командные характеристики и оставаясь основой, несущим стержнем тоталитарной системы». Автор полагает, что «преодоление тоталитаризма» связано в первую очередь с углублением рыночных реформ в госсекторе, нацеленных на конечное разрушение «каркасообразующего партийно-индустриального монолита». В ходе реформ «партия-государство» уже не в состоянии контролировать социум прежними методами активной мобилизации, появились и расширяются очаги общественной и хозяйственной свободы, ширятся горизонтальные связи. В то же время политэкономическая и институциональная основа социалистического тоталитаризма в виде «симбиоза однопартийной диктатуры и индустриального госсектора» продолжает занимать ключевые позиции в народном хозяйстве и в общественной жизни. Автор называет такую общественно-экономическую систему «посттоталитарной», которой свойственны сохранение «коммунистической диктатуры» в политике и ведущих позиций индустриального госсектора в экономике, но уже в децентрализованном виде, частичная или полная деколлективизация в сельском хозяйстве и развитие мелкого частного предпринимательства, отказ от сугубо идеологического подхода к проблемам развития в пользу «идеологически-прагматического подхода» и т.д.

Посттоталитарная типологическая модель в КНР, отмечает он, сходна с восточноевропейскими странами второй половины 60-х – первой половины 80-х гг. XX в. (Венгрия, Польша, Югославия), где она представляла собой переходное состояние, достаточно длительное по времени. Для Китая эта модель стала «огромным шагом вперед» по сравнению с «маоистским тоталитаризмом», обеспечив высокий экономический рост и подъем благосостояния значительной части общества.

Вместе с тем автор считает некорректным уподобление реформ Дэн Сяопина «авторитарно-капиталистической модернизации» Тайваня и Южной Кореи, так как для развития по этому пути Китаю потребуются провести целостную реформу госсектора и ценообразования, а также серьезные реформы в политической системе¹⁰.

М.В. Карпов проанализировал также конкретную взаимосвязь политической борьбы в КНР, прежде всего демократического движения в конце 1980-х гг., с экономической политикой китайского руководства и общеэкономической ситуацией. Автор показывает разногласия в руководстве КПК по поводу студенческих выступлений, отмечает неподготовленность демократически настроенных кругов китайской интеллигенции к руководству студенческим движением. По мнению автора, Дэн Сяопин относился к реформе политической системы лишь как к средству, призванному обеспечить проведение экономической реформы. Автор приходит к выводу о том, что «общая ситуация в Китае ныне внешне выглядит вполне устойчивой, однако потенциал консервативно-стабилизационного курса» «не представляется очень значительным», «неизбежный рано или поздно переход к более активному реформаторскому курсу определит и будущее этой модели, и сами судьбы китайской государственности»¹¹.

Характеризуя ситуацию внутри китайского руководства в постдэнэновский период, известный китаевед Ю.М. Галенович отметил усиление власти генерального секретаря

ЦК КПК Цзян Цзэминя при одновременной потере им прежней «мощной поддержки» со стороны Дэн Сяопина и тех силовых центров, на которые он имел возможность опираться, что вынудило его «постоянно учитывать мнение региональных лидеров». Автор отметил в качестве нового явления в постдэнзовский период возрастание роли заместителя Председателя КНР с приходом на эту должность Ху Цзиньтао. Этот пост фактически превратился в должность вице-президента страны, «тем самым обеспечивалось сохранение преемственности высшей власти в государстве в руках представителя Компартии Китая при любом повороте событий» и была «создана целостная система дублера Цзян Цзэминя и по партийной, и по государственной линии», а «в перспективе Ху Цзиньтао может выйти на сцену в роли одного из двух высших руководителей партии и государства, реально решающих вопросы и распоряжающихся сосредоточенной в их руках властью»¹².

Специалист по праву в Китае Н.Х. Ахметшин отметил глубокое воздействие развернутых в КНР в 1980-е гг. политических и экономических реформ на СССР и восточноевропейские страны, а также на мировое сообщество в целом, показав образец «самореформирования политической и экономической системы той модели социализма, реализация которой была начата в 1917 г.». В отличие от восточноевропейских стран, которым была навязана модель социализма сталинского типа, Китай «в наиболее чистом виде повторил советский социалистический эксперимент». Реформы, начатые «коммунистами-реформаторами во главе с Дэн Сяопином», «инициировали развитие демократических тенденций в стране». Если бы не подавление «демократического движения в КНР» летом 1989 г., можно было бы говорить о триумфе Дэна и его сторонников в реформировании китайского общества и о «способности коммунистической идеологии адаптироваться» к новым социально-экономическим и идейно-политическим процессам. Но трагические события 1989 г., по его мнению, «оставляют серьезные сомнения в возможности именно КПК (вернее, его реформаторского крыла) довести до конца начатое дело».

Автор выделил в качестве одного из важных направлений политической реформы в начале 1980-х гг. «структурную и кадровую реорганизацию административных органов», т.е. административную реформу, о которой было заявлено на XIII съезде КПК в 1987 г. Эта реформа, по его мнению, не была реализована во многом из-за событий на площади Тяньаньмэнь. Главная проблема, с которой сталкивается реформа системы исполнительной власти и которая не была решена и к середине 1990-х гг., – это сложившаяся еще в 1950-е гг. кадровая система, в основе которой – система номенклатуры советского образца, основанная на перечне руководящих должностей, право назначения на которые принадлежит партийным органам. Данная система является важным инструментом контроля КПК над происходящими в обществе идейно-политическими и социально-экономическими процессами, устанавливающим пределы самостоятельности всех хозяйственных единиц, общественных организаций и т.д.

Также в 1990-е г. не была решена задача разграничения партийных и хозяйственных функций, являющаяся краеугольным камнем реформы политической системы, особенно на местном уровне, где парткомы «диктовали местным правительствам». Отличительной чертой власти в КНР в это время являлось совмещение партийных и государственных постов на всех уровнях, вплоть до самого высшего, на котором главные рычаги власти сосредоточены в руках членов Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. На провинциальном и городском уровнях секретари провинциального парткома по совместительству возглавляли либо исполнительную власть – правительство, либо представительную – ПК ВСНП, а в министерствах и ведомствах были восстановлены ликвидированные ранее в ходе проведения политической реформы партийные группы руководства во главе с министрами, подчиняющиеся непосредственно ЦК КПК. По этому же принципу в 1990-е г. формировались руководящие группы на всех уровнях административного и хозяйственного управления.

В связи с этим автор сделал вывод о том, что «в настоящее время никакой политической реформы не проводится (в том виде, как она была сформулирована на XIII съезде КПК)» и «произошел существенный откат назад». Содержание «политической реформы» стало сводиться в основном к разделению функций административных органов и предприятий, а не партийных и административных органов, к трансформации функций правительства, сохранению многопартийного сотрудничества, но без какого бы то ни было политического плюрализма. В результате экономический либерализм «пришел в известное противоречие с устойчивым консерватизмом в проведении политической реформы», но искусственное сдерживание демократических преобразований чревато новым витком конфронтации в обществе, несмотря на стабильную экономическую ситуацию. Об этом свидетельствовали студенческие демонстрации 1986 г. и трагические события 1989 г., когда «ни высшее руководство, ни серьезные аналитики не могли предположить столь мощного движения в поддержку демократических реформ». Поэтому и при сохранении достаточно твердого контроля над ситуацией со стороны КПК «было бы ошибочным исключать возможность даже в ближайшей перспективе стремительного роста политического самосознания населения, социальных конфликтов и потрясений».

Автор также отметил «сравнительно мирный характер» процесса окончательной передачи власти от поколения ветеранов революции новому поколению во главе с Цзян Цзэмином благодаря консенсусу в руководстве, заинтересованном в сохранении однопартийного режима и политической стабильности, и благодаря особой роли Дэна как арбитра в важнейших политических и кадровых вопросах. В то же время в 1980-е гг. старые революционеры (первое поколение) не дали утвердиться у власти второму поколению руководителей, сняв обоих генсеков (Ху Яобана и Чжао Цзяяна) за «попытку радикального реформирования не только экономической, но и политической системы».

Касааясь причин поражения демократического движения в Китае в 1989 г., Н.Х. Ахметшин подчеркивал, что события 1989 г. стали «логическим итогом развития внутривнутриполитической ситуации в стране», но «главной причиной обострения внутривнутриполитической ситуации стала медленная реализация политической реформы», осуществлявшейся «сверху», дозировано и осторожно, поскольку реформаторы рассматривали эту реформу как приводной ремень к маховику экономических преобразований, к тому же они испытывали давление консервативных сил. Это не устраивало демократически мыслящую часть интеллигенции и студенчество, которое в Китае всегда было «детонатором революционных потрясений». При этом демократическое движение в КНР не было организованным объединением тех или иных социальных слоев и групп, как не было у этого движения и «реальных политических лидеров», обладавших широким общественным влиянием. Поражение демократического движения было обусловлено рядом объективных и субъективных причин, прежде всего отсутствием у лидеров опыта политической борьбы. Они также допустили «грубейшую ошибку, избрав одним из объектов своей резкой критики Дэн Сяопина – патриарха китайских реформ», «в результате... Дэн Сяопин, на наш взгляд, вынужденно встал на сторону консерваторов и санкционировал расстрел»¹³.

Целый ряд российских исследований в 1990-е гг. был посвящен разным аспектам внутренней ситуации и проведения реформы политической системы в Китае, таким, как национальный вопрос и национальная политика, правовые аспекты воссоединения Сянган и Аомэня с Китаем, вопросы государственного строительства и развития права и др. Так, китаевед широкого профиля В.Я. Портяков поднял проблему выявления факторов, угрожающих социально-политической стабильности в стране. К ним относились: неудовлетворительное состояние общественного правопорядка, экономические преступления и прежде всего коррупция в государственном и общественном аппарате, рост цен и инфляция, неудовлетворенность части населения уровнем доходов и условиями жизни,

неудовлетворенность социальным статусом, плохое состояние окружающей среды и недовольство политикой руководства страны, особенно проводимой демографической политикой. Автор отметил также важное значение для обеспечения социально-политической стабильности надлежащего решения проблемы взаимоотношений центра и мест, включая многоплановые экономические аспекты этой проблемы.

Автор подчеркивает, что повышенное внимание руководства КПК к проблеме социально-политической стабильности обусловлено следующими обстоятельствами. Во-первых, собственным историческим опытом социальных протестов, принимавшим нередко масштабные разрушительные формы, государственных переворотов, национальных восстаний, гражданских войн и хаоса «культурной революции». Во-вторых, повышенной чувствительностью китайского руководства к разного рода протестным выступлениям в силу социалистического типа общественного развития с руководящей ролью коммунистической партии, особенно после распада СССР и мирового социалистического лагеря, и нарастающим давлением со стороны Запада по вопросу демократии и прав человека. В-третьих, наличием «тайваньского фактора» – населенного китайцами государственно-политического образования с иным общественным строем. В-четвертых, нарастанием угрозы сепаратизма на национальных окраинах КНР в условиях появления независимых государств с мусульманским населением на границе с Китаем на месте бывших советских среднеазиатских республик и усилением исламского фундаментализма.

Несмотря на все эти потенциальные риски дестабилизации обстановки, автор приходит к выводу о том, что «можно с высокой степенью вероятности утверждать, что в ближайшие 10–15 лет Китай не столкнется с такими крайними формами социально-политической нестабильности, как распад государства и насильственная смена общественного строя. По-видимому, практически маловероятна и возможность резкой дестабилизации социально-экономической ситуации в стране, сопровождающейся утратой центром контроля за положением в регионах, экономической депрессией, голодом и т.д.»¹⁴.

В работах А.А. Москалева – специалиста по национальной политике КПК (ИДВ РАН) прослеживается эволюция национальной политики Компартии Китая. Первый период – становление многоуровневой системы национальной автономии для неханьских народов после образования КНР, создававшей административно-правовую базу для учета интересов коренного населения национальных окраин, но носившей в значительной мере номинальный характер в обстановке доминирования великоханьского шовинизма. Второй период «культурная революция», характеризовавшаяся полным попранием прав и интересов национальных меньшинств под лозунгом «слияния национальностей». И наконец, период реформ, в течение которого происходило последовательное исправление прежнего курса, «шаг за шагом подвергались критике и отбрасывались почти все установки политики КПК в этой области, выдвигавшиеся с 1957 г.».

После 3-го Пленума ЦК КПК 11-го созыва начала меняться национальная политика и ее теоретическая база. Прежде всего был восстановлен статус национального вопроса, значимость во внутренней политике которого возросла и которому был придан «статус стратегической проблемы». Была признана необходимость преодоления пережитков великоханьского шовинизма в умах кадровых работников и признания принципа равноправия национальных меньшинств. Повысился жизненный уровень наханьских национальностей, о чем свидетельствует рост их численности до 100 млн. человек (8,98 % всего населения) в 1995 г. Развитая система национальной автономии – от уровня национальной волости до автономного района на правах провинции – позволила в значительной степени учитывать специфические особенности и интересы национальных меньшинств. В 1980–1990-е гг. была образована многоступенчатая система национального законодательства, расширилась подготовка национальных кадров для использования их на руководящих должностях в национальных районах.

Вместе с тем «еще нельзя» было говорить о том, что неханьцы стали в полной мере «хозяевами в собственном доме», так как сохранялась «докучливая опека над всеми сторонами жизни» этих народов. В то же время в условиях перехода страны к рыночной экономике, ускорившего нарастание разрыва в уровне развития между ханьскими (в первую очередь приморскими провинциями) и национальными окраинами, власти КНР «сочли целесообразным снять свою прежнюю установку о ликвидации фактического неравенства неханьцев» в пользу ликвидации «разрыва» в уровне развития ханьских и национальных регионов.

Характеризуя в целом национальную политику в рамках стратегии реформ Дэн Сяопина, автор констатировал, что КНР «вышла на путь конструктивного решения национального вопроса; при этом в стране была сформирована целостная теория национального вопроса с учетом китайской специфики»¹⁵.

В русле развития национальной политики в период реформ китайские власти стали больше внимания уделять проблемам малочисленных народностей (этносы численностью до 100 тыс. человек), что нашло отражение в исследованиях российских китаеведов. Как считает Т.В. Лазарева – китаевед, специалист в области национальной политики в КНР, – имеет место отставание этих народностей «в политическом, экономическом и культурном отношениях», особенно на Западе Китая. Благодаря принятым мерам, численность их начала увеличиваться, но в период реформ у малых народностей появились новые проблемы, вызванные «ломкой их традиционного уклада жизни» и воздействием других факторов, вследствие чего наблюдались повышение уровня заболеваемости и распространение алкоголизма¹⁶.

Китаеведы-юристы Л.М. Гудошников и К.А. Кокарев проанализировали ход подготовки перехода Сянган под суверенитет КНР, начиная с ведения переговоров с Великобританией в 1984 г. и кончая анализом специфики административно-политического устройства Сянган в составе КНР (с 1997 г.). Авторы отмечают «удачную работу в области правового, организационного и кадрового обеспечения начального этапа преобразований политической системы», при этом констатируют тот факт, что китайское руководство не форсирует окончательную перестройку доставшейся в наследство от англичан политической системы Сянган во избежание социальных беспорядков, экономического ущерба и подрыва международного престижа КНР. Эта линия была подтверждена на состоявшемся в 1997 г. XV съезде КПК, подтвердившем, что политические установки «сянганцы управляют Сянганом» и «высокий уровень автономии Сянганского особого административного района КНР» рассчитаны на длительную перспективу¹⁷.

Л.М. Гудошников подробно рассмотрел вопросы модернизации законодательства КНР после вступления Китая в период реформ – в области хозяйственного, гражданского, административного, уголовного, природоохранного, семейного права; изучил нормативные документы по вопросам государственной службы и борьбе с коррупцией. Автор отметил в качестве позитивного факта «наращивание и модернизацию обширного пласта законодательства по различным отраслям права», но при этом подчеркнул, что «непростой задачей» для Китая остается «обеспечение действия права в социально-экономической и политической жизни»¹⁸.

Среди вопросов государственного строительства в КНР в рассматриваемый период российскими исследователями выделялась задача создания таких институтов власти, которые одновременно могли бы обеспечивать и поступательное развитие, и сохранение, и укрепление руководящей роли КПК. Н.Х. Ахметшин указал на отличительную особенность Конституции 1982 г., а именно создание впервые в послевоенной истории социалистических стран системы двух высших законодательных органов, обладающих полномочиями принимать общегосударственные законы – ВСНП как высшего представительного органа государственной власти, а также его Постоянного комитета, что позволило интенсифи-

цировать и ускорить работу по принятию законодательных актов. В то же время ВСНП в качестве высшего государственного органа массового представительства обеспечивает легитимизацию партийных предложений, поскольку данная модель «машин голосования» обеспечивает поддержку этим предложениям в силу специфики избирательной системы – многоступенчатых выборов в представительные органы власти при сохранении до середины 1980-х гг. института так называемых «демократических консультаций» при подборе кандидатов в депутаты, который потом сменился организацией института «обсуждения и согласования» кандидатур «с учетом мнения относительного большинства избирателей». Однако, по мнению автора, реформаторы нуждались в регулярной эффективной законодательной работе для решения задач, прежде всего экономических реформ, «в достаточно компактных и компетентных органах государственной власти, контролируемых с помощью механизма ротации». Вместе с тем лидеры-реформаторы в руководстве КПК, учитывая противодействие консерваторов и в силу сохранения партийно-аппаратного стиля работы, «стремились обеспечить легитимность своей власти и получить политические гарантии, не связывая себя конкретными обязательствами»¹⁹.

Л.М. Гудошников в соавторстве с молодым китаеведом М.А. Яковлевым (ИДВ РАН) рассмотрели активизировавшийся в 1990-е гг. процесс законодательного регулирования деятельности «политико-юридических учреждений», которые включают в себя органы правосудия, общественной и государственной безопасности и систему исполнения наказаний. Авторами отмечена, с одной стороны, общая тенденция к определенной гуманизации, росту юридической культуры государства и общества в КНР, с другой – недостаточная проработанность законодательства в этой сфере²⁰.

Высококвалифицированный сотрудник ИДВ РАН, К.А. Егоров проследил основные этапы формирования представительной системы КНР, особенность которой видел в том, что она относится к так называемому советскому типу, при котором отрицается принцип разделения властей, а важнейшие политические решения принимаются руководством КПК. Как пишет К.А. Егоров, эти решения правящая партия проводит не непосредственно (как это имело место во время «большого скачка» и «культурной революции»), а оформляет в виде решений представительных органов власти. Автор отмечает сложность решения в Китае проблемы разделения функций партийных и государственных органов, делая вывод о том, что «представительная система КНР находится лишь в процессе становления». Совершенствование этой системы К.А. Егоров тесно связывает с проведением реформы политической системы, ибо считает, что «от несовершенства представительных органов зависит состояние всей политической системы»²¹.

В подготовленной в Институте Дальнего Востока РАН обобщающей работе, посвященной анализу структуры власти в КНР²², была проанализирована структура власти в современном Китае, включая КПК, Единый фронт, систему государственно-административных органов и политико-юридических учреждений. Прослежен процесс перестройки содержания и методов руководства страной в сторону разработки стратегии развития и обеспечения ее реализации, включая работу с кадрами, разработку теоретических вопросов модернизации, политику разграничения партийных и административных функций и отказа от прежней чрезмерной централизации власти. Изучена роль ПК ВСНП в активизации законотворчества. Отмечена особая роль НПКСК в объединении нации вокруг целей социалистической модернизации и в деле выполнения задачи мирного объединения Китая по формуле «одно государство – два строя». Прослежены серьезные преобразования в кадровой политике, направленные на повышение эффективности всей системы управления страной. Авторы делают заключение о том, что в Китае глубокие экономические преобразования сопровождаются процессом постепенных преобразований политической системы, включая определенную демократизацию системы выборов на местном уровне и либерализацию законодательства. По убеждению авторов, Китаю требуется постепенность

в развитии политической системы, учет национальных традиций и исторического опыта, резкие перемены в этом направлении слишком рискованны для столь огромной страны.

Большой знаток современного Китая В.И. Антонов (ИДВ РАН) отметил сокращение общего числа сотрудников центрального государственного аппарата к середине 1990-х гг., его омоложение и обновление, а также существенное обновление и повышение образовательного уровня аппарата управления на уровне провинций, городов и уездов. Все это, по его мнению, позволяет считать сложившийся и функционирующий в Китае к середине 90-х гг. кадровый корпус «способным поддерживать в стране стабильную обстановку» и «осуществлять экономическую реформу и политику открытости»²³.

Г.А. Степанова – специалист в области партийной жизни в КНР (ИДВ РАН) – проанализировала роль и место демократических партий в политической жизни КНР на этапе проведения политики реформ. С одной стороны, эти партии не играют значительной роли, поскольку их роль определена как «участвующих в политической жизни» под руководством КПК. С другой стороны, автор констатирует целый ряд позитивных моментов в наличии этих партий. Уже сам факт их существования в политической системе КНР означает признание многопартийности. Демократические партии являются для КПК каналами обратной связи с различными слоями общества, позволяющими еще на этапе обсуждения с этими партиями важнейших решений общегосударственного масштаба «сгладить острые углы» и «выпустить пар» в случае создания в обществе напряженной обстановки. Эти партии играют созидательную роль в экономике, науке, медицине и других сферах, а также вносят большой вклад в развитие связей Китая с соотечественниками на Тайване и с обширной зарубежной китайской диаспорой.

Автором также изучен такой специфический институт власти, как НПКСК, выполняющий в КНР функции Единого фронта всех партий и беспартийных и не имеющий аналогов в России ни по широте общественного представительства, ни по выполняемым функциям. Отмечается возрастание роли этого института по мере углубления политики реформ, ведущей к усложнению социального состава китайского общества и нарастанию в нем идейного плюрализма²⁴.

С переходом Китая к политике реформ больше внимания стало уделяться низовому звену территориального общественного самоуправления – комитетам населения в городах (и ранее существовавшим), а с началом проведения политики реформ – созданию института комитетов сельского населения. Анализируя этот вопрос, Т.М. Емельянова (ИДВ РАН), занимавшаяся общественным самоуправлением КНР – мало изученной в историографии темы, отметила принятие в годы реформ новых законов, регламентирующих данную сферу, в первую очередь Закон об организации комитетов сельского населения. Автор подчеркивает, что по этому закону комитетам сельского населения предоставлены широкие права как в области самоуправления, так и в хозяйственной, и в административной сферах²⁵.

Т.М. Емельяновой рассмотрены основные проблемы развития женского движения в КНР. Отмечено улучшение социально-экономического положения женщин в целом благодаря проведению политики реформ, принятию ряда законов, защищающих права женщин, а также повышению их роли в политической жизни страны. В то же время констатируется «сложность и неоднозначность» положения женщин в современном Китае вследствие живучести старых представлений о женщине, отрицательное влияние рыночных отношений на возможность трудоустройства женщин и получения ими образования, недостаточное, относительно их доли в общей численности населения, участие женщин в политических и административных структурах власти. Анализируя возрастающую активность Китая в международном женском движении, автор приходит к выводу о «намерении Пекина превратить Китай в центр женского движения, и не только в региональном масштабе»²⁶.

Обширные знания китаеведа-юриста Е.Г. Пашенко полностью проявились в его исследовании становления гражданского права в ходе проведения экономической реформы

в КНР. Он обратил внимание на такие особенности правового регулирования реформ в Китае, как решающая роль государства в проведении реформ и их постепенность, осторожность в реформировании хозяйственного права, в частности «регулирующих отношений собственности – ядра производственных отношений»²⁷.

Б.Н. Горбачев проследил роль армии в общественно-политической жизни КНР, отменив начавшийся с конца 1970-х гг. «постепенный отход армии от активного участия в политической жизни страны» в сторону решения собственно военных задач, а также участия в экономическом развитии страны в соответствии с выдвинутой Дэн Сяопином установкой «армия должна подчиняться интересам общего дела, интересам строительства в стране». Однако после событий на площади Тяньаньмэнь, в которых армия сыграла решающую роль вследствие неспособности руководства КПК политическими мерами разрешить сложившуюся ситуацию, политическая роль армии вновь стала возрастать, о чем свидетельствует увеличение представительства военных на XIV съезде КПК (1992) и последовавшая за этим кампания по восхвалению заслуг армии при одновременном усилении партийного контроля над ней.

Автор подчеркивает, что «при любых условиях военным в Китае будет принадлежать ключевая роль, так как в рядах армии имеются деятели, способные поддержать перемены в обществе для осуществления серьезного поворота в развитии страны». При этом автор отмечает свойственный большинству кадровых военных «позитивный консерватизм, базирующийся не на неприятии перемен, а на лояльности законным властям и нежелании социальных потрясений, ведущих общество к анархии и хаосу». Впрочем, по его мнению, в краткосрочной перспективе «маловероятны» перемены, подобные тем, что произошли в СССР и Восточной Европе.

По заключению автора, «при оценке развития внутреннего и внешнего политического курса КНР необходимо учитывать социально-политическую роль вооруженных сил, позицию военных в отношении путей и способов разрешения современных проблем Китая»²⁸.

2000-е гг.

В 2000-е гг. российские исследователи вели комплексное изучение политической системы и права КНР в период вступления Китая в эпоху развернутого построения «среднезажиточного общества». Перед исследователями стояли задачи выявления основных моментов и противоречий развития политической системы в этот период, характеризующейся ускоряющимся процессом социальной дифференциации китайского общества. Важными задачами изучения этого периода исторического развития КНР оставался анализ взаимодействия дальнейшего развития рыночной экономики с созданным в результате революции 1949 г. социалистическим государственным строем, основанным на однопартийном правлении КПК, а также определение конкретного содержания, целей, задач и темпов проведения реформы политической системы в КНР и возможных перспектив ее развития.

При рассмотрении общих итогов исторического развития КНР к началу XXI в. М.Л. Титаренко отмечает такой важнейший, на наш взгляд, фактор в деле осуществления всесторонней модернизации КНР, как «решающую роль» «сильной государственной и партийной власти», опирающейся на признание первостепенной значимости этого фактора большинством китайского общества, на чем и основана легитимность правления КПК. Характеризуя основные черты этого правления, автор подчеркивает, что только эта сильная власть способна «ставить долгосрочные цели и обладает достаточной политической волей и средствами мобилизации для того, чтобы эффективно добиваться их осуществления». Другими важными характеристиками этой власти является ее способность к инновациям, нацеленным на «последовательное и глубокое преобразование всех сфер общественной

жизни». Отличительной особенностью правления КПК на современном этапе является принцип поэтапного, поступательного проведения реформ согласно методу «переходить реку, нащупывая камни», что подразумевает предварительную всестороннюю проработку решаемых проблем на теоретическом уровне с последующей «экспериментальной проверкой принятых решений в ограниченных территориальных или социальных масштабах».

Обобщая эволюцию политической системы КНР после начала проведения политики реформ и открытости, которое было положено на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г., автор указывает следующие основные ее итоги и особенности. Так, попытки решения весьма актуальной для Китая проблемы разделения функций партийных и государственных органов, с чего, собственно, и началось проведение реформы политической системы в КНР в начале 1980-х гг., «практически не дали результатов», независимо от степени развития процессов демократизации политической системы. Однако в последние годы, по мнению автора, удалось добиться «определенного, довольно четкого разделения функций, обязанностей и прав между партийными и государственными законодательными и исполнительными органами».

В то же время М.Л. Титаренко отмечает особенность нынешнего подхода руководства КПК к проблеме демократизации, которую он видит в стремлении КПК к вовлечению в процесс реального управления страной полутора миллиардного населения, имеющего мало «политико-правовых навыков», необходимых для существования правового демократического государства.

Вместе с тем им отмечается целый ряд инициированных КПК правовых актов, направленных на расширение демократических начал в жизни страны, таких, как обязанность КПК и всех политических и общественных организаций и государственных структур действовать строго в рамках Конституции. Удалось добиться заметного возрастания роли Всекитайского собрания народных представителей и его Постоянного Комитета, представительных и судебно-контрольных органов в центре и на местах, происходит демократизация избирательной системы, значительное изменение национальной политики в сторону налаживания отношений равноправного партнерства и сотрудничества между ханьским этносом и многочисленными малыми народами.

Важнейшим направлением деятельности системы государственного управления в годы реформ, отмечает автор, является разработка законов и нормативных актов, определяющих основные направления развития страны, в первую очередь Конституции 1982 г. (в форме поправок к ее статьям), закрепившей на правовом уровне процесс построения рыночной экономики при сохранении и одновременном совершенствовании существующей системы государственного управления, а также ее демократизации, в том числе закрепление в законе основных прав человека. КНР переживает, по словам автора, «своего рода законодательный бум», обусловленный необходимостью обеспечить правовое регулирование бурно развивающейся экономики в условиях многоукладности, защиты природы, развития социальных отношений в условиях растущей дифференциации общества и других сфер жизни страны.

Автор подчеркивает, что со временем задачи системы государственного управления становятся все сложнее. Это требует совершенствования механизма и процесса принятия решений и вместе с тем большего контроля над системой управления со стороны общества, а значит, большей гласности и открытости. В настоящее время эта задача решается в рамках проведения административной реформы, направленной на «превращение правительства из экономического демиурга в орган, выполняющий преимущественно сервисные функции, что, однако, несколько не умаляет его роли». Реализация функций государства в экономике и в социальной сфере должна осуществляться также с использованием рыночных механизмов и при активном привлечении неправительственных институтов, что, в свою очередь, способствует развитию демократических начал в жизни китайского общества.

Среди других важных направлений реформирования политической системы КНР отмечается «установление регулярной системы государственной службы», основанной на четкой нормативной регламентации деятельности госслужащих.

В области социально-политического развития КНР на современном этапе автор особо выделяет проблему коррупции, опасность которой «полностью осознается» китайским руководством. Для ее решения, по мнению автора, помимо карательных мер, «требуются кардинальные и долговременные институциональные перемены, которые позволят усилить контроль над коррумпированной бюрократией и приближенным к власти бизнесменам не только со стороны правительства, правящей партии и правоохранительных органов, но и, что не менее важно, со стороны гражданского общества».

В целом автор приходит к выводу о том, что «существующая в КНР система управления адекватна задачам экономической системы страны, превращения Китая в мощное современное государство», что «требует поддержания на длительную перспективу сильной власти, социальной и политической стабильности и преемственности руководства. Этим задачам отвечает сохранение в основных чертах политического режима, сложившегося за период проведения реформистского курса и зафиксированного в действующей Конституции КНР»²⁹.

Теме развития политической системы и права КНР на рубеже XX–XXI вв. посвящен фундаментальный труд коллектива сотрудников Института Дальнего Востока РАН «Как управляется Китай: Эволюция властных структур Китая в конце XX – начале XXI в.»³⁰. Неслучайно эта монография открывается большим разделом, посвященным роли КПК в государстве и обществе Китая. Как подчеркивает один из авторов этого раздела Р.М. Асланов, именно КПК является «стержнем политической системы КНР». Автором был проведен глубокий анализ истории КПК после образования КНР, в том числе роли личности в управлении государством, в котором «именно лидер, который стал харизматическим, определяет концепцию развития страны и всеми доступными ему средствами добивается претворения ее в жизнь».

Автор подробно рассматривает идейную эволюцию КПК на рубеже XX–XXI вв., воплотившуюся в концепции «трех представительств», олицетворяющей принятие на себя партией «обязательства представлять объективные потребности развития производительных сил и передовой китайской культуры в интересах удовлетворения потребностей большинства китайского народа». Эта концепция возникла в качестве теоретического ответа на новые вызовы времени в условиях серьезных изменений в социальной структуре китайского общества, несовместимых, отмечает автор, с идеями Мао Цзэдуна о противостоянии богатых и бедных и о классовой борьбе. В то же время практическая реализация дэндовской теории «строительства социализма с китайской спецификой», связанная с экономической модернизацией страны при широком сотрудничестве с развитыми капиталистическими государствами, фактически исключала классовый подход. Концепция «трех представительств» и должна была стать теоретическим обоснованием «новой политики КНР, направленной на создание атмосферы национального единства китайского народа и всестороннего, взаимовыгодного сотрудничества Китая на международной арене».

Это повлекло за собой открытие дверей в партию для представителей новых социальных слоев, возникших с развитием рыночных отношений, – предпринимателей и тех, кто официально был причислен к активным строителям «социализма с китайской спецификой», что стало отражением понимания руководством КПК роли и влияния этих слоев на экономическую жизнь страны и «возможности вовлечь их в реализацию планов партии, предусматривающих великий и всесторонний подъем государства». Однако, по мнению автора, несмотря на сохранение преобладания в партии рабочих, крестьян и интеллигенции над представителями других социальных прослоек и групп, «существует реальная опасность, что организованность и финансовые возможности последних могут оказаться

более решающим фактором в постепенном перерождении КПК, нежели фактор преобладающего большинства представителей трудящихся.

Обобщая итоги развития идейно-политической платформы КПК после образования КНР, автор приходит к выводу о том, что сложившаяся к началу XXI в., в ходе борьбы между сторонниками «ортодоксально-догматических постулатов коммунистической теории» и «реформаторами-коммунистами» теория «социализма с китайской спецификой» «стала своеобразной платформой для компромисса между фракциями ортодоксов и прагматиков внутри КПК. Будучи внутренне противоречивой, «эта теория может быть использована консерваторами и реформистами для обоснования своих позиций, но в конечном счете она служит эволюционному преобразованию КПК в партию национального единства, согласия и процветания Китая»³¹.

Тема Коммунистической партии Китая продолжена в рассматриваемой коллективной монографии Н.Л. Мамаевой, проследившей роль и место КПК в процессе реформы политической системы КНР. Характеризуя специфику политической системы КНР, автор прежде всего обращает внимание на то, что современный Китай представляет собой «партократическое государство», которому свойственно «проведение в жизнь партийной политики через формально непартийные органы и организации, по сути, функционирование параллельного – партийного и государственного – управления». Хотя проведение радикальных экономических реформ в партократическом государстве и не сопровождалось «революционными» политическими преобразованиями, опыт Китая в этом отношении интересен тем, как эти реформы повлияли на динамику развития его политической системы, однако, по оценке автора, «нельзя не признать, что в специфических условиях Китая они носили глубинный характер».

Автором детально показан процесс разработки партией стратегии реформ, перестройки системы управления и перестройки самой партии, прежде всего ее управленческого звена, в соответствии с требованиями строительства рыночной экономики и проведения реформы политической системы. Особое внимание уделено перестройке системы партийного руководства таким образом, чтобы партийные решения проводились через законодательные и исполнительные органы власти на основе четкого разделения партийных и государственных функций. Автор констатирует наличие сложившейся в конце 1990-х гг. «своего рода функциональной специализации между партией, собраниями народных представителей всех уровней, народными правительствами и судебно-прокурорскими органами», отмечая при этом, что «процесс размежевания функций партии и государства совсем не прост и неоднозначен, он носит выборочный характер, постоянно корректируется в зависимости от обстоятельств».

Автором подробным образом прослежена кадровая политика КПК, политика партии в области борьбы с коррупцией и разложением партийно-государственного аппарата, идейно-воспитательная работа КПК.

Автором отмечается тенденция на рубеже XX–XXI вв. к «усилению всех каналов воздействия КПК на государство и общество» одновременно с устроением требований к соблюдению членами партии норм партийной жизни. В то же время в условиях происходившего в это время ослабления партийно-правительственной вертикали власти и разрастания коррупции партия инициировала «активизацию процесса государственного строительства на основе государственных законов» наряду с «попытками усиления партийной системы и поиска оптимального соотношения между партией, государственными структурами и общественными организациями с целью преодоления трудностей переходного периода совместными усилиями». Сочетание этих двух тенденций, подчеркивает автор, «вносит в процесс развития политической системы КНР определенную специфику»³².

Изучение новых подходов к партийному и политическому строительству в КНР должно в монографическом исследовании Н.Л. Мамаевой «Партия и власть: Компартия

Китая и проблема реформы политической системы». В монографии подробно рассматриваются основные этапы истории КПК после создания КНР, анализируются проблемы адаптации партии к новой обстановке, сложившейся в стране к началу 2000-х гг. и чертовой обострением внутривнутриполитической ситуации, прослеживается эволюция руководящей функции КПК и каналов партийного влияния на государство и общество, детально разбирается кадровая политика КПК, в том числе проблема смены поколений партийных лидеров.

Подводя итоги изучению партийной политики в период проведения реформ и начала построения «среднезажиточного» общества, автор приходит к выводу о том, что «партийное руководство стремится усовершенствовать партийно-политический режим, преодолеть тенденцию отчуждения общества от власти» в ходе поисков «своего пути совершенствования и развития политических институтов» и «выстраивания политической системы, учитывающей китайскую специфику». Автор не считает вполне адекватной применяемую к Китаю формулу «сочетания либеральной экономики и авторитарной власти», так как данная формула не исчерпывает «всего многообразия политической действительности, активно адаптирующейся к требованиям времени», и не учитывает «социально ориентированной политики, усиливающей социалистические аспекты в модели развития». Автор считает «позицию современного китайского руководства о совершенствовании институтов политической системы с китайской спецификой» «в целом приемлемой и отвечающей реальной ситуации», тем более в условиях «наличия определенного потенциала к дальнейшему развитию в общих рамках сложившейся политической системы и государственного строя»³³.

Формированию идеологии реформ в КНР посвящено монографическое исследование Д.А. Смирнова. Обобщая теорию и практику проводившейся Дэн Сяопином политики модернизации, автор констатирует, что последовательный курс на внедрение рыночных отношений в экономику не сопровождался столь же радикальными преобразованиями в политической системе, поскольку содержание разрабатывавшейся им реформы политической системы сводилось не к постепенному демонтажу социалистического строя вслед за повышением степени либерализации экономики, а к совершенствованию исторически сложившегося административно-политического механизма. Она проводилась и проводится таким образом, чтобы ее темпы соответствовали потребностям реформирования экономики и развития общества, не отставая от решения возникающих в связи с этим задач, но и не «забегая вперед», постепенно и поэтапно, с учетом существующих объективных условий. По сути, именно в совмещении экономического либерализма с авторитарной политической властью и заключается специфика китайского пути социалистической модернизации, проложенного Дэн Сяопином. В области модернизации страны опыт Китая сопоставим с опытом ряда азиатских стран, успешно осуществляющих модернизацию.

Стабильный курс реформ сочетается с активной деятельностью по созданию благоприятных международных условий для экономического развития и ведения свободной конкурентной борьбы за место на мировых рынках. Однако, провозглашая политику открытости миру, Китай, как явствует из теории Дэн Сяопина, сохраняет за собой право на самостоятельное и самобытное решение всех своих экономических и социально-политических проблем. Подход к их решению рассматривается как внутреннее дело страны и ставится в зависимость от реальных возможностей государства и общества³⁴.

Эволюции политической системы КНР посвящен фундаментальный труд К.А. Кокарева «Политический режим и модернизация Китая». В нем автор подробно прослеживает основные этапы развития политической системы КНР после «культурной революции», включая такие ее составляющие, как партийное строительство, развитие органов представительной власти, кадровая политика, курс на формирование социалистического правового государства и стиля работы партии, административная реформа, а также меры

китайского руководства по стабилизации политического режима в условиях действия разнообразных негативных факторов.

Автор отмечает, что «важнейшей функцией политического режима КНР на всех этапах реформы являлось обеспечение благоприятных политических условий и стабильности в обществе, без которых эффективная реализация преобразований в экономике и социально-политической жизни страны была бы невозможна». Характеризуя развитие политического режима в КНР в начале 2000-х гг., автор указывает на такую его особенность, как сочетание использования, применительно к местным условиям, зарубежного опыта в производственно-экономической и профессионально-управленческой сфере с полным отказом от «плюрализма и элементов западного парламентаризма» в сфере политических преобразований. При этом автором отмечается тенденция к «реализации установок на усиление роли КПК во всех сферах жизни и деятельности китайского общества» как посредством принятия законов, «обязательно и в полной мере учитывающих партийные решения», так и через осуществление партийными организациями «руководящих и контрольных функций в структурах представительной, административно-исполнительной власти, Народного политического консультативного совета Китая, общественных организациях».

Важнейшее значение придается активному правовому строительству, призванному возводить в ранг закона решения КПК и обеспечивать всестороннее юридическое сопровождение экономических реформ, а также способствовать поддержанию стабильности, общественного порядка, борьбе с коррупцией и преступностью, подавлению оппозиционных элементов.

Другим важнейшим направлением реформирования политической системы является «повышение эффективности управленческого процесса в ходе модернизации в различных областях экономической и общественной жизни».

В целом автор приходит к выводу о том, что нынешний политический режим в Китае можно рассматривать как «авторитарный с элементами экономического либерализма». На взгляд автора, «этот режим на данном этапе модернизации является оптимальным, так как сложный преобразовательный процесс требует высокой управляемости обществом, быстрого маневрирования многообразными функциями политического режима, что возможно при использовании авторитарных форм правления».

Развитие политического режима в КНР, по словам автора, зависит от целого ряда факторов и проблем. Среди этих проблем автор выделяет перерождение части партии, включая даже целые партийные организации, деятельность которых направлена не на служение интересам «рабочего класса и широких народных масс», а на извлечение корыстной выгоды, используя привилегии и властные полномочия. Также автор указывает на «усиление напряженности в отношениях партийных органов с массами, что серьезно подрывает легитимность режима и возможности КПК по руководству китайским обществом». Важную роль играет постоянное увеличение разрыва в доходах между различными слоями общества, неравномерность в развитии города и деревни, коррупция и социальная напряженность³⁵.

В трудах известного китаевода, специалиста по политико-юридическим вопросам Л.М. Гудошникова подробно изучен процесс становления и развития представительной системы и институтов исполнительной власти КНР начиная с победы народной революции 1949 г. и соответствующего законодательного процесса, обеспечивающего их функционирование. Автор показывает постепенное расширение демократических начал в деятельности представительных органов власти после свертывания их работы с началом проведения политики «большого скачка» и фактической «ликвидации представительной системы страны» в годы «культурной революции». Вместе с тем автор отмечает, что сессии СНП на всех уровнях, включая ВСНП, «по-прежнему редки», они проводятся «по

разу в год и сводятся главным образом к обсуждению и решению бюджетно-плановых вопросов», а «основная работа» по принятию законодательных актов ведется постоянными комитетами СНП уездного и вышестоящего уровней, включая ПК ВСНП. К тому же, указывает автор, деятельность всех звеньев представительной системы КНР направляется органами КПК, пленумы ЦК КПК часто проводятся накануне сессий ВСНП, на этих пленумах утверждаются директивы пятилетних планов социально-экономического развития, списки государственных должностных лиц, подлежащих избранию на сессии ВСНП, предложения о важнейших поправках к Конституции и т.д.³⁶

Л.М. Гудошниковым и сотрудником ИДВ РАН А.В. Шитовым подробно прослежен ход многолетней административной реформы в КНР. Авторы выделяют такие особенности этой реформы, как тесная связь глубины реформы системы административных органов в КНР с «поэтапным развитием реформы экономической системы в стране», чем и объясняется сочетание «новизны» и «половинчатости» в проведении административной реформы, обусловленное «именно тем, что процесс становления структур рыночной экономики КНР находится в процессе развития». Другая особенность – выделение административной реформы как одного из важнейших направлений реформы политической системы, что обусловлено тем, что административная реформа, проводимая под контролем КПК, сама по себе «не несет очевидных угроз» правящей партии. В этом отражается и «определенное противоречие между активным продвижением КНР вперед по пути рыночных преобразований в экономике и ее отставанием в сфере демократизации политической жизни общества». Однако, по мнению авторов, «главные проблемы» на пути развития административной реформы еще впереди, что «опять-таки обусловлено противоречивостью ее характера как одновременно «катализатора» экономических реформ и «фактора сдерживания» радикальных реформ политической системы» и особенно тем, что китайская экономика, «можно сказать, еще не вступила в рынок в полной мере». Отсюда неизбежность «известной радикализации» реформы системы административных органов по мере углубления экономических реформ, что может привести в дальнейшем к «крупномасштабному сокращению кадров административного аппарата со всеми вытекающими отсюда последствиями социально-политического характера»³⁷.

Л.М. Гудошниковым и К.А. Кокаревым изучена система регулярной государственной службы КНР, реформирование которой стало одним из приоритетных направлений реформы политической системы после вступления страны в эпоху реформ и открытости. Авторами отмечаются такие черты становления современной системы госслужбы в КНР, как «отход от существовавшей ранее административно-директивной системы зачисления на работу в государственные учреждения, внесение элементов конкуренции в набор государственных служащих для занятия определенных должностей, что позволяет преодолеть такой порок прежней системы набора кадров, как отсутствие учета личных качеств претендентов на должности в госаппарате»³⁸.

Л.М. Гудошниковым и ведущим научным сотрудником Г.А. Степановой рассмотрен процесс восстановления после «культурной революции» и развития в эпоху реформ и открытости судебной системы КНР. Авторы отмечают развитие в ходе этого процесса элементов гласности судопроизводства вплоть до открытого ознакомления с документами суда в СМИ и в Интернете, усиление коллегиальных начал в судопроизводстве, а также принятие определенных мер «в направлении всемерного обеспечения прав сторон в процессе»³⁹.

Первое в отечественной юридической литературе комплексное монографическое исследование института юридической ответственности в праве КНР было подготовлено в ИДВ РАН П.В. Трощинским. В работе анализируются составляющие и особенности института юридической ответственности в КНР в сравнении с таковыми в России. Автор констатирует, что в современных условиях «повышается роль и значение имущественной

ответственности, имеющей целью обеспечение выполнения договорных обязательств или возмещение имущественного вреда»⁴⁰.

П.В. Трощинским исследован процесс становления и эволюции правовой системы КНР. Автор выделяет задачу построения «социалистической правовой системы» в КНР к 2010 г. в соответствии с курсом КПК на превращение Китая в правовое государство, в рамках которого особое внимание уделялось правовому обеспечению выполнения задач экономического развития и проведения экономических реформ в КНР. Им отмечаются такие особенности современного законотворческого процесса в Китае, как руководство «исключительно собственными интересами», исходя из целей и задач, стоящих перед китайским обществом; нежелание китайского законодателя спешить с принятием ряда «важных для правовой системы государства кодифицированных актов правотворчества», «предпочитая регулировать существующие и возникающие общественные отношения путем принятия разрозненных локальных актов правотворчества»; обусловленный особенностями правовых отношений в Китае, культурной традицией и менталитетом китайцев отказ китайского законодателя от включения в действующие законы ряда норм международного права, несмотря на давление со стороны международного сообщества; относительно небольшое (по сравнению с Россией) число законов при одновременном широком развитии подзаконного, местного правотворчества «для более оперативного реагирования на происходящие в стране изменения», для чего местным органам власти предоставлены соответствующие полномочия⁴¹.

А.Д. Воскресенским (МГИМО(У) МИД РФ) проанализирован процесс становления политической системы Китая после победы народной революции 1949 г. Автор определяет образовавшееся новое государство – Китайскую Народную Республику как «республику советского типа», для которой характерно «формальное верховенство представительных органов над всеми другими органами государства», «объединение представительных органов в иерархические системы со строгим подчинением нижестоящих вышестоящим», «осуществление многих полномочий представительных органов более узкими составами или исполнительными структурами», партократический характер государственного режима.

На примере эволюции Конституции КНР автор показывает постепенную демократизацию политической системы Китая (защита прав собственности, прав человека и т.д.), не приводящую, однако, к «серьезным преобразованиям в области политической системы» в силу безусловного приоритета сохранения социально-политической стабильности в период сложных социально-экономических преобразований⁴².

А.В. Виноградов рассмотрел процессы социально-политической трансформации Китая с середины XIX по начало XXI в. и процесс формирования идеологии социалистической модернизации на современном этапе. Автор констатирует, что «складывающаяся в КНР общественная система демонстрирует свою жизнеспособность – она в состоянии обеспечить себе легитимность, успешно отвечает на внешние и внутренние вызовы и, наконец, обладает системой воспроизводства». Что касается проблем, стоящих перед китайскими властями, то на настоящее время «это уже вопросы, касающиеся деталей, а не принципиальной модели развития». Важнейшей «гарантией успеха является сохранение в Китае мобилизационного ядра в лице Компартии, которая оптимально подходит для проведения реформ, инициируемых сверху, а не революций, возникающих снизу». При этом, подчеркивает автор, «политическая сила, которая выполняет взятые на себя обязательства по преодолению отставания от других государств, превращается в главную ценность модернизации»⁴³. Характеризуя сложившийся в КНР политический механизм под углом зрения цивилизационного развития, автор отмечает, что «в обществе, где идеалом справедливости традиционно является не социальное равенство, а следование нравственным принципам и долгу», политический механизм нацелен не на согласование общественных интересов, а на осуществление контроля за их соблюдением, заставляя власть совер-

шенствоваться подобно тому, как это осуществляет политическая оппозиция на Западе. Партия удалось преодолеть революционный радикализм и догматизм, благодаря чему партия превратилась в «признанный обществом институт государственного управления», а «китайская цивилизация в итоге восстановила традиционный принцип регулирования общественной жизни – не через авторитет силы, а через силу авторитета, создавший соответствующий механизм преемственности»⁴⁴.

Многие аспекты новейшей истории Китая, включая вопросы развития политической системы КНР на современном этапе, рассматриваются в многочисленных работах Ю.М. Галеновича. Так, фундаментальное монографическое исследование автора посвящено скрупулезному анализу разработанной в начале 2000-х гг. под руководством генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао концепции построения гармоничного социалистического общества. По мнению автора, постановка вопроса о создании общества социальной гармонии возникла не случайно, это обусловлено процессом поляризации китайского общества в ходе проведения политики реформ и открытости, который достиг опасной черты. Если же удастся решить эту проблему, то для Китая может наступить «золотой век», «иными словами, после многих лет хаоса и «великого единения», а также некоторой степени малого благоденствия, страна, наконец, придет к великой гармонии». Выполнение этой задачи требует перестройки механизма власти таким образом, чтобы чиновники, прежде «по большей части выполнявшие функции управления», теперь взяли на себя «функции обслуживания народа, людей», что отвечает чаяниям народа, который сегодня «требует, чтобы власти были не над ним, а служили ему», в частности, чтобы чиновники «равно относились и к иностранным инвесторам, и к гражданам своей страны». Отсюда и требование «управлять на основе законов, делать свою деятельность прозрачной»⁴⁵. Среди тенденций социально-политического развития КНР на современном этапе автор выявил тенденцию «внешнего ухода партии в тень» вследствие того, что, по словам автора, «возможно, КПК чувствует, что она, в какой-то степени, «надоела» людям в Китае, находясь там так долго у власти». С этим, возможно, и связаны появляющиеся иногда упоминания официальными лицами о необходимости политических реформ. Автор считает, что действительно в Китае «возможны политические события, которые приведут к изменению политической системы»⁴⁶.

Вопросы развития внутриполитической жизни КНР рассматриваются в работах В.Я. Портякова, в том числе в них изучены основные установки «четвертого поколения» руководства КПК во главе с Ху Цзиньтао относительно реформирования политической системы. Автор отмечает стремление этого поколения руководителей страны «сформировать собственную социально-экономическую и отчасти внешнеполитическую программы, которые призваны сделать развитие Китая более сбалансированным, а его международный облик – более привлекательным». Заимствуя у предшественников во главе с Цзян Цзэмином метод «сочетания следования основному идейно-теоретическому курсу предшественника... с дозированным новаторством», Ху Цзиньтао проводил преобразования более динамично, а новации – более радикально. Тем не менее, указывает автор, «в целом можно сказать, что у китайского руководства есть определенный резон и впредь проводить политическую реформу по оправдавшему себя в экономике методу «переходить реку, нащупывая камни», т.е. действуя сугубо постепенно»⁴⁷.

Специалист по изучению политических процессов В.Ф. Бородич посвятил свое монографическое исследование сравнительному изучению развития политических систем Китая и России, проанализировав внутренние и внешние факторы, влияющие на их развитие, включая социальные, экономические, социокультурные. Автор отмечает, что «теоретическая мысль и политическая практика Китая выработали самобытный подход к институтам демократии, согласующийся с замыслом политики модернизации КНР и условиями ее осуществления, включающими как внутренний социокультурный, так и международ-

ный контексты». Такое понимание демократии основано на том, что социалистическая демократия – это не права абстрактного индивида, т.е. не демократия меньшинства, как это предусматривается демократией Запада, а демократия большинства. Целью развития демократии является не все более полная реализация прав и свобод индивида, как при западной модели демократии, а «создание более совершенной системы народовластия, чем в капиталистических странах; социалистическая демократия развивается не спонтанно, а под руководством правящей партии», «то есть развитие преимуществ общественной социалистической системы». Автор приходит к выводу о том, что «реформы в КНР исходили преимущественно из потребностей общества, то есть объекта государственного управления», в то время как реформы в России – «из интересов государства как субъекта управления обществом», чем и объясняется «высокая эффективность политики развития страны, проводимой руководством КПК и КНР», в отличие от «неэффективности политики российского государства по развитию общественной системы в экономическом, политическом и духовно-культурном отношении». По мнению автора, опыт Китая «требует позитивного к себе отношения» и «может быть использован не только государством, но и российским обществом» что «может сыграть решающую роль в переходе России от череды болезненных изменений к созидательному развитию»⁴⁸.

Теме сравнительного анализа процессов формирования гражданского общества в Китае и в России посвящена монографическая работа В.Г. Ганшина, в которой автор прослеживает основные тенденции и характеристики развития гражданского общества в Китае, включая социальные и экономические аспекты, а также такое сравнительно новое для Китая явление, как быстрое развитие системы всевозможных неправительственных организаций. Рассматривая развитие гражданского общества как важнейшую составную часть общего комплексного развития КНР, автор уделяет особое внимание усилиям китайского руководства по созданию в ходе реформ «адекватной системы управления», проведению курса на построение «среднезажиточного общества» под лозунгом «сяокан», воплощающим в себе идущий из глубокой древности идеал общества социальной справедливости и играющий консолидирующую роль в настоящее время⁴⁹. В другой своей монографии автор, анализируя политику реформ в КНР, приходит к выводу о том, что «реформы в КНР имеют своей целью улучшение условий жизни не отдельных элитарных групп населения, а граждан страны в подавляющем большинстве». Власти признают «неизбежным при наличии «среднего слоя» существование также и двух других социальных полюсов – богатых и бедных», но при этом они «делают все от них зависящее, чтобы сделать прозрачными и заслуженными высокие доходы одних и максимально помочь наиболее нуждающимся», понимая, что только при таких условиях возможно гарантировать социально-политическую стабильность. Автор полагает, что «применительно к китайской действительности мы можем стать свидетелями какого-то прорыва и в области теоретического осмысления формационного развития общества, и в сфере практического воплощения новых идей и концепций». При этом он выдвигает мысль о том, что необходимо разрешить противоречия между исторической традицией государственности и рыночными отношениями. Как считает автор, совершить упомянутый выше прорыв Китаю поможет «национализм», не в смысле шовинизма и высокомерного отношения к «варварам», а так называемый «здоровый национализм», сочетающийся с идеей гармоничного развития на основе справедливости и разумности⁵⁰.

Г.А. Степанова посвятила ряд работ изучению политики Единого фронта в Китае на современном этапе. Анализируя роль НПКСК в период проведения политики реформ и открытости, автор констатирует активизацию деятельности этого специфического общественно-политического института в Китае и приходит к выводу о том, что «и в дальнейшем руководство КНР будет принимать меры к усилению и повышению авторитета этого органа Единого фронта, что этому специфическому компоненту политической системы страны будет отводиться особая роль в общественно-политической жизни».

Автор также проанализировала деятельность демократических партий в КНР на современном этапе и политику КПК в отношении деятельности этих партий. Прежде всего она отмечает отличие китайского института многопартийного сотрудничества при руководящей роли КПК от западной модели многопартийной системы, при которой существуют правящая и оппозиционная (или оппозиционные) партии. Не ведя борьбу за власть, эти партии, представляющие собой «специфически китайское явление», тем не менее активно участвуют в общественной жизни страны в соответствии с Конституцией и своими уставами. В то же время «руководящее положение КПК в политической системе Китая дает ей возможность направлять деятельность демократических партий в нужное для всей страны русло, успешно использовать возможности этих организаций для решения стоящих перед страной задач». Автор подчеркивает, что «есть все основания полагать... что и впредь КПК будет всячески поддерживать и поднимать роль демократических партий в стране»⁵¹.

Т.М. Емельянова посвятила свои труды изучению массовых общественных организаций и низовых органов самоуправления в КНР. Автор отмечает активизацию деятельности Всекитайской федерации профсоюзов, Всекитайской федерации женщин и Коммунистического союза молодежи Китая, особенно в начале 2000-х гг., что объясняется усилением социальной направленности политики КПК. Наряду с достигнутыми в их деятельности успехами, автором выявлены и проблемы, во многом происходящие из-за бюрократизма и консервативных традиций, связанные с влиянием западной идеологии, а также вызванные прогрессирующим падением идейных и нравственных принципов в китайском обществе.

Автором прослежен процесс возрождения после «культурной революции» и развития в период проведения политики реформ и открытости органов местного самоуправления в городах и деревнях. Т.М. Емельянова проанализировала деятельность новой формы низового самоуправления в городах, появившейся уже в годы реформ, – территориальной общины, на которую «возложены важные социальные функции, способствующие стабилизации обстановки в городах». Однако создание этих общин, регулируемое сверху, «идет медленно и с большим трудом», поскольку само по себе самоуправление, «в полном объеме этого понятия, с большим трудом входит в жизнь КНР». Если же удастся наладить эффективную работу этих общин, то, по мнению автора, «община может превратиться в важную социально-активную ячейку китайского общества в городах в новых условиях». Комитеты сельского населения также являются «сравнительно новым явлением в системе управления Китаем на низовом уровне». Развитие этого института власти идет медленно как в силу традиционной отсталости крестьянства и отсутствия демократических навыков, так и вследствие противодействия со стороны местных руководителей, поддерживаемых некоторой частью сельских жителей⁵².

А.А. Москалев подготовил фундаментальный труд, посвященный истории развития национализма в Китае и особенностям его трактовки как Гоминьданом, так и КПК. Автор констатирует возрастание общественного и академического интереса к данной теме в КНР в 1990-е гг. после того, как был снят запрет на исследования национализма. Автор указывает на активное использование руководством КПК в начале XXI в. «установки о возвышении национального духа» в деле мобилизации духовных сил нации на осуществление задач социалистической модернизации и «повышение уровня социально-политической интеграции китайского общества и той общности, которая именуется чжунхуа миньцзу» (китайская нация). Руководство КПК «официально не признает своей причастности к националистической доктрине», однако при этом активно использует лозунг «неуклонного возвышения и внедрения национального духа», хотя, как отмечает автор, «граница, разделяющая национализм и национальный дух, довольно зыбкая»⁵³.

В работах Т.В. Лазаревой освещается положение в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и в Автономном районе Внутренняя Монголия, в которых центральными властями

КНР проводится курс на ускоренное социально-экономическое и культурное развитие, борьбу с бедностью, подготовку национальных кадров⁵⁴. Также автором исследуется такой сравнительно новый аспект национальной политики КНР, как проблема адаптации неханьского населения КНР в городах развитого приморского пояса Китая⁵⁵.

Относительно перспектив дальнейшей политической эволюции КНР упомянутые выше авторы, большинство которых представляют Институт Дальнего Востока РАН, указывают на следующие возможные варианты.

Политическая реформа, ограниченная лишь институциональными переменами, в Китае вряд ли может быть успешной без соответствующих изменений в морально-нравственном облике правящей элиты. Поэтому можно ожидать усиления возрождения конфуцианских традиций, особенно в связи с введением в официальный оборот таких понятий, как «среднезажиточное общество», «гармоничное общество» и др. Существующий политический авторитарный режим «в несколько модернизированном виде» во главе с Компартией «как единой национальной партией всех слоев китайского общества» сохранится, возможно, на десятилетия, если не дольше, но при этом изменится социальный состав партии и будет скорректирована партийная идеология. Сохранятся НПКСК и демократические партии в качестве каналов влияния КПК на различные слои населения, но при этом будет активно проходить процесс освобождения КПК от прямых управленческих функций.

Развитие рыночной экономики и соответствующего ей правового государства с множеством самостоятельных субъектов рынка и гражданского общества создает предпосылки к «возможной последующей демократизации политических отношений».

«Наиболее опасным детонатором, угрожающим расшатать социальную и политическую стабильность, является коррупция», от результатов борьбы с которой «зависит способность власти управлять развитием китайского общества»⁵⁶.

Происходящее в КНР постепенное введение в нормативное русло управленческих функций партии, прежде всего в сфере взаимоотношений с государственными органами, «не ориентировано на политический плюрализм», скорее всего, «партийно-политическое развитие реализуется в форму так называемого мягкого авторитаризма, в основе которого лежит идея совершенствования правления КПК и открытия новых возможностей оптимизации существующего политического строя»⁵⁷.

При рассмотрении внутриполитических процессов в КНР следует помнить, что «политическая стабильность в обществе рассматривается там в качестве важнейшей национальной задачи», поэтому резкие изменения в политике в Китае неприемлемы, так как они могут подорвать «цементируемую КПК сплоченность в обществе». На взгляд Л.М. Гудошниковой и К.А. Кокарева, «демократические перемены будут продолжаться, но под патронажем правящей партии коммунистов. Соответственно и выборы в КНР будут представлять собой «состязание не политических платформ, а кандидатов в депутаты, стоящих, по сути дела, на единой платформе»⁵⁸.

По мнению А.Д. Воскресенского, в КНР «о политическом плюрализме можно говорить лишь как о будущем страны, поскольку пока даже само это понятие не входит в политический инструментарий руководства страны и его идеологов». Между тем в современном Китае налицо плюрализм мнений в науке, литературе и искусстве. Однако «теоретически нельзя исключить его перерастания в политический плюрализм, который может подпитываться и плюрализмом форм собственности»⁵⁹.

По мнению Д.А. Смирнова, «в целом перспектива реформы политической системы представляется следующим образом: Китай пойдет по своему собственному пути общественно-политического развития, не следуя западным стандартам; существующая политическая система КНР принципиально меняться не будет; КПК будет осуществлять свою стратегию через систему собраний народных представителей при сохранении и активизации системы НПКСК и демократических партий, выполняющей консультативные

функции и функции связи с общественностью, прежде всего с новыми социальными прослойками. При этом Компартия сохраняет за собой контроль над кадровой политикой на всех уровнях руководства»⁶⁰. В то же время объективно в Китае в случае дестабилизации обстановки созреют условия для возникновения левой оппозиции. Многие будут зависеть также и от того, насколько в действительности лояльной окажется возникшая в годы реформ широкая прослойка частных собственников, включая фактически сформировавшийся класс буржуазии, в том числе и крупной. Конечно, объективно он не заинтересован в политической дестабилизации, подобной событиям 1989 г., но нельзя исключать вероятность того, что рано или поздно он начнет отстаивать свои собственные корпоративные (классовые) интересы. Дальнейшее развитие ситуации будет зависеть прежде всего от того, насколько далеко зашел процесс социального расслоения общества, какова критическая масса недовольных реформами, каковы пределы ее терпения и возможности ее организации как сторонниками прозападных либеральных взглядов, так и приверженцами марксизма в его левацкой трактовке. Огромную, может быть решающую роль, в «регулировании» всех этих противоречий будет играть способность правящей партии поддерживать устойчивое экономическое развитие и одновременно обеспечивать приемлемый для экономики уровень социальной справедливости и общеприемлемый баланс социальных интересов⁶¹.

По мнению В.Я. Портякова, хотя перспективы политической реформы «выглядят не слишком радикально», но очевидно уже, что «настроения общества в пользу ускорения политических преобразований попали в поле зрения руководства страны», продолжающего скрупулезно изучать уроки распада СССР, «в том числе и негативные последствия чрезмерной концентрации власти и недемократического механизма принятия важных решений». Автор отмечает, что «какой-то резерв времени у КНР есть. Однако законсервировать нынешнюю политическую систему страны на неопределенно долгий срок невозможно. Рано или поздно, по собственной воле или под давлением обстоятельств, но обновлять ее, и достаточно серьезно, придется неизбежно»⁶².

В одной главе невозможно охватить все работы российских авторов 1990–2000-х гг., равно как и отразить все направления их исследований. Автор ограничился лишь частью из них. Прежде чем подходить к обобщению основных подходов и оценок российских авторов, хотелось бы отметить, что, безусловно, реформирование госсектора вслед за проведением реформ в деревне и расширением рыночных отношений в экономике в целом размывает экономическую основу монополии КПК на власть и объективно создает предпосылки для ускорения социальной дифференциации, в перспективе могущей привести и к размыванию идейно-политических основ руководящей роли КПК. К слову, это вызывает споры и в самом Китае. Обсуждается допустимая граница удельного веса необщественного сектора экономики – без угрозы для существующего в Китае социалистического строя. Пока же со времени XV съезда КПК (1997), принявшего решение о глубоком реформировании госсектора экономики, монополия КПК на власть не была поколеблена и не произошло серьезных изменений в политической системе страны.

Видимо, многогранность процесса идейно-политической эволюции КНР, во многом зависящего от исторических особенностей страны и национального менталитета китайского народа, придает этому процессу большую инерционную силу, не дающую даже глубоким экономическим преобразованиям оказывать непосредственное воздействие на ускорение политических процессов. На протяжении более 30 лет проведения курса на «реформы и открытость» политическая система КНР устояла (в отличие от советской «перестройки»), при этом демонстрируя высокую эффективность в управлении экономикой. Другой вопрос, насколько хватит потенциала этой системы для разрешения растущих внутренних социальных противоречий и в каком направлении она будет дальше эволюционировать. Нельзя исключить и радикальную трансформацию под влиянием совокупности внутрен-

них и внешних факторов (как показывает история XX в., целый ряд крупнейших мировых событий оказался неожиданным и малопредсказуемым, наблюдатель может лишь проследить развитие основных тенденций, их сочетание и взаимодействие на обозримую перспективу).

Обобщая изложенный выше материал, можно прийти к выводу о том, что в работах российских исследователей 1990–2000-х гг. достаточно всесторонне проанализирована эволюция политического строя в КНР в ходе развития политики реформ и открытости. Авторы отмечают также ускоряющуюся дифференциацию китайского общества и усложнение идеологической ситуации в стране по мере нарастания в китайском обществе идейного плюрализма. При этом практически всеми исследователями, в разных интерпретациях, констатируется сохранение авторитарного политического режима при постепенном развитии процесса демократизации разных сторон общественно-политической жизни, в том числе внутри самой КПК.

Однако складывается впечатление, что на некоторые оценки российских исследователей (связанные с ожиданием уже в обозримой перспективе трансформации существующего в КНР политического режима) заметно повлияли события в Китае в 1989 г. и события в СССР на рубеже 1980–1990-х гг., что в общем вполне закономерно. Под влиянием этих же событий в Китае в начале 1990-х гг. наблюдался пессимизм в отношении перспектив проведения политики реформ и открытости, вызвавший в качестве ответной реакции усиление «левых» тенденций в идеологии и политике, пока временное «замораживание» властями ситуации не сменилось в 1992–1993 гг. курсом на углубление реформ.

На наш взгляд, в работах российских авторов, независимо от различий их мировоззренческих позиций, дана достаточно адекватная оценка событиям и процессам, происходившим в Китае в 1990-х – начале 2000-х гг., что способствовало правильному пониманию и восприятию этих событий и процессов в России, а тем самым становлению и развитию добрососедских, дружественных отношений Российской Федерации с ее великим дальневосточным соседом.

Примечания

- ¹ *Титаренко М.Л.* Россия и Восточная Азия: Вопросы международных и межкультурных отношений. М., 1994.
- ² *Титаренко М.Л.* Россия лицом к Азии. М., 1998.
- ³ *Титаренко М.Л.* Китай: цивилизация и реформы. М., 1999.
- ⁴ *Титаренко М.Л.* Россия лицом к Азии. М., 1998.
- ⁵ *Титаренко М.Л.* Жизнестойкость и стабильность китайской цивилизации – условие развития Китая по пути реформ и модернизации // Востковедение и мировая культура. К 80-летию академика С.Л. Тихвинского. М., 1998. С. 70.
- ⁶ *Асланов Р.М.* КПК: формирование стратегии на современном этапе (1977–1997) // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999 / Отв. ред. М.Л. Титаренко. М., 1999. С. 372–392.
- ⁷ *Мамаева Н.Л.* Коммунистическая партия Китая – ядро политической системы // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999 / Отв. ред. М.Л. Титаренко. М., 1999. С. 393–410.
- ⁸ *Смирнов Д.А.* XV съезд КПК и идеологическая платформа социалистической модернизации КНР. Китай и АТР на пороге XXI века // IX МНК ККЦиМ: тез. докл. М., 1998. Ч. 2. С. 9–14.
- ⁹ *Гельбрас В.* Реформы в КНР: проблема оценки итогов // МЭиМО. М., 1995. № 7. С. 18–31.
- ¹⁰ *Карпов М.В.* «Социализм с китайским лицом» или капитализм по-китайски? // Восток. М., 1996. № 3. С. 64–73.
- ¹¹ *Карпов М.В.* Экономические реформы и политическая борьба в КНР (1984–1989). М., 1997.
- ¹² *Галенович Ю.М.* Уход из жизни Дэн Сяопина и изменения в китайском руководстве // Китай на рубеже тысячелетий // ИМ ИДВ РАН. Сер.: Общество и государство в Китае в ходе реформ. М., 1998. Вып. 3. С. 22–25.

- ¹³ *Ахметшин Н.Х.* Переходные процессы в КНР: государство и общество (80–90-е годы) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13: Востоковедение. М., 1996. № 2. С. 42–54.
- ¹⁴ *Портяков В.* Проблемы обеспечения социально-политической стабильности в КНР // ПДВ. 1998. № 2. С. 17–28.
- ¹⁵ *Москалев А.А.* Национальный вопрос: поиски и находки // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999. М., 1999. С. 458–472.
- ¹⁶ *Лазарева Т.В.* Проблемы малочисленных национальностей в КНР // Перспективы сотрудничества Китая, России и других стран Северо-Восточной Азии в конце XX – начале XXI века // VIII МНК ККЦиМ: тез. докл. М., 1998. С. 111–114.
- ¹⁷ *Гудошников Л.М., Кокарев К.А.* Важный шаг в объединении Китая (о некоторых политико-юридических аспектах воссоединения Сянгана с КНР) // Востоковедение и мировая культура. К 80-летию академика С.Л. Тихвинского. М., 1998. С. 362–381.
- ¹⁸ *Гудошников Л.М.* Становление и модернизация правовых институтов // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999. М., 1999. С. 411–428.
- ¹⁹ *Ахметшин Н.Х.* Переходные процессы в КНР: государство и общество (80–90-е годы) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13: Востоковедение. М., 1996. № 2. С. 42–54.
- ²⁰ *Гудошников Л., Яковлев М.* Обновление законодательства КНР о политико-юридических органах // ПДВ. 1996. № 1. С. 54–63.
- ²¹ *Егоров К.А.* Представительная система Китая: история и современность. М., 1998.
- ²² *Гудошников Л.М., Асланов Р.М., Степанова Г.А.* Политическая система Китайской Народной Республики (структура основных институтов власти). М., 1996.
- ²³ *Антонов В.И.* О реформе органов государственной власти КНР в 1993–1994 гг. // Китайские традиции, культура и проблемы модернизации // V МНК ККЦиМ: тез. докл. М., 1995. С. 23–29.
- ²⁴ *Степанова Г.А.* Система многопартийного сотрудничества в Китайской Народной Республике. М., 1999.
- ²⁵ *Емельянова Т.М.* Сравнительное исследование организаций самоуправления в Китае / Перспективы сотрудничества Китая, России и других стран Северо-Восточной Азии в конце XX – начале XXI века // VIII МНК ККЦиМ: тез. докл. М., 1998. С. 47–54.
- ²⁶ *Емельянова Т.М.* Проблемы женского движения в КНР (90-е годы) // Китайские традиции, культура и проблемы модернизации // V МНК ККЦиМ: тез. докл. М., 1995. С. 35–44.
- ²⁷ *Пащенко Е.* Экономическая реформа в КНР и гражданское право. М., 1997.
- ²⁸ *Горбачев Б.Н.* Вооруженные силы Китая: роль в общественно-политической жизни КНР в 1949–1979 годы. М., 1999.
- ²⁹ *Кузык Б.Н., Титаренко М.Л.* Китай – Россия 2050: стратегия соразвития. М., 2006.
- ³⁰ Как управляется Китай: Эволюция властных структур Китая в конце XX – начале XXI в. / Гл. ред. Титаренко. М., 2004. Первое издание этой книги появилось в 2001 г.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. С. 43–44, 69–70.
- ³³ *Мамаева Н.Л.* Партия и власть: Компартия Китая и проблема реформы политической системы. М., 2007.
- ³⁴ *Смирнов Д.А.* Идеино-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину. М., 2005.
- ³⁵ *Кокарев К.А.* Политический режим и модернизация Китая. М., 2004.
- ³⁶ Как управляется Китай... С. 167–172, 179, 44, 69–70.
- ³⁷ Там же. С. 295, 301–302.
- ³⁸ Там же. С. 345.
- ³⁹ Там же. С. 370.
- ⁴⁰ *Трощинский П.В.* Юридическая ответственность в праве Китайской Народной Республики. М., 2011.
- ⁴¹ *Трощинский П.В.* Основные этапы формирования правовой системы Китайской Народной Республики // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. М., 2012. № 4. С. 77–78.
- ⁴² *Воскресенский А.Д.* Политические системы и модели демократии на Востоке. М., 2007. С. 103–106, 115.
- ⁴³ *Виноградов А.В.* Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М., 2005. С. 202.
- ⁴⁴ *Виноградов А.В.* Россия – Китай: параметры общности политической системы // КНР: проблемы демократизации и государственного управления // ИМ ИДВ РАН. Сер. В: Общество и государство в Китае в период реформ. М., 2007. Вып. 21. С. 83–84.
- ⁴⁵ *Галенович Ю.М.* Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае. М., 2006. С. 363–364.

- ⁴⁶ Галенович Ю.М. Коммунистическая партия Китая перед своим XVIII съездом // Десятилетие устойчивого развития // ИМ ИДВ РАН. Сер. В: Общество и государство в Китае в период реформ. М., 2012. Вып. 27. С. 16–17, 20.
- ⁴⁷ Портяков В.Я. От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI в.: Очерки. М., 2006. С. 39, 57.
- ⁴⁸ Бородич В.Ф. Проблемы трансформации политических систем России и Китая (конец XX – начало XXI в.): опыт сравнительного анализа. М., 2008. С. 228, 238–239.
- ⁴⁹ Ганишин В.Г. Формирование гражданского общества в России и Китае. М., 2007. С. 76, 82.
- ⁵⁰ Ганишин В.Г. Китай: искушение либерализмом. М., 2009. С. 172, 176.
- ⁵¹ Политическая система и право КНР в процессе реформ 1978–2005. М., 2007. С. 78, 87–88.
- ⁵² Там же. С. 89–120, 165, 172.
- ⁵³ Москалев А.А. Нация и национализм в Китае: эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму. М., 2005. С. 213, 222, 228.
- ⁵⁴ Лазарева Т.В. Развитие и прогресс Синьцзяна (по материалам китайской печати) // Внутренняя политика КНР: история и современность ИМ ИДВ РАН. Сер. В: Общество и государство в Китае в период реформ. М., 2011. Вып. 26. С. 206–223; *Она же*. Автономный район Внутренняя Монголия – 60 лет со дня образования // КНР: поиски стабильности на пике мирового финансового кризиса. ИМ ИДВ РАН. Сер. В: Общество и государство в Китае в период реформ. М., 2009. Вып. 24. С. 251–266.
- ⁵⁵ Лазарева Т.В. Проблемы миграции и перемещения неханьского населения КНР в современных условиях // КНР: проблемы демократизации и государственного управления. ИМ ИДВ РАН. Сер. В: Общество и государство в Китае в период реформ. М., 2007. Вып. 21. С. 179–180.
- ⁵⁶ Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай – Россия 2050: стратегия соразвития. М., 2006. С. 47, 81–82.
- ⁵⁷ Мамаева Н.Л. Коммунистическая партия Китая в процессе реформы политической системы КНР // Как управляется Китай... С. 91.
- ⁵⁸ Как управляется Китай... М., 2004. С. 205–206.
- ⁵⁹ Воскресенский А.Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. М., 2007. С. 114–115.
- ⁶⁰ Смирнов Д.А. Идеино-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину. М., 2005. С. 307.
- ⁶¹ Смирнов Д.А. Особенности трансформации идейно-политической основы модернизации КНР // ПДВ. 2011. № 5. С. 24.
- ⁶² Портяков В.Я. От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI в.: Очерки. М., 2006. С. 60–61.

Глава IV

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ В РОССИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

ПЕРИОД 1990-х гг.

Изучение международных отношений и внешней политики КНР в 1990-е гг. претерпело существенные изменения. Это было обусловлено целым комплексом факторов и причин.

Главным, определяющим моментом явилось конституирование в качестве независимого самостоятельного государства Российской Федерации. Стремясь сохранить и упрочить отношения со своим крупнейшим восточным соседом, нормализованные после трех десятилетий раздора и даже вражды лишь на закате существования СССР – в мае 1989 г., постсоветская Россия одновременно не скрывала своего намерения ориентироваться прежде всего на Запад, видя в этом определенные гарантии продвижения по пути демократизации и рыночных реформ, а также в расчете на финансовую помощь капиталистических стран. Такой подход с самого начала ввел двусторонние российско-китайские отношения в прагматичное русло и на корню пресек попытки придать им какую-либо идеологическую окраску. Это позволило начать изучение международных отношений и внешней политики КНР, ставя во главу угла национально-государственные интересы новой России, отойти от не выдержавших проверку временем и практикой прежних идеологических конструкций и лозунгов.

Вполне естественно, что различия в понимании интересов своей страны и в видении оптимального вектора долгосрочного развития России предопределили появление существенного разнобоя в подходах российских ученых к международным отношениям Китая и российско-китайскому взаимодействию. Можно в обобщенном виде выделить три группы исследователей: сторонники самого тесного сближения с Китаем, нередко ратовавшие одновременно и за «китайский путь» для российских реформ; приверженцы традиционно-подозрительного видения Китая, настороженно воспринявшие разворот официального Пекина к политике добрососедства и партнерства; наконец, исследователи, ориентировавшиеся на приоритет для России европейских ценностей и потому с долей алармизма отслеживавшие усиление международных позиций Китая.

При всех неизбежных издержках «разномыслие» оказалось намного более эффективным инструментом объективного, непредвзятого анализа международной деятельности Китая, прежде всего на российском направлении, чем прежнее приказное единомыслие.

Несколько утрируя, можно сделать парадоксальный вывод: впервые за долгие годы анализ современной внешней политики Китая возглавили именно ученые. Не секрет, что в советское время эта сфера была прерогативой почти исключительно МИД и Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран.

В исследовании международных отношений Китая произошли и другие существенные изменения. Изучение этого предмета вышло за пределы Москвы. Особенно активно в этот процесс включился Дальний Восток, и прежде всего китаеведы Владивостока. Кроме того, изучение Китая и российско-китайских отношений перестало быть привилегией китаеведов, привлекая нарастающее внимание политологов различных направлений, в том числе глобалистов, американистов, специалистов по России.

Принципиально важное значение имели и качественные сдвиги в самом предмете исследования – внешней политике КНР. В конце 1980-х гг. переживавший посттяньань-мэньский синдром Китай не только столкнулся с попытками изоляции со стороны Запада, но и сам отчасти склонялся к проведению весьма замкнутой, полуизоляционистской политики. Ситуацию переломила поездка архитектора китайских реформ Дэн Сяопина на юг весной 1992 г., обеспечившая в конечном счете поворот страны к рыночным реформам и активизацию политики внешнеэкономической открытости. Ее новый тур, начатый в 1992 г., был адресован прежде всего России и республикам Центральной Азии. С 1992 г. началось активное присоединение КНР к основным международным договорам и конвенциям. Была провозглашена и стала апробироваться новая для Китая политика добрососедства и установления различных форм партнерства со многими государствами мира. Опубликованные в 1993 г. МВФ и Всемирным банком высокие оценки ВВП Китая привлекли всеобщее внимание к китайской модели реформ и модернизации. Пекин вступил в Организацию Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, активизировал связи с АСЕАН, начал разрабатывать новое для него центрально-азиатское направление внешней политики. Все большее значение в международном позиционировании Китая стал приобретать американский фактор. Все это создавало широчайшее поле для исследовательской работы российского китаеведения.

Нельзя не упомянуть существенно изменившуюся общую атмосферу научной работы. Открытие доступа ко многим ранее закрытым архивам расширило тематику, обогатило фактическую базу и инструментарий исследований. Регулярными стали контакты с китайскими учеными, в том числе в ходе более частых, чем раньше, научных командировок в КНР. Доступнее стали периодика и новая научная китайская литература по тематике исследований, появились научные контакты с зарубежными коллегами-китаеоведами. Более массовыми стали выезды российских китаеведов на конференции Европейской Ассоциации Китаеведения (ЕАК), в том числе в 1994 г. – в Прагу, в 1996 г. – в Барселону и в 1998 г. – в Эдинбург. Это позволило в конечном счете выиграть право проведения конференции ЕАК в Москве (состоялась в 2002 г.).

Заметные изменения претерпели формы исследовательской работы и реализации результатов научных исследований. Важную роль стало играть проведение регулярных конференций с институтами-партнерами, например, между ИДВ РАН и Китайским институтом (ныне – Академия) современных международных отношений (проводятся с 1992 г. по настоящее время поочередно в России и в Китае).

Российские китаеведы стали привлекаться к работе различных международных круглых столов (например, по проблемам Северо-Восточной Азии), семинаров (конференции «Вилтон-парк» в Великобритании) и т.п.

Ряд важных международных конференций был организован с прицелом на активное участие именно российских экспертов. Можно упомянуть первую зарубежную конференцию, посвященную вопросу современной китайской миграции в Сибири и на Дальнем Востоке. Она была организована Технологическим университетом Джорджии в Атланте

в декабре 1994 г. С российской стороны участвовали представители научных центров Москвы, Хабаровска и Владивостока.

Приобрела внушительные масштабы и стала весьма авторитетной регулярная конференция «Китай, китайская цивилизация и мир» (ИДВ РАН, впервые была проведена в 1990 г.). Несмотря на финансовые трудности, сохранили высокий научный уровень традиционные конференции с широким участием китаеведов в Институте востоковедения РАН «Общество и государство в Китае» и источниковедческая и историографическая конференция на Восточном факультете СПбГУ. Отдельные конференции по проблемам международных отношений Китая прошли в 1990-е гг. в Институте стран Азии и Африки при МГУ, в Дипломатической академии МИД РФ.

Важным новым изданием по проблемам внешней политики КНР стал ежегодный сборник статей «Китай в мировой и региональной политике (История и современность)», который издается в ИДВ РАН с 1995 г. Во Владивостоке начал издаваться журнал «Россия и АТР» (отв. ред. В.Л. Ларин), помещающий немало материалов по внешней политике КНР и российско-китайским отношениям. В частности, в 1993–1994 гг. в нем были опубликованы результаты первого в России социологического опроса китайских мигрантов, работавших в Приморском крае.

С середины 1990-х гг. публикацию материалов о Китае, в том числе о российско-китайских отношениях, начал Московский центр Карнеги. Один из номеров журнала этого центра «Pro et Contra» был целиком посвящен российско-китайским отношениям в различных сферах.

Отечественное китаеведение в этот период вышло на новую для него российскую политическую арену. Китаеведы участвовали в ряде обсуждений в Государственной думе, активно привлекались к работе Комитета Госдумы по международным делам (в период, когда им руководил В.П. Лукин) и в качестве экспертов по Китаю к деятельности Совета Федерации.

Определенную модификацию претерпела и структура научных исследований.

На приоритетное место вышли изучение и прогнозирование развития современных российско-китайских отношений, рассматриваемых как в собственно двустороннем плане, так и в более широком контексте политики России в Азии и в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Поначалу второй подход даже доминировал. Это косвенно отражало стремление МИД РФ показать, что для разворачивающейся на Восток России Китай является, безусловно, важным партнером, но отнюдь не единственным. Серьезные надежды возлагались на развитие связей с западным побережьем США, с Японией, Республикой Корея и даже с Австралией. Надо сказать, что и иностранцы практически вплоть до дефолта 1998 г. проявляли повышенный интерес к российскому Дальнему Востоку и сохраняли надежду на его активное включение в интеграционные процессы в Северо-Восточной Азии.

Вполне закономерно, что в этот период был опубликован целый ряд работ, посвященных выявлению интересов России и моделям ее позиционирования в Восточной Азии¹. Особенно заметный научный резонанс имел коллективный научный доклад большой группы сотрудников ИДВ РАН «Интересы России в Северо-Восточной Азии и перспективы использования многостороннего сотрудничества со странами региона для развития российского Дальнего Востока», который в марте 1995 г. был обсужден на заседании Бюро Отделения экономики РАН². В докладе впервые в постсоветской российской науке была подчеркнута необходимость широкого использования торгово-экономических связей с сопредельными странами для подъема Сибири и Дальнего Востока, дана оценка полезности для России основных интеграционных проектов в Северо-Восточной Азии, в том числе таких, как «Кольцо Японского моря», «Кольцо Желтого моря и Бохайского залива», «Туманганский проект». Среди рекомендаций правительству России по итогам обсужде-

ния доклада фигурировало предложение о создании министерства развития и освоения Восточной Сибири и Дальнего Востока с широкими полномочиями (подобный орган был учрежден в составе правительства страны в 2012 г.).

На основе доклада была подготовлена коллективная монография «Российский Дальний Восток и Северо-Восточная Азия. Проблемы экономического сотрудничества» (Москва, 1998, руководители проекта М.Л. Титаренко и А.В. Островский), где среди прочего впервые были комплексно рассмотрены проблемы новой китайской миграции на Дальнем Востоке России и его торгово-экономического взаимодействия с КНР.

Постепенно, однако, в центр исследований стали выдвигаться собственно российско-китайские отношения. Как отметил А.Г. Яковлев, бывший в 1990-е гг. одним из ведущих российских исследователей международных отношений КНР, «в неохватной проблематике, которую затрагивает тема «Россия и Азия»... китайский компонент по всем его основным параметрам является центральным, ключевым, а потому наиболее актуальным как предмет исследования». Он предложил методологию анализа отношений РФ с КНР, подчеркнув, что для понимания сущности современных российско-китайских отношений и их эволюции следует «беспристрастно оценить качество России и Китая как субъектов мировой и региональной политики» и как взаимодействующих сторон, а также «беспристрастно охарактеризовать те новые конкретно-исторические международные условия, в которых возникли и будут развиваться взаимосвязи двух стран»³.

Отталкиваясь от собственного анализа базовых характеристик двух государств и их места в системе международных отношений в середине 1990-х гг., А.Г. Яковлев констатировал: «Вырисовывающаяся общность исторической судьбы не может не сближать объективные национально-государственные интересы России и Китая, а следовательно, не может не влиять позитивно на характер двусторонних отношений». В то же время, по мнению ученого, «осознание этой общности судеб далеко от требуемого уровня». Итоговый вывод и одновременно прогноз А.Г. Яковлева был таков: «В уже начавшейся борьбе народов за достойное выживание у России и Китая нет более надежных гарантий, чем опора на собственные силы, тесное взаимодействие друг с другом и с мировой периферией». Ученый нащупал едва ли не главный «болевого нерв» всей стратегии укрепления отношений России с Китаем, а именно ее неприятие сторонниками тесного сближения РФ с Западом. По мнению А.Г. Яковлева, Россия должна бороться с зависимостью от Запада, с той опасностью, которая уже существует и усиливается, а не с гипотетической «односторонней зависимостью от Китая, вероятность которой сомнительна»⁴.

Несмотря на определенные шероховатости в налаживании диверсифицированного многоуровневого сотрудничества, Россия и Китай в 1990-е гг. сделали, по словам посла РФ в КНР И.А. Рогачева, общий «исторический выбор в пользу добрососедства, дружбы и сотрудничества на долгие времена», выразившийся во введенной в оборот в 1996 г. емкой формуле «развитие отношений равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке»⁵. Многие конкретные аспекты, направления и этапы кропотливого выстраивания разветвленного механизма повседневных двусторонних отношений нашли отражение в подготовленном МИД РФ «Сборнике российско-китайских договоров. 1949–1999 гг.» (Москва: Терра-Спорт, 1999.). Вполне естественно, что основные особенности политики России на китайском направлении и важнейшие российско-китайские договоренности по международным и двусторонним проблемам регулярно разъяснялись в публикациях российских дипломатов-китаеведов в отечественных средствах массовой информации⁶. Можно констатировать, что выстраивание конструктивных добрососедских отношений с КНР стало одним из основных внешнеполитических успехов России.

Российские китаеведы сыграли заметную роль в научном обеспечении позитивного развития российско-китайских отношений. В.С. Мясников проанализировал факторы

и особенности новой, сформировавшейся в 1990-е гг. модели взаимодействия двух государств. По его мнению, «уровень стратегического партнерства, второй по значимости после союзнических отношений, несет в себе... ряд преимуществ»: «в отличие от союзничества, он не предполагает для России какой-либо ответственности за действия Китая», он повышает уровень доверительности в двусторонних связях и плюс к тому стимулирует другие державы – участницы различных международных многоугольников «подтягиваться в связях с Россией и Китаем до этого высокого уровня отношений»⁷.

А.Д. Воскресенский первым из российских китаеведов применил сценарный подход к прогнозированию возможной эволюции российско-китайских отношений, уделив специальное внимание высокой зависимости этого процесса от тех или иных вариантов развития внутривосточной ситуации в двух странах. Ученый призвал «российских внешнеполитических стратегов» «стремиться к тому, чтобы национально-государственные интересы России и Китая не становились антагонистическими... сохраняя при этом за Россией право на выбор союзников как на Востоке, так и на Западе»⁸.

В отличие от А.Д. Воскресенского, продвигавшего идею оптимальности для России «сбалансированного многомерного партнерства», М.Л. Титаренко в многочисленных выступлениях перед российской и зарубежной аудиторией и в своих публикациях отстаивал абсолютную приоритетность для России добрососедских отношений и стратегического партнерства именно с Китаем, видя в этом как коренное условие защиты безопасности страны и обеспечения ей достойного места в системе международных отношений, так и один из ведущих рычагов подъема Восточной Сибири и Дальнего Востока⁹.

Между тем в постсоветский период российско-китайские отношения обрели важное новое качество: впервые в истории они из де-факто отношений тех или иных ограниченных групп представителей двух народов трансформировались в отношения между двумя народами в полном смысле слова.

Вслед за этим и научный анализ двусторонних связей вышел за рамки рассмотрения отношений только на межгосударственном уровне и охватил такие новые для отечественного китаеведения сферы, как китайская миграция в Россию (В.Г. Гельбрас, А.Г. Ларин и другие), двусторонняя торговля, где в 1990-е гг. были широко распространены «челночные» формы и бартерные операции (Е.В. Спрогис, А.Б. Кулик¹⁰), военно-техническое сотрудничество¹¹.

Усиление в 1990-е гг. многопланового взаимодействия между российским Дальним Востоком и Северо-Востоком Китая дало толчок развитию исследований российско-китайских отношений с регионального и, прежде всего, «дальневосточного угла». Обосновывая необходимость дополнения им центрального, «московского» подхода к развитию двусторонних связей, В.Л. Ларин высказал мнение, что «в демократическом государстве... нельзя строить внешнюю... политику, основываясь только на интересах и понимании ситуации Центром, как бы ни был последний грамотен и умен»¹².

С началом работ по уточнению на местности линии прохождения российско-китайской границы на ее Восточном участке в соответствии с Соглашением 1991 г. часть научной общественности Дальнего Востока выступила с критикой соответствующих действий правительства России, обвиняя его в односторонних уступках Китаю по вопросу о порочном размежевании¹³.

В процессе подготовки к первому визиту президента Б.Н. Ельцина в КНР (декабрь 1992 г.) по поручению Первого департамента Азии МИД РФ в ИДВ РАН было впервые проведено сопоставление уровней экономического развития двух стран. Ученые высказали предположение о высокой вероятности того, что «к концу века Китай перегонит Россию по основным важнейшим показателям общего развития экономики». Кроме того, было отмечено, что «слабость экспортной базы Сибири и Дальнего Востока... обуславливает нерациональную сырьевую структуру нашего экспорта». В связи с этим подчеркивалось,

что «превращение дальневосточного региона в сырьевой придаток Китая не в интересах России»¹⁴. Дальнейшие исследования на этом направлении выявили, что уже через пять-шесть лет, т.е. еще до дефолта 1998 г., Россия впервые за последние 150 лет оказалась на мировой арене «в роли государства, более слабого и менее значимого, чем Китай»¹⁵.

Эта «перемена декораций», болно ударившая по самолюбию граждан России, дала весомый повод для активизации в политологическом сообществе алармистских взглядов на Китай и перспективы российско-китайских отношений. А.Д. Богатуров высказал мнение, что «Китай с его громадным населением и 4300-километровой границей с Федерацией... потенциально остается... источником самой серьезной геополитической опасности для России», в том числе и потому, что российская сторона не имеет опыта эффективного реагирования на «мирное китайское проникновение на русский Дальний Восток»¹⁶. Д.В. Тренин из Московского центра Карнеги нарисовал широкий спектр угроз для России в связи с возвышением Китая, выделив в качестве главной «возникновение чрезмерно большой односторонней зависимости России от КНР в экономике или политике, которая приведет Москву к утрате свободы внешнеполитического... маневра»¹⁷.

Нельзя не отметить, что даже в очень тяжелые для России в социально-экономическом плане 1990-е гг. теория «китайской угрозы» не оказала заметного эффекта на российское общество. Напротив, успехи Китая не отпугнули россиян от него, а сделали его опыт развития и экономических преобразований более привлекательным и популярным. Анализ опыта реформ в КНР в свете их возможного использования в России активно шел на протяжении всех 1990-х гг. в ИДВ РАН и был обобщен в сборнике «Китайские реформы и Россия»¹⁸. Цикл статей, посвященный сопоставлению опыта развития и реформ в двух странах, опубликовал В.Я. Портяков¹⁹.

Несомненно, алармизм в России по отношению к Китаю был в этот период существенно перевешен той озабоченностью за свою национальную безопасность, с которой основная часть граждан страны восприняла вмешательство НАТО и США в конфликт в бывшей Югославии на стороне оппонентов Сербии. Этот фактор, непосредственно затронувший и КНР в виде бомбардировки ее посольства в Белграде, прямо способствовал сближению Москвы и Пекина и активизации их сотрудничества как на международной арене, так и в двустороннем формате.

При всей практической важности и острой актуальности анализа формирующихся отношений с Китаем новой, постсоветской России из поля зрения отечественных китаеведов в 1990-е гг. не выпал и длительный предшествующий период межгосударственного взаимодействия. Как констатировал А.Д. Воскресенский, развитие отношений с КНР на современном этапе должно «в полной мере учитывать опыт прошлого и... базироваться на парадигме преемственности»²⁰. Он же в ряде своих работ выдвинул в качестве ключевого для понимания существа исторически сложившихся двусторонних отношений положение о том, что «общей чертой почти 400-летних связей двух стран являлся их мирный характер: Россия и Китай ни разу не находились в состоянии официально объявленных военных действий... Проблемы в их отношениях... в принципе всегда удавалось решить путем дипломатических переговоров»²¹. Эта точка зрения, несмотря на отдельные попытки ее оспорить²², стала доминирующей в российском китаеведении и была широко растиражирована в последующих работах различных авторов.

Важнейшее место в исследовании русско-китайских отношений в период до 1917 г. занимали вопросы территориального размежевания двух государств и его договорно-правового оформления. Крупным научным событием в китаеведении 1990-х гг. стала монография ведущего российского специалиста по данной проблематике В.С. Мясникова «Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв.». В работе на основе обширных архивных источников детально изложена базовая российская версия основных этапов формирования границы между Россией

и Китаем. Опираясь на опыт непростых переговоров с Китаем по вопросу о линии прохождения границы, которые вели Советский Союз и ряд других государств, В.С. Мясников сделал вывод, что китайская дипломатия «абсолютизировала историческую аргументацию для обоснования своих притязаний на территории соседних государств, отталкиваясь при этом от сфабрикованного ею тезиса об «исторической несправедливости» границ Китая»²³.

Российско-китайские отношения в начале XX в. на региональном уровне – в Маньчжурии, Монголии, Синьцзяне, Тибете – стали предметом активной исследовательской деятельности Е.А. Белова²⁴.

В числе новых сюжетов из истории российско-китайских отношений в период до 1917 г., привлечших внимание российских китаеведов в 1990-х гг., следует выделить работы о деятельности Российской духовной миссии в Пекине и православии в Китае²⁵.

Гораздо более многочисленными в 1990-е годы были исследования различных аспектов советско-китайских отношений.

Публикация первых двух томов сборника документов «ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае»²⁶ заметно укрепила источниковедческую базу исследования двусторонних отношений в 1920-х гг.

В монографии В.С. Кузнецова о внешней политике Китая в гоминьдановский период были рассмотрены советско-китайские конфликты и трения вокруг КВЖД и Маньчжоу-Го²⁷. На основе изучения архивных документов Р.А. Мировицкая проанализировала роль советско-китайских отношений в формировании китайской государственности в сложнейшие годы Тихоокеанской войны (1941–1945)²⁸. Посол А.М. Ледовский исследовал роль СССР и И.В. Сталина в развитии событий в Китае в период 1937–1952 гг. В его книгу вошли как личные воспоминания автора, работавшего в те сложные годы в Китае, так и его статьи о чрезвычайно важных поездках А.И. Микояна в Китай в январе – феврале 1949 г. и делегации Компартии Китая во главе с Лю Шаоци в Москву в июне – августе 1949 г., в ходе которых ««оттачивался» формат отношений СССР с будущей Китайской Народной Республикой»²⁹.

На базе архивных материалов был предпринят углубленный анализ особенностей внешней политики КНР периода «великой дружбы», т.е. 1950-х гг. (Б.Т. Кулик³⁰), причин и последствий советско-китайского раскола (Л.П. Делюсин, Н.П. Рябченко, Б.Т. Кулик³¹), особенностей двусторонних отношений в 1980-е гг. Б.Т. Кулик высказал точку зрения, что нормализация отношений между СССР и КНР, достигнутая в 1989 г., состоялась на китайских условиях: «Пекин добился удовлетворения всех своих требований, не сделав ни одной уступки Москве». Комментируя беседу Дэн Сяопина с М.С. Горбачевым 16 мая 1989 г., в ходе которой китайский лидер предложил знаменитую формулу развития двусторонних отношений «закрыть прошлое, открыть будущее», Б.Т. Кулик заметил: «...историю советско-китайских отношений невозможно закрыть ни односторонними, ни даже двусторонними заявлениями. Ее толкование Дэн Сяопином... не означает, что она не подлежит научному анализу... К ней и впредь будут обращаться как российские, так и китайские исследователи»³².

Как известно, в Китае по сей день публикуется немало исследований по советскому периоду двусторонних отношений, обосновывающих китайскую точку зрения на этот период в целом и на многие ключевые события и эпизоды (в числе наиболее популярных назову работы Шэнь Чжихуа). Уже в начале 1990-х гг. появились первые публикации по этой проблеме Ю.М. Галеновича, взявшего на себя миссию защиты отечественной точки зрения по данному непростому вопросу. Пионерской на этом направлении стала его монография «“Белые пятна” и “болевые точки” в истории советско-китайских отношений», в которой с использованием широкого круга китайских источников были проанализированы многие важные события и аспекты межгосударственных контактов в периоды 1917–1949 гг. и 1949–1991 гг.³³

Для полноты картины укажем еще на два новых направления исследований двусторонних отношений, появившихся в 1990-е гг. Это изучение различных аспектов жизнедеятельности российской эмиграции в Китае, представленное научными работами Г.В. Мелихова, Е.П. Таскиной³⁴ и воспоминаниями многих «харбинцев» и «шанхайцев», а также исследование китайской советологии (одна из первых работ по теме принадлежит К.В. Внукову³⁵), а после 1991 г. – русистики.

Радикальные изменения в международной обстановке предопределили появление в российском китаеведении новых приоритетных направлений в изучении внешней политики КНР в целом.

На одно из первых по значимости мест вышел анализ сначала двусторонних китайско-индийских отношений, а затем и взаимосвязей в вероятном трехстороннем формате Россия – Индия – Китай. Как прогнозировал в 1996 г. А.Г. Яковлев, «Россия, Китай и Индия, поставленные ходом истории на одну сторону линии нового разделения мира на сверхразвитый центр и периферию, неизбежно придут к прямому и косвенному взаимодействию по самому широкому кругу глобальных и региональных проблем»³⁶.

Подчеркну, что идея формирования такого «треугольника» была выдвинута китаеведами раньше, чем она прозвучала у Е.М. Примакова, а само рассмотрение проблемы по существу³⁷ несколько опередило аналогичный анализ, предпринятый российскими индологами³⁸.

По логике вещей, одним из приоритетов должно было бы стать исследование политики КНР в отношении бывших советских республик, которые в конце 1991 г. стали членами Содружества Независимых Государств (СНГ). Предпосылки для этого были. В первой половине 1990-х гг. китаеведы СНГ еще «по инерции» тянулись к контактам с российскими синологами. Сохранялись неплохие связи с наукой Украины. В 1993–1995 гг. группа китаеведов ИДВ РАН трижды выезжала в Киев для участия в конференциях и чтения лекций. Затем, однако, связи стали слабеть, и в конечном счете в фокусе внимания осталась только политика Китая в Центральной Азии³⁹. На сколько-нибудь детальное изучение связей КНР с другими членами СНГ элементарно не хватило сил.

Изучение в России китайско-американских отношений активизировалось во второй половине 1990-х гг., когда взаимное китайско-американское «прощупывание» в основном завершилось и политика «вовлечения» (engagement), проводившаяся в отношении КНР администрацией Б. Клинтона, приобрела зрелые очертания. Следует отметить публикации Б.Н. Занегиной, В.Н. Барышниковой⁴⁰.

Ю.М. Галенович проанализировал возможное влияние китайско-американских отношений на китайско-российские, рассмотрел по китайским источникам эволюцию модели китайско-американских взаимосвязей за 150 лет. Ученый сделал весомый итоговый вывод, полностью подтвердившийся дальнейшим ходом событий: «В конце XX века наступил исторический период непосредственных взаимоотношений Китая и Америки как двух главных держав на мировой арене. Именно в этой связи китайско-американские отношения приобретают важнейшее значение... для России»⁴¹.

Что касается изучения отношений КНР с другими странами и регионами, то его интенсивность, как правило, определялась в первую очередь энтузиазмом и работоспособностью конкретных исследователей. В 1990-е гг. вышел в свет ряд публикаций Т.Л. Дейча о политике Пекина в Африке⁴². С.Г. Лузянин раскрыл новые аспекты и нюансы российско-китайско-монгольских отношений⁴³, Е.И. Сафронова продолжила анализ политики КНР в развивающемся мире с особым акцентом на вычленение в ней новых моментов⁴⁴. Существенный вклад в анализ отношений между КНР и Японией в двустороннем формате и в региональном контексте внес японовед А.В. Семин⁴⁵.

Вместе с тем изучение политики КНР в отношении социалистических стран и стран Восточной Европы, бывшее в 1970–1980-х гг. одним из ведущих в сфере международной проблематики, практически сошло на нет.

В 1990-е гг. усилиями Е.Д. Степанова было плодотворно продолжено изучение истории формирования границ Китая и его пограничной политики как на сухопутных, так и на морских рубежах⁴⁶. Без преувеличения можно утверждать, что буквально все, написанное автором по данному кругу проблем, остро актуально и в наше время. В ряде случаев исследования Е.Д. Степанова содержат весьма важные нюансы, позволяющие высветить дополнительные грани обострившихся в последние годы конфликтов КНР с ее соседями по поводу принадлежности островов Наньша (Спратли) в Южно-Китайском и Дяюйдао (Сэнкаку) в Восточно-Китайском морях. Приведу лишь одну цитату: «Анализ документов, публикаций и картографических материалов Китайской Народной Республики позволяет сделать вывод о том, что вопрос о принадлежности о-вов Сенкаку, поставленный по инициативе тайваньской администрации (в 1970–1971 гг. – *В.П.*), возник для Пекина совершенно неожиданно. Он оказался неподготовленным к нему. Тем не менее, он незамедлительно поддержал тайваньскую «инициативу», увидев... возможность... получить в свои руки политический рычаг для давления на японское правительство»⁴⁷.

Российские китаеведы уделили определенное внимание изучению модификаций в теории и концепциях внешней политики страны в начале 1990-х гг. Проанализировав различные оценки в Китае международной ситуации периода 1990–1992 гг., А.А. Волохова и О.Н. Воропаева справедливо выделили в качестве одной из наиболее перспективных идею начавшейся трансформации мировой архитектоники из двухполюсной в многополюсную. Следование ей давало Китаю целый ряд выгод: позволяло актуализировать принцип развития отношений со всеми государствами на основе пяти принципов мирного сосуществования, делало морально оправданным наращивание его собственной комплексной мощи⁴⁸.

Однако в 1990-е гг. идея продвижения мира к многополярности еще не воспринималась как нечто само собой разумеющееся. Ее последовательным оппонентом был А.Г. Яковлев, утверждавший, что «биполярность – главный параметр мирового сообщества и вчера, и сегодня, и завтра». Первым полюсом он считал Запад, развитый мир, а другим – периферию, все страны «догоняющего развития», которые А. Тойнби квалифицировал как «внешний пролетариат». Политическую многополюсность периферии А.Г. Яковлев называл исключительно вредной, чреватой «ее тотальным поражением в не очень отдаленном будущем». Самый же важный фактор формирования периферии в качестве «глобального политического полюса» ученый видел в становлении стратегического партнерства Китая, России и Индии⁴⁹.

На широком историческом фоне изменения в теории внешней политики Китая в 1990-е гг. были проанализированы в монографии А.А. Свешникова «Внешнеполитические концепции КНР и концептуальные представления китайских специалистов-международников». Автор сумел наглядно показать острую борьбу в китайском экспертном сообществе по вопросу о главных противоречиях на международной арене, прямо влияющую на выбор тех или иных приоритетов внешней политики страны. В частности, А.А. Свешников уделил особое внимание взглядам Хэ Фана (в ту пору – директор института Японии АОН Китая), который последовательно стремился «увести» Китай в тень, называя главным в современном мире противоречие не между «Востоком» и «Западом» или «Севером» и «Югом», а между развитыми странами – США, Японией, европейскими государствами. Этот отправной тезис давал Хэ Фану основание декларировать необходимость для Китая ориентироваться не на Россию, а на США: «Центральные задачи Китая и России – экономическое строительство. В экономической области Россия не может опираться на нас, мы тоже не можем опереться на Россию. В развитии экономики, подъеме технического уровня мы можем опираться только на Америку, Японию, Западную Европу, на это надо смотреть честно»⁵⁰.

А.А. Свешников обратил также внимание на то, что существенное содержание двусторонних российско-китайских политических документов, в том числе совместной Декларации

о многополярном мире и формировании нового международного порядка (23 апреля 1997 г.), «основывается главным образом на концептуальных разработках китайской стороны... Хорошо это или плохо, но «общий язык» по существу является языком китайской стороны»⁵¹.

* * *

Итоги изучения в России в период 1992–1999 гг. международных отношений и внешней политики КНР оказались весьма плодотворными. На должном уровне было обеспечено научное сопровождение российской внешней политики на китайском направлении, в Восточной Азии и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. Характерное для тех лет столкновение – и в научной среде, и в обществе – различных точек зрения позволило в конечном счете выработать близкий к оптимальному алгоритм стратегического взаимодействия России с Китаем. Он базируется на трех принципах: неизменное уважение друг к другу, ориентация на собственные национально-государственные интересы, неуклонный поиск точек соприкосновения и взаимоприемлемых решений.

Может быть, «урожай» 1990-х гг. по формальным критериям вроде количества опубликованных монографий оказался не столь уж и велик, но созданный в этот период серьезный интеллектуальный задел, освоение новых тем и форм исследований, сама атмосфера творческой свободы заслуживают высокой оценки.

ПЕРИОД НУЛЕВЫХ И НАЧАЛА 10-х гг. XXI в.

Период 2000-х гг. по сравнению с 1990-ми гг. отмечен существенным расширением масштабов и заметной диверсификацией форм и методов изучения в России международных отношений и внешней политики КНР. Это напрямую связано с укреплением в 2000-е гг. позиций Китая в мировой экономике и политике, последовательным развитием и углублением двустороннего российско-китайского сотрудничества, сходством подходов РФ и КНР ко многим международным проблемам и событиям в тех или иных «горячих точках», с растущим вовлечением значительных масс населения двух стран в непосредственные контакты друг с другом – туристические, образовательные, торгово-экономические, культурные. Наконец, заметно возрос вес китайского фактора в выборе Россией приоритетной самоидентификации – евроатлантической или, напротив, евразийско-тихоокеанской.

Для приграничных с КНР российских регионов многоплановые связи с соседними китайскими городами и провинциями начали абсолютно доминировать в их международных связях в целом. Постепенно не только Владивосток и Хабаровск, но также Благовещенск и Чита становились площадками проведения крупных регулярных конференций и подготовки изданий по Китаю с анализом российско-китайских отношений и другой проблематики, связанной с КНР. Аналогичные события периодически происходили также в Барнауле, Екатеринбурге, Челябинске, Томске, Красноярске. В последние годы исследование международных отношений Китая активизировалось в Санкт-Петербурге, прежде всего на факультетах Международных отношений и Восточном СПбГУ.

В Москве в целом сохранилась исторически сложившаяся ведущая роль ИДВ в изучении современного Китая и внешней политики КНР. Вместе с тем интересные труды по различным аспектам международных отношений КНР были созданы в МГИМО (У), Дипломатической академии МИД РФ, Институте мировой экономики и международных отношений, Институте востоковедения и Институте Африки РАН.

Намного шире, чем в 1990-е гг., публикации российских китаеведов-международников оказались представлены в отечественных газетах, в том числе в ведущих – «Коммерсант»,

«Независимая газета», «Время новостей» (до 2011 г.), «Российская газета», и в журналах. К традиционным изданиям – «Восток», «Азия и Африка сегодня», «Проблемы Дальнего Востока», «Мировая экономика и международные отношения» – добавились новые, регулярно публикующие статьи о внешней политике КНР и ее позиционировании в системе международных отношений – «Россия в глобальной политике», «Международные процессы», вестники ряда вузов, в том числе Восточного факультета СПбГУ и ИСАА при МГУ. Чаще, чем прежде, статьи об отношениях Китая с Россией, США и с другими странами стал помещать журнал МИД РФ «Международная жизнь».

В предкризисный период на протяжении нескольких лет издавался иллюстрированный ежемесячный журнал «Россия – Китай: XXI век» (гл. ред. А.В. Лукин), пользовавшийся популярностью как у специалистов-китаеведов, так и у широкой общественности. С учетом востребованности китайской проблематики практиковался выпуск специальных номеров «интеллектуальных» журналов, посвященных Китаю и его международным отношениям. Например, «журнал для медленного чтения» «Отечественные записки» подготовил спецвыпуск «Дыхание Китая» (2008, № 3), авторами которого стали около полутора десятков экспертов, пишущих на китайские темы.

Российские ученые в 2000-е гг. стали активно привлекаться к комментированию политики Китая на радио (Радио России, китайская редакция Радио России, «Эхо Москвы»), телевидении, на лентах и в передачах российских, китайских и иностранных информационных агентств и Интернет-сайтов.

Чаще, чем в 1990-е гг., стали проводиться очные и заочные круглые столы. Так, в 2005 г. в ИДВ РАН был проведен круглый стол, посвященный анализу сборника материалов самой представительной за долгие годы конференции в КНР по китайско-российским отношениям⁵², в конце 2010 г. – круглый стол «Меняющийся Китай в меняющемся мире»⁵³, в 2012 г. – заочный «Круглый стол российских и американских китаеведов об истории, современном этапе и возможных перспективах отношений в треугольнике “Россия – Китай – США”»⁵⁴.

Наряду с традиционными аспектами международных отношений КНР внимание ученых привлекает внешнеполитический инструментарий Пекина, включая политику партнерства, добрососедства, позиционирования в ООН, экономическую дипломатию⁵⁵.

Попадают в поле зрения исследователей и вопросы народной дипломатии – следует выделить фундаментальный труд Г.В. Куликовой об Обществе российско-китайской дружбы⁵⁶, а также относительно новые сюжеты, связанные с попытками КНР улучшить свой образ в мире за счет активного использования инструментов «мягкой силы»⁵⁷.

Наконец, нельзя не отметить широкое обращение ученых к разного рода опросам общественного мнения по вопросам позиционирования Китая в мире и его отношений с теми или иными странами, которые достаточно регулярно проводятся в западных странах и периодически – в России и в самой КНР⁵⁸.

В нулевые годы XXI в. в России был опубликован ряд монографий, ставших своеобразным итогом изучения отечественными специалистами международных отношений и внешней политики КНР в 1990-е гг.

Творческое сотрудничество квалифицированного коллектива китаеведов, корееведов, японоведов, вьетнамистов, индологов дало возможность издать в 2001 г. фундаментальный труд «Границы Китая: история формирования», остающийся по сей день одной из лучших российских публикаций постсоветского периода по истории международных отношений КНР. Монография, вышедшая под общей редакцией известных ученых-китаеведов В.С. Мясникова и Е.Д. Степанова, имела целью максимально учесть такие новые аспекты международных отношений, как «расчленение Советского Союза и образование новых государств, объединившихся в СНГ», трансформация политики КНР в отношении сопредельных государств и переход к курсу «конструктивного добрососедства».

Одновременно авторы отмечали «обеспокоенность российской общественности» сохранением в научной и популярной литературе современного Китая стереотипов России как «захватчика китайских территорий», «недобросовестного партнера в международных отношениях»⁵⁹. Следует особо отметить анализ Е.Д. Степановым процесса становления морских рубежей Китая⁶⁰ – проблемы, получившей в 2009–2013 гг. особую остроту. Свое видение формирования границ Китая автор попытожил в монографии «Политика начинается с границы: некоторые вопросы пограничной политики Пекина второй половины XX в.»⁶¹.

Анализ территориальных споров о принадлежности расположенных в Южно-Китайском море островов Парасельских и Спратли (Сиша и Наньша) был дополнен и углублен в работах российских специалистов по Юго-Восточной Азии Е.А. Канаева (ИМЭМО РАН), Я.В. Лексютинной (СПбГУ), Д.В. Мосякова (ИВ РАН), В.Н. Колотова (СПбГУ)⁶².

Известный специалист по советско-китайским отношениям Б.Т. Кулик предпринял попытку раскрыть глубинные причины советско-китайского раскола, видя в этом «центральную ось проблемы отношений между КНР и СССР». В его монографии «Советско-китайский раскол: проблемы и последствия» представлен солидный фактический материал, приводится немало интересных фактов. Например, отмечается, что в 1958 г. Н.С. Хрущев, столкнувшись с негативной реакцией Мао Цзэдуна на свое предложение о создании совместного советско-китайского атомного подводного флота и о строительстве длинноволновой радиостанции, буквально сразу же пошел на попятную и дезавуировал его⁶³. Между тем китайские авторы даже в работах 2000-х гг. нередко ссылались на это предложение как свидетельство «намерений Москвы поставить Китай под свой контроль».

В то же время особенности идеологической позиции автора, полагавшего, что «ревизионистские концепции» были активно использованы «прорабами» горбачевской «перестройки» в «антисоциалистических целях», привели его к абсолютно неверному, на мой взгляд, выводу, будто «советско-китайский раздор представляет собой порождение и отражение двух внутренних процессов... – процесса борьбы с капиталистической реставрацией в КНР и процесса вырастания и углубления антисоциалистических тенденций в СССР»⁶⁴. К слову сказать, эволюция советско-китайских отношений и динамика их нормализации была рассмотрена в более традиционном и одновременно в более конструктивном ключе в монографии Ю.С. Пескова «СССР – КНР: от конфронтации к партнерству»⁶⁵.

Своего рода инвентаризация концептуальных основ внешней политики КНР и ее подходов к основным субъектам международных отношений на рубеже XX–XXI вв. была представлена в учебнике МГИМО(У) «Китай в мировой политике», написанном группой экспертов из Москвы (МГИМО, ИДВ РАН, ИВ РАН, МЭМО, ИМЭМО РАН) и Владивостока при участии специалистов из КНР и США⁶⁶. В заключении учебника ответственный редактор-составитель А.Д. Воскресенский дал в целом оправдавшийся прогноз тех стратегических целей, которых в обозримой перспективе намеревался добиваться Пекин во внешней политике. В их числе были названы: признание мировым сообществом территориальной целостности Китая и его особых прав в акватории Южно-Китайского моря, особого положения в Центральной Азии, продвижения употребления китайского языка в Азии⁶⁷. Все эти вопросы сегодня находятся на ведущих местах в перечне внешнеполитических приоритетов КНР.

Адаптации внешнеполитического курса Пекина к существенно изменившимся в 1990-е гг. – после окончания «холодной войны» и распада СССР – международным условиям посвящена монография В.А. Корсуна «Внешняя политика Китая на пороге XXI века». Автор исследовал усилия КНР по выходу из международной изоляции, в которой она оказалась после санкций западных держав, последовавших за трагическими событиями на площади Тяньаньмэнь в Пекине 4 июня 1989 г. Рассмотрена политика Китая на фактически новом направлении – постсоветском пространстве, на Корейском

полуострове и в Азии в целом, а также по отношению к США. В.А. Корсун справедливо обратил внимание на признание в КНР уже в 1990-е г. безальтернативности «тенденции развития мира в направлении многополярности» и на то обстоятельство, что уже к середине указанного десятилетия концепция «глобализации» перестала игнорироваться в Пекине и нашла свое место в его проектах «нового мирового порядка»⁶⁸. Оправдался и общий вывод В.А. Корсуна, отметившего, что в 1990-е гг. «как-то плавно и незаметно происходит... процесс превращения КНР из сугубо региональной державы, делающей акцент на урегулирование отношений... со своими соседями по региону, в глобальную сверхдержаву, может быть, единственную, способную бросить вызов планетарным претензиям США»⁶⁹.

Высокая динамичность текущей международной жизни потребовала с начала XXI в. незамедлительного переноса центра тяжести исследований на современные аспекты внешней политики КНР и анализ ее возможной эволюции в обозримой перспективе.

Весьма показательным в этом плане стал 2001 г., отмеченный такими событиями долгосрочного значения, как учреждение Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в составе Китая, России, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и Киргизстана (15 июня), подписание Россией и Китаем Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве сроком на 20 лет (16 июля), направление в Афганистан войск антиталибанской коалиции, последовавшее за терактами в США 11 сентября, наконец, старт трехстороннего диалога ученых-политологов России, Индии и Китая.

Вполне логично, что основное внимание российских ученых оказалось сфокусировано на анализе различных направлений двустороннего сотрудничества между Россией и Китаем и на выявлении факторов, влияющих на его развитие.

Одной из первых комплексных работ по данной проблеме стала коллективная монография специалистов ИДВ РАН «Российско-китайские отношения. Состояние, перспективы» (руководитель проекта М.Л. Титаренко). Ученые рассмотрели воздействие внутреннего положения и внешней политики КНР на двусторонние отношения с Россией и проанализировали главные составляющие комплекса собственно двусторонних российско-китайских связей, в том числе торгово-экономическое, международное, военно-техническое и культурно-цивилизационное сотрудничество. В частности, были рассмотрены позиционирование России и Китая в Центральной Азии и ШОС (С.Г. Лузянин, Ю.С. Песков), роль фактора США в российско-китайских отношениях (Б.Т. Кулик, А.А. Свешников), «треугольники» Россия – Китай – Евросоюз (В.И. Балакин), Россия – Китай – Япония (А.В. Семин), Россия – Китай – Индия (С.В. Уянаев), роль фактора Тайваня в двусторонних отношениях (А.Г. Ларин) и возможности взаимодействия России и КНР в развивающихся странах (Е.И. Сафронова). Главы по различным аспектам практического двустороннего сотрудничества написали Ю.М. Галенович, В.Я. Портяков, М.В. Александрова, А.В. Шлындов, А.В. Ломанов.

В заключении работы были сформулированы развернутые выводы и предложения, многие из которых сохранили свою актуальность и поныне. Так, и сегодня для России «оптимальным вариантом остается всестороннее углубление российско-китайского сотрудничества, переход, прежде всего на базе прорыва в торгово-экономических и общественных связях, к модели реального соразвития двух стран». На наш взгляд, не снята с повестки дня и рекомендация монографии о разработке базового документа «Политика России в отношении Китая»⁷⁰. В то же время несколько преувеличенными оказались опасения возможности «укрепления стратегического сотрудничества между КНР и США... что было бы для нашей страны наихудшим сценарием»⁷¹. Определенные отголоски такой позиции проявились позже в заметной настороженности, с которой в России была встречена идея создания G-2 – «большой двойки» в составе США и Китая для де-факто руководства миром. Однако в реальной жизни отношения между РФ и КНР оказались

вполне самодостаточными. Они, безусловно, подвержены влиянию различных внешних факторов, но все-таки следуют в первую очередь собственной логике развития.

Углубленный анализ влияния особенностей и перспектив развития Китая на нынешнее и будущее состояние его отношений с Россией был продолжен в работе «Китай – Россия 2050: стратегия соразвития». Ее основная особенность состоит в том, что для рассмотрения китайской проблематики была применена методология, разработанная ранее в Институте экономических стратегий для анализа исторической динамики и перспектив развития России. Согласно ей матрица состояния страны на каждый данный момент оценивается по девяти параметрам: управление, территория, природные ресурсы, население, экономическое развитие, культура и религия, наука и образование, вооруженные силы, внешняя политика⁷².

Один из главных выводов монографии заключался в том, что у России и Китая «совпадают и коренные национальные интересы, и целый ряд частных интересов как в области двусторонних отношений, так и в сфере региональных и глобальных проблем». Принципиально важной была констатация, что, «каким бы ни было перспективное значение китайского фактора, важнее всего то, насколько жизнеспособным и эффективным станет само российское государство»⁷³.

В работе была предпринята одна из первых в России попыток дать прогноз дальнейшей эволюции внешней политики КНР. Были предложены четыре сценария: первый – сосредоточение на мирном решении проблем; второй – попытки изменить ситуацию в свою пользу, в том числе не избегая конфликтов; третий – обострение отношений с Западом из-за попытки силового возвращения Тайваня (России рекомендовано «остаться в стороне»); четвертый – маловероятный, но возможный – возникновение нестабильности в Китае (России также «следует оставаться в стороне»). Пожалуй, достаточно справедливым оказался итоговый вывод монографии: «...по мере “возвышения” Китая внешняя обстановка будет все менее благоприятной для него и, возможно, даже угрожающей». В этом контексте прогнозировался «рост заинтересованности китайской стороны в России»⁷⁴, как известно, вполне проявившийся в 2009–2013 гг.

Одной из наиболее значительных работ стала коллективная монография «Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений». Отличительными особенностями исследования, получившего статус учебника для студентов вузов по специальности «международные отношения», явились, во-первых, сквозная хронологическая последовательность изложения от первых контактов двух государств и до наших дней и, во-вторых, весьма разносторонний коллектив авторов, представляющих Санкт-Петербургский (Н.А. Самойлов) и Тамканский (Тайвань, А.А. Писарев) университеты, Дипломатическую академию (Е.П. Бажанов и А.В. Лукин), МГИМО(У) МИД РФ (А.И. Иванов), региональные научные центры Владивостока (В.Л. Ларин и Г.Н. Романова) и Красноярска (В.Г. Дацышен). В написанном А.В. Лукиным разделе о постсоветском периоде российско-китайских отношений рассмотрены их общая эволюция, значение Договора 2001 г., взаимодействие РФ и КНР в Центральной Азии и в ШОС, в форматах РИК и БРИКС, отношения в экономической области, сотрудничество в энергетике, в инвестиционной, военно-технической и гуманитарной сферах. Итоговый вывод автора и всей монографии таков: «На основании изучения опыта развития КНР и современного состояния взаимодействия России и Китая для углубления и развития российско-китайских отношений и решения накопившихся в них проблем необходимо продолжить линию на развитие стратегического партнерства, при этом всемерно укрепляя собственную экономику, развивая собственные регионы. И это будет единственно верным ответом на китайский вызов»⁷⁵.

Различные аспекты постсоветского этапа российско-китайского взаимодействия стали предметом рассмотрения и анализа десятков, если не сотен статей достаточно широкого

круга авторов, включая высокопоставленных дипломатов (С.В. Лавров, А.Н. Бородавкин, И.А. Рогачев, С.С. Разов, А.И. Денисов, К.В. Внуков) и многих ученых. Именно это направление российской экспертизы по Китаю оказалось наиболее востребованным международным сообществом, результатом чего явилась регулярная публикация работ российских авторов по двусторонним отношениям России и Китая в зарубежных журналах и коллективных монографиях⁷⁶.

В числе конкретных аспектов российско-китайских отношений, привлекших повышенное внимание отечественных китаеведов, одним из первых следует назвать вопросы территориального размежевания и окончательного определения линии прохождения государственной границы между РФ и КНР.

В упоминавшейся выше коллективной монографии «Границы Китая: история формирования» детально показано становление границы между двумя странами (И.Т. Мороз, Н.В. Шепелева, Ю.М. Галенович), изложены малоизвестные перипетии советско-китайских переговоров 1920-х гг., затрагивавших вопросы прохождения границы, рассмотрен ход возобновившихся в 1987 г. переговоров между Советским Союзом и Китаем по пограничному вопросу, которые увенчались подписанием 16 мая 1991 г. Соглашения о государственной границе между СССР и КНР на ее Восточной части.

Подводя итоги советско- и российско-китайских пограничных переговоров в XX в., Ю.М. Галенович отметил: «...наши нации... в конечном итоге за много лет добились известного прогресса в оформлении прохождения линии границы. Но эта договоренность выглядит в известной степени временной, ибо она никак не заменяет прежние договоры...»⁷⁷ В дальнейшем он и ряд других ученых (например, В.С. Мясников) не раз высказывались в пользу замены соглашений, определяющих линию прохождения границы между РФ и КНР на отдельных участках, единым новым договором о границе.

Эту точку зрения, однако, не поддерживают в МИД РФ, где считают, что после подписания Соглашения о российско-китайской границе на ее Западной части (3 сентября 1994 г.) и Дополнительного соглашения о границе на ее Восточной части (14 октября 2004 г.) формальных оснований для подготовки нового договора о линии прохождения границы нет.

Тем не менее интерес к вопросам подготовки и реализации договоренностей о линии прохождения российско-китайской границы на протяжении всего периода нулевых и начала 2010-х гг. оставался высоким. Это связано с рядом причин.

Во-первых, многие китайские историки продолжают отстаивать собственную версию истории территориального размежевания Китая с Россией, чреватую формированием стойкой ирредентистской психологии у жителей страны⁷⁸. Это заставляет российских ученых и дипломатов напоминать как об истории формирования двусторонней границы, так и о закреплении в статье 6 Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 г. положения об отсутствии взаимных территориальных претензий.

Во-вторых, целый ряд участников советско- и российско-китайских переговоров о границе воспользовался представившейся возможностью поделиться своими воспоминаниями и размышлениями о различных этапах этого процесса. Мемуарно-аналитические публикации Ю.М. Галеновича, А.И. Елизаветина, В.Я. Воробьева⁷⁹, Г.В. Киреева, отражая особенности личных позиций авторов, содержат множество ценных для специалистов и широкого круга читателей документов, фактов, деталей хода переговоров.

На мой взгляд, особый интерес представляет монография «Россия – Китай. Неизвестные страницы пограничных переговоров», подготовленная Г.В. Киреевым, который в течение 35 лет непосредственно занимался пограничной тематикой в МИД СССР и МИД РФ, а в 1992–1999 гг. возглавлял работу по обозначению границы на местности и подготовку основополагающих демаркационных документов – Протоколов-описаний линии российско-китайской государственной границы и прилагаемых к ним карт (вступили

в силу 19 января 2000 г. после обмена соответствующими нотами МИД РФ и МИД КНР). Г.В. Киреев в своей работе уделил заметное место разбору позиции владивостокского исследователя Б.И. Ткаченко, выступившего с критикой МИД РФ за якобы односторонние уступки китайской стороне в вопросе о линии прохождения границы на ее Восточной части. Характеризуя аргументы Б.И. Ткаченко как «то ли сознательную фальсификацию, то ли заблуждение от незнания», Г.В. Киреев напомнил о письме в защиту позиции МИД РФ политическому руководству страны от 31 марта 1997 г., подписанном рядом российских ученых, дипломатов, пограничников, участвовавших в различные годы в переговорах о границе (в их числе С.Л. Тихвинский, Б.Н. Верещагин, Ю.А. Нешумов и другие)⁸⁰. Б.И. Ткаченко, однако, своей позиции не изменил и продолжает отстаивать ее и поныне⁸¹.

Наконец, интерес к методологии решения Китаем и Россией проблемы границы объективно подогревается наличием в мире незавершенных территориальных споров и желанием найти в российско-китайских договоренностях некие подсказки и технологии для их «расшивки». Основания для этого есть. Еще в 2006 г. А.Д. Воскресенский в предисловии к русскому изданию книги известного японского специалиста по пограничным вопросам Акихиро Ивасити отмечал: «Виден и контраст между тем, что российские и китайские руководители нашли в себе терпение, мудрость и понимание, чтобы, несмотря на все издержки и сложности, решить в целом пограничную проблему на приемлемых для обеих стран условиях, и японскими политиками, которые... не хотят видеть, что достойные компромиссы в решении пограничных вопросов... могут дать... больше безопасности... чем бесконечные выяснения “кто прав, а кто виноват”»⁸².

Как бы то ни было, решение вопроса о линии прохождения государственной границы, общее укрепление атмосферы доверия в двусторонних отношениях создали благоприятный фон для динамичного развития российско-китайского межрегионального взаимодействия. Начавшись (и оставаясь в главном) как взаимодействие преимущественно торгово-экономическое, оно постепенно распространилось и на другие сферы – туризм, образование, культуру. Эта ситуация диктовала необходимость изучения и прогнозирования связей между РФ и КНР не только по межгосударственной линии, но и «с угла» конкретных регионов.

Безусловным лидером этого направления исследований стал В.Л. Ларин – директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Его работы отличаются объективным показом реальной, подчас довольно противоречивой, картины российско-китайского взаимодействия.

Приведу в качестве примера представленный В.Л. Лариным перечень того, что наши граждане получили благодаря китайцам, ориентированным на ведение бизнеса в России: наполнение рынка товарами ширпотреба и продуктами питания, конкуренцию на рынках труда, ценовую конкуренцию и удешевление местных товаров, инвестиции в недвижимость, наполнение федерального и местных бюджетов, стимулирование турбизнеса и связанной на него сферы обслуживания, «повышение уровня личного благосостояния отдельных чиновников, таможенников, милиционеров, работающих с китайцами»⁸³. Нельзя не отметить и весьма удачное название одной из книг В.Л. Ларина – «В тени проснувшегося дракона»⁸⁴, позволяющее, среди прочего, понять психологическую подоплеку не однозначного отношения российского населения к возвышающемуся Китаю.

Постепенно сформировалась группа исследователей, специализирующихся на изучении приграничного и межрегионального российско-китайского сотрудничества, прежде всего, в торгово-экономической сфере⁸⁵. Ученые из приграничных краев и областей, как правило, более позитивно оценивают состояние и перспективы такого сотрудничества, чем их коллеги из Москвы и не граничащих с КНР субъектов Федерации. Несходство позиций особенно наглядно проявилось в различии оценок Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири и Северо-Востока КНР на

2009–2018 гг. Она была положительно встречена и оценена в Благовещенске и Хабаровске, тогда как у экспертов из Новосибирска (В.В. Кулешов, А.Г. Коржубаев и другие) и Москвы (М.В. Александрова) сложилось впечатление, что Программа закрепляет сырьевую специализацию России в торгово-экономическом сотрудничестве с КНР⁸⁶.

Растущую важность межрегионального сотрудничества в общем комплексе двусторонних российско-китайских отношений отмечают и политологи московских научных центров. Так, С.Г. Лузянин предпринял одну из первых попыток выделить несколько групп российских регионов, начиная с Урала и далее к востоку, развивающих экономические связи с провинциями Китая⁸⁷. А.Д. Воскресенский, анализируя потенциал и вызовы регионального измерения российско-китайских отношений, пришел к выводу, что региональная компонента двусторонних торгово-экономических связей «по своей структуре и качеству все еще не соответствует провозглашенному стратегическому характеру отношений между двумя странами»⁸⁸. Этому, по мнению автора, способствовало бы обеспечение по-настоящему устойчивого поступательного развития Дальнего Востока и Забайкалья.

Решение о проведении в 2006 г. Года России в Китае, а в 2007 г. – Года Китая в России стимулировало изучение российскими китаеводами новой темы – образа Китая в России и образа России в Китае.

Среди работ первого направления наибольшую известность получила монография А.В. Лукина «Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках». Она была написана на основе докторской диссертации автора и опубликована как нельзя кстати – в 2007 г. По мнению А.В. Лукина, «современный образ Китая в России – сложная система, состоящая из многообразных представлений на различных уровнях». Автор вводит понятие «многочисленных субобразов Китая», имея в виду образы в различных регионах России и у различных групп населения. Автор детально прослеживает специфику представлений о Китае граждан современной России, придерживающихся различных идеологических воззрений – националистов, левых, либералов-западников, показывает сложность изживания тех или иных стереотипов. Особо подчеркивается, что с приходом В.В. Путина к руководству страной «Китай стал рассматриваться как наиболее важный из азиатских партнеров»⁸⁹.

Монография С.Л. Тихвинского, посвященная образу России в Китае, также охватывает период от первых контактов представителей двух держав в XVII в. до наших дней. Сугубо позитивно оценивая разворот российско-китайских связей к «отношениям добрососедства и стратегического партнерства» и всячески ратуя «за дружественное восприятие народами-соседями друг друга», С.Л. Тихвинский тем не менее был вынужден констатировать, что, «к сожалению, в Китае существуют условия для сохранения старых, антироссийских стереотипов среди части населения»⁹⁰. В справедливости этих слов позволяют лишней раз убедиться комментарии некоторых издаваемых в Гонконге журналов, приуроченные к визиту Си Цзиньпина в Россию в марте 2013 г. Так, передовица журнала «Чжэнмин», припомнив России все ее мыслимые и немыслимые «прегрешения» перед Китаем, назвала выбор нашей страны для первой зарубежной поездки Си Цзиньпина в качестве Председателя КНР «крупным промахом нового руководства»⁹¹. В другом журнале – «Вайцань» – в связи с визитом руководителя КНР утверждается, будто «Россия... долгое время была преисполнена недоверия к Китаю в международных делах, а рядовые китайцы также не питают особых симпатий к северному соседу»⁹². Очевидно, что утверждение подлинной атмосферы доверия между Китаем и Россией и их народами требует дальнейшей неослабной работы обеих стран.

Как отмечалось в еще одной обстоятельной работе российских китаеведов по данной теме, «современные российско-китайские отношения и производный от них образ России в Китае носят сегодня почти исключительно прагматично-функциональный характер,

в них недостает эмоционального фона, искренней симпатии...». Этот недостаток предлагалось преодолевать усилиями по возвращению русского языка и русской культуры в Китай как массового явления, а также настойчивой работой над последовательным улучшением образа Китая в России⁹³.

Значительное внимание отечественные исследователи уделили особенностям позиционирования Китая в международных организациях с его участием и российско-китайскому взаимодействию в них.

Пожалуй, наибольшее число публикаций посвящено Шанхайской организации сотрудничества. На первых порах исследования в этой сфере активно вели ИДВ РАН, Центр исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО(У)⁹⁴ и Российский институт стратегических исследований⁹⁵.

Так, в 2005 г. был опубликован сборник статей по материалам круглых столов 2002–2004 гг. в Институте Дальнего Востока РАН «Проблемы становления Шанхайской организации сотрудничества и взаимодействия России и Китая в Центральной Азии», в котором рассматривались геополитическое и геоэкономическое значение Центральной Азии и интересы в регионе основных мировых игроков (В.В. Михеев, В.Б. Якубовский), место ШОС в российско-китайских отношениях и влияние американского фактора на взаимодействие РФ и КНР в организации и в регионе (Ю.С. Песков, А.А. Свешников, С.Г. Лузянин). В работе были сформулированы ближайшие тактические и долгосрочные задачи ШОС, отмечено, что «консолидация ШОС означает, в первую очередь, сближение России и Китая». Предлагалось проработать «возможность проведения ШОС всего спектра миротворческих операций». Прогнозировалось, что «Шанхайская организация сотрудничества при условии умелой организации ее политического и экономического потенциала может стать мощным международным центром силы»⁹⁶.

За этой книгой последовал целый ряд новых работ по аналогичной проблематике⁹⁷. Вопросы российско-китайского взаимодействия в интересах совершенствования деятельности ШОС периодически рассматривались в журнальных публикациях В.Я. Воробьева, Л.П. Моисеева, К.М. Барского⁹⁸ – национальных координаторов РФ в этой организации в разные годы. Хотя в них преобладает официальный оптимизм, в последнее время наблюдаются и элементы косвенной критики ШОС. Так, В.Я. Воробьев, напоминая, что саммит организации в Пекине в 2012 г. дал старт подготовке среднесрочной стратегии ее развития, отметил необходимость нацелить стратегию на «обеспечение динамизма в деятельности ШОС»: «Она должна предполагать своевременную корректировку устаревающих моментов... во избежание появления застойных явлений или опасных тромбов»⁹⁹. На наш взгляд, обобщение опыта деятельности ШОС с 2001 г., предлагаемое дипломатом, будет полезным только в том случае, если обретет характер серьезного критического анализа причин пробуксовки сотрудничества в организации на важнейших направлениях, особенно в сфере экономики.

Сотрудничество в формате Россия – Индия – Китай (РИК) начало обретать реальные очертания с сентября 2001 г., когда в Москве состоялась первая встреча ученых-политологов трех стран. Последняя по времени такая встреча, уже 13-я по счету, прошла в Москве в июле 2014 г. Диалог ученых помог запуску регулярных встреч министров иностранных дел России, Индии и Китая, а затем и разворачиванию секторальных диалогов о перспективах сотрудничества в сельском хозяйстве, здравоохранении, преодолении последствий чрезвычайных ситуаций. Основные итоги встреч ученых регулярно подводятся в журнале «Проблемы Дальнего Востока»¹⁰⁰. Выступления участников трехсторонней конференции периодически публикует журнал индийского Института китайских исследований «China Report». В 2004 г. в ИДВ был издан сборник основных докладов российских, индийских и китайских участников трех первых конференций, в котором подчеркивался «богатый позитивный потенциал трехстороннего сотрудничества» в связи со схожестью глобальных

приоритетов и задач внутреннего развития трех государств, со взаимопересекающимися интересами поддержания глобальной стабильности и с улучшением всех трех пар двусторонних отношений в формате РИК¹⁰¹.

Трехстороннему сотрудничеству посвящена специальная глава в монографии российских индологов «Индия – Россия: стратегия партнерства в XXI веке». Согласно прогнозу ее автора Т.Л. Шаумян «сохранение стабильности отношений между Россией и Индией, Россией и Китаем и необратимость процесса улучшения отношений между Индией и Китаем создадут условия для повышения роли трехстороннего политического и экономического сотрудничества на мировой арене, в том числе и в их консолидированной борьбе против формирования однополярного мира»¹⁰².

Российские китаеведы исходят из того, что у формата РИК сохранилась своя уникальная ниша сотрудничества и после довольно динамичного запуска взаимодействия в формате БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка). Интересы Китая в БРИКС также становятся предметом специального анализа отечественного китаеведения. Как отметил С.В. Уянаев, Пекин видит в БРИКС конструктивный фактор формирования более сбалансированного, справедливого и рационального миропорядка. Одновременно КНР настойчиво предлагает активизировать сотрудничество участников в «практически значимых сферах». В целом взаимодействие в формате БРИКС включено в перечень внешнеполитических приоритетов КНР¹⁰³.

Всем трем упомянутым выше форматам посвящены отдельные разделы в сборнике выступлений директора ИДВ РАН академика М.Л. Титаренко на российских и международных конференциях «Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире»: раздел VI «Россия и Китай в Центральной Азии. Растущая роль ШОС» и раздел VIII «РИК и БРИК – новый формат сотрудничества и диалога»¹⁰⁴.

Комплексный анализ современной отечественной историографии внешней политики КНР свидетельствует о том, что современное российское китаеведение отличается явно выраженным креном в сторону изучения отношений между Россией и Китаем, тогда как другим направлениям внешней политики КНР уделяется меньше внимания, чем следовало бы. К тому же к таким исследованиям часто к месту и не к месту «пристегивается» «российский фактор», и объектом изучения нередко выступают не двусторонние отношения Китая с той или иной страной, а далеко не всегда оправданные, подчас искусственно конструируемые отношения в «треугольниках» в составе Китая, России и какой-либо еще страны или региона.

Кроме того, исследователями отношений Китая с большинством зарубежных государств (пожалуй, кроме США) обычно выступают не китаеведы, а специалисты других страноведческих профилей. Поэтому, например, картина китайско-японских отношений сформирована в российском общественном сознании добротными трудами японоведов и востоковедов – прежде всего А.В. Семина, Г.Ф. Кунадзе, В.В. Михеева, В.О. Кистанова¹⁰⁵, однако видение этих отношений с «китайского угла», базирующееся на китаеязычных источниках, по сути дела, отсутствует. То же самое можно сказать и о весьма непростых на современном этапе отношениях КНР с корейскими государствами и с Вьетнамом – корееведы и вьетнамисты проявляют здесь гораздо большую активность, чем китаеведы¹⁰⁶.

Немногочисленны российские публикации по таким популярным в мире сюжетам, как отношения КНР с Европейским союзом¹⁰⁷ и африканскими государствами¹⁰⁸, странами арабского мира, Ближнего и Среднего Востока.

Лишь в самые последние годы предметом специальных исследований стали отношения КНР с иными, помимо государств Центральной Азии, странами СНГ и со странами Балтии¹⁰⁹.

В то же время российское китаеведение демонстрирует высокую активность в изучении отношений КНР с США. Это объясняется пониманием объективной важности

состояния американско-китайских отношений для международной обстановки в целом и очевидным опасением не просмотреть оформления чего-либо вроде нового варианта биполярного мира с Китаем и Соединенными Штатами в качестве его полюсов.

Роль фактора Тайваня в американско-китайских отношениях и историческую взаимосвязь политики КНР на советском и американском направлениях детально исследовал российский дипломат Г.В. Зиновьев¹¹⁰. Представляется справедливым его вывод, что «с распадом СССР взаимоотношения Пекина с Вашингтоном и Москвой перешли в новое качество. «Холодная война» и биполярный мировой порядок ушли в прошлое, что самым существенным образом трансформировало треугольник Вашингтон – Москва – Пекин. США остались единственной сверхдержавой и не нуждались более в такой конфигурации»¹¹¹.

Реанимация некоторых мотивов «треугольника» пришлось уже на 2000-е гг. и объяснялась определенной обеспокоенностью США динамичным российско-китайским сближением. В последние годы ряд ученых предпочитает рассматривать китайско-американские отношения как часть «треугольника». Так, А.С. Давыдов полагает, что «взаимоотношения в тройственной конфигурации РФ – США – Китай будут иметь для России ключевое значение... И хотя говорить о реальности полноценного трехстороннего формата сегодня, к сожалению, не приходится, это не означает, что роль и важность России, даже уступающей двум другим странам по экономическим критериям, становится в их взаимоотношениях менее существенной и весомой». У России, считает А.С. Давыдов, есть преимущества перед двумя сильнейшими членами «треугольника», «которыми она может и должна воспользоваться»¹¹².

О.А. Тимофеев (Амурский госуниверситет, Благовещенск) уделил основное внимание двусторонним отношениям КНР и США: диалоговым механизмам, торгово-экономическим связям, особенностям подходов к Китаю различных американских президентов¹¹³.

Представляется в целом оправдавшимся и по-прежнему актуальным прогноз В.Б. Амирова, сделанный еще в 2007 г.: «...не только в американском экспертном сообществе, но и на государственном уровне... скорее всего продолжится борьба курсов на «сдерживание» Китая или на его «конструктивное вовлечение» в мировые дела, либо на сочетание того и другого – на конкуренцию с Китаем за лидерство в АТР в сочетании с партнерством там, где для Соединенных Штатов это представляет несомненный интерес»¹¹⁴.

Впрочем, по мнению Я.В. Лексютинной, в целом в первый срок пребывания у власти в США администрации Б. Обамы американско-китайским отношениям была свойственна «возросшая нестабильность и усилившаяся конфликтность». Более того, инициированный Б. Обамой внешнеполитический курс на «возвращение в Азию»... вступил в противоречие с интересами Китая»¹¹⁵.

В данном контексте вполне оправданным стало повышение в последние годы внимания российских экспертов к политике **КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе**, которая включает в себя целый ряд относительно самостоятельных «дочерних» направлений. В их числе шаги Пекина по утверждению своего суверенитета над островами Южно-Китайского (Парасельские и Спратли – Сиша и Наньша) и Восточно-Китайского (Дяюйдао – Сэнкаку) морей и его позиция по урегулированию конфликтов с другими претендентами на эти территории, подход к обеспечению безопасности на Корейском полуострове, отношения с государствами – членами АСЕАН, позиционирование по отношению к различным многосторонним форматам в АТР, таким, как Восточно-Азиатский саммит и Транстихоокеанское партнерство.

Как полагает В.И. Трифонов (ИДВ РАН), хотя политика Китая все больше приобретает глобальный характер, однако главным центром активности КНР является Азиатско-Тихоокеанский регион. По его мнению, вес и влияние КНР в регионе возросли, «Пекин существенно потеснил здесь Соединенные Штаты, Японию»¹¹⁶. Вместе с тем вряд ли уже сегодня можно говорить о безоговорочном лидерстве Китая в Азиатско-Тихоокеанском

регионе. Его утверждению в этом качестве препятствуют, по мнению главы Московского центра Карнеги Д.В. Тренина, «неразрешенные стратегические разногласия» со странами Юго-Восточной Азии, грядущее соперничество с другой «восходящей» державой Азии – Индией и, конечно же, «большая, чем когда-либо, решимость сдержать» растущую мощь Китая на море и в воздухе, демонстрируемая Японией¹¹⁷. Кстати, еще несколько лет назад Г.Ф. Кунадзе обратил внимание, «что претендующая на спорные острова сторона в вопросе о Сэнкаку – Китай... выступает с предельно жестких ультимативных позиций, по сути, исключающих возможность компромисса... Складывается впечатление, что Китай в вопросе о Сэнкаку стремится «не столько к урегулированию спора, сколько к его сохранению... для целей политического давления на оппонента»¹¹⁸.

Что касается возможной реакции России, то Д.В. Тренин считает, что «Москва, скорее всего, будет придерживаться нейтралитета по ряду территориальных проблем на восточной и южной периферии КНР»¹¹⁹. Не затрагивая непосредственно спор о суверенитете над островами, В.И. Трифонов полагает «актуальным принятие странами региона действенных мер по стабилизации обстановки», напоминая о договоренности глав КНР и РФ (26–28 сентября 2010 г.) совместно выступить с инициативой по укреплению безопасности в АТР¹²⁰.

Поступательное усиление веса Азиатско-Тихоокеанского вектора в самостоятельном внешнеполитическом курсе России требует дальнейшего систематического и глубокого изучения общей направленности и нюансов внешней политики КНР в данном регионе.

Работы содержащие общую комплексную характеристику внешней политики и международных отношений Китая остаются в России немногочисленными. К их числу можно отнести монографию Е.О. Подолько «Эволюция внешнеполитических концепций Китайской Народной Республики»¹²¹, цитировавшийся выше коллективный труд ученых Института мировой экономики и международных отношений под редакцией Г.И. Чуфрина «Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности», монографию В.Я. Портякова «Становление Китая как ответственной глобальной державы»¹²².

Комплексным охватом отличаются в большинстве случаев международно-политические разделы ежегодника Института Дальнего Востока РАН «Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура». Так, в ежегоднике за 2012–2013 гг. анализируются политическое, торгово-экономическое и международное сотрудничество России и Китая (авторы – соответственно В.Е. Петровский, С.В. Уянаев и М.В. Александрова), общие проблемы внешнеполитического курса КНР (В.И. Трифонов), отношения Китая со странами СНГ (А.И. Мокрецкий), США (А.С. Давыдов), ЕС (А.О. Виноградов), Индией (С.В. Уянаев), Афганистаном (А.Ф. Клименко и Ю.В. Морозов), позицию КНР в форматах РИК и БРИКС (С.В. Уянаев), ШОС (С.Г. Лузянин), политику Пекина на Ближнем Востоке (К.В. Антипов), в странах Африки и Латинской Америки (Е.И. Сафронова)¹²³.

Изменения во внешней политике Китая последних лет рассмотрены также в обобщающих статьях М.В. Мамонова¹²⁴, С.Г. Лузянина¹²⁵. В серии статей В.Я. Портякова об особенностях «послеолимпийского» (2008 г.) внешнеполитического курса Пекина¹²⁶ проанализированы причины активизации КНР на мировой арене. В их числе – рост экономической мощи, давление националистических настроений в обществе на руководство страны, расчеты на ослабление США и скорое обретение Китаем сверхдержавного статуса. Хотя с конца 2010 г. Китай пытается несколько скорректировать свою манеру поведения в международном сообществе, внешнеполитическая платформа XVIII съезда КПК (ноябрь 2012 г.) свидетельствует о его готовности жестко отстаивать свои интересы и в условиях декларируемой приверженности мирному пути развития.

В целом сделан вывод, что период доминирования заветов Дэн Сяопина, в том числе центрального из них – «держаться в тени, стараясь ничем не проявлять себя», как руководящего курса практической внешней политики КНР постепенно завершается¹²⁷.

В заключение совсем коротко о некоторых проблемах, с которыми сталкивается изучение международных отношений и внешней политики Китая в современной России.

Количество пишущих по этой информационно неисчерпаемой теме неуклонно растет, но оно явно не переходит в качество. Экспертов, базирующих свои выводы и прогнозы на изучении солидных китаеязычных первоисточников, вполне можно пересчитать на пальцах двух рук, а то и одной. Обширная научная литература по международным отношениям, включая периодику, которая издается в КНР, плохо известна в России. То же можно сказать и об англоязычной литературе по Китаю – она стала существенно менее доступной, чем в советские времена, отчасти из-за дороговизны, отчасти из-за общей утраты в стране культуры работы с научной информацией (Интернет-ресурсы восполняют этот пробел лишь отчасти).

Еще печальнее то обстоятельство, что малодоступными даже для специалистов стали многие работы российских китаеведов. Причина – малотиражность и дороговизна книг, и журналов. Возникла вполне реальная угроза разрыва единого для всей России научно-образовательного пространства по Китаю, в том числе по международным отношениям и внешней политике, его распада на множество локальных версий китаеведения, производимых и воспроизводимых в вузах различных регионов страны.

В нынешней ситуации настоятельно требуется подготовка совместными усилиями ведущих китаеведов-международников России издания «Истории международных отношений и внешней политики КНР», которая охватывала бы период с конца 1980-х гг. и могла бы служить стандартом и своего рода справочником для преподавателей, журналистов и российской общественности.

Примечания

- ¹ *Титаренко М.Л.* Россия и Восточная Азия. М., 1994; *Он же.* Россия лицом к Азии. М., 1998; *Михеев В.В.* Российские подходы к проблеме участия России в азиатско-тихоокеанской интеграции // ПДВ. 1997. № 1. С. 27–33.
- ² ПДВ. 1995. № 3. С. 4–37.
- ³ *Яковлев А.Г.* Россия и Китай: состояние и перспективы отношений // Китай в мировой и региональной политике (История и современность) // ИБ ИДВ РАН. М., 1995. № 3. С. 28.
- ⁴ Там же. С. 45–47.
- ⁵ *Рогачев И.А.* Проблемы и перспективы двустороннего сотрудничества // Китай на пути модернизации и реформ, 1949–1999. М., 1999. С. 38.
- ⁶ Пожалуй, самой популярной статьей российских «мидовцев» по двусторонним отношениям стала публикация Е.В. Афанасьева и Г.С. Логвинова «Россия и Китай: на пороге нового тысячелетия» в журнале «Международная жизнь» (1995. № 11–12. С. 51–60).
- ⁷ *Мясников В.С.* Россия и Китай: перспективы партнерства в АТР в XXI в. // Внешняя политика и безопасность современной России (1991–1998). Хрестоматия. В 2 т. Т. 1. Кн. II. М., 1999. С. 200–201.
- ⁸ *Воскресенский А.Д.* Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999. С. 279–282; *Он же.* Китай во внешнеполитической стратегии России // Внешняя политика и безопасность современной России (1991–1998). С. 153–158.
- ⁹ *Титаренко М.Л.* Взаимовыгодное партнерство, обращенное в XXI век // ПДВ. 1997. № 3. С. 45–49; *Он же.* Китай в пост-Дэновскую эпоху и российско-китайские отношения // МЖ. М., 1995. № 5. С. 27–36.
- ¹⁰ *Спроусис Е.В.* Вызовы и возможности экономического сотрудничества // Pro et Contra. 1998. № 1. С. 58–69; *Она же.* О некоторых проблемах развития двусторонних торгово-экономических связей // БП. М., 1997. № 12. С. 18–22; *Кулик А.Б.* Российско-китайское экономическое сотрудничество // БП. М., 1997. № 12. С. 14–17.
- ¹¹ *Макиенко К.* Опасно ли торговать оружием с Китаем? // Pro et Contra. М., 1998. № 1. С. 41–57.

- ¹² *Ларин В.Л.* Россия и Китай на пороге третьего тысячелетия: кто же будет отстаивать наши национальные интересы? Взгляд с российского Дальнего Востока // *Внешняя политика и безопасность современной России (1991–1998)*. Т. 1. Кн. II. М., 1999. С. 161. См. также: *Ларин В.Л.* Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х годов: проблема регионального взаимодействия. Владивосток, 1998.
- ¹³ *Ткаченко Б.И.* Восточная граница между Россией и Китаем в договорах и соглашениях XVIII–XX веков. Владивосток, 1998.
- ¹⁴ Сопоставление уровней экономического развития Китая и России / Отв. ред. В.И. Шабалин // ИБ ИДВ РАН. М., 1993. № 9. С. 9–10.
- ¹⁵ *Портяков В.* «Он уважать себя заставил...» (Китай и Россия в экономическом измерении) // *Pro et Contra*. М., 1998. № 1. С. 27.
- ¹⁶ *Богатуров А.Д.* Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М., 1997. С. 285.
- ¹⁷ *Тренин Д.В.* Китайская проблема России. М., 1998. С. 37.
- ¹⁸ Китайские реформы и Россия. В 2 т. / Сост. и ред. А.М. Круглов. М., 2000.
- ¹⁹ *Портяков В.Я.* Китайские реформы в российских оценках // БП. 1997. № 5. С. 42–48; *Он же.* Китайские ученые о российских реформах // БП. 1997. № 4. С. 51–58; *Он же.* Сюй Минь. Экономические реформы в Китае и СССР/России: проблемы сопоставления и взаимовлияния // *Восток*. М., 1997. № 5. С. 86–97; № 6. С. 62–76.
- ²⁰ *Воскресенский А.Д.* Китай во внешнеполитической стратегии России... С. 141.
- ²¹ Там же. С. 145. Впервые идея мирного характера российско-китайских отношений на протяжении нескольких сот лет была сформулирована в монографии А.Д. Воскресенского «Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года». М., 1995. С. 43–44.
- ²² Например, историк из Красноярска В.Г. Дацышен назвал свою работу о русско-китайских отношениях на рубеже XIX–XX вв. «Русско-китайская война. Маньчжурия 1900 г.» (Санкт-Петербург, 1996).
- ²³ *Мясников В.С.* Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы. XVII–XX вв. М., 1996. С. 395.
- ²⁴ *Белов Е.А.* Россия и Китай в начале XX века: русско-китайские противоречия в 1911–1915 гг. М., 1997; *Он же.* Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М., 1999; *Он же.* Тибетская политика России (1900–1914 г.) // *Восток*. М., 1994. № 3. С. 93–109; *Он же.* К истории русско-китайских отношений в Синьцзяне в период Синхайской революции (1911–1913) // ПДВ. 1995. № 2. С. 85–95.
- ²⁵ История Российской духовной миссии в Китае. М.: Изд-во Свято-Владимирского братства. 1997; *Ипатова А.С.* Место Российской духовной миссии в Китае в истории российско-китайских отношений // *Востоковедение и мировая культура: к 80-летию академика С.Л. Тихвинского*. М., 1998. С. 202–223.
- ²⁶ Т. I (1920–1925 гг.) опубликован в 1994 г.; т. II (1926–1927 гг.) в двух частях – в 1996 г. Издание осуществлено при поддержке Свободного университета Берлина.
- ²⁷ *Кузнецов В.С.* Внешняя политика Китая в 1923–1937 гг. В 2 ч. М., 1992.
- ²⁸ *Мировицкая Р.А.* Китайская государственность и советская политика в Китае. Годы Тихоокеанской войны: 1941–1945. М., 1999.
- ²⁹ *Ледовский А.М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий: 1937–1952. М., 1999.
- ³⁰ *Кулик Б.Т.* Китайская Народная Республика в период становления (1949–1952) // ПДВ. 1994. № 5. С. 111–125; № 6. С. 73–83; *Он же.* О феномене внешней политики КНР. 1954–1956 гг. // ИБ ИДВ РАН. М., 1995. № 3. С. 3–27.
- ³¹ *Делюсин Л.П.* Некоторые размышления о начале советско-китайского конфликта // *Россия и современный мир*. М., 1998. № 3. С. 233–256; *Рябенко Н.П.* Советско-китайский конфликт, 60-е – начало 80-х годов // *Россия и АТР*. Владивосток, 1998. № 2. С. 53–59; 1998. № 4. С. 50–62; *Кулик Б.Т.* Влияние советско-китайского конфликта на международные отношения // ИБ ИДВ РАН. М., 1997. № 13. С. 181–202.
- ³² *Кулик Б.Т.* Советско-китайские отношения на пути к нормализации (1997–1989 г.). ИБ ИДВ РАН. М., 1999. № 2. С. 184–209. С. 199, 206.
- ³³ *Галенович Ю.М.* «Белые пятна» и «болевы точки» в истории советско-китайских отношений. В 2 т. М., 1992. Т. 1: От октября 1917 г. до октября 1949 г.; Т. 2. В 2 кн: СССР и КНР (1949–1991 гг.).
- ³⁴ *Мельхов Г.В.* Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991; *Таскина Е.* Харбин – продукт контактов стран-соседей // ПДВ. 1999. № 4. С. 132–137.

- ³⁵ Внуков К.П. Советология КНР и советско-китайские отношения (1970–1990 г.). ИБ ИДВ РАН. М., 1992. № 8.
- ³⁶ Яковлев А.Г. Россия, Китай и Индия в условиях становления новой биполярности мира. ИБ ИДВ РАН. М., 1996. № 13. С. 19.
- ³⁷ См.: Педин А.В. Китайско-индийские отношения на современном этапе // Новые акценты и тенденции во внешней политике Китая. ИБ ИДВ РАН. М., 1994. № 7. С. 161–171; *Он же*. Индия и Китай ищут пути к сотрудничеству // Китай в мировой и региональной политике: история и современность. ИБ ИДВ РАН. М., 1995. № 3. С. 121–132.
- ³⁸ Широков Г.К., Лунев С.И. Россия, Китай и Индия в современных глобальных процессах. М., 1998; Веселов В.Т., Смирнов А.А. Россия, Китай, Индия: оптимальные формы и главные направления сотрудничества [по материалам научной конференции 15–17 апреля 1998 г.] // Восток (Oriens). 1998. № 6. С. 142–144.
- ³⁹ Педин А.В. Отношения Китая с центральноазиатскими государствами СНГ. ИБ ИДВ РАН. М., 1996. № 13. С. 130–141; Песков Ю.С. Проблемы и перспективы сотрудничества России и Китая со странами Центральной Азии – членами СНГ // ПДВ. 1997. № 4. С. 19–27.
- ⁴⁰ Занегин Б.Н. США и Китай: конфликтный потенциал // США – Канада: экономика, политика, культура. 1999. № 3–4. С. 44–55; Барышников В.Н. / Авт. предисл. О китайско-американских отношениях на современном этапе (К саммитам между председателем КНР Цзян Цзэминем и президентом США Б. Клинтон) ЭИ ИДВ РАН. М., 1997. № 10; Барышников В.Н. / Сост., авт. предисл. и рефератов. Китайские политологи о перспективах развития китайско-американских отношений после обмена визитами между Цзян Цзэминем и Б. Клинтон. ЭИ ИДВ РАН. М., 1999. № 4.
- ⁴¹ Галенович Ю.М. Рубеж перед стартом: китайская проблема для России и США на пороге XXI века. М., 1999. С. 308.
- ⁴² Дейч Т.Л. Китай и Африка: время перемен (80-е годы). М., 1992; Дейч Т.Л., Шубин В.Г. Китай и Южная Африка: эволюция взаимоотношений. М., 1999.
- ⁴³ Лузянин С. Монголия: между Китаем и советской Россией (1912–1924) // ПДВ. 1995. № 2. С. 71–84; *Он же*. Ялтинская конференция и проблемы международно-правового оформления МНР накануне и в годы Второй мировой войны // ПДВ. 1995. № 2. С. 52–60.
- ⁴⁴ Сафронова Е.И. К вопросу о роли преемственности и традиций в построении современного политико-экономического курса КНР относительно развивающихся стран / Новые акценты и тенденции во внешней политике Китая // ИБ ИДВ РАН. М., 1994. № 7. С. 87–104; *Она же*. Отношение КНР к сотрудничеству «Юг – Юг» как средству установления нового международного экономического порядка. ИБ ИДВ РАН. М., 1999. № 2. С. 156–165.
- ⁴⁵ Семин А.В. Китай – Япония: и партнеры, и соперники // ААС. М., 1998. № 9. С. 16–21; *Он же*. Японо-китайские отношения в многополярном мире // ПДВ. М., 1998. № 3. С. 10–15; *Он же*. Токио – Пекин: непростой диалог // ПДВ. М., 1999. № 3. С. 45–49.
- ⁴⁶ Степанов Е.Д. Пограничная политика в системе внешнеполитических приоритетов КНР (1949–1994 гг.) // ИБ ИДВ РАН. Сер.: Международные отношения стран Северо-Восточной Азии. М., 1996. Вып. 1; *Он же*. Правовые аспекты территориальных споров в Южно-Китайском море // ИМ ИДВ РАН. Сер.: Международные отношения стран Северо-Восточной Азии. М., 1997. Вып. 3.
- ⁴⁷ Степанов Е.Д. Китай на морских рубежах. ИБ ИДВ РАН. М., 1994. № 4. С. 85.
- ⁴⁸ Волохова А., Воронаева О. Изменения в мире в начале 90-х годов и роль КНР: оценки китайских политологов // ПДВ. 1994. № 6. С. 22–31.
- ⁴⁹ Яковлев А.Г. Биполярность – главный параметр мирового сообщества и вчера, и сегодня, и завтра / Китай в мировой и региональной политике: история и современность // ИБ ИДВ РАН. М., 1997. № 13. С. 44–47.
- ⁵⁰ Свешников А.А. Внешнеполитические концепции КНР и концептуальные представления китайских специалистов-международников // ИБ ИДВ РАН. М., 1999. № 1. С. 109–110; 1994. № 4. С. 173–174.
- ⁵¹ Там же. 1994. № 4. С. 175.
- ⁵² Обсуждение сборника статей «История и современное состояние китайско-российских отношений» (Кайфэн, 2004, на кит. яз.) // ПДВ. 2005. № 3. С. 8–43; № 4. С. 17–42. В «круглом столе» принимали участие: М.Л. Титаренко, В.Я. Портяков, Н.Л. Мамаева, Ю.М. Галенович, А.А. Свешников, А.В. Островский, М.В. Александрова, А.Г. Ларин, В.Б. Кашин, Е.Д. Степанов, В.Ф. Бородич, Ю.С. Песков, С.Л. Тихвинский, Р.А. Мировицкая, М.В. Крюков, А.С. Ипатова, И.Б. Кульчицкая, Н.А. Самойлов, А.А. Москалев, С.Г. Лузянин, В.И. Балакин.
- ⁵³ См.: ПДВ. 2011. № 1. С. 45–123.

- ⁵⁴ Фактор Китая во взаимоотношениях РФ и США: заочный «Круглый стол» российских и американских китаеведов // ПДВ. М., 2012. № 2. С. 75–122. С российской стороны в заочном круглом столе приняли участие: А.С. Давыдов, Ю.А. Дубинин, А.С. Крушинский, А.Г. Ларин, В.И. Трифонов, С.М. Труш. С американской стороны – Эзра Вогель, Джон Гарвер, Лоуэлл Диттмер, Джун Дрейер, Эллис Миллер, Грегори Мур.
- ⁵⁵ Пяти принципам мирного сосуществования и их месту в дипломатии КНР посвящена книга: *Волохова А.А.* Основы китайской дипломатии. М., 2007; А. Мардашову принадлежит глава об экономической дипломатии Китая в коллективной монографии «Экономическая дипломатия в эпоху глобализации» под редакцией Л.М. Капицы (Москва. МГИМО(У). 2010). См. также: *Портяков В.* Внешнеполитический инструментарий Китайской Народной Республики в процессе перемен // ПДВ. 2011. № 1. С. 135–149.
- ⁵⁶ *Куликова Г.В.* Россия – Китай: народная дипломатия. М., 2012.
- ⁵⁷ *Ломанов А., Борох О.* Стратегия создания «могущественного культурного государства» (о решении 6-го пленума ЦК КПК 17-го созыва) // ПДВ. 2012. № 1. С. 4–16.
- ⁵⁸ Специальный опрос общественного мнения был, в частности, проведен при подготовке работы А.Г. Ларина «Китайские мигранты в России». Результаты опросов общественного мнения в КНР и США широко используются в работах Д.В. Кузнецова (Благовещенск). См., например: *Кузнецов Д.* Место, роль и политика КНР в международных отношениях в зеркале китайского общественного мнения // Современный Китай в системе международных отношений. М., 2012. С. 231–277.
- ⁵⁹ Границы Китая: история формирования / Под общ. ред. В.С. Мясникова и Е.Д. Степанова. М., 2001. С. 6–7.
- ⁶⁰ Там же. С. 403–449.
- ⁶¹ *Степанов Е.Д.* Политика начинается с границы. Некоторые вопросы пограничной политики КНР второй половины XX в. М., 2007.
- ⁶² См.: *Канаев Е.А.* Конфликт из-за островов Южно-Китайского моря: история, характер урегулирования, перспективы эволюции. М., 2007; *Лексютина Я.* Обострение напряженности в Южно-китайском море: взгляд из ЮВА, КНР и США // ПДВ. 2011. № 5. С. 30–41; *Мосяков Д.В.* Политика Китая в отношении стран Юго-Восточной Азии и ее влияние на безопасность и баланс сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Актуальные проблемы региональной безопасности современной Азии и Африки. СПб, 2013. С. 77–92; *Колотов В.Н.* Восточноазиатская дуга нестабильности как основной элемент системы региональной безопасности // Актуальные проблемы региональной безопасности современной Азии и Африки. СПб., 2013. С. 58–76.
- ⁶³ *Кулик Б.Т.* Советско-китайский раскол: причины и последствия. М., 2000. С. 9.
- ⁶⁴ Там же. С. 289, 607.
- ⁶⁵ *Песков Ю.С.* СССР – КНР: от конфронтации к партнерству. М., 2007.
- ⁶⁶ Китай в мировой политике. М., 2001.
- ⁶⁷ Там же. С. 482–483.
- ⁶⁸ *Корсун В.А.* Внешняя политика Китая на пороге XXI века. М., 2002. С. 66, 69.
- ⁶⁹ Там же. С. 110.
- ⁷⁰ Российско-китайские отношения. Состояние, перспективы. М., 2005. С. 402–403, 407.
- ⁷¹ Там же. С. 399.
- ⁷² *Кузык Б.Н., Титаренко М.Л.* Китай – Россия 2050: стратегия соразвития. М., 2006. На предпоследней странице книги отмечается, что при ее подготовке представили свои разработки Е.С. Баженова, Я.М. Бергер, Ю.М. Галенович, Л.М. Гудошников, П.Б. Каменнов, М.В. Крюков, А.В. Ломанов, А.В. Островский, И.А. Петухов, В.Я. Портяков, А.А. Свешников, Е.Д. Степанов.
- ⁷³ Там же. С. 567, 570.
- ⁷⁴ Там же. С. 574–577.
- ⁷⁵ Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А.В. Лукина. М., 2013. С. 689.
- ⁷⁶ Среди последних по времени публикаций: *Lukin A.* Russia and Ascendant China // China Rise: Threat or Opportunity? Routledge, Singapore. 2013. P. 52–79; *Portyakov V.* Russian-Chinese Relation: Current Stage and Future Prospects // R/Evolutions. Poznan, Adam Mickewicz University. 2013. Vol. 1. Issue 1. P. 234–245; *Voskressenski A.* The Structural Stages of Russian-Chinese Cooperation after the Collapse of the USSR and Prospects for the Emergence of a Forth Stage // Eurasian Review. Kookmin University, Seoul. Vol. 5. November 2012.
- ⁷⁷ Границы Китая: история формирования. С. 221.

- ⁷⁸ См., например: *Цзян Чанбинь*. Эволюция восточного участка китайско-российской границы (Чжун э гоэзе дундуань дэ янбянь). Пекин, 2007; Чжунго цзиньдай бу пиндэн тьяоэ няньбяо (Хронология неравноправных договоров в новой истории Китая). Пекин, 2012.
- ⁷⁹ *Галенович Ю.М.* Россия и Китай в XX веке: Граница. М., 2001 (часть II монографии называется «Чего от нас хотел Пекин? Воспоминания участника советско-китайских переговоров 1960–1970-х гг. С. 80–308); *Елизаветин А.И.* Записки советского посла. М., 2012; *Воробьев В.* Об урегулировании пограничных вопросов с КНР (Заметки, навеянные воспоминаниями китайских дипломатов) // ПДВ. 2012. № 2. С. 70–74; *Он же*. Неизвестные страницы пограничных переговоров с Китаем // МЖ. 2006. № 12. С. 56–61.
- ⁸⁰ *Киреев Г.В.* Россия – Китай. Неизвестные страницы пограничных переговоров. М., 2006. С. 230, 305–309.
- ⁸¹ В 2010 г. вышла в свет новая монография Б.И. Ткаченко «Восточная граница между Россией и Китаем в документах и фактах» (Владивосток, 2010.), где, в частности, утверждается, что разрешение в 2004 г. проблемы островов в районе Хабаровска и в верховьях реки Аргунь «наносит геополитический ущерб интересам России в настоящее время и в будущем».
- ⁸² *Воскресенский А.Д.* Исторические омуты книги профессора Акихиро Ивасита / Предисл. к русск. изд. кн. Акихиро Ивасита «4000 километров проблем. Российско-китайская граница». М., 2006. С. 45.
- ⁸³ *Ларин В.Л.* Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI века). М., 2005. С. 272–273.
- ⁸⁴ *Ларин В.Л.* В тени проснувшегося дракона. Российско-китайские отношения на рубеже XX–XXI веков. Владивосток, 2006.
- ⁸⁵ Назовем М.В. Александрову из Института Дальнего Востока РАН – автора монографий «Китай и Россия: особенности регионального экономического взаимодействия в период реформ». (М., 2003) и «Экономическое взаимодействие регионов России и Китая в период реформ» (М., 2005); Л.А. Понкратову из Амурского государственного университета (Благовещенск), Е.И. Деваеву и Н.И. Рыжову из Института экономических исследований ДВО РАН (Хабаровск).
- ⁸⁶ См.: *Кулешов В., Атанов Н., Безруков Л., Коржубаев А., Малов В., Санеев Б., Сысоева Н.* О некоторых аспектах совершенствования российско-китайского межрегионального сотрудничества // ПДВ. 2010. № 6. С. 62–69; *Александрова М.В.* Российско-китайское инвестиционное сотрудничество: вчера, сегодня, завтра // Российско-китайское сотрудничество в Северо-Восточной Азии: к устойчивому развитию и взаимному процветанию (доклады российско-китайской конференции 11 октября 2011 г.). М., 2012. С. 105–117.
- ⁸⁷ *Лузянин С.Г.* Российско-китайское стратегическое партнерство: региональное, культурно-цивилизационное и образовательное измерения // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток, 2008. С. 156–180.
- ⁸⁸ *Воскресенский А.Д.* Россия и Китай: потенциал, перспективы, вызовы и проблемы регионального измерения отношений // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте. . . С. 70–136.
- ⁸⁹ *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М., 2007. С. 486, 482.
- ⁹⁰ Восприятие в Китае образа России // *Тихвинский С.Л.* Избр. произв. В 5 кн. Кн. 6. Дополнительная. М., 2012. С. 228.
- ⁹¹ Силь баньцзы и да байби (Крупный промах нового руководства) // Чжэнмин. Гонконг. № 427. Май 2013. С. 2–3.
- ⁹² *Чжан Вэй*. «Политический вальс» Си Цзиньпина (Си Цзиньпин дэ «чжэнчжи хуаэрцы») // Вайцань. Гонконг, 2013. № 5. С. 17.
- ⁹³ Китай в мировой и региональной политике: история и современность. Ежегод. сб. ИДВ РАН. М., 2008. Вып. XIII (спец.). С. 272–274.
- ⁹⁴ См.: *Лукин А., Мочульский А.* Шанхайская организация сотрудничества: структурное оформление и перспективы развития // Аналитич. записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО(У) МИД России. М., 2005. Вып. 2.
- ⁹⁵ См.: *Комиссина И.Н., Куртов А.А.* Шанхайская организация сотрудничества: становление новой реальности. М., 2005.
- ⁹⁶ Проблемы становления Шанхайской организации сотрудничества и взаимодействия России и Китая в Центральной Азии / Отв. ред. А.В. Болятко, сост. А.Ф. Клименко. М., 2005. С. 216–221.

- ⁹⁷ См., например: Россия и Китай в Шанхайской организации сотрудничества. М., 2006; Взаимодействие России с Китаем и другими партнерами по Шанхайской организации сотрудничества. М., 2008.
- ⁹⁸ См., например: *Барский К.* Центральная Азия под «непромокаемым зонтиком» ШОС // МЖ. М., 2012. № 5; *Он же.* Шанхайская организация сотрудничества накануне саммита в Бишкеке: основные задачи момента // МЖ. М., 2013, № 5; *Моисеев Л.П.* Через ШОС снимается масса проблем // МЖ. М., 2010. № 6.
- ⁹⁹ *Воробьев В.* Некоторые аспекты подготовки стратегии Шанхайской организации сотрудничества // МЖ. М., 2013. № 7. С. 126–132.
- ¹⁰⁰ См., например: *Уянаев С., Портяков В.* Об итогах 11-й трехсторонней конференции ученых России, Индии и Китая // ПДВ. 2012. № 1. С. 32–37; *Уянаев С.* Россия – Индия – Китай: 12-я трехсторонняя конференция ученых // ПДВ. 2013. № 1. С. 19–24.
- ¹⁰¹ *Уянаев С.* Проблема трехсторонних отношений России, Индии и Китая // Взаимодействие России, Индии и Китая в XXI в.: проблемы, перспективы, направления. В 2 т. 2004. Т. 1. С. 10–11.
- ¹⁰² *Кузык Б.Н., Шаумян Т.Л.* Индия – Россия: стратегия партнерства в XXI веке. М., 2009. С. 1124–1125.
- ¹⁰³ *Уянаев С.* Интересы Китая в БРИКС: отражение роли и стратегии КНР в мире // ПДВ. 2012. № 6. С. 4–19.
- ¹⁰⁴ *Титаренко М.Л.* Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М., 2012. С. 397–432, 474–540.
- ¹⁰⁵ См., например: *Семин А.В.* Японо-китайские отношения: состояние, проблемы и тенденции (конец XX – начало XXI века). М., 2008; *Кунадзе Г.Ф.* Китай во внешней политике Японии // Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности. М., 2007. С. 178–196; *Михеев В.В.* Китай – Япония. Стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире. М., 2009; *Кистанов В.* Антикитайская сеть Японии. Токио создает сдержки и противовесы Пекину по всему миру // НГ. 10.06.2013.
- ¹⁰⁶ См.: *Федоровский А.Н.* Корейский полуостров и Китай // Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности. М., 2007. С. 217–236; *Колотов В.Н.* Вьетнам между США и КНР: историко-политологический анализ современной геополитической ситуации в регионе // Основные тенденции политического и экономического развития стран современной Азии и Африки. СПб., 2011. С. 289–305.
- ¹⁰⁷ См.: *Носов М.Г., Смольников С.В.* ЕС – Китай на пути к глобальному партнерству. М., 2005; *Мардашев А.* Китайская Народная Республика и Европейский союз: процесс становления всестороннего стратегического партнерства и перспективы его дальнейшего развития // ПДВ. 2009. № 3. С. 7–15; *Майборода Д.* Саммиты КНР – ЕС // ПДВ. 2010. № 3. С. 20–28.
- ¹⁰⁸ Здесь следует выделить монографию Т.Л. Дейч «Африка в стратегии Китая» (М., 2008).
- ¹⁰⁹ См.: Страны СНГ и Балтии в глобальной политике Китая. М., 2013.
- ¹¹⁰ *Зиновьев Г.В.* История американско-китайских отношений и тайваньский вопрос. 2-е изд. Томск, 2007; *Он же.* Китай и сверхдержавы. История внешней политики КНР (1949–1991). СПб., 2010.
- ¹¹¹ *Зиновьев Г.В.* Китай и сверхдержавы. История внешней политики КНР (1949–1991). СПб., 2010. С. 315.
- ¹¹² *Давыдов А.* КНР – США – Россия: обещают ли перемены во власти власть перемен? // ПДВ. 2013. № 2. С. 81.
- ¹¹³ *Тимофеев О.А.* Американско-китайские отношения на современном этапе: события, процессы, тенденции // Современный Китай в системе международных отношений. М., 2012. С. 82–127.
- ¹¹⁴ *Амиров В.Б.* Соединенные Штаты: демистификация Китая? // Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности. М., 2007. С. 175.
- ¹¹⁵ *Лексютина Я.В.* США и Китай: линии соперничества и противоречий. СПб., 2011. С. 206–207.
- ¹¹⁶ *Трифонов В.И.* Ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе: столкновение линий на сотрудничество и противоборство // Китай в мировой и региональной политике: история и современность. М., 2012. Вып. XVII. С. 32.
- ¹¹⁷ *Тренин Д.* Верные друзья? Как Россия и Китай воспринимают друг друга. М., 2012. С. 30–31.
- ¹¹⁸ *Кунадзе Г.Ф.* Китай во внешней политике Японии // Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности. С. 192.
- ¹¹⁹ *Тренин Д.* Верные друзья? Как Россия и Китай воспринимают друг друга. С. 64.
- ¹²⁰ *Трифонов В.И.* Ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе: столкновение линий на сотрудничество и противоборство. С. 36–37.
- ¹²¹ *Подолько Е.О.* Эволюция внешнеполитических концепций Китайской Народной Республики. М., 2006.

- ¹²² *Портяков В.Я.* Становление Китая как ответственной глобальной державы. М., 2013.
- ¹²³ Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2012–2013. М., 2013. С. 215–374.
- ¹²⁴ См.: *Лузянин С.Г., Мамонов М.В.* Китай в глобальных и региональных измерениях: ресурсы и маршруты «возвышения» // Китай в мировой и региональной политике: история и современность. М., 2011. С. 5–31.
- ¹²⁵ *Лузянин С.Г.* Внешняя политика Китая: от регионального к глобальному // Российско-китайское сотрудничество в Северо-Восточной Азии: к устойчивому развитию и взаимному процветанию. М., 2012. С. 31–54.
- ¹²⁶ *Портяков В.* О некоторых особенностях внешней политики Китая в 2009–2011 гг. // ПДВ. 2012. № 2. С. 27–42; *Он же.* Перспективы дальнейшего возвышения Китая и его возможные геополитические последствия // ПДВ. 2013. № 2. С. 52–66; *Он же.* О некоторых аспектах внешней политики Китайской Народной Республики в 2012 г. // ПДВ. 2013. № 3. С. 50–58.
- ¹²⁷ *Портяков В.* Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их современная интерпретация // ПДВ. 2012. № 5. С. 24.

Глава V

СВЕТ И ТЕНИ КИТАЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В НОВЕЙШЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

После распада СССР российское китаеведение, как и вся российская наука, стало испытывать значительные трудности вследствие не только недостаточного финансирования, но и серьезной недооценки потенциала китайской экономической реформы, которая началась в декабре 1978 г. после принятого 3-м Пленумом ЦК КПК 11-го созыва решения о переходе на систему семейного (подворного) подряда. С конца 1970-х – начала 1980-х гг. руководители КНР после внимательного изучения опыта развития административно-хозяйственной, плановой экономики в СССР, действовавших в течение некоторого времени смешанных моделей плановой и рыночной экономики в таких странах, как СФРЮ, ЧССР и ВНР, а также ряда работ теоретиков смешанной экономики (В. Брус в Польше, О. Шик в Чехословакии, Я. Корнаи в Венгрии) пришли к выводу о необходимости внести серьезные изменения в действовавшую в стране плановую модель экономического развития. Однако, как позднее выяснилось, коренным отличием проводимой в Китае экономической реформы от аналогичных реформ в РФ и в странах Восточной Европы с переходной экономикой стала ее неторопливость, последовательность и поэтапность в проведении мероприятий при переходе к рынку.

Прошло уже более 30 лет с начала экономической реформы в Китае и более 20 лет – в России. Надо сказать, что сравнение результатов реформ в России и в Китае, как по темпам экономического роста, так и по производству натуральных показателей пока явно не в пользу российской модели. Можно по-разному относиться к реформам в Китае, но очевидна одна вещь – в результате проводимой реформы экономической системы Китай добился огромных успехов в развитии народного хозяйства. В 1990 г. объем ВВП КНР составлял лишь 60 % от ВВП России, но уже в 1995 г. Китай по объему ВВП догнал Россию, а в настоящее время это соотношение приняло обратный характер и российский ВВП составляет менее 40 % китайского¹.

На наш взгляд, как в Китае, так и в России осуществляется переход от плановой к рыночной экономике. Однако если в Китае этот переход рассчитан на длительное время – до 2050 г., то в России предполагалось все мероприятия реформы провести в течение нескольких лет. При проведении «шоковой терапии» вовсе не учитывались ее последствия, планировалось, что уже через год-другой в Россию пойдут инвестиции, РФ быстро вос-

становит свои дореформенные экономические показатели и начнет догонять развитые капиталистические страны с рыночной экономикой. Россия пошла по пути радикальной реформы. За один год в стране были проведены либерализация цен и приватизация и созданы негосударственные (или необщественные) секторы экономики.

За прошедшие годы дороги наших стран в сфере проведения реформы сильно разошлись, особенно после объявленной в России в 1992 г. либерализации цен до начала приватизации и создания необщественных секторов экономики на базе предприятий государственной собственности, созданной трудом всего народа страны в течение нескольких десятилетий.

Как показывает анализ работ главных теоретиков и практиков китайской реформы, используемая в Китае теоретическая модель перехода к рынку вполне соответствует российским реалиям, но практические мероприятия реформы в значительной мере определяются конкретной китайской спецификой². Китай не пошел по пути радикального перехода к новой экономической и политической системе, а ограничился реформами, связанными с последовательным переходом от плановой к рыночной экономике, разбитым на четыре этапа: 1) 1979–1984 гг. – «плановая экономика – основа, рыночное регулирование – дополнение»; 2) 1984–1993 гг. – «плановая товарная экономика»; 3) 1993–2002 гг. – «социалистическая рыночная экономика»; 4) 2003–2013 гг. – «совершенствование социалистической рыночной экономики»; 5) с 2014 г. – «переход к решающей роли рынка в распределении ресурсов». В ходе реформы управления предприятиями все большее число рабочих и служащих становятся акционерами, на многие акционерные предприятия и предприятия с участием иностранного капитала административно-управленческий персонал набирается по конкурсу, а не по назначению КПК и вышестоящих ведомств. В настоящее время происходит формирование новой экономической системы, где главным звеном являются расширение и развитие рынка, создание новой системы управления предприятиями, формирование системы макрорегулирования и контроля. Представляется разумным общий подход руководства КНР к проведению реформы, обеспечивающий постепенный переход к рыночной экономике без «шоковой терапии» и постоянное повышение жизненного уровня населения.

Такие впечатляющие результаты были достигнуты Китаем в результате осмысленной проработки теоретических вопросов экономической реформы. Там отказались от бездумного использования монетаристских методов перехода к рыночной экономике и была выработана своя теория «социалистической рыночной экономики», которая по сути дела, и есть теория перехода от командно-административной, сверхцентрализованной экономики к рыночной экономике, где «была не только переосмыслена традиционная теория плановой экономики, но и качественно развиты теоретические положения традиционной теории рыночной экономики»³. На наш взгляд, обе страны – Россия и Китай – являются странами с переходной экономикой. Основное отличие между переходными экономиками обеих стран состоит в том, что в Китае переход от плана к рынку носит эволюционный характер при контроле за этим процессом государства и Коммунистической партии Китая, а в России – революционный, причем КПСС передала государственную власть в обмен на собственность, и в результате государство оказалось в значительной степени отстранено от процесса управления переходом к рыночной экономике. Различия в результатах социально-экономического развития в обеих странах определяются характером перехода в них к рыночной экономике.

В 1990-е гг. мало кто ожидал таких успехов от китайской экономики. Значительная часть политиков и ученых как в нашей стране, так и за рубежом ожидали, что Китай, как СССР и другие страны Восточной Европы, в результате краха марксистской идеологии начнет распадаться на отдельные территории. Это повлечет за собой экономический кризис страны наподобие ситуации в Китае в 1920-е гг. после Синьхайской революции.

В этих условиях в России проблемами китайской экономики в отличие от политических проблем почти никто не интересовался, и большая часть исследований по китайской экономике в 1990-е гг. проводилась в рамках Института Дальнего Востока РАН. Практически все остальные организации, как учебные, так и ведомственные, фактически свернули все исследования по экономике Китая как неперспективные, под которые трудно получить серьезное финансирование в условиях рыночной экономики.

Однако успехи китайских реформ к концу XX в., вступление КНР в ВТО в 2001 г., успешное преодоление экономических трудностей в годы мирового финансового кризиса в 2007–2008 гг., выход на 2-е место в мире по уровню экономического развития и на 1-е место в мире по объему экспорта, усиление китайской валюты – юаня, успехи в космических исследованиях и нанотехнологиях резко стимулировали интерес к ситуации в китайской экономике как в мире, так и в России. В мировой экономике стал проявляться интерес к причинам и факторам, способствовавшим столь бурному экономическому росту КНР в последние десятилетия. В свою очередь, в России многих стал интересовать вопрос: каким образом за два десятка лет Китай с более низкой стартовой площадки сумел не только догнать, но и опередить Россию и другие развитые страны мира? В начале XXI в. перед российскими политиками и немногочисленными экспертами по Китаю возникли и другие вопросы: как быть российскому Дальнему Востоку и Сибири, которые имеют более 6000 км общей границы с Китаем? Следует ли им отгородиться от Китая или развивать всестороннее сотрудничество и рассчитывать на помощь Китая в развитии отдаленных от центра территорий Дальнего Востока и Сибири?

Все это вызвало определенный интерес к исследованиям по экономике и социальным проблемам Китая, в результате чего с начала XXI в. резко выросло количество публикаций по Китаю в виде авторских монографий, различных публикаций защищенных докторских и кандидатских диссертаций и написанных учебников по экономике Китая. Однако, несмотря на значительно возросший интерес российского общества к проблемам социально-экономического развития Китая на современном этапе, это никак не отразилось на интересе государства к исследованиям по данной теме. По-прежнему финансирование исследований по Китаю в целом и по китайской экономике в частности оставалось мизерным, что отражает почти полную неустраиваемость государства к результатам данных исследований. В отличие от России в США, ЕС, Японии и Австралии многократно выросло финансирование исследований по экономике Китая, было создано много новых научно-исследовательских структур и образовано печатных изданий. Тем не менее, несмотря ни на что, в России в XXI в. масштабы исследований китайской экономики заметно выросли по сравнению с 90-ми г. XX в.

Российская историография 1990-х гг. о китайской экономической реформе

Главной темой исследований российских китаеведов-экономистов в 1990-е гг. была начавшаяся в конце 1970-х гг. реформа экономической системы в КНР. Надо сказать, что еще в те годы эта тема была чрезвычайно актуальна. Уже в конце 70-х – начале 80-х гг. XX в. на основе предварительного анализа основных документов и материалов правящей партии в КНР – КПК, основного исполнительного органа – Госсовета КНР и законодательного органа власти – Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП), а также теоретических работ ведущих китайских ученых-экономистов можно было сделать вывод, что в Китае начали вносить серьезные коррективы в политэкономическую теорию марксизма-ленинизма, направленные на постепенный переход от командно-административной экономики к рыночной экономике. В результате проведения экономической реформы

в КНР предполагалось сделать экономический рывок – четырехкратное увеличение производства валовой продукции промышленности и сельского хозяйства до 2000 г. – и на этой основе заметно повысить жизненный уровень населения страны.

Серьезным изучением опыта китайских реформ в больших масштабах следовало бы заняться еще в середине 1980-х гг. Однако идеологические догмы взяли верх, китайские реформы рассматривались руководством КПСС как отступление от социализма, а исследование опыта реформ в основном выглядело как критика китайских ревизионистов, которые вздумали отойти от генеральной линии марксизма-ленинизма. В начале 1990-х гг. руководство России также предпочло игнорировать опыт китайских реформ по двум причинам: во-первых, по идеологическим причинам, связанным с тем, что экономические реформы в КНР осуществляет руководство КПК; во-вторых, по надуманным экономическим причинам, согласно которым успехи китайской реформы объяснялись прежде всего намного более низким базовым уровнем производительных сил в Китае по сравнению с Россией, с которого и начинались китайские реформы.

В результате в 1990-е гг. в России преобладала откровенная недооценка успехов китайских реформ и сохранялась на уровне обыденного сознания у большинства населения (в том числе и у высшего российского руководства) мнение о Китае как об отсталой, бедной стране с крайне низкими показателями ВВП на душу населения. Большая часть российского руководства в основном была преисполнена ожиданиями распада Китая на несколько стран по экономическим, политическим и социальным причинам. Но Китай ни в 1990-е гг., ни позднее распасться не собирался. Более того, к середине 1990-х гг. по объему ВВП Китай догнал Россию. Казалось бы, такие успехи китайской реформы должны были стать предметом особого интереса со стороны руководства России. Однако Российское государство так и не сделало подкрепленный значительным финансированием социальный заказ научной общественности на исследование проблем китайской экономики и социально-экономической модели китайской реформы, равно как и на развитие всего китаеведения в целом. В результате не только начался уход научных работников из китаеведения, в том числе ранее уже защитивших кандидатские и докторские диссертации, но и уменьшилось количество научно-исследовательских организаций, занимавшихся проблемами китайской экономики.

Более того, в российской научной печати стали появляться теоретические работы, в которых делались принципиально неверные выводы о том, что успехи китайской экономической реформы связаны, прежде всего, с проведением либеральной экономической политики и с отказом от государственного вмешательства в экономику. Наиболее развернуто эта точка зрения высказана А. Илларионовым, который в результате достаточно поверхностного анализа китайской статистики в сопоставлении с аналогичными показателями российской статистики пришел к выводу о том, что «в 1979–1997 гг. в Китае проводились не постепенные (градуалистские), а либеральные экономические реформы». На этом основании был сделано громкое заявление о том, что «опыт китайских реформ свидетельствует, что лишь предельно либеральная экономическая политика способна остановить возрастающее отставание России от своих соседей и других стран мира»⁴. Практически по горячим следам в статье Л. Новоселовой⁵ в ведущем российском журнале «Проблемы Дальнего Востока» был дан ответ, опровергающий основные выводы статьи А. Илларионова.

Внимательный анализ китайских статистических данных показывает, что в Китае в ходе реформы проводились именно постепенные (градуалистские) экономические реформы под контролем государства. В указанной выше статье А. Илларионова при сопоставительном анализе материалов российской и китайской статистики, к сожалению, не были учтены как особенности национальной учетной статистической базы в КНР, так и суть основных мероприятий китайской реформы, главной целью которой является не

либерализация экономики как самоцель, а повышение жизненного уровня постоянно растущего населения страны на базе всестороннего развития производства. Действительно, при этом государство освобождает себя от постоянного контроля за деятельностью экономических агентов, но делается это постепенно, по этапам, в течение уже многих лет. При этом государство по-прежнему сохраняло контроль за основными отраслями экономики (топливно-энергетические отрасли, транспорт, банковское дело) с помощью различных экономических рычагов, обеспечивая, таким образом, на первых этапах реформы за счет фиксированных цен на продукцию этих отраслей возможности для создания предприятий различных форм собственности и рыночной конкуренции между ними. Лишь после того как сформировалась конкурентная среда в той или иной отрасли экономики, государство стало освобождать цены на основные средства производства.

Некоторые российские ученые вместе со своими зарубежными коллегами пытались поставить под сомнение результаты экономической реформы в Китае, пытаясь опровергнуть статистические данные по китайской экономике, регулярно публиковавшиеся в китайских статистических сборниках по итогам года. В частности, В.Г. Гельбрас считал, что китайские статистические данные завышены и реальные показатели китайской экономики ниже, чем данные различных китайских статистических сборников, в которых имеет место расхождение данных по темпам прироста ВВП и потребления всех видов энергии и объемов грузоперевозок и грузооборота⁶. Вместе с тем в российском китаеведении имелась и противоположная точка зрения, которой придерживается А.Н. Анисимов. Он считает, что показатели китайской экономики недооценены из-за суженной учетной статистической базы, многие статистические данные публикуются с различным уровнем репрезентативности, а немалая часть производства вообще статистически не фиксируется⁷. Имеются также и промежуточные оценки состояния китайской экономики (Л.И. Молодцова, В.Я. Портяков), суть которых сводится к тому, что все же целесообразно ориентироваться на публикуемые в КНР статистические данные о состоянии китайской экономики, тем более что в китайской статистической литературе регулярно проводится пересмотр статистических данных с учетом вновь выявленных обстоятельств⁸.

В целом всесторонний обзор работ российских экономистов по проблемам китайской экономики показал, что большая часть работ по китайской экономике в 1990-е гг. была подготовлена в Институте Дальнего Востока РАН. К ним можно отнести прежде всего серию работ по различным аспектам китайской экономики, опубликованных в различных номерах Информационного бюллетеня ИДВ РАН в 1992–2000 гг.⁹, публикацию переведенных с китайского языка различных законов и постановлений законодательных и исполнительных органов КНР, раскрывающих основное содержание конкретных мероприятий в первое десятилетие китайской реформы в 1979–1988 гг.¹⁰ По-прежнему, как в 1970-х и 1980-х гг., Институт Дальнего Востока РАН продолжал выпускать ежегодники «Китайская Народная Республика: экономика, политика, культура» за 1991–2000 гг., значительная часть которых была посвящена анализу экономических и социальных проблем Китая за прошедший год, включая обзоры ситуации в различных отраслях экономики¹¹.

Особо следует отметить выпущенный ИДВ РАН сборник «Китай на пути модернизации и реформ» под редакцией М.Л. Титаренко, посвященный 50-летию КНР. Важное место в этом сборнике занимает раздел «Экономика и общество», в котором представлено 12 статей российских ученых по различным проблемам социально-экономического развития страны, анализирующих экономическое развитие страны за 50 лет существования КНР. В этих статьях подводятся итоги 20 лет реформ в различных сферах социально-экономического развития китайского общества и дается всесторонняя характеристика результатов экономической реформы (В.Я. Портяков), развития экономической мысли КНР за годы реформ (О.Н. Борох), проблем индустриализации (Л.И. Кондрашова), модернизации аграрного сектора (Л.Д. Бони и Л.А. Волкова), региональной политики и размещения про-

изводительных сил (Г.А. Ганшин), государственного бюджета (И.Б. Шевель), банковско-финансовой системы (Е.Ф. Авдокушин), инвестиционной стратегии (Л.В. Новоселова), демографической ситуации (Е.Ф. Селиванова), повышения уровня жизни (И.Н. Наумов), проблемы оборонной промышленности (П.Б. Каменнов) и развития внешнеэкономических связей (М.А. Потапов)¹².

В этот период в Институте Дальнего Востока РАН стало развиваться новое направление исследований, связанное с необходимостью развития внешнеэкономических связей России в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). В ходе исследований по данной теме была выявлена проблема активизации торгово-экономических и политических отношений со странами АТР в целом и Северо-Восточной Азии в частности. В этих исследованиях был проведен всесторонний анализ интересов России в Северо-Восточной Азии и показаны перспективы использования многостороннего сотрудничества со странами этого региона для ускорения социально-экономического развития российского Дальнего Востока¹³. После вступления России в организацию Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) в Институте Дальнего Востока при участии МИД РФ начались комплексные исследования по проблемам сотрудничества России в АТЭС и АТР. По итогам этих работ с конца 1990-х гг. совместно с МИД РФ стали проводиться регулярные ежегодные конференции, в которых участвовали помимо научных работников также и представители министерств и ведомств, заинтересованные в исследованиях по данной теме¹⁴. Однако в дальнейшем из-за отсутствия должного финансирования исследования по данной тематике, к сожалению, были свернуты.

В 1990-е гг. в рамках основного направления исследования китайской экономики была подготовлена серия работ по основным аспектам экономических преобразований в период реформ. При этом были детально проанализированы проблемы экономической политики в КНР за годы реформ. В результате проведенных исследований в ряде работ были сделаны важные выводы о том, что в Китае был определен «в целом правильный выбор преобразований – постепенный, поэтапный переход от централизованной системы к современной рыночной экономике, создаваемой на базе всестороннего учета национальных особенностей и при сильной макрорегулирующей роли государства»¹⁵. В большом количестве работ и статей ведущих российских китаеведов отмечалась также необходимость учета китайского опыта преобразований в России¹⁶. Однако, как показала дальнейшая практика, китайский опыт экономической реформы перехода к рыночной экономике был полностью проигнорирован исполнительной и законодательной властью России.

Важным направлением исследований экономики Китая являлся анализ эволюции теоретических представлений китайских экономистов о проблемах собственности и вопросам соотношения плана и рынка. Был показан механизм изучения и усвоения в Китае новейших зарубежных концепций. Также был проведен анализ новых направлений в экономической науке с учетом китайских культурных традиций¹⁷. В работе Э.П. Пивоваровой особо отмечен тот факт, что китайские ученые в теоретическом плане познания закономерностей перехода к рыночной экономике заметно опередили своих коллег из других стран с переходной экономикой, включая и российских ученых. В частности, китайские ученые смело поставили целый ряд таких кардинальных вопросов теории социализма, как необходимость при социализме развития товарного хозяйства, дифференциации доходов, конкуренции внутри страны и на международной арене, плюрализма в формах собственности вплоть до развития частных хозяйств и т.п.»¹⁸. В результате был сделан важный вывод о том, что «прорывы» китайских ученых в экономической теории социализма в ходе теоретического и практического поиска за годы реформы существенно изменили прежние представления о социализме и ««социализм с китайской спецификой» по многим параметрам совсем не совпадает с моделью социализма, начерченной классиками марксизма-ленинизма»¹⁹. В конечном счете в результате анализа китайской экономической мысли

в условиях реформ О.Н. Борох показала, что «китайская экономическая наука за годы реформ вышла на качественно иной, более высокий теоретический уровень как в области ассимиляции достижений западной мысли, так и в понимании особенностей развития Китая. Поэтому осознание китайскими экономистами невозможности механического применения в Китае западных рецептов строится... не на идеологических запретах, а на значительно углубившемся по сравнению с уровнем конца 70-х гг. понимании проблем экономической теории и практики экономических реформ»²⁰.

В 1990-е гг. также велись исследования по вопросам развития рыночных отношений в условиях государственного управления. Были намечены основные направления исследований по такой актуальной для стран с переходной экономикой проблеме, как соотношение государственного управления и рыночного регулирования²¹. В этот период был написан ряд статей по формированию новых видов рынка в условиях переходной экономики, таких, как рынок акций, ценных бумаг, страховой рынок, рынок недвижимости, а также рынок потребительских товаров²². Был сделан вывод о том, что в условиях перехода к рынку спутником рыночной экономики является инфляция, которую в Китае удалось существенно снизить по сравнению с другими странами с переходной экономикой, не говоря уже о России²³.

Ряд исследований 1990-х гг. был посвящен проблемам формирования и развития предприятий различных форм собственности. В частности, вышли в свет монографии, в которых освещались проблемы развития предприятий государственной формы собственности²⁴, частного и индивидуального предпринимательства в Китае²⁵, новых форм акционирования предприятий различных форм собственности²⁶, а также различных сельских (волостно-поселковых) предприятий в условиях экономической реформы²⁷. В результате проведенных исследований был сделан вывод о том, что в процессе реформы произошел переход от социально-экономической структуры общества с предприятиями двух форм собственности – государственной и коллективной (собственность народных коммун) – к многообразным формам собственности при заметном уменьшении доли государственных форм собственности и появлении новых форм собственности: от частных и индивидуальных до совместных и смешанных предприятий, включая предприятия чисто иностранного капитала.

Однако, следует отметить, что в 1990-е гг. российские китаеведы недостаточно занимались проблемами региональной экономики Китая. Этой темой в основном занимался Г.А.Ганшин, который написал различные статьи и брошюры как по региональной политике руководства КНР, так и по экономическому развитию отдельных регионов страны²⁸. В этот период в Институте международных экономических и политических исследований также был опубликован сборник, в котором российские и китайские авторы сделали сравнительный анализ региональной экономической политики России и КНР²⁹. Как показала данная работа, китайские коллеги делали больший упор на изучение опыта регионального развития в разных районах Китая, в частности в Синьцзяне. В то же время российские ученые в основном акцентировали теоретические аспекты экономических реформ в России в целом. Что касается региональной экономики Китая, особое внимание уделяли проблеме растущей урбанизации Китая в ходе реформ, что неминуемо накладывало свой отпечаток на изменения в региональной политике³⁰. В выпущенной в ИМЭПИ РАН монографии Л. Кондрашовой и Н. Корнейчук был сделан вывод о региональной политике Китая в целом. Как считают авторы, «китайский вариант региональной политики интересен с точки зрения сложностей формирования единого экономического пространства и использования территориального разделения труда для стимулирования экономического роста»³¹.

В эти годы также велись исследования по проблемам развития промышленности Китая. Значительную работу по этой теме осуществляли З.А. Муромцева и Л.И. Кондрашова, которые проанализировали вопросы индустриального развития КНР в условиях эконо-

мической реформы, а также изменения пропорций внутри промышленности и реформу в самой отрасли³². Также проводились исследования и по отдельным отраслям промышленности: по топливно-энергетическому комплексу (Л.М. Охотникова), машиностроению и металлургии (Н.Н. Коледенкова), транспорту и связи (Н.Н. Мандрыка), в которых были проанализированы причины быстрого роста отраслей в годы реформы³³.

Важное место в работе китаеведов-экономистов занимали проблемы развития сельского хозяйства Китая, которые традиционно определяли потенциал развития китайской экономики. Переход на систему подворного (семейного) подряда в ходе реформы постепенно привел к резкому росту производительности труда в сельском хозяйстве, решению зерновой проблемы, обеспечению продовольственной базы для повышения жизненного уровня населения страны. Как следствие этого, уже с 1980-х гг. стал происходить переход значительной части занятого в сельском хозяйстве населения в несельскохозяйственную сферу и миграция сельского населения в города. Проблемам развития сельского хозяйства и аграрной сферы в КНР были посвящены работы ряда китаеведов-экономистов. В частности, в конце 1990-х гг. в Институте Дальнего Востока РАН был выпущен сборник статей, посвященный макроэкономическому регулированию аграрной сферы КНР в 1990-е гг.³⁴. Бони Л.Д. в своих работах проанализировала вопросы развития рынка в китайской деревне в 1980–1990-х гг.³⁵ Работы Л.А. Волковой в основном затрагивали вопросы изменения в распоряжении землей в условиях экономической реформы³⁶. В 90-е гг. в ИДВ РАН работало много исследователей по китайскому сельскому хозяйству. В частности, И.Н. Коркунов в своих исследованиях затрагивал вопросы аграрной политики КНР, С.Н. Алексахина изучала опыт проведения экономических реформ в экспериментальных сельских районах Китая, Е.В. Бубенцов занимался проблемами китайского крестьянства в ходе реформы, Е.И. Крапина – развитием животноводства, водных промыслов и лесоводства³⁷.

Большое внимание в 1990-е гг. в российском китаеведении уделялось проблемам развития народонаселения и формирования жизненного уровня населения страны. В работах Е.С. Баженовой и А.В. Островского особое место было уделено проблемам народонаселения, занятости и политики в области трудоустройства в Китае; вопросам повышения жизненного уровня населения в ходе экономической реформы занимался И.Н. Наумов³⁸. По этой теме работали также специалисты Института востоковедения РАН. В 1990-е гг. вышли две работы – комплексная обобщающая работа В.П. Курбатова по проблемам демографии, агросферы и экологии, где была показана взаимосвязь всех трех глобальных проблем Китая, и работа А.Д. Дикарева по демографическим проблемам национальных меньшинств в Китае, доля которых в общей численности населения страны не превышает 9%, хотя их численность превышает 100 млн человек³⁹. В результате проведенных исследований российскими китаеведами по проблемам народонаселения и демографии Китая были сделаны важные выводы о том, что «социальная политика, вызванная экономической реформой, в перспективе может оказать положительное воздействие на решение проблем народонаселения в КНР, способствовать стабилизации роста населения страны...»⁴⁰, что и происходит в настоящее время. Более того в совместной работе Е.С. Баженовой и А.В. Островского особо отмечалось, что «противоречие, сложившееся между нынешним режимом воспроизводства населения, являющееся следствием исключительно высокого потенциала демографического роста, и модернизацией социально-экономической структуры, превратилось в одно из противоречий общественного развития в КНР... противоречие между размерами семьи и общества обусловило необходимость осуществления политики однодетной семьи»⁴¹.

Также продолжались исследования по проблемам финансов, государственного бюджета и банковской системы КНР. В частности, в ИДВ РАН С.П. Савинским была защищена кандидатская диссертация по проблемам реформы бюджетной системы КНР⁴². Был опубликован

ван ряд статей по проблемам реформы налоговой системы, формирования государственного бюджета и валютного регулирования в КНР, реформы банковской системы и банковской деятельности в КНР в 1990-е гг., в том числе и деятельности иностранных банков в Китае⁴³. Важное значение для исследования проблем китайской экономической политики в целом и развития финансовой системы КНР в частности имели исследования Л.В. Новоселовой по проблемам инвестиционной политики в ходе реформ⁴⁴. В результате исследований по данной теме был сделан важный вывод о том, что в ходе глубоких преобразований государственного сектора в КНР делались попытки «привести в большее соответствие форму и содержание нового инвестиционного механизма, что в перспективе способно существенно повысить эффективность социально-экономических преобразований в КНР»⁴⁵.

Следует отметить, что в 1990-е гг. в исследованиях по китайской экономике недостаточное внимание было уделено проблемам развития науки и техники, научно-технического прогресса, состоянию военно-промышленного комплекса, а также экологическим проблемам Китая, которые в XXI в. постепенно становятся основными темами для исследования состояния китайской экономики. В 1990-е гг. проблемам развития научно-технического прогресса, военно-промышленного комплекса был посвящен ряд работ Л.М. Гирича, П.Б. Каменнова и И.А. Петухова⁴⁶. Также считанное количество публикаций вышло в свет в 1990-е гг. по экологическим проблемам. К ним следует отнести работы Е.В. Бирюлина по анализу китайского законодательства в природоохранной сфере и Ю.В. Минакова по экологической ситуации в Китае⁴⁷.

Значительно больше внимания, хотя, на наш взгляд, и недостаточно, в 1990-е гг. было уделено проблемам и перспективам развития внешнеэкономических связей Китая в ходе реформ. Заметный вклад в исследование проблем развития внешнеэкономических связей КНР внес М.А. Потапов, который написал ряд статей, опубликовал две монографии по данной теме и защитил докторскую диссертацию в ИДВ РАН⁴⁸. В своих работах М.А. Потапов показал растущую роль Китая в системе мирохозяйственных связей и сделал важный вывод о том, что «в предстоящие годы внешнеэкономический фактор, несомненно, сохранит заметную роль в наращивании производственно-технического потенциала КНР»⁴⁹, что и произошло в дальнейшем в начале XXI в.

Исследуя развитие внешнеэкономических связей Китая, российские китаеведы основное внимание уделяли проблемам развития регионального сотрудничества в Северо-Восточной Азии, в рамках Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества и развития российско-китайских торгово-экономических связей. В 1990-е гг. важное место занимали проблемы развития регионального сотрудничества России в Северо-Восточной Азии, где большое место было уделено Китаю как одной из стран, ведущих наиболее активно свою внешнеэкономическую деятельность в регионе. По этой тематике вели исследования такие ученые, как А.А. Козлов, В.В. Михеев, А.В. Островский, В.Я. Портяков, Е.В. Спрогис, Т.Г. Терентьева, М.Л. Титаренко и В.Б. Якубовский⁵⁰. Ряд ученых – И.Н. Коркунов, В.Я. Портяков, Е.В. Спрогис, М.Л. Титаренко – большое внимание в своих исследованиях уделяли проблемам развития российско-китайских внешнеэкономических связей. В работах ученых ИДВ РАН отмечалось, что для развития российского Дальнего Востока торгово-экономические связи с Китаем имеют решающее значение в условиях разрыва экономических связей между российской, азиатской, и европейской частями, и для быстрого экономического развития России не менее важное значение имеют торгово-экономические связи России со странами АТЭС в целом и Северо-Восточной Азии в частности. В работах А.А. Козлова большое внимание уделено проблемам развития Гонконга и Китая в АТЭС и сделаны выводы о сохраняющейся важной роли Гонконга в развитии внешнеэкономических связей КНР после его присоединения⁵¹.

В этот период изучению внешнеэкономических связей были посвящены отдельные работы российских китаеведов и экономистов. В частности, проблемами развития сво-

бодных экономических зон занимались Е.Ф. Авдокушин, Д.А. Саприка, Г.С. Яскина, Л.А. Аносова, опыт китайско-африканского экономического сотрудничества изучался Т.Л. Дейч, привлечением иностранной технологии в КНР занимался А.Г. Иванчиков, использованием иностранного капитала в КНР – С.А. Манежев⁵².

Таким образом, в 1990-е гг. российскому китаеведению, в основном за счет исследований в Институте Дальнего Востока РАН, несмотря на многие неблагоприятные обстоятельства, связанные со снижением финансирования и оттоком научных кадров из китаеведения, удавалось вести исследования по экономике Китая практически по всем основным направлениям. В результате проведенных исследований российскими китаеведами-экономистами были сделаны важные выводы о проблемах и перспективах развития китайской экономики. В них отмечались несомненные успехи китайской экономической реформы, ее роль в усилении мощи китайского государства и в заметном повышении жизненного уровня на основе быстрого экономического роста, важность фактора развития внешнеэкономического сотрудничества со всеми странами мира для успехов экономической реформы и роста потенциала китайской экономики.

КИТАЙСКАЯ ЭКОНОМИКА В XXI ВЕКЕ ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ КИТАЕВЕДОВ

К началу XXI в. экономические успехи Китая стали очевидны, и их уже нельзя было игнорировать. В 2000 г. объем ВВП КНР составил уже 9,921 трлн юаней (или 1,199 трлн дол.), объем внешней торговли составлял 474,3 млрд дол., по объему ВВП Китай уже занимал 6-е место в мире по сравнению с 11-м местом в 1990 г., а по объему внешней торговли – 8-е место в мире по сравнению с 15-м местом в 1990 г.⁵³ Многим казалось, что Китай достиг своего экономического потолка и дальше после вступления КНР в ВТО начнется кризис китайской экономики, которая окажется неконкурентоспособной на мировом рынке из-за более низкого качества продукции и роста импорта товаров на относительно закрытый внутренний рынок. Однако произошло все с точностью наоборот. Китайская продукция легкой и текстильной промышленности продолжала успешно конкурировать на мировом рынке. Вместе с тем, после прихода в Китай иностранного капитала с середины 1980-х гг. было создано много совместных предприятий (СП) в высокотехнологичных отраслях, включая машиностроение, электронику и фармацевтику и в сфере нанотехнологий. Это привело к резкому повышению конкурентоспособности китайской продукции на мировом рынке и взрывному росту ВВП и объему внешней торговли в начале XXI в. В 2013 г. объем ВВП уже составил 55,9 трлн юаней (или 9,2 трлн дол.), объем внешней торговли составил 4,16 трлн дол., а по объему ВВП и объему внешней торговли Китай уже вырвался на 1-е место в мире, обогнав США⁵⁴.

В нулевых годах XXI в. произошли важные события, которые самым непосредственным образом способствовали стремительному развитию китайской экономики на фоне медленного развития экономик развивающихся и развитых стран. В первую очередь это вступление Китая в ВТО в 2001 г., что в полной мере способствовало бурному развитию внешней торговли страны и значительно стимулировало развитие промышленного производства в КНР, в результате чего Китай получил неформальный статус «мировой фабрики». Второе событие – мировой финансовый кризис в 2007–2008 гг., в результате которого практически все страны за исключением Китая заметно снизили свои показатели экономического развития, что позволило Китаю обогнать многие развитые страны по основным валовым экономическим показателям.

Следует отметить, что многие экономисты в России и за рубежом предполагали, что принятие на себя всех прав и обязанностей члена ВТО в полном объеме принесет Китаю

значительные трудности. В частности, предполагалось, что «в первые пять – десять лет экономические потери превысят валютные и прочие поступления, предприятия приоритетных отраслей китайской экономики – автомобильной, текстильной, электронной, химической промышленности, сельского хозяйства – в результате отмены импортных количественных ограничений и снижения ввозных таможенных пошлин столкнутся с жесткой конкуренцией с иностранными контрагентами на внутреннем рынке... а рассчитывать на опережающий рост экспорта Китая, учитывая недостаточную конкурентоспособность китайских товаров по сравнению с аналогичной продукцией развитых стран и НИС, а также жесткую антидемпинговую политику на мировом рынке достаточно проблематично»⁵⁵. Однако жизнь полностью опровергла основные соображения различных теоретиков-экономистов и экспертов-китаеведов. После вступления Китая в ВТО его объем внешней торговли в 2012 г. вырос в 7,6 раза по сравнению с 2001 г. – годом вступления в ВТО⁵⁶. Этого явно никто ни в мире, ни в России не ожидал. В этом плане совершенно справедливую оценку этому явлению дали М.А. Потапов и А.И. Салицкий. В своей совместной статье они выразили непонимание того, что российские аналитики весьма скупко отозвались на присоединение Китая к ВТО в конце 2001 г. По их мнению, это явилось серьезным упущением по двум причинам. Во-первых, Россия сама ведет переговоры о вступлении в ВТО и должна быть хорошо осведомлена о наиболее свежем прецеденте такого рода, что позволит помочь ей в переговорах по ВТО. Во-вторых, Китай стремительно увеличивает свое присутствие на мировых рынках и превращается в перспективного партнера и опасного конкурента, и недооценка этой страны в мировой экономике может обернуться внушительными потерями⁵⁷. С той поры прошло уже более 10 лет, Россия уже вступила в ВТО в 2012 г., и в настоящее время все происходит именно так, как было предсказано в статье М.А. Потапова и А.И. Салицкого. На переговорах при вступлении России в ВТО совсем не был использован китайский опыт, хотя в настоящее время Китай стал не только весьма перспективным партнером, но и довольно опасным конкурентом на мировом рынке. И с этим России уже приходится считаться в значительной степени при выработке экономической политики по меньшей мере на ближайшие 25–30 лет.

После вступления КНР в ВТО за рубежом рассматривались две оценки перспектив развития китайской экономики. Часть ученых считали официальные экономические показатели экономического роста КНР завышенными и на этом основании строили прогнозы о грядущем экономическом крахе Китая. Другая часть, наоборот, обращала внимание на усиление экономической мощи Китая, отмечала его растущую роль в мировой экономике, а также выдвигала предположение, что в результате роста экономики и увеличения китайского экспорта на мировой рынок начнется экономический спад в других странах и успешное развитие Китая будет происходить за чужой счет. В конечном счете было выделено пять основных иностранных теорий, которые объясняли внезапное «возвышение Китая» в начале XXI в.

«Теория экспорта Китаем дефляции» была выдвинута главным экономистом «Морган Стэнли» Стивеном Роучем. Согласно этой теории Китай за счет заниженного курса юаня к доллару сделал цены китайских экспортных товаров более конкурентоспособными на мировом рынке, и в результате Китай стал источником глобальной дефляции. Другая теория – выдвинутая Томасом Равски и частично поддержанная Полом Кругманом, – «теория фальсификации статистических данных» – ставила под сомнение реальность высоких темпов экономического роста КНР и делала вывод о неизбежности грядущего экономического краха. «Теория краха Китая», выдвинутая Гордоном Чаном и поддержанная Джо Стадвеллом, провозглашала быстрый крах китайской экономики сразу после Олимпийских игр в Пекине 2008 г. и переход страны от процветания и оживления к экономическому упадку. Еще одна теория – «теория китайской угрозы» – признавала заметный экономический рост Китая и доказывала, что дальнейший подъем Китая приведет к эко-

номической экспансии. «Теория создания Китая опасности» была выдвинута Джеффри Гартемом, суть ее состояла в угрозе концентрации в Китае производства продукции, что позволит Китаю диктовать свои условия на мировом рынке⁵⁸.

Надо сказать, что некоторые теории о неизбежном крахе китайской экономики были в полной мере подхвачены в России. В частности, «теорию фальсификации статистических данных» поддержал В.Г. Гельбрас, аргументируя свою точку зрения расхождением официальных статистических данных по темпам прироста ВВП и потребления всех видов энергии и по объемам грузоперевозок и грузооборота⁵⁹. Однако, на наш взгляд, следует в этом вопросе согласиться с Я.М. Бергером, который считает, что официальные статистические сведения об экономическом росте Китая, несмотря на все сомнения профессора Т. Равски, скорее всего, достаточно близки к действительности и что надо больше внимания обращать не на количественные, а на качественные показатели китайской экономики – безработица, бедность, разрыв между бедными и богатыми, между городом и деревней, между различными районами страны⁶⁰. «Теория китайской угрозы» получила широкое распространение в России в основном среди политиков и бизнесменов, которые плохо знают китайские реалии, но весьма неплохо осведомлены о проблемах западной экономики. В результате это в значительной степени препятствует развитию российско-китайских торгово-экономических отношений и в конечном счете развитию российского Дальнего Востока, где слабо развивается инфраструктура для развития товарных связей между Россией и Китаем. Станный факт – на 6000 км водной границы между Россией и КНР по рекам Аргунь, Амур и Уссури до сих пор не построено ни одного моста между двумя берегами, хотя межгосударственное соглашение о строительстве моста через Амур между Благовещенском и Хэйхэ было подписано еще в 1995 г. двумя премьер-министрами – В.С. Черномырдиным и Ли Пэном. Как следует из бесед и опросов на различных уровнях, основной причиной этого является боязнь российских официальных лиц «китайской угрозы» в виде «неконтролируемой миграции китайского населения на российскую территорию по построенному мосту через Амур».

Еще одним показателем нежелания в России знать больше о состоянии китайской экономики является сделанный в Московской школе управления «Сколково» перевод с английского на русский язык книги американца китайского происхождения Хуан Яшэна «Капитализм по-китайски: Государство и бизнес». В ней автор, несмотря на ее объективистский характер и подробный и всесторонний анализ большого количества статистического материала, а также проведенных в КНР обследований предприятий, по сути дела, присоединяется к негативной в целом оценке китайских реформ, сделанной несколько лет назад такими китаеведами, как Гордон Чан, Томас Равски, Артур Уолдрон и другие. Как ни странно, но Хуан Яшэн предсказал наиболее тяжелые последствия мирового финансового кризиса именно для Китая. Он писал: «Структурных предпосылок для финансового кризиса имеется немало. Это и слабая финансовая система, и ухудшающийся социальный фундамент, и недостаточно развитый отечественный частный сектор. По сравнению с Восточной Азией Китай небогат, и последствия финансового кризиса в Китае будут очень серьезными»⁶¹. Как оказалось, Китай пережил этот кризис лучше всех стран Запада, США, Восточной и Юго-Восточной Азии, не говоря уже о России. Это было связано с тем, что в Китае в основном производились не финансовые инструменты, такие, как акции, облигации, векселя и деривативы, а большой объем различных товаров и услуг с высокой степенью ликвидности, которые продолжали реализовываться как на внешнем, так и на внутреннем рынке, а социальная политика руководства КНР показала свою эффективность в трудные для страны годы.

Аналогичные ошибки в прогнозе развития китайской экономики до 2020 г., связанные с недооценкой потенциала китайской экономики, содержались и в работе Института мировой экономики и международных отношений РАН под редакцией А.А. Дынкина.

Во введении «Методология и основные выводы прогноза» написанной в 2007 г. работы было указано, что «эксперты института не ожидают – по крайней мере, на перспективу до 2020 г. – глубоких кризисов и катастроф, способных отбросить экономику мира на много лет назад»⁶². В работе дана динамика экономического роста всех стран мира по паритету покупательной способности (ППС) до 2020 г., и, по расчетам авторов, доля Китая вместе с Гонконгом в мировом ВВП достигнет почти 25 % по сравнению с американскими 18 %, что, на наш взгляд, вполне реально. Однако следующее предложение ставит под сомнение дальнейшие оценки перспектив китайской экономики, так как «рассчитанный по рыночному курсу юаня к доллару ВВП Китая в 2020 г. составит около 40 % американского»⁶³. Однако, согласно данным официальной китайской статистики, по рыночному курсу юаня к доллару уже в 2010 г. объем ВВП Китая составил 41 % американского, а в 2011 г. – вообще 48,8 %⁶⁴. Как мы видим, для оценки китайской экономики необходимо использовать другой подход, связанный с регулярными исследованиями китайской экономики на разных уровнях – общегосударственном, региональном и отдельных предприятий. Только в этом случае можно будет получить приблизительный вектор направления развития китайской экономики.

Еще одним примером не критического взгляда на западную «теорию краха Китая» является монография Ю.М. Галеновича «Китайское чудо или китайский тупик?». Автор через призму различных политических и социальных угроз Китаю в целом и китайской экономике в частности на большом фактическом материале рассматривает ситуацию в Китае. На основе этого анализа он приходит к выводу, что китайское экономическое чудо закончено и в нынешней ситуации, когда у власти уже много лет находится КПК, страну ждет «китайский тупик», так как нынешняя власть вряд ли сможет эффективно устранить все барьеры на пути быстрого развития экономики⁶⁵. В работе не так много экономического анализа, в основном преобладают политические мотивы. Однако с момента написания этой работы прошло уже более 10 лет, а «экономического тупика» в Китае пока не наблюдается, и, судя по итогам завершившегося в 2012 г. XVIII съезда КПК и результатам социально-экономического развития КНР за последние 10 лет, пока можно все-таки больше говорить об экономическом чуде. Тем не менее, следует отметить, что большая часть китаеведов, изучающих экономику, не подпали под влияние различных западных теорий о «китайской угрозе» или об «экономическом крахе» Китая, а объективно на основе большого массива имеющейся китайской статистики ведут свои исследования китайской экономики в XXI в., которые становятся все более актуальными по мере роста удельного веса китайской экономики на мировом рынке и вследствие усиления экономического давления Китая на прилегающие российские территории.

Такое развитие событий в целом было предсказано в изданной в 2006 г. работе Б.Н. Кузика и М.Л. Титаренко «Китай–Россия 2050: стратегия соразвития». В ней по сути дела были обобщены имевшиеся на тот момент основные результаты исследований двух академических институтов – Института Дальнего Востока РАН и Института экономических стратегий РАН – в рамках прогнозов развития экономики двух сопредельных стран – России и Китая. Как показывает развитие событий в настоящее время, в полной мере подтвердился сделанный в ней прогноз развития китайской экономики, «...развитие КНР в XXI веке не будет беспроблемным. И все же вряд ли что-либо может серьезно помешать КНР последовательно укреплять свой статус экономической сверхдержавы...»⁶⁶

В результате таких изменений в мировой экономике и усиления роли Китая в мире заметно повысился интерес к экономике Китая в исследованиях не только за рубежом, но и в России. Только в течение 10 с лишним лет в России было опубликовано свыше 100 монографий, коллективных трудов и сборников материалов по различным проблемам китайской экономики. Все эти работы можно подразделить на пять видов: 1) общие работы по экономике Китая (состояние экономики, оценки, прогнозы); 2) совместные исследования по Китаю с зарубежными учеными, в том числе и с китайскими; 3) учебники по экономи-

ке Китая; 4) материалы различных конференций, на которых отдельно рассматривались экономические проблемы Китая; 5) значительное количество исследований по Китаю, проведенных в региональных вузах и отделениях РАН.

Главным достижением российского китаеведения в начале XXI в. была подготовка значительного количества работ по китайской экономике, в которых подробно анализируется общая экономическая ситуация в стране, экономическая политика китайского руководства, взгляды китайских и зарубежных ученых на пути развития общества, динамика социально-экономического развития Китая и общая картина экономического развития отраслей народного хозяйства и регионов. При этом следует отметить, что большая часть этих работ (примерно 60%) была подготовлена в Институте Дальнего Востока РАН, который был и остается ведущим российским центром исследований экономики Китая. Безусловно, наиболее значимой работой следует считать монографию Я.М. Бергера «Экономическая стратегия Китая». В ней на большом фактическом материале наглядно показано, что достигнутые за годы реформы значимые результаты социально-экономического развития КНР определяются тем, что главным локомотивом движения служит государственная власть, соединяющая свою политическую волю, мобилизационные и идеологические ресурсы с могучими механизмами рыночной конкуренции. Как справедливо заметил Я.М. Бергер, «активному включению Китая в международную жизнь способствуют, прежде всего, его экономические достижения, и уже в 2008 г. вклад Китая в мировое экономическое развитие впервые превысил американский»⁶⁷. Всесторонний анализ экономической стратегии Китая привел автора данной работы еще к одному важному выводу, имеющему прямое отношение практически ко всем работам по мировой экономике, о том, что Китай – это не один из субъектов некой совокупности стран, а «одна из мировых цивилизаций, которую нельзя подогнать ни под какой бы то ни было общий шаблон»⁶⁸.

По-прежнему, как в 1970-х–1990-х гг., Институт Дальнего Востока РАН продолжал выпускать ежегодники «Китайская Народная Республика: экономика, политика, культура», значительная часть которых была посвящена анализу экономических и социальных проблем Китая за прошедшие годы, включая обзоры ситуации в различных отраслях экономики. Два раза Институт Дальнего Востока РАН выпускал юбилейные сборники: один был посвящен 55-летию, другой – 60-летию образования КНР. Следует отметить, что важное место во всех этих сборниках занимает раздел «Социально-экономическая политика и экономическая стратегия», в котором анализируется не только общая социально-экономическая ситуация прошедших лет, но и состояние отдельных отраслей народного хозяйства и промышленности⁶⁹.

Особо следует отметить выпущенный ИДВ РАН двухтомник «Основные отрасли и сферы экономики современного Китая» под редакцией А.В. Островского, состоящий из четырех частей: «Экономическая политика, государственный бюджет, инновации»; «Промышленность»; «Сельское хозяйство»; «Внутренняя и внешняя торговля». На основе всестороннего анализа состояния экономики и различных отраслей народного хозяйства в работе был сделан важный вывод о том, что «еще нет оснований считать, что в ближайшие десять лет Китай станет лидером мировой экономики и займет место США, однако достигнуть лидирующих позиций к 2020 г. КНР вполне сможет. Сейчас Китай вступает в решающий период, когда и определяется дальнейшая тенденция его развития. Он уже дошел до того периода, когда не может развивать экономику за счет массового привлечения рабочей силы»⁷⁰. Тем не менее всесторонний анализ состояния отраслей китайской экономики показал, что Китай уже стал мощной силой в мировой экономике, с которой всем следует считаться.

В целом в нулевые годы XXI в. в рамках основного направления исследования китайской экономики было подготовлено значительное количество работ по различным аспектам экономических преобразований в период реформ. При этом были детально

проанализированы проблемы экономической политики. В результате проведенных исследований были сделаны важные выводы о том, что «используемая в Китае теоретическая модель перехода к рынку могла бы быть применена в определенной степени и в российских условиях с учетом российской специфики»⁷¹. Более того, в большом количестве работ и статей ведущих российских китаеведов отмечалась необходимость учета китайского опыта преобразований при переходе к рынку в России⁷². Однако, как показала дальнейшая практика, китайский опыт экономической реформы перехода к рыночной экономике в начале XXI в., как и в 1990-е гг., был полностью проигнорирован исполнительной и законодательной властью России.

В отличие от 90-х гг. XX в. стало развиваться международное научное сотрудничество между экономистами и социологами России и КНР и учеными из других стран с переходной экономикой – Польши, СРВ и др. Результатами такого рода международного сотрудничества стали как сборники статей ученых из разных стран, так и научные исследования по отдельным темам, целью которых являлось проведение сравнительного анализа социально-экономической ситуации в России, КНР и СРВ. В регулярно выпускаемых Институтом экономики РАН сборниках были сделаны важные выводы и определения относительно общих и особенных черт в развитии переходной экономики в разных странах⁷³. В совместной работе российских и вьетнамских ученых об общих и особенных чертах переходной экономики (от плановой к рыночной) в трех странах – России, Китае и Вьетнаме – был сделан вывод о том, что «модели рыночной трансформации общества в России, Китае и Вьетнаме в целом сходны между собой. В экономике совершается переход к механизмам рыночного саморегулирования, в политике – от традиционной к современной модели правового государства»⁷⁴. Было признано, что во всех трех странах реформы были направлены на модернизацию экономики, замену экстенсивных форм труда интенсивными, отход от опоры на избыточную рабочую силу и переход к квалифицированному труду, развитие научно-технического прогресса и инноваций. Две другие совместные работы социологов из России и КНР были посвящены анализу социологических исследований, проведенных в России и в Китае (одна работа) и в Санкт-Петербурге и в Шанхае (другая работа). В обоих совместных исследованиях ученых из России и Китая был дан всесторонний анализ изменений в социальной структуре России и КНР, происшедших на протяжении 20–30 лет в результате перехода от плановой экономики к рыночной экономике⁷⁵. Было признано, что с началом экономических реформ по мере трансформации двух форм собственности и появления многообразных форм собственности – от индивидуальной и частной собственности до государственной собственности и собственности иностранного капитала – на территории обеих стран стали происходить серьезные изменения в социальной структуре общества, связанные с расширением социальной стратификации и увеличением количества различных социальных слоев и групп как в российском, так и в китайском обществе. При этом в теоретическом плане в обеих странах произошел переход от марксистского подхода к анализу социальной структуры общества к теориям социальной стратификации, предусматривающим анализ значительного количества социальных слоев и групп, которые связаны с возникновением новых форм собственности в результате экономических реформ⁷⁶.

На базе большого количества написанных работ по экономике Китая стали издаваться и учебники для студентов различных вузов, в программу которых входит изучение экономик стран Дальнего Востока, Восточной Азии и организаций БРИКС и ШОС⁷⁷. По сравнению с периодом 1990-х гг., когда наблюдался недостаток работ по экономике этих стран и большинство выпускников вузов имели весьма отдаленное представление об экономике Китая и других стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, ситуация стала заметно изменяться, и во многих вузах стали вводить специализированные курсы по экономике Китая, что приобретает особое значение в условиях повышения роли Китая в мире и его экономического возвышения.

Постепенно растет число публикаций по экономике Китая в российских регионах. Прежде всего такой рост публикаций наблюдается в регионах, граничащих с Китаем: Приморском, Хабаровском и Забайкальском краях, в Амурской области и Алтайском крае. Анализ материалов из регионов показывает, что большая часть докладов, статей и материалов в той или иной форме посвящена проблемам развития сопредельных регионов Китая. В Приморском и Хабаровском краях анализируется экономика всего Северо-Востока Китая, в Амурской области – провинции Хэйлуцзян, в Забайкальском крае – автономного района Внутренняя Монголия (АРВМ), в Алтайском крае – Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР)⁷⁸. Следует отметить, что в Амурской области и в Забайкальском крае такая активизация работы по изучению сопредельных территорий Китая и региональных торгово-экономических связей с Китаем во многом связана с созданием в ведущих вузах регионов – Амурском государственном университете (АмГУ) и Забайкальском государственном университете (ЗабГУ) – филиалов Института Дальнего Востока РАН. Такое сотрудничество центра и регионов не только позволяет ведущему академическому институту, занимающемуся изучением Китая, вести своевременный мониторинг ситуации в приграничных районах, но и способствует повышению качества научной и учебной работы в региональных университетах.

Как и в 1990-е гг., в ИДВ РАН регулярно проходили конференции по экономике Китая. До 2006 г. проблемы экономики обсуждались только в рамках секции «Экономика» на постоянно проводимой в Москве Международной конференции «Китай и мир», организуемой Научным советом РАН по проблемам комплексного изучения современного Китая. С материалами конференции можно было ознакомиться в тезисах докладов конференции, регулярно выпускаемых к ее началу⁷⁹. Но в последние годы Центр экономических и социальных исследований Китая ИДВ РАН стал проводить регулярные конференции в начале марта каждого года, которые были посвящены экономическим итогам прошедшего года. Например, на конференции в 2009 г. обсуждался вопрос о преодолении Китаем мирового финансового кризиса 2007–2008 гг., а в 2011 г. подводились итоги десятилетия вступления КНР в ВТО. По итогам конференции в течение года регулярно выпускался сборник материалов конференции в виде докладов участников по теме исследования⁸⁰. Такого рода регулярные конференции по экономике позволили выявить основные «болевы точки» китайской экономики, связанные с объективными условиями развития Китая, демографические проблемы, относительная нехватка энергоресурсов и проблемы экологии.

Одной из основных проблем китайской экономики в настоящее время является проблема народонаселения Китая. Однако в настоящее время трудности в решении этой проблемы связаны не с общей численностью населения страны, составлявшей 1,354 млрд человек в 2012 г., а с нарастающим старением населения. Происходит постоянный рост доли населения в возрасте старше 60 лет при начавшемся абсолютном сокращении численности населения рабочего возраста. Не случайно после 3-го Пленума ЦК КПК 18-го созыва (ноябрь 2013 г.) была смягчена демографическая политика «одна семья – один ребенок» и было разрешено иметь двух детей в семьях, где супруги были единственными детьми. В дальнейшем демографическая политика была еще более смягчена, и отныне разрешается иметь уже двух детей в семьях, где хотя бы один из супругов был единственным ребенком в семье.

Такого рода изменения в демографической политике и политике занятости прогнозировались российскими китаеведами, в частности, Е.С. Баженовой, которой принадлежит подавляющее большинство опубликованных работ по проблемам народонаселения КНР, и А.В. Островским, который опубликовал монографию и ряд статей по проблемам рабочей силы в КНР⁸¹. Например, Е.С. Баженова сделала вывод о том, что «демографический фактор в КНР выступает одним из основных факторов, сдерживающих решение задачи быстрого экономического развития страны, что и в будущем предполагает проведение

политики, направленной на регулирование роста численности населения. <...> Одной из детерминант, определяющих перспективы развития Китая, будет динамика численности населения и других демографических показателей»⁸². В своей монографии о рынке рабочей силы в Китае, написанной более 10 лет назад, А.В. Островский отмечал, что «в дальней перспективе Китаю также не удастся избежать дефицита рабочей силы в стране». В те годы такие прогнозы выглядели абсолютно нереальными на фоне предложения рабочей силы в стране от 15 до 20 млн человек в год по разным оценкам, включая официальные оценки Министерства труда КНР⁸³. Однако уже к концу 12-й пятилетки (2011–2015) количество выходящего за пределы рабочего возраста населения превысит количество вступающего в рабочий возраст населения Китая. Поэтому, по мнению А.В. Островского, «Китай будет вынужден переориентироваться от привлечения неквалифицированной рабочей силы из деревни на повышение производительности труда, в том числе и в сельском хозяйстве, на переход от экстенсивных к интенсивным формам развития производства, переход к инновационной экономике за годы 12-й пятилетки»⁸⁴.

Другой, не менее серьезной для Китая проблемой стала нехватка энергоносителей в связи со стремительным ростом экономики и растущими потребностями в производстве энергетических ресурсов. Еще в 1970–1980-е гг. считалось, что в Китае имеет место избыток энергетических ресурсов, особенно каменного угля и даже нефти. Не случайно Китай в те далекие годы использовал поставки нефти в отдельные страны в качестве инструмента дипломатии. Однако в 1993 г. впервые было зафиксировано стоимостное превышение импорта сырой нефти над экспортом, и начиная с середины 1990-х гг. этот разрыв продолжает стремительно увеличиваться. В настоящее время Китай уже импортирует не только сырую нефть и природный газ, но и даже коксующиеся сорта каменного угля.

В 1990-е гг. основным направлением российско-китайского торгово-экономического сотрудничества было военно-техническое сотрудничество (ВТС), о содержании которого только недавно появилась некоторая информация в выпущенных ИВ РАН мемуарах С.Н. Гончарова⁸⁵. Однако уже в начале XXI в. постепенно основным товаром для импорта в КНР становились энергоресурсы. Российский бизнес все больше стал интересоваться рынком энергоресурсов в КНР в связи с проектом ЮКОСа о поставках природного газа в Китай с месторождения в Ковыкте, а затем с проектом Газпрома о поставках газа из Западной и Восточной Сибири в Китай. В связи с интересом российского бизнеса на энергетическом рынке Китая сначала стали появляться отдельные статьи о возможностях и перспективах России на этом направлении⁸⁶, а затем – собственно о состоянии энергетического комплекса Китая⁸⁷. Однако завершенных работ по проблемам рынка энергоносителей в Китае было не так много. В этом плане наибольший интерес представляет работа ИДВ РАН о рынке энергоресурсов Китая, а также монография И.Р. Томберга об энергетике КНР в мирохозяйственном комплексе и Р.И. Томберга об интересах Китая в борьбе за африканские нефтяные ресурсы, написанная на основе защищенной им кандидатской диссертации в ИМЭМО РАН в 2011 г.⁸⁸ По итогам подготовленных за последние годы работ по проблеме энергоресурсов был сделан важный вывод о том, что, «исходя из тенденций современного экономического развития в XXI веке, перед Китаем в полной мере стоит вопрос обеспечения спроса на энергоносители»⁸⁹.

Была также выявлена еще одна острая для Китая проблема, которая также стала проявляться по мере развития экономики и увеличения потребления энергоресурсов – экологическая проблема. Нарастающая потребность в энергоресурсах влечет за собой рост экологических проблем. По-прежнему в 2012 г. доля каменного угля в производстве энергоресурсов составляла 76,6%, в потреблении – 67,1%⁹⁰. За последнее десятилетие заметно возросла автомобилизация населения Китая. Поэтому все сильнее обостряются проблемы загрязнения трех сред – воды, воздуха и почвы. Происходит деградация агроэкологических систем, ослабление природного базиса. Если в 1990-е гг. на эту тему был на-

писан ряд статей, то в начале XXI в. уже появился ряд работ (Е.В. Бирюлин, Е.И. Кранина, В.В. Петушкова, И.В. Ушаков, Е.А. Фортыгина), в которых подробно анализируются экологические проблемы Китая⁹¹. В частности, Е.А. Фортыгина сделала вывод о том, что «основной проблемой, связанной с экологическими особенностями энергетической ситуации Китая, является низкое качество атмосферного воздуха, в том числе загрязнение продуктами сжигания угля и широкое распространение кислотных осадков. Увеличение запыленности атмосферы и все чаще встречающийся смог практически во всех крупных городах Китая не могли не сказаться на здоровье населения»⁹². Как показано практически во всех работах по экологии Китая, экологическая ситуация в стране обостряется по мере развития экономического потенциала страны и, несмотря на принимаемые руководством КНР планы и постановления по усилению охраны окружающей среды, ситуация меняется к лучшему с большим трудом. Совершенно справедливо считает один из специалистов по проблемам экологии в Китае И.В. Ушаков, что «экологическая проблема в Китае является одной из областей, где наиболее остро и наглядно проявляются все основные противоречия и проблемы социально-экономического развития страны»⁹³. Тем не менее, следует отметить, что, несмотря на увеличившееся количество исследований по экономике Китая, по-прежнему работ по трем ключевым проблемам китайской экономики – народонаселение, энергоресурсы и экология – пока явно недостаточно и это в значительной степени затрудняет прогнозирование перспектив развития страны.

Тем не менее в начале XXI в. в России было издано значительное количество работ по различным аспектам экономики Китая. В последнее десятилетие особенно много работ вышло по темам, имеющим непосредственное отношение к российско-китайским отношениям, таким, как региональное экономическое сотрудничество, финансы и инвестиции и внешнеэкономические связи Китая.

Еще с 90-х гг. XX в. Институт Дальнего Востока РАН стал развивать новое направление исследований, связанное с необходимостью развития внешнеэкономических связей России в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). В дальнейшем это направление исследований подхватили многие другие научно-исследовательские институты и учебные заведения. Особенно активно этой тематикой занялись на Дальнем Востоке на приграничных с Китаем территориях – в Приморском и Хабаровском краях, в Забайкальском крае и в Амурской области. Во многих исследованиях была поставлена основная задача – определить наиболее приоритетного партнера для сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе и выделить основные направления сотрудничества. Лидирующее положение в этих исследованиях с 1990-х гг. сохранил Институт Дальнего Востока РАН. В начале XXI в. как в Москве, так и на Дальнем Востоке ИДВ РАН неоднократно проводил различные международные конференции с участием ученых из разных стран АТЭС – КНР, Японии, Республики Корея и других, а также конференции с участием ученых из различных дальневосточных регионов. Регулярно публиковались сборники докладов по итогам этих конференций⁹⁴. Кроме того, на эти темы регулярно выпускались монографии и сборники статей ведущих китаеведов, в первую очередь М.Л. Титаренко⁹⁵. По результатам значительной части исследований был сделан вывод о том, что для подъема российского Дальнего Востока и Сибири главным партнером является Китай. Следует отметить, что эти результаты научных исследований экономистов-китаеведов были реализованы в подписанной в октябре 2009 г. председателем Правительства России В.В. Путиным и премьером Госсовета КНР Вэнь Цзябао «Программе сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг.».

Значительная часть работ по внешнеэкономическим связям Китая была посвящена проблемам развития российско-китайского торгово-экономического сотрудничества. Общим проблемам российско-китайского экономического сотрудничества были посвящены публикации М.Л. Титаренко⁹⁶, М.В. Александровой⁹⁷, П.М. Мозиаса⁹⁸, А.В. Островского⁹⁹,

П.Я. Бакланова¹⁰⁰, В.Я. Портякова¹⁰¹, М.А. Потапова¹⁰², С.С. Цыплакова¹⁰³. Более того, на определенном этапе к освещению проблем российско-китайской торговли и анализу конъюнктуры китайского рынка подключился Российско-китайский центр делового сотрудничества (Москва), который выпустил девять томов сборника «Деловой Китай» в рамках проекта ПОЛПРЕД. К сожалению, в дальнейшем выпуск этих сборников прекратился в связи с закрытием Российско-китайского центра делового сотрудничества¹⁰⁴.

При анализе российско-китайского сотрудничества важное место было уделено проблемам приграничного торгово-экономического сотрудничества, которое развивалось ни шатко, ни валко. К сожалению, несмотря на усилия обеих сторон, доля приграничного сотрудничества по-прежнему невелика – менее 15% российско-китайского товарооборота, и приграничное сотрудничество развивается медленными темпами, что в первую очередь связано со слабой инфраструктурой на российском Дальнем Востоке. Этой теме посвящены монографии С.Л. Сазонова, И.П. Черной, М.В. Александровой, статья А. Бардаля¹⁰⁵ и многочисленные статьи той же М.В. Александровой¹⁰⁶. Значительная часть статей на эту тему была опубликована в издаваемом СО РАН журнале «ЭКО» в Новосибирске и Институтом экономики ДВО РАН журнале «Пространственная экономика» в Хабаровске. Большое количество работ и статей написали по этой теме ученые из Дальнего Востока и Сибири, в частности П.А. Минакир¹⁰⁷, И.П. Черная¹⁰⁸, В.В. Кулешов¹⁰⁹, Н. Рыжова¹¹⁰, Е.И. Деваева¹¹¹, Ю.И. Бернадский¹¹² и другие.

Ряд статей по российско-китайскому сотрудничеству был посвящен его различным аспектам, в частности сравнительному анализу современной бизнес-среды в России и КНР¹¹³, вопросам продовольственного обеспечения¹¹⁴, свободным экономическим зонам¹¹⁵, трансграничным обменам приграничных регионов¹¹⁶, асимметрии социально-экономического развития приграничных регионов России и КНР и ее влиянию на развитие торговых связей¹¹⁷, инвестиционному сотрудничеству¹¹⁸ и др. В одной из статей в журнале «ЭКО» были также подведены первые итоги работы «Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг.»¹¹⁹. Следует отметить, что тема российско-китайского сотрудничества в целом и приграничного сотрудничества в частности была охвачена наиболее полно из-за актуальности темы не только для центра, но и для приграничных с Китаем российских регионов. Другой причиной такого большого количества работ по данной теме является большая доступность материалов для исследователя, которому уже не требуется знание китайского языка. Однако, как бы то ни было, проблемы места и роли России и Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе, российско-китайских торгово-экономических связей и приграничной торговли в начале XXI в. оказались освещенными наиболее полно.

В начале XXI в. было опубликовано довольно большое количество работ по проблемам внешнеэкономических связей КНР. На наш взгляд, именно проводившаяся с начала 80-х гг. прошлого века политика открытости во внешней торговле позволила Китаю лучше «вписаться» в систему международного разделения труда и занять хорошие позиции на мировом рынке. Большая часть работ на эту тему принадлежит М.А. Потапову, который показал место и роль Китая в мировой экономике и особое внимание уделил такому явлению, как быстрый рост его внешнеторгового оборота после вступления в ВТО¹²⁰. Также вопросам внешнеэкономической стратегии Китая была посвящена небольшая монография Л.В. Поповой¹²¹ из Санкт-Петербурга. Д.А. Изотов из Хабаровска связывал развитие внешней торговли КНР с выгодным для нее низким курсом юаня (*жэньминьби*)¹²².

Часть работ была посвящена проблемам вступления КНР в ВТО в 2001 г. и растущей роли Китая на мировом рынке после вступления в ВТО. На наш взгляд, представляет наибольший интерес работа Л.Е. Стровского и Цзян Цзин из Уральского государственного политехнического университета (УПИ) (Екатеринбург). В работе сделан важный вывод о том, что, «учитывая сходство ряда базисных условий в России и Китае – потенциально

емкий внутренний рынок, масштаб и степень диверсифицированности экономики, уровень централизации управления, недостаточность развития инфраструктуры, – можно предположить, что китайский опыт имеет особое значение для России¹²³. Тем не менее в России ни до, ни после вступления КНР в ВТО никто не рассматривал применимость китайского опыта вступления в ВТО для России, о чем начали жалеть только после неподготовленного вступления России в ВТО в 2012 г. Анализу различных аспектов вступления Китая в ВТО был посвящен ряд работ, в частности сборник статей ИДВ РАН «КНР – ВТО: итоги первых лет», статьи В. Карлусова, Н. Котлярова, А. Лопатиной, О. Намозова, Л. Поповой¹²⁴. Однако во всех этих работах анализировались только отдельные аспекты вступления Китая в ВТО, и не анализировался вопрос о том, как китайская экономика адаптировалась к условиям мировой экономики после вступления Китая в ВТО.

В начале XXI в. был подготовлен ряд монографий и статей о внешнеторговых связях КНР после вступления в ВТО с различными странами и регионами – США¹²⁵, странами АСЕАН¹²⁶, Австралией¹²⁷, странами ШОС и Центральной Азии¹²⁸, Азии и Африки¹²⁹ и Гонконгом¹³⁰. Особо следует отметить работу В.Н. Коваленко, который показал особую роль Гонконга в развитии китайской экономики и важность взаимодействия Китая и Гонконга для воссоздания «Большого Китая»¹³¹.

Вступление Китая в ВТО в 2001 г. и быстрое развитие объема внешней торговли КНР в начале XXI в., включая и значительный рост объема российско-китайской торговли, поставил на повестку дня вопрос об изменении системы платежей в российско-китайском торговом обороте. Центральный банк России и Народный банк Китая стали активно заниматься этим вопросом. В результате в России в начале XXI в. вышло большое количество работ по проблемам финансовых аспектов развития экономики КНР – банковской системы, инвестиционной политики, институтов развития, валюты, фондового рынка. При этом следует отметить, что разработка ряда тем осуществлялась при тесном сотрудничестве ученых из России и КНР. Прежде всего это подготовленный в Финансовой академии при Правительстве России сборник материалов Международной конференции в двух томах, посвященный сравнительному анализу опыта реформирования банковских систем в России и КНР¹³². Исследование темы реформирования бюджетной и налоговой систем в России и КНР осуществлялось в тесном сотрудничестве между Всероссийским заочным финансово-экономическим институтом России и Центральным финансово-экономическим университетом КНР. Результатом плодотворного сотрудничества стали две совместные работы ученых из двух вузов – сравнительный анализ реформы бюджетной системы и налоговой системы в двух странах, которые были изданы одновременно на русском и китайском языках в Москве и Пекине¹³³. Надо сказать, что такого рода работы позволяют более полно оценить как достоинства, так и недостатки проводимых реформ в наших странах в условиях переходной экономики.

Самое большое количество публикаций в начале XXI в. вышло по проблемам китайской финансовой и банковской системы. В Хабаровске в 2002 г. вышла монография С.Н. Власова о перспективах российско-китайского банковского сотрудничества¹³⁴. За последние десять лет было также опубликовано большое количество статей по проблемам российско-китайского межбанковского сотрудничества¹³⁵. Однако, несмотря на большой интерес к этой теме российского банковского сектора, до сих пор существуют значительные проблемы в российско-китайском банковском сотрудничестве в вопросах как прямой торговли за юани и рубли, открытия счетов на российской территории в юанях и на китайской – в рублях, так и организации банковских торгов в паре «рубль – юань»¹³⁶. В результате до сих пор значительное число сделок между российскими и китайскими бизнесменами осуществляется в валюте третьих стран, как правило, в долларах, что позволяет третьим странам иметь свою незаслуженную прибыль от российско-китайской торговли.

Сравнительно большое количество публикаций было связано с проблемами финансовой политики и развития банковской системы КНР. В частности, была опубликована монография В.В. Кузнецовой¹³⁷, а ряд статей о состоянии банковской системы Китая. В частности, в этом плане следует отметить статью С.П. Савинского и Д.А. Смахтина о банках развития Китая¹³⁸, А.С. Селищева, Н.В. Грибовой, С.Г. Кузнецова, И.Б. Шевеля и К. Шредера о развитии банковской системы Китая¹³⁹, В.В. Жигулевой и О.Г. Солнцева о финансовой политике и особенностях денежно-кредитной системы в КНР¹⁴⁰. В целом данные работы позволяют в полной мере оценить состояние банковской системы Китая и основные направления финансовой политики страны в ходе реформы.

В последние годы достаточно внимания в работах российских китаеведов было уделено становлению и состоянию китайского фондового рынка. В 2001 г. в Институте Дальнего Востока РАН была защищена кандидатская диссертация Д.Н. Шарина по проблемам формирования и регулирования фондового рынка КНР, а затем в 2009 г. – в ВЗФЭИ – И. Вахрушина по рынку ценных бумаг в КНР¹⁴¹. Полная картина состояния китайского фондового рынка была представлена в монографии И.В. Вахрушина «Фондовый рынок КНР», где показано состояние фондового рынка, изменения на нем в результате монетарной политики руководства КНР и дальнейшие перспективы его развития¹⁴². Помимо этих работ о фондовом рынке КНР написан ряд статей, (большая часть из них – И.В. Вахрушиным и А. Беловой), в которых кратко описаны фондовый рынок, влияние мирового финансового кризиса на него и влияние фондового рынка на развитие китайской экономики как нового института развития¹⁴³.

Большое внимание в указанный период российские экономисты-китаеведы уделяли проблемам инвестиций в китайскую экономику, а после вступления КНР в ВТО – и китайским инвестициям за рубеж. Результаты китайской экономической реформы показали, что одним из факторов ее успеха стал постоянный рост инвестиций в китайскую экономику – на уровне 20–25% годовых в нулевые годы XXI в. – как за счет самих китайских предприятий, так и за счет банковских кредитов, государственных программ централизованного финансирования крупных проектов, иностранных инвестиций. Однако на протяжении всего периода реформ ведущая роль в инвестировании экономики принадлежала собственным накоплениям китайских предприятий, а отнюдь не другим источникам накоплений. Банковские кредиты, процентные ставки которых были существенно ниже, чем в России, централизованные бюджетные вливания в строительство крупных объектов инфраструктуры и промышленности и иностранные инвестиции, роль которых постоянно преувеличивает западная печать, не играли сколько-нибудь значительной роли в развитии китайской экономики, и их удельный вес не превышал 25% всего объема инвестиций. Ситуация в инвестиционной сфере КНР наиболее подробно была разобрана в сборнике статей, подготовленном в Институте Дальнего Востока РАН под названием «Китай: инвестиционная стратегия и перспективы для России» под редакцией Л.В. Новоселовой¹⁴⁴. Кроме того, в нулевые годы XXI в. было опубликовано немало статей по проблемам инвестирования в китайскую экономику, большая часть которых также принадлежит Л.В. Новоселовой¹⁴⁵.

Заметное количество работ, как и в 90-е гг. XX в., было посвящено иностранным инвестициям в Китай. Однако, во многих работах показано, хотя объем иностранных инвестиций в Китай постоянно растет, роль иностранных инвестиций в экономике страны постепенно снижается, что связано с полной адаптацией китайской экономики к мировому рынку после вступления в ВТО. Этой теме была посвящена монография В.И. Балакина «Инвестиционная стратегия США, Японии и Евросоюза в отношении КНР»¹⁴⁶, а также ряд статей в различных журналах¹⁴⁷.

После вступления КНР в ВТО возникла новая тема для исследований – китайские инвестиции за рубежом. До вступления КНР в ВТО все инвестиции шли только в Китай,

а из Китая инвестиции если и шли за рубеж, то не напрямую, а через Гонконг. После вступления КНР в ВТО начался рост китайских инвестиций за рубеж – преимущественно в отрасли добывающей промышленности стран Азии, Африки и Латинской Америки – добыча нефти, природного газа и цветных металлов. В результате в настоящее время показатель объема китайских инвестиций за рубеж – 117 млрд дол. – уже приближается к показателю объема иностранных инвестиций в Китай – около 100 млрд дол. Однако на долю России инвестиций приходится не так уж много, хотя за последний год объем накопленных китайских инвестиций в российскую экономику уже превысил 4 млрд дол.¹⁴⁸ На эту тему несколько лет назад была опубликована монография, в которой рассказывалось об инвестиционной привлекательности России для Китая¹⁴⁹. Рост китайских зарубежных инвестиций вызывает интерес у ученых, пытающихся объяснить, каким образом страна, которая еще недавно отчаянно нуждалась в инвестициях, сейчас становится одной из основных стран-инвесторов в мире. В российских журналах на эту тему была опубликована серия статей, в которых авторы объясняют этот факт необходимостью Китая вкладывать инвестиции в добычу энергоресурсов, которых недостаточно в стране, в то время как рост энергоресурсов необходим для сохранения высоких темпов роста экономики Китая для построения общества «сяокан» (малого благоденствия)¹⁵⁰.

На этом фоне изобилия статей по проблемам финансового и банковского регулирования и инвестиций в КНР и из КНР было отмечено весьма незначительное количество работ по проблемам китайского юаня и его перспективах как новой резервной валюты. В частности, И.Р. Софьянников в своих работах проанализировал реформу системы валютного регулирования, которая обеспечила стабильность юаня на мировом финансовом рынке даже в условиях мирового финансового кризиса¹⁵¹. В этой ситуации в ходе развития мирового финансового кризиса Л.И. Кондрашова в своей статье поставила резонный вопрос, а нужно ли укрепляться юаню в условиях ориентации экономики страны на экспорт¹⁵². Но несмотря ни на что, китайский юань постоянно укрепляется за счет быстро развивающейся экономики, и, как показал Л. Ходов, в настоящее время китайская валюта укрепляет свои позиции в мировой экономике¹⁵³. В целом, несмотря на отдельные пробелы в исследованиях ряда проблем, следует отметить, что такие темы, как внешнеэкономические связи и инвестиционные связи, также как проблемы финансового и банковского секторов Китая, в целом были освещены вполне достаточно. В то же время в начале XXI в., несмотря на стремительный рост китайской финансовой мощи по таким показателям, как объем золотовалютных запасов, рост инвестиций за рубеж, рост объемов внешней торговли, по-прежнему в российском китаеведении, крайне недостаточно работ по проблемам китайской валюты и ее перспектив в мировой финансовой системе.

В начале XXI в. в целом сохранилось основное направление исследований китайской экономики – экономические преобразования на новых этапах реформы. А.В. Островский в своей монографии выделил четыре этапа экономической реформы: 1-й этап – декабрь 1978 – сентябрь 1984 г. под лозунгом «плановая экономика – основа, рыночная экономика – дополнение»; 2-й этап – октябрь 1984 – декабрь 1991 г. под лозунгом «плановая товарная экономика»; 3-й этап – 1992–2003 гг. под лозунгом «социалистическая рыночная экономика»; 4-й этап – с 2003 г. под лозунгом «совершенствование социалистической рыночной экономики»¹⁵⁴. На эту тему известными российскими китаеводами – Я.М. Бергером¹⁵⁵, В.Г. Гельбрасом¹⁵⁶, Л.И. Кондрашовой¹⁵⁷, В.Я. Портяковым¹⁵⁸ – был подготовлен ряд монографий и учебников, в которых были подведены итоги экономических реформ и показаны дальнейшие перспективы развития китайской экономики в новых условиях после мирового финансового кризиса. Этими же авторами в этот период было опубликовано большое количество журнальных статей о состоянии китайской экономики в целом на новом этапе. Авторы отмечали заметные успехи в социально-экономическом развитии страны, но и обращали внимание на трудности, стоящие перед китайским руководством при достижении поставленной цели построения общества «сяокан»¹⁵⁹.

Оценкой состояния китайской экономической статистики, показателей китайского ВВП и вопросами достоверности китайской базы данных, используемой при анализе потенциала экономики страны, занималась В.В. Лапердина, которая подготовила ряд работ на эту тему¹⁶⁰. Темой китайских реформ в сопоставлении с российскими реформами занимался известный российский экономист В.М. Полтерович, который проанализировал китайские институциональные реформы под углом зрения проводимых аналогичных российских реформ¹⁶¹. Тема оценки китайских реформ в целом изучались Д.А. Изотовым и В.Е. Кучерявенко¹⁶², А.И. Лычагин и Д.Г. Цыренов занимались проблемами реструктуризации государственных предприятий¹⁶³, М.А. Потапов – вопросами устойчивости китайской экономики в условиях региональных и мировых кризисов¹⁶⁴.

Одним из важных вопросов китайской экономической реформы является изменение системы ценообразования. Как показала в своей монографии В.В. Жигулева, плавность и последовательность реформы системы цен путем образования трехколейной системы цен – фиксированные (директивные), «плавающие» (индикативные) и свободные (рыночные) цены избавили китайское общество от «шоковой терапии» типа российской реформы цен 1992 г.¹⁶⁵. В Китае вот уже на протяжении более 30 лет происходит постепенное увеличение доли свободных (рыночных) цен за счет сокращения сегмента директивных и индикативных цен, и в результате в настоящее время в Китае свыше 95 % цен уже являются рыночными при весьма низких показателях инфляции – не более 6 % годовых, а в отдельные годы и дефляции. В то же время в России одномоментный обвал цен в 1992 г. привел к росту цен в 2600 раз, обесцениению сбережений населения при сохранении неизменной стоимости основных производственных фондов предприятий. В результате, как отмечалось в статье А.И. Салицкого, Ю.А. Макеева и А.В. Шахматова, в настоящее время ценовая конкурентоспособность КНР на мировом рынке оказалось намного выше, чем у Индии и России¹⁶⁶.

Важным направлением исследований экономики Китая оставался анализ эволюции теоретических представлений китайских экономистов по проблемам собственности, соотношения плана и рынка. В этом ключе большую работу провела Э.П. Пивоварова. Основными направлениями ее работы являлся анализ китайской экономической мысли, в котором преобладали исследования проблем социальной трансформации китайского общества в ходе реформы, а также трактовка китайскими учеными понятия «социализм с китайской спецификой»¹⁶⁷. Теоретическим вопросам исследования политэкономии социализма с китайской спецификой были также посвящены работы М.В. Карпова¹⁶⁸. Для анализа вопросов социальной трансформации китайского общества в условиях экономической реформы важное значение приобретают работы А.В. Островского о социальных последствиях китайской реформы¹⁶⁹ и В.В. Чуванковой о развитии частного предпринимательства в новых условиях реформы и об изменении положения этого социального слоя¹⁷⁰. Важное значение для понимания текущей ситуации в экономике Китая имеют исследования взглядов китайских экономистов на развитие китайской экономики в целом и реформ в частности, которые проводила О.Н. Борох¹⁷¹.

Пока еще в российском Китаеведении недостаточно освещены проблемы регионального развития Китая. На эту тему написана монография Г.А. Ганшина и И.В. Ушакова, которая, по сути дела, является экономико-географическим очерком, весьма полезным для обучения студентов-китаистов¹⁷². Другая работа на эту тему – это сборник статей, в котором собраны статьи по региональной экономике России и КНР¹⁷³. Большая часть работ по региональной экономике в значительной степени посвящена анализу ситуации в экономике отдельных регионов или провинций Китая. В частности, этой теме посвящены монография О.С. Сибиряковой об экономике провинции Сычуань¹⁷⁴, разделы в монографии Е.С. Баженовой и А.В. Островского о Синьцзяне¹⁷⁵, статьи С.А. Алексахиной, Е.С. Баженовой об отдельных регионах Китая¹⁷⁶. Было также проведено несколько исследований о региональной политике китайского руководства. По итогам этих исследова-

ний были опубликованы статьи в издаваемом в Хабаровске журнале «Пространственная экономика» Д.А. Изотова о выравнивании региональной дифференциации мерами трансфертной политики и Н.П. Рыжовой о развитии приграничных районов путем их открытости, а также статья Л. Бадалян и В. Криворотова о проблемах освоения труднодоступных территорий Китая¹⁷⁷.

Традиционно важное место в работах экономистов-китаеведов в начале XXI в. занимали проблемы развития сельского хозяйства Китая, которое хотя и продолжает играть заметную роль в развитии страны, однако постепенно уступает свое место городу и промышленному производству. По доле в ВВП в КНР сельское хозяйство составляло всего 10,1%, доле занятых – 33,6% в 2012 г. по сравнению с 28,2 и 70,5% соответственно в 1978 г.¹⁷⁸ Продовольственная проблема уже не стоит так остро, как до начала реформы, поскольку КНР уже много лет в основном обеспечивает себя почти всеми видами сельскохозяйственной продукции. Тем не менее следует согласиться с мнением Л.Д. Бони, что «китайская деревня вошла в новое тысячелетие не только с серьезными достижениями и с грузом проблем и противоречий, но и с программой их решения»¹⁷⁹. По мнению большинства китаеведов-экономистов, существуют проблемы «саньун» (три сельские проблемы – деревни, крестьянство, сельское хозяйство), однако они постепенно, хотя и с большим трудом, решаются¹⁸⁰. Некоторые работы по экономике сельского хозяйства Китая были посвящены отдельным темам. В частности, А.В. Ревуцкий в своей работе подробно осветил зерновую проблему в обеспечении продовольственной безопасности Китая¹⁸¹, а Е.М. Крапина – проблемы животноводства и аквакультуры¹⁸².

На наш взгляд, большое внимание в ведущем институте по Китаю – Институте Дальнего Востока РАН – было уделено изучению проблем развития промышленности Китая. Были опубликованы две коллективные монографии, в которых большая часть разделов была посвящена различным отраслям промышленности, прежде всего отраслям тяжелой промышленности – добывающей, энергетике, машиностроению, черной металлургии, космической промышленности, промышленности новых и высоких технологий¹⁸³. З.А. Муромцева исследовала индустриальное развитие КНР в условиях экономической реформы, а также сделала анализ изменения пропорций внутри промышленности¹⁸⁴. Особо следует выделить исследования С.Л. Сазонова по транспорту КНР, который дал в монографии и ряде статей полную картину состояния транспортной отрасли в стране¹⁸⁵. Проводились исследования и по отдельным отраслям промышленности и транспорта. В частности, в областях микроэлектроники работал И.А. Мишин¹⁸⁶, машиностроения и металлургии – Н.Н. Коледенкова¹⁸⁷, автомобилестроения – М. Шишкин¹⁸⁸, авиационной промышленности – А.Н. Плотников¹⁸⁹, химической и фармацевтической промышленности – З.А. Муромцева¹⁹⁰, лесопромышленного комплекса – А.С. Шейнгауз¹⁹¹. Авторы исследовали причины быстрого роста отраслей на новом этапе реформ.

В начале XXI в. был сделан значительный скачок в исследовании проблем развития науки и техники, научно-технического прогресса, состояния военно-промышленного комплекса, которые в XXI в. постепенно становятся основными темами для изучения состояния китайской экономики. В изданных Президиумом РАН двух сборниках «Инновационная политика – Россия и мир» есть специальные разделы, посвященные анализу инновационной политики в КНР. В них отмечается важная роль науки и техники в китайской модели перехода от плановой экономики к рыночной¹⁹².

В монографии А.В. Афонасьевой проанализирован механизм передачи современных технологий из США и стран ЕС в КНР через китайских хуацяо, которые долгое время находились там на учебе, затем работали на местных фирмах, занимающихся внедрением новых и высоких технологий, и затем через какое-то время возвращались на родину в Китай, получив не только новые, современные знания, но и ноу-хау по внедрению новейших достижений в области науки и техники в практику¹⁹³. В этот же период А.В. Мамаев защитил кандидатскую диссертацию по проблемам развития программного обеспечения

в Китае¹⁹⁴. В ряде статей были рассмотрены проблемы развития научно-технического потенциала КНР, «экономики знаний», инновационной политики и роли транснациональных корпораций в развитии инноваций в стране¹⁹⁵. В ряде материалов (П.Б. Каменнов, И.А. Петухов, А.В. Пиковер) было уделено внимание развитию военно-промышленного комплекса и отдельных отраслей в сфере новых и высоких технологий Китая¹⁹⁶.

* * *

С начала 1990-х гг. российскому китаеведению, несмотря на многие неблагоприятные обстоятельства, связанные со снижением финансирования и оттоком научных кадров, удавалось вести исследования (в основном в ИДВ РАН) по экономике Китая практически по всем основным направлениям. В начале XXI в. в результате быстрого экономического роста Китая в российском обществе повысился интерес к исследованиям китайской экономики. Это привело к определенному росту монографий и статей по различным вопросам экономического развития Китая. Успехи российских исследователей в области изучения экономического развития Китая могли бы быть более значимыми, если бы в России уделялось больше внимания подготовке специалистов-китаеведов с хорошим знанием китайского языка.

В работах подавляющего большинства экономистов-китаеведов были выделены основные причины успешной реализации модели китайской реформы, начавшейся в конце 1970-х г. Они были связаны с отказом от следования принципам «вашингтонского консенсуса», таким как либерализация экономики, уход государства из сферы экономического управления, быстрая приватизация государственных предприятий. Также были сделаны выводы о том, что одним из главных факторов успеха реформы было активное включение Китая в систему международного разделения труда и использование таких внешнеэкономических факторов, как привлечение иностранного капитала для развития иностранных технологий в стране, развитие свободных экономических зон на территории Китая, быстрое развитие внешнеэкономических связей с развитыми и с развивающимися странами. При этом во многих работах были сделаны прогнозы о том, что в наступающем XXI в. Китай будет наращивать свою экономическую мощь, и на этой основе будет происходить поступательный рост жизненного уровня населения страны. В настоящее время жизнь подтвердила основные прогнозы значительной части российских экономистов-китаеведов о благоприятных перспективах развития Китая в начале XXI в. Китай наметил новую цель – построение общества «малого благоденствия» (*сяокан шэньхуэй*) в стране к 2020 г.

Примечания

- ¹ Чжунго тунцзи чжайяо – 2010 (Китайский статистический справочник – 2010). Пекин, 2010. С. 196.
- ² См.: *Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжэю*. Чжунго цзинцзи гайгэ юй фачжань (Китайская экономическая реформа и развитие). Шанхай, 1999; *Ли Теин*. Гайгэ кайфан таньсо (Исследования о реформах и открытости). Пекин, 1999; и др.
- ³ См.: Цюши. 1999. № 6. С. 19.
- ⁴ См.: *Илларионов А.* Секрет китайского экономического чуда // Вопросы экономики. М., 1998. № 4. С. 25–26.
- ⁵ Подробнее см.: *Новоселова Л.* Экономическая реформа и государственное регулирование в КНР // ПДВ. 1999. № 1. С. 71–77.
- ⁶ См.: *Гельбрас В.Г.* Экономическая реформа в КНР: Очерки, наблюдения, размышления. М., 1990.
- ⁷ См.: *Анисимов А.Н.* Эконометрический анализ развития КНР. М., 1991.
- ⁸ См.: *Молодцова Л.И.* Китай углубляет реформу. М., 1995; *Портяков В.Я.* Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. М., 1998.
См.: *Анисимов А.Н.* К оценке реального потенциала народного хозяйства КНР // РЭЖ. М., 1994. № 7.

- ⁹ См., например: Социальное измерение экономической реформы в КНР (1978–1997) / Отв. ред. Э.П. Пивоварова // ИБ ИДВ РАН. М., 1998. № 3; Экономическая реформа в КНР: возможности использования китайского опыта в России / Отв. ред. А.В. Островский, В.Я. Портяков // ИБ ИДВ РАН. М., 1996. № 4; Россия – Китай – Украина: пути экономической реформы в деревне / Отв. ред. А.В. Островский // ИБ ИДВ РАН. М., 1994. № 5; Структурные изменения экономики Китая (70–90-е гг.) / Отв. ред. Л.М. Гирич // ИБ ИДВ РАН. М., 1997. № 12; Экономика КНР в преддверии XXI в. (1991–2000) / Отв. ред. И.Н. Наумов // ИБ ИДВ РАН. М., 1997. № 2; Новые моменты в экономической политике КНР / Отв. ред. В.Н. Ремыга // ИБ ИДВ РАН. М., 1994. № 1; Актуальные проблемы экономики КНР / Отв. ред. В.Я. Портяков // ИБ ИДВ РАН. М., 1999. № 5.
- ¹⁰ См., например: Экономическая реформа в КНР: Преобразования в городе, 1979–1984: Документы / Пер. с кит., отв. ред. В.Н. Ремыга. М., 1994; Экономическая реформа в КНР: Преобразования в городе, 1985–1988: Документы: (пер. с кит.) / Отв. ред. И.Б. Шевель. М., 1993. ; Экономическая реформа в КНР: Преобразования в деревне, 1978–1988: Документы: (пер. с кит.) / Отв. ред. Л.Д. Бони. М., 1993. .
- ¹¹ Китайская Народная Республика: экономика, политика, культура в 1991 г. М., 1994; Китайская Народная Республика: экономика, политика, культура в 1992 г. М., 1994; Китайская Народная Республика: экономика, политика, культура в 1993–1994 гг. М., 1995; Китайская Народная Республика: экономика, политика, культура в 1995–1996 гг. М., 1997; Китайская Народная Республика: экономика, политика, культура в 1997 г. М., 1999; Китайская Народная Республика: экономика, политика, культура в 1998 г. М., 2000.
- ¹² См.: Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999 / Отв. ред. М.Л. Титаренко. М., 1999. С. 158–371.
- ¹³ См., например: Российский Дальний Восток и Северо-Восточная Азия. Проблемы экономического сотрудничества / Рук. проекта М.Л. Титаренко. М., 1998; *Островский А., Титаренко М.* Интересы России в СВА и перспективы использования многостороннего сотрудничества со странами региона для развития российского Дальнего Востока // ПДВ. 1995. № 2.
- ¹⁴ Россия в АТЭС: новые возможности в новых условиях: Материалы Второй научно-практической конференции «Россия в АТЭС и АТР», Москва, 20 июня 2000 г. / Отв. ред. И.Д. Иванов, М.Л. Титаренко. М., 2000.
- ¹⁵ *Портяков В.Я.* Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. М., 1998. С. 213.
- ¹⁶ См., например: *Ганишин Г.А.* Экономика современного Китая: возможности и реальность // ИБ ИДВ РАН. М., 1992. № 9; *Он же.* Экономика КНР: реформа и развитие. Эволюция социально-экономического эксперимента // ИБ ИДВ РАН. М., 1997. № 3; *Он же.* Экономическая реформа в Китае: эволюция и реальные плоды. М., 1997; *Карпов М.В.* Экономические реформы и политическая борьба в КНР (1984–1989). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997; Китай: плюсы и минусы эволюционного перехода к рынку: сб. ст. М., 1996; Китайские реформы и Россия. В 2 т.: сб. ст. М., 2000; *Молодцова Л.И.* Китай углубляет реформу. М., 1995; Экономика КНР на пути в XXI век / Отв. ред. И.Н. Наумов // ИБ ИДВ РАН. М., 1999. № 10; *Островский А.В.* Экономические реформы в КНР: уроки для России // ЭИ ИДВ РАН. М., 2000. № 2; *Ostrovskiy A.* Economic Reforms in the PRC and Taiwan: Implications for Russia // Tamkang Journal of International Studies. Taipei, 1997. № 1; *Пивоварова Э.П.* Уроки хозяйственной реформы в КНР // РЭЖ. М., 1997. № 5, 6; *Портяков В.Я.* Поиск путей социально-экономического развития в Китайской Народной Республике (конец 70-х – первая половина 90-х годов). Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 1999; *Он же.* Путь китайских реформ // ПДВ. 1999. № 4; *Он же.* «Он уважать себя заставил...»: Китай и Россия в экономическом измерении // Pro et Contra, Moscow. Vol. 3. № 1; *Портяков В.Я., Шабалин В.И.* О сопоставлении динамики роста экономических потенциалов России и Китая // ПДВ. 1993. № 1; *Титаренко М.Л.* Китай: цивилизация и реформы. М., 1999; *Он же.* Модернизация Китая: шансы и вызовы времени. М., 2000.
- ¹⁷ *Борох О.Н.* Современная китайская экономическая мысль. М., 1998; *Пивоварова Э.П.* Строительство социализма со спецификой Китая: поиск пути; *Она же.* Социализм с китайской спецификой: итоги теоретического и практического поиска. М., 1999.
- ¹⁸ *Пивоварова Э.П.* Социализм с китайской спецификой: итоги теоретического и практического поиска. М., 1999. С. 252.
- ¹⁹ Там же. С. 254.
- ²⁰ *Борох О.Н.* Современная китайская экономическая мысль. М., 1998. С. 256.
- ²¹ См., например: *Балюк М.А., Балюк И.А.* Экономическая реформа в КНР: государство и рынок. М., 1996; *Портяков В.Я.* Рынок акций в Китае // ПДВ. 1998. № 3; *Балюк И.А., Портяков В.Я.* Рынок ценных бумаг в Китае. Рынок облигаций в КНР. Рынок акций в КНР. Вторичный рынок ценных бумаг

- // ИМ ИДВ РАН. Сер.: Проблемы экономического развития и сотрудничества в Северо-Восточной Азии. Вып. 6. М., 1998.
- ²² См., например: *Жигулева В.В.* Проблемы рынка потребительских товаров в Китае // Китай и АТР на пороге XXI в. // IX МНК ККЦиМ: тез. докл. М., 1998. Ч. 1. С. 71–75; *Она же.* Становление рынка недвижимости в Китае // БП. М., 1997. № 12; *Она же.* Страховой рынок Китая // Финансы. М., 2000. № 7.
- ²³ См. статью М.Г. Солнцевой в сборнике «Китайские реформы и Россия» (в 2 т.). (Сб. ст. М., 2000. Т. 1).
- ²⁴ См.: *Данилов В.Е.* Государственные промышленные предприятия КНР в условиях экономической реформы (1978–1990 гг.) // ИБ ИДВ РАН. М., 1991. № 7.
- ²⁵ См.: *Карлусов В.В.* Частное предпринимательство в Китае. М., 1996; *Чуванкова В.В.* Социальный аспект развития индивидуального и частного предпринимательства // ИБ ИДВ РАН. М., 1998. № 3; *Она же.* Индивидуальная и частная форма хозяйствования в Китае // ПДВ. 1998. № 2.
- ²⁶ См., например: *Пивоварова Э.П.* Опыт акционирования в КНР // БП. М., 1997. № 12.
- ²⁷ См.: *Круглов А.М.* Сельские (волостно-поселковые) предприятия в КНР: роль и место в народном хозяйстве, проблемы и перспективы. В 2 ч. // ИБ ИДВ РАН. М., 1997. № 7, 8.
- ²⁸ См.: *Ганишин Г.А.* Северо-Западный Китай в фокусе перспектив экономического развития страны / Перспективы сотрудничества Китая, России и других стран Северо-Восточной Азии в конце XX – начале XXI в. // VIII МНК ККЦиМ. М., 1997. Ч. 1. С. 27–31; *Он же.* Восточный Китай – «локомотив» экономического развития // ИМ ИДВ РАН. Сер.: Проблемы экономического развития и сотрудничества в Северо-Восточной Азии. М., 1999. Вып. 11; *Он же.* Региональная политика и размещение производительных сил // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999 / Отв. ред. М.Л. Титаренко М., 1999. С. 227–243; *Он же.* Западный Китай – важный резерв ускорения экономического роста // Китайская Народная Республика в 1999 г. М., 2001. С. 161–164.
- ²⁹ См.: Региональное развитие и региональная экономическая политика РФ и КНР. М., 2000.
- ³⁰ См.: *Кондрашова Л., Островский А.* Урбанизация в КНР // ПДВ. 2000. № 3. С. 82–97.
- ³¹ *Кондрашова Л., Корнейчук Н.* КНР: реформа и региональная экономическая политика. М., 1998. С. 136.
- ³² См., например: *Муромцева З.А.* Индустриальное развитие КНР в условиях экономической реформы (1978–1990 гг.) // ИБ ИДВ РАН. М., 1992. № 11; *Она же.* Реформа в промышленности КНР: трудный путь // Обзоратель. М., 1996. № 8; *Она же.* Углубление реформы в государственном секторе промышленности // ПДВ. 1998. № 3; *Кондрашова Л.И.* Индустриализация // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999 / Отв. ред. М.Л. Титаренко. М., 1999. С. 188–210.
- ³³ См., например: *Коледенкова Н.Н.* Машиностроение КНР: современное состояние и перспективы развития // ИМ ИДВ РАН. Сер.: Проблемы экономического развития и сотрудничества в Северо-Восточной Азии. М., 1999. Вып. 10; *Она же.* Современное состояние черной металлургии КНР и основные направления технического прогресса // ИБ ИДВ РАН. М., 1999. № 10; *Охотникова Л.М.* Решение проблем энергообеспечения в Китае // Проблемы и потенциал устойчивого развития Китая и России в XXI веке. VIII МНК ККЦиМ: тез. докл. М., 1997. Ч. 1. С. 66–69; *Она же.* Топливо-энергетическая промышленность // Китайская Народная Республика в 1998 г. М., 2000. С. 107–115; *Мандрыка Н.Н.* Транспорт и связь // Китайская Народная Республика в 1995–1996 гг. М., 1997. С. 154–162; *Он же.* Связь в КНР (80-е – 90-е гг.) // Китай в XXI веке: шансы, вызовы и перспективы. IX МНК ККЦиМ: тез. докл. М., 2000. Ч. 1. С. 211–215.
- ³⁴ См.: Макроэкономическое регулирование аграрной сферы в КНР / Отв. ред. И.Н. Коркунов // ИБ ИДВ РАН. М., 1999. № 6.
- ³⁵ См., например: *Бони Л.Д.* Рынок в китайской деревне (1978–1995 гг.). В 2 ч. // ИБ ИДВ РАН. М., 1997. № 5, 6; *Бони Л.Д., Волкова Л.А.* Модернизация аграрного сектора // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999 / Отв. ред. М.Л. Титаренко М., 1999. С. 211–226; *Бони Л.Д.* Итоги, проблемы, перспективы перехода к рынку китайской деревни // ПДВ. 1998. № 1.
- ³⁶ См.: *Волкова Л.А.* Реформа в китайской деревне. М., 1990; *Она же.* Проблемы регулирования подряда на землю в китайской деревне в 90-е гг. // Проблемы и потенциал устойчивого развития Китая и России в XXI веке. VII МНК ККЦиМ: тез. докл. М., 1996. Ч. 1. С. 70–74; *Волкова Л.А., Коркунов И.Н.* Продовольственная проблема в Китае в условиях перехода к рынку // ПДВ. 1997. № 2; *Волкова Л.А.* Социальные аспекты реформы в деревне // ИБ ИДВ РАН. М., 1999. № 6. С. 49–84.
- ³⁷ См., например: *Коркунов И.Н.* Сельское хозяйство КНР на рубеже XXI в. в свете программы развития экономики до 2010 года // Китай на пути модернизации и реформ. X МНК ККЦиМ: тез. докл. М., 1999. Ч. 1. С. 69–73; *Алексахина С.Н.* Основные проблемы и тенденции формирования отраслевой

- структуры сельского хозяйства КНР // ИБ ИДВ РАН. М., 1991. № 13; *Она же*. Опыт проведения экономических реформ в экспериментальных сельских районах КНР // ИБ ИДВ РАН. М., 1998. № 7; *Бубенцов Е.В.* Сельское хозяйство Китая в 80-е гг.: динамика и проблемы развития // ИБ ИДВ РАН. М., 1993. № 12; *Он же*. Духовный мир и традиции китайского крестьянства // ИБ ИДВ РАН. М., 1998. № 7; *Кранина Е.И.* Проблемы развития животноводства и водных промыслов в Китае // ПДВ. 1999. № 6.
- ³⁸ См., например: *Баженова Е.С., Островский А.В.* Население Китая. М., 1991; *Баженова Е.С.* Китай в демографическом измерении. М., 1992; *Наумов И.Н.* Проблемы формирования и подъема уровня жизни населения КНР. М., 1993; *Островский А.В.* КНР: проблемы занятости, трудоустройства, подготовки кадров. М., 1993.
- ³⁹ См.: *Курбатов В.П.* Актуальные проблемы КНР: демография, агросфера, экология. М., 1996; *Дикарев А.Д.* Демографические проблемы национальных меньшинств Китайской Народной Республики. М., 1996.
- ⁴⁰ См.: *Баженова Е.С., Островский А.В.* Население Китая. М., 1991. С. 194.
- ⁴¹ Там же. С. 195.
- ⁴² *Савинский С.П.* Реформа бюджетной системы КНР. Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. М., 1996.
- ⁴³ См., например: *Портяков В.Я.* Банки и банковская деятельность в Китайской Народной Республике // БП. М., 1997. № 12; *Портяков В.Я.* Иностранные банки в Китае // Китайская Народная Республика в 1995–1996 гг. М., 1997; *Шевель И.Б.* Валютное регулирование в КНР // ПДВ. 1997. № 4; *Он же*. Государственный бюджет // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999 / Отв. ред. М.Л. Титаренко М., 1999. С. 244–251; *Шевель И.Б.* Реформа банковской системы Китая // ПДВ. 1999. № 5; *Он же*. Реформа налоговой системы Китая // ПДВ. 1997. № 2.
- ⁴⁴ См.: *Новоселова Л.В.* Инвестиционная политика и экономическая реформа в КНР. М., 1995.
- ⁴⁵ Там же. С. 292.
- ⁴⁶ См., например: *Гирич Л.М.* Постановление ЦК КПК об ускорении научно-технического прогресса в КНР // Китайская Народная Республика в 1995–1996 гг. М., 1997; *Каменнов П.Б.* Военное строительство в 90-е гг. // ПДВ. 1997. № 3; *Он же*. Проблемы обороны // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999 / Отв. ред. М.Л. Титаренко. М., 1999. С. 309–318; *Петухов И.А.* Перспективы реализации программы создания международных бизнес-инкубаторов (международных коммерческих инкубационно-инновационных центров в Китае) // ИБ ИДВ РАН. М., 1999. № 10.
- ⁴⁷ См., например: *Бирюлин Е.В.* Закон КНР о предотвращении загрязнения окружающей среды твердыми отходами // ЭИ ИДВ РАН. М., 1997. № 8; *Он же*. Проблема экстремальных ситуаций и стихийных бедствий в природоохранном законодательстве КНР // Китай на пути модернизации и реформ. X МНК ККЦиМ: тез. докл. М., 1999. Ч. 1. С. 66–69; *Минаков Ю.В.* Экологическая ситуация в Китае на современном этапе // Проблемы и потенциал устойчивого развития Китая и России в XXI веке. VI МНК ККЦиМ: тез. докл. М., 1999. Ч. 1. С. 108–111.
- ⁴⁸ *Потапов М.А.* Внешнеэкономическая политика Китая (1980–1990 гг.). М., 1995; *Он же*. Внешнеэкономическая политика Китая: проблемы и противоречия. М., 1998; *Он же*. Внешнеэкономический курс // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999 / Отв. ред. М.Л. Титаренко. М., 1999. С. 319–341; *Он же*. Внешнеэкономическая политика реформенного Китая (конец 70-х – 90-е гг.). Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2000.
- ⁴⁹ См.: *Потапов М.А.* Внешнеэкономический курс // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999 / Отв. ред. Титаренко М.Л. М., 1999. С. 338.
- ⁵⁰ См., например: *Михеев В.В.* Китай и азиатский регионализм // МЖ. М., 1999. № 9; Российский Дальний Восток и Северо-Восточная Азия: Проблемы экономического сотрудничества / Рук. проекта – А.В. Островский, М.Л. Титаренко. М., 1998; *Портяков В.Я.* Китай в мировой торговле услугами // Китай на пути модернизации и реформ. X МНК ККЦиМ: тез. докл. М., 1999. Ч. 1. С. 8–12; *Спрогис Е.В.* Развитие внешнеэкономических связей КНР в 1996–2000 гг. // Экономика КНР в преддверии XXI в. (1991–2000) // ИБ ИДВ РАН. М., 1997. № 2. С. 106–121, 196–201; *Якубовский В.Б.* Становление регионального экономического сотрудничества в Северо-Восточной Азии: роль Китая // Китай и мир. Актуальные проблемы изучения экономики, политики, истории и культуры Китая. II МНК ККЦиМ: тез. докл. М., 1991. Ч. 1. С. 112–115; и др.
- ⁵¹ См.: *Козлов А.А.* Гонконг накануне возвращения в Китай // МЖ. 1996. № 4; *Он же*. Глобализация и взаимодействие Китая со странами АСЕАН // Китай в XXI веке: шансы, вызовы и перспективы. XI МНК ККЦиМ: тез. докл. М., 2000. Ч. 1. С. 187–192.
- ⁵² См., например: *Аводокушин Е.Ф.* Свободные (специальные) экономические зоны. М., 1993; *Яскина Г.С., Аносова Л.А.* Сямьнь: свободная экономическая зона (становление, развитие, управление).

- СПб., 1995; Дейч Т.Л. Опыт китайско-африканского экономического сотрудничества. М., 1998; Иваницков А.Г. Теоретические и практические аспекты привлечения иностранной технологии в КНР. М., 1991; Манежес С.А. Иностраннный капитал в экономике КНР. М., 1990.
- ⁵³ Чжунго тунцзи чжайяо – 2013 (Китайский статистический справочник – 2013). Пекин, 2013. С. 19, 62, 186, 191.
- ⁵⁴ Там же. С. 19, 62, 186, 191.
- ⁵⁵ Подробнее см.: *Потапов М.* Проблемы присоединения Китая к ВТО: плюсы и минусы // ПДВ. 2000. № 3. С. 58–59.
- ⁵⁶ Рассчитано по: Чжунго тунцзи чжайяо – 2013. С. 62.
- ⁵⁷ *Потапов М., Салицкий А.* Китай и ВТО: что делать России? // ПДВ. 2002. № 5. С. 107.
- ⁵⁸ *Борох О.* Перспективы экономики КНР: зарубежные оценки в зеркале китайской критики // ПДВ. 2003. № 3. С. 94–109.
- ⁵⁹ *Гельбрас В.* Китай: «У пчелы спина полосатая, но тигром ее не назовешь» // Вопросы экономики. М., 2003. № 3. С. 61–75.
- ⁶⁰ *Бергер Я.* О достоверности экономического роста Китая и «китайской угрозе» // ПДВ. 2002. № 6. С. 40–55.
- ⁶¹ См.: *Яшэн Хуан.* Капитализм по-китайски: Государство и бизнес. М., 2010. (пер. с англ.). С. 337.
- ⁶² Подробнее см.: *Мировая экономика: прогноз до 2020 года* / Под ред. А.А. Дынкина. М., 2007. С. 11.
- ⁶³ Там же. С. 14.
- ⁶⁴ См.: Чжунго тунцзи чжайяо – 2013. С. 186.
- ⁶⁵ См.: *Галенович Ю.М.* Китайское чудо или китайский тупик? М., 2002.
- ⁶⁶ См.: *Кузык Б.Н., Титаренко М.Л.* Китай – Россия 2050: стратегия соразвития. М., 2006. С. 388. В этой работе представлены разработки Е.С. Баженовой, Я.М. Бергера, Ю.М. Галеновича, Л.М. Гудошникова, П.Б. Каменнова, М.В. Крюкова, А.В. Ломанова, А.В. Островского, И.А. Петухова, В.Я. Портыкова, А.А. Свешникова, Е.Д. Степанова.
- ⁶⁷ *Бергер Я.М.* Экономическая стратегия Китая. М., 2009. С. 518.
- ⁶⁸ Там же. С. 522.
- ⁶⁹ Китайская Народная Республика: экономика, политика, культура в 2001 г. / Гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 2002; КНР 55 лет: политика, экономика, культура / Гл. ред. Титаренко М.Л. М., 2004; Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура в 2004–2005 гг. / Гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 2005; Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура в 2006 г. М., 2007; Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 60-летию КНР. М., 2009; Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2010–2011 / Гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 2011.
- ⁷⁰ Основные отрасли и сферы экономики современного Китая. В 2 кн. / Под ред. А.В. Островского. М., 2012. Кн. 2. С. 234.
- ⁷¹ *Островский А.В.* Китайская модель перехода к рыночной экономике // ИДВ РАН. М., 2007. С. 198.
- ⁷² *Кузык Б.Н., Титаренко М.Л.* Китай – Россия 2050: стратегия соразвития. М., 2006; *Наумов И.Н.* Стратегия экономического развития КНР в 1996–2020 гг. и проблемы ее реализации. М., 2001; *Салицкий А.И.* Взаимодействие КНР с мировым хозяйством. М., 2001; *Островский А.В.* Китайская модель перехода к рыночной экономике. М., 2007; *Портыков В.Я.* Экономическая реформа в Китае (1979–1999 гг.). М., 2002; *Он же.* От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао // Китайская Народная Республика в начале XXI в. М., 2006; Стратегия превращения Китая в супериндустриальное государство (1996–2050) / Отв. ред. М.Л. Титаренко. М., 2002; Глобализация экономики Китая / Под ред. В.В. Михеева. М., 2003; Китай: угрозы, риски, вызовы развитию / Под ред. В.В. Михеева. М., 2005; Социальные последствия рыночных преобразований в КНР (1978–2002 гг.) / Отв. ред. Э.П. Пивоварова. М., 2004; Экономика КНР вступает в XXI век / Отв. ред. и авт. предисл. М.Л. Титаренко. М., 2004; *Кондрашова Л.И.* Китай ищет свой путь. М., 2006; *Островский А.В.* Опыт Китая в решении социальных проблем в условиях перехода к рыночной экономике // Научные доклады ИДВ РАН – 2011 / Гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 2011. С. 4–19; *Кондрашова Л.И.* Современные споры вокруг «Китайской модели» // Научные доклады ИДВ РАН – 2012 / Гл. ред. М.Л. Титаренко. М. 2012. С. 20–47; Экономическая стратегия КНР в XXI веке и вопросы сотрудничества с Россией / Сост. П.Б. Каменнов. М., 2010.
- ⁷³ См., например: Китай и Россия: Развитие экономических реформ / Под ред. Л.В. Никифорова и др. М., 2003; Второй Международный форум экономистов России и Китая. Сборник докладов участников форума, 29–30 сент. 2004 г. СПб., 2004; Китай и Россия: общее и особенное в социально-экономическом развитии: сборник / Под ред. Л.В. Никифорова, Т.Е. Кузнецовой, М.Б. Гусевой. М., 2005; Китай и Россия: социально-экономическая трансформация / Под ред. Л.В. Никифорова, Т.Е. Кузнецовой, М.Б. Гусевой. М., 2007; Китай, Польша и Россия: стратегия трансформации, структурный поворот /

- Отв. ред. Л.В. Никифоров, Т.Е. Кузнецова, М.Б. Гусева. М., 2010; Китай, Польша, Россия. Стратегические приоритеты развития: общие и особенные / Отв. ред. Л.В. Никифоров, Т.Е. Кузнецова. М., 2012.
- ⁷⁴ Сравнительный анализ общих черт и особенностей переходного периода в России, Китае и Вьетнаме / Отв. ред. А.В. Островский, До Тиен Шам. М., 2012. С. 405.
- ⁷⁵ Россияне и китайцы в эпоху перемен: сравнительное исследование в Санкт-Петербурге и Шанхае начала XXI в. / Под общ. ред. Е.Н. Даниловой, В.А. Ядова, Пан Давэя. М., 2012; Китай в начале XXI в. М., 2011. (пер. с вьетн.); Россия и Китай: изменения в социальной структуре общества / Отв. ред. М.К. Горшков, Ли Пэйлинь, З.Т. Голенкова. М., 2012.
- ⁷⁶ Более полный анализ совместных российско-китайских социологических исследований см.: *Островский А.* Россия и Китай: изменения в социальной структуре общества. Рец. на книгу «Россия и Китай: изменения в социальной структуре общества» / Отв. ред. М.К. Горшков, Ли Пэйлинь, З.Т. Голенкова. М., 2012 // *ЦДВ.* 2013. № 3. С. 146–152.
- ⁷⁷ См. *Ли Цзи Шен, Казаринова О.В.* Экономические реформы в Китае: Учеб. пособие. Киров, 2001; *Гельбрас В.Г.* Экономика Китайской Народной Республики: важнейшие этапы развития, 1949–2007: курс лекций. М., 2007; *Ольсевич Ю.Я.* Влияние хозяйственных реформ в России и КНР на экономическую мысль Запада: учеб. пособие. М., 2007; *Авдокушин Е.Ф., Жариков М.В.* Страны БРИКС в современной мировой экономике. М., 2013; Основные тенденции политического и экономического развития стран современной Азии и Африки. СПб., 2011; *Потапов М.А., Салицкий А.И., Шахматов А.В.* Экономика современной Азии: учебник. М., 2011; Современный Китай: Социально-экономическое развитие. Национальная политика. Этнопсихология / Отв. ред. Д.В. Буяров. М., 2011; *Кочергин И.В.* Регионоведение: Китай: учебник. М., 2013.
- ⁷⁸ См., например: Экономическое развитие и международное сотрудничество в Северо-Восточной Азии / Отв. ред. П.А. Минакир. Владивосток, 2001; *Власов С.Н., Тырцев С.А.* Перспективы российско-китайского сотрудничества в банковской сфере. Хабаровск, 2002; *Дарбасов В.Р., Борисов В.Д.* Аграрная реформа в Китае: опыт и проблемы. Якутск, 2002; *Присяжный М.Ю., Фомина М.М.* Мировое хозяйство: экономико-географическая характеристика Восточной Азии и Китая. Якутск, 2008; *Парамонов В.В., Строков А.В., Столповский О.А.* Россия и Китай в энергетике Центральной Евразии: соперники или партнеры? присутствие России и Китая в отраслях ТЭК стран Центральной Азии: состояние, проблемы и перспективы. Барнаул, 2011; Россия и Китай: социально-экономическое взаимодействие между странами и приграничными регионами / Под общ. ред. Л.А. Понкратовой, А.П. Забияко. Благовещенск, 2011; Забайкальский край в трансграничном взаимодействии с КНР (региональное сотрудничество) / Ред. Н.А. Абрамова. Чита, 2010.
- ⁷⁹ См.: Китай, Россия, страны АТР и перспективы межцивилизационных отношений в XXI веке // XII МНК ККЦиМ: тез. докл. В 3 ч. Содержание: Ч. 1: Экономика Китая, России и стран АТР в условиях глобализации. С. 6–155. М., 2001; Китай: шансы и вызовы глобализации. XIV МНК ККЦиМ: тез. докл. Из содержания: Углубление экономических реформ в Китае и их социально-политические последствия. С. 9–174. М., 2003; Усиление Китая: внутренние и международные аспекты. XV МНК ККЦиМ: тез. докл. Ч. 1. Из содержания: Углубление экономических реформ в Китае и их социально-политические последствия и перспективы. С. 8–142. М., 2005; Россия и Китай: взаимное восприятие (прошлое, настоящее, будущее). XVI МНК ККЦиМ: тез. докл. Из содержания: Экономическое развитие Китая в разд. Экономические аспекты сотрудничества России и Китая. С. 88–150. М., 2006; 30 лет реформ в КНР: опыт, проблемы, уроки. XVII МНК ККЦиМ: тез. докл. Ч. 1. Из содержания: Экономические аспекты сотрудничества России и Китая. М., 2008; 60 лет КНР: Шестидесятилетие дипломатических отношений СССР/РФ и КНР. XVIII МНК ККЦиМ. В 2 ч. Из содержания: Общие проблемы развития экономики КНР. С. 11–56. М., 2009; Вековой путь Китая к прогрессу и модернизации: К 100-летию Синьхайской революции». XIX МНК ККЦиМ: тез. докл. Из содержания: Экономика Китая. С. 114–227. М., 2011; Китай в эпицентре глобальных проблем АТР. XX МНК ККЦиМ: тез. докл. Из содержания: Опыт социально-экономического развития Китая. С. 141–232. М., 2013.
- ⁸⁰ См., например: Экономическая реформа в КНР: на рубеже веков / Отв. ред. А.В. Островский. М., 2008; Экономика КНР: меры по преодолению влияния мирового финансового кризиса: сб. ст. / Отв. ред. А.В. Островский. М., 2010; Всероссийская научная конференция «Социально-экономическое положение современного Китая» (Москва, 11.03.2011). Ч. 1–2 // ИМ ИДВ РАН. Сер. Ж: Социально-экономическое положение современного Китая. М., 2012; Экономика КНР: 10 лет после вступления в ВТО // ИМ ИДВ РАН. Сер. Ж: Социально-экономическое положение современного Китая. М., 2013. Вып. 19. Ч. 1–2.

- ⁸¹ См., например: *Баженова Е.С.* 1 300 000 000. Население Китая: стратегия развития и демографической политики. М., 2010; *Островский А.В.* Формирование рынка рабочей силы в КНР. М., 2003; *Баженова Е., Островский А.* Трудовые ресурсы Китая // Отечественные записки. М., 2008. № 3; *Баженова Е.* Население Китая в эпоху модернизации и экономических реформ // ПДВ. 2009. № 5.
- ⁸² *Баженова Е.С.* 1 300 000 000. Население Китая: стратегия развития и демографической политики. С. 276–277.
- ⁸³ *Островский А.В.* Формирование рынка рабочей силы в КНР. М., 2003. С. 364–365.
- ⁸⁴ См.: *Островский А.В.* Основные проблемы китайской экономики в 12-й пятилетке (2011–2015 гг.) // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2012–2013. М., 2013. С. 119.
- ⁸⁵ См.: *Гончаров С.Н.* Заметки о военно-техническом сотрудничестве Китая с СССР и Россией во 2-й половине XX в. М., 2013.
- ⁸⁶ См., например: *Потанов М.А.* Газовый рынок Китая и перспективы российско-китайского сотрудничества // ПДВ. 2002. № 3. С. 88–106; *Островский А.В.* Перспективы и возможности России в энергетическом сотрудничестве в Северо-Восточной Азии // Перспективы энергетики. М., 2003. Т. 6. № 10. С. 27–39; *Ощепков И.* Перспективы поставок российского углеводородного сырья в Северо-Восточный Китай // ПДВ. 2003. № 5. С. 79–90; *Потанов М.А.* Диверсификация экспортной политики Газпрома: освоение рынка Китая // Новые высокие технологии газовой, нефтяной промышленности, энергетики и связи. М., 2003. Т. 2. С. 535–537; *Пармонов В.В., Строков А.В., Столповский О.А.* Центральная Азия в энергетической стратегии Китая. Последствия и возможности для России // ЭП. М., 2010. Вып. 4, 5; *Палкин С.Е.* Энергетический треугольник: Китай, Россия, Казахстан // ЭКО. Новосибирск, 2011. № 1.
- ⁸⁷ *Эдер Л.В.* Современное состояние и прогноз развития нефтяного рынка Китая // ЭКО. Новосибирск, 2005. № 2; *Островский А.В.* Возможности Китая в решении энергетической проблемы // ЭП. М., 2010. Вып. 4–5. С. 53–66; *Охотникова Л.М.* Основные направления развития топливно-энергетического комплекса Китая / Экономика Китая вступает в XXI век / Отв. ред. М.Л. Титаренко. М., 2004; *Троекурова И., Пелевина К.* Перспективы Китая на рынке энергоресурсов // ПДВ. 2010. № 5. С. 32–42; *Гончарук А.* Атомная отрасль Китая: новый большой скачок? // Индекс безопасности. М. 2011. Т. 17. № 4; *Он же.* Атомная энергетика КНР после Фукусимы // ААС. М., 2011. № 11. С. 37–41; № 12. С. 28–32.
- ⁸⁸ Рынок энергетических ресурсов Китая: интересы и возможности России / Отв. ред. А.В. Островский. М., 2011; *Томберг Р.И.* Китай в глобальной конкуренции за нефть Африки. М., 2011; *Томберг И.Р.* Энергетика КНР в мирохозяйственном контексте. М., 2013; *Полякова Т.В.* Энергетические проблемы китайской экономики // Аналитические доклады Института международных исследований МГИМО (У) МИД России. М., 2011. Вып. 2 (26).
- ⁸⁹ Рынок энергетических ресурсов Китая: интересы и возможности России / Отв. ред. А.В. Островский. М., 2011. С. 235–236.
- ⁹⁰ См.: Чжунго тунцзи чайяю – 2013. С. 135.
- ⁹¹ См., например: *Бирюлин Е.В., Кранина Е.И.* Экологические проблемы КНР: опыт правового регулирования. М., 2005; *Кранина Е.И.* Экологические проблемы устойчивого развития современной китайской деревни. М., 2008; *Ушаков И.В.* Экологический лабиринт. М., 2008; *Фортыгина Е.А.* Экологическая безопасность энергетической политики Китая // Рынок энергетических ресурсов Китая: интересы и возможности России / Отв. ред. А.В. Островский. М., 2011. С. 210–233; *Петушкова В.В.* Экономические аспекты современных экологических проблем КНР: Автореф. дис. ... канд. экон. наук М., 2003; *Варакина М.И., Гурулева Т.Л.* Экологические проблемы КНР: культурно-нравственный аспект. Чита, 2011.
- ⁹² См.: *Фортыгина Е.А.* Экологическая безопасность энергетической политики Китая // Рынок энергетических ресурсов Китая: интересы и возможности России / Отв. ред. А.В. Островский. М., 2011. С. 233.
- ⁹³ См.: *Ушаков И.В.* Экологический лабиринт. М., 2008. С. 171.
- ⁹⁴ См., например: Теоретико-методологические основы экономической интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион / Под общей ред. В.Г. Белкина. Владивосток, 2005; Развитие и углубление стратегического взаимодействия России и Китая: доклады участников международной научной конференции (Москва, 9–10 октября 2007 года). М., 2008; Российско-китайское сотрудничество в Северо-Восточной Азии: к устойчивому развитию и взаимному процветанию: доклады Международной российско-китайской конференции (Южно-Сахалинск, 10–11 октября 2011 года). М., 2012; Россия и Китай: социально-экономическое взаимодействие между странами и приграничными регионами / Под общ. ред. Л.А. Понкратовой, А.П. Забияко. Благовещенск, 2011; Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы международной научно-практической конфе-

- ренции (Благовещенск – Хэйхэ, 10–12 июня 2011 г. / Отв. ред. Д.В. Буяров. Благовещенск, 2011; Международный молодежный экономический форум «Россия и Китай: вектор развития»: Материалы научно-практической конференции, 11–16 окт. 2012 г. Благовещенск, 2013.
- ⁹⁵ *Титаренко М.Л.* Россия: безопасность через сотрудничество: Восточно-Азиатский вектор. М., 2003; Россия и Китай: сотрудничество в условиях глобализации / Науч. рук. М.Л. Титаренко; отв. ред. В.И. Шабалин. М., 2005; Дальний Восток и Забайкалье в России и АТР. Хабаровск, 2007; Экономическое сотрудничество Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Хабаровск, 2007; *Кузнецов И.Б.* Китай – шанс России на новую экономику? // ЭКО. Новосибирск, 2011. № 1.
- ⁹⁶ *Титаренко М.Л.* Экономическое взаимодействие России с Китаем // ЭКО. Новосибирск, 2008, № 3; *Он же.* Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008; *Он же.* Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М., 2012.
- ⁹⁷ *Александрова М.В.* Вступление Китая в ВТО и перспективы российско-китайского торгово-экономического сотрудничества // Ловушки либерализации: (Китай и ВТО). М., 2001. Гл. 7. С. 149–171; *Она же.* Особенности российско-китайского взаимодействия в области лесопромышленного комплекса // ВНИ. 2003. № 4.
- ⁹⁸ *Мозиас П.* Экономическое взаимодействие России и Китая: от двустороннего формата к региональному // МЭиМО. М., 2011. № 11; *Он же.* Китайский фактор во внешнеэкономической политике России // Финансы, деньги, инвестиции. М., 2009. № 2. С. 13–20.
- ⁹⁹ *Островский А.В.* Особенности экономического взаимодействия России и Китая // Россия и Китай: сотрудничество в условиях глобализации. М., 2005. С. 268–304; *Он же.* Россия в АТЭС: экономическая стратегия взаимодействия // Россия – Китай: развитие регионального сотрудничества в XXI веке: Второй Международный форум, 25–29 апр. 2012 г. Чита – Маньчжурия, 2012.
- ¹⁰⁰ *Бакланов П.Я.* Факторы и направления развития российско-китайского сотрудничества // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. Владивосток, 2007. № 3. С. 34–43.
- ¹⁰¹ *Портяков В.Я.* Россия и Китай в мировой экономике // Становление евразийской безопасности. М., 2005. С. 663–673; *Он же.* Россия и Китай: сотрудничество в условиях глобализации. М., 2005. С. 252–267; *Он же.* Торговля Китая и России с государствами Центральной Азии // Россия и Китай в Шанхайской организации сотрудничества. М., 2006. С. 92–98.
- ¹⁰² *Потапов М.А.* Россия и Китай // Россия: интеграция в мировую экономику. М., 2002. С. 295–309.
- ¹⁰³ *Цыплаков С., Попов Е.* Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество: проблемы и перспективы // ПДВ. 2003. № 4. С. 79–89; *Цыплаков С.* Российско-китайские торгово-экономические связи: извилистый подъем. // ПДВ. 2008. № 6. С. 52–68.
- ¹⁰⁴ См., например: Деловой Китай: Экономика и связи Китая с Россией. М., 2005. Т. 6–7. Спец. вып., 2005. Т. 8.
- ¹⁰⁵ См.: *Сазонов С.Л.* Россия – Китай: сотрудничество в области транспорта. М., 2012; *Александрова М.В.* Китай и Россия: особенности регионального экономического взаимодействия в период реформ. М., 2003; *Она же.* Экономическое взаимодействие регионов России и Китая в период реформ. М., 2005; *Черная И.П.* Проблемы управления развитием приграничного региона в условиях глобализации. Владивосток, 2006; *Бардаль А.* Транспортные связи Дальнего Востока РФ с Китаем: текущее состояние и перспективные проекты // ПДВ. 2010. № 5.
- ¹⁰⁶ См., например: *Александрова М.В.* Сибирь и Сынцзян: возможности и направления взаимодействия // ВНИ. М., 2001. № 11. С. 67–82; *Она же.* Состояние, проблемы и потенциал приграничного и межрегионального сотрудничества РФ и КНР // Российско-китайские отношения: состояние, перспективы. М, 2005. С. 330–348.
- ¹⁰⁷ *Минакир П.А.* Россия – Китай на Дальнем Востоке: мнимые страхи и реальные угрозы // ПЭ. Хабаровск, 2009. № 3. С. 7–19.
- ¹⁰⁸ *Черная И.П.* Дальневосточная модель приграничного сотрудничества: источник роста или тупик развития? // ЭКО. Новосибирск, 2006. № 5.
- ¹⁰⁹ *Кулешов В.В.* Развитие Сибири и грани сотрудничества с Китаем // Экономическая наука современной России. М., 2002. № 1.
- ¹¹⁰ *Рыжова Н.* Влияние приграничной торговли на экономическое развитие Китая и России // Вопросы экономики. М., 2009. № 6. С. 137–150; *Она же.* Роль приграничного сотрудничества в развитии окраинных городов Китая и России // ПДВ. 2009. № 4. С. 58–74.
- ¹¹¹ *Деваева Е.И.* Экономическое сотрудничество Дальнего Востока России со странами Северо-Восточной Азии: состояние, проблемы, перспективы // ПДВ. 2004. № 1. С. 115–128; *Она же.* Внешняя

- торговля Дальнего Востока России // ПДВ. 2005. № 4. С. 79–87; *Она же*. Структура внешнеторговых потоков Дальнего Востока России // ПДВ. 2006. № 4. С. 71–80; *Деваева Е.И., Котова Т.Е.* Товарные рынки Северо-Восточной Азии: ориентиры для экспорта Дальнего Востока России // ПЭ. Хабаровск, 2010. № 4. С. 82–105.
- ¹¹² *Бернадский Ю.И.* Развитие приграничного сотрудничества: каковы сами – таковы и сани // ЭКО. Новосибирск, 2010. № 11. С. 57–65.
- ¹¹³ См.: *Воронова Т.А., Пермякова Е.В.* Сравнительный анализ современной бизнес-среды в России и Китае // Российский внешнеэкономический вестник. М., 2010. № 10. С. 31–36; № 11. С. 45–51.
- ¹¹⁴ См.: *Родионов М.А., Авраменко С.В., Литвинова Е.В.* Внешнеторговые связи России и Китая по вопросам продовольственного обеспечения // Национальная безопасность России: проблемы и пути обеспечения. М., 2011. Вып. 4 (13). С. 148–156.
- ¹¹⁵ См.: *Абраменков А.В.* Совместные свободные экономические зоны в российско-китайском сотрудничестве // Российский внешнеэкономический вестник. М., 2010. № 8. С. 14–23.
- ¹¹⁶ См.: *Понкратова Л.* Трансграничные обмены и взаимодействие приграничных регионов России и Китая // ПДВ. 2010. № 6. С. 99–115.
- ¹¹⁷ См.: *Тулохонов А.К., Зомонова Э.М.* Асимметрия социально-экономического развития приграничных территорий России и Китая // АТР. Владивосток, 2009. № 2. С. 7–15.
- ¹¹⁸ См.: *Кашина Н.* Российско-китайское инвестиционное сотрудничество: региональный аспект // Инвестиции в России. М., 2007. № 12. С. 13–18.
- ¹¹⁹ См.: *Изотов Д.А.* Пока только намерения: первые итоги реализации программы сотрудничества между восточными регионами России и Северо-Востоком КНР (2009–2018 гг.) // ЭКО. Новосибирск, 2011. № 3. С. 160–178.
- ¹²⁰ См., например: *Потапов М.А.* Внешнеэкономическая модель развития стран Восточной Азии. Международные отношения. М., 2004; *Он же*. Вступление КНР в ВТО: плюсы и минусы для китайской экономики и внешней торговли // Ловушки либерализации (Китай и ВТО). М., 2001. С. 5–35; *Он же*. Китай и Всемирная торговая организация: Последствия вступления КНР в ВТО для самого Китая, региональной и глобальной экономики // Глобализация экономики Китая / Под ред. В.В. Михеева. М., 2003. С. 61–94; *Он же*. КНР: Опыт стран – членов ВТО по защите национальных интересов на внутреннем и внешнем рынках // МЭиМО. 2002. № 8; *Он же*. Влияние мирового экономического кризиса на внешнеэкономические связи КНР // Тихоокеанская Азия: экономические и политические последствия глобального финансового кризиса. М., 2010. С. 20–27.
- ¹²¹ *Попова Л.В.* Внешнеэкономическая стратегия Китая. Проблемы формирования и реализации. СПб., 2012.
- ¹²² *Изотов Д.А.* Валютный курс и внешняя торговля КНР // ПЭ. Хабаровск, 2009. № 3. С. 36–63; *Он же*. Внешняя торговля Китая: реакция на изменение валютного курса // ПЭ. Хабаровск, 2011. № 4. С. 6–22.
- ¹²³ *Стровский Л.Е., Цзян Цзин.* Китай после вступления в ВТО. Адаптация мировой экономики к условиям мирового хозяйства. М., 2007. С. 218.
- ¹²⁴ См., например: КНР – ВТО: итоги первых лет // ЭИ ИДВ РАН. М., 2005. № 2; *Намозов О.* Китай, ВТО и мировая экономика // МЭиМО. М., 2002. № 11; *Котляров Н.* Присоединение Китая к ВТО: Анализ китайско-американских договоренностей // МЭиМО. М., 2003. № 6; *Лопатина А.В.* Китай и Всемирная торговая организация: Политическая игра и объективная реальность // Вестник научной информации ИМЭПИ РАН. М., 2001. № 9; Китай в ВТО: уроки поддержки национального бизнеса // ПДВ. 2004. № 1; *Карлусов В., Калашиников Д.* Государственная поддержка предпринимательства в условиях вступления Китая в ВТО // Проблемы теории и практики управления. М., 2004. № 3; *Попова Л.В.* Присоединение Китая к ВТО: опыт переговоров и первые результаты // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 5: Экономика. СПб., 2006. Вып. 2. С. 109–120.
- ¹²⁵ *Котляров Н.Н.* Экономические отношения КНР с США. М., 2003; *Он же*. Китайско-американские противоречия в области двусторонней торговли // Внешнеэкономический бюллетень. М., 2003. № 6. С. 11–20; *Киреев А.А.* КНР – США: экономические отношения // Традиционный Китай на пути к модернизации. М., 2013. С. 41–60; *Гельбрас В.* «Общий рынок» по-китайски: с помощью экспорта КНР стремится догнать и перегнать США // ААС. М., 2003. № 4. С. 5–16.
- ¹²⁶ См.: *Андреева Н.В.* Проблемы и перспективы создания зоны свободной торговли между Китаем и АСЕАН. Дис. ... канд. экон. наук. М., 2005; *Гельбрас В.Г.* КНР – АСЕАН: факторы притягивания и отталкивания // Современные тенденции развития регионального экономического сотрудничества в Восточной Азии: материалы научной конференции. М., 2003. С. 44–51; *Мазырин В.* КАФТА – но-

- вый формат экономического взаимодействия в Восточной Азии // МЭиМО. М., 2010. № 11. С. 50–58; *Кочкин П.* Основные факторы и тенденции развития экономических отношений между СРВ и КНР // ПДВ. 2006. № 5. С. 66–81.
- ¹²⁷ См.: *Архипов В.Я.* Бум в экономических отношениях Австралии с Китаем // Российский внешне-экономический вестник. М., 2007. № 9. С. 46–51.
- ¹²⁸ См.: *Ось мировой политики XXI в.: обострение борьбы за ресурсы в Азии и Африке* / Под ред. А.М. Хазанова. М., 2012; *Фроленков В.С.* Современные торгово-экономические отношения КНР с центральноазиатскими странами – членами ШОС и Туркменистаном. М., 2009; *Быков А.И.* Экономическое сотрудничество в рамках ШОС: основные направления и перспективы развития. М., 2011; *Эскиндаров М.А., Перская В.В.* Точки сопряжения экономических стратегий развития государств-членов АТЭС и ШОС при переходе к многополярности (методологические подходы и инструментальный выявление сфер взаимного интереса). М., 2013; ШОС: экономическая интеграция и национальные интересы / Под ред. А.И. Татаркина, В.А. Черешнева, А.Ф. Расулова. УРО ИЭ РАН. М., 2010.
- ¹²⁹ См.: *Дейч Т.* Китай – Африка: экономические отношения на рубеже XXI в. // ААС. М., 2006. № 4; *Томберг Р.И.* КНР – Африка: экономические связи // ААС. М., 2011. № 7. С. 58–63.
- ¹³⁰ См.: *Веремеев Н.В.* Договоренность о более тесном экономическом партнерстве между Гонконгом и КНР 2003 г. // Московский журнал международного права. М., 2012. № 4 (88). С. 98–115.
- ¹³¹ См.: *Коваленко В.Н.* Формирование «Большого Китая»: Экономическое взаимодействие Гонконга и КНР / Под ред. С.Ф. Сутырина. СПб., 2012.
- ¹³² См.: Опыт реформирования финансовых и банковских систем России и Китая (по материалам Международного форума «Опыт реформирования финансовых и банковских систем России и Китая», состоявшегося в Финансовой академии при Правительстве РФ) // ФиК. М., 2009. № 7.
- ¹³³ См., например: *Романов А.Н., Поляк Г.Б., Тон Вэй.* Бюджетные реформы в России и Китае. Москва – Пекин, 2009; *Колчин С., Ма Хайтао, Тон Вэй.* Налоговая система в России и Китае. Москва – Пекин. 2010. (Тексты на рус. и кит. яз.).
- ¹³⁴ См.: *Власов С.Н., Тырцев С.А.* Перспективы российско-китайского сотрудничества в банковской сфере. Хабаровск, 2002.
- ¹³⁵ См., например: *Рудько-Силиванов В.В.* О межбанковском российско-китайском сотрудничестве на Дальнем Востоке // ДиК. М., 2002. № 11; *Рудько-Силиванов В.В., Зубрилова Н.В.* Российско-китайское межбанковское сотрудничество: состояние, проблемы, перспективы // ДиК. М., 2007. № 12. С. 35–42; *Врагова Н.К., Симутина Н.Л.* Межбанковские расчеты как фактор цивилизованного развития внешнеторговых отношений приграничных регионов России и Китая // ДиК. М., 2007. № 2. С. 56–62.
- ¹³⁶ О проблемах банковских торгов в паре «российский рубль – китайский юань» подробнее см.: *Арутюнянц А.Р., Свечников Д.В.* Юань выходит на российский валютный рынок // ЭКО. Новосибирск, 2010. № 11. С. 38–44.
- ¹³⁷ *Кузнецова В.В.* Банковская система КНР. М., 2003.
- ¹³⁸ *Савинский С.П., Смахтин Д.А.* Банки развития Китая // ДиК. М., 2007. № 5.
- ¹³⁹ *Грибова Н.В.* Развитие банковской системы Китая в современных условиях // Россия и глобальная экономика. М., 2007. № 8; *Кузнецов С.Г.* О некоторых проблемах банковской системы Китая // ДиК. М., 2003. № 9; *Селищев А.С.* Развитие банковской системы Китая // ДиК. М., 2004. № 11; *Смирнова О.В.* Институты денежного обращения Китая и финансово-экономические показатели их деятельности // ФиК. М., 2013. № 20; *Шредер К.* Реформирование банковской системы Китая // ДиК. М., 2006. № 5; *Шевель И.* Реформа банковской системы в Китае // ПДВ. 2003. № 6.
- ¹⁴⁰ *Солнцев О.Г.* Особенности денежно-кредитной политики КНР // Проблемы прогнозирования. М., 2008. Вып. 5. С. 121–137; *Жигулева В.В.* Финансовая политика Китая после вступления в ВТО // ААС. М., 2013. № 6.
- ¹⁴¹ См.: *Шаринов Д.Н.* Формирование и регулирование фондового рынка. Дис. ... канд. экон. наук. М., 2001; *Вахрушин И.В.* Рынок ценных бумаг в КНР. Дис. ... канд. экон. наук. М., 2009.
- ¹⁴² См.: *Вахрушин И.В.* Фондовый рынок КНР. М., 2013.
- ¹⁴³ См., например: *Макеев Ю.* Фондовый рынок Китая // Рынок ценных бумаг. М., 2003. № 5; *Лылова М.С.* Особенности развития фондового рынка Китая // Актуальные валютно-финансовые проблемы мира. М., 2007. Вып. 5. С. 63–78; *Бергер Я., Михеев В.* Фондовый рынок КНР // МЭиМО. М., 2008. № 6; *Вахрушин И.В.* Фондовый рынок КНР и кризис // ААС. М., 2010. № 9. С. 15–24; *Он же.* Фондовый рынок КНР: итоги развития: задачи и перспективы // ПДВ. 2011. № 5. С. 61–68; *Он же.* Факторы образования кризиса фондового рынка Китая // Финансовая аналитика, проблемы и решения. М., 2013. № 7; *Он же.* Построение многоуровневого фондового рынка в Китае // Финансовая аналитика, проблемы и решения. М., 2013. № 8; *Белова А.С.* КНР: неистребимый «черный» рынок

- акций: [Фондовый рынок] // ААС. М., 2010. № 12; *Она же*. Фондовый рынок КНР на современном этапе: система регулирования // ПДВ. 2010. № 6.
- ¹⁴⁴ См.: Китай: инвестиционная стратегия и перспективы для России / Отв. ред. Л.В. Новоселова. М., 2008.
- ¹⁴⁵ См., например: *Новоселова Л.* Российско-китайское экономическое взаимодействие: проблемы оживления инвестиционной составляющей // РЭЖ. М., 2008. № 1, 2; *Она же*. О реализации инвестиционной составляющей стратегии экономического роста в КНР // РЭЖ. М., 2006. № 4; *Она же*. Новейшие проблемы государственного регулирования инвестиционной сферы в КНР // РЭЖ. М., 2007. № 11, 12; *Сурков В.В.* Гарантии и риски частных инвестиций в проекты строительства инфраструктуры: опыт Китая // Экономика строительства. М., 2003. № 5; *Кульнева П.* Либерализация инвестиционного режима в Китае: новый этап // МЭиМО. М., 2009. № 12; *Балакин В.* Инвестиционная стратегия Китая в межкризисный период (1998–2008 гг.) // ПДВ. 2013. № 4.
- ¹⁴⁶ *Балакин В.И.* Инвестиционная стратегия США, Японии и Евросоюза в отношении КНР. М., 2002.
- ¹⁴⁷ См., например: *Любомудров А.В.* Прямые иностранные инвестиции в экономику Китая // Российский внешнеэкономический вестник. М., 2010. № 2, 3; *Бергер Я.* Использование иностранных инвестиций в Китае // Инвестиции в России. М., 2004. № 3.
- ¹⁴⁸ Жэньминь жибао. 23 янв. 2014.
- ¹⁴⁹ См.: *Воронина М.В., Макарова Н.С., Собакина Д.М.* Инвестиционная привлекательность России для Китая. М., 2010.
- ¹⁵⁰ См., например: *Попова Л.В.* Прямые зарубежные инвестиции КНР: основные тенденции и перспективы для мировой экономики // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 5: Экономика. СПб., 2011. Вып. 2. С. 52–63; *Терентьева Т.Г., Новоселова Л.В.* Ввоз и вывоз капитала // Китайская Народная Республика в 2004–2005 гг. М., 2005. С. 351–363; *Терентьева Т.Г.* Китайские инвестиции за рубежом // Усиление Китая: внутренние и международные аспекты // XV МНК ККЦиМ: тез. докл. М., 2005. Ч. 1. С. 97–101; *Она же*. Вывоз капитала как фактор реализации внешнеэкономической стратегии КНР // ПДВ. М., 2011. № 5. С. 69–74; *Она же*. Основные направления китайской политики «выхода за рубеж» // ИМ ИДВ РАН. Сер. В: Общество и государство в Китае в ходе реформ. М., 2005. Вып. 19. Ч. 2. С. 72–80; *Дейч Т.* Китайский капитал на рынках Африки // ААС. М., 2008. № 9; *Трошина Е.А.* Инвестиционная активность китайских нефтегазовых компаний за рубежом // ВБ. М., 2003. № 11.
- ¹⁵¹ См. например: *Софьянников И.* Реформа системы валютного регулирования в Китае // ПДВ. М., 2003. № 1.
- ¹⁵² См.: *Кондрашова Л.И.* Стоит ли укрепляться юаню? // ААС. М., 2010. № 8.
- ¹⁵³ См.: *Ходов Л.* Китайская валюта укрепляет свои позиции в мировой экономике // ПДВ. 2013. № 4.
- ¹⁵⁴ *Островский А.В.* Китайская модель перехода к рыночной экономике. М., 2007. С. 11.
- ¹⁵⁵ См.: *Бергер Я.М.* Экономическая стратегия Китая. М., 2009.
- ¹⁵⁶ См.: *Гельбрас В.Г.* Экономика Китайской Народной Республики: важнейшие этапы развития, 1949–2007. М., 2007.
- ¹⁵⁷ См.: *Кондрашова Л.И.* Китай ищет свой путь. М., 2006.
- ¹⁵⁸ См.: *Портяков В.Я.* Экономическая реформа в Китае (1979–1999 гг.). М., 2002.
- ¹⁵⁹ См., например: *Бергер Я.* Дэн Сяопин и экономические реформы в Китае // ПДВ. 2003. № 5. С. 30–47; *Он же*. Социально-экономическое развитие и углубление рыночных реформ в Китае // ПДВ. 2004. № 1. С. 6–29; *Он же*. Экономика Китая: о трудностях мнимых и реальных // Свободная мысль. М., 2011. № 9. С. 81–92; *Кондрашова Л.И.* Приватизация с китайской спецификой: (Проблема классификации форм собственности) // РЭЖ. М., 2004. № 7. С. 42–55; *Она же*. Точку ставить рано: начался «третий акт» китайской реформы // ААС. М., 2004. № 10. С. 27–35; *Она же*. Современные споры во-круг «Китайской модели» / Научные доклады ИДВ РАН – 2011. М., 2012. С. 20–47; *Островский А.В.* Современная экономика КНР: проблемы, угрозы, перспективы // ЭКО. Новосибирск, 2008. № 8; *Он же*. Выход из кризиса: специфика Китая // Проблемы теории и практики управления. М., 2009. № 6. С. 36–48; *Он же*. Некоторые особенности экономического развития КНР за 60 лет (1949–2009 гг.) // ПДВ. 2009. № 6. С. 45–55; *Он же*. Подготовиться к мировому кризису – китайский рецепт // ЭКО. Новосибирск, 2009. № 5. С. 35–46; *Портяков В.Я.* Об экономической роли государства в Китае: (в порядке постановки проблемы) // ПДВ. 2003. № 4. С. 103–108.
- ¹⁶⁰ См.: *Лапердина В.В.* Анализ экономического роста КНР на рубеже веков: проблемы оценки ВВП. Научный доклад. М., 2009; *Она же*. Экономический рост КНР: Изменение модели развития (1993–2009 гг.). М., 2011.
- ¹⁶¹ См.: *Полтерович В.М.* Стратегии институциональных реформ. Китай и Россия // Экономика и математические методы. М., 2006. Т. 42. Вып. 2. С. 3–16.

- ¹⁶² См.: *Изотов Д.А., Кучерявенко В.Е.* Экономическое развитие Китая на современном этапе: (аналитический обзор). Хабаровск, 2007. Приложение к журналу ПЭ. Вып. 1.
- ¹⁶³ См.: *Лычагин А.И.* Китай: реформы в интересах народа: Новейшая история реструктуризации государственных предприятий КНР. Н. Новгород, 2004; *Цыренов Д.Г.* Проблемы создания системы современных предприятий в КНР: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2006.
- ¹⁶⁴ См.: *Потапов М.* К вопросу об устойчивости китайской экономики в период мировых и региональных кризисов // ПДВ. 2013. № 3. С. 89–96.
- ¹⁶⁵ См.: *Жигулева В.В.* От плана к рынку: опыт КНР в области реформы системы ценообразования (1978–2005 гг.). М., 2006.
- ¹⁶⁶ См.: *Салицкий А.И.; Макеев Ю.А., Шахматов А.В.* К вопросу о ценовой конкурентоспособности КНР, Индии и России // ПДВ. 2005. № 4. С. 95–112.
- ¹⁶⁷ См., например: Социальные последствия рыночных преобразований в КНР (1978–2002 гг.) / Ред. Э.П. Пивоварова. М., 2004; *Пивоварова Э.П.* Социализм с китайской спецификой. М., 2011; *Она же.* Экономическая мысль в КНР // Науч. труды Международного Союза Экономистов и Вольного экономического общества России. М., 2006. Т. 19 (63); *Она же.* Что такое «социализм с китайской спецификой»? // ААС. М., 2011. № 8. С. 60–64.
- ¹⁶⁸ См.: *Карпов М.В.* Очерки политической экономии «социализма с китайской спецификой»: «многоколейный ленинизм» // Восток. М., 2011. № 3. С. 95–114; № 4. С. 65–80.
- ¹⁶⁹ См., например: *Островский А.В.* Опыт Китая в решении социальных проблем в условиях перехода к рыночной экономике // Доклады ИДВ РАН – 2011. М., 2012. С. 4–19.
- ¹⁷⁰ См., например: *Чуванкова В.В.* Социальный аспект индивидуального и частного предпринимательства в условиях развития рыночной экономики // Социальные последствия рыночных преобразований в КНР (1978–2002 гг.). М., 2004. С. 153–197; *Она же.* Частное предпринимательство в экономике КНР в условиях глобального кризиса // ПДВ. 2009. № 3; *Она же.* Развитие частного предпринимательства в КНР // ПДВ. 2011. № 6; *Она же.* Государственная поддержка мелкого и среднего предпринимательства в КНР: новый этап // ПДВ. 2013. № 3.
- ¹⁷¹ См.: *Борох О.Н.* Обсуждение проблем политической экономии в Китае во время дискуссий 1957 г. // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 5: Экономика. СПб., 2011. Вып. 2. С. 88–95; *Она же.* Судьба экономиста в изменяющемся Китае: Чэнь Чжэньхань и его взгляды // ИМ ИДВ РАН. Сер. Е: Проблемы новейшей истории Китая. М., 2011. Вып. 1. С. 191–204; *Она же.* Экономические дискуссии в КНР в посткризисный период // ПДВ. М., 2011. № 4. С. 126–136.
- ¹⁷² См.: *Ганишин Г.А., Ушаков И.В.* Китай: Экономико-географический очерк. М., 2004.
- ¹⁷³ См.: Региональная политика: опыт России и Китая / Отв. ред. Л.И. Кондрашова. М., 2007.
- ¹⁷⁴ См.: *Сибирякова О.С.* Экономическое развитие провинции Сычуань. М., 2013.
- ¹⁷⁵ См.: *Баженова Е., Островский А.* Синьцзян – новый облик древнего Шелкового пути. Алматы, 2012.
- ¹⁷⁶ См. например: *Алексахина С.Н.* Северо-Восточный регион КНР: проблемы и предпосылки устойчивого развития // Усиление Китая: внутренние и международные аспекты // XV МНК ККЦиМ: тез. докл. М., 2005. Ч. 1. С. 83–86; *Баженова Е.С., Островский А.В.* От Цинхя до Циндао: (Особенности экономической реформы в западных и восточных регионах КНР) // ПДВ. М., 2005. № 2; *Баженова Е.С.* Синьцзян и новые горизонты великого Шелкового пути: (Внешняя торговля) // ПЭ. Хабаровск, 2011. № 2. С. 137–145. *Она же.* Экономические и демографические аспекты современного развития Синьцзяна // ИМ ИДВ РАН. Сер. В: Общество и государство в Китае в ходе реформ. М., 2011. Вып. 26. С. 195–206.
- ¹⁷⁷ См. например: *Изотов Д.А.* Оценка опыта КНР по выравниванию региональной дифференциации мерами трансфертной политики // ПЭ. Хабаровск, 2007. № 4. С. 147–159; *Тулоханов А.К., Зомонова Э.М.* Асимметрия социально-экономического развития приграничных территорий России и Китая // Азиатско-Тихоокеанский регион. Владивосток, 2009. № 2. С. 7–15; *Рыжова Н.П.* Развитие окраинных регионов КНР: роль «Приграничного пояса открытости» // ПЭ. Хабаровск, 2008. № 4. С. 36–59; *Бадалян Л., Криворотов В.* Особый путь Китая: новая парадигма производства – объектно-ориентированный дизайн и проблемы освоения труднодоступных территорий // ПДВ. М., 2011. № 4.
- ¹⁷⁸ Чжунго тунцзи чайяяо – 2012. (Китайский статистический справочник – 2012). Пекин, 2013. С. 14.
- ¹⁷⁹ См.: *Бони Л.Д.* Китайская деревня на пути к рынку. М., 2005. С. 490.
- ¹⁸⁰ См. например: Продолевательная безопасность КНР и роль государственного регулирования / Отв. ред. И.Н. Коркунов. М., 2002; Аграрная проблема Китая (конец XX – начало XXI вв.) / Отв. ред. В.И. Шабалин. М., 2009; *Волкова Л.* Сельское хозяйство Китая // ПДВ. 2011. № 6; *Бони Л.* Китай принимает вызов мирового рынка: стратегическая программа ускорения роста конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции на мировом рынке, 2003–2007 гг. // ПДВ. 2003. № 6.

- ¹⁸¹ См.: *Ревуцкий А.В.* Зерновая проблема в стратегии обеспечения продовольственной безопасности КНР. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2001.
- ¹⁸² См., например: *Кранина Е.* Роль аквакультуры в обеспечении продовольственной безопасности Китая // ПДВ. 2010. № 2; *Она же.* Развитие животноводства Китая // ПДВ. 2011. № 6.
- ¹⁸³ См.: Экономика Китая вступает в XXI век / Отв. ред. М.Л. Титаренко. М., 2004; Экономическая стратегия КНР в XXI веке и вопросы сотрудничества с Россией. М., 2010.
- ¹⁸⁴ См.: *Муромцева З.А.* Китайская Народная Республика: путь к индустриализации нового типа. М., 2009; *Она же.* Промышленная политика КНР в 2006–2015 гг. в свете задач индустриализации нового типа // ПДВ. 2011. № 4. С. 42–47.
- ¹⁸⁵ См., например: *Сазонов С.Л.* Транспорт Китайской Народной Республики. М., 2012; *Он же.* Мировой экономический кризис и железнодорожный транспорт Китая // Экономика КНР: меры по преодолению влияния мирового финансового кризиса. М., 2010. С. 114–121; *Он же.* Порядок и класс: решение проблем городского транспорта в КНР // ПДВ. 2011. № 3. С. 75–84; *Сазонов С., У Цзы.* Скоростные поезда Китая: успехи, проблемы, уроки // ПДВ. 2012. № 1. С. 64–81; *Сазонов С.Л.* Реформа транспортной системы КНР и мировой финансово-экономический кризис // ПДВ. 2010. № 2.
- ¹⁸⁶ См.: *Мишин И.А.* Микроэлектронная промышленность КНР в системе международного разделения труда // Россия и глобальная экономика. М., 2006. № 6. С. 93–116.
- ¹⁸⁷ См.: *Коледенкова Н.* Черная металлургия КНР // ПДВ. 2009. № 1. С. 58–64; *Она же.* Черная металлургия КНР: возможности и реальность // ПДВ. 2001. № 6. С. 82–90; *Она же.* Машиностроительный комплекс КНР // ПДВ. 2011. № 5. С. 42–49.
- ¹⁸⁸ См.: *Шишкин М.* Автомобилизация в Китае // ПДВ. 2006. № 1.
- ¹⁸⁹ См.: *Плотников А.* Авиапром Китая – успехи и трудности // ПДВ. 2007. № 6.
- ¹⁹⁰ См.: *Муромцева З.А.* Химическое производство как индикатор индустриального развития КНР // ПДВ. 2011. № 3. С. 65–74; *Она же.* Фармацевтика Китая в XXI веке // ПДВ. 2005. № 1. С. 95–103.
- ¹⁹¹ См.: *Шейнгауз А.С.* Новый феномен восточно-азиатской экономики – китайский лесной комплекс (образ состояния и перспектив) // ПЭ. Хабаровск, 2006. № 4. С. 59–80.
- ¹⁹² См.: *Каменнов П.Б., Островский А.В.* КНР. Анализ глобальных тенденций инновационной политики // Инновационная политика: Россия и мир 2002–2010 / под общ. ред. Н.И. Ивановой, В.В. Иванова. М., 2011; *Афоняева А.В., Каменнов П.Б., Островский А.В., Савинский С.П.* Наука и инновации как фактор социально-экономического развития Китая // Научная и инновационная политика: Россия и мир 2011–2012 / Под общ. ред. Н.И. Ивановой, В.В. Иванова. М., 2013.
- ¹⁹³ См.: *Афоняева А.В.* Зарубежные китайцы – бизнес в КНР: Экономическая деятельность зарубежных китайцев и реэмигрантов в КНР в ходе реформ (1979–2010 гг.). М., 2013.
- ¹⁹⁴ См.: *Мамаев А.В.* Развитие наукоемких и высокотехнологичных производств в Китае (на примере нанотехнологий). Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2006; *Мамаев А.* Развитие рынка программного обеспечения в КНР // ПДВ. 2006. № 5. С. 82–91.
- ¹⁹⁵ См., например: *Порунов А.Н.* Китай: от инвестиций к инновациям // ЭКО. Новосибирск, 2006. № 8. С. 72–81; *Унтура Г.А.* Экономика знаний в Китае и России: проблемы и перспективы // ПЭ. Хабаровск, 2009. № 4. С. 88–105; Значение научно-технического прогресса в экономике КНР в начале XXI в. // ИМ ИДВ РАН. Сер. А: Проблемы экономического развития и сотрудничества в Северо-Восточной Азии. М., 2001. Вып. 15. С. 1–116; *Каменнов П.Б.* Мощная инновационная держава // ЭИ ИДВ РАН. М., 2012. № 2. С. 42–69; *Машкина О.А.* Научно-технический потенциал КНР: прогнозы и реальность // Общество, государство, политика. М., 2011. № 1. С. 83–103; *Она же.* Особенности научно-технического прорыва КНР // Общество, государство, политика. М., 2011. № 2. С. 24–36; *Севальнев В.В.* Особенности развития инновационного сектора КНР в последние годы // ИМ ИДВ РАН. Сер. В: Общество и государство в Китае в ходе реформ. М., 2012. Вып. 27. С. 181–191; *Селихов Д.* Роль транснациональных корпораций КНР в развитии национальной инновационной системы // ПДВ. 2012. № 5. С. 28–42; *Леонов С., Домнич Е.* Инновационная политика Китая: роль прямых и косвенных экономических стимулов // ПДВ. М., 2010. № 6. С. 79–90.
- ¹⁹⁶ См., например: *Каменнов П.Б.* Модернизация военно-промышленного комплекса КНР: достижения и проблемы // РЭЖ. М., 2012. № 3. С. 74–87; *Петухов И.* О развитии промышленности микроэлектроники и создании суперкомпьютеров в КНР // ПДВ. 2009. № 2; *Пиковер А.* Интернет и развитие электронной торговли в КНР // ПДВ. 2009. № 1. С. 45–57.

ИЗУЧЕНИЕ КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ И РЕЛИГИИ

Изучение китайской философии является важной и неотъемлемой частью российского китаеведения на протяжении нескольких столетий. Воспитанник Российской духовной миссии в Пекине А.Л. Леонтьев в конце XVIII в. впервые перевел на русский язык тексты конфуцианского канона: «Да сюэ» («Великое учение»), «Чжун юн» («Срединное и неизменное»), фрагменты «И цзина» («Книга перемен»). В его переводе с маньчжурского и китайского был опубликован «букварь» китайской культуры – «Сань цзы цзин» («Троесловие»). Сочинение А.Л. Леонтьева «Китайские мысли», излагавшее политические идеи конфуцианства, было издано в Европе на немецком и французском языках.

В XIX в. многогранная деятельность служителя Российской духовной миссии в Китае о. Иакинфа (Н.Я. Бичурина) заложила солидные основы для изучения и перевода на русский язык философско-нравственных трудов Китая. Научная и образовательная традиция российского китаеведения получила всестороннее развитие в трудах профессора В.П. Васильева, который внес значительный вклад в изучение китайской литературы и буддийской философской и религиозной традиции. Его книга «Религии Востока. Конфуцианство, буддизм и даосизм» (1873) стала важной вехой в изучении китайской мысли в России. Среди ученых XIX столетия особое место занимает его ученик С.М. Георгиевский, выступавший с критикой распространенного в то время европоцентризма. Он призывал отказаться от стереотипов в восприятии Китая и подчеркивал важность изучения китайской мысли, главным произведением ученого стала книга «Принципы жизни Китая» (1888).

Архимандрит Палладий (П.И. Кафаров) впервые подверг научному анализу развитие религии в Китае и подготовил наиболее полный по тому времени словарь китайского языка, работу над которым завершил старший драгоман российской дипломатии в Китае П.С. Попов. Последним были осуществлены переводы основополагающих книг китайской духовности – «Лунь юя» Конфуция и книги «Мэн-цзы». Наследие этих основоположников российского китаеведения стало прочной основой для последующей научной работы.

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ШКОЛ ИЗУЧЕНИЯ КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ В РОССИИ

Становление изучения китайской философии в качестве специализированной исследовательской сферы начиная с 1920-х гг. получило новое развитие.

Исходной точкой стала опубликованная в 1923 г. в журнале «Восток» рецензия выдающегося отечественного китаеведа первой половины XX в. В.М. Алексеева на книгу китайского ученого Ху Ши «Очерк истории китайской философии»¹. Алексеев представил свои оценки учения Конфуция, отметив, что его систематическое изложение является трудным делом, поскольку это учение может быть представлено с разных позиций как религия, философия, политическое учение, моральный кодекс. Весьма важно замечание о том, что происходящие в Китае социально-политические изменения открывают новые перспективы для научного постижения конфуцианства, освобожденного от влияния имперской ортодоксии. Незаменимую роль в этом процессе играют китайские исследователи. В.М. Алексеев настойчиво призывал отечественных китаеведов расширить кругозор и учитывать их труды при изучении классических текстов: «Освободившиеся для науки китайцы быстро и легко усваивают себе в Европе и Америке приемы общенаучной мысли и работы, вступают в новую фазу синологии. Из объектов перевода и исследования они превращаются в творящих то и другое субъектов, становятся в ряды сиологов всего мира, говорящих с ними одним научным языком»².

Другая примечательная статья по проблемам китайской философии появилась в 1935 г. Ее автором был молодой ученый А.А. Петров, ставший основоположником отечественной школы историко-философского китаеведения. На основании обобщения русских публикаций о китайской философии и культуре, увидевших свет до 1917 г., он попытался сформулировать долгосрочные исследовательские цели объективного изучения философской мысли народов Востока, преодоления сформировавшихся в недрах европейской цивилизации представлений об их «отсталости» и «малокультурности», указав на «необходимость научного установления единства процесса развития научно-философского мышления человечества»³.

А.А. Петров критически оценил труды В.П. Васильева, упрекая автора за чрезмерный скептицизм в отношении китайской культуры. Вместе с тем он похвалил книгу С.М. Георгиевского «Принципы жизни Китая», где было проявлено внимание к конфуцианству и содержалось признание позитивного воздействия развития философского мышления на социально-политическую жизнь древнего Китая. А.А. Петров высоко оценил подход Георгиевского к даосизму как к философскому направлению, искавшему абсолютное начало мироздания. «Несмотря на обилие в книге ошибок и недостатков, она все же лучшее из того, что мы имеем в дореволюционном русском китаеведении по идеологиям Китая»⁴.

Этот выбор в пользу позитивного и заинтересованного отношения к китайской традиции отразил глубинные тенденции в развитии отечественного китаеведения, которые влияют на его развитие и в наши дни. Современный исследователь китайской культуры М.Е. Кравцова отмечает, что, вступив в полемику с западными «европоцентристами», критиковавшими Китай за «окаменелость» и отсталость, С.М. Георгиевский «неволью оказался на китаецентрических позициях, что означает абсолютизацию уникальности китайской цивилизации, ее культурного наследия и идеализацию ее духовных устоев. Китаецентрические позиции свойственны исследованиям и многих других отечественных китаеведов, начиная с академика В.М. Алексеева. Пытаясь противостоять европоцентрическим установкам, он порою тоже гиперболизировал самобытность китайских культурных традиций»⁵.

Статья А.А. Петрова обнажила проблему послереволюционного разрыва между поколениями исследователей китайской мысли – автор подчеркивал, что от предшественников

его отделяет «целая пропасть». Вместе с тем в публикации была поднята серьезная тема преодоления недостатков историко-философской методологии старого китаеведения: «Моменты логики, гносеологии, онтологии или даются в разрозненно-отрывочных сведениях, или отсутствуют вообще, и главными объектами рассмотрения у авторов выступают этические проблемы, вопросы социальные, государственно-правовые и т.д. Ни один автор не дает единого социального и логического анализа конфуцианства или даосизма, а ведь только этим путем и можно показать философскую систему в единстве и многообразии всех сторон и моментов»⁶.

В 1935 г. А.А. Петров отметил: «Истории философии Китая как науки, как частной области истории философии вообще, еще не существует, и перед советским китаеведением стоит грандиозная задача ее создания»⁷.

В том же году ученый сделал первый шаг к решению этой задачи. А.А. Петров получил степень кандидата философских наук на основании монографии о философе Ван Би (III в. н.э.), включавшей прокомментированный перевод трактата «Основные принципы Книги Перемен» (*Чжоу и люэ ли*). В предисловии к работе Петров критиковал западных синологов, труды которых содержат богатый фактический материал, но не создают историю китайской философии как отдельного исследовательского направления. Автор исследования подчеркивал необходимость признания того, что история философии является историей современного научного мировоззрения. Только в этом случае можно «выделить из оболочки специфических рассуждений вокруг представлений Книги Перемен или какого-либо другого памятника зерна философского, логического знания, логические понятия или категории, перевести их на общепhilosophический язык и включить в процесс исторического развития философского мышления вообще»⁸.

Поиски прогрессивного направления в развитии китайской мысли в книге А.А. Петрова были сфокусированы на разработке диалектики и логики у Ван Би: «Его философское мировоззрение со стройной логической структурой, наполненное реальным содержанием действительности, прямо противоположно формализму, схоластике и догматизму конфуцианцев. Вместо традиционного изложения принципов древних учений – у Ван Би блещет оригинальная, прекрасная и глубокая мысль»⁹. Он охарактеризовал Ван Би как «яркого представителя диалектического мышления», отмечая, что в трактате «Чжоу и люэ ли» можно обнаружить «идеи всеобщего движения, всеобщей связи явлений и закономерности, борьбы и взаимопроникновения противоположностей»¹⁰.

Последующие исследования А.А. Петрова были посвящены оппонентам конфуцианства. В 1940 г. он опубликовал исследование атеистических и материалистических взглядов древнекитайского мыслителя Ян Чжу (V–IV в. до н.э.), в котором охарактеризовал его как «яркий пример отважной борьбы за свободу человеческой личности, свергающей ярмо конфуцианской морали»¹¹. Текст завершает вывод: «Рассматривая мир как реальную действительность, утверждая непосредственно чувственное восприятие как форму связи человека с этой действительностью, Ян Чжу обосновал оригинальное и в своей основе материалистическое, этическое учение, стремившееся убедить в необходимости освобождения человеческой личности от оков внешних норм и условностей и приведения ее в гармонию с природой, с этим ее вечным и неиссякаемым первоисточником»¹².

Первый в отечественном китаеведении опыт общей систематизации и классификации школ китайской философии принадлежал А.А. Петрову¹³. В статье «Китайская философия» в первом издании Большой советской энциклопедии он указал, что в «Книге перемен» «встречаются элементы диалектики», а в даосизме «намечаются черты объективного абсолютного идеализма с известными элементами диалектики». По мнению исследователя, конфуцианский принцип «выправления имен» «давал теоретический фундамент для феодальной иерархии как основы строго централизованной империи», а Сюньцзы выступал как «наивный материалист». Ученый полагал, что мировоззрение Мо Ди

«в общем носит религиозно-идеалистический характер», однако в логических текстах моистской школы «наряду с идеализмом мы находим элементы наивного материализма, эмпиризма и номинализма». Номиналисты (*минцзя*) сочетали в своем учении «элементы агностицизма, субъективизма, релятивизма, скептицизма», некоторые представители этой школы, например Хуэй Ши, «приходили к субъективно-идеалистическому выводу, что пространство есть иллюзия человеческого разума». Ян Чжу был охарактеризован как «наивный материалист и сенсуалист», как «выдающийся материалист». В мировоззрении неоконфуцианского мыслителя Ван Янмина исследователь обнаруживал «элементы субъективного идеализма и интуитивизма».

Необходимо отметить, что характеристика китайской философии не ограничивалась классической древностью, автор также использовал современный ему материал 1920–1930-х гг. В частности, А.А. Петров указывал, что «среди буржуазной молодежи популярны идеи Бергсона, Ницше и модернизированные идеи Ван Ян-мина и старого конфуцианства», а ГМД стремится использовать древнее конфуцианство и приспособить его идеи, в особенности Мэн-цзы, «для политических целей китайской буржуазии». Эти подходы были развиты в опубликованной в 1940 г. обширной исследовательской статье А.А. Петрова, посвященной китайской философии¹⁴.

А.А. Петров оставил научную деятельность в 1940-е гг. и перешел на работу в МИД, в 1945–1947 гг. он занимал пост посла СССР в Китае. Ученый-дипломат погиб в январе 1949 г. В 1954 г. в издательстве Академии наук СССР была опубликована его книга «Ван Чун – древнекитайский материалист и просветитель»¹⁵. Подготовленная в 1941 г. работа была посвящена идеям китайского мыслителя, жившего в I в. н.э. Эту книгу можно отнести к довоенному периоду развития советской философской синологии: она стала завершением продлившейся менее десятилетия исследовательской работы ученого, сосредоточившего усилия на выявлении в древнекитайской мысли идей материализма и диалектики.

Научная деятельность А.А. Петрова ознаменовала начало процесса специализации исследований китайской философии и их выделения из синологического изучения культуры и литературы Китая. Активным сторонником подобной профессионализации был академик В.М. Алексеев. Сопоставляя старую школу преподавания синологии в Санкт-Петербургском университете при В.П. Васильеве и советскую школу, он отмечал: «Старая школа обычно оставляла философию Китая без компетентного преподавания, если не считать школьного чтения «трудных» текстов неоконфуцианства типа «Син и ли цзи», и действовала с постоянной оглядкой на их маньчжурский перевод, никакими достоинствами не блещущий. В нашей школе уже появились философски образованные китаисты, взявшие на себя преподавание философских дисциплин сложного порядка, как, например, теории «И цзина» («Книга перемен») и деятельность вокруг нее крупных писателей, например Ван Би (см. книгу – диссертацию А.А. Петрова)»¹⁶.

В довоенный период советская школа изучения китайской философии добилась заметных успехов в области ицзинистики. В 1937 г. в Ленинграде Ю.К. Щуцкий завершил исследование и первый перевод на русский язык «Книги перемен» – одного из древнейших китайских письменных памятников¹⁷. Из-за трагических обстоятельств фундаментальный труд, на основании которого в июне 1937 г. его автор получил степень доктора наук, был опубликован лишь в 1960 г. Книга состояла из двух частей – буквального перевода гексаграмм и афоризмов «И цзина», а также из сводного интерпретирующего комментаторского раздела, составленного Щуцким из выбранных им исторических комментариев к тексту.

В.М. Алексеев обращал большое внимание на соединение синологической подготовки исследователя с овладением профессиональными познаниями в одной из гуманитарных наук. Эта мысль нашла отражение в его конспектах вводных лекций в Ленинградском государственном университете 1944–1948 гг. «Философия. Проблема сущности учений

Конфуция, Лао-цзы, Мо-цзы и многих других так и остается проблемой. Здесь одного «хрестоматийного» знания китайского языка недостаточно. Нужен китаист-философ, надлежаще образованный»¹⁸.

Эта задача была решена во второй половине XX в., когда в нашей стране началась подготовка исследовательских кадров с профессиональным философским образованием и знанием китайского языка. В 1970 г. по инициативе М.Л. Титаренко на философском факультете МГУ впервые была сформирована группа студентов по изучению китайской философии и китайского языка. Лингвистическая подготовка включала не только современный, но и классический китайский язык. Учебные курсы и спецкурсы по истории китайской философии для этой студенческой группы вели М.Л. Титаренко, В.Ф. Феоктистов и В.Г. Буров. Среди семи выпускников этой группы активную исследовательскую работу в области изучения китайской философии продолжают доктора философских наук А.И. Кобзев (ИВ РАН), А.Е. Лукьянов (ИДВ РАН) и Л.Е. Янгутов (г. Улан-Удэ, Институт монголоведения, тибетологии и буддологии СО РАН).

В послевоенный период первым заметным событием в изучении истории китайской мысли стала публикация в 1947 г. книги Я.Б. Радуль-Затуловского «Конфуцианство и его распространение в Японии»¹⁹. На протяжении почти полутора десятилетий она играла роль основного справочного пособия для китаистов, признававших, что «до 1960-х годов основные сведения о конфуцианстве черпались из работы япониста Я.Б. Радуль-Затуловского»²⁰. В монографии были отдельные главы, посвященные китайским классическим книгам (основной акцент сделан на получивших распространение в Японии текстах «И цзин», «Чунь цю» и «Лунь юй»), отношению Конфуция к авторству классических книг, собственно учению Конфуция. Книга содержит информацию о неоконфуцианских учениях китайских философов Чжу Си и Ван Янмина, главный акцент сделан на их восприятии и распространении в Японии. Автор исследования критически относился к учению основоположника конфуцианской школы, полагая, что «ставить Конфуция в число краеугольных камней китайской философии «вообще», значит находиться в плену у старой конфуцианской догматической традиции и создавать произвольные построения, лишённые научного основания»²¹.

В 1950 г. было опубликовано подготовленное Ян Хиншуном исследование идей основателя древней школы даосизма Лао-цзы с приложением перевода текста «Дао дэ цзин»²². Главным в работе стал акцент на материалистической традиции мысли в древнем Китае. По мнению исследователя, учение Лао-цзы сформировалось на основе стихийных материалистических идей древности, позднее оно стало основой для дальнейшего развития китайского материализма. Автор уделил большое внимание рассмотрению социально-политической обстановки в период зарождения даосизма, различным трактовкам личности Лао-цзы и источников текста «Дао дэ цзин» в китайской академической традиции. Философия Лао-цзы была охарактеризована как «непоследовательный материализм, носящий рациональный характер»²³. Исследователь признал, что в учении Лао-цзы были двойственность и непоследовательность, в нем присутствовали «идеалистические и реакционные черты» (отрыв абстрактного от материально-конкретного, пассивная созерцательность, утопизм). Однако главными в нем были признаны атеизм и рационализм. «Атеистические идеи древнего философа, его наивно-диалектические высказывания, его критика социальной несправедливости и произвола эксплуататорских классов в древнем обществе, его любовь к трудовому народу – все это показывает, что философское учение Лао-цзы занимает почетное место в истории культуры и идеологии великого китайского народа»²⁴.

Обращая взгляд в прошлое, исследователь китайской мысли В.Ф. Феоктистов отмечал, что «подлинный подъем в изучении китайской философии отечественной синологией» начался с 1950-х г. После образования КНР (1949 г.) интерес к китайской культуре в СССР

заметно вырос. Одновременно ускорился процесс специализации внутри китаеведения, «наряду с общим синтетическим характером оно постепенно стало обретать черты профессиональных исследований в отдельных отраслях – истории, литературоведении, искусствоведении, языкознании, экономике и, наконец, философии»²⁵.

Произведения китайских авторов становились частью общей канвы отечественной философской синологии, они значительно стимулировали интерес советских ученых к изучению не только этики, онтологии и гносеологии, но и эстетических, социальных, исторических и политических взглядов. В 1950–1960-е гг. в переводе на русский язык были изданы труды по истории китайской мысли Го Можо и Ян Юнго²⁶. Примечательным событием стало появление в 1989 г. на русском языке перевода вузовского учебника КНР по истории китайской философии²⁷. Он охватывал всю историю китайской мысли без изъятий, а обилие цитат из первоисточников помогало читателю сформировать самостоятельное представление о предмете.

Среди отличительных черт отечественной школы историко-философского китаеведения, сформировавшейся в советский период XX в., следует указать на уважение к китайской культуре, стремление видеть в ней не только объект исследования, но и равноправного партнера по диалогу, неотъемлемую часть компендиума человеческой мысли. Желание выявить общее в философском мышлении Китая и Запада сформировало среди отечественных ученых неприятие крайностей. Они отвергали как европоцентричное пренебрежение к китайскому идейно-теоретическому наследию, так и синоцентричное желание заявить о превосходстве китайской мысли над всеми иными традициями. Исследователи бережно и внимательно относились к национальной специфике китайской мысли, старались создать сбалансированную и всестороннюю картину ее развития, выявить связи философских поисков с социальными процессами в истории.

В синологию пришло новое поколение исследователей, имевшее возможность учиться в Китае и получать знания от китайских профессоров. В конце 1950-х гг. во время учебы в Китае наставниками М.Л. Титаренко были выдающийся специалист по истории китайской философии Фэн Юлань, исследователи традиционной мысли Жэнь Цзюйюй, Ху Цюйюань, Янь Бэймин. Учителем В.Г. Бурова был известный знаток древней мысли Хоу Вайлу. При работе над изучением и переводом текста Сюнь-цзы В.Ф. Феоктистова консультировал профессор Пекинского университета Лян Цисюн – брат известного реформатора Лян Цичао.

В середине 1960-х гг. серьезным прорывом в изучении древнекитайской философии стала книга Ф.С. Быкова о зарождении китайской общественно-политической и философской мысли²⁸. При ее написании в ней была использована современная историко-философская литература Китая и Запада, оценены и сопоставлены различные точки зрения иностранных ученых. В работе рассмотрены идеи основной части «И цзин», натурфилософские представления «Го юй» и «Цзо чжуань». Главное внимание уделено рассмотрению взглядов представителей различных философских школ древности: Конфуция, Мо Ди, Ян Чжу, Мэн-цзы, школы Цзися, Лао-цзы, Чжуан-цзы, Хуэй Ши и Гунсунь Луна, поздних моистов, Сюнь-цзы. Автор кратко обрисовал схему развития древней идеологии Китая: «Среди многих течений древнекитайской общественно-политической и философской мысли ведущее место принадлежит системе представлений Конфуция и его видного последователя Мэн-цзы, школы Мо-цзы, поздние представители которой уже в основном освободились от религиозных воззрений своего учителя. Материалистические и атеистические воззрения получили развитие в оригинальном учении Ян Чжу. Много общих проблем решали мыслители школы «Цзися» и последователи взглядов Лао-цзы, Чжуан-цзы, Хуэй Ши, Гунсунь Луна. Однако по своему методу и подходу к аналогичным проблемам они в значительной степени отличаются друг от друга. Обобщение и критическое развитие достижений предшественников мыслителей осуществлено в учениях Сюнь-цзы и Хань Фэй-цзы»²⁹.

Расширились исследования философских идей доциньского периода. Опубликованная в 1976 г. работа В.Ф. Феоктистова была посвящена взглядам древнекитайского мыслителя Сюнь-цзы, частью монографии был перевод одиннадцати избранных глав первоисточника. Ученый пришел к выводу, что влияние Сюнь-цзы на последующее развитие китайской мысли было двойственным. «С одной стороны, его мировоззрение оказало несомненное влияние на дальнейшее развитие философского материализма и атеизма в Китае, а с другой – его социально-политическое учение способствовало окончательному утверждению конфуцианской этико-политической доктрины в качестве официальной идеологии феодального Китая»³⁰. По мнению исследователя, главной особенностью взглядов Сюнь-цзы «следует считать наивно-материалистический характер его философских воззрений, положивших начало материалистическому направлению внутри конфуцианства»³¹.

Продолжали научную работу ученые старшего поколения. В 1983 г. вышла книга Ян Хиншуна о развитии материалистической мысли в древнем Китае³². Исследование затрагивало проблемы зарождения философской мысли в древнем Китае, формирование основных течений в древнекитайской философии (Конфуций, Мо-цзы и Лао-цзы). Автор причислил Цзы Сы, Мэн-цзы, Хуй Ши и Гунсунь Луна к противникам материалистических идей. Сторонниками материализма были названы Ле-цзы, Ян Чжу, даосские мыслители школы «Цзися», Чжуан-цзы, моисты, Сюнь-цзы и Хань Фэй-цзы. Дискуссионный характер имело положение о материалистическом характере взглядов Чжуан-цзы, представляющих, по мнению исследователя, унаследование и развитие материализма Лао-цзы. «В области онтологии он [Чжуан-цзы] более четко, нежели Лао-цзы, сформулировал целый ряд важных положений о диалектическом единстве общей сущности (*дао*) и ее конкретном проявлении в вещах (*дэ*); о субстанции *ци* как реальной основе жизни, о соотношении общего и единичного, бесконечного и конечного. В гносеологическом плане исходным пунктом построений Чжуан-цзы было признание объективного существования вещей; он различал две ступени познания – чувственное и рациональное, иначе говоря, при всем своем релятивизме считал мир принципиально познаваемым»³³.

Первым специальным исследованием школы моистов и ее основателя Мо Ди стала опубликованная в 1985 г. книга М.Л. Титаренко³⁴. В центре внимания находились социально-политические и этические воззрения моистов, прежде всего их представления о справедливости и равенстве, сфокусированных в призыве Мо Ди и его учеников устанавливать отношения между людьми на принципах «всеобщей любви и взаимной выгоды». Была подробно исследована критика со стороны моистов в адрес конфуцианцев, основанная на критерии «пользы для людей» и облеченная в принципы «почитания мудрости», «возвышения единства», «отрицания нападений», «экономии в расходах». Также было проанализировано этико-религиозное измерение моистского учения, прежде всего проблема утилитарной трактовки «воли Неба».

Важное место в работе занимает исследование гносеологии, категориального аппарата и методов рассуждений моистов, стремившихся к систематическому осмыслению вопросов логики и критериев оценки истинности знаний. М.Л. Титаренко указал на взаимосвязь гносеологических и этико-политических воззрений древнего мыслителя: «Исходя из положения о “применимости”, практической ценности знания, Мо-цзы подчинял проблемы достижения “истинного знания” задачам борьбы за улучшение экономического положения простых тружеников, за расширение их политических прав, за политическое переустройство общества на основе “десяти принципов”, основу которых составлял принцип “всеобщей любви и взаимной выгоды”»³⁵.

По мнению исследователя, Мо Ди и особенно его последователям более позднего периода принадлежит заслуга формирования первооснов цельного учения о логике, законах и правилах научных дискуссий, методах постижения явлений природы и общества. В этой работе исследование гносеологических, логических и этических идей Мо Ди и его

последователей охватывало сопоставления с аналогичными идеями мыслителей Древней Греции и Рима, европейской философской традиции. В частности, было показано, что Мо Ди принадлежит приоритет в разработке идей происхождения государства на основе общественного договора, утопических идей построения общества справедливости и всеобщего благоденствия на основе концепции «всеобщей любви и взаимной выгоды», «почитания мудрых» и «почитания единства» между властью и народом.

В 1970-е г. внутри отечественной философской синологии началось становление различных научных школ. На зарождение структурного течения исследования китайских философских текстов в 1971 г. указал специалист по китайской литературе Л.Н. Меньшиков. Он заметил, что при изучении философского текста выделить концепцию автора зачастую можно лишь через анализ общей структуры текста. «Интерпретация философских текстов того или иного автора необходимо предполагает соединение двух комментаторских методов – реального комментария (без этого часто непонятно, о чем идет речь) и комментария, демонстрирующего структуру текста и через нее выясняющего общую систему взглядов автора. Если примеры перевода с комментарием первого вида мы имеем, то второй тип комментария пока не получил распространения, хотя принципы его изложены в работах В.С. Спирина (его книга, систематически излагающая методику чтения древнекитайских идеологических текстов, еще находится в печати)»³⁶.

Эта новаторская книга была издана в 1976 г.³⁷ В работе «Построение древнекитайских текстов» В.С. Спирин предложил схему анализа первоисточников на основе выявления параллельных элементов. Исходя из того, что изучение формы китайских текстов является ключом к постижению их содержания, ученый поставил задачу отыскания в тексте чередования одинаковых по построению отрывков и выявления их последовательности. В.С. Спирин представил развернутую классификацию различных типов параллелизма в китайских текстах, проиллюстрировав их многочисленными примерами со специально структурированными фрагментами в иероглифическом написании и сопутствующими переводами. Автор отмечал: «Изучение структуры памятников является средством и одним из главных источников понимания идей древнего Китая. Значит, проблематика структурного анализа не является проблематикой какой-то дополнительной и необязательной для истории идеологии древнего Китая. Это проблематика самой этой науки, если она стремится быть наукой, а не комплексом догадок... Структурный метод вскрывает в древнекитайских письменных памятниках формы упорядоченного текста, свойством которых является то, что сама форма здесь часто выражает категориальное деление явлений объективного мира и часто указывает способ или форму его осознания, вне зависимости от того, названы ли в самом тексте категории или нет»³⁸. Методология В.С. Спирина оказала заметное влияние на развитие отечественной философской синологии, побуждая исследователей принимать во внимание структуру текста и значения используемых в нем категорий.

Одним из шагов в этом направлении стала опубликованная в 1983 г. монография А.И. Кобзева о неоконфуцианском философе Ван Янмине³⁹. В частности, ученый показал, что учение Ван Янмина невозможно отождествить с западной трактовкой идеализма, поскольку в китайской традиции понятие о «сердце»-*синь* указывает прежде всего на субъективное начало. Автор дал оригинальную оценку учения Ван Янмина: «На уровне своего онтологического фундамента оно, по существу, материалистично. Но эта материалистичность не есть результат сознательного выбора в решении основного вопроса философии. Ван Янмин не имел перед собой альтернативы его решения в виде какой-либо развитой идеалистической доктрины. Поэтому учение китайского философа правильнее квалифицировать как натурализм, основными типологическими чертами которого являются гилозоизм и панпсихизм»⁴⁰. Исследователь охарактеризовал учение Ван Янмина как «своеобразную персоналистическую монадологию», которой была присуща «аксиологическая и феноменологическая гносеология». Часто встречающиеся характери-

стики этого учения как субъективного идеализма или солипсизма он назвал «совершенно неудовлетворительными»⁴¹.

Неоконфуцианскому наследию был посвящен фундаментальный труд В.Г. Бурова «Мировоззрение китайского мыслителя XVII века Ван Чуаньшаня». Автор пришел к выводу, что «заслуга Ван Чуаньшаня заключается прежде всего в ниспровержении идеалистических концепций сунского неоконфуцианства»⁴². Большое внимание было уделено вкладу китайского мыслителя в развитие материалистической традиции: «Никогда ранее никто из китайских философов (в том числе из его современников) так твердо и последовательно не подчеркивал примат материального над идеальным. Разработанное им натурфилософское учение также явилось значительным шагом вперед в развитии представлений китайских философов о природе... Никто из предшествовавших китайских мыслителей не подвергал такой резкой, систематической и последовательной критике идеалистические конструкции буддизма, как Ван Чуань-шань»⁴³. В книге также можно найти следы споров о том, правомерно ли определять взгляды Ван Чуаньшаня и его современников как просветительские. В.Г. Буров предположил, что «их воззрения можно условно назвать предпросветительством, поскольку они вели к появлению просветительства в подлинном смысле этого слова»⁴⁴.

Среди научных работ 1970–1980-х гг. следует упомянуть исследование «Хуайнань-цзы» Л.Е. Померанцевой⁴⁵. В нем были рассмотрены взгляды поздних даосов на проблемы бытия и небытия, их трактовка дао, отношений космоса и человека, вопросов познания и критериев красоты.

Вкладом в постижение глубинных аспектов мировоззрения ранних даосов стала вышедшая в академической серии «Писатели и ученые Востока» книга В.В. Малявина о Чжуан-цзы⁴⁶. Показателем зрелости отечественных исследований в области традиционной китайской мысли стал выход в свет в 1982 г. сборников статей о конфуцианстве и даосизме⁴⁷. Связь конфуцианской и даосской мысли с утопической традицией была раскрыта в сборнике научных статей, в который вошли публикации о взглядах Тань Сытуна, Чжан Бинлиня, Лю Шипэя, Сунь Ятсена⁴⁸.

В конце 1980-х гг. обобщенная картина становления китайской мысли была представлена в книге Л.С. Васильева⁴⁹. В 1987 г. вышла в свет монография И.И. Семененко⁵⁰, в которой изречения Конфуция рассмотрены в религиозном ключе. Исследователь подчеркивал, что учение Конфуция является элитарным и религиозным, оно соединяет естественное и сверхъестественное, не проводя между ними четкого водораздела. С этих позиций были истолкованы конфуциева картина мира как естественного и одухотворенного целого, требование подчинения семейного и социального небесным интересам, раскрытие небесной природы в природе человека, проблема небесной судьбы и поиск мифологического времени. Ученый видел в «исправлении имен» проявление культа и жертвоприношения, определяя в качестве цели Конфуция сакральное правление.

Важным фактором в расширении понимания эволюции конфуцианства и его борьбы с буддизмом стала публикация В.Ф. Гусарова о воззрениях мыслителя VIII–IX вв. Хань Юя⁵¹. Исследователь сосредоточил внимание на проблеме «конфуцианского пути» в контексте социального устройства и моральных отношений, он также указал влияние учения мыслителя о человеческой природе-син на последующее развитие сунского неоконфуцианства. В.Ф. Гусаров перевел и снабдил комментариями ряд философских сочинений Хань Юя, включая «Истоки пути» (*Юань дао*), «Изначальность природы человека» (*Юань син*) и др.

Проблемам гуманизма, политической власти и человеческой цивилизации в древнекитайской мысли была посвящена небольшая по объему и широкая по охвату проблем работа В.А. Рубина, посвященная взглядам ранних конфуцианцев, моистов, легистов и даосов⁵². Л.С. Переломов опубликовал глубокое исследование места идей конфуцианцев и легистов в политической истории Китая⁵³. Автор исходил из того, что для китайской

политической культуры с древности до наших дней характерно тесное слияние истории и политики. Работа состоит из двух частей – первая посвящена роли конфуцианства и легизма в древнем Китае, вторая рассматривает их место в общественно-политической жизни КНР 1970–1980-х гг. Опираясь на публикации и выступления ведущих китайских ученых (Го Можо, Ян Юнго, Фэн Юлань и другие), Л.С. Переломов глубоко проанализировал культурно-историческую подоплеку политической кампании «критики Линь Бяо и Конфуция», проводившейся в Китае в первой половине 1970-х гг.

Заметным явлением и новым направлением исследования китайской философской мысли в 1980-е гг. стали труды по философии буддизма. Л.Е. Янгутов опубликовал исследование философского учения школы Хуаянь⁵⁴. В книге рассмотрены ключевые философские концепции этой школы – теория причинности, учение об элементах бытия (дхармах), содержащее элементы диалектики учение о Едином, а также систематизированы оценки, которые представители Хуаянь давали другим буддийским школам, конфуцианству и даосизму. «Эта философская концепция, по существу, является субъективно-идеалистической. Попытки хуаяньских мыслителей преодолеть крайности субъективного идеализма не привели их на позиции объективного идеализма. В то же время, учения о тождестве сознания-субъекта и сознания-субстанции, сознания и истинно сущего *ли*, истинно сущего *ли* и Будды Татхагаты дает основание квалифицировать философию хуаянь как пантеизм религиозно мистического толка, растворяющего природу в божестве»⁵⁵. В приложении опубликованы выполненные автором переводы сочинений двух мыслителей школы Хуаянь (Ту Шунь «Созерцание мира дхарм в Хуаянь», Фа Цзан «Очерк о золотом льве Хуаянь»).

Вкладом в изучение гносеологических проблем китайского буддизма стали работы Н.В. Абаева⁵⁶. В центре внимания ученого находилось понятие «культура психической деятельности человека», под этим углом зрения во взаимосвязи и в сравнении были рассмотрены конфуцианство, даосизм и чань-буддизм. По мнению исследователя, конфуцианское стремление к моральному самосовершенствованию личности опиралось на самоанализ и самоконтроль, тогда как даосы были нацелены на выявление заложенного в человеке космического начала. Стоявшие близко к даосизму чань-буддисты добивались вневербального постижения истины и естественной саморегуляции сознания – они освобождали человека от конвенциональных норм, но при этом требовали очень высокой внутренней самодисциплины и организованности. В работе отмечено, что практики даосизма и чань-буддизма изменяли глубинные структуры психики и делали личность более пластичной, чем конфуцианство. Примечательно появление в книге раздела о перспективах современного использования традиционных китайских методов психофизической подготовки на основе создания компьютерных тренировочных комплексов⁵⁷. В приложении опубликованы переводы фрагментов важнейших памятников китайского чань-буддизма – «Сутры Помоста Шестого патриарха» (*Лю цзу тань цзин*) и «Записей бесед Линь-цзи» (*Линь цзи лу*).

Большое внимание отечественные исследователи уделяли китайской мысли нового и новейшего времени. С.Л. Тихвинский в монографии о китайском реформаторском движении конца XIX в. всесторонне исследовал взгляды Кан Ювэя⁵⁸. В книге было раскрыто содержание социальной утопии «Великого единения» (*да тун*) в трактовке Кан Ювэя, определены ее идейные источники. Ученый пришел к выводу, что «утопическая теория Кан Ювэя – одно из проявлений своеобразия и богатства форм общественной мысли великого китайского народа»⁵⁹. Эта тема получила развитие в книге Л.Н. Борох⁶⁰, где были проанализированы теории прогресса Сунь Ятсена и Лян Цичао, воздействие учения о «Великом единении» на ранние социалистические идеи в Китае, трактовки Лян Цичао западных теорий общественного развития и концепция «народного благоденствия» Сунь Ятсена. В монографии сделан вывод: «Перенесение «золотого века» в будущее, обоснование в соответствии с новой эпохой идеала-максимума – ключевой момент для понимания развития китайской социалистической мысли в начале XX в. Наличие собственной

коммунистической утопии сыграло двоякую роль. Оно облегчило проникновение идей западного социализма в китайскую политическую мысль и в то же время осложнило знакомство с социалистическими теориями Запада, поскольку отдельные их положения вырывались из контекста и вводились в оборот методом аналогии, вследствие чего теряли свой первоначальный смысл»⁶¹.

Академик С.Л. Тихвинский и его ученики осуществили перевод трудов Сунь Ятсена⁶². Отдельная глава, посвященная философским взглядам Сунь Ятсена, вошла в монографию Н.Г. Сенина⁶³. Материалы из истории китайской философии XIX в. были включены в сборник переводов произведений прогрессивных китайских мыслителей нового времени⁶⁴. Под редакцией Н.Г. Сенина и М.Л. Титаренко был издан сборник произведений Ли Дачжао, в который вошли философские работы китайского мыслителя⁶⁵. Расширению знаний о начальном этапе распространения марксистской философии в Китае способствовало издание сборников переводов работ Цюй Цюбо⁶⁶.

После образования КНР на русском языке было опубликовано собрание работ Мао Цзэдуна, в которое вошли философские работы «Относительно практики» (том 1) и «Относительно противоречия» (том 2)⁶⁷. В 1969 г. вышла в свет книга о философских взглядах Мао Цзэдуна⁶⁸. Авторы работы стремились выявить специфику восприятия марксизма лидером КНР, показать связь его воззрений с исторической и культурной традицией, социальным контекстом развития страны. В частности, значительное внимание было уделено связи взглядов Мао Цзэдуна с диалектическими идеями древней китайской философии.

Проблемам развития современной китайской философии была посвящена монография В.Г. Бутова⁶⁹. Важной особенностью этой работы стало внимание к изучению всех направлений философской мысли Китая, включая немарксистские течения в философии XX в., представленные взглядами Ху Ши, Фэн Юланя, Хэ Линя, Лян Шумина, а также Чэнь Лифу и Чан Кайши. С опорой на китайские источники автор подробно исследовал проблематику философских споров 1950–1960-х гг. Один из разделов книги посвящен историко-философской дискуссии 1957 г., на которой ученые подняли важный вопрос о преемственности китайской философской традиции и ее унаследовании в новых условиях.

В послевоенный период огромная работа была проделана в области перевода на русский язык классических китайских текстов и произведений древнекитайских мыслителей. В 1950-е гг. помимо перевода «Дао дэ цзина» Ян Хиншуна, были изданы древние трактаты по военной стратегии «Сунь-цзы» и «У-цзы» в переводе и с комментариями Н.И. Конрада⁷⁰. Эти классические труды древнего Китая содержат богатейший материал для изучения диалектики мысли древних китайцев, одновременно они являются важным практическим пособием по изучению стратегий китайской военной мысли.

В работе по истории древнекитайской экономической мысли В.М. Штейн кроме перевода избранных глав ставшей предметом исследования книги «Гуань-цзы» также опубликовал в качестве приложения отрывки из «Мэн-цзы», «Сюнь-цзы», «Цяньханьшу», «Дискуссии об управлении соли и железа», «Чжоули»⁷¹. Полный перевод на русский язык текстов Ян Чжу, Ле-цзы и Чжуан-цзы увидел свет в книге Л.Д. Позднеевой⁷². В этом труде Л.Д. Позднеева предприняла попытку смыслового перевода всех иероглифов классических текстов, включая имена собственные. Это придало переводам не только яркую образность, но и некоторую экзотичность. В русском переводе «Чжуан-цзы» появились персонажи с запоминающимся метафорическими именами: «Владеющий Своими Чувствами из Южного предместья», «Цинь Свободный от Суеты», «Янь Врата Бытия», «Никого не Стесняющий», «Цзянлюй Уговаривающий», «Северный Океан Жо», «Неразумный Одноногий», «Сюй Отрицающий Душу», «Справедливый Приводящий к Согласию»...

Перевод текста «Шан цзюнь шу» стал частью книги Л.С. Переломова «Книга правителя области Шан»⁷³. Этот фундаментальный труд серьезно расширил предмет изучения китайской философской и политической мысли. Перевод был опубликован вместе с ис-

следовательским введением и подробным научным комментарием. Ученый отметил, что труд Шан Яна привлекал к себе китайских националистов XX в., поскольку в древнем трактате «представлен богатый арсенал идей и конкретных предложений, направленных на абсолютизацию власти правителя и создание мощного государства, главенствующего над своими соседями»⁷⁴. Исследование было опубликовано в 1968 г., начавшаяся вскоре после этого в Китае кампания критики конфуцианства и апологетики легизма убедительно подтвердила вывод Л.С. Переломова о значительном влиянии «Шан цзюнь шу» на китайскую политическую культуру.

В 1969 г. в пользовавшейся большой популярностью серии «Философское наследие» издательства «Мысль» был опубликован первый том «Антологии мировой философии», посвященный философскому наследию древности и средневековья. Это издание замыслилось как «путеводитель» по классическому философскому наследию человечества, многие фрагменты были переведены на русский язык впервые. В книгу вошел раздел по китайской философии, его составителем, автором переводов и комментариев стал М.Л. Титаренко. Подборка отразила как философское наследие Древнего Китая эпохи Вёсен и осеней – Борющихся Царств (Лао-цзы, Конфуций, Мо-цзы, Ян Чжу, Мэн-цзы, Чжуан-цзы, поздние моисты, Хань Фэй-цзы), так и работы ключевых мыслителей более поздних династий (Дун Чжуншу, Ван Чун, Фань Чжэн, Чжан Цзай, Чжу Си)⁷⁵.

Продолжением стало издание в 1972–1973 гг. в той же серии «Философское наследие» двухтомного собрания текстов «Древнекитайская философия», охватившего практически все основные памятники доиньской мысли⁷⁶. В антологию вошли переводы фрагментов из «Ши цзин», «Шу цзин», «Даодэцзин», «Лунь юй», «Мо-цзы», «Сунь-цзы», подборка сведений об учении Ян Чжу из текста «Ле-цзы», отрывки из «Мэн-цзы», «Чжуан-цзы», «Го юй», «Цзо чжуань», «Гуань-цзы», «Гунсуньлун-цзы», подборка суждений о теории познания поздних моистов, фрагменты из «Ли цзи», «Сюнь-цзы», «Шан цзюнь шу», «Хань Фэй-цзы», «Люйши чуньцю», «Шицзи» Сыма Цяня. Публикация собрания переводов ключевых философских текстов древности стала важным шагом в изучении китайской философии в нашей стране.

Достойным завершением советского периода в деятельности по переводу памятников китайской философии следует назвать публикацию в 1990 г. собрания переводов текстов мыслителей периода династии Хань⁷⁷. В антологию вошли отрывки из сочинений мыслителей различных направлений, включая Дун Чжуншу, Ван Чуна, Хуан Куаня, Ян Сюня и других древних авторов. Практически все они были переведены на русский язык впервые.

В советский период изучение китайской философии в нашей стране развивалось по двум направлениям. Первое направление – это перевод трудов китайских авторов. Второе направление, органически связанное с первым, – исследование основных течений китайской философской мысли. Совокупность переводов китайских классиков, исследования советскими китаеведами философии Китая древнего и современного периодов создали основу для следующего этапа изучения истории китайской духовной культуры – подготовки обобщенных комплексных трудов энциклопедического типа.

СОЗДАНИЕ СЛОВАРНЫХ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ФИЛОСОФИИ КИТАЯ

В области изучения китайской философии и религии в России наиболее заметным событием первого десятилетия XXI в. стало издание комплексной шеститомной энциклопедии «Духовная культура Китая»⁷⁸. Отечественные ученые полтора десятилетия трудились над подготовкой этой работы, в итоге им удалось осуществить задачу, которую их предшественники поставили еще в первой половине XX в.

Первым шагом в направлении создания авторитетного всеобъемлющего справочного издания стал изданный в 1940 г. сборник «Китай: история, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость»⁷⁹. В книгу вошли два десятка статей о различных аспектах жизни Китая, написанные ведущими исследователями. Помимо материалов об истории, современной политике и экономике в сборнике были опубликованы статьи (А.А. Петров. «Очерк философии Китая»; В.М. Алексеев. «Китайская литература (историко-библиографический очерк)»; Г.О. Монзелер. «Религии в Китае»).

Сборник «Китай» стал моделью для последующих изданий справочно-аналитических трудов о Китае и других странах. К 50-летию КНР в 1999 г. ИДВ РАН выпустил фундаментальный труд «Китай на пути модернизации и реформ»⁸⁰, который по форме и по методологии построения содержания следовал примеру сборника 1940 г. В книгу вошла статья В.Ф. Феоктистова, посвященная рассмотрению процессов формирования российской философской синологии и ее специфических черт⁸¹. Помимо этого в сборнике были опубликованы статьи, посвященные теории социализма с китайской спецификой, диалогу культурных традиций России и Китая, религиозной ситуации в современном Китае, актуальным тенденциям в развитии китайской культуры. Эта книга сыграла важную позитивную роль в создании объективного образа Китая и в преодолении в общественном сознании россиян негативных стереотипов восприятия соседней страны, накопившихся в 1960–1980-е гг. в период советско-китайского идеологического и политического противостояния.

Одним из редакторов сборника «Китай» (1940) был выдающийся отечественный китаевед академик В.М. Алексеев, неустанно призывавший к созданию и активному использованию справочных изданий по Китаю. Ученый читал студентам вузов серию курсов под общим названием «Энциклопедия китайской культуры», ее составными частями были «культура, история, литература, языки, китайская наука, европейская синология, искусство, быт, лекции путешественникам и т.д.»⁸².

В 1930-е гг. В.М. Алексеев указывал, что потребность в справочных изданиях обусловлена большими изменениями, происходящими в языке и в китайской культуре в целом. Прежняя образовательная система, построенная на заучивании текстов, ушла в прошлое. Если прежде в Китае «справочником» служил сам изучаемый текст, то теперь образованным людям, испытывавшим влияние западной культуры, требуется внешнее толкование текста. «Ныне без механического энциклопедизма китайцам, как и нам, очень трудно контролировать точное и уверенное понимание текста, которое уже не основано на былой их синтетической подготовке текстами к текстам (основными – ко всяким дальнейшим), создававшими интуицию начетчика как некую музыку, звучавшую в неограниченном количестве мелодий, которые определяли как основные мотивы текста, так и все его нюансы...»⁸³

Таким образом, когда внутри Китая образованные люди утрачивают прежний целостный подход к пониманию классики, за рубежом китаеведам приходится заниматься изучением современных проблем и они также не могут сосредоточить все силы на постижении китайских памятников разных эпох. В этой ситуации роль словаря китайского языка и тематических справочников по китайской культуре растет как в Китае, так и за его пределами. При этом В.М. Алексеев постоянно предупреждал, что для настоящего китаеведа использование таких пособий не может заменить работу с китайским текстом – справочник «координирует знания», но не замещает их. Ученый подчеркивал важность самостоятельной работы китаеведов по составлению собственных справочных инструментов, каталогов и индексов. Вместе с тем он призывал в полной мере снабдить студентов-китаеведов зарубежными справочными изданиями, отмечая, что «читать и старый, и современный китайский текст без китайского справочника – значит обрекать себя и своих читателей на весьма убогое и экзотичное понимание вещей»⁸⁴.

В конце 1930-х гг. В.М. Алексеев начал фундаментальную работу по подготовке наиболее полного китайско-русского словаря, который включал бы в себя все богатство китайского языка с древности до наших дней. В опубликованных в 1948 г. материалах для обсуждения концепции будущего словаря ученый подчеркивал, что это должен быть «словарь всего китайского культурного наследия», «словарь китайской научной и культурной современности», «словарь человека, интересующегося Китаем и его научно изучающим»⁸⁵. Эту работу продолжила группа учеников В.М. Алексеева во главе с И.М. Ошаниным, в итоге китайско-русский словарь был издан в 1952 г., а затем в 1983–1984 гг. появился «Большой китайско-русский словарь» в четырех томах⁸⁶.

Уже в довоенные годы в нашей стране возникла проблема популяризации знаний о Китае. Аудитория, нуждавшаяся в справочных изданиях, заметно расширилась. Иностранцы указатели и толкования к китайским классическим текстам, которые требуются ограниченному числу профессиональных исследователей, удовлетворить эту потребность не могли. В 1944 г. В.М. Алексеев призвал снабдить китаеведов, прежде всего начинающих, справочными изданиями по китайской культуре на русском языке. Тогда они смогли бы использовать эти справочники еще до того, как уровень знания языка позволит им обратиться к китайским изданиям. Ученый допускал, что первым шагом может стать перевод китайских справочников, однако вслед за этим следует опубликовать книги, подготовленные отечественными авторами. «Мне думается, что нам прежде всего необходимы энциклопедии, специально посвященные Китаю, со статьями наших советских ученых о стране и ее культуре. Тогда и дальнейшая любознательность, и затем научная подготовка кадров пойдут совершенно иными путями и темпами, а не так, как бывает, когда люди садятся за изучение языка, ничего не зная о стране и культуре. Я легко себе представляю, как начинающий китаист с такую энциклопедию в руках явится уже не начинающим, а завершенным, и сам процесс овладения языком не будет уже для него решением уравнения со многими неизвестными, как то было до сих пор, когда ему приходилось решать и задачу текста, и задачу знания предмета одновременно»⁸⁷.

Образование КНР вызвало в нашей стране устойчивый и широкий интерес общественности к истории и культуре великого соседа, что способствовало появлению и распространению справочных изданий о Китае. В 1954 г. в виде отдельной книги была издана статья «Китай» из Большой советской энциклопедии⁸⁸. Это компактное издание охватывало также проблемы китайской культуры, раздел «Философия» был подготовлен китайским ученым Хоу Вайлу, исследовавшим историю философии с марксистских позиций. Вместе с тем поставленная В.М. Алексеевым задача создания энциклопедий о Китае была далека от воплощения. Лишь через несколько десятилетий формирование научных школ, расширение тематики отечественных синологических исследований и публикация достигнутых результатов в виде многочисленных статей и монографий создали необходимую основу для подготовки обобщающих справочных изданий.

Концентрированным обобщением результатов исследований прошлых десятилетий и своего рода «дорожной картой» для дальнейшей научной работы стал подготовленный в ИДВ РАН и опубликованный в 1994 г. энциклопедический словарь «Китайская философия»⁸⁹. В книгу вошли свыше 1,5 тыс. статей, посвященных терминам китайской философии и культуры, философским текстам, школам и направлениям, персоналиям китайских мыслителей. Впервые в словаре получила широкое освещение историография китайской философии. В издание были включены научные биографии видных китайских, российских и западных исследователей китайской философии.

Составители словаря отмечали, что издание носит «во многом экспериментальный характер. Оно призвано в общих чертах наметить методологическую и концептуальную основу синологико-культурологических словарных изданий на русском языке, апробировать способы подачи материала по этой тематике в максимально сжатом виде, определить оп-

тимальные подходы к его освещению и систематизации. В то же время словарь должен подвести определенный итог синологическим историко-философским исследованиям в нашей стране, обозначить наиболее важные и перспективные направления такого рода изысканий»⁹⁰.

Главный редактор этого издания М.Л. Титаренко в ходе многолетних поисков исследований философии и истории Китая как древнего, так и новейшего периода сделал вывод о том, что китайская философия играет принципообразующую, доминирующую, регулирующую роль в становлении, развитии китайской цивилизации в целом и конкретной политической практики в частности. Это и стало движущей идеей большого коллектива российских китаеведов в подготовке фундаментальных обобщающих трудов по китайской философии и истории китайской духовной культуры.

Работа по подготовке словарного издания проходила на рубеже 1980–1990-х гг., когда в России заметно вырос интерес к китайской культуре. Словарь был адресован широкому кругу читателей. Многочисленные отсылки к китайской библиографии, использование иероглифики и серьезное внимание к созданию русского аналога понятийного аппарата китайской философии адресовали книгу специалистам-китаеведам. Вместе с тем словарь был предназначен для гуманитарной и общественно-научной интеллигенции, а также для широкого круга читателей, стремящихся расширить свои представления о китайской мысли.

В словаре была предпринята попытка выявить специфику китайской философии на фоне западной традиции, исследовать процессы взаимного влияния и взаимного обогащения Китая и Запада. Составители уделили большое внимание проблеме влияния китайской мысли на западную культуру. Важное место заняли материалы о российских и советских исследователях философии, идеологии и духовной культуры Китая. В словарь вошли статьи не только о китаеведах, но и о популяризаторах китайской мысли, например о великом русском писателе Л.Н. Толстом и его трактовке даосизма и конфуцианства. В написании статей принимали участие ученые из КНР, прежде всего из Института философии АОН Китая.

Ключевой проблемой стала стандартизация русского аналога понятийного аппарата китайской философии с одновременным раскрытием многозначности китайских философских понятий и их исторической эволюции. В.М. Алексеев отмечал, что совершенные переводы «Лунь юя» Конфуция «могут появиться лишь с установлением конфуцианской терминологии и научной характеристики конфуцианского канона в его целом (а не по частям его и книгам)»⁹¹. В более широком контексте эта мысль может быть отнесена к проблеме составления энциклопедических справочников о Китае, выступающих в качестве важного инструмента фиксации терминологии и создания целостной характеристики традиции.

Хотя подобные философские словари издавались ранее в Китае, они излагали проблемы внутри иероглифической среды и в значительной мере опирались на использование обширных цитат из древнекитайских текстов на языке оригинала, что делало эти издания труднодоступными для массового читателя. Уникальность русского издания заключалась прежде всего в попытке создать целостную концептуальную схему интерпретации китайской мысли и ее системы категорий на западном (в данном случае – на русском) языке. Энциклопедический словарь «Китайская философия» стал первым подобным изданием в западной синологии⁹².

Издание энциклопедического словаря «Китайская философия» позволило научному коллективу ИДВ РАН накопить ценный опыт систематизации материала китайской культуры, стандартизации трактовки китайской философской терминологии с одновременным выявлением ее глубины и многозначности. Эта работа оказала существенное влияние на развитие философской синологии в России. Новые знания были получены благодаря

подготовке академических переводов канонов китайской мудрости, стали шире представления о методологии исследований, включавшей сравнительный анализ содержания категориальных аппаратов и логики построения философских систем китайских и западных мыслителей соответствующих эпох. Работа над словарем «Китайская философия» помогла российским ученым выявить имеющиеся пробелы в познании китайской духовности и стала стимулом для развития исследований по новым актуальным темам.

Однако спрос на универсальные энциклопедические работы по китайской культуре оставался неудовлетворенным. В 1999 г. появился небольшой словарь-справочник исследователя истории древнекитайской мысли Г.А. Ткаченко «Культура Китая». В книгу вошли 250 словарных статей, относящихся к истории, философии, религии, мифологии и искусству⁹³.

Попытку представить свой особый всеобъемлющий, но вместе с тем субъективный личностный взгляд на китайскую цивилизацию⁹⁴, предпринял живущий и работающий ныне на Тайване российский исследователь В.В. Малявин (первоначально ученый входил в состав редакционного совета будущей академической энциклопедии китайской культуры). Книга содержит главы, посвященные китайской философии (классические школы китайской морали, философская традиция, эпохи китайской философии) и религии (народные верования и культы, буддизм, даосизм, синкретические религии, иностранные религии).

В середине 1990-х гг. на базе ИДВ РАН была развернута работа по подготовке многотомной комплексной энциклопедии «Духовная культура Китая»⁹⁵. Ее открывает том «Китайская философия», что отражает ключевое значение китайской философии внутри комплекса китайской культуры, ее определяющую роль как фактора развития китайского общества.

Энциклопедия «Духовная культура Китая» была призвана в обобщенном виде рассказать о самобытности, внутренней целостности и многообразии китайской цивилизации с древности до наших дней. Во вступительной статье к тому 1 энциклопедии М.Л. Титаренко и А.Е. Лукьянов отмечали: «Китай расположен на Евразийском континенте и потому неизбежно участвует в формировании евразийского мировоззрения. В связи с этим знание духовной культуры Китая имеет принципиальное значение и для России, вырабатывающей в сложнейший для нее период идею национальной самоидентификации»⁹⁶.

Требовалось совместить строгие научные стандарты с просветительскими целями проекта, призванного не только показать динамику развития китайской культуры, выявить связь древности и современности, но и раскрыть место и роль китайской цивилизации в мировой культуре. Это справочное издание должно было удовлетворить запросы образованной аудитории, стремившейся расширить познания о Китае, и стать ценным подспорьем для начинающих китаеведов. Заместитель главного редактора энциклопедии А.И. Кобзев заметил, что в конце XX в. на Западе в академических кругах появилась необходимость структурировать и обобщить знания, накопленные за четыре века знакомства с Китаем и два века его изучения. «Как любая нормальная наука, синология, развиваясь, настолько дифференцировалась, что стала уделом не энциклопедистов, а специалистов, которым необходимы энциклопедии»⁹⁷. Иными словами, энциклопедия учитывает профессиональные интересы китаеведов, стремящихся получить достоверную обобщенную информацию о тех или иных сферах китайской культуры, ознакомиться с достигнутым уровнем исследований и библиографией основных трудов по этим направлениям.

Составители и авторы этого фундаментального труда исходили из понимания того, что современное развитие Китая и его очевидные феноменальные успехи в экономическом, социальном и культурном развитии невозможно объективно и целостно понять и объяснить без проникновения в основы китайской традиционной цивилизации, и прежде всего

философии. «Энциклопедия создавалась как ответ на научные и образовательные запросы современности в связи с необычайным ростом общественного интереса к китайской культуре, опыту модернизации этой страны. Авторы и составители энциклопедии учитывали не только значительное влияние китайской духовности на формирование культур многих соседних с Китаем стран, но и тот факт, что китайская культура составляет весомую часть сокровищницы мировой культуры. Кроме того, принималось во внимание и то, что быстро меняющийся в ходе осуществления политики реформ и открытости Китай становится одной из мировых держав, определяющих во многом будущее человечества и мировой цивилизации»⁹⁸.

Каждый том энциклопедии открывается общим разделом, где в обзорной статье рассматриваются вводные и общие вопросы, что позволяет читателю получить предварительное представление о предмете. Далее следует словарный раздел, в котором в алфавитном порядке расположены статьи о китайской терминологии, течениях мысли, школах и группах, персоналиях и произведениях. Третий раздел призван помочь читателю найти в книге нужную информацию, в него входят подробные указатели (имена, термины, понятия, течения и организации, произведения); помимо этого, для продолжения поиска интересующих сведений можно обратиться к тематической библиографии отечественных изданий за последние полвека.

Первый том «Философия» вобрал в себя в переработанном виде часть материалов из словаря «Китайская философия», в нем также появились новые обзорные статьи: «Философия и духовная культура Китая», «Самоопределение китайской философии», «Категории и основные понятия китайской философии», «Логика и диалектика в Китае», «Китайская этическая мысль», «Китайская эстетическая мысль». Главный вывод, который вытекает из многоплановых академических исследований истории китайской мысли, сводится к тому, что присущая китайскому менталитету глубокая историческая память, уважение к истории и традициям служат мощной основой китайской национальной идентичности и регулятором в отношениях китайской культуры с культурами других народов. Именно этим определяется тот факт, что все заимствования из других культур во все исторические эпохи получали «право гражданства» в китайской культуре лишь после прохождения стадии китаизации, а все нарождающееся новое должно пройти стадию установления национальных первоисточков. В Китае новое рождается на основе отбрасывания устаревшего, но это не огульное уничтожение, а «снятие» старого.

Второй том «Мифология. Религия» открывают обобщающие статьи о китайской мифологии и ее изучении в Китае и за рубежом, о народных верованиях и государственных культах, о мировоззренческих категориях, мантике и астрологии. В книге в сводном очерке исторического развития религиозной ситуации в Китае рассматриваются конфуцианский культ, даосизм, буддизм, синкретические секты, иностранные религии (христианство, включая православие, ислам, иудаизм, зороастризм, манихейство). По содержанию книга очень близко примыкает к первому тому «Философия». «Эти два начальных тома в наибольшей степени связаны друг с другом и могут рассматриваться как самостоятельный двухтомник, посвященный единому духовному комплексу философско-теологической мысли и религиозно-мифологического сознания, основанному на общей терминологической, текстологической и ритуально-литургической базе»⁹⁹.

Помимо этого, важные аспекты китайской традиционной научной методологии, имевшей философскую подоплеку, раскрыты в пятом томе «Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование». В общем разделе тома рассматриваются методологические науки (нумерология, математика), науки о небе (астрология, астрономия, метеорология, календарь), физические науки, науки о земле (включая геомантию *фэн шуй*), инженерная мысль, науки о превращении веществ (алхимия, химия), науки о жизни и человеке (биология, медицина, эротология, макробиотика). Составители тома подчер-

квали, что его структура построена на оригинальном сочетании китайской и западной науковедческих моделей (в частности, в словарный раздел вошла статья о китайской синологии-*госюэ*). Тематическое многообразие тома соответствовало широте китайского традиционного понимания науки, охватывающей гуманитарные и естественные сферы, практические и псевдонаучные с современной точки зрения дисциплины (астрологию, алхимию, геомантию). Подобное понимание объединяет китайскую науку с философией и религией в единое синкретическое целое, что неразрывно связывает пятый том с первым и вторым томами.

Профессор К.М. Долгов подчеркнул, что успешная реализация энциклопедического проекта стала возможной благодаря выработке адекватной методологии изучения китайского материала. «Все содержание шести томов энциклопедии китайской духовной культуры пронизано глубочайшим историзмом: идет ли речь о больших статьях общих разделов или о статьях словарных разделов. Ментальная историческая реконструкция реальных событий, относящихся к самым различным сферам человеческой жизнедеятельности с необходимостью приводит к выработке соответствующей логики этих событий (идей, мыслей, действий и т.д.), что дает ученым возможность вырабатывать более или менее точные прогнозы. Историческое в данном фундаментальном труде тесно связано с логическим – они обуславливают друг друга и взаимодействуют друг с другом»¹⁰⁰. По мнению ученого, благодаря этому авторам энциклопедии удалось провести глубокий анализ категориальной системы китайской культуры.

Создание энциклопедии стало делом большого коллектива отечественных исследователей китайской культуры – помимо ученых из ИДВ РАН в нем принимали участие специалисты из других синологических центров Москвы, а также из Санкт-Петербурга, Улан-Удэ, Владивостока, Новосибирска. Особенностью книги стало появление в ней статей, опирающихся на публикации ушедших из жизни ученых¹⁰¹. Работа над энциклопедией позволила подвести итоги развития российского китаеведения, систематизировать накопленные исследовательские материалы, выявить «белые пятна» и наметить перспективные направления исследований. Одна из целей проекта заключалась в том, чтобы «представить китайскую духовную культуру так, как она выглядит сквозь призму российской синологии»¹⁰². И в этом отношении книга вносит вклад не только в постижение Китая, но и в укрепление и развитие традиций отечественной науки.

Символичной была история издания энциклопедии. Выход в свет первого тома в 2006 г. совпал с проведением национального года России в Китае. Это было высоко оценено китайской общественностью, том завоевал первое место на Международной книжной ярмарке в Пекине. Завершение публикации энциклопедии «Духовная культура Китая» в 2010 г. не менее символично совпало с проведением Года китайского языка в России, нацеленного на популяризацию среди россиян знаний о китайской культуре. Работа российских ученых внесла свой вклад в содействие культурному сближению между двумя народами.

В июне 2011 г. главный редактор издания М.Л. Титаренко и заместители главного редактора А.И. Кобзев и А.Е. Лукьянов были удостоены Государственной премии Российской Федерации за 2010 г. в области науки и технологий «за выдающиеся достижения в развитии отечественного и мирового китаеведения и подготовку фундаментальной академической энциклопедии «Духовная культура Китая»»¹⁰³. По поводу книги в официальном сообщении было отмечено: «Широта тематики, точность фактов и глубина теоретической проработки не имеют аналогов ни в одной сопоставимой научной дисциплине. Энциклопедия значительно обогащает программы профессиональной подготовки отечественных китаеведов, открывает новые стратегические направления изучения Китая, создает прочные основы построения конструктивного диалога цивилизаций на евразийском континенте, способствует преодолению культурной и политической конфронтации в Восточно-Азиатском регионе»¹⁰⁴.

ИССЛЕДОВАНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Под влиянием духовных поисков в постсоветской России синологические исследования обрели евразийский вектор. Китаеведы стремились к тому, чтобы постижение китайской духовной культуры стало фактором сближения и сотрудничества России и Китая, элементом всестороннего осознания Россией своего места в мире с учетом быстрого роста глобального влияния Китая.

В 1990-е гг. в отечественной философской синологии оформилось течение цивилизационных исследований, уделяющее первостепенное внимание современному значению традиционного наследия, перспективам взаимодействия культур Китая и Запада, соотношению традиции и модернизации в развитии Китая и Восточной Азии в целом. В рамках этого подхода «китайская классическая философия рассматривалась как важнейший цивилизационнообразующий компонент всей китайской культуры»¹⁰⁵. Ведущими представителями данного научного направления стали М.Л. Титаренко, В.Ф. Феоктистов, Л.С. Переломов, А.Е. Лукьянов, А.В. Ломанов, В.Г. Буров.

В центре внимания исследователей находилась проблема взаимосвязи китайской философии и китайской цивилизации. М.Л. Титаренко подчеркнул, что китайская философия стала «ключевым нормативным компонентом всей духовной и материальной деятельности человека и его отношений с государством», она «приняла на себя роль координатора всей системы социальных, духовных и нравственных ценностей»¹⁰⁶. Китайская философия фиксирует совокупность норм мудрости и нравственности, сочетая при этом единство с многообразием, на протяжении веков она формировала холистические тенденции в китайской культуре. На фоне глобализации и вызова со стороны западной культуры «условием сохранения целостного Китая и его самобытности, гарантией его стабильного роста, его мирного внешнеполитического курса будет именно китайская цивилизация»¹⁰⁷. По мнению ученого, китайской философии будет принадлежать важная роль в развитии мировой духовной цивилизации в процессе диалога разных идей и школ.

Ученые обрели новые возможности для более активного участия в международном научном сотрудничестве. В середине 1990-х гг. исследователи китайской мысли из ИДВ РАН установили научные контакты с основанным в США Международным обществом изучения китайской философии (ISCP). Примером плодотворного сотрудничества ученых разных стран стал изданный в 1997 г. на русском языке при поддержке ISCP и Общества возрождения китайской культуры международный сборник статей по проблемам китайской философии и цивилизации¹⁰⁸.

Включенные в издание статьи посвящены проблемам взаимодействия философии и культуры, выявлению сходства и различия в системах ценностей китайской и западной цивилизаций, в центре внимания оказались новые научные проблемы – китайская мысль в контексте глобализации, перспективы современного конфуцианства, сопоставление конфуцианства и протестантизма. В книгу вошли статьи М.Л. Титаренко, Ду Вэймина, В.Ф. Феоктистова, Р. Невилла, Чэн Чжуньина, Лю Шусяня, А.В. Ломанова, Т. Ин-син Люна, Л.С. Переломова, Г.Д. Сухарчука, А.Е. Лукьянова. Зарубежные исследователи концентрировали внимание на сопоставлении духовных основ западной и китайской цивилизаций, прогнозировании и выявлении потенциала их сосуществования и сотрудничества. Работы российских авторов были нацелены главным образом на выявление преемственности между разными историческими слоями китайской культуры и обновление подходов к трактовке китайской мысли.

Исследователь традиционной и современной китайской идеологии В.Ф. Феоктистов в 1990-е гг. сосредоточил внимание на методологии постижения китайской философии. Он подчеркнул, что попытки разделить китайских мыслителей на материалистов и идеалистов

наталкиваются на невозможность отождествления европейских и западных философских категорий. «Если в истории китайской философии не было выработано адекватных европейской культуре категорий «материя» и «идея», тогда, естественно, необедительно выглядит и попытка разделения китайских философов на «материалистов» и «идеалистов» в европейском понимании этих терминов. . . . Говорить о наличии в истории китайской философии в чистом виде «борьбы материализма и идеализма» было бы неверно, ибо не было самих этих понятий, адекватных европейской философской рефлексии»¹⁰⁹. По мнению ученого, главной проблемой в китайской философской традиции был предел познаваемости мира. «Китайские философы были более всего обеспокоены поиском *единых* начал этого космоса, куда включали и человека. Не отношение человеческого разума к бытию, а место человека в этом природном и социальном мире было главной темой китайской философии»¹¹⁰. Был сделан вывод о том, что попытки «модернизации» китайской философии с помощью западной философии могут повредить китайской мысли; будущее развитие китайской философии может быть успешным лишь на основе национальной традиции.

При обсуждении проблем перевода на современный русский язык сочинений древнекитайских мыслителей В.Ф. Феоктистов отмечал, что китайская философия обладает особым категориальным аппаратом и специфическим языком рефлексии. Ученый высказывался против механического переноса категорий и понятий западной философской культуры на китайскую почву. Он видел будущее китайской философии в органичном развитии национального наследия на его собственной основе с использованием тех достижений Запада, которые помогают полнее раскрыть китайские духовные богатства. Чтобы избежать навязывания китайской традиции чуждых искажающих моделей, исследователь призывал шире использовать в практике историко-философской науки транскрибированные китайские категории.

Были опубликованы работы А.Е. Лукьянова, посвященные древней философии и мифологии китайцев¹¹¹. В центре внимания исследователя находились тексты «И цзин», «Дао дэ цзин», «Ле-цзы», «Чжуан-цзы», «Хуайнань-цзы», «Шань хай цзин». Была предпринята попытка провести сравнительное изучение ицзиновской, даосской и конфуцианской цивилизаций как несходных архетипов культуры Дао. Одним из шагов в этом направлении стал опыт дешифровки генетического кода диалектической спирали Дао в рамках выявления специфики формирования системы даосских философских категорий и характеристики стили даосского философствования. Изучение эволюции мифологического мышления китайцев привело к созданию типологии образного мифологического и философского понятийного мышления, автор предпринял попытку обнаружить архетипические космологические модели культуры Дао и сравнить ее с индийской культурой Ом и греческой культурой Логоса. Обращение к «И цзину» вдохновило А.Е. Лукьянова на поиск связи мантических высказываний с графическими символами, выявление реминисценции понятийных символов архетипа «пяти постоянств» в высказываниях к гексаграммам, сравнение ицзиновской, конфуцианской и даосской концепций имен. Исследователь разрабатывает культуругенную концепцию китайской философии с помощью объемных и графических моделей, ему также принадлежит гипотеза космопланетарного архетипа как критерия идентификации национальных культур, способа их коммуникации и взаимного адекватного понимания.

В начале 2010-х гг. новым направлением исследований китайской мысли древности стало изучение «годяньских рукописей», обнаруженных в КНР при археологических раскопках. Найденные тексты открывают путь к переосмыслению философского наследия китайской древности. На основании изучения «годяньских рукописей» А.Ю. Блажкина (ИДВ РАН) исследует проблемы морали и идеального управления в раннем конфуцианстве.

Значительных исследовательских успехов добились ученые, принадлежащие к структурно-текстологическому направлению российской философской синологии (А.И. Кобзев,

А.А. Крушинский, А.М. Карапетьянц). Истоки этого направления восходят к исследованиям В.С. Спирина, предложившего в 1970-е гг. метод формального изучения китайских первоисточников на основе выявления в них параллельных элементов. Важным достижением в деле развития этого метода и его содержательного наполнения стала опубликованная в 1993 г. монография А.И. Кобзева¹¹², представившая обобщающее исследование логико-методологических оснований традиционного китайского философского и научного знания.

По определению А.И. Кобзева, суть структурно-текстологического метода состоит «в выявлении и анализе нелинейной (как правило, двухмерной, но возможно и трехмерной) структуры канонического или каноносообразного текста, имеющей собственную теоретически значимую семантику, которая является неотъемлемым компонентом общего содержания данного произведения»¹¹³. В рамках изучения нумерологического «учения о символах и числах» (*сян шу чжи сюэ*) исследователь рассмотрел три типа объектов: «символы», представленные триграммами и гексаграммами «Книги перемен»; «числа», содержащиеся в древних схемах «хэ ту» и «ло шу»; бинар «инь-ян» и «пять элементов» (*у син*), истолкованные как иероглифическое выражение «символов» и «чисел». А.И. Кобзев предположил, что китайские «символы» и «числа» играют роль переменных, способных получать различную содержательную интерпретацию, с помощью формализованных процедур они складываются в комбинаторно-завершенные линейные последовательности и пространственные расположения.

В книге был представлен анализ альтернативного течения в древнекитайской философской методологии – протологики, которую разрабатывали поздние моисты, школа имен и Сюнь-цзы. Исследователь сопоставил древнекитайские течения нумерологии и протологики с пифагорейством и аристотелевской логикой, отметив, что в Европе пифагорейская нумерология стала диковиной, тогда как в Китае опиравшееся на конфуцианскую ортодоксию «учение о символах и числах» вытеснило протологику. А.И. Кобзев критически оценил понятие «китайская логика», истолковав нумерологию как «оппозиционную альтернативу науке логики в ее общеметодологической функции»¹¹⁴ и выразив несогласие с теми исследователями, которые видят в нумерологической методологии логику или науку.

Иную точку зрения¹¹⁵ представил в своей книге А.А. Крушинский¹¹⁶, поставивший себе целью выделить жесткую математическую структурированность древнекитайской аргументации на базе рассмотрения теории и практики логического вывода в древнем Китае. Автор подчеркнул, что «вопреки широко распространенному мнению о неразработанности формальной логики в древнем Китае, ранняя классика этой страны изобилует примерами формально-логических рассуждений, а «И» представляет собой кодификацию соответствующих формально-логических теорий в их взаимозависимости, выполняя роль – очень грубо говоря – своеобразного учебника логики»¹¹⁷. Также следует обратить внимание на публикацию структурной реконструкции «Дао дэ цина», учитывающей различные версии древнекитайского текста¹¹⁸.

Развитием данного направления исследований стала монография А.А. Крушинского, посвященная древнекитайской логике¹¹⁹. В центре внимания автора находились проблемы китайского схематизационного мышления и своеобразия китайского концептуального аппарата. В книге была поставлена задача отыскания «имманентной китайской логики» и выявления ее своеобразия, в том числе ее связи с числовыми алгоритмами.

Отечественные исследователи вели поиски в области постижения традиционной китайской методологии. Публикации В.Е. Еремеева, посвященные изучению нумерологических аспектов «Книги перемен»¹²⁰ и философско-мировоззренческих основ традиционной китайской науки, внесли заметный вклад в развитие структурной школы изучения китайской философии. Исследователи творчества безвременно ушедшего из жизни ученого

отмечают, что концепция арифмосемиотики В.Е. Еремеева привлекательна «в силу ее объяснительного и классификационного потенциала при наложении на разные сферы знаний, поэтому она заслуживает пристального внимания историков, философов и методологов»; главная идея арифмосемиотики состоит в том, что «Человек – посредник обменных процессов между Небом и Землей, и его действия влияют не только на его личную судьбу, но и на судьбу мира»¹²¹. Помимо этого, необходимо упомянуть о самобытных творческих попытках Л.И. Головачевой провести «пре-синологическую» филологическую и структурную реконструкцию текста «Лунь юй»¹²².

Важными вехами в изучении китайской духовной традиции стали два тематических сборника научных статей, подготовленных в отделе Китая ИВ РАН. В начале 1990-х вышла книга, посвященная проблеме трактовки личности от древности до XX в.¹²³ Л.С. Переломов охарактеризовал учение Конфуция о человеке, отметив прагматическое использование Дао для воспитания нового человека, когда «благородный муж» выступал как идеальный тип способной к самосовершенствованию личности, обладающей гуманностью и культурой. А.С. Мартынов в статье «Проблема личности в императорском Китае» поднял вопрос о месте конфуцианской личности в государственном аппарате. Образцовый конфуцианец должен был стремиться к тому, чтобы помочь императору в «дальнейшем упорядочении» мира, принося на государственную службу свою волю и талант. Встреча-слияние правителя и приходящей ко двору конфуцианской личности воспринималась как часть процесса спонтанной гармонизации мироздания, однако с течением времени у «славных мужей» появлялась потребность хотя бы на время отойти от дел, переместившись на «утесы и горные долины». Так возникало конфуцианское слияние с природой в статусе носителей культуры, при этом на первый план выходила уже не встреча с правителем, а проблема жизни и смерти.

На страницах сборника А.И. Кобзев отметил, что антропологизм определил аксиологизм и прагматизм китайской философии, при этом он выделил идею субстанциального и морально-психологического единства субъекта и объекта, образующих единый организм. Исследователь отметил, что в китайской традиции специфика человека кроется не в познавательных способностях, а в долге-справедливости и благопристойности-этикетке. В сборнике также были рассмотрены проблемы модернизации учения о личности в новое время. Л.Н. Борох с опорой на философские тексты Лян Цичао проанализировала темы влияния обладающей свободой личности на исторические процессы с опорой на познание законов мироздания, высшей целью такого воздействия выступает развитие общества. В контексте теории Чжан Бинлиня о «революционной морали» Н.М. Калюжная рассмотрела идею единичной неповторимой личности, способной своим авторитетом повлечь за собой массы, такой личности обязательно должны быть присущи верность, честность, стыд и достоинство.

В конце последнего десятилетия XX в. в серии «История восточной философии» был издан тематический сборник под редакцией Л.Н. Борох и А.И. Кобзева, посвященный одной из важнейших категорий китайской философии и культуры – дэ¹²⁴. Эта категория была рассмотрена как часть разных сторон жизни китайского социума: государственной доктрины императорского Китая, гадательной метафизики «И цзина», конфуцианской этики и даосской онтологии, художественного творчества. А.И. Кобзев указал на отношения дэ с коррелятивными категориями китайской классической философии и провел сопоставления с категориями западной традиции, в результате чего обнаружил «трансформацию архаического представления о безличной магической силе в идею индивидуального нравственного императива»¹²⁵. А.С. Мартынов охарактеризовал дэ как синтез равновеликих понятий «порядка» и «жизни», как направленную от хаоса к космосу созидательную силу, подчеркнув, что дэ не имеет анонима, поскольку культура направлена к созиданию. Важное место в сборнике заняла проблема дэ в традиции «И цзина» (С.И. Блюмхен,

А.А. Крушинский, О.М. Городецкая). Были рассмотрены трактовка *дэ* как нравственной силы в учении тайчжоуской школы неоконфуцианства (С.А. Серова), история появления в период модернизации конфуцианской этики нового понятия «общего *дэ*», указывающего на приоритет коллективных интересов над частными (Л.Н. Борох).

В 1993 г. благодаря усилиям ученых ИДВ РАН увидела свет неопубликованная ранее работа исследователя китайской мысли В.А. Кривцова (1921–1985) посвященная эстетическим аспектам даосского мировоззрения и их влиянию на китайскую культуру¹²⁶. В книге была предпринята попытка выявить связь эстетики с натурфилософией и гносеологией даосизма. Исследователь подчеркивал, что познание через сопоставления, аналогии и красочные метафоры придавало философии даосизма художественный оттенок, ей были присущи релятивизм, парадоксальность, гротеск, преувеличение, что наложило отпечаток на релятивность прекрасного у даосских мыслителей, интуитивность и субъективизм их суждений. Он проанализировал эстетические категории даосизма: прекрасное (*мэй, шань*), гармония (*хэ*), Путь (*Дао*), естественность (*цзыжань*), жизненная сила (*ци*), антитеза *инь-ян*, дух (*шэнь*), простота (*пу*), изначальная природа (*чжи*), правдивость (*чжэнь*), неумелость (*чжо*), единое (*и*), скрытность (*сюань*), пустота (*сюй*), пресное (*дань*). В.А. Кривцов отметил, что даосский эстетический идеал – это естественность, простота, духовность, скрытость-«пресность». Творческой личности должны быть присущи свобода, сосредоточенность и уверенность в себе, тогда как высшее мастерство оставляет впечатление грубого и необработанного произведения. По мнению ученого, даосский образ жизни в основе своей был эстетическим, что проявилось в китайской поэзии, живописи, каллиграфии, архитектуре.

Исследователи стремились выявить связи философии и культуры в истории Китая. А.Г. Сторожук изучил влияние конфуцианства, даосизма и буддизма на развитие культуры династии Тан¹²⁷. Ученый использовал метод выделения ключевых «концептов» каждого из трех учений, наложивших отпечаток на художественное творчество эпохи. К примеру, конфуцианские идеи «исправления имен» в интересах процветания Поднебесной и устранения моральных недостатков правителя должны были обрести силу, воплотившись в художественном тексте ритуального характера. Автор отметил, что эти идеи оказали большое влияние на танское движение «возрождения древности» (*фу гу*). Конфуцианские мотивы обусловили стремление литераторов к простоте и ясности изложения, отражению в своем творчестве общественных проблем. Движение за возрождение древней письменной культуры-*вэнь*, олицетворением которого стал Хань Юй, пыталось сформулировать толкование пути в связи с конфуцианским служением и создать пример, которому могли бы подражать будущие поколения. В работе также указано на влияние числовой символики «Книги перемен» на метрическую организацию уставных стихов.

Буддийские концепты в художественной литературе Тан – это Пустота (*кун*) и «мир произведения» (*цзин*). Автор указал, что в этом контексте художественное произведение выступает как «искусно организованная Пустота», а восприятие окружающего мира формируется на основе создания «границ» или «опорных точек». В танскую поэзию вошла перспектива «сейчас», не подверженная характеристикам времени, передающая ощущения просветленного и выступающая в роли инструмента установления координат Пустоты. Из даосизма в художественное творчество пришли понятия Пустоты (*сюй*), *ци* как выражения меры таланта, духа-*шэнь* как выражение меры вдохновения. Из даосского мировоззрения в литературу пришли сюжеты, посвященные трансформациям души человека после ее освобождения от телесной оболочки. Исследователь подчеркнул, что пустотность как проявление великой пресности (Абсолюта) приобрела роль основного принципа организации художественного текста, танские литераторы использовали даосскую стилизацию для того, чтобы рассказать об одиночестве человека и о несовершенстве мира. Книга А.Г. Сторожука – это комплексное исследование, расположенное на стыке

истории философии, религиоведения и литературоведения, в работе использовано большое количество авторских переводов китайских художественных текстов.

Новаторское осмысление содержания древнего памятника «Люйши чуньцю» представил Г.А. Ткаченко¹²⁸, сосредоточивший внимание на соотношении космологических и эстетических воззрений авторов текста, отразившего в обобщенной форме представления разных школ древнекитайской мысли. В центре исследования находились категории ритуал (*ли*), благо (*шань*), красота (*мэй*) и культура (*вэнь*). По мнению ученого, стремление авторов «Люйши чуньцю» к созданию идеальной модели мира вело к слиянию космологического мифа, эстетики и учения об обществе. На основе идей корреляции природы, общества и индивида была выстроена музыкально-резонансная модель космоса, предполагавшая гармоничное выравнивание явлений в природе и социуме. Г.А. Ткаченко отмечал, что разработка идеи цикличности помогла придать социально-политическому организму «прочный квазиматематический фундамент», тогда как идеи гармонического устройства мироздания были призваны примирить и объединить конфуцианскую «классику» долга и морального идеала с даосской «контрклассикой», отвергавшей социальность. Гармоническое единство мироздания было обеспечено слаженной деятельностью двух «демиургов» – космического *Дао* и подражающего ему земного мудреца.

В 2001 г. в серии «Философское наследие» издательства «Мысль» был опубликован выполненный Г.А. Ткаченко перевод трактата «Люйши чуньцю» («Вёсны и осени господина Люй Бувэя») ¹²⁹. Это синкретический памятник древнекитайской философской прозы, охватывающий широкий круг проблем. Во введении к переводу ученый указал на композиционную стройность памятника, призванную отразить единство Вселенной, а также на понимание мира как системы отношений неба, земли и человека. В системе ценностей, представленной в «Люйши чуньцю», исследователь выделил ряд парных категорий: единое и двойственное, мудрость и невежество, порядок и смуту, прекрасное и безобразное. Г.А. Ткаченко отметил важность темы упорядочения мира и его нумерологического описания: «В центре всех построений авторов памятника стояла проблема единства и многообразия мира, притом понимаемая таким образом, что очевидное многообразие явлений может и должно быть сведено к простым величинам, выражающим соотношения вещей в природе» ¹³⁰.

Заметным явлением стали публикации и переводы В.В. Малявина, стремящегося раскрыть сущность китайской духовной традиции за пределами строгих рассуждений и формальных категорий. Ученого заинтересовала проблема духовного развития человека в традициях даосизма, буддизма и неоконфуцианства. По его мнению, «именно духовная традиция Востока, и прежде всего Китая, отвечает главному отличительному признаку мудрости: стремлению утвердить недвойственность, неразличение просветленности «чистого», *без-объектного* сознания и «обыденного разума», в конечном счете сливающегося с обычаем и принятым мнением» ¹³¹. Темы культурного символизма китайской традиции, взаимодействия буддизма и неоконфуцианства на фоне литературы и искусства получили углубленное развитие в книге «Сумерки Дао» ¹³².

Существенным вкладом в изучение неоконфуцианства стала опубликованная в 2002 г. книга А.И. Кобзева ¹³³. Автор уделил большое внимание проблемам философской методологии, уточнению терминологических толкований, выявлению интеллектуальной специфики различных периодов тысячелетнего развития этого течения от династии Сун до наших дней. А.И. Кобзев сосредоточил внимание на вопросах этики, антропологии и теории познания неоконфуцианства. Центральное место в работе занимает исследование учения Ван Янмина, охарактеризованного как «апогей имманентного развития китайской классической философии» ¹³⁴. Примечательной особенностью книги стало появление в ней перспективы конфуцианской мысли XX в., включая гуманистическую трактовку древнего наследия Ду Вэймином и «моральную метафизику» Моу Цзунсяня. Исследователь

отметил, что современные формы развития конфуцианства разительно отличаются от предшествующих этапов, поскольку в сферу философствования в Китае проникли «чужеродные» западные концепции.

И.Т. Зограф и А.С. Мартынов опубликовали текст неоконфуцианского философа Чжу Си, посвященный проблеме сознания (*синь*)¹³⁵. К переводу 44-й цзюани «Полного собрания сочинений Чжу-цзы, составленного по императорскому повелению» были добавлены предисловие, раскрывающее значение данного текста в истории китайской мысли, и подробный грамматический очерк языка Чжу Си. Авторы перевода отмечали, что «в отличие от европейской философской традиции китайских мыслителей занимала проблема не того, с какой мерой адекватности индивидуальное сознание отражает объективный мир, а того, в какой мере это сознание можно освободить от тирании впечатлений с тем, чтобы вернуть ему самостоятельность»¹³⁶.

А.С. Мартынов указал, что ранние конфуцианцы интересовались проблемами сознания, однако позднее в ханьском конфуцианстве их вытеснила «космическая тематика». Автор вводного текста сделал акцент на новизне неоконфуцианской философии. Он указал, что произошла «резкая смена сверхзадачи во всей конфуцианской духовной традиции, принеся невиданную ранее социальную интеллектуальную активность, продиктованную желанием всего образованного общества достичь личного понимания всей духовной глубины философского наследия совершенномудрых»¹³⁷. Если прежнее конфуцианство было обращено в прошлое и стремилось к разработке этики на основе учений древних мудрецов, то неоконфуцианцы, не без влияния со стороны буддизма, обратились к анализу собственного сознания. Это специфическое стремление к разработке проблем познания было связано с тем, что «неоконфуцианские мыслители должны были выявить в сознании человека полученное им свыше этическое содержание... гносеологические усилия должны были привести к четкому разделению в мире и человеке того, что должно быть «выправлено», и того, что должно быть выявлено»¹³⁸. А.С. Мартынов подчеркнул, что неоконфуцианские гносеологические поиски были нацелены на принципы (*ли*), которые содержались в сознании, и потому их можно охарактеризовать как самопознание, носившее внутренний характер.

В постсоветский период в России заметно вырос интерес к конфуцианству. По мнению Л.С. Переломова, изучение наследия Конфуция в постсоветской России имело не только научное, но и практическое значение. Он выразил надежду, что «даже поверхностное ознакомление россиян с основными конфуцианскими доктринами поможет России найти свою нишу в регионе. Это необходимо и самой России в реформировании экономики и политического устройства»¹³⁹.

В начале 1990-х гг. в серии «Жизнь замечательных людей» вышла биография Конфуция, которую составил В.В. Малявин¹⁴⁰. Были опубликованы несколько книг Л.С. Переломова¹⁴¹, ключевой публикацией ученого стал фундаментальный перевод и исследование классического текста «Лунь юй» Конфуция¹⁴². В издании наряду с переводом впервые был представлен научный комментарий к этому древнему памятнику общественной мысли Китая, показано его влияние на культуру народов Японии, Кореи, Вьетнама. За этот труд в 2000 г. ученый был удостоен премии РАН имени академика С.Ф. Ольденбурга.

Помимо этого, появилось исследование и перевод «Лунь юй», выполненные петербургским китаеведом А.С. Мартыновым¹⁴³. Книга рассказывает о жизни и судьбе Конфуция, дает характеристику конфуцианства как исторического, этического, литературного и философского феномена.

В 2004 г. под редакцией Л.С. Переломова вышло первое в России полное издание конфуцианского «Четверокнижия» (*Си шу*) – снабженного комментариями собрания канонических текстов, оказавших глубочайшее влияние на формирование китайской философской традиции¹⁴⁴. Продолжая совершенствовать перевод изречений Конфуция,

содержащихся в «Лунь юе», Л.С. Переломов в 2009 г. опубликовал новый обзорный труд по истории развития конфуцианской мысли¹⁴⁵. Выход в свет этой книги дает основания утверждать, что российские исследования конфуцианства как феномена китайской мудрости находятся на самом высоком международном уровне.

Изучение конфуцианского наследия развивается и охватывает темы, связанные с важными и все еще недостаточно изученными мыслителями прошлого. А.Ю. Ионов (ИДВ РАН) исследует философские взгляды видного представителя критического течения конфуцианской мысли XVII в. Гу Янью. В центре внимания находятся учение Гу Янью о «началах познания» и его трактат «Жи чжи лу» («Записи повседневных познаний»).

В 2008 г. ИДВ РАН приступил к осуществлению нового исследовательского и издательского проекта «Философия и культура Китая». В серии книг, посвященных духовной культуре и истории Китая, были опубликованы две работы по неоконфуцианству. В 2009 г. вышел в свет сборник о философском наследии Чжоу Дуньи¹⁴⁶. В него вошли исследование неоконфуцианской традиции XI–XII вв. (А.С. Рысаков), переиздания выполненных Н.Я. Бичуриным переводов трактатов «Тай цзи ту шо» («Изъяснение Плана Великого предела») и «Тун шу» («Книга о проницаемости»), их современные переводы и исследование А.Е. Лукьяновым. В книге приводятся параллельные поэтические и прозаические переводы эссе Чжоу Дуньи. Помимо этого, в 2013 г. в серии издан сделанный А.С. Рысаковым прокомментированный перевод трактата «Чжэн мэнь» («Исправление неразумных») неоконфуцианского мыслителя Чжан Цзяя¹⁴⁷.

Примечательным событием стала публикация в этой серии китайской классической книги «Шан шу» («Чтимая книга») в переводе и с комментариями В.М. Майорова. Эта книга – древняя часть конфуцианского набора канонических текстов, она известна под более поздним китайским наименованием «Шу цзин» («Канон писаний»). В приложении к переводу подробно рассмотрены история текста в Китае, традиция его комментирования, а также имеющийся опыт перевода книги на европейские языки. «Не будет большим преувеличением сказать, что «Шан шу» до определенной степени сделала предков китайцев китайцами, т.е. научила их думать и чувствовать по-китайски, дала духовную основу китайской нравственности, заложила привычки общественной жизни»¹⁴⁸.

В последние годы отечественные исследователи проявили значительный интерес к тексту «Сань цзы цзин» («Троесловие»), многие века служившему в Китае задачам воспитания подрастающего поколения. Толкованию текста на фоне реалий современного китайского общества уделил внимание Ю.М. Галенович¹⁴⁹. Тематический юбилейный сборник был издан к 185-летию первого русского издания «Троесловия» в переводе Н.Я. Бичурина. В него вошли перевод самого текста и пояснения к нему, выполненные Н.Я. Бичуриным, а также два современных поэтических перевода «Троесловия» на русском (В.П. Абраменко) и чувашском (П.Я. Яковлев) языках¹⁵⁰.

Новым начинанием в популяризации китайских классических текстов стала публикация их поэтических переводов. В частности, появились два подобных перевода «Дао дэ цина». Л.И. Кондрашова подготовила ярко иллюстрированное издание стихотворного перевода древнекитайского трактата, приписываемого традицией Лао-цзы¹⁵¹. Перевод сопровождаются предисловие, послесловие и комментарии, в которых дается аргументированное обоснование аутентичности содержания поэтической форме перевода этого трактата. А.Е. Лукьянов и В.П. Абраменко предложили российскому читателю прозоритмический и поэтический переводы «Дао дэ цина»¹⁵². Продолжением их совместной работы стала публикация под одной обложкой научного перевода и поэтического переложения «Лунь юй» Конфуция¹⁵³.

В конце XX в. были переизданы репринтом с добавлением современных комментариев ставшие библиографической редкостью дореволюционные переводы «Мэн-цзы» и «Чуньцю»¹⁵⁴. Под одной обложкой вновь увидели свет появившиеся в начале XX в. составленные П.А. Буланже изложения жизни и учения Будды и Конфуция, в качестве

приложения к ним был добавлен очерк «Религии Китая» М. Мюллера¹⁵⁵. Очевидным недостатком данного издания стало отсутствие каких-либо пояснений относительно истории появления этих текстов, мотивов и результатов сотрудничества П.А. Буланже и Л.Н. Толстого в деле изучения восточной мудрости.

Появились и доработанные переиздания из наследия советского китаеведения. Прежде всего, следует указать на «И цзин» в переводе Ю.К. Щуцкого с исправлениями и дополнениями А.И. Кобзева¹⁵⁶. Издание вышло весьма крупным тиражом – 10 тыс. экземпляров, что стало отражением роста интереса к китайской духовной традиции за пределами научного сообщества. Также было опубликовано собрание работ историка китайской мысли В.А. Рубина. Наряду с воспроизведением старых публикаций на русском языке в него вошли переводы с английского статей языка, изданных ученым за рубежом после отъезда из СССР¹⁵⁷. Выполненное В.Ф. Феоктистовым исследование философских воззрений Сюнь-цзы было переиздано с приложением статей ученого, посвященных проблемам перевода китайских философских текстов и определения места китайской философской традиции в современном мире¹⁵⁸.

Отечественные ученые развивали намеченный В.М. Алексеевым курс на соединение синологии с иными научными дисциплинами в практике высшего образования. В 1993 г. на философском факультете РГГУ под руководством А.Е. Лукьянова (в то время работавшего в РГГУ) была открыта специализация по изучению китайской философии и китайского языка, к преподаванию был приглашен В.Ф. Феоктистов. А.Е. Лукьянов и В.Ф. Феоктистов разработали программу курса лекций по истории китайской философии для философских факультетов вузов¹⁵⁹. Ныне А.Е. Лукьянов продолжает активную работу по созданию учебных пособий по китайской философии¹⁶⁰.

Новым творческим опытом на пути сближения двух дисциплин стало создание в 1998 г. на философском факультете Санкт-Петербургского государственного университета специализированной кафедры философии и культурологии Востока. Первым руководителем этой кафедры стал авторитетный исследователь китайского даосизма и буддизма Е.А. Торчинов.

ИЗУЧЕНИЕ КИТАЙСКОЙ МЫСЛИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Отечественные исследователи последовательно продолжали работу, нацеленную на выявление места китайской философии нового и новейшего времени в контактах цивилизаций Китая и Запада. Л.Н. Борох проанализировала вклад Лян Цичао в процесс переосмысления конфуцианства под воздействием западных учений на рубеже XIX–XX вв.¹⁶¹ В центре внимания оказалась процесс перенесения ключевых понятий западной мысли в традиционную китайскую систему взглядов на этику и политику. Под влиянием идей Бокля, Монтескье и Руссо Лян Цичао призывал превратить китайцев в «народ-гражданин» (*гоминь*), активизировать у людей их «изначальный дух» (*юань ци*), для чего было необходимо воспитывать новые жизненные ценности независимости, свободы, конструктивного эгоизма, уверенности в себе и способности управлять собой. Мыслитель подчеркивал, что только независимые личности, не стремящиеся опираться на других, смогут бросить вызов традиционной стратификации и создать современное сообщество. «В конструктивном эгоизме, т.е. в активных действиях человека, отстаивающего свой интерес, Лян Цичао увидел одну из причин возвышения Запада, а также одно из условий выживания китайской нации и ее оформления в правовое государство»¹⁶².

Идея активного участия людей в историческом процессе вела к оправданию разрушения, направленного на освобождение народа от подчинения, а также к острой критике воспитанных в условиях абсолютизма негативных черт характера китайцев (невежество,

рабство, себялюбие). В трактате «Синь минь шо» («Учение об обновлении народа») Лян Цичао сформулировал новые требования: развитие национализма для защиты от произвола иностранных держав, принятие идеи «права сильного», отказ от прежнего акцента на воспитании у людей уступчивости и мягкости. Чтобы спасти ханьский этнос, мыслитель призывал к воспитанию у народа «общей добродетели» (*гун дэ*), нацеленной на «общую пользу».

Л.Н. Борох показала, как под влиянием драматических событий внутри Китая Лян Цичао пересмотрел свои взгляды: он отказался от европейских идей «общественного договора» и республиканского правления в пользу усиления роли государства и ограничения индивидуальной свободы. Мыслитель пришел к выводу, что за долгие годы монархии, и особенно при династии Цин, «личные добродетели» китайцев пришли в состояние глубокого упадка, и потому невозможно говорить о готовности людей к немедленному революционному переходу к демократии. Он отказался от принципа разрушения и стал противником анархизма, полагая, что на воспитание у людей новых возвышенных целей потребуются десятилетия, как и на укоренение в Китае заимствованных на Западе этических норм. Рассмотренный в книге на примере эволюции идей Лян Цичао процесс перехода от увлечения западничеством к осторожному консерватизму представляет большой интерес, поскольку подобная смена воззрений не раз происходила среди китайских интеллектуалов в последующие десятилетия.

Понимание идейных процессов в Китае в конце XIX – начале XX в. расширила публикация Д.Е. Мартынова, посвященная Кан Ювэю¹⁶³. В книгу вошел полный перевод «Автобиографии» мыслителя и политического деятеля, охватывающей события от детства и юности Кан Ювэя до реформаторского движения 1898 г. и его поражения. Дополняет этот текст биография Кан Ювэя, написанная его внуком Ло Жунбаном, она охватывает период 1898–1927 гг. В подробном авторском предисловии, посвященном рассмотрению взглядов мыслителя, Д.Е. Мартынов охарактеризовал его как «конфуцианского утописта эпохи декаданса»: «Кан Ювэй оказался самым последовательным конфуцианцем среди современников – сторонником срединного пути постепенного преобразования политических институтов и социального строя страны как средства ее сохранения и возрождения»¹⁶⁴. Избрав популярный стиль изложения материала, автор осветил политические взгляды Кан Ювэя, его личностные характеристики, его отношение к конфуцианской традиции и утопические воззрения. В частности, он указал на двусмысленность исходной трактовки Кан Ювэя, в которой «всемирное единение практически неотличимо от китайского национализма»¹⁶⁵.

Были достигнуты новые результаты в изучении китайской неотрадиционалистской философии XX в. А.В. Ломанов исследовал теоретическое наследие видного современного китайского ученого Фэн Юланя¹⁶⁶. Комплексное изучение философских и историко-философских воззрений мыслителя представляет большой интерес для понимания эволюции отношения к традиции в современном Китае. В республиканский период мыслитель мечтал о синтезе китайской и западной традиций, после образования КНР искал пути совмещения китайской традиции с марксизмом, потом резко критиковал конфуцианство, а в период реформ на склоне лет пришел к выводу, что главное содержание китайской мудрости – учение о примирении противоречий и переходе от вражды к гармонии. Понимание об эволюции его воззрений важно и для выявления влияния Фэн Юланя на зарубежные представления о китайской философии. На Западе его историко-философские труды в английском переводе широко известны с 1930–1940-х гг., в 1990-е гг. работа Фэн Юланя вышла и на русском языке¹⁶⁷.

В российской философской синологии появилась новая исследовательская тема – современное конфуцианство, его связи с китайской традицией и западной философской культурой. Развитием работы в этом направлении стало изучение взглядов философов-традиционалистов, продолживших после 1949 г. интеллектуальное творчество за пределами материкового Китая (Моу Цзунсань, Тан Цзюньи, Цянь Му, Сюй Фугуань)¹⁶⁸. Появились

статьи, посвященные наследию китайских немарксистских мыслителей XX столетия и их трактовке китайской традиции¹⁶⁹

В 2009 г. была опубликована книга А.Б. Старостиной (Калкаевой), о философских взглядах видного конфуцианского традиционалистского мыслителя XX в. Лян Шумина¹⁷⁰. В работе были проанализированы онтология, эпистемология и теория культуры Лян Шумина, его трактовка мировой истории на фоне традиционных китайских исторических концепций. Сам мыслитель был охарактеризован как «единственный из современных конфуцианцев, который создал систематическую теорию исторического процесса, объединенную с философией культуры»¹⁷¹. По мнению исследователя, это важная черта, поскольку в последнее столетие многие конфуцианские мыслители занимались философией культуры, но не философией истории. В книге подчеркивается, что, хотя Лян Шумин представил собственную типологию культур, все же именно философия истории является наиболее репрезентативной частью его системы.

Достоинством работы А.Б. Старостиной стала попытка проследить эволюцию культурных и исторических воззрений Лян Шумина от 1920-х к 1970-м г., не останавливаясь лишь на рассмотрении его наиболее известной ранней работы «Культуры Востока и Запада и их философии». Значительный интерес представляет трактовка автором цикличности и линейности в восприятии истории, равно как и попытка определить исторические корни учения Лян Шумина – буддизм, традиционное конфуцианство и западные учения, включая марксизм. В книге подчеркнуто, что рассмотрение типологии культур Лян Шумина помогает не только понять историю конфуцианской мысли XX в., «но и дать представление о механизмах решения проблемы глобализации»¹⁷², равно как и об опасных последствиях огульной вестернизации для судеб национальных культур, – с предостережениями по этому поводу мыслитель выступал еще в 1920-е г.¹⁷³

Заметное место в работе исследователей занимали вопросы статуса конфуцианства в жизни современного Китая, его отношений с государством и официальной идеологией. Л.С. Переломов в своих публикациях развивал мысль о том, что благодаря политике Дэн Сяопина, «в противоположность японскому *конфуцианскому капитализму*, Китай будет строить *конфуцианский социализм*, формально называемый «социализмом с китайской спецификой»»¹⁷⁴.

Исследователь современной китайской философии и идеологии В.Г. Буров также указал на превращение конфуцианства в одну из основных составляющих духовной культуры современного китайского общества. Ученый отметил, что в китайских исследовательских кругах сформировался консенсус в отношении трактовки роли конфуцианства в современном развитии страны – это квинтэссенция традиционной культуры, движущая сила модернизации и духовная сила обновления общества. «Конфуцианство нельзя рассматривать как обычное философское учение или научную теорию, это компендиум вечных универсальных истин, которые верны во всех обстоятельствах и при всех общественных режимах. С самим его содержанием связана жизненность конфуцианского учения. Выступая как моральная философия, оно воспитывает людей в духе высоких нравственных идеалов, делает их нравственно совершенными, осознающими свое общественное предназначение, свой профессиональный и семейный долг»¹⁷⁵. По мнению исследователя, в КНР «время нигилистического отношения к отечественным духовным и философским традициям кануло в лету. Не исключено, что в обозримом будущем мы увидим в Китае феномен конфуцианского марксизма, т.е. конфуцианизацию марксистского учения»¹⁷⁶. В одной из последующих публикаций В.Г. Буров заметил, что участники китайских дискуссий о модернизации и духовной традиции стараются обойти стороной вопросы возможного обогащения марксизма элементами конфуцианства или их совмещения в едином учении. «Но возможность такого заимствования, видимо, не исключена, учитывая появление в 1980-е годы концепции «социализма с китайской спецификой»...»¹⁷⁷

Изучение связи современной китайской политики с традиционным наследием опирается на исследования философии Мао Цзэдуна, проведенные в советский период¹⁷⁸. Ученые тогда обращали внимание на волюнтаризм и субъективизм китайского руководства, поддерживавшего идеалы казарменного социализма бедности и философии бунта. Отечественные исследователи указывали, что одностороннее внимание Мао Цзэдуна к принципу «раздвоения единого» (*и фэнь вэй эр*) привело его к выводам о том, что «разрешение противоречий вообще невозможно», «необходимо искусственно создавать противоречия», а «если противоречий нет, их необходимо создать»¹⁷⁹. Китайский лидер полагал, что последствия искусственно созданных противоречий следует решать с помощью проведения политических кампаний на базе единой идеологической позиции.

Жизнь подтвердила корректность критики субъективного волюнтаризма идей Мао Цзэдуна, которую с конца 1950-х по 1970-е гг. вели отечественные ученые-китаисты. Вместе с тем исследователи признали справедливость и разумность тезиса о необходимости увязки общих идей марксизма-ленинизма с конкретной спецификой Китая, оценив китаизацию марксизма-ленинизма в качестве вклада в общую теорию марксизма-ленинизма. В период реформ в КНР углубилось понимание важности роли традиции в происходящих в стране процессах. Вместо прежнего «раздвоения единого» на первое место вышли задачи гармонизации противоречий в обществе, когда согласно принципам китайской диалектики «два соединяются в одно» (*хэ эр эр и*). В первом десятилетии XXI в. китайское руководство провозгласило курс на гармонизацию общества и создание более гармоничных международных отношений.

Эти проблемы заинтересовали исследователей молодого поколения, получивших кандидатские степени в 2000-е гг. А.В. Аллаберт попыталась обобщить и систематизировать различные трактовки конфуцианства в современном китайском обществоведении, проследить их связь с официальной идеологией КПК¹⁸⁰. Было высказано предположение, что внедрение конфуцианства в общественную жизнь уже вышло за пределы фрагментарного заимствования его отдельных аспектов (культивирование морали, внимание к практике, лозунг «народ как основа», пропаганда неподкупности чиновников). «На современном этапе развития общества и государства в Китае эти концепции начали разрабатываться как единая система ценностей, обогащенная особенностями развития современного китайского общества»¹⁸¹.

Исследователь подчеркнула абсолютные «вневременные» и «непреходящие» культурные характеристики конфуцианства, выступающего в современном Китае как источник стабильности и устойчивости власти и вместе с тем как инструмент реформ и развития культуры. Интерес китайских обществоведов к конфуцианству растет, однако их усилия носят ограниченный и фрагментарный характер, проблема формирования целостного взгляда остается нерешенной. «Вместе с тем конфуцианские принципы, которые используются в политической практике современного Китая, выступают в качестве комплекса идей, отчасти связанных с “современным постконфуцианством”, что дает основание говорить о *новом этапе* в развитии конфуцианской доктрины»¹⁸².

В своем исследовании¹⁸³ Д.Е. Мартынов убедительно проанализировал взаимодействие национальной самобытности и значения сохранения самоидентичности культуры в условиях тесных глобалистских связей. Указав на проведение в КНР крупномасштабных конференций на конфуцианские темы и создание структур, поддерживающих изучение и пропаганду конфуцианского наследия, он заключил, что «конфуцианский ренессанс стал органической частью построения социализма с китайской спецификой»¹⁸⁴. Исследователь также сделал вывод о сохранении воздействия традиционных подходов на процесс модернизации в Китае: «Методология неоконфуцианства продолжает оказывать воздействие на теоретический курс КПК на современном этапе. В частности, это выражается в применении «дедуктивного подхода» по отношению к социальным проблемам: в идеократическом

обществе идеологическое воздействие превалирует над собственно институтами...»¹⁸⁵ Он также отметил, что в начальный период реформ в Китае были унаследованы традиции массовых кампаний Мао Цзэдуна, однако их содержание, методы проведения и цели изменились: «Отныне функцией массовой индоктринации становилось в значительной степени возвращение к общеконфуцианской системе ценностей с приоритетом понятий социальной и экономической стабильности, консенсусного разрешения конфликтов и т.п.»¹⁸⁶.

Проблемы современной конфуцианской мысли на фоне духовных поисков китайского общества рассмотрены в книге А.П. Шилова¹⁸⁷. На основе публикаций китайских авторов был показан сложный и многогранный характер разворачивающихся культурно-философских дискуссий. С одной стороны, в конфуцианском традиционализме видят ресурс для создания новой этики человечества. С другой стороны, конфуцианство критикуют за чрезмерное внимание к семье в ущерб осознанию человеком интересов общества и государства, следствием чего стала утрата китайцами «общественного духа». Желание найти новый фундамент для сплочения общества сопровождается повышением интереса к моральным поучениям конфуцианства. На основе рассмотрения взглядов представителей современной конфуцианской мысли (Цзян Цин, Ду Вэймин, Тан Дуаньчжэн, Чэнь Мин, Лю Шусянь и другие) А.П. Шолов указал на их стремление найти в конфуцианстве духовные ресурсы для решения глобальных социальных и экологических проблем. На страницах книги также затронут спор о том, является ли конфуцианство религией и нужны ли в современной жизни понятия о высшем. Отечественные исследователи активно обсуждают вопросы специфики трактовки религии ведущими конфуцианскими мыслителями современности (Тан Цзюньи, Моу Цзунсань, Ду Вэймин), указывавшими, что западные формы религии как трансцендентного не являются универсальными, поскольку в Китае религия смыкается с философией и занимается проблемами человека и жизни¹⁸⁸.

Современная китайская философия неизменно присутствовала в поле зрения отечественных исследователей. Важным событием стала публикация тематического номера журнала «Вопросы философии» (2007. № 5), полностью посвященного китайской философии. На его страницах увидели свет статьи китайских ученых, посвященные философскому осмыслению общественных процессов, проблемам философии науки и техники, наследия русской и советской философской мысли. Весьма насыщенным оказался историко-философский раздел журнала, где были опубликованы статьи «Язык и мышление в древнем Китае» (А.А. Крушинский), ««Книга перемен» и семантическое кодирование» (В.Е. Еремеев), «Марксизм и проблемы онтологии» (Ю Сюаньмэн), «Новое понимание философских идей Мао Цзэдуна» (Не Юаньдун), «Заметки о западном марксизме» (Чэ Юйлинь).

Также следует обратить внимание на статьи известных китайских исследователей, переведенные и прокомментированные отечественными учеными. Подготовленные на высоком научном уровне, публикации служат хорошим подспорьем при анализе современной китайской мысли. В частности, в журнале «Проблемы Дальнего Востока» была опубликована содержательная обзорная статья профессора Го Циюна об изучении современного конфуцианства в КНР в переводе А.Б. Старостиной (Калкаевой)¹⁸⁹. На страницах «Вопросов философии» вышла не менее интересная публикация китайского ученого Цянь Сюня, посвященная проблемам соединения марксизма с китайской традицией, в переводе и со вступительной статьей В.Г. Бурова¹⁹⁰.

ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЛИГИЙ КИТАЯ

Научные традиции изучения китайских религий сформировались в отечественном китаеведении еще в XIX в. Служивший в Российской духовной миссии в Пекине архимандрит Палладий (П.И. Кафаров) занимался исследованием истории буддизма, а также мусульман-

ства и христианства в Китае. Труды В.П. Васильева оказали большое влияние на последующее изучение буддизма и даосизма. В начале XX в. в России сформировалась авторитетная школа исследования буддизма (Ф.И. Щербатской, С.Ф. Ольденбург, О.О. Розенберг).

Во второй половине XX в. в нашей стране развернулась работа по изучению китайских народных религий и тайных сект¹⁹¹. Эта тема была продолжена в монографии Е.Б. Поршневой об идеологии средневековых тайных обществ¹⁹². Работа посвящена феномену китайского сектантства и его связям с буддизмом и даосизмом. Автор подчеркнула неизбежный характер конфликта эсхатологии сектантства с государством, для которого борьба с ересями стала ответом не только на проявления неповиновения и бунта, но и на вызов со стороны иных систем верований и ценностей, в том числе на подмену сектантами традиционных родственных уз и верности государю идеей принадлежности к общине единомышленников. Тем не менее, китайские секты оказались весьма живучими благодаря присутствию в их учениях доктрины спасения.

В новаторском исследовании К.М. Тертицкого¹⁹³ были рассмотрены традиционные основы ментальности китайцев, их социальной и религиозной жизни. Состояние традиционной системы ценностей и связанных с ней религиозных и социальных феноменов было проиллюстрировано обильными фактическими материалами конца 1970-х – начала 1990-х гг., отразивших ситуацию в материковой части Китая, в Гонконге и на Тайване. В работе использовано много количественных данных, которые стали основой для обобщений в области этнопсихологии. Отдельная глава книги посвящена религиозному сознанию современных китайцев, положению буддизма, даосизма и христианства, состоянию синкретических религий и народных верований. Большое внимание уделено изучению положения институтов традиционной китайской социальной культуры, во всех разделах книги ключевое место занимает фактор этнического самосознания и его влияние на восприятие китайцами ценностей, религиозных процессов, иных этносов. Автор сделал вывод, что основные элементы традиционной религиозной системы сохраняются и развиваются, при этом большинство населения хранит верность синкретическим народным верованиям.

Позднее К.М. Тертицкий опубликовал обобщающее исследование феномена китайских синкретических, или «тайных», религий в XX в.¹⁹⁴ Ученый напомнил, что помимо буддизма и даосизма в религиозной жизни китайцев присутствуют сотни течений, продемонстрировавших свою жизнеспособность на фоне гонений со стороны властей. В книге описаны два десятка важнейших китайских «тайных» религий XX в., приводится содержательная информация об их истории, вероучении, иерархической структуре, о религиозной практике, об опыте взаимоотношений с властями, нынешнем состоянии в материковом Китае, на Тайване, в Гонконге и Сингапуре. В работе прослеживается связь подъема синкретических религий с социальными переменами прошлого столетия, питавшими в народе эсхатологические настроения.

Исследователь указывает на устойчивость общин, которые сумели пережить гонения и вновь добиться широкого распространения в ряде районов Китая, сохранив религиозную практику и воззрения. «Народные тайные религии» оказались жизнеспособными, поскольку предлагали людям в период социальной нестабильности простые и привлекательные нравственные ориентиры. «Вероучение синкретических религий зачастую было обращено к китайскому крестьянину, стоявшему во многом вне элитарной культуры империи, но одновременно ощущавшему свою причастность к ней»¹⁹⁵. Автор счел выдвинутые в адрес «тайных» религий обвинения в сектантстве необоснованными, предположив, что в перспективе эти учения могут вновь обрести заметное место в общественной жизни после их легализации в материковом Китае.

Теме китайского религиозного синкретизма был посвящена работа А.Д. Зельницкого¹⁹⁶. Он поставил вопрос о правомерности применения термина «религиозный синкретизм» ко всему комплексу китайских верований и учений, призвав уточнить это понятие: «...

следует ли его относить к феноменам, присущим исключительно культурным традициям низовых слоев населения, идет ли речь о результате взаимодействия «трех учений», или, возможно, его можно применять как описание типологической особенности всей духовной культуры Китая»¹⁹⁷. На основании рассмотрения истории даосско-буддийского взаимодействия и анализа особенностей использования буддийской терминологии в даосских текстах XVIII в. на примере трактата Лю Хуаяна «Хуэй мин цзи» («Канон мудрости и жизненности») автор пришел к выводу, что отношения власти, буддизма и даосизма не всегда носили религиозный характер и «есть основания охарактеризовать данную систему скорее как эклектичную, но далеко не всегда синкретичную»¹⁹⁸.

Возможность проведения обследований в Китае открыла перед исследователями новые горизонты в изучении практических аспектов современной религиозной жизни китайцев. Работа Е.А. Завидовской о храмовых объединениях и религиозной жизни крестьян основана на материалах, собранных в провинциях Шаньси и Шэньси¹⁹⁹. Проведенные опросы местных жителей, религиозных активистов и кадровых работников позволяют понять, как происходило возрождение и видоизменение религиозной практики в годы реформ. В работе рассмотрена социология религиозной жизни, связанная с совместными действиями людей по восстановлению храмов и организации храмовых праздников, с коллективным сбором пожертвований с каждого двора общины, объединенной вокруг храма. Еще больший интерес вызывает раздел книги, посвященный индивидуальному восприятию религии. Люди обращаются к божествам с просьбами о богатстве, появлении потомства, возносят молитвы о благополучии членов семьи. Некоторые просят божество помочь им сохранить накопленное богатство или уже полученную должность, местные партийные начальники тайным образом жертвуют храму деньги после повышения по службе.

Автор отмечает, что многовековая традиция взаимодействия с потусторонним миром остается массовой, люди просят божества о помощи, совершают ритуалы для того, чтобы поддержать сложившееся равновесие и избежать вмешательства негативных сил в этой жизни, равно как и наказания в загробном мире. Китайские крестьяне испытывают потребность в чуде как подтверждении эффективности культа, «проявления божественной воли» становятся стимулами для возрождения храмов. Происходящие в обществе перемены оказывают влияние на религиозную сферу, личное паломничество и обращение к божествам начинают преобладать над традиционным коллективным поклонением. После периода гонений произошло обеднение и упрощение верований, многие смыслы религиозного ритуала стали непонятными. Людей убедили в том, что их вера – «предрассудок», но они не хотят от нее отказываться, страшась кары божества. Исследование показало, что ими движет не только прагматизм, но и искреннее стремление к самосовершенствованию через религию. Об «отмирании» религиозной жизни в Китае говорить пока не приходится. «С процессом модернизации страны ритуалы и храмовые мероприятия не только не угасают, но, напротив, питаемые появившимися в деревне свободными частными средствами, набирают силу и масштаб»²⁰⁰.

К сферам философии и религиоведения относятся книги Л.Е. Янгутова. Большой интерес представляет его исследование проблем единства, тождества и гармонии в философии китайского буддизма²⁰¹. В центре монографии находится авторская трактовка «истинно сущего» как центральной проблемы китайского буддизма, с этой позиции Л.Е. Янгутов рассмотрел учения школ Фасян, Сяньлунь, Тяньтай и Хуаянь. Исследователь уделил значительное внимание процессу формирования представлений о единстве и гармонии мира, об их связи с пониманием пути спасения. Отдельная глава посвящена анализу «истинно сущего» в контексте религиозной практики китайского буддизма. Автор подчеркивает, что буддисты отрицали индивидуальное Я человека как причину страдания, но при этом утверждали его истинную «сущую» природу как нечто реальное, подлинное и наличествующее в действительности.

Другая работа Л.Е. Янгутова²⁰² знакомит читателя с наиболее популярными сочинениями школ китайского буддизма. Подборка текстов раскрывает учение о дхармах, проблемы истинного, единства, тождества и гармонии. Большой интерес представляет помещенный в издании в качестве приложения «словарь терминов, понятий китайского буддизма, имен будд, боддхисаттв и буддийских мыслителей»²⁰³.

Продолжением проводимых Л.Е. Янгутовым исследований философии китайского буддизма стала монография, раскрывающая процесс становления праджняпарамитских традиций в Китае²⁰⁴. Автор рассмотрел культурные факторы, влиявшие на сотериологические предпочтения китайцев, выбравших традицию Махаяны, а также на отыскание оптимального пути перевода буддийских текстов, учитывающего смысловое богатство имеющейся китайской терминологии. Центральное место занимает трактовка «таковости» (*таохата*) и связанная с ней тема понимания дхарм в различных школах китайского буддизма. В книге также проанализированы вопросы соотношения истинного и феноменального, абсолютного и условного в философии Праджняпарамиты.

Расширению познаний в области философии китайского буддизма способствовала монография петербургского исследователя П.Д. Ленкова²⁰⁵. В центре внимания находится исследование истории и содержания трактата «Чэн вэй ши лунь» («Компендиум учения о только-сознании») школы фасян (*вэйши*). Автор рассматривает этот текст на фоне проблемы перевода буддийских текстов на китайский язык, большое внимание уделяется деятельности основателя школы Сюаньцзана. В монографии подробно проанализированы философские понятия виджняптиматра («только-сознание») и алая-виджняна («сознание-вместилище»), к исследованию прилагаются фрагменты трактата, впервые переведенные на русский язык.

Важным вкладом в изучение философии китайского буддизма стало издание первоисточников. В переводе И.С. Гуревич впервые были опубликованы полные тексты бесед чаньских наставников «Линь-цзи лу» и «Пан цзюй ши лу»²⁰⁶. Читателю стали доступны важные памятники китайского чань-буддизма конца дин. Тан, раскрывающие методы обретения интуитивного прозрения истины через переживание «шока» в общении с наставником.

Вышли в свет переводы избранных сутр китайского буддизма²⁰⁷. Автор предисловия и один из переводчиков Е.А. Торчинов отмечал, что «материалы сборника достаточно полно характеризуют скриптуальные («имеющиеся в Писании», т. е. в данном случае в сутрах) основы важнейших направлений развития махаянского буддизма на Дальнем Востоке»²⁰⁸. Отдельным изданием в переводе и с комментариями Е.А. Торчинова были опубликованы три основополагающих трактата китайского буддизма VI–IX в.: «Трактат о пробуждении веры в Махаяну» («Да чэн синь лунь»), Цзун-ми «О началах человека» («Юань жэнь лунь») и принадлежащий чаньскому патриарху Хун-жэню «Трактат об основах совершенствования сознания» («Сю синь яо лунь»)²⁰⁹.

В постсоветские годы Е.А. Торчинов внес заметный вклад в изучение китайского буддизма и даосизма. Он уделял большое внимание переводу и исследованию текстов китайской праджняпарамитской традиции, чаньскому наследию. Не менее существенных успехов ученый добился на поприще даологии. В 1993 г. он опубликовал фундаментальный труд о религиозных и философских аспектах китайского даосизма, его истории, космологических представлениях, связи с алхимией²¹⁰. Расширению познаний о китайской мысли способствовали выполненные Е.А. Торчиновым научные переводы даосских алхимических трактатов «Баопу-цзы» и «У чжэнь пянь»²¹¹. Проблемы внутренней и внешней алхимии даосов нашли отражение как в переводах, так и в исследованиях ученого²¹².

Специализированное изучение религиозного даосизма и древних даосских текстов проводил Центр синологических исследований Амурского государственного университета. Руководитель Центра профессор С.В. Филонов опубликовал монографию о даосской

антропологии, основанную на комплексном анализе ранних письменных памятников из книжного собрания школы Шанцин (Высшей чистоты)²¹³. Ученый подробно исследовал памятники «Хуан тин цзин» («Книга желтого дворика») и «Су лин цзин» («Канон безыскусного духа»), которые появились уже в III в. н.э. Исследователь подчеркнул, что эти тексты «впервые в истории даосизма развернуто зафиксировали концепцию антропологического космоса – систему представлений о человеке, рассматриваемом в качестве пространства экспликации главнейших сил мироздания», их важнейшей темой было названо «преодоление смерти и торжество жизни»²¹⁴.

С.В. Филонов осуществил детальную реконструкцию древнего даосского учения о поиске высшего состояния внутри человека и связанных практик визуализации божеств из внутреннего антропологического космоса. Корреляция божеств с органами физического человеческого тела (сердцем, легкими и т.д.) не превращает эти трактаты в медицинские сочинения, поскольку речь в них идет о религиозной практике освоения человеком собственного «внутреннего ландшафта» и установления контакта с населяющими его божествами. В исследовании продемонстрирована параллельность даосских взглядов на антропоцентрический космос и мироздание в целом, подробно раскрыты древние представления о возможности преодоления влияния присутствующих внутри человека «смертоносных начал».

Опубликованная в 2005 г. работа о современном положении даосской религии в Китае²¹⁵ опирается на проведенные авторами полевые исследования, включающие выборочное анкетирование, беседы с насельниками даосских монастырей, присутствие на даосских службах. Книга содержит богатую фактическую информацию о современной ритуальной практике даосов, подготовке священнослужителей, монастырской иерархии и практике приема в монастыри – в частности, указано на тенденцию к омоложению даосских священнослужителей. Материалы обследований дополняются изучением официальных документов и постановлений Всекитайской ассоциации последователей даосизма (ВАПД). Вэнь Цзянь и Л.А. Горобец отмечают, что в Китае набирает силы процесс восстановления утраченных даосских храмов и кумиров, тем временем в религиозной практике остаются распространенными гадания и ритуалы шаманского типа. Было высказано мнение о том, что в современном Китае даосизм более влиятелен, чем буддизм: «Определить реальную значимость даосизма в целом можно, лишь приняв во внимание его опосредованное влияние через указанные формы с учетом синкретических тенденций»²¹⁶. В книге рассмотрена государственная политика в отношении даосизма, включая меры по финансовой поддержке восстановления храмов и регулирование мест отправления культа, рассмотрена роль даосизма в жизни современного китайского общества. В качестве приложения представлены переводы на русский язык документов ВАПД: устава ассоциации, правил управления монастырями и временных правил управления даосами школы Чжэнъи, живущими в миру.

Исследователи ИДВ РАН сосредоточили усилия на изучении воздействия мировых религий на общественную и политическую жизнь Китая. С.А. Горбунова проанализировала феномен возрождения китайского буддизма в контексте культурно-социальной адаптации и модернизации вероучения в XX в. В центре внимания находилась социоантропологическая концепция религиозного реформатора Тайсюя, стремившегося приблизить буддизм к жизни общества и повседневным запросам людей²¹⁷.

Особое внимание С.А. Горбунова уделила исследованию выдвинутой Тайсюем теории «буддизм в жизни человека», приближающей буддизм к реальному времени, реальному человеку и реальной общественной жизни. Теоретические разработки Тайсюя, который стремился извлечь лучшее из религиозной традиции и предложить его в адаптированном виде современному обществу, внесли серьезный вклад в развитие китайского буддизма в XX столетии. По мнению С.А. Горбуновой, Тайсюй впервые сформулировал необходи-

мость создания новых моделей буддизма, соответствовавших динамике общественного развития.

С.А. Горбунова подробно исследовала проблемы взаимоотношения китайской буддийской общины с обществом и государством²¹⁸. В книге рассмотрены исторические процессы восприятия буддизма в Китае, обусловившие его устойчивость на фоне социальных перемен в XX в. и способность к возрождению религиозной структуры. Большое внимание уделено деятельности Буддийской ассоциации Китая и проблемам взаимоотношений буддийской общины и государства. Исследователь указывает, что тенденция возрождения китайского буддизма восходит ко второй половине XIX в., в республиканский период появились концепции социально ориентированного буддизма, испытавшие воздействие европейской мысли, позднее буддийские реформаторы вдохновлялись идеями марксизма. Обращаясь к проблемам наших дней, автор замечает: «Постепенно охваченное реформами общество начало поворачиваться к буддизму. В то же время и современные буддисты адекватно реагируют на вызовы времени. В результате вырисовывается форма диалога религии и власти»²¹⁹. Исследователи ИДВ РАН также уделили внимание проблеме воздействия буддийского фактора на внешнюю политику Китая²²⁰.

Проблемам взаимодействия ислама с властями Китая и обществом была посвящена работа В.С. Кузнецова²²¹. Помимо рассмотрения социально-политических вопросов ученый стремился выявить мировоззренческие и религиозные аспекты отношений между мусульманами и представителями основного течения китайской культуры. Он провел обширную работу по изучению роли религии в общественно-политической жизни Китая и внешней политике страны, выявлению мировоззренческих и духовно-религиозных аспектов отношений между мусульманами и представителями основного ханьского течения в китайской культуре. По мнению В.С. Кузнецова, общее понятие «китайская философия» в расширенном толковании должно охватывать также религиозную философию китайских мусульман и тибетцев, исповедующих ламаизм. При этом следует учитывать внутрикитайские процессы взаимодействия духовных традиций – в частности, мусульманские богословы усвоили антропологические и этические представления конфуцианцев, подчинив их заповедям исламской веры.

В 1990-е гг. наблюдался заметный рост интереса светских и церковных исследователей к изучению наследия Российской духовной миссии в Китае²²². Если в прошлом ее деятельность рассматривали прежде всего в рамках истории развития российского китаеведения, то в новых условиях появились возможности для осмысления религиозных и культурно-цивилизационных аспектов присутствия православия в Китае. Были поставлены проблемы изучения взглядов на китайскую культуру российских миссионеров-китаеведов с учетом их православного мировоззрения, большой интерес вызвал неизвестный прежде корпус переводов православной литературы на китайский язык, выполненных служителями Миссии. Обращение к прошлому было связано и со стремлением глубже осмыслить подъем культурного традиционализма, происходивший в Китае и в России параллельно, несмотря на очевидные различия в общественно-политических укладах и траекториях развития двух стран. Символическим отражением этих процессов стало создание научно-церковного журнала «Китайский благовестник» (издание с таким наименованием публиковала в прошлом Российская Духовная Миссия), посвященного положению православных верующих в КНР, изучению истории распространения православия и западных христианских конфессий в Китае. Первый номер возобновленного журнала вышел в свет в 1999 г. После 2000 г. также был опубликован ряд книг, посвященных истории православия в Китае²²³.

Ученые уделяли большое внимание прошлому и современному положению христианских конфессий в Китае. Об истории деятельности иезуитов рассказано в работе Д.В. Дубровской²²⁴. В книге рассмотрены институциональные аспекты становления и развития иезуитской миссии, большое внимание уделено наследию Маттео Риччи, Адама

Шалль фон Белля, Фердинанда Вербиста. Кроме вклада миссионеров в ознакомление Китая с достижениями европейской науки в книге рассмотрен ряд аспектов культурной адаптации католицизма в Китае, а также возникавшие на этой почве конфликты.

Монография А.В. Ломанова представила широкую обобщенную картину восприятия и истории интерпретации китайской культуры иностранными миссионерами и китайскими христианами²²⁵. Основное место в исследовании заняла история взаимодействия идей и мировоззрений, а не развития миссионерских и церковных институтов. Автор сосредоточил внимание на изучении способов адаптации христианства к китайской культуре и выявлении ключевых постоянных компонентов этого диалога, опирающихся на неизменность библейского учения и устойчивость китайской традиции к внешним влияниям. Помимо деятельности ранних иезуитских миссий, оказавших большое влияние на формирование междивизиационных контактов Китая и Запада, в книге рассмотрены история культурной адаптации несторианства, а также развитие протестантских и католических миссий в XIX–XX вв.

Многие примечательные аспекты истории христианства в Китае и современной религиозной ситуации в стране раскрыты в книге П.М. Иванова²²⁶. Речь идет о христианском компоненте в мировоззрениях Сунь Ятсена и Чан Кайши, развитии христианства на Тайване, деятельности китайской секты христианского толка «Дом собраний» и не имеющей отношения к христианству секты «Фалуньгун». Несколько разделов работы посвящены истории православия в Китае – миссионерским переводам Нового Завета на китайский язык, деятельности православных миссионерских станом в Китае в начале XX в., а также истории возникновения Московского подворья Российской Духовной Миссии.

А.Г. Алексанян выполнил первое специализированное исследование истории манихейства в Китае²²⁷. Он изучил проблемы культурной и мировоззренческой адаптации этой религии, провел тщательное исследование терминологии манихейских текстов на китайском языке. В приложение к книге вошли переводы двух основных сохранившихся документов («Краткое изложение учения и обрядов Мани, Будды света» и «Трактат Пельо»).

Итоги и перспективы изучения китайской философии в России

В постсоветский период отечественные исследователи, опираясь на достижения предыдущих десятилетий, унаследовали и развили лучшее из уже сформировавшейся научной традиции изучения китайской философии. Они сумели преодолеть проявлявшуюся прежде идеологическую ангажированность в поисках лишь материалистических идей в истории китайской мысли, расширили спектр своих научных изысканий. Это позволило избавиться от односторонности в подходах к истории китайской культуры в целом и дать максимально полную многоцветную палитру развития китайской философии и духовной культуры в целом.

Наиболее значимым и весомым достижением в новом тысячелетии стало создание комплексной энциклопедии «Духовная культура Китая». Среди определяющих направлений работы отечественных исследователей китайской философии и религии в постсоветские годы были создание обобщающих справочно-энциклопедических изданий, изучение воздействия китайской философии на формирование облика китайской цивилизации, исследование современной роли конфуцианства, выявление специфики теоретико-методологических оснований китайской традиционной мысли, изучение наследия неоконфуцианства, роли китайской философии нового и новейшего времени в контактах цивилизаций Китая и Запада, исследование практических аспектов современной религиозной жизни в Китае.

Подводя итоги развития российских исследований китайской философии в последние три десятилетия XX в., В.Ф. Феоктистов обоснованно указал на переход от описания духовных процессов развития китайского общества к рассмотрению национальной специфики китайской философской культуры в контексте мировой духовной цивилизации. Среди движущих причин подъема интереса к компаративистским исследованиям было ощущение кризиса западной духовной культуры и сложные переходные процессы внутри России. Выявление специфики методологии традиционной китайской философии привело российских исследователей к более глубокому осмыслению старой проблемы синтеза философий Китая и Запада. «В этот период впервые в российском китаеведении была поднята важнейшая проблема методологических особенностей китайской классической философии, ее сравнения и отличия от методологических оснований западной философской традиции»²²⁸.

Китайские исследователи также обратили внимание на специфику постсоветского контекста восприятия китайской философии. Профессор Чжу Дацю (Сычуаньский институт иностранных языков) указала четыре причины активизации изучения китайской философии в России начиная с 1990-х гг. Во-первых, это были «практические потребности», обусловленные тем, что после распада СССР в стране возник кризис социальной идеологии и упадок ценностей. На этом фоне в России появилась мотивация для обращения к зарубежным духовным и культурным ресурсам, включая китайскую философию. Во-вторых, упадок западной культуры в период глобализации еще больше оттенил «уникальную духовную привлекательность» китайской философии для российской интеллектуальной элиты. В-третьих, внимание к китайской философии подпитывают успехи Китая в экономическом развитии и социальных преобразованиях. В-четвертых, движителем интереса к китайской духовной культуре в России стало поступательное развитие российско-китайских отношений²²⁹.

Профессор Чжу Дацю обоснованно отмечает, что тенденции специализации и профессионализации явно проявились в постсоветских исследованиях китайской философии в России. Труды ученых повысили влияние китайской философии и китайской культуры в российском обществе, китайская философия вышла за пределы научных кругов, что особенно заметно на примере широкого интереса к Конфуцию и конфуцианству²³⁰.

В постсоветский период исследователи стали уделять больше внимания выявлению связи китайской традиции и современности, китайской философии и китайской цивилизации. В советский период изучение китайской мысли было в значительной мере сосредоточено на отдельных текстах, исторических периодах, школах и категориях. Эти исследования были продолжены. Вместе с тем очевидным образом обозначилась потребность в обсуждении современного значения китайской мысли как для развития мировой цивилизации, так и для духовных перспектив развития китайского общества.

Эти процессы сопровождались заметным ростом интереса к конфуцианству. По мнению Л.С. Переломова, в трактовке конфуцианства в России можно выделить два этапа, водоразделом между ними стал конец 1980-х гг. «Качественное отличие этих двух этапов заключается в том, что если в прошлом Россию интересовала в конфуцианстве проблема воспитания идеальной личности, духовный мир человека, то сейчас в центре внимания оказалась проблема управления обществом и государством – конфуцианские принципы взаимоотношения правительства и народа»²³¹.

Отечественные исследователи уделяли большое внимание цивилизационной и философской подоплеке устойчивости современного Китая, особенно заметной на фоне распада СССР. Существенно вырос интерес к осмыслению практики «китаизации» иностранной культуры и ее адаптации к основному течению духовной культуры Китая, сохраняющему свою самобытность. Раскрытие коренящихся в традиционной философии способностей китайской элиты формировать линию развития страны исходя из долгосрочных национальных интересов и направлять процессы гармонизации культур представляло непо-

средственное значение для выработки механизмов приспособления российской культуры к вызовам глобализации.

В 1990-е гг. в гуманитарных исследованиях в нашей стране происходило ускоренное наверстывание упущенного в предыдущие десятилетия. Авторитетный специалист по истории западной философии Н.С. Юлина указывает, что после распада СССР в российской философии сформировался заметный «культурологический крен». «В начале 90-х годов такой крен был закономерен и оправдан: это был этап освоения мирового духовного наследия. Усилия многих философов были брошены на заполнение культурного вакуума, на переиздание русской классики, на переводы западных и восточных авторов»²³².

Эти тенденции в определенной степени проявились и в изучении китайской философии. Помимо указанной тенденции роста внимания к современному значению китайской культуры, и в особенности конфуцианства, развернулись процессы освоения и переосмысления прежних достижений в области изучения китайской философии. Работа над словарно-энциклопедическими изданиями стала поводом для взгляда в прошлое и подведения итогов развития российского китаеведения, систематизации накопленных исследовательских материалов. Благодаря репринтам и дополненным переизданиям читатель получил возможность познакомиться с основными исследованиями китайской философии и культуры, опубликованными в России в XIX в., – работами В.П. Васильева, С.М. Георгиевского, Н.Я. Бичурина, В. Грубе. Имя позабытого талантливого исследователя неоконфуцианской философии Н.И. Зоммера (1823–1847) вернулось в научный оборот благодаря усилиям Д.Е. Мартынова. Ценный с исторической и научной точек зрения текст Н.И. Зоммера «Об основаниях новой китайской философии» (1852) был переиздан в качестве приложения к учебнику основ конфуцианства²³³.

Стремление осознать цивилизационную специфику России на фоне китайской традиции отразилось в разработанной в первой половине 1990-х гг. неоевразийской концепции М.Л. Титаренко, ставшей важным этапом формирования постсоветской исследовательской программы в области изучения цивилизаций Восточной Азии. Изучение китайской мысли было призвано помочь сформировать всестороннюю идеологию обновления и возрождения постсоветской России, опирающуюся не только на выявление различий между цивилизациями России и Запада, но и на сопоставления российской евразийской цивилизации с цивилизациями Китая, Японии, Кореи. Работа в этом направлении открывает большие возможности для обнаружения сходства между традициями России и странами конфуцианского региона Восточной Азии, опоры на взаимное дополнение культур при развитой связях с этими странами. «Идеи человеколюбия, гармония отношений между людьми, гармония человека и окружающего его естественного мира, гармония человека и государства – вот сквозные идеи, общие и российскому евразийству, и национальным идеологиям наших азиатских соседей. Из этого можно сделать вывод, что гуманизм как качество русской духовности первоначально имел широко разветвленные азиатские корни»²³⁴.

Глубокий знаток китайской традиционной духовной культуры Е.А. Торчинов отмечал, что в постсоветский период большинство населения России было склонно рассматривать свою страну как «особую евразийскую цивилизацию». Однако в СМИ господствовали «откровенные западники, тон которых при разговоре о культурах Востока иногда становится просто “киплинговским”, в духе... теорий “бремени белого человека”»²³⁵. На этом фоне в России сформировался заметный интерес к Востоку, движимый многообразными мотивами – стремлением решить собственные психологические проблемы, желанием обрести силу с помощью овладения восточными единоборствами, искренним принятием восточных религий, научными интересами, увлечением восточным искусством. «В принципе (если отбросить отдельные и в целом несущественные эксцессы) современный российский «ориентализм» есть явление скорее положительное, нежели отрицательное, способствующее расширению культурного горизонта, освобождению от шовинистической и европоцентристской ограниченности, готовности принятия иной точки зрения

и ведению межкультурного диалога, что особенно важно для многонациональной и поликонфессиональной России – великой евразийской державы»²³⁶.

После распада СССР Россия остро нуждалась в эффективной модели рыночных реформ, и это побудило ученых обратить более пристальное внимание на успехи стран и территорий Восточной Азии: Южной Кореи, Японии, Сингапура, Тайваня, Гонконга, все больший интерес вызывал быстрый экономический рост Китая. Чтобы понять истоки этого успеха, требовалось изучать цивилизационную специфику и ее связь с традиционным наследием. Стало очевидным, что китайская традиция не противоречит целям модернизации и развития, однако следовало более внимательно разобраться в том, каким образом она им помогает. В этом контексте была сформулирована новая исследовательская программа, ее основой стало «комплексное рассмотрение адаптивных способностей к модернизации и к требованиям индустриального и постиндустриального общества современной китайской цивилизации с ее многотысячелетними духовными традициями»²³⁷.

Рост глобального влияния Китая стимулировал процессы переосмысления места китайской философии и культуры в современном мире. А.И. Кобзев заметил, что быстрое развитие стран «синоиероглифического региона» опровергло былые прогнозы об их неизбежном отставании от Запада из-за несовместимости традиционных культурных ценностей с «духом капитализма». Ученый предположил, что эпоха массовой коммуникации меняет состав передачи информации, на место умопостигаемой идеи приходят визуальные образы. К этому лучше всего приспособлена синоиероглифическая культура, «взращенная на нумеролого-ассоциативных операциях с чувственными образами». Восток способен использовать достижения Запада более эффективно, чем Запад, не покидая собственного пути²³⁸.

С 1995 г. в Москве в ИДВ РАН проводится ежегодная конференция «Философии Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация». Первые три конференции проходили под названием «Китайская философия и современная цивилизация», однако запрос на обсуждение проблемы в более широком региональном формате побудил организаторов изменить название. Тем не менее центральной темой для обсуждения остается Китай, его философия и духовная культура. Эта конференция уже стала традиционной, она нашла свою «нишу» в научном сообществе наряду с ориентированным на изучение традиции авторитетным форумом «Общество и государство в Китае» (ИВ РАН) и сфокусированной на актуальных проблемах наших дней конференцией «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (ИДВ РАН).

После распада СССР возникли также новые трудности. В.Г. Буров указал на комплекс причин, которые привели к торможению набравшей обороты в последние советские десятилетия работы по переводу и изданию китайских философских текстов. Сокращение государственного финансирования научных исследований привело к существенному снижению оплаты переводов классических текстов. Ученые, которые прежде брались за такие переводы, «либо ушли из жизни, либо перестали заниматься этой сферой профессиональной деятельности», тогда как новое поколение исследователей «предпочитает обращать внимание на современные проблемы – экономические, политические и идеологические». На этом фоне в исследовательских кругах «произошло общее снижение уровня владения литературным китайским языком»²³⁹. Это серьезные и тревожные проблемы, решение которых потребует времени и значительных усилий.

Акцент на изучении китайской культуры стал частью традиции российского китайоведения в первой половине XX в. под влиянием В.М. Алексеева. Ученый призывал исследователей сосредоточить внимание на выявлении китайского культурного комплекса как единого целого, изучать частные проблемы с опорой на это целое. Он советовал не противопоставлять изучение китайской традиции исследованию современных проблем Китая, отмечая, что знание прошлого необходимо для полного и правильного понимания настоящего. Эти методологические подходы проявились в 1990-е гг. в российской пост-

советской синологии, обратившейся к углубленному изучению культурно-цивилизационных аспектов развития современного Китая.

Укрепляется понимание того, что развитие узких специальных исследований современного Китая (экономика, демография, политология и т.д.) все больше нуждается в том, чтобы эти узкие направления объединяла между собой синология как наука о целостном комплексе китайской культуры. Этим требованиям отвечает отечественная философская синология, которая сформировалась в XX в. как синтетическая дисциплина, совмещающая методы историко-философской науки с синологическим подходом, основанным на тексте и восприятии китайской культурной традиции как целостного комплекса.

Стремление к соединению знаний о прошлом с анализом актуальных вопросов современности является сильной стороной современного российского китаеведения. Можно вспомнить, что более четырех десятилетий назад на Всесоюзной научной конференции китаеведов (Москва, ноябрь 1971 г.) проблемы изучения китайской философии обсуждали в контексте исследования внутривосточных процессов в КНР. Китайские политические споры тех лет показали, «сколь необходимо нам глубже познать конфуцианство, и не только конфуцианство, но и даосизм, и легизм, и буддизм. При этом надо иметь в виду, что одинаково неверным является как идеализация конфуцианства и других идеологических систем древнего и средневекового Китая, так и одностороннее выпячивание лишь присущих им реакционных черт. Эти учения развивались, претерпевая существенные изменения как в борьбе друг с другом, так и во взаимосвязи и взаимовлиянии»²⁴⁰.

За прошедшие годы многое изменилось, конфуцианство в Китае перестало быть объектом критики. Напротив, современная китайская политика все больше опирается на идеи и ценности, сформулированные в традиции. Точное понимание выступлений китайского лидера Си Цзиньпина невозможно без знания смысла присутствующих в них многочисленных цитат из древних текстов, упоминаемых традиционных ценностных понятий и философских категорий. А это означает, что глубокий анализ экономики и политики КНР наших дней по-прежнему требует от китаеведа знания китайской философии. Культура и традиция остаются частью политики современного Китая, и потому зарубежные исследователи не могут обойтись без знания классического наследия при изучении тенденций наших дней.

Исследования китайской философии в России имеют не только общецивилизационное академическое значение. Они дают ключ к пониманию многих специфических явлений политической жизни современного Китая, например, сущности концепции китаизации идей марксизма и социализма, осовременивания идей построения гармоничного общества «сяокан» («малого достатка») – эвфемизм начальной стадии социализма) и общества «датун» («большого единства», т.е. достижения идеалов коммунизма). При этом отечественная синология поддерживает интерес к изучению многогранной и сложной палитры современной философско-политической борьбы в Китае, ее главных идейных выразителей – от Сунь Ятсена, Чан Кайши, Ху Ши, Лян Цичао, Дай Цзитао, Чэнь Лифу, Фэн Юланя, Лян Шумина и других на буржуазно-демократическом направлении до Ли Дачжао, Чэнь Дусю, Цюй Цюбо, Мао Цзэдуна, Лю Шаоци, Ян Сяньчжэня, Ай Сыци, Го Можо, Ху Цяому, Ли Теина, Фэн Дина, Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя, Ху Цзиньтао и Си Цзиньпина на левом фланге политической платформы Китая.

Примечания

¹ Алексеев В.М. Учение Конфуция в китайском синтезе // Труды по китайской литературе. В 2 кн. Кн. 2. М., 2003. С. 320–352. В.Г. Буров отмечал, что в советский период развития отечественного китаеведения это была «первая статья, посвященная китайской философии» (Буров В.Г. Изучение китайской философии в СССР // Великий Октябрь и развитие советского китаеведения. М., 1968. С. 99).

- ² *Алексеев В.М.* Учение Конфуция в китайском синтезе... С. 325.
- ³ *Петров А.А.* Философия Китая в русском буржуазном китаеведении (критико-библиографический очерк) // Библиография Востока. Вып. 7 (1934). М.–Л., 1935. С. 5.
- ⁴ Там же. С. 15.
- ⁵ *Кравцова М.Е.* История культуры Китая. 3-е изд. СПб, 2003. С. 32.
- ⁶ *Петров А.А.* Философия Китая в русском буржуазном китаеведении (критико-библиографический очерк) // Библиография Востока. Вып. 7 (1934). М.–Л., 1935. С. 28.
- ⁷ Там же. С. 6.
- ⁸ *Петров А.А.* Ван Би (226–249): Из истории китайской философии // Труды Института Востоковедения. Т. 13. М.–Л. 1936. С. 4.
- ⁹ Там же. С. 18.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ *Петров А.* Ян Чжу – вольнодумец древнего Китая // Советское востоковедение. М., 1940. № 1. С. 175.
- ¹² Там же. С. 211.
- ¹³ *Петров А.* Китайская философия // БСЭ. Т. 32. М., 1936. С. 743–755.
- ¹⁴ *Петров А.А.* Очерк философии Китая // Китай: история, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость: сб. ст. / Под ред. В.М. Алексеева, Л.Н. Думана, А.А. Петрова. М.–Л., 1940. С. 248–281.
- ¹⁵ *Петров А.А.* Ван Чун – древнекитайский материалист и просветитель. М., 1954.
- ¹⁶ *Алексеев В.М.* Наука о Востоке: ст. и док. М., 1982. С. 177.
- ¹⁷ *Щуцкий Ю.К.* Китайская классическая «Книга перемен» / Пер. и исслед., предисл. Н.И. Конрада. М., 1960.
- ¹⁸ *Алексеев В.М.* Наука о Востоке: ст. и док. М., 1982. С. 308.
- ¹⁹ *Радуль-Затуловский Я.Б.* Конфуцианство и его распространение в Японии. М.–Л. 1947.
- ²⁰ *Переломов Л.С.* Изучение проблем древнего Китая // Проблемы советского китаеведения. М., 1973. С. 96.
- ²¹ *Радуль-Затуловский Я.Б.* Конфуцианство и его распространение в Японии. М.–Л. 1947. С. 410.
- ²² *Ян Хин-шун.* Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М.–Л. 1950.
- ²³ Там же. С. 72.
- ²⁴ Там же. С. 96.
- ²⁵ *Феоктистов В.Ф.* Становление отечественной философской синологии // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999. М., 1999. С. 129.
- ²⁶ *Го Мо-жо.* Философы древнего Китая. Десять критических статей / Пер. с кит., общ. ред. и послесл. Н.Т. Федоренко. М., 1961; *Ян Юн-го.* История древнекитайской идеологии / Пер. с кит. Ф.С. Быкова, Д.Л. Веселовского, Т. Е. Мытарова, общ. ред. и вступ. ст. Ян Хин-шуна. М., 1957.
- ²⁷ История китайской философии / Пер. с кит. В.С. Таскина, общ. ред. и послесл. М.Л. Титаренко. М., 1989.
- ²⁸ *Быков Ф.С.* Зарождение общественно-политической и философской мысли в Китае. М., 1966.
- ²⁹ Там же. С. 223–224.
- ³⁰ *Феоктистов В.Ф.* Философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы: исслед. и пер. М., 1976. С. 166.
- ³¹ Там же. С. 173–174.
- ³² *Ян Хиншун.* Материалистическая мысль в древнем Китае / Предисл. М.Л. Титаренко. М., 1984.
- ³³ Там же. С. 129.
- ³⁴ *Титаренко М.Л.* Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение. М., 1985.
- ³⁵ Там же. С. 205.
- ³⁶ *Меньшиков Л.Н.* Об изучении китайских письменных памятников // Проблемы советского китаеведения. М., 1973. С. 263.
- ³⁷ *Спирин В.С.* Построение древнекитайских текстов. М., 1976.
- ³⁸ Там же. С. 213.
- ³⁹ *Кобзев А.И.* Учение Ван Янмина и классическая китайская философия. М., 1983.
- ⁴⁰ Там же. С. 252.
- ⁴¹ Там же. С. 253.
- ⁴² *Буров В.Г.* Мирозозрение китайского мыслителя XVII века Ван Чуань-шаня. М., 1976. С. 184.
- ⁴³ Там же. С. 185.
- ⁴⁴ Там же. С. 183.

- ⁴⁵ Померанцева Л.Е. Поздние даосы о природе, обществе и искусстве («Хуайнань-цзы» – II в. до н.э.). М., 1979.
- ⁴⁶ Малявин В.В. Чжуан-цзы. М., 1985.
- ⁴⁷ Конфуцианство в Китае: проблемы теории и практики. М., 1982; Дао и даосизм в Китае. М., 1982.
- ⁴⁸ Китайские социальные утопии. М., 1987.
- ⁴⁹ Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской мысли (формирование основ мировоззрения и менталитета). М., 1989.
- ⁵⁰ Семенов И.И. Афоризмы Конфуция. М., 1987.
- ⁵¹ Гусаров В.Ф. Некоторые положения теории пути Хань Юя // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1972. М., 1977. С. 197–223.
- ⁵² Рубин В.А. Идеология и культура Древнего Китая (четыре силуэта). М., 1970.
- ⁵³ Переломов Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981.
- ⁵⁴ Янгутов Л.Е. Философское учение школы Хуаянь. Новосибирск, 1982.
- ⁵⁵ Там же. С. 67.
- ⁵⁶ Абаев Н.В. Чань-буддизм и культура психической деятельности в средневековом Китае. Новосибирск, 1983; Абаев Н.В. Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск, 1989.
- ⁵⁷ Там же. С. 155–174.
- ⁵⁸ Тихвинский С.Л. Движение за реформы в Китае и Кан Ювэй. М., 1959.
- ⁵⁹ Тихвинский С.Л. Избр. произв. В 5 кн. Кн. 1: История Китая до XX века: Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ювэй. М., 2006. С. 392.
- ⁶⁰ Борох Л.Н. Общественная мысль Китая и социализм (начало XX века). М., 1984.
- ⁶¹ Там же. С. 231.
- ⁶² Сунь Ятсен. Избр. произв. / Вступ. ст. С.Л. Тихвинского. М., 1964.
- ⁶³ Сенин Н.Г. Философские и общественно-политические взгляды Сунь Ятсена. М., 1956. С. 124–142.
- ⁶⁴ Избранные произведения прогрессивных китайских мыслителей нового времени (1840–1898) / Сост. и общ. ред. Н.Г. Сениной, Ян Хиншуна; вступ. ст. Н.Г. Сениной. М., 1961.
- ⁶⁵ Ли Дачжао. Избр. произв. / Отв. ред. Н.Г. Сенин, М.Л. Титаренко. М., 1989.
- ⁶⁶ Цюй Цюбо. Очерки и статьи. М., 1959; *Он же*. Публицистика разных лет. М., 1979.
- ⁶⁷ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. В 4 т. М., 1952.
- ⁶⁸ Алтайский М., Георгиев В. Антимарксистская сущность философских взглядов Мао Цзэ-дуна. М., 1969.
- ⁶⁹ Буров В.Г. Современная китайская философия. М., 1980.
- ⁷⁰ Конрад Н.И. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве: пер. и исслед. М.–Л., 1950. *Он же*. У-цзы. Трактат о военном искусстве: пер. и коммент. М., 1958.
- ⁷¹ Штейн В.М. Гуань-цзы: исслед. и пер. М., 1959.
- ⁷² Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая / Вступ. ст, пер. и коммент. Л.Д. Позднеевой. М., 1967.
- ⁷³ Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу) / Пер. с кит., вступ. ст. и коммент. Л.С. Переломова. М., 1968.
- ⁷⁴ Там же. С. 135.
- ⁷⁵ Антология мировой философии. В 4 т. М., 1969–1973. Т. 1. Ч. 1. С. 181–261.
- ⁷⁶ Древнекитайская философия: собрание текстов. В 2 т. М., 1972–1973.
- ⁷⁷ Древнекитайская философия. Эпоха Хань / Отв. ред. В.Г. Буров, сост. Ян Хиншун. М., 1990.
- ⁷⁸ Духовная культура Китая: энциклопедия. В 5 т. + доп. 1 том / Гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 2006–2010. Т. 1: Философия. М., 2006; Т. 2: Мифология. Религия. М., 2007; Т. 3: Литература. Язык и письменность. М., 2008; Т. 4: Историческая мысль. Политическая и правовая культура. М., 2009; Т. 5: Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. М., 2009; Т. 6 (доп.): Искусство. М., 2010.
- ⁷⁹ Китай: история, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость: сб. ст. под ред. В.М. Алексеева, Л.Н. Думана, А.А. Петрова. М.–Л., 1940.
- ⁸⁰ Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999 / Отв. ред. М.Л. Титаренко. М., 1999.
- ⁸¹ Феоктистов В.Ф. Становление отечественной философской синологии // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999 / Отв. ред. М.Л. Титаренко. М., 1999. С. 129–135.
- ⁸² Алексеев В.М. Наука о Востоке. М., 1982. С. 171.
- ⁸³ Алексеев В.М. Рабочая библиография китаиста. Кн. руководств для изучающих язык и культуру Китая. СПб., 2010. С. 133.
- ⁸⁴ Там же. С. 144.

- ⁸⁵ Там же. С. 463, 468.
- ⁸⁶ Китайско-русский словарь / Под ред. проф. И.М. Ошанина. М., 1952. 1-е изд.; М., 1955; 2-е изд. испр. и доп. издание 1955, более 70 тыс. слов и выражений; Большой китайско-русский словарь по русской графической системе в четырех томах. Около 250 тыс. слов и выражений / Сост. коллективом китаистов под руководством и редакцией проф. И.М. Ошанина. М., 1983–1984.
- ⁸⁷ *Алексеев В.М.* Труды по китайской литературе. В 2 кн. Кн. 2. М., 2003. С. 263.
- ⁸⁸ Китай // БСЭ. 2-изд. 1954. Т. 21.
- ⁸⁹ Китайская философия: энциклопедический словарь / Под ред. М.Л. Титаренко. М., 1994.
- ⁹⁰ Там же. С. 9.
- ⁹¹ *Алексеев В.М.* Китайская литература (историко-библиографический очерк) // Китай: История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость: сб. ст. / Под ред. В.М. Алексеева, Л.Н. Думана, А.А. Петрова. М.–Л., 1940. С. 283.
- ⁹² Созданная иностранными учеными англоязычная «Энциклопедия китайской философии» увидела свет через десятилетие: *Encyclopedia of Chinese philosophy* / Ed. Cua A.C. New York, London, 2003. В издание энциклопедического формата объемом около тысячи страниц вошло 187 словарных статей (в более компактном российском энциклопедическом словаре «Китайская философия» их примерно в восемь раз больше). Они посвящены лишь самым крупным мыслителям и течениям, ключевым категориям мысли, объем средней статьи приближается к журнальной исследовательской публикации (5–9 тыс. слов).
- ⁹³ *Ткаченко Г.А.* Культура Китая: словарь-справочник. М., 1999.
- ⁹⁴ *Малявин В.В.* Китайская цивилизация. М., 2000.
- ⁹⁵ Духовная культура Китая: энциклопедия. В 5 т. + доп. том / Гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 2006–2010.
- ⁹⁶ Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 1: Философия / Ред. М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов. М., 2006. С. 28.
- ⁹⁷ *Кобзев А.И.* Энциклопедизм китайской культуры и энциклопедия «Духовная культура Китая» // Китай: поиск гармонии: к 75-летию академика М.Л. Титаренко. М., 2009. С. 421.
- ⁹⁸ Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 1: Философия / Ред. М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов. М., 2006. С. 13.
- ⁹⁹ Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 2: Мифология. Религия / Ред. М.Л. Титаренко и др. М., 2007. С. 13.
- ¹⁰⁰ *Долгов К.М.* Духовная культура Китая. Критический анализ и краткое изложение энциклопедии «Духовная культура Китая» (в 6 т.). 2-е изд., доп. М., 2011. С. 114–115.
- ¹⁰¹ К примеру, во второй том энциклопедии были включены восемь статей по китайской мифологии, составленные на основе материалов книги российского китаеведа и генерального консула в Пекине П.С. Попова (1842–1913) «Китайский пантеон». СПб., 1907.
- ¹⁰² *Кобзев А.И.* Энциклопедизм китайской культуры и энциклопедия «Духовная культура Китая» // Китай: поиск гармонии: к 75-летию академика М.Л. Титаренко. М., 2009. С. 428–429.
- ¹⁰³ URL: <http://www.kremlin.ru/news/11508>
- ¹⁰⁴ URL: http://www.kremlin.ru/ref_notes/959
- ¹⁰⁵ *Феоктистов В.Ф.* Становление отечественной философской синологии // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999. М., 1999. С. 132.
- ¹⁰⁶ *Титаренко М.Л.* Китайская философия и будущее китайской цивилизации // Китайская философия и современная цивилизация: сб. ст. М., 1997. С. 5–6.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 12.
- ¹⁰⁸ Китайская философия и современная цивилизация: сб. ст. М., 1997.
- ¹⁰⁹ *Феоктистов В.Ф.* Китайская классическая философия и современность (к методологической постановке вопроса) // Китайская философия и современная цивилизация: сб. ст. М., 1997. С. 34.
- ¹¹⁰ Там же. С. 37.
- ¹¹¹ *Лукьянов А.Е.* Лаоцзы (философия раннего даосизма). М., 1991; *Он же.* Истоки Дао: древнекитайский миф. М., 1992; *Он же.* Дао «Книги Перемен». М., 1993; *Он же.* Лао-цзы и Конфуций: философия Дао. М., 2000.
- ¹¹² *Кобзев А.И.* Учение о символах и числах в китайской классической философии. М., 1993.
- ¹¹³ Там же. С. 11.
- ¹¹⁴ Там же. С. 31.
- ¹¹⁵ Подробнее о различных позициях и спорах внутри структурного течения исследования китайской философии см.: *Рыков С.Ю.* Методология науки и философия. Изучение в России китайских наук,

- языков и образования // *Духовная культура Китая: энциклопедия*. В 5 т. Т. 5: Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. М., 2009. С. 662–668.
- ¹¹⁶ Крушинский А.А. Логика «И цзина»: дедукция в древнем Китае. М., 1999.
- ¹¹⁷ Там же. С. 5.
- ¹¹⁸ Карапетьяну А.М., Крушинский А.А. Современные достижения в формальном анализе «Дао дэ цзина» // *От магической силы к моральному императиву: категория дэ в китайской культуре*. М., 1998. С. 340–406.
- ¹¹⁹ Крушинский А.А. Логика Древнего Китая. М., 2013.
- ¹²⁰ Еремеев В.Е. Символы и числа «Книги перемен». 2-е изд., испр. и доп. М., 2005.; *Он же*. «Книга перемен» и исчисление смыслов: статьи, очерки, доклады. М., 2013.
- ¹²¹ Орлова Н.А. Арифмосемиотика в реконструкции В.Е. Еремеева // *Еремеев В.Е. «Книга перемен» и исчисление смыслов: статьи, очерки, доклады*. М., 2013. С. 41
- ¹²² Головачева Л.И. Изучение «Лунь юй» и гипотеза развития китайской письменности // ПДВ. 2000. № 3. С. 148–160; Головачева Л.И. Конфуций поистине непрост // *ХЛ науч. конф. ОГК*. М., 2010. С. 323–332.
- ¹²³ Личность в традиционном Китае. М., 1992.
- ¹²⁴ От магической силы к моральному императиву: категория дэ в китайской культуре. / отв. ред. Л.Н. Борох, А.И. Кобзев. М., 1998.
- ¹²⁵ Кобзев А.И. Дэ и коррелятивные ей категории в китайской классической философии // *От магической силы к моральному императиву: категория дэ в китайской культуре*. М., 1998. С. 34.
- ¹²⁶ Крицов В.А. Эстетика даосизма. М., 1993.
- ¹²⁷ Сторожук А.Г. Три учения и культура Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм в художественном творчестве эпохи Тан. СПб., 2010.
- ¹²⁸ Ткаченко Г.А. Космос, музыка, ритуал: миф и эстетика в «Люйши чуньцю». М., 1990.
- ¹²⁹ Люйши чуньцю (Весны и осени господина Люя) / Сост. И.В. Ушаков, пер. Г.А. Ткаченко. М., 2010.
- ¹³⁰ Там же. С. 61.
- ¹³¹ Малявин В.В. Молния в сердце. Духовное пробуждение в китайской традиции. М., 1997. С. 20.
- ¹³² Малявин В.В. Сумерки Дао: Культура Китая на пороге Нового времени. М., 2000.
- ¹³³ Кобзев А.И. Философия китайского неоконфуцианства. М., 2002.
- ¹³⁴ Там же. С. 48.
- ¹³⁵ О сознании (Синь): Из философского наследия Чжу Си / Пер. с кит. А.С. Мартынова, И.Т. Зографа; вступ. ст. и коммент. к пер. А.С. Мартынова, грамMAT. очерк И.Т. Зографа. М., 2002. Памятники письменности Востока. СХХII.
- ¹³⁶ Там же. С. 13.
- ¹³⁷ Там же. С. 58.
- ¹³⁸ Там же. С. 96.
- ¹³⁹ Переломов Л.С. Россия о Конфуции // *Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999*. М., 1999. С. 143.
- ¹⁴⁰ Малявин В. Конфуций. М., 1992.
- ¹⁴¹ Переломов Л.С. Слово Конфуция. М., 1992; *Он же*. Конфуций: жизнь, учение, судьба. М., 1993.
- ¹⁴² Переломов Л.С. Конфуций. «Лунь юй»: исслед., пер. с кит., коммент. М., 1998.
- ¹⁴³ Мартынов А.С. Конфуцианство. «Лунь юй». В 2 т. / Пер. с кит. А.С. Мартынова. СПб., 2001. Т. 1. Сер.: Мир Востока, 10; Т. 2. Сер.: Мир Востока, 11.
- ¹⁴⁴ Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / Пер. с кит. и коммент. А.И. Кобзева, А.Е. Лукьянова, Л.С. Переломова, П.С. Попова при участии В.М. Майорова, вступит. ст. Л.С. Переломова. М., 2004. В книгу вошли опубликованные в начале XX в. текст «Мэн-цзы» в переводе П.С. Попова, а также переводы современных исследователей – Л.С. Переломова («Лунь юй»), А.И. Кобзева («Да сюэ»), А.Е. Лукьянова («Чжун юн»).
- ¹⁴⁵ Переломов Л.С. Конфуций и конфуцианство с древности по настоящее время (V в. до н.э. – XXI в.). М., 2009.
- ¹⁴⁶ Чжоу Дуньши и ренессанс конфуцианской философии. М., 2009. В приложении воспроизводится факсимиле включенных в книгу произведений Чжоу Дуньши.
- ¹⁴⁷ Чжан Цзай. Исправление неразумных. М., 2013.
- ¹⁴⁸ Читмая книга: древнекитайские тексты и перевод «Шан шу» («Шу цзин») и Малого предисловия («Шу сюй») / Подгот. древнекит. текстов и ил., пер., прим. и предисл. В.М. Майорова, послесл. В.М. Майорова и Л.В. Стеженской. М., 2014. С. 4.
- ¹⁴⁹ Трословие: (Сань-цзы-цзин) / Пер. с кит., предисл. и примеч. Ю.М. Галеновича. М., 2010; доп. изд.: М., 2012.

- ¹⁵⁰ Сань цзы цзин (Троесловие) / Отв. ред. М.Л. Титаренко; сост. В.П. Абраменко. М., 2013.
- ¹⁵¹ *Лао Цзы*. Дао-Дэ цзин, или Трактат о Пути и Морали / Предисл., пер. с древнекит., послесловие Л.И. Кондрашовой. М., 2003.
- ¹⁵² Дао дэ цзин / Прозоритмический перевод с древнекит. и исслед. А.Е. Лукьянова, поэтический пер. В.П. Абраменко. М., 2009.
- ¹⁵³ Беседы и суждения. Лунь юй / Науч. пер. и исслед. А.Е. Лукьянова, поэтическое перелож. В.П. Абраменко. М., 2011.
- ¹⁵⁴ Китайский философ Мэн-цзы / Пер. с кит., примеч. П.С. Попова, послесл. Л.С. Переломова. М., 1998. Репринт издания 1904 г.; Конфуциева летопись «Чуньцю» («Весны и осени») / Пер. и примеч. Н.И. Монастырева, исслед. Д.В. Деопика и А.М. Карапетьянца. М., 1999. Репринт издания 1876 г.
- ¹⁵⁵ *Буданже П.А.* Будда. Конфуций. Жизнь и учение / Сост. С.В. Игошина. М., 1995.
- ¹⁵⁶ *Щуцкий Ю.К.* Китайская классическая «Книга перемен». 2-е изд., испр и доп. / Под ред. А.И. Кобзева. М.: 1993.
- ¹⁵⁷ *Рубин В.А.* Личность и власть в древнем Китае: собрание трудов / Отв. ред. А.И. Кобзев. М., 1999.
- ¹⁵⁸ *Феоктистов В.Ф.* Философские трактаты Сюнь-цзы: исследов., пер., размышления китаевода. М., 2005. 432 с.
- ¹⁵⁹ *Лукьянов А.Е., Феоктистов В.Ф.* Программа курса лекций «История китайской философии» для студентов философских факультетов высших учебных заведений России. М., 1998.
- ¹⁶⁰ *Лукьянов А.Е.* Древнекитайская философия: курс лекций. Ч. I. Становление китайской философии: Лекция 1. Миф и мифология. М., 2011; Лекция 2. Древнекитайский космос. М., 2012; Лекция 3. Архетипы культуры Дао. М., 2012; Лекция 4. Понятие философии у древних китайцев. М., 2012; Лекция 5. «Ши цзин» («Канон песен») в истоках философии. М., 2012; Лекция 6. «И цзин» («Канон перемен») – от архетипической графической системы к философскому слову. М., 2012; *Лукьянов А.Е., Абраменко В.П., Хуан Лилян.* Лунь юй («Суждения и беседы»): учебное пособие для старшеклассников, учащихся колледжей, студентов. М., 2012.
- ¹⁶¹ *Борох Л.Н.* Конфуцианство и европейская мысль на рубеже XIX–XX веков. Лян Цичао: теория обновления народа. М., 2001.
- ¹⁶² Там же. С. 55.
- ¹⁶³ *Мартынов Д.Е.* Кан Ю-вэй. Казань, 2010.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 7.
- ¹⁶⁵ Там же. С. 90
- ¹⁶⁶ *Ломанов А.В.* Современное конфуцианство: философия Фэн Юлани. М., 1996; *Он же.* Судьбы китайской философской традиции во второй половине XX века. Фэн Юлань и его интеллектуальная эволюция // ИБ ИДВ РАН. М., 1998. № 1.
- ¹⁶⁷ *Фэн Ю-лань.* Краткая история китайской философии / Науч. ред., предисл. Е.А. Торчинова, пер. с англ. Р.В. Котенко. СПб., 1998.
- ¹⁶⁸ *Ломанов А.* Постконфуцианская философская мысль Тайваня и Гонконга: 50–70-е годы XX в. // ПДВ. М., 1993. № 5. С. 118–128; *Он же.* Современная философия на Тайване: тенденции и перспективы // ПДВ. 1995. № 3. С. 119–130.
- ¹⁶⁹ *Киселев В., Юркевич А.* Становление современного понимания философии в Китае и творчество Ху Ши // ПДВ. М., 2006. № 5. С. 146–155; *Ломанов А.* Хэ Линь и современное конфуцианство // ПДВ. 1999. № 5. С. 125–136.
- ¹⁷⁰ *Старостина А.Б.* Философия истории Лян Шумина. М., 2009.
- ¹⁷¹ Там же. С. 4.
- ¹⁷² Там же. С. 212
- ¹⁷³ См. также: *Лян Шумин.* В чем специфика китайской культуры? / Пер. с кит. А. Калкаевой // ПДВ. М., 2004. № 4.
- ¹⁷⁴ *Переломов Л.С.* Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М., 2007. С. 213.
- ¹⁷⁵ *Буров В.Г.* Китай и китайцы глазами российского ученого. М., 2000. С. 118.
- ¹⁷⁶ Там же. С. 151–152.
- ¹⁷⁷ *Буров В.Г.* Модернизация и духовные традиции в Китае // Китай: поиск гармонии: к 75-летию академика М.Л. Титаренко. М., 2009. С. 459.
- ¹⁷⁸ *Румянцев А.М.* Истоки и эволюция «идей Мао Цзэ-дуна» (об антимарксистской сущности маоизма). М., 1972; *Алтайский М., Георгиев В.* Антимарксистская сущность философских взглядов Мао Цзэ-дуна. М., 1969.
- ¹⁷⁹ *Алтайский М., Георгиев В.* Антимарксистская сущность философских взглядов Мао Цзэ-дуна. М., 1969. С. 105

- ¹⁸⁰ *Аллаберт А.В.* Место конфуцианства в модернизации Китая (конец XX – начало XXI века). М., 2008.
- ¹⁸¹ Там же. С. 196.
- ¹⁸² Там же. С. 196–197.
- ¹⁸³ *Мартынов Д.Е.* Конфуцианское учение и маоизм: из истории социально-политической теории и практики Китая в XX веке. Казань, 2006.
- ¹⁸⁴ Там же. С. 303.
- ¹⁸⁵ Там же. С. 309.
- ¹⁸⁶ Там же.
- ¹⁸⁷ *Шилов А.П.* Конец древности: О духовном кризисе современного китайского общества и поиске новых ценностей. М., 2009.
- ¹⁸⁸ *Забияко А., Хаймурзина М.* Понятие «религия» в трудах современных конфуцианцев // ПДВ. М., 2014. № 1. С. 124–133.
- ¹⁸⁹ *Го Циюн.* Исследования современного конфуцианства в КНР / Пер. с кит. А. Калкаевой // ПДВ. М., 2008. № 1. С. 119–133.
- ¹⁹⁰ *Буров В.Г.* Марксизм и конфуцианство // ВФ. М., 2011. № 6. С. 144–147; *Цянь Сюнь.* Мое скромное мнение о соединении марксизма с традиционной китайской культурой // ВФ. М., 2011. № 6. С. 148–157.
- ¹⁹¹ *Поршнева Е.Б.* Учение «белого лотоса» – идеология народного восстания. 1796–1804 гг. М., 1972.
- ¹⁹² *Поршнева Е.Б.* Религиозные движения позднесредневекового Китая: Проблемы идеологии. М., 1991.
- ¹⁹³ *Тертицкий К.* Китайцы: традиционные ценности в современном мире. В 2 ч. М., 1994.
- ¹⁹⁴ *Тертицкий К.М.* Китайские синкретические религии в XX веке. М., 2000.
- ¹⁹⁵ Там же. С. 366.
- ¹⁹⁶ *Зельницкий А.Д.* Китайский «религиозный синкретизм». СПб., 2008.
- ¹⁹⁷ Там же. С. 13.
- ¹⁹⁸ Там же. С. 130.
- ¹⁹⁹ *Завидовская Е.А.* Храмовые объединения и религиозная жизнь крестьян современного Китая. СПб., 2009.
- ²⁰⁰ Там же. С. 118.
- ²⁰¹ *Янгутов Л.Е.* Единство, тождество и гармония в философии китайского буддизма. Новосибирск, 1995.
- ²⁰² *Янгутов Л.Е.* Китайский буддизм: тексты, исследования, словарь. Улан-Удэ, 1998.
- ²⁰³ Там же. С. 106–157.
- ²⁰⁴ *Янгутов Л.Е.* Традиции Праджняпарамиты в Китае. Улан-Удэ, 2007.
- ²⁰⁵ *Ленков П.Д.* Философия сознания в Китае. Буддийская школа фасян (вэйши) // Петербургское востоковедение. СПб., 2006.
- ²⁰⁶ *Линь-цзи лу* / Вступ. ст., пер. с кит., коммент и грамат. очерк И.С. Гуревич. СПб., 2001.
- ²⁰⁷ *Избранные сутры китайского буддизма* / Пер. с кит. Д.В. Поповцева, К.Ю. Солонина, Е.А. Торчинова. СПб., 1999.
- ²⁰⁸ Там же. С. 26.
- ²⁰⁹ *Философия китайского буддизма* / Пер с кит. Е.А. Торчинова. СПб., 2001.
- ²¹⁰ *Торчинов Е.А.* Даосизм: опыт историко-религиоведческого описания. СПб., 1993.
- ²¹¹ *Чжан Бо-дуань.* Главы о прозрении истины / Предисл., пер. с кит., коммент. Е.А. Торчинова. СПб., 1994; *Гэ Хун.* Баопу-цзы / Пер. с кит., коммент., предисл. Е.А. Торчинова // Петербургское востоковедение. СПб., 1999.
- ²¹² *Путь золота и киновари: даосские практики в исследованиях и переводах Е.А. Торчинова* // Петербургское востоковедение. СПб., 2007; *Пути обретения бессмертия: даосизм в исследованиях и переводах Е.А. Торчинова.* СПб., 2007.
- ²¹³ *Филонов С.В.* Золотые книги и нефритовые письма: даосские письменные памятники III–VI вв. // Петербургское Востоковедение. СПб., 2011.
- ²¹⁴ Там же. С. 541.
- ²¹⁵ *Вэнь Цзянь, Горбеев Л.А.* Даосизм в современном Китае // Петербургское Востоковедение. СПб., 2005.
- ²¹⁶ Там же. С. 48.
- ²¹⁷ *Горбунова С.А.* Буддийские объединения в истории Китая XX в. (10-е – 90-е годы) // ИБ ИДВ РАН. М., 1998. № 2.
- ²¹⁸ *Горбунова С.А.* Китай: религия и власть: история китайского буддизма в контексте общества и государства. М., 2008.

- ²¹⁹ Там же. С. 298.
- ²²⁰ Кузнецов В.С. Буддийский фактор во внешней политике КНР. М., 2006.
- ²²¹ Кузнецов В.С. Ислам в политической истории Китая. В 3 ч. // ИМ ИДВ РАН. М., 1996. № 7, 8, 9. Ч. 1: VIII в. – 60-е годы XIX в.; Ч. 2: 60-е годы XIX в. – 30-е годы XX в.; Ч. 3: 30-е годы XX в. – 1949 г.; Кузнецов В.С. Ислам в общественно-политической жизни КНР. М., 2002.
- ²²² Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб., 1993; История российской духовной миссии в Китае: сб. ст. / Ред. С.Л. Тихвинский и др. М., 1997; Свящ. Дионисий Поздняев. Православие в Китае (1900–1997 гг.). М., 1998.
- ²²³ Бэй-гуань: Краткая история российской духовной миссии в Китае / Сост. Александров Б.Г. СПб., 2006; Дацзышен В.Г. История Российской духовной миссии в Китае. Гонконг: Православное Братство святых Первоверховных апостолов Петра и Павла, 2010; *Он же*. Митрополит Иннокентий Пекинский. Гонконг: Православное Братство святых Первоверховных апостолов Петра и Павла, 2011.
- ²²⁴ Дубровская Д.В. Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552–1775 гг.). М., 2000.
- ²²⁵ Ломанов А.В. Христианство и китайская культура. М., 2002.
- ²²⁶ Иванова Петр, свящ. Из истории христианства в Китае. М., 2005 с.
- ²²⁷ Алексанян А.Г. Манихейство в Китае: (опыт историко-философского исследования). М., 2008.
- ²²⁸ Феоктистов В.Ф. Становление отечественной философской синологии // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999. М., 1999. С. 130.
- ²²⁹ Чжу Дацю, Цзян Хунвэй, Хуа Ли. Сулянь цзети чжи хоу дэ Элосы чжунгосюэ яньцзю (Исследование китаеведения в России после распада СССР). Харбин, 2013.
- ²³⁰ Там же. С. 23–29.
- ²³¹ Переломов Л.С. Россия о Конфуции // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999. М., 1999. С. 136.
- ²³² Юлина Н.С. Сегодня о статье «Философия в России сегодня» // ИФ. М., 2003. № 10. С. 4.
- ²³³ Мартынов Д.Е. Конфуцианское учение: учебное пособие. Казань, 2009. С. 116–144.
- ²³⁴ Титаренко М.Л. Россия лицом к Азии. М., 1998. С. 44.
- ²³⁵ Торчинов Е.А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного // Петербургское Востоковедение. СПб., 2007. С. 452.
- ²³⁶ Там же. С. 453.
- ²³⁷ Титаренко М.Л. Китай: цивилизация и реформы. М., 1999. С. 15.
- ²³⁸ Кобзев А.И. Восток и Запад в эпоху информационной революции // II Всероссийская конференция «Китайская философия и современная цивилизация» // ИМ ИДВ РАН. Сер. Идеино-теоретические тенденции в современном Китае: национальные традиции и поиски путей модернизации. Вып. 1. М., 1996. С. 36–37.
- ²³⁹ Буров В.Г. О переводе китайских классических философских текстов // Китай на пути к возрождению: к 80-летию академика М.Л. Титаренко. М., 2014. С. 459.
- ²⁴⁰ Тихвинский С.Л., Делюсин Л.П. Некоторые проблемы изучения истории Китая // Проблемы советского китаеведения. М., 1973. С. 45.

ИЗУЧЕНИЕ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Культура – один из важнейших аспектов национального достояния каждого народа. Изучение ее учеными иноцивилизационного ареала не только узкокабинетное занятие, но и настоящая необходимость интернационального диалога. «Различны исторические условия возникновения и развития национальных культур, их специфические черты, возможности контактов с культурами других стран и народов, – отмечают в коллективной статье ученые ИДВ РАН и подчеркивают: – Необходимость научного изучения всех этих и других смежных проблем очевидна»¹.

Атрибуты культуры были первыми представителями китайской цивилизации, проникшими в Россию на рубеже XV–XVI вв. и закрепившимися в российской ментальности как «китайский стиль» (*шинуазри*). Это прежде всего дворцовый декор (керамика, шелк, парковые постройки), чай и вслед за этим классическая поэзия, пришедшая в основном опосредованно – через французские и немецкие переводы.

Образ китайской цивилизации, сформированный этими элементами, апеллировал к культуре аристократических слоев общества и воспринимался как театрализованно-манерный изыск внешнего общения, лишенный глубины и мысли. Однако обширные собрания предметов «китайского стиля» постепенно породили интерес к ним не только высшей аристократии, но и ученых, подвергших их научному исследованию, фактически тем самым положив начало китаеведению в России как гуманитарной науке.

С XVIII в. в Пекине существовала Российская духовная миссия, члены которой (наиболее известен среди них о. Иакинф – Н.Я. Бичурин) проявили себя не только как религиозные просветители, но и как ученые-исследователи китайской цивилизации, причем как в гуманитарной, так и в научно-технической сфере (древнейший китайский метод лечебного энергетического воздействия на человеческий организм – акупунктура – стал известен в России уже в первой трети XIX в.).

В XIX в. в Эрмитаже, в 1852 г. открывшемся для широкой публики, была составлена музейная коллекция, экспонатами которой стали предметы из дворцовых собраний. Первые опыты изучения художественного творчества Китая на материале музейных коллекций были предприняты в конце XIX – начале XX в. К их числу относятся работы Н.И. Веселовского (1848–1918) «Китайские символы в предметах украшения» (1911)

и А.И. Иванова (1878–1937) «Символический орнамент в Китае» (1914). В середине XIX в. Россия познакомилась с китайской драматургией (в переводе с французского, а в конце этого века – и непосредственно с китайского). В начале XX в. В. Мейерхольд и другие реформаторы увидели в китайском театре не внешнюю экзотику, а новую эстетику, обогащающую привычные европейские традиции. На таком фундаменте с особой восторженностью были восприняты в 1935 г. гастроли в России корифея китайского традиционного театра Мэй Ланьфана.

На рубеже XIX–XX вв. в ряде российских университетов был введен научный курс «Китайская филология». Патриархом отечественного китаеведения академиком В.М. Алексеевым в конце XIX в. было начато многогранное, фундаментальное исследование китайского искусства и литературы в России. Его работы придали отечественному китаеведению глубину и академизм, развитые его учениками в первой половине XX в.

В послевоенные годы, особенно после 1949 г., когда в Китае была провозглашена Китайская Народная Республика, уровень теоретических исследований китайской культуры в России несколько снизился в связи с более активным знакомством непосредственно с самими произведениями литературы и искусства и переводом их на русский язык. Этот процесс рассматривался не столько как научно-художественный, сколько как государственно-политический: издательствам выделялись значительные финансовые средства, для перевода привлекались не только профессионалы, но и просто люди, знающие китайский язык. В итоге качество перевода резко снижалось, что серьезно отразилось на авторитете китайской литературы среди читающих масс России.

Политико-экономические перемены в России в 1980-е гг. привели к застою в китаеведении, из которого оно постепенно выходило, используя в том числе методы коммерциализации; постепенно китаеведение развивалось и переходило на новый этап изучения культуры соседней страны.

ИЗУЧЕНИЕ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ в России в 1990-х гг.

Для отечественного китаеведения, как и для многих других сфер научной и творческой деятельности, 1990-е гг. были тяжелым рубежом смены моделей функционирования. Предыдущий, советский, период характеризовался, как уже было отмечено, преимущественно государственным финансированием издательств и научных учреждений, избавляющим авторов от коммерческих забот. Подобная практика, однако, сопровождалась цензурным контролем, для которого первостепенным был не творческий, а политический момент, и необходимостью вписать конкретную работу в общий поток государственного мировосприятия. Эта отмиравшая модель надолго задержалась в форме так называемого «внутреннего редактора» не только у работников издательств, но и у авторов, за долгие десятилетия привыкших созвучие своей работы с государственной политикой ставить выше художественного и научного уровня подготовленного к публикации произведения.

Формировавшаяся новая модель резко сменила принципы оценки. Выброшенные на рынок, не подготовленные к этому издательства вынуждены были абсолютизировать проблему «выживания», и доходность издаваемого произведения обернулась той же «цензурой», только уже не с политическими, а коммерческими акцентами. При этом нельзя не отметить, что необходимый для оптимального функционирования такой модели механизм спонсорства в России был совершенно не развит.

В такой ситуации ответственность взяли на себя академические и университетские научные учреждения, которые крохотными тиражами (200–300 экземпляров, часто без

права выхода на рынок сбыта) печатали в своих множительных лабораториях серьезные монографии, поддерживавшие высокий уровень отечественного китаеведения, а порой даже спонсировали публикацию в издательствах более широкими тиражами работ, позднее находивших отклик в мировом китаеведении. Лидерами китаеведческих исследований по количеству и качеству на тот период являлись московские Институт Дальнего Востока РАН, Институт востоковедения РАН, Институт мировой литературы РАН, Институт стран Азии и Африки при МГУ и Восточный факультет СПбГУ, т.е. те научные учреждения, чьи исследовательские традиции закладывались десятилетиями.

Именно в этот период сотрудники группы литературы и искусства ИДВ РАН были сконцентрированы на создании монументальной энциклопедии «Духовная культура Китая». Разделы «Литература» и «Искусство» (первоначально они должны были быть изданы в едином томе, но затем потребовалось разделение на два самостоятельных тома), написанные вместе с коллегами из других востоковедных учреждений Москвы и Санкт-Петербурга, включали в себя статьи по литературе (В.Ф. Сорокин, Д.Н. Воскресенский, К.И. Голыгина, А.Н. Желоховцев и другие), театру (С.А. Серова – традиционный театр, И.В. Гайда – современный театр), кинематографии (С.А. Торопцев), изобразительному искусству (С.Н. Соколов), архитектуре (Н.Ю. Демидо), музыке (А.Н. Желоховцев), песенно-повествовательному искусству (Н.А. Спешнев). Эта эпохальная работа, завершенная в 2000-е гг., – шеститомная энциклопедия «Духовная культура Китая», – как уже отмечалось, была награждена Государственной премией РФ.

Целая серия коллективных публикаций сотрудников группы литературы и искусства ИДВ РАН, начатая с 1970-х гг., в целом очертила трудный, извилистый путь китайской культуры в разных аспектах ее проявления: литература, театр, кинематография, изобразительное искусство, образование. В 1990-е гг. эта серия была продолжена².

В 1990-е гг. в связи с изменением места Китая в мире центры по изучению Китая и преподаванию китайского языка возникли во многих вузах России, в частности, большой центр открылся в РГГУ, в университетах Владивостока, Красноярска, Казани.

Важнейшей особенностью этого периода стала открытость государства и общества. Китаеведы получили возможность непосредственного наблюдения за жизнью литературы и искусства Китая во время научных командировок и стажировок в стране, знакомства с научной деятельностью западных коллег и с методологией их анализа, отличающейся от принятой в нашей стране в советский период. Сближение с мировым научным сообществом принципиально изменило российское китаеведение.

Поскольку глубокое проникновение в художественную ментальность китайского автора не может быть полноценным без творческого освоения его наследия, в настоящем исследовании автор не ограничивается собственно научными изысканиями, а освещает также публикации переводов художественных текстов, пьес, кинематографических сценариев, произведений изобразительных искусств (альбомов картин и скульптур). Кроме того, если китаеведение как наука будет отделено от читательских и зрительских масс, оно зачахнет, ему необходимы эрудированные и созвучные реципиенты, и потому распространение художественного артефакта должно быть заботой не одного только транслятора, но и китаеведческой науки в целом.

Одной из наиболее высоких вершин китаеведческих исследований 1990-х гг. стала нестандартная, выдающаяся книга К.И. Голыгиной, в которой развитие китайской прозы анализируется в контексте эволюции космогонической ментальности китайцев, формулируются основные черты китайской модели мира и ее структуризация в философских и эстетических системах неоконфуцианства³.

Серьезным вкладом в анализ китайской культуры явилась многогранная работа известного синоведа В.В. Малявина. В двух своих монографиях он дал панораму художественной культуры, миропонимания и быта Китая в XVII в. – в период, когда искусство

и весь жизненный уклад, с одной стороны, получили полное и уточненное выражение, а с другой стороны, подошли к закату традиционной культуры. На примере различных видов искусства – живописи, каллиграфии, архитектуры, театра, скульптуры – автор выявил общую основу художественного канона, проследил соотношение в китайской традиции культуры, природы и человека, подробно остановившись на символизме китайской культуры⁴. В.В. Малявин проанализировал общие вопросы практики духовного развития человека в традиционных китайских учениях, затронул проблемы влияния этих практик на культуру, «просветления сознания» субъектов творческого процесса⁵. Его перу принадлежит новаторское комплексное исследование цивилизационной конструкции Китая, в том числе письменности, литературы, искусства, – широкое полотно китайского быта, ментальности, духовности⁶.

Целый ряд российских ученых в своих работах не ограничились рамками одной дисциплины, а вышли в пространство культурологии как единого комплекса различных ветвей культуры⁷.

Филологические исследования

Особая концентрация на изучении литературы во всех ее модификациях (проза, поэзия, мифология) и временных пластах (древность, средневековье, современность) изначально (с XIX в.) являлась одной из специфических характеристик отечественного китаеведения. Оно исходило из того, что в основе формирования китайской ментальности лежит сакральное почтение к Слово. Термин *вэнь*, каким во все века обозначали изящную словесность, первичным своим значением имеет «небесные узоры», и с такого «космического» ракурса китаец обычно и взирает на литературу.

К 1990-м гг. в отечественном китаеведении сложился прочный фундамент переведенных текстов и их интерпретации, заложенный мастерами предыдущих поколений. Надо, однако, заметить, что в переводах прозы, сделанных знатоками китайского языка, в массе своей игнорировались достижения блестящей советской переводческой школы, рассматривавшей перевод литературного текста не как механическую подстановку слов своего языка к словам оригинала, а как творческую работу, «воссоздающую», по формулировке М. Лозинского, художественную поэтику оригинала. Они были выполнены нередко на уровне грамотного подстрочника, не передавали образную глубину оригинала, что, конечно, не придавало тексту авторитета и не завоевало для китайской литературы достаточно широкого читателя. В части переводов китайской литературы на русский язык в 1990-е гг. серьезных новаций не наблюдалось. В основном это были перепечатки того, что публиковалось в предыдущие десятилетия.

Однако в этот период были изданы переводы произведений, представляющих «неофициальную» эротическую литературу, которые не удавалось опубликовать в предшествующие периоды отечественной истории⁸. Это серьезно восполняло понимание китайской ментальности, заполняло существовавшую до той поры в российском китаеведении лауну. Представительную антологию древнекитайской литературы подготовил И.С. Лисевич⁹.

Среди новых переводов, сделанных большой группой китаеведов, обратила на себя внимание работа писателей Чжан Синьсинь и Сан Е, которые издали беллетризованные интервью самых разных представителей китайского народа, дав срез социального и ментального облика китайцев¹⁰. Были продолжены переводы классика современной литературы Ба Цзиня¹¹, вышел сборник новейшей прозы¹².

Больше повезло поэзии, донесенной до читателя целой плеядой талантливых переводчиков (Л.Е. Черкасский¹³, Л.Н. Меньшиков, И.С. Голубев, Г.Б. Ярославцев), а также известных поэтов, среди которых выделяется великая Анна Ахматова. Даже подстрочник не

преградил ей глубокое проникновение в поэтический мир оригинала. Нельзя не отметить небольшой сборник, вобравший в себя переводы патриарха отечественного китаеведения академика В.М. Алексеева¹⁴, поскольку любые публикации этого выдающегося ученого вносят значительный вклад в наши китаеведческие штудии.

Среди работ такого плана, многие из которых представляют собой перепечатки ранее уже опубликованных произведений, стоит обратить внимание на антологию¹⁵ – частичное повторение выпущенного в 1970-е гг. издательством МГУ сборника средневековой пейзажной лирики, составленного И.С. Лисевичем. В переводах И.С. Голубева, С.А. Торопцева (непосредственно с китайских оригиналов), поэта Э.В. Балашова (по подстрочникам И.С. Лисевича) китайское стихотворение на русском языке воспроизводит элементы духовного контента оригинала.

Исследования китайской литературы в нашей стране чаще всего шли по линии истории литературы, т.е. произведения вставлялись в последовательный каркас литературного и социального контекстов. Те формальные изыскания в области поэтики, какие мы встречаем в начале XX в. у академика В.М. Алексеева, в середине века у академика Н.И. Конрада, частично у Л.З. Эйдлина, не получили продолжения и развития. Другими словами, изучения китайской литературы как художественного текста в советском и российском китаеведении почти не встречалось, тем более в 1990-е гг., когда подобный формат в силу целого ряда причин, в первую очередь социального характера, и не мог быть востребован.

Известный своими исследованиями буддийской духовности и обрядности Г.Б. Дагданов вслед за анализом творчества Ван Вэя выпустил аналогичную работу уже о другом великом средневековом поэте, в стихах которого явно прослушивается буддийское звучание¹⁶. Появились интересные публикации, посвященные исследованию творчества конкретных писателей XX в.¹⁷

В это же десятилетие вышли содержательные работы М.Е. Кравцовой¹⁸, в одной из которых текст «Канона поэзии» («Шицзин») рассмотрен в связи с целой серией средневековых канонов, а также в аспекте мифологии и традиционной обрядности. На материале двух основополагающих литературных памятников (антология «Шицзин» и свод «Чуские строфы») проанализированы проблемы происхождения и начальной стадии развития классической китайской поэзии. Другая книга М.Е. Кравцовой¹⁹ представляет собой учебное пособие, рассматривающее литературу с культурологического ракурса.

В синологии постепенно вызревало понимание необходимости отхода от социологизированного жанра истории литературы и погружения в собственно литературоведческий анализ с привлечением как общей теории литературы, так и новейших методов исследования²⁰. Интерес к китайской литературе начали проявлять крупные специалисты общего литературоведения²¹.

В ИДВ РАН был выпущен сборник, в котором на материале как литературы, так и изобразительного искусства, кинематографии, образования были комплексно исследованы положительные тенденции развития культуры и откровенно обозначены препятствия к этому развитию, возникшие в китайском обществе, особенно в 1920–1940-е гг.²²

Интересные работы появились в области исследования китайской мифологии, где показано расширение и углубление процесса – в сторону Тайваня (лидер этого направления в отечественном китаеведении академик Б.Л. Рифтин собрал сказания народностей Тайваня и издал их на китайском языке)²³ и даже за пределы земной цивилизации (И.С. Лисевич, к сожалению не завершивший свои нестандартные начинания в области мифологии, в целом ряде легенд китайской древности, проанализированных в двух книгах – «Пространственно-временная циклизация мифов о культурных героях» и «Древнекитайские представления о космогенезе», обнаружил очевидные следы внесемных контактов, тем самым вплотную подойдя к эзотерическим тайным доктринам, коими так богат многогранный Китай).

Российское Китаеведение в этот период обогатилось за счет исследований и переводов работ зарубежных коллег, благодаря обобщению культурологических поисков западных синологов²⁴ и переводам на русский язык наиболее содержательных исследований (в частности, книги крупного английского сиолога профессора С.П. Фицджеральда – обширного и глубокого очерка истории Китая от неолита до конца XIX в., в котором достойное внимание уделено духовной культуре, искусству и литературе традиционного Китая²⁵). Известный переводчик русской литературы Гао Ман сформулировал подходы китайских литературоведов к русской классике (статьи о Пушкине и Ахматовой²⁶). В комплексный сборник, посвященный Л.Н. Толстому, была включена работа китайского автора, в которой в методике сравнительного анализа были сопоставлены два выдающихся представителя китайской и русской литературы²⁷.

Языкознание

Языкознание – достаточно специфическая сфера науки, рамки которой не слишком широки, и силы специалистов, ею занимающихся, ограничены. Тем не менее уже в 1980-е гг. отечественные языковеды завершили гигантский фундаментальный труд по созданию «Большого китайско-русского словаря» под редакцией И.М. Ошанина, который серьезно облегчил исследовательские и переводческие работы во всех областях Китаеведения.

Расширение Китаеведческой базы в России потребовало большего количества языковых учебников. Для этого были привлечены наработки китайских коллег. Вышедший на рубеже 1990-х и 2000-х гг. российский учебник китайского языка сохранил основную концепцию, содержание и структуру китайского издания (Пекин, 1986), был максимально адаптирован его к задачам и условиям преподавания современного китайского языка в российских учебных заведениях. В связи с этим были уточнены тексты исходных комментариев китайского издания, введены новые упражнения по переводу, переработаны и дополнены страноведческие справки²⁸.

Среди языковедческих исследований 1990-х гг. обращают на себя внимание новаторские работы О.И. Завьяловой, посвященные исламским текстам в Китае и диалектам китайского языка.

Ислам проник в Китай при династии Тан (618–907) и шел по двум направлениям – северо-западному, вдоль Великого шелкового пути, и юго-восточному, морскому. На протяжении столетий Китаеязычными мусульманами, жившими в разных регионах страны и говорившими на разных диалектах китайского языка, были созданы религиозные памятники двух основных типов. Первый – это неоднократно описанные в литературе иероглифические тексты. Арабские и персидские термины – как и вообще заимствования, входившие в китайский язык, – представлены в этих текстах в иероглифической записи и могут варьироваться в разных памятниках и регионах.

Второй тип памятников, до последнего времени почти неизвестный за пределами сино-мусульманского мира, – это особые алфавитные тексты на китайском языке, записанные арабскими и персидскими буквами в системе, именуемой *сяоцзин* (*сяоэрицзин*). Эти тексты, которые ныне во множестве издаются в современном Китае, до начала периода «реформ и открытости» были практически недоступны за пределами мира китайских мусульман. В нашей стране уникальные образцы подобных текстов хранятся в фонде Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге. Кроме того, они сохранились у дунган – потомков Китаеязычных мусульман, в XIX в. переселившихся на территорию Российской империи из северо-западного Китая. Эти тексты, как было показано в работах О.И. Завьяловой, не только отражают особенности соответствующих китайских диалектов, но и обнаруживают явное персидское влияние – следствие активных культурных контактов между Китаем и Персией в период монгольской династии Юань²⁹.

В другой работе О.И. Завьяловой диалекты рассматриваются как носители высокоценных ныне региональных культур и средство этнической самоидентификации жителей разных районов страны. Впервые в истории изучения китайского языка было проведено лингвогеографическое исследование диалектов *гуаньхуа* (северных, мандаринских), основанное на выполненных автором картах, каждая из которых включала более чем тысячу пунктов.

Эти карты позволили сделать важнейшее лингвистическое и этнокультурное открытие – ранее неизвестную диалектную границу вдоль реки Хуайхэ и хребта Циньлин. Географически это рубеж, разделяющий два природных региона – бассейн Хуанхэ и бассейн Янцзы. Исторически же открытая граница совпадает с несколькими политическими границами, существовавшими в пределах Китая, в частности, в период формирования северных диалектов, – с границей между чжурчжэньским государством Цзинь (1115–1234) и южным китайским государством Сун (1127–1279). По своему значению, как это подтвердили новейшие исследования китайских ученых, обнаруженная О.И. Завьяловой граница сопоставима с давно известным рубежом между так называемыми лингвистическим севером и лингвистическим югом страны вдоль реки Янцзы³⁰.

Театроведение

Изучение театра, имеющее в отечественном китаеведении давние корни и в 1935 г. стимулированное триумфальными гастролями великого Мэй Ланьфана, в 1990-е гг. было представлено несколькими заметными работами, в которых были исследованы различные тенденции китайского театра, его социальные корни, а также проникновение театральных традиций Востока в Европу.

Т.А. Малиновская³¹ продолжила исследования жанра *цзинцзюй*, начатые В.Ф. Сорокиным в 1970-е гг. Современный драматический театр Китая был подвергнут анализу в ряде статей И.В. Гайды, опубликованных в журналах и книжных изданиях³². Некоторые исследователи в своих работах концентрировали внимание на творческих портретах известных деятелей театра и драматургии³³.

В течение многих лет последовательно продолжает и углубляет свои театроведческие исследования С.А. Серова, до настоящего времени остающаяся ведущим специалистом по театру Китая. В трудах 1990-х гг. она разрабатывала различные аспекты взаимосвязи и взаимовлияния китайского классического театра и общества, показав глубинную связь театра, театральной эстетики и драмы с явлениями общественной жизни³⁴. На новый – компаративистский – виток вышли ее исследования к концу указанного десятилетия³⁵. Акцент в этой монографии сделан на обогащении русской культуры такими художественными традициями Востока, как пустое пространство, рассматриваемое как эстетический принцип, минимизация деталей и аксессуаров на сцене, вовлечение зрителя в сотворчество, мифологизация зрелища, возвращающего контекст к изначальной целостности времени и пространства.

Киноведение

Несмотря на то что кинематография Китая – одна из старейших в мире (первый китайский фильм был снят в 1905 г.), советское китаеведение ни до 1949 г. (образование КНР), ни после этого рубежа не включало анализ киноискусства в сферу своих научных интересов, оставив информацию о китайских фильмах журналистам и кинематографи-

стам-практикам. Только в 1960-х гг. появились первые работы по истории китайского кино, а систематическое научное изучение его началось лишь в 1970-е гг. В результате улучшения межгосударственных отношений представилась возможность в ходе визитов в страну и стажировок в различных научных и учебных заведениях, в том числе и в Пекинском институте кинематографии, непосредственного ознакомления с фильмами и киносценариями, с аналитическими публикациями прессы КНР. Это открыло пути к углублению киноведческой аналитики. Крупный специалист-киновед общего профиля впервые заинтересовался китайским киноискусством и включил аналитическую статью о режиссере Чжан Имоу в свою книгу, где собраны творческие портреты известнейших кинорежиссеров мира³⁶, в 1999 г.

С 1970-х гг. серьезные и последовательные исследования кинематографии как киновед и историк кино вел С.А. Торопцев³⁷, который фактически открыл для отечественного китаеведения это научное направление. В 1990-е гг. им были разработаны такие аспекты, как социально-политический статус кинематографии КНР³⁸, эстетика китайского кино³⁹. Позже он сконцентрировал внимание на бесспорном лидере китайского киноискусства Чжан Имоу, неоднократно призере ведущих международных кинофестивалей (Канн, Венеция, Берлин). Опубликовав целую серию статей об этом режиссере⁴⁰, он подготовил изданную уже в 2000-е гг. первую за пределами Китая монографию об этом крупнейшем режиссере, где не только подверг анализу его сложное, состоящее из нескольких направлений и жанров творчество, но и проанализировал через призму этой фигуры развитие китайской кинематографии в целом.

Новым направлением в изучении китайской кинематографии стали работы по киноискусству Тайваня, до тех пор совершенно не известному в нашей стране. Это стало осуществимо после длительной стажировки в Национальном киноархиве в Тайбэе, возможность которой была предоставлена С.А. Торопцеву в 1994 г. Итог работы – первая в России книга по истории этого островного киноискусства⁴¹, имеющего высокий авторитет в мире и принципиально отличающегося от континентального искусства, а также анализ авангардной молодой «новой кинематографии» Тайваня⁴². Привезенный С.А. Торопцевым из Тайбэя фильм «Осенняя казнь» маститого режиссера Ли Сина стал первым фильмом Тайваня, показанным по российскому телевидению.

Успехи российских исследований китайской кинематографии получили признание в мире, многие работы были опубликованы на китайском языке в КНР (в 1980-е гг.) и на английском языке в Индии⁴³ – в журнале, авторитетном не только в этой стране, но и во всем мировом киносообществе.

Изучение изобразительных искусств

Создание музейных коллекций китайских художественных артефактов началось в России в XVIII в., сначала в Кунсткамере, в XIX в. – в Эрмитаже и в XX в. – в Москве в Музее искусств Азии.

В начале XX в. началось изучение этих коллекций, была опубликована первая серия статей этнографо-музееведческого характера. Важнейшую роль в становлении искусствоведческой составляющей в советском китаеведении сыграл академик В.М. Алексеев. В 1970–1990-е гг. целый ряд оригинальных и глубоких исследований, преимущественно в сфере эстетики и философии искусства, были подготовлены Е.В. Завадской⁴⁴.

В 1990-е гг. лидерами в этой сфере продолжали оставаться китаеведы Москвы и Петербурга, которые занимались предметами знаменитой китайской керамики⁴⁵, шелковыми изделиями⁴⁶, атрибуцией произведений⁴⁷, портретной живописью⁴⁸, общими искусствоведческими проблемами китайской живописи⁴⁹.

Изучение системы образования

Еще в 1970–1980-е гг. китаеведы ИДВ АН СССР начали вести последовательные исследования системы образования в КНР, утверждая их как *новое направление в советском китаеведении*, хотя и достаточно разработанное в то время в трудах западных и японских специалистов по Китаю. В 1974 г. появилась первая небольшая монография на эту тему, охватывающая период от «большого скачка» до 1972 г., а в 1980 г. – коллективный труд, анализирующий курс руководства КНР в первые тридцать лет становления и развития науки и образования в КНР в контексте политической борьбы и экономических экспериментов⁵⁰. В конце 1980-х гг. китаеведы ИДВ АН СССР вслед за их предшественником из Академии педагогических наук СССР В.З. Клепиковым, защитившим диссертацию по образованию в Китае второй половины XIX – первой половины XX в., обратились к анализу значения республиканского периода 1920–1940-х гг. для исследования тенденций современных реформ в сфере образования⁵¹.

Возобновившийся с середины 1980-х гг. обмен студентами, преподавателями и научными работниками по линии министерств образования двух стран к началу 1990-х гг. дал возможность научным сотрудникам АН СССР, получившей свою квоту в обмене, вести полугодовые и даже годовые полевые исследования в КНР. Благодаря этому к началу 1990-х гг. появляются статьи советских ученых, подготовленные на материале не только бумажных источников (китайской периодики и немногочисленных доступных в СССР трудов зарубежных ученых), но результатов полевых исследований – посещением школ и университетов КНР, отделов образования разных провинций, интервью с преподавателями и сотрудниками органов образования. Пребывание в стране, помимо прочего, резко расширяло доступ российских китаеведов к первоисточникам, в частности к весьма обширной педагогической периодике, в том числе и провинциальной.

Все изложенные выше факты, а также опыт исследований политики КНР в области образования, накопленный молодыми учеными ИДВ АН СССР/РАН в течение двух десятилетий, позволили им в 1990-е гг. впервые выйти за рамки узкополитических и чисто китаеведческих работ. Китай в те годы декларировал цель создания собственной национальной модели социалистической системы образования. При этом после почти 20-летней самоизоляции от внешнего мира он обратился к зарубежному опыту, заимствуя его и пытаясь перенести лучше на китайскую почву. Подобные эксперименты вновь, как и после 1950-х гг., возродили интерес китайских педагогов к трудам советских коллег. Более того, этот интерес оказался взаимным – после почти 30-летнего перерыва статьи по реформе образования в КНР начал публиковать ведущий теоретический журнал «Педагогика». Все это потребовало от китаеведов, посвятивших себя образовательной тематике, расширить свой кругозор, обогатив его междисциплинарными концепциями и достижениями западной теоретической мысли.

Одной из сквозных тем исследований в сфере образования КНР была тема формирования национальной образовательной модели в условиях интернационализации. Первым подходом к ней явилась публикация пока еще поверхностной обзорной статьи «О восприятии идей мировой педагогики в Китае», бегло охватывающей более чем вековой период внедрения в Китае «западных учений» с акцентом на прошлое, настоящее и будущее взаимодействие российской и китайской педагогики. В статье подчеркивался ряд принципиально новых моментов заимствования Китаем зарубежного опыта: установка на предварительный глубокий теоретический анализ с последующими осторожными экспериментами, учитывающими национальную специфику, а также преимущественная ориентация на совершивших «прыжок» развивающиеся страны Юго-Восточной Азии⁵². В этом контексте весьма своевременным стала публикация обзора о специфике образования на Тайване⁵³.

Внедрение ряда западных методик в теорию образования и практику учебных заведений вызывало бурные дискуссии как в самом Китае, так и среди зарубежных ученых. Поэтому не случайно изучение направленности китайских реформ – модернизация или вестернизация – занимало умы и российских китаеведов. Проведенный ими анализ позволил сделать вывод, что Китаю не грозит «вестернизация» в устоявшемся толковании этого термина, скорее речь идет об активизации процессов интернационализации при том, что именно синтез педагогической традиции стран Юго-Восточной Азии с идеями западной педагогики может стимулировать развитие образования в XXI в.⁵⁴

В 1990-е гг. стремительно развивающиеся информационные системы, рост активности международных фондов и организаций, интернационализация рынка труда сделали развитие образования внутри стран зависимым от многих международных факторов. Рождалась парадигма мирового системного анализа. Пересмотру подверглась и роль образования в процессе модернизации – больше внимания обращалось на воспроизводство им социального неравенства. Для проведения исследований на современном международном уровне нужны были специалисты иного класса, способные осуществлять исследования в транснациональном контексте.

К сожалению, в России и без того немногочисленные ряды специалистов по Китаю, заинтересованных в разработке образовательной тематики, к тому времени поредели. Данное направление в основном продолжала разрабатывать в то время кандидат филологических наук, а впоследствии – доктор исторических наук, сотрудник ИДВ РАН Н.Е. Боровская. Ее почти годовая стажировка в Центре сравнительных и международных исследований образования Университета штата Нью-Йорк (США) в 1995–1996 гг. дала возможность вывести тематику российских исследований по китайскому образованию на уровень современной международной компаративистики, а также обогатить принятую в советский период теоретическую платформу этих исследований передовыми западными теориями модернизации и человеческого капитала.

В результате в 1997 г. появилась статья, в которой впервые исследовалась китайская модель образования как часть столь модной в то время в западной синологии «азиатской модели», противопоставляемой кризису западной школы⁵⁵. В статье в новом для российской синологии 1990-х гг. русле был дан критический анализ работ американских компаративистов, ставивших спорный вопрос об уникальности «азиатской модели». Некоторые из них связывали эффективность развития образовательных систем государств Азии с особыми методами накопления человеческого капитала; другие рассматривали «азиатскую модель» в контексте конфуцианской цивилизационной традиции. В целом в работе отмечены как аспекты, отличавшие китайскую систему образования от модели «драконов» Юго-Восточной Азии, так и их общие характерные черты. К последним относится традиционная для стран этого региона патерналистская роль государства.

1990-е гг. явились переходным периодом к новой экономической, а иногда и политической модели не только для Китая и России, но и для ряда стран Восточной Европы. Соответственно ученым этих стран, и китаеведам в том числе, пришлось обратиться к компаративистике, чтобы полнее исследовать ряд общих проблем, в частности, изменение ряда функций государства и появление его новых обязательств. Также уделялось внимание теме разработки государственных учебных программ и стандартов.

С этих позиций опыт Китая первой половины 1990-х гг. оказался весьма интересен для ряда развитых стран Запада, в частности США с его крайностями независимой образовательной политики каждого штата. Пристальному изучению азиатской модели государственного регулирования образовательной политики при достаточно ограниченной, но все же самостоятельной роли местных властей была посвящена изданная в США монография, в написании которой приняли участие зарубежные специалисты, а также российские китаеведы⁵⁶.

К середине 1990-х гг. Россия все отчетливее осознает необходимость перехода от формы образования к его модернизации, и соответственно возрастает роль образования в создании информационного общества. Следствием этого является и растущий интерес педагогической общественности к успехам модернизации образования в прежде столь отсталой стране, как КНР.

Поэтому столь востребованным оказался и первый достаточно систематизированный сравнительный анализ образовательной политики двух стран, где акцент был сделан на сопоставлении роли государства в определении целей, задач и структурной реформы системы образования на основе законов об образовании двух стран и других основополагающих государственных документов. Особое внимание уделялось обеспечению государством приоритетности образования в процессе социально-экономических преобразований, а также его образовательной политике в условиях растущего социального расслоения⁵⁷. С этих пор в работах по данной тематике все отчетливее высвечивается такой новый аспект, как потенциал использования Россией опыта соседней страны при решении сходных проблем модернизации системы образования.

В течение всего десятилетия российские китаеведы исследовали базовые составляющие новой образовательной стратегии КНР. Впервые появляются статьи по отдельным направлениям образовательных реформ в КНР – управленческому, финансовому и другим, их реализации на разных уровнях системы образования – школьном и университетском. Публикация фактологически насыщенной статьи на тему децентрализации управления учебными заведениями в Китае оказалась чрезвычайно актуальной для новой России, проводившей в начале 1990-х гг. (см. Закон «Об образовании в Российской Федерации» от 1992 г.) реформу советской системы образования и остро заинтересованной в изучении опыта соседа, насчитывавшего к тому времени уже более десятилетия. С научных позиций ценность данной публикации усиливалась привлечением материала полевых исследований, проведенных автором в провинции Цзянсу⁵⁸.

Успешно продолжались исследования соотношения централизации с регионализацией управления и финансирования учебных заведений в КНР, специфики создания там различных моделей региональных образовательных систем, определяемых как экономическими, так и социокультурными факторами, но при стимулировании наиболее продвинутых регионов. При этом на основании статистических данных подтверждался вывод о том, что региональный разрыв в уровне образования определялся не столько количественными, сколько качественными показателями, этот разрыв углублялся, и его сокращение следовало искать на пути создания собственной, оптимальной для местных условий структуры образования, а также в сотрудничестве регионов⁵⁹.

Продолжением исследований роли государства в ходе модернизации системы образования стала работа, посвященная анализу его политического и финансового участия в процессе приватизации в сфере образования⁶⁰.

РОССИЙСКОЕ КИТАЕВЕДЕНИЕ НАЧАЛА XXI В. О СОСТОЯНИИ И РАЗВИТИИ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ

Общая характеристика изучения культуры на фоне успехов российского китаеведения. Новые проекты и направления

Изучение китайской культуры в России, миновав растерянность и крайнюю финансовую неупорядоченность 1990-х гг., постепенно начало заново обретать аналитическую уверенность. Серьезные исследования появились не только в старых центрах, но и в молодых,

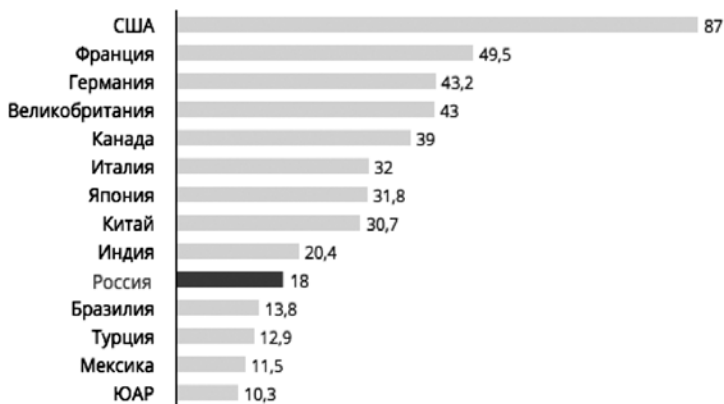
возникших за Уралом и на окраинах страны. Ученые продолжили привычные направления культурологических исследований, но принялись также открывать новые. Активно включился в работу Интернет, создаются сайты и форумы, на которые выносят на обсуждение свои работы молодые китаеведы.

В XXI в. российское китаеведение обрело такую глубину и такой международный авторитет, что само стало предметом научных аналитических исследований⁶¹. В предисловии к изданному в КНР сборнику отмечается: «Одна из задач современного китаеведения (в России. – С.Т.) состоит в том, чтобы с опорой на знание истории Китая и его традиции проанализировать китайский опыт реформ, выделить в нем как уникальную национальную специфику, так и элементы, обладающие универсальным значением для новых экономических держав... За видимыми материальными успехами Китая кроются культурные и цивилизационные факторы...»⁶²

Уже становится определяющей тенденцией появление российских работ в зарубежной китаистике, и уже не только в Китае, давно проявлявшем пристальный интерес к российской науке, но и на западе⁶³.

В XXI в. внимание ученых к китайской культуре переросло рамки академических исследований, выйдя на более широкий социально-политический фон. Китай активно взял на вооружение выдвинутый американским политологом Дж. Наем еще в начале 1990-х гг. тезис о «мягкой силе» как эффективном инструменте формирования положительного имиджа страны за рубежом гуманитарными средствами, противопоставленными военным.

Международный индекс «мягкой силы», 2010 г.⁶⁴

Российские китаеведы серьезно отнеслись к появлению в Китае новой формы международной активности, определив этапы формирования этой концепции: «Активная работа развернулась вскоре после прихода на пост партийного лидера в 2002 г. Ху Цзиньтао. Первоначально речь шла о противодействии иностранным концепциям, предвещающим неминуемый крах китайских реформ либо указывающим на рост «китайской угрозы». В середине 2000-х гг. после длительных дискуссий власти заявили о необходимости наращивать собственную «мягкую силу» и культурное соперничество с другими странами. В 2007 г. XVII съезд КПК провозгласил задачу увеличения потенциала «мягкой силы» культуры... Следующим важным шагом стало соединение мероприятий по развитию культуры внутри КНР с повышением ее международного влияния. Комплексная стратегия «могущественного культурного государства» утверждена в октябре 2011 г. на шестом пленуме ЦК КПК 17-го созыва»⁶⁵.

Наиболее амбициозным проектом первого десятилетия XXI в., несомненно, стала шеститомная энциклопедия «Духовная культура Китая»⁶⁶, несколько лет готовившаяся в ИДВ РАН с привлечением специалистов из других китаеведческих центров России (работа была задумана сначала как двухтомник, затем число томов выросло до пяти, что и было обозначено на титуле и в выходных данных, но в итоге обилие до сих пор не поднятого материала позволило выпустить дополнительный шестой том). «Это не только обобщение имеющихся достижений, но также исходная точка для дальнейших исследований, – отмечает рецензент. – Значение этого издания выходит за национальные рамки развития синологии, поскольку подготовленная в России энциклопедия китайской культуры стала первой в мировой науке»⁶⁷. Энциклопедия была высоко оценена как в России (Государственная премия), так и за рубежом.

Проблемы культуры занимают достаточно весомое место и в фундаментальном новаторском десятитомном исследовании «История Китая с древнейших времен до начала XXI века», уже несколько лет готовящемся коллективом ученых нескольких китаеведческих центров под руководством академика С.Л. Тихвинского.

Новаторским направлением стала этнопсихология, до тех пор не являвшаяся предметом аналитических исследований отечественных китаеведов. Цикл работ, подготовленный по инициативе МГППУ, состоял в том числе из самостоятельных работ крупных отечественных китаеведов – литературоведов, философов, историков: академика В.С. Мясникова («Этнопсихологические особенности дипломатии КНР. 1949–1979 гг.»), Н.А. Спешнева («Этнопсихология Китая»), Н.Е. Боревской («Особенности китайской системы образования в контексте этнопсихологии»), С.А. Торопцева («Культурно-историческая психология китайцев. Культурологический, философский и художественный аспекты»), О.Е. Непомнина («Этнопсихология современного Китая: сравнительно-исторический анализ»). Эти работы представляют цельную картину этнопсихологии народов Востока, опирающуюся на этнопсихологические константы китайцев, выявляемые через исторические и художественные секторы цивилизации Китая.

Части этих материалов удалось выйти за пределы университетского цикла, закладывая почву для новой и крайне важной для российского китаеведения дисциплины. Готовя свой материал для цикла, Н.А. Спешнев перевел и издал книгу крупного китайского философа и историка Линь Юйтана, ставшую серьезным вкладом в понимание китайской цивилизации⁶⁸, и поместил в журнале обзор этнопсихологических дискуссий в Китае⁶⁹. С.А. Торопцев опубликовал часть подобранных им материалов по основным параметрам китайской этнопсихологии, обрисовав научный аппарат китайских ученых, работающих в этой сфере, и проанализировал ряд фабульных моментов в произведениях литературы и искусства в ракурсе отражения в них общих этнопсихологических констант национального мышления⁷⁰.

Еще полностью не оценена новаторская роль книги И.С. Лисевича «Мозаика древнекитайской культуры»⁷¹, вышедшей, к сожалению, посмертно. Нестандартное мышление ученого позволило ему сказать свое слово по ряду уже изученных проблем литературы и истории. Но основным его вкладом, что до выхода этого сборника намечалось только в отдельных статьях, был открытый эзотерический анализ легенд и преданий, который переводил материал, обычно воспринимаемый как внеисторическое мифологическое повествование, в общемировой космологический аспект – в рамках так называемой «тайной доктрины», впервые поднятой в России Е.П. Блаватской.

Ростки эзотерических доктрин стали появляться в книгах о Тибете, о котором раньше мало писали российские китаеведы. А проникновение в мистические глубины этой одной из древнейших цивилизаций Земли проливает свет на китайскую культуру в целом и переводит на более высокий уровень глобальное понимание ступеней развития всей земной цивилизации. В последние годы резко возрос интерес к этой теме и целый ряд исследо-

ваний и популярных книг появились как в центральных, так и в молодых периферийных китаеведческих центрах⁷².

Малоисследованный аспект осветил А.В. Ломанов в монографии «Христианство и китайская культура»⁷³. Настойчивые попытки миссионеров ввести христианство в китайскую цивилизацию, по выводу автора, постоянно наталкивались на культурные и ментальные барьеры, что привело миссионеров к мысли изучать китайскую культуру и вводить богословские понятия через приспособление их к близким китайцам цивилизационным константам.

Новым оказался ракурс исследования в синтетической монографии Н.Е. Боровской и С.А. Торопцева «Китайская культура во времени и пространстве»⁷⁴. Разноплановая структурально (литература, образование, кинематография), работа в итоге оказалась монографически единой и показала китайскую культуру разных, весьма далеких друг от друга, временных периодов как цельный континуум, пронизанный национальной самобытностью и вместе с тем всеобщей глобальной гуманистичностью.

Нельзя не отметить возросшее количество книг, статей, диссертаций, защищаемых в российских вузах китайскими аспирантами⁷⁵, – это естественным образом вливается в российское китаеведение, становясь его органической частью и исходным материалом для последующих исследований.

Изучение системы образования

Появление в 1990-е гг. в российских исследованиях системы образования КНР комплексного и проблемного подхода, а также современной методологии (в том числе компаративистской) привело к прорыву в начале нового столетия. Изучение модернизации китайской системы образования было введено в контекст глобализации и стало рассматриваться в *теоретическом ключе* как часть общих процессов интернационализации, децентрализации, приватизации и дифференциации учебных заведений.

Еще одним новым направлением явилось выявление специфики этих процессов в КНР путем сопоставления традиции и новаторства, что стало возможным благодаря углублению в историю школы и педагогической мысли Китая. Первой ласточкой стал раздел В.В. Малявина в общем востоковедческом сборнике⁷⁶, позже вышла монография Н.Е. Боровской⁷⁷, где впервые в отечественной синологии на основе многочисленных китайских источников с достаточной полнотой и многоаспектностью обрисована и проанализирована эволюция традиционных китайских представлений о целях воспитания, его содержании и направленности в различных философских течениях. В работе дается картина исторической преемственности и трансформации образовательных институтов в Китае (включая эволюцию системы императорских экзаменов *кэцзюй*), показана их особая роль как государственных учреждений, жестко встроенных во властную вертикаль, а также проанализирована специфика и эволюция частных академий *шюань*. Анализ древней и средневековой педагогической доктрины Китая проливает новый свет на формирование педагогических теорий нового и новейшего времени. Монография не только восполнила пробел в отечественном китаеведении, но и обогатила представления об истории мировой педагогики, получив высокую оценку в Китае.

Отредактированная и снабженная глоссариями монография легла в основу одного из разделов энциклопедии «Духовная культура Китая»⁷⁸. Для МГППУ было написано первое в России учебно-методическое пособие о взаимовлиянии системы образования и этнопсихологии китайцев, в котором проанализированы столкновение и соприкосновение традиционной системы образования с западной на протяжении XIX–XXI вв. и порожденные этими процессами методики сохранения китайцами своей национальной идентичности⁷⁹. Педагогические воззрения китайцев и система социализации детей и молодежи внутри

ханьского этноса представлены автором как элемент духовной культуры, выделены ментальнообразующие и культуурообразующие функции образования.

Исследование роли традиций в формировании современной «системы образования с китайской спецификой» стало одной из ведущих тем 2000-х гг.⁸⁰ Принципиальным прорывом в этом направлении стала пионерская работа, в которой сопоставлены конфуцианская и православная педагогика и место школы в идеологии и культуре Китая и России⁸¹.

Продолжилось и изучение *кэцзюй*: были опубликованы статьи, в которых систематизируется изучение этого феномена в России, а также прослеживается его связь с учебными заведениями Китая в прошлом и настоящем, его влияние на систему экзаменов в странах Европы, в том числе России⁸².

Неудача российских реформ образования, очевидная к началу XXI в., активизировала интерес российской педагогической общественности к успехам КНР в этой сфере. Фундаментальным трудом, подытоживающим четверть века китайских образовательных реформ (1978–2002) на пути в постиндустриальное информационное общество, стала монография «Государство и школа»⁸³. В фокусе работы – стратегия и тактика модернизации системы образования и ее корреляция на разных этапах социально-экономического развития страны: проблемы децентрализации и демократизации управления школами и вузами, реструктуризация функций государства в их финансировании, государственная доктрина «приватизации» в образовательном секторе, оптимизация и диверсификация структуры образования и совершенствование качества обучения.

Первоначальные разработки 1990-х гг. по отдельным аспектам образовательных реформ в КНР – управленческому, финансовому – в начале 2000-х гг. привели к постепенному вычленению таких направлений исследований, как экономика и социология образования. В эпоху перехода к рыночной экономике весьма актуальной стала проблема соотношения бюджетного и внебюджетного финансирования учебных заведений. Вслед за проблемной статьей на эту тему в российском журнале⁸⁴, в престижном английском педагогическом издании было опубликовано развернутое исследование, написанное российским ученым в соавторстве с профессором Гонконгского университета, в котором сопоставляются подходы двух стран к решению данной проблемы⁸⁵.

Проблема финансирования образования в КНР рассматривается в новаторском исследовании в области экономики образования⁸⁶. На основе китайских источников и трудов российских экономистов автор анализирует новые подходы руководства КНР к бюджетному и внебюджетному финансированию государственных и частных вузов в сопоставлении с поисками современных механизмов финансирования высшей школы в России.

Следующее направление – социология образования. Отдельные разработки по данной теме принадлежат Н.Е. Боровской. А в конце 2000-х гг. была сделана попытка применения общего теоретико-методологического инструментария изучения образования как социальной системы общества к исследованию процесса вызревания современной функционально дифференцированной системы образования в Китае в период XII–XX вв.⁸⁷

В целом в первое десятилетие XXI в. работы, посвященные разным аспектам модернизации китайской системы образования, стали регулярно появляться в общих педагогических тематических сборниках и монографиях, в чем определенная заслуга принадлежит Н.Е. Боровской⁸⁸. Первые работы российских китаеведов появились и в общих сборниках по образовательному законодательству⁸⁹.

Иными словами, труды российских китаеведов по образовательной проблематике вошли в широкий контекст общетеоретических разработок таких разделов науки, как сравнительная педагогика, экономика и социология образования. Аналитические материалы китаеведов по данной тематике стали широко печататься в российских педагогических и общественно-политических журналах («Педагогика», «Народное образование», «Отечественные записки»).

Еще одной принципиально важной инновацией XXI в. стал акцент на компаративистские, прежде всего бинарные, сопоставления процессов модернизации систем образования в КНР и РФ, причем несколько серьезных монографий были написаны совместно с китайскими коллегами. Краеугольным камнем стал разработанный Н.Е. Боровской первый в мировом китаеведении многоаспектный проект сравнительного анализа стратегии и ключевых направлений образовательных реформ этих двух держав, вступающих в информационную эпоху, с учетом их национальной специфики и глобальных вызовов⁹⁰. Каждая глава, как и вся монография в целом, завершаются теоретическим сравнительным анализом, представленным учеными обеих стран, а также видным компаративистом проф. Марком Брэем. Книга вышла и в КНР на китайском языке⁹¹, а затем – на английском⁹², что обеспечило ей широкий международный резонанс.

Следующий двусторонний проект был сфокусирован на проблеме модернизации профессионального образования (сравнивались три региона РФ и три провинции КНР), в результате также вышли отдельные монографии в обеих странах⁹³. На основе экономико-статистических и социологических исследований были разработаны методические положения и практические рекомендации по использованию лучших современных моделей образовательных учреждений и составлению профессиональных и образовательных стандартов.

Это же десятилетие отмечено еще одним новым исследовательским трендом – появлением ряда оценочных работ, способствующих развитию образовательного сотрудничества двух стран⁹⁴. Впервые были комплексно проанализированы теоретические и практические аспекты гуманитарных контактов двух стран в сфере образования, которая оценивалась как ключевая в осуществлении прорыва к новым технологиям XXI в.⁹⁵

Создание условий для повышения конкурентоспособности высшей школы РФ на мировом рынке образовательных услуг в XXI в. стало рассматриваться не только сквозь призму ее участия в формировании общеевропейского образовательного пространства, но и в сопоставлении с активностью таких новых факторов, как Китай⁹⁶.

Признанием высокого теоретического уровня и научной объективности российских исследований образовательных реформ в КНР явилась публикация раздела Н.Е. Боровской «Приоритетность образования как залог успешной модернизации Китая» в изданном в КНР на китайском языке сборнике «Китайское образование глазами иностранцев»⁹⁷.

Филологические науки

Исследование литературы – одна из ведущих частей китаеведческой культурологии в России, имеющая прочные корни, ведущие к патриархам отечественной науки В.П. Васильеву и В.М. Алексею. В XXI в. стали появляться оригинальные исследования уже не только маститых ученых, но и молодых китаеведов. Акцент традиционно ставился на современной литературе, однако внимание к классике стало определенно возрождаться.

В конце первого десятилетия XXI в. почти одновременно были защищены две блестящие кандидатские диссертации по модернистским течениям в современной китайской литературе⁹⁸ и по творчеству поэта V в. Се Тяо⁹⁹, занимающего достойное место в китайской классической поэзии, но до сих пор совершенно не изученного российскими китаеведами. В обеих работах авторы ушли от привычного и распространенного метода описательности и хронологической биографичности в сферу философичных размышлений над образной системой произведений, уверенно проникая во внутренний мир литераторов, скрывающийся за пределами слов. Они показали несомненные потенции сегодняшнего российского китаеведения, не ставшего механическим продолжением исследований старшего поколения ученых, проявили свой активный новаторский творческий облик. Фундаментальным изучением поэзии средневекового Китая занимался А.Г. Сторожук,

суммировав исследования в монографии и докторской диссертации¹⁰⁰, выполненной не в распространенной форме «истории литературы», а выстраивающей концептуальную модель танской поэзии как художественного и мировоззренческого явления культуры. Диссертанту не было необходимо ссылаться на трудности «китайской специфики», и он полноправно вошел в пределы общего теоретического литературоведения. Активными исследованиями продолжала заниматься М.Е. Кравцова¹⁰¹. Постмодернизм в современной литературе ярко проанализирован в диссертации Е.А. Завидовской¹⁰². Целый ряд исследований был посвящен отдельным современным китайским писателям¹⁰³. Стали появляться содержательные работы новых авторов из вновь возникающих китаеведческих центров¹⁰⁴.

При этом к несомненным достоинствам сегодняшнего российского китаеведения следует отнести не стихающее пристальное внимание к классикам этой науки, и тут в первую очередь надо вспомнить двухтомное собрание трудов академика В.М. Алексеева¹⁰⁵, а также собрание статей проф. Л.Д. Позднеевой¹⁰⁶, ранее разрозненных и разбросанных по различным изданиям. В виде фундаментального собрания трудов изданы многолетние публикации Д.Н. Воскресенского¹⁰⁷.

Крупным вкладом в познание классической поэзии Китая стали более чем десятилетние исследования творчества величайшего китайского поэта Ли Бо (VIII в.), последовательно проводившиеся С.А. Торопцевым. После целого ряда статей и локальных сборников в конце 2000-х гг. вышла полная биография поэта¹⁰⁸, а через два года – сборник комментированных переводов¹⁰⁹, ставший наиболее объемным переводным изданием поэта за пределами его родины. Эти работы привлекли внимание исследователей как в Китае¹¹⁰, так и на Западе, и российский китаевед в 2012 г. был приглашен во Францию прочитать лекцию о творчестве Ли Бо в университете Сорбонна, Париж (с онлайн-трансляцией в университет Лиона и последующим выпуском записи этой лекции на DVD).

Новый импульс получила работа в области художественного перевода. Причем, что особенно важно, это коснулось не только практической деятельности по переложению произведений китайской литературы на русский язык (в чем наибольшую активность проявили китаеведы Санкт-Петербургского университета), но и теории перевода с китайского языка, где четко наметились два направления: развитие концепций лингвистического перевода, первостепенное внимание отдающего слову и форме, и образного перевода, ищущего адекватность образов русского текста оригинальному¹¹¹.

Интересный переводческий опыт предложила Н. Азарова, составившая сборник стихотворений Ду Фу, переведенных ею не в традиционном классическом стиле, а верлибром¹¹². Необычность сборника – в том, что Н. Азарова посмотрела на средневекового поэта как на современника, отказалась не только от рифм и ритма, но и от знаков препинания. Никакой стилизации «под старину», живой язык, словно читаешь строки сегодняшнего автора. Это впечатляет. Но насколько это адекватно? Есть образ, но китайским ли поэт этом созданный, или это полностью творение переводчика? Строки в переводе замкнуты сами на себе, подчиняясь принципу оригинальной китайской поэтики, но не складываясь в цельность стихотворения, что является итоговым структурным элементом оригинала. Однако здесь важен сам факт обращения к китайской поэзии поэта и филолога, не являющегося китаистом по профессиональной подготовке, но сумевшего сформировать свою собственную оригинальную концепцию.

Театроведение

В наступившем XXI тысячелетии продолжила свою многолетнюю работу ведущий отечественный исследователь китайского традиционного театра С.А. Серова¹¹³. Ее очередной труд был посвящен российскому Серебряному веку, где скрестились новации русского

театра и восточные традиции. В выводах рецензента отмечено: «Книга Серовой представляет возможность увидеть, как Серебряный век втягивает в себя искусство Востока и стремится проникнуть в духовные глубины древних культур».

В монографии 2005 г.¹¹⁴ эстетическая ценность китайского театра показана С.А. Серовой в ряду других национальных искусств, очерчено его местоположение в общем контексте китайской культуры, следовательно, в триединстве Неба – Земли – Человека. Традиционный театр зиждется на веками сложившемся восприятии музыки как метафизического и эстетического универсума, камертона Вселенной. От актера ждали возможности объять всю полноту мира. Так, формулирует исследователь, возникает парадоксальный мир театра, соединивший в себе Небо, Землю и Человека, засвидетельствовавший полноту и всеединство мира.

Последняя в обозначенный период монография С.А. Серовой вышла в 2013 г.¹¹⁵ Для традиционной культуры Китая, где все связано со всем, где «единое тело Вселенной» соединяет в едином пространстве духовные уровни бытия с человеком и обществом, весьма важно отслеживать эти взаимодействия, обращаясь к корням и истокам. Именно такова основная мысль этой работы. Тема монографии погружает нас в архаические времена, когда тотемизм (как проторелигия) и первая религиозная система шаманизм, повязанные пуповиной с мифологией, явились корнями и истоками театрального искусства.

Современному театру в российском китаеведении этого периода повезло меньше. После фундаментальных работ прошлого века И.В. Гайда, наш ведущий исследователь современного китайского драматического театра, лишь в начале XXI в. выпустила несколько обобщающих работ в формате книжных и журнальных статей, в которых подводился итог развития этого сложного и противоречивого китайского искусства¹¹⁶.

Изучение изобразительных искусств

Изучение изобразительных искусств в XXI в. продолжало оставаться одним из наиболее динамичных направлений российского китаеведения. К уже известным и зарекомендовавшим себя центрам и к ученым Москвы и Санкт-Петербурга прибавились новые географические точки и имена. Расширилась номенклатура исследований. Так, оставшаяся долгое время в российском китаеведении в тени китайская архитектура расцвела целым букетом новых исследований¹¹⁷. Укрепилось понимание каллиграфии не как некоего варианта «правописания», а как искусства формирования образов, специфического выражения глубинной китайской ментальности¹¹⁸. Всемирно известное садово-парковое искусство анализировалось и с формального ракурса архитектурной композиции, и как отражение виртуальной образности¹¹⁹. При этом основным центром исследовательского внимания российских искусствоведов оставались художественный свиток как органическое единство искусства живописи, каллиграфии и поэзии, а также скульптура, прежде всего в древних ритуальных погребениях. Стоит отметить, что в этот период в свет выходят не только новые исследования, но и классические работы старых востоковедов¹²⁰.

Языкознание

Язык занимает в современном Китае чрезвычайно высокое место в системе духовных ценностей. Вместе с иероглифической письменностью он воспринимается как носитель древнейшей китайской цивилизации и гарантия сохранения культурной идентичности в условиях глобализации. В принятой в КНР программе развития языка и письменности на 2012–2020 гг. важная роль отводится распространению литературного языка путунхуа за пределами китайского мира – в качестве «мягкой силы» государства.

В ориентированном на китайскую цивилизацию конфуцианском пространстве Восточной Азии иероглифическая письменность веками воспринималась как главный символ престижной культуры Поднебесной.

Фундаментальные исследования в области китайской культуры и китайского языкознания в течение последних десятилетий ведутся в ИДВ РАН и в других центрах китаеведения¹²¹. К важнейшему мероприятию в календаре российско-китайского взаимодействия на 2010 г. – году китайского языка – в России была приурочена фундаментальная монография¹²², анализирующая различные формы государственной поддержки языка, письменности и лингвистических исследований в период «реформ и открытости», процесс переосмысления языковых реформ середины XX в. в Китае.

Исследованиями разных исторических форм китайского языка традиционно продолжают заниматься петербургские лингвисты. Одному из наиболее интересных с лингвистической и культурологической точки зрения периодов в истории Китая – эпохе Тан посвящена диссертация Е.Б. Кондратьевой¹²³. Еще в одной яркой диссертационной работе последних лет анализируется один из самых интересных и сложных для анализа лексикографических памятников – древнейший китайский словарь «Эр я»¹²⁴.

В России изучением китайской письменности занимались десятки выдающихся ученых, их традиции продолжают отечественные синологи нового тысячелетия. Среди наиболее значительных публикаций последних лет следует назвать прежде всего две: уникальную монографию В.М. Крюкова, содержащую историко-культурный анализ древнекитайской эпиграфики эпох Инь и Чжоу, и книгу О.М. Готлиба, работающего в Иркутске, в которой представлено теоретическое осмысление особенностей китайской иероглифической письменности¹²⁵.

Киноведение

Изучение кинематографии Китая в российском китаеведении после широкого спектра исследований 1980–1990-х гг. утратило свою активность. Дело в том, что общее российское киноведение, ориентированное на анализ кинематографии США и Европы, оставило Китай на далекой периферии своих интересов. Можно упомянуть лишь одну попытку ввести изучение китайского кино в границы общего российского киноведения¹²⁶.

В рамках китаеведения появился полный и содержательный анализ творчества великого режиссера Чжан Имоу¹²⁷, принесшего китайскому киноискусству мировое признание. Это исследование не замкнуто на работах только этого мастера, а дано в органической связи как с развитием китайской кинематографии предшествовавшего периода, так и с заслуживающими внимания его последователями.

* * *

Итак, в целом, несмотря на все сложности переходного периода, уже в 1990-е гг. в российских исследованиях китайской культуры появляются проблемный подход и современная методология, в том числе компаративистская, что вывело их на международный уровень. В наибольшей степени это проявилось в сфере изучения образования. Были проанализированы (пока еще в общем виде) основные направления модернизации системы образования КНР, характерные и для других стран: интернационализация, децентрализация, приватизация, дифференциация. Они были систематизированы в посвященной 50-летию КНР статье «От школы классической к школе постиндустриальной»¹²⁸.

И в других областях культуры отечественное китаеведение показало потенцию выхода на новый уровень глубины исследований и широты охвата исходного материала.

Так был заложен фундамент для более глубокого анализа проблем культуры и образования в XXI в. Оправившись от растерянности 1990-х гг. российское Китаеведение в нынешнем тысячелетии стало строже, глубже, многограннее. Старшее поколение обобщает накопленное, уповая на смену, которая появилась не только в столицах, но и на окраинах Российской Федерации.

Развитию российского Китаеведения начал способствовать и сам Китай – учреждением филиалов международного Института Конфуция, чьей задачей стало активное привлечение российской молодежи к знакомству с китайской культурой, изучению языка, познанию страны, что в итоге расширяет ряды тех, кто начинает интересоваться Китаеведением как наукой. С китайским участием российские издательства в 2014 г. приступили к выпуску многотомной «Библиотеки китайской литературы».

Важно к тому же подчеркнуть, что российское Китаеведение теперь не только высоко оценивается в собственной стране, но и выходит за пределы национальных границ как равный и полноправный член мирового научного сообщества.

Примечания

- ¹ Сорокин В., Торопцев С., Боровская Н. Изучение проблем китайской культуры в ИДВ РАН // ПДВ. 2006. № 1. С. 63.
- ² Литература и искусство КНР начала 90-х годов. М., 1992.
- ³ Гольгина К.И. «Великий предел»: Китайская модель мира в литературе и культуре (I–XIII вв.). М., 1995.
- ⁴ Малявин В.В. Китай в 16–17 вв.: Традиция и культура. М., 1995; Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового времени. М., 2000.
- ⁵ Малявин В.В. Молния в сердце. Духовное пробуждение в китайской традиции. М., 1997.
- ⁶ Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2000.
- ⁷ Зинин С.В. Космос и человек в китайской культуре: звезды и восемь ветров «ба фэн». М., 1993.
- ⁸ Цзинь, Пин, Мэй. Иркутск, 1994 / Пер. В.С. Манухина, вступ. ст. Б.Л. Рифтина; *Ли Юй*. Полночирик Вэйян, или Подстилка из плоти. М., 1996 / Пер., предисл. Д.Н. Воскресенского.
- ⁹ Бамбуковые страницы. Антология древнекитайской литературы / Сост., вступит. ст., коммент. И.С. Лисевича. М., 1994.
- ¹⁰ Чжан Синьсинь, Сан Е. Дракон меняет облик. Китайцы сегодня. М., 1992.
- ¹¹ Ба Цзинь. Избранное: Сб. / Отв. ред. Л. Губарева, сост. и предисл. В. Сорокина. М., 1991.
- ¹² Взлетающий феникс. Современная китайская проза / Сост. Н.В. Захарова, В.И. Семанов. М., 1995.
- ¹³ Черкасский Л. Ай Цин – подданный Солнца. Книга о поэте. М., 1993.
- ¹⁴ Постоянство пути. Избранные танские стихотворения в переводах В.М. Алексеева. СПб., 2000.
- ¹⁵ Китайская пейзажная лирика. В 2 т. М., 1999.
- ¹⁶ Дагданов Г.Б. Мэн Хаожань в культуре средневекового Китая. М., 1991.
- ¹⁷ Лебедева Н.А. Сяо Хун. Жизнь, творчество, судьба. Владивосток, 1999.
- ¹⁸ Кравцова М.Е. Поэзия древнего Китая: Опыт культурологического анализа. СПб., 1994.
- ¹⁹ Кравцова М.Е. История культуры Китая. Учебное пособие. СПб., 1998.
- ²⁰ Зинин С.В. Протест и пророчество в традиционном Китае: Жанр *яо* с древности до XVII века н.э. СПб., 1993.
- ²¹ Бахтин М.М. Особенности китайской литературы и ее история // Бахтин М.М. Эстетическое наследие и современность. Саранск, 1992.
- ²² Китайская культура 20–40-х годов и современность. М., 1993.
- ²³ Рифтин Б.Л. Цун шэньхуа дао гуйхуа. Тайвань юаньчжунминь шэньхуа гуши бицзяо яньцзяо. (От рассказов о богах к рассказам о злых духах. Сравнительное изучение мифов и сказок Тайваня). Тайчжун, 1998.
- ²⁴ Зинин С.В. Новые западные исследования по средневековой китайской литературе // Восток (Oriens). М., 1993. № 6.
- ²⁵ Фицджеральд С.П. Китай. Краткая история культуры. М., 1998 (пер. с англ.).
- ²⁶ Гао Ман. Память сердца (Анна Ахматова и Китай) // ПДВ. 1990, № 3; Гао Ман. Пушкин и мы // Наш современник. М., 1999. № 10.

- ²⁷ *Ни Жуйцинъ*. Ба Цзинь и Л.Н. Толстой. Слово и мысль Льва Толстого. Казань, 1993.
- ²⁸ *Кондрашевский А.Ф., Румянцева М.В., Фролова М.Г.* Практический курс китайского языка. В 2 т. М., 2000.
- ²⁹ *Завьялова О.И.* Сино-мусульманские тексты: графика – фонология – морфонология // *Вопр. языкознания*. М., 1992. № 6.
- ³⁰ *Завьялова О.И.* Диалекты китайского языка. М., 1996.
- ³¹ *Малиновская Т.А.* Очерк истории китайской классической драмы в жанре *цзацзюй* (XIV–XVII вв.). М., 1996.
- ³² *Гайда И.В.* Время и драматургия (театр КНР начала 90-х годов) // ИБ ИДВ РАН. М., 1995. №1 и др.
- ³³ *Аджимамудова В.С.* Тянь Хань: портрет на фоне эпохи. М., 1993.
- ³⁴ *Серова С.А.* Китайский театр и традиционное китайское общество. XVI–XVII вв. М., 1990.
- ³⁵ *Серова С.А.* Театральная культура Серебряного века в России и художественные традиции Востока (Китай, Япония, Индия). М., 1999.
- ³⁶ *Плахов А.* Всего 33. Звезды мировой кинорежиссуры. Винница, 1999.
- ³⁷ *Торопцев С.А.* Трудные годы китайского кино. М., 1975; *Он же*. Очерк истории китайского кино: 1966–1986. М., 1979; *Он же*. Свеча на закатном окне: Заметки о китайском кино. М., 1987.
- ³⁸ *Торопцев С.А.* Китайское кино в «социальном поле». М., 1993.
- ³⁹ *Торопцев С.А.* Изображение и слово в китайском «новом кино» // ПДВ. 1998. № 4; *Он же*. Тайваньское кино на скрещении традиций и авангарда (творческий облик режиссера Хоу Хаосяня) // ПДВ. 1997. № 3; *Он же*. Реальное и чувственное («восточный» и «западный» типы сексуальных отношений в фильмах КНР) // ПДВ. 1996. № 6.
- ⁴⁰ *Торопцев С.А.* К «Красному гаоляну» через Ницше, Фромма, Лаоцзы // *Восток – Запад: взаимодействие цивилизаций*. 1992. № 1 и др.
- ⁴¹ *Торопцев С.А.* Кинематография Тайваня. М., 1998.
- ⁴² *Торопцев С.А.* «Новое кино» Тайваня. М., 1997.
- ⁴³ *Toroptsev S.* The Viewer Viewed // *Cinema. Delhi*, 1991. № 12; *Idem.* The Space of the Subjective // *Cinema. Delhi*, 1992. № 16.
- ⁴⁴ *Завадская Е.В.* Ихэюань – сад, творящий гармонию. М., 1991.
- ⁴⁵ *Арапова Т.Г.* Дальневосточный фарфор в России 17–20 вв. СПб., 1994.
- ⁴⁶ *Лубо-Лесниченко Е.И.* Китай на Шелковом пути. М., 1994; *Меньшикова М.Л.* Китайские шелковые ткани из Египта // *Сообщ. Государственного Эрмитажа*. СПб., 1997. Вып. 57.
- ⁴⁷ *Меньшикова М.Л.* Ли Хун-чжан и Николай II: к вопросу об истории некоторых китайских вещей в коллекции Эрмитажа // *Кунсткамера: Этнографические тетради*. СПб., 1995. Вып. 7.
- ⁴⁸ *Самосюк К.Ф.* Портреты тангутских императоров // *Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского*. СПб., 1993.
- ⁴⁹ *Виноградова Н.А.* Пань Тянь-шоу и традиции живописи гохуа. М., 1993; *Соколов-Ремизов С.Н.* Между прошлым и будущим. Живопись и каллиграфия Китая и Японии на рубеже веков // XXVIII науч. конф. ОГК: тез. докл. М., 1998.
- ⁵⁰ *Боревская Н.Е.* Школа в КНР. 1957–1972 гг. М., 1974; *Антиповский А.А., Боревская Н.Е., Франчук Н.В.* Политика в области науки и образования в КНР: 1949–1979 гг. М., 1980.
- ⁵¹ Современное образование и реформа школы 20–40-гг. // *Китайская культура 20–40-х годов и современность*. М., 1989. С. 200–234.
- ⁵² *Боревская Н.Е.* О восприятии идей мировой педагогики в Китае // *Педагогика*. М., 1991. № 9. С. 128–135.
- ⁵³ *Боревская Н.Е.* Образование на Тайване / Современный Тайвань // ИБ ИДВ РАН. М., 1992. Вып. 2.
- ⁵⁴ *Боревская Н.Е.* Модернизация или вестернизация? (Специфика китайской школы) // ПДВ. 1993. № 4. С. 82–92.
- ⁵⁵ *Боревская Н.Е.* Китайская образовательная стратегия в азиатском контексте // *Педагогика*. М., 1997. № 3. С. 86–95.
- ⁵⁶ *Borevskaya N.* The Role of the State in Educational Reform in the PRC // *The Challenge of Eastern Asian Education: Implications for America*. Albany, 1997. P. 265–274.
- ⁵⁷ *Боревская Н.Е.* Образовательная политика в Китае и России: сравнительный анализ // *Педагогика*. М., 1996. № 1. С. 94–103.
- ⁵⁸ *Боревская Н.Е.* Управление образованием в Китае // *Педагогика*. М., 1992. № 11–12. С. 108–114.
- ⁵⁹ *Боревская Н.Е.* Регионализация как составная стратегии образования в Китае в 90-е годы // ПДВ. 1997. № 3. С. 129–141.

- ⁶⁰ *Боревская Н.Е.* Негосударственные образовательные учреждения в Китае // Педагогика. М., 1999. № 1. С. 92–102.
- ⁶¹ *Ян Годун.* Эго ханьсюэ ши ци 1917 нянь (История российского китаеведения, начиная с 1917 г.). Пекин, 2006; Элосы чжунгосюэ (Российское китаеведение). Чунцин, 2011.
- ⁶² *Ломанов А.В.* Элосы чжунгосюэ (Российское китаеведение). Чунцин, 2011. С. 3.
- ⁶³ *Borevskaya N.Y.* Searching for Individuality: Educational Pursuits in China and Russia // Education, Culture, & Identity in Twentieth-Century China. Ann Arbor, 2001. P. 31–53; *Idem.* The PRC Educational Modernization Strategy: the Shift of a Paradigm? // Berliner China-Hefte, 2003, № 25; Kina: istorija, kultura, religija // Vladimir Vjačeslavovič Maljavin. Beograd, 2008; Le Mystere des metaphors dans la poesie Li Bo. Par Sergey Toroptsev // Metaphores et cultures: En mots et en images. Paris, 2012. P. 103–118.
- ⁶⁴ http://slon.ru/economics/indeks_myagkoy_sily_kitay_v_2_raz_silney_rossii-794514.xhtml.
- ⁶⁵ *Борох О., Ломанов А.* От «мягкой силы» к «культурному могуществу» // Россия в глобальной политике. 2012. № 4. <http://globalaffairs.ru/number/Ot-myagkoi-sily-k-kulturnomu-moguschestvu-15643>
- ⁶⁶ Духовная культура Китая: энциклопедия. В 6 т. Т. 6 (доп.). М., 2006–2010.
- ⁶⁷ *Ломанов А.В.* Элосы чжунгосюэ (Российское китаеведение). Чунцин, 2011. С. 44.
- ⁶⁸ *Линь Юйтан.* Китайцы: моя страна и мой народ. М., 2010.
- ⁶⁹ *Спешнев Н.А.* Дискуссия об этнопсихологии китайцев / Пер. с кит. Н.А. Спешнева // Восток–Запад: Ист.-лит. альм., 2005–2006. М., 2006. С. 231–268. В прил.: *Ли Цзунъю.* Наука о бесстыдстве и коварстве (Хоу хэй сюэ).
- ⁷⁰ *Торопцев С.А.* Локус культуры в китайской ментальности // Отечественные записки. М., 2008. № 3. С. 205–221.
- ⁷¹ *Лисевич И.С.* Мозаика древнекитайской культуры. М., 2010.
- ⁷² *Грицак Е.Н.* Тибет. М., 2005; *Рерих Ю.Н.* Тибетская живопись М., 2001 (пер. с англ.); *Елихина Ю.И.* Тибетская живопись (тангка) из собрания Ю. Н. Рериха. СПб., 2010; *Резван Е.А.* Между Туркестаном и Тибетом: Салары. СПб., 2010; *Бир Р.* Энциклопедия тибетских символов и орнаментов. М., 2011.
- ⁷³ *Ломанов А.В.* Христианство и китайская культура. М., 2002.
- ⁷⁴ *Боревская Н.Е., Торопцев С.А.* Китайская культура во времени и в пространстве. М., 2010.
- ⁷⁵ Напр.: *Ли Фантин.* Китайская пейзажная живопись жанра «горы-воды» («шаньшуйхуа»): эволюция и некоторые параллели. Дис. ... канд. иск. М., 2003; *Чжань Янь.* Китайский костюм эпохи Мин: Орнамент, декоративные особенности и символика. Дис. ... канд. иск. М., 2003; *Лоу Цинси.* Десять этюдов по китайской архитектуре. М., 2009.
- ⁷⁶ *Малявин В.В.* Основные этапы развития школьного образования в древнем и средневековом Китае // Очерки истории школы и педагогической мысли древнего и средневекового Востока. М., 1988.
- ⁷⁷ *Боревская Н.Е.* Очерки истории школы и педагогической мысли в Китае. М., 2002.
- ⁷⁸ Педагогическая мысль и образование // Духовная культура Китая: энциклопедия. В 6 т. М., 2006–2012. Т. 5. М., 2009. С. 529–575.
- ⁷⁹ *Боревская Н.Е.* Особенности китайской педагогики и системы образования в контексте этнопсихологии. М., 2007.
- ⁸⁰ См.: *Боревская Н.Е.* Традиции и современность в процессе модернизации системы образования в КНР // Образование в современном мире: достижения и проблемы. М., Пятигорск, 2009. С. 312–343.
- ⁸¹ См.: *Боревская Н.Е., Торопцев С.А.* Китайская культура во времени и пространстве. М., 2010.
- ⁸² *Боревская Н.Е.* Элосы кэ цзюй чжи дэ яньцзю (Изучение системы императорских экзаменов в России) // Кэ цзюй чжи дэ чжунцзе юй кэ цзюй сзе дэ синци (Конец императорской экзаменационной системы и расцвет ее изучения / ред. Лю Хайфэн. Ухань, 2006. С. 496–503; *Она же.* Система императорских экзаменов в Китае // Педагогика. М., 2005. № 10. С. 78–90.
- ⁸³ *Боревская Н.Е.* Государство и школа: опыт Китая на пороге III тысячелетия. М., 2003.
- ⁸⁴ *Боревская Н.Е.* Реструктуризация финансирования государственной системы образования в КНР // ПДВ. 2001. № 2. С. 108–121.
- ⁸⁵ *Bray M., Borevskaya N.* Financing Education in Transitional Societies: Lessons from Russia and China // Comparative Education. Taylor & Francis. 2001. Vol. 37. № 3. P. 345–366.
- ⁸⁶ *Боревская Н.Е.* Новые механизмы финансирования высшей школы в КНР: китайский опыт в российском контексте. М., 2009.
- ⁸⁷ *Рысакова П.И.* Система образования в китайском обществе. М., 2010.
- ⁸⁸ См. сборники: Особенности организации и учебно-воспитательной деятельности 12-летней школы в Азии. М., 2003. С. 34–81; Оценка учебных успехов учащихся в школах за рубежом в контексте стан-

- дартов образования. М., 2005. С. 145–170; Модернизация профессионального образования: теория, опыт, проблемы. М., 2012. С. 46–64.
- ⁸⁹ Боровская Н.Е., Гудошников Л.М. Образовательное законодательство и образовательная система Китая // Образовательное законодательство и образовательные системы зарубежных стран. М., 2007. С. 316–370.
- ⁹⁰ Россия – Китай: образовательные реформы на рубеже XX–XXI вв. Сравнительный анализ / Отв. ред. Н.Е. Боровская, В.П. Борисенков, Чжу Сяомань. М., 2007.
- ⁹¹ 20–21 shiji zhijiao zhong-e jiaoyu gaige bijiao (Россия – Китай: образовательные реформы на рубеже XX–XXI вв. Сравнительный анализ). Beijing, 2006.
- ⁹² Educational Reforms in Russia and China at the Turn of the 21st Century: A Comparative Analysis / Eds. Nina Ye. Borevskaya. V.P. Borisenkov & Xiaoman Zhu. Hong Kong, 2010.
- ⁹³ Развитие региональных систем профессионального образования в России и Китае: современное состояние и основные тенденции / Отв. ред. Н.Е. Боровская, С.А. Иванов, Чжу Сяомань. М., 2010; Чжун э дьяньсин дицю чжиье цзяюу: дяоча юй бицзяо фэньси (Развитие региональных систем профессионального образования в России и Китае: исследование и сравнительный анализ). Пекин, 2010.
- ⁹⁴ Боровская Н.Е. Советская педагогика в оценках китайских ученых // Педагогика. М., 2007. № 8. С. 57–70; Китайские педагоги об образовательных реформах в новой России // Педагогика. М., 2007. № 10. С. 80–90.
- ⁹⁵ Сотрудничество России и КНР в сфере образования: анализ прошлого и перспективы будущего / Науч. ред. Н.Е. Боровская. М., 2009.
- ⁹⁶ Боровская Н.Е. Интернационализация российских вузов: китайский вектор как часть Азиатско-тихоокеанского направления. М., 2013. См. также: Интернационализация высшего образования: тенденции, стратегии, сценарии будущего. М., 2010.
- ⁹⁷ Вайгожэнь кань чжунго цзяюу (Китайское образование глазами иностранцев) / Ред. Юань Гуйжэнь. Пекин, 2012. С. 184–191.
- ⁹⁸ Хузятлова Н.К. Модернистские тенденции в творчестве китайских писателей 1980-х годов как поиск идентичности в контексте глобализации. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008.
- ⁹⁹ Хузми Д.В. Образно-символический мир в поэзии Се Тяо (5 в.). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.
- ¹⁰⁰ Сторожук А.Г. Юань Чжэнь: Жизнь и творчество поэта эпохи Тан. СПб., 2001; Он же. Художественные концепты и проблемы творчества в литературе эпохи Тан. Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2006.
- ¹⁰¹ Кравцова М.Е. Поэзия вечного просветления: Китайская лирика второй половины V – начала VI века. СПб., 2001; Кравцова М.Е. Хрестоматия по литературе Китая: Повествовательная проза. Поэзия. Драма. СПб., 2004.
- ¹⁰² Завидовская Е.А. Постмодернизм в современной прозе Китая. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
- ¹⁰³ Родионов А.А. Лао Шэ и проблема национального характера в китайской литературе XX в. СПб., 2006; Коробова А.Н. Эволюция творчества Фэн Цицзя. От остроконфликтных сюжетов к «прозе родного города». Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009.
- ¹⁰⁴ Масалимова Д.Д. Поэзия государства Цзинь (1115–1235 гг.). Улан-Удэ, 2001.
- ¹⁰⁵ Алексеев В.М. Труды по китайской литературе. В 2 кн. М., 2002.
- ¹⁰⁶ Позднеева Л.Д. История китайской литературы: собр. трудов. М., 2011.
- ¹⁰⁷ Воскресенский Д.Н. Литературный мир средневекового Китая: китайская классическая проза на байхуа: собрание трудов. М., 2006.
- ¹⁰⁸ Торощев С.А. Жизнеописание Ли Бо – Поэта и Небожителя. М., 2009.
- ¹⁰⁹ Китайский поэт Золотого века. Ли Бо: 500 стихотворений в переводе Сергея Торощева. М., 2011.
- ¹¹⁰ Ли Бай цзай элосы цянцзай чжинь (Тонкое ощущение в России поэзии Ли Бо сквозь тысячелетия) // ЖМЖБ. 23.11.2012.
- ¹¹¹ Городецкая О.М. Четырежды «четыре печальных стиха»: К вопросу о принципах перевода китайской поэзии // XXXIII науч. конф. ОГК: тез. докл. М., 2003. С. 183–192; Она же. Поэтика иероглифа: (Размышления переводчика) // Восток (Oriens). М., 2002. № 6. С. 5–24; Базылев В.Н., Сорокин Ю.А. Интерпретативное переводоведение. Пропедевтический курс. Учебное пособие. Ульяновск, 2000; Торощев С.А. Китайское стихотворение и его русская интерпретация // Ин-т Конфуция. СПбГУ. 2010. № 3. С. 75–78.

- ¹¹² Ду Фу. Проект Наталии Азаровой. М., 2012.
- ¹¹³ Серова С.А. Театральная культура Серебряного века в России и художественные традиции Востока (Китай, Япония, Индия). М., 1999.
- ¹¹⁴ Серова С.А. Китайский театр – эстетический образ мира. М., 2005.
- ¹¹⁵ Серова С.А. Религиозный ритуал и китайский театр. М., 2013.
- ¹¹⁶ Гайда И.В. Театр // КНР 55 лет. Политика. Экономика. Культура. М., 2004.
- ¹¹⁷ Демидо Н.Ю. Архитектура // Духовная культура Китая: энциклопедия. В 6 т. Т. 6 (доп.). М., 2010, С. 54–76; *Виноградова Н.А.* Ландшафтная архитектура // Духовная культура Китая. Энциклопедия. В 5 т. Т. 6 (дополнительный). М., 2010. С. 77–99; *Комиссаров С.А., Азаренко Ю.А., Тимонова Е.В., Хачатурян О.А.* Искусство китайской архитектуры. Новосибирск, 2011.
- ¹¹⁸ Белозерова В.Г. Искусство китайской каллиграфии. М., 2007.
- ¹¹⁹ Новикова Е.В. Китайский сад – модель взаимоотношений Человека и Природы // Человек и природа в духовной культуре Востока. М., 2004. С. 396–417; *Голосова Е.В.* Ландшафтное искусство. М., 2008.
- ¹²⁰ *Осенмук В.В.* Чань-буддийская живопись и академический пейзаж периода Южная Сун (XII–XIII вв.) в Китае. М., 2001; *Рерих Ю.Н.* Тибетская живопись. М., 2002; Слово о живописи из Сада с горчичное зерно / Пер. с кит., коммент. Е.В. Завадской. М., 1969; *Кузьменко Л.И.* Китайский фарфор с конца XVI до 80-х годов XVII в // Грани творчества: Сб. науч. ст. М., 2005. Вып. 2. С. 188–222; *Неглинская М.А.* Производство расписных эмалей в пекинских придворных мастерских XVIII в. // Восток (Oriens). М., 2006. № 1. С. 42–52.
- ¹²¹ *Завьялова О.И.* Китайские диалекты и современное языкознание в КНР // Вопр. языкознания. М., 2009. № 6. С. 102–108.
- ¹²² *Завьялова О.И.* Большой мир китайского языка. М., 2010.
- ¹²³ *Кондратьева Е.Б.* Грамматические особенности китайского языка эпохи Тан. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007.
- ¹²⁴ *Гурьян Н.В.* Стрoение первого китайского словаря «Эр я». Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
- ¹²⁵ *Крюков В.М.* Текст и ритуал. Опыт интерпретации древнекитайской эпиграфики эпохи Инь – Чжоу. М., 2000; *Готлиб О.М.* Основы грамматики китайской письменности. М., 2006.
- ¹²⁶ *Торопцев С.А.* Китай // История зарубежного кино. М., 2005. С. 520–546.
- ¹²⁷ *Торопцев С.А.* «Международный бренд» китайского кино – режиссер Чжан Имоу. М., 2008.
- ¹²⁸ *Боревская Н.Е.* От школы классической к школе постиндустриальной // Китай на пути модернизации и реформ. М., 1999. С. 559–579.

ИССЛЕДОВАНИЯ КИТАЙСКОЙ МИГРАЦИИ В РОССИИ И ПРОБЛЕМ ТАЙВАНЯ

КИТАЙСКИЕ МИГРАНТЫ В РОССИИ

Одним из последствий нормализации российско-китайских отношений на рубеже 1980–1990-х гг. стал массовый приток в Россию мигрантов из КНР. Это неожиданное для россиян явление, отвечавшее потребностям нового общества и вместе с тем породившее ряд острых проблем, сделалось приметой наступивших перемен и сразу обратило на себя внимание российских ученых.

Примерно в тот же период, в начале 1990-х гг., открылись, пусть и далеко не полностью, российские архивы, были сняты цензурные ограничения и исследователи получили возможность вернуться к теме, запретной с 1930-х гг. и теперь вновь обретшей актуальность, – к истории китайской общины в нашей стране.

В настоящее время эта тематика интенсивно изучается в Москве, Благовещенске, Иркутске, Красноярске, Владивостоке, Хабаровске, Чите, Улан-Удэ и в других городах по обе стороны Урала. Она прочно вошла в повестку дня международных научных конференций: в Благовещенске, где с 2000 г. проводилась серия конференций под общей шапкой «Россия и Китай на дальневосточных рубежах» на базе Амурского государственного университета¹ и еще одна серия под названием «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества» под эгидой Благовещенского государственного педагогического университета²; в Москве в ИДВ РАН в рамках регулярного форума «Китай, китайская цивилизация и мир»; в МГИМО(У) МИД РФ в Центре исследований Восточной Азии и ШОС³; в Московском центре Карнеги⁴, а также в других научных центрах. По результатам конференций и вне их рамок были изданы многочисленные сборники докладов и статей, перечислить которые в этой главе нет возможности. Тема китайских мигрантов заняла видное место в межрегиональных программах, в том числе в нескольких крупных проектах Межрегионального института общественных наук при Иркутском университете, объединивших усилия многих ученых страны с целью подготовки монографий по миграционно-диаспоральным проблемам⁵.

Помимо большого количества работ, посвященных тем или иным частным (хотя и не обязательно узким) аспектам темы, появились монографии, авторы которых стремились проследить весь процесс становления и развития китайской диаспоры в стране или в каком-либо ее регионе от начала и вплоть до наших дней. Таковы, например, моно-

графии коллектива авторов «Этноэмиграционные процессы в Приморье в XX веке»⁶, В.Г. Дацышена «Китайцы в Сибири в XIX–XX вв.: проблемы миграции и адаптации»⁷, А.Г. Ларина «Китайские мигранты в России. История и современность»⁸.

В результате творческих усилий большого отряда ученых на сегодня мы имеем обширный запас наработок, касающихся исторических, социологических, демографических, этнографических, экономических, политических аспектов рассматриваемой темы. Описан огромный массив фактов, определены направления работ, отработана проблематика, сформулированы подходы и оценки (как дополняющие друг друга, так и взаимоисключающие) к тем или иным проблемам.

Создана целостная, хотя и не без пробелов, картина истории китайцев в России⁹, фундаментом для которой послужили массивы документов в центральных и областных архивах, материалы из китайских архивов, а также многочисленные публикации дореволюционных авторов. В конце 1950-х гг. появился ряд работ, посвященных участию китайцев в Октябрьской революции и Гражданской войне в России, тема китайских мигрантов поднималась в трудах по более общей дальневосточной проблематике, подготовленных советскими историками в последний период существования СССР¹⁰. Однако исследования советских ученых должны были укладываться в определенные идеологические рамки. В новых условиях появилась возможность открыть для российского читателя целый ряд принципиально важных исторических моментов, ранее не известных или забытых, – от весомой роли китайского труда в хозяйственном освоении Россией Дальнего Востока и до массовых репрессий в отношении китайцев и корейцев в 1937–1938 гг.

Изложим схематично историческую картину, воссозданную трудами российских ученых.

После размежевания границы между Россией и Китаем по договорам, заключенным в середине XIX в., на российской территории проживало небольшое количество китайцев и маньчжуров, занимавшихся таежными промыслами, земледелием, рыболовством. С конца XIX в. в России появились трудовые мигранты, число которых стало стремительно расти, особенно на Дальнем Востоке, что объяснялось потребностями хозяйственного освоения края. Китайские мигранты сыграли значительную роль в строительстве экономики российского Дальнего Востока, составляя подавляющее большинство работников в сфере неквалифицированного труда и занимая заметные позиции в торгово-предпринимательской отрасли (главным образом в мелкой и средней торговле), в земледелии (до 1907 г.), парусном каботаже и т.д. Отличительными чертами китайцев были трудолюбие, дисциплинированность, неприхотливость, трезвый образ жизни, тогда как для русских рабочих были характерны большая инициативность и физическая выносливость.

Как и во многих других странах, китайские мигранты в России подвергались жестокой эксплуатации и расовой дискриминации (против чего протестовали немногочисленные представители российской либеральной общественности). Среди российского населения и в административных структурах в связи с «наплывом» китайцев стали распространяться опасения относительно «желтой угрозы», особенно усилившиеся после поражения России в войне с Японией (1904–1905). Эти настроения вылились в репрессии против китайского населения в 1900 г., когда в Китае разразилось антиимпериалистическое восстание «ихэтуаней», и войска восставших начали действовать на российско-китайской границе в районе Благовещенска. Под влиянием алармистских настроений российское правительство взяло курс на постепенное ограничение, а затем и вытеснение китайского труда и предотвращение оседания иностранцев в пограничных районах российского Дальнего Востока...

Однако с началом Первой мировой войны из-за ухода в армию значительной доли трудоспособного населения труд китайцев оказался востребованным не только в восточных районах страны. Китайские рабочие появились во многих местах Европейской России. Заключавшиеся с ними контракты должны были обеспечить им относительно гуманные

условия существования, но на практике их уделом стал изнурительный труд, произвол начальства, дискриминация. Рабочие стали уезжать с мест работы, возник феномен «бродячих китайцев», которых власти ловили и ссылали из прифронтовых губерний во внутренние районы страны.

После Февральской и Октябрьской революций и выхода России из Первой мировой войны потребность в китайском труде отпала, однако в условиях Гражданской войны и разрухи большинство китайских рабочих лишилось возможности вернуться на родину. Заботу о попавших в бедственное положение соотечественниках взяла на себя благотворительная организация – Союз китайских граждан, после Октябрьской революции преобразованная в Союз китайских рабочих и наладившая тесное сотрудничество с советской властью. Значительная часть китайских рабочих вступила в ряды Красной Армии, где китайцы зарекомендовали себя храбрыми бойцами.

Что же касается китайских предпринимателей, то многие из них эмигрировали на родину, а оставшиеся, попав в число представителей «эксплуататорских классов», стали объектами «революционного насилия»: реквизиций, налогового прессы, репрессий, несмотря на попытки китайского правительства и российского НКВД взять их под защиту. В лучшем положении оказались только китайцы в Дальневосточной Республике ввиду ее особых политических задач. В 1918–1920 гг. обращения китайских консульств в Сибири к правительству Китая с просьбой о помощи послужили для Пекина одним из поводов, чтобы направить туда военную экспедицию, которая, однако, ограничилась выполнением полицейских функций и боевых действий почти не вела.

Правительство Советской России рассматривало китайскую эмиграцию, прежде всего китайских красноармейцев, как боевой резерв уже близкой, казалось, китайской революции. Так же считали и китайские коммунисты из числа эмигрантов, охваченные левым ультрареволюционным духом. Из России в Китай направлялись агенты для установления связей и налаживания координации с «пролетарскими демократическими организациями», с Сунь Ятсеном, который, в свою очередь, считал целесообразным в определенных условиях ввод в Китай частей Красной Армии. Однако история сложилась так, что китайским мигрантам в России суждено было сыграть более заметную роль в российской революции, чем в китайской.

В СССР по мере налаживания хозяйственной жизни условия труда и быта китайцев стали постепенно улучшаться, а их количество – увеличиваться. Было официально установлено равноправие всех национальностей, развернулось национально-культурное строительство, хотя остаточные проявления экономической и бытовой дискриминации китайцев изживались медленно. Наравне со всеми другими народами страны китайское меньшинство прошло через крутые и болезненные социально-экономические преобразования, сопровождавшиеся репрессиями, результатом чего был большой отток китайцев на родину.

Особую группу китайских мигрантов составляли студенты учебных заведений, созданных под эгидой Коминтерна с целью подготовки кадров для национальных антиимпериалистических революций в странах Востока.

В 1930-е гг. напряженность в отношениях между СССР и Китаем и Японией усилила подозрительное отношение к китайским и корейским общинам, особенно на Дальнем Востоке. Не последнюю роль в этой ситуации играли факторы нелегальной миграции, контрабанды и др. В этих условиях в 1937–1938 гг. была проведена массовая высылка и частичная репатриация китайцев и корейцев из пограничных районов Дальнего Востока, сопровождавшаяся многочисленными актами репрессий, после чего тема китайцев в России надолго попала под запрет.

После создания КНР в 1950 – начале 1960-х гг. свыше 11 тыс. китайских студентов получили образование в советских вузах, однако последовавшее затем осложнение советско-китайских отношений положило конец и этому виду двустороннего сотрудничества.

Пожалуй, сегодня самое значимое для нас из истории китайцев в нашей стране – это наличие поразительных параллелей между явлениями на рубежах XIX–XX вв. и XX–XXI вв. веков: приток мигрантов именно на малоквалифицированные работы; полезность труда китайских мигрантов и одновременно наличие в их деятельности негативной для российской стороны составляющей (конкуренция с россиянами, хищническое отношение к природным богатствам, вывоз доходов за границу, преступность); высокое качество китайской рабочей силы, дающее ей преимущества в конкуренции с россиянами и т.д. Наиболее же примечательное – это возрождение дореволюционных тревог относительно «китайской угрозы».

* * *

Постоянно пополняемые результаты исторических изысканий стали фоном, на котором в научных кругах развернулось углубленное всестороннее изучение современной проблематики, касающейся гостей из Поднебесной. Заметные успехи были достигнуты к концу 1990-х гг. В эти годы известными специалистами по вопросам миграции Г.С. Витковской и Ж.А. Зайончковской¹¹ в ходе масштабной научной экспедиции в приграничные территории Сибири и Дальнего Востока было осуществлено первое комплексное исследование темы. Ученые опросили свыше 2 тыс. российских граждан (экспертов, местных жителей, студентов) и несколько сот китайских мигрантов, а подготовленная ими система анкет легла в основу последующих социологических обследований.

Тогда же, на рубеже 1990–2000-х гг., появились значительные работы, которые во многом задали тон дальнейшим исследованиям и, по всей видимости, могли бы занимать первые места по индексу цитирования. Мы имеем в виду монографии В.Г. Гельбраса «Китайская реальность России»¹² и «Россия в условиях глобальной китайской миграции»¹³, целый ряд статей и разделов в монографиях В.Л. Ларина «Китай и Дальний Восток России»¹⁴, «Российско-китайские отношения в региональных измерениях»¹⁵ и «В тени проснувшегося дракона»¹⁶, монографию В.И. Дятлова «Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта?»¹⁷.

В настоящее время в изучении проблематики, связанной с китайской миграцией в РФ, сложился ряд направлений¹⁸, важнейшие из которых мы рассмотрим ниже.

Экономическая деятельность китайских мигрантов

Это в императорской России собирали и публиковали статистику: сколько имеется в родах Дальнего Востока принадлежащих китайцам предприятий, каковы их профиль, численность персонала, оборот и т.д. Ныне об этом можно только мечтать. Нехватка статистики, усугубляющая изначально латентный характер многих экономических процессов, плюс сложная расстановка интересов в российском обществе стимулируют формирование разнообразных, в том числе полярно противоположных, взглядов. По общему признанию, имеют место как позитивные, так и негативные стороны. Так, В.Л. Ларин высоко оценивает ту пользу, которую китайские мигранты принесли российским гражданам, обеспечив им:

«1. Наполнение рынка (особенно дальневосточного и отчасти сибирского) товарами ширпотреба и продуктами питания. Это китайцев и российских «челноков» надо благодарить за то, что они одели и накормили немалую часть населения Зауралья в начале голодных 1990-х.

2. Конкуренцию на рынке труда, заполнение вакантных рабочих мест (в строительстве, сельском хозяйстве, сфере обслуживания).

3. Ценовую конкуренцию и удешевление местных товаров.

4. Наполнение федерального и местных бюджетов. Налоговые сборы с торговцев на рынках и предпринимателей являлись важным источником поступлений в бюджет ряда городов и поселков российского приграничья.

5. Стимулирование турбизнеса и завязанной на нем сферы обслуживания. По некоторым оценкам, каждый «турист», делая покупки, играя в казино, посещая другие «злчанные места», оставлял в России от 200 до 400 долл.

6. Повышение уровня личного благосостояния отдельных чиновников, таможенников, милиционеров, работающих с китайцами¹⁹.

Противоположную точку зрения предпочел В.Г. Гельбрас, доказывавший в одной из своих монографий, что деятельность китайских землячеств «наносит ущерб экономической безопасности и сдерживает становление цивилизованной рыночной экономики России. Во-первых, она закрепляет положение России в качестве сырьевого придатка Китая. Во-вторых, превращает Россию в рынок сбыта китайских товаров. В-третьих, способствует расширению китайской миграции в Россию и через Россию в другие страны»²⁰.

Другие исследователи включают в список претензий к китайским мигрантам различные виды деятельности в сфере теневой экономики: уклонение от уплаты налогов, выкачивание природных ресурсов российского Дальнего Востока, нелегальный вывоз валюты, использование запрещенных ядохимикатов в сельском хозяйстве и т.д. вплоть до создания даже в столице нелегальных турфирм вопреки запрещению для иностранцев заниматься в России туристическим бизнесом. Тем не менее подавляющее большинство исследователей оценивает хозяйственную деятельность китайских мигрантов не столь сурово, а многие из них отчетливо осознают: корни негативной деятельности китайцев уходят в глубь российской почвы – в дефекты сложившихся в России порядков, начиная с отсутствия должного контроля со стороны властей. Впрочем, и сам В.Г. Гельбрас, похоже, не склонен абсолютизировать свои отрицательные выводы. В той же монографии в разделе с характерным названием «Китайская миграция может стать благом для России», анализируя ситуацию в Приморском крае, он приходит к заключению: «Способствуя экономическому росту, иностранная рабочая сила вызывает общее увеличение занятости населения»²¹ (в рассматриваемый период граждане КНР составляли в крае большинство в общей численности иностранных граждан, в частности в 2000 г. – 65,8%). И далее он пишет: «Трудно сказать, сможет ли Россия успешно развиваться без привлечения китайских мигрантов»²².

В анализе экономической активности приезжих из КНР видное место отводится вопросу о конкуренции: отнимают ли гости рабочие места у российских граждан, или же они занимают свободные ниши, не интересующие россиян? Вопрос этот обычно рассматривается относительно мигрантов в целом и касается прежде всего безвизовых мигрантов из стран ближнего зарубежья, однако поднимается он и применительно к китайским мигрантам. В научной литературе можно встретить оба мнения, и оба – без убедительных доказательств, поскольку предмет исследования здесь заведомо далек от публичности и к тому же не всегда можно однозначно определить, является ли конкуренция «здоровой» или «нездоровой», полезной или вредной. Наем нелегальной китайской рабочей силы выгоден предпринимателю, а возможно, и покупателю производимого им товара, но не выгоден тому россиянину, который мог бы работать у этого предпринимателя. Есть и обобщающая точка зрения, согласно которой мигранты в основном занимают вакантное пространство, однако по краям его имеет место конкуренция, которая и определяют границы этого пространства.

Российские овощеводы на Дальнем Востоке, безусловно, проигрывают китайским, однако и тут ситуация неоднозначна, и мы сталкиваемся с разбросом мнений: с одной стороны, претензии к китайцам по поводу «демпинга на рынке сельхозпродукции»²³,

с другой – заявления, что «для российского Дальнего Востока и Восточной Сибири импорт рабочей силы из Китая решает проблему нехватки рабочей силы в сельском хозяйстве (выращивание овощей) и строительстве»²⁴. В любом случае очевидно, что конкуренция в этой сфере стала острой проблемой, и прямой долг государства – найти сбалансированное компромиссное решение, оптимальным образом отвечающее интересам как потребителей, так и отечественных производителей.

Нелишне отметить, что мощный напор и пластичность потока китайских коммерсантов подчас подталкивает наблюдателей к заведомо недоказуемым умозаключениям конспирологической окраски, в данном случае – на тему о завоевании посланцами Поднебесной внешних рынков. Например, автор многих глубоких наблюдений над жизнью китайской общины В.Г. Гельбрас явно в духе «теорий заговора» выдвинул тезис о том, что «абсолютное большинство китайских мигрантов являются частью организованной структуры, функциональным элементом товарного потока в Россию»²⁵. Известно, что китайское правительство прилагает серьезные усилия для экспорта не только товаров, но и рабочей силы и что, в частности, в Северо-Восточном Китае поставщики товаров в Россию пользуются таможенными, налоговыми и другими льготами. Надо полагать, что у Пекина есть стратегия освоения российского и других сегментов мирового рынка. При желании можно все это рассматривать как «заговор», а можно и не рассматривать, хотя бы потому, что представления о китайских коммерсантах как о послушных винтиках некоего единого механизма плохо стыкуются с фактами острой конкурентной борьбы между «лаобанями» внутри самой китайской общины, протестных выступлений китайских рабочих против своих хозяев и т.п. В любом случае наша задача заключается в одном и том же: следить за конъюнктурой рынка и принимать необходимые меры для защиты отечественных предпринимателей.

«Китайская демографическая экспансия»

В 1990-х гг. плохо поддающийся контролю стихийный поток приезжих из Поднебесной спровоцировал в обществе волну тревоги относительно «китайской экспансии». В прессе появились фантастические данные о миллионах китайцев, заселивших восточную окраину России, о многочисленных фиктивных браках мигрантов с российскими женщинами. Возникли представления о наличии у китайских руководителей плана «миграционной экспансии» в Россию²⁶. Однако уже в тот период российские ученые показали, что число китайских мигрантов на Дальнем Востоке составляет не более 200–300 тыс. человек, а в России в целом – около 400 тыс., что число смешанных браков ничтожно мало и столь же не велико количество китайцев, получивших у нас право на постоянное проживание. На сегодня «китайская угроза» отнюдь не является главной в глазах россиян (в нашем опросе она стоит на последнем месте с 8% голосов, после США с 15%²⁷). Тем не менее российское общественное мнение и сегодня обеспокоено рядом обстоятельств, которые в определенных условиях якобы способны стать предпосылками для неблагоприятных экономических и этнодемографических перемен в регионе.

Суммарный перечень таких предпосылок, выявленных российскими учеными, неоднороден и достаточно велик. В него входят

со стороны Китая:

– гигантский демографический потенциал КНР, образующий резкий контраст с ситуацией на российском Дальнем Востоке, который продолжает переживать затяжной экономический кризис. Несмотря на снижение темпов ежегодного естественного прироста населения Китая и на его старение, на ближайшие десятилетия эмиграционный потенциал КНР останется одним из крупнейших мире и будет, в частности, намного превосходить потребности России в использовании иностранной рабочей силы²⁸;

- возрастающий разрыв между национальной комплексной мощью Китая и России;
- притягательная сила огромных природных богатств Сибири и Дальнего Востока России для Китая с его бурно растущим экономическим потенциалом;
- естественный большой интерес Китая к российскому рынку труда, товаров массового спроса и продовольствия. Не случайно Пекин уже более 10 лет ставит вопрос об открытии «свободного обмена товарами и услугами»;

со стороны России:

- умышленное нагнетание антикитайских настроений определенными влиятельными силами в российском обществе, к которым относятся прозападные политические круги; привязанные к Западу коррупционеры; спекулирующие на страхе перед китайцами местные политики; заинтересованные в увеличении финансирования силовые структуры; наконец, гоняющиеся за острыми сюжетами СМИ, через которые названные силы транслируют свою пропаганду;

- имеющие место в России элементы мигрантофобии;

- неверие населения в способность властей отстаивать интересы народа, будь то внутри страны или на международной арене, и вытекающее отсюда, а также из отставания страны в мировой конкурентной борьбе ощущение незащитности в случае масштабных экспансий извне;

- слабое знакомство с цивилизационными достижениями великого соседнего народа, способствующее развитию синофобии.

Не каждый из этих факторов принимается безоговорочно в экспертном сообществе. Высказываниям относительно «антикитайской истерии в прессе» противостоят исследования, показывающие, что «в российских СМИ существует огромный разброс мнений в части формирования негативного образа мигрантов, существует как негативное, так и позитивное отношение»²⁹. Социологическое исследование, проведенное автором данной главы, показало, что среди тех, кто доверяет материалам СМИ, процент респондентов, убежденных в наличии у Китая «тайных планов экспансии» в Россию, весьма высок (выше 60%), а среди тех, кто не доверяет СМИ, даже чуть более высок³⁰. Таким образом, версия о тлетворном влиянии СМИ на общественное мнение в рамках нашей темы в некоторой мере подтверждается. Однако не стоит забывать, что тон прессы не только формирует, но и отражает стереотипы массового сознания читателей.

Вызывает сомнение и еще один фактор. Образованный человек в принципе должен быть лучше осведомлен о замечательной китайской культуре, однако социологические опросы не фиксируют корреляции между уровнем образования россиян и их мнением, хорошим или плохим, о Китае и китайцах.

В чем, безусловно, едины российские ученые – так это в осознании того факта, что страхи перед Китаем находятся в теснейшей связи со слабостью позиций России, с отсутствием у руководства страны целостной адекватной стратегии экономического развития, просчетами российской внутренней политики, недооценкой значения Дальнего Востока для самого существования российского государства. «В обозримой перспективе, – отмечает академик М.Л. Титаренко, – проблема демографической экспансии со стороны населения Китая в отношении России может возникнуть лишь в случае ослабления центральной власти и реальной угрозы дезинтеграции РФ»³¹.

Действительно, глубокая заинтересованность и России, и Китая в экономическом взаимодействии, их общая потребность в длительном мире для осуществления масштабных программ развития, во взаимной поддержке «спиной к спине» перед лицом сложных, противоречивых отношений с Западом – все эти фундаментальные обстоятельства обеспечивают прочность российско-китайского стратегического партнерства. В этих условиях трудно представить себе, чтобы Пекин решился на дестабилизацию своих отношений с Россией ради попыток демографической, не говоря уже о территориальной, экспансии

на север. Тем более что «мигрантоемкость» российского Дальнего Востока не настолько велика, чтобы играть существенную роль в решении коренной демографической проблемы Китая.

Выбор оптимальной миграционной политики

Сложность проблем, связанных с пребыванием в России мигрантов из Поднебесной, не заставила экспертное сообщество согласиться с вариантом полного отказа от китайского труда³², равно как и с предложением о его жестком количественном ограничении³³ на российском Дальнем Востоке.

Отвергая изоляционизм и подходя к феномену массовой миграции в Россию с другой стороны, группа ведущих специалистов-демографов выступила с проектом восполнения убывающего населения России за счет массового вселения мигрантов (20–25 млн за предстоящие два десятка лет), а в 2012 г. была принята новая Концепция государственной миграционной политики РФ, в которой иммиграция рассматривается как инструмент решения не только экономических, но и демографических проблем. Применительно к дальневосточному региону России, оказавшемуся в самой глубокой «демографической яме», ряд ученых, в том числе академик В.С. Мясников³⁴, в 1990-х гг. выдвинули идею о возрождении – разумеется, уже в новом качестве – переселенческой политики П.А. Столыпина. Однако специалисты по миграции с цифрами в руках доказали, что расчеты на пополнение этого региона приезжими из других частей России и стран СНГ нереальны³⁵, и это (наряду с другими фактами) побудило некоторых из них возложить особые надежды на китайцев, предположив, что численность китайской общины в России могла бы к середине XXI века достичь 7–10 млн³⁶.

Среди китаеведов эти планы не вызвали энтузиазма: на примере китайских мигрантов особенно явственно чувствовалось, что вселение мигрантских масс, тем более их форсированное вселение, грозит подрывом социальной стабильности и как минимум требует огромной сопроводительной работы по обустройству новых граждан, их адаптации, воспитания толерантности у местного населения и т.д., к чему общество явно не готово. Уязвимость переселенческих планов показал и В.Я. Портяков, предложивший в качестве одного из путей преодоления демографического кризиса на Дальнем Востоке допущение «относительно широкой интернационализации» населения региона с использованием опыта Канады и Австралии³⁷.

Наиболее реалистичный и наиболее развернутый вариант миграционной политики, в том числе для Дальнего Востока, разработал профессор Л.Л. Рыбаковский со своими единомышленниками, исходящими из того, что в этом регионе Россия всегда проводила особую стратегию, поскольку политические факторы здесь всегда довлели над экономическими. Политика, по Л.Л. Рыбаковскому, включает в себя, в частности, «организованное привлечение трудовых ресурсов из стран ближнего и дальнего зарубежья на базе жесткого контроля за качественными и количественными характеристиками этого потенциала, не противоречащими конъюнктуре на рынке труда»³⁸.

Концепция Л.Л. Рыбаковского, построенная на понятиях этнодемографического баланса и демографической безопасности, имеет много общего со взглядами других демографов, изучающих миграцию на Дальнем Востоке (Е.Л. Мотрич, В.И. Дятлов и другие) и вполне согласуется с позицией явного большинства российских китаеведов, пытающихся со своей стороны обрисовать контуры оптимальной государственной политики в отношении китайских мигрантов. Предложения российских синологов предусматривают создание благоприятных условий для хозяйственной деятельности трудящихся из КНР, воспитание уважительного отношения к ним, защиту их прав, содействие их адаптации,

налаживание делового сотрудничества с китайской диаспорой. Бюрократические процедуры должны быть упрощены и сделаны более прозрачными. Вместе с тем предлагаются совершенствование системы квот и ротаций для регулирования численности и кадрового состава китайской общины, чтобы не допустить перекосов на собственном рынке труда, а при необходимости и управление расселением мигрантов, с целью избежать оседания иностранцев вблизи погранзон и возникновения фактически автономных анклавов. Объявляются необходимыми усиление борьбы с теневыми сторонами хозяйственной деятельности китайцев, сведение к минимуму нелегальной миграции. Естественно, все это требует совершенствования законодательной базы, укрепления административных и правоохранительных структур и т.п.

Понимание важности законных мер, направленных на оздоровление экономики и укрепление правопорядка в государстве, не мешает российским ученым добиваться расширения экономического сотрудничества с китайской стороной, включая и более интенсивные миграционные обмены через границу – трудовые, коммерческие, образовательные, культурные и т.д.

Проблемы адаптации и толерантности

Не секрет, что жизнь мигрантов в России сопряжена со множеством тягот, лишений, опасностей, проистекающих из особенностей российского общества, которое переживает период затянувшихся и незавершенных реформ и все еще далеко от упорядоченного состояния. Граждане России относятся к мигрантам не самым благожелательным образом, а мигрантов из КНР встречают с особой настороженностью. Каков действительный уровень и характер российского алармизма и толерантности в отношении гостей из Поднебесной? Каковы перспективы гармонизации их отношений?

Эти вопросы российские ученые сумели прояснить с помощью целого ряда проведенных ими социологических исследований³⁹. Как показывают эти исследования, жизнь китайских мигрантов серьезно осложняют не только проблемы хозяйственного порядка: высокая арендная плата, дороговизна жизни в России, чрезмерные налоги, высокие экономические риски, но и поборы милиции (в опросе, который мы провели в 2007 г., на милицию пожаловались 82% (!) респондентов), вымогательство, взяточничество в налоговых, таможенных и других органах власти. А также физические и словесные покушения на безопасность и достоинство личности, на что мигранты жалуются едва ли не поголовно.

В такой ситуации единственно возможной адаптивной стратегией, способной обеспечить мигрантам выживание и коммерческий успех, является значительная обособленность от окружающей среды, внутренняя самоорганизация и сплочение. Все это и продемонстрировали китайские коммерсанты, создавшие внутри своей общины самую развитую из всех, какие только есть в России, структуру, позволяющую общине и выполнять свои производственные функции, и предоставлять своим членам необходимые бытовые, информационные и культурные услуги⁴⁰. Это достигается необходимым разделением труда, которое реализуется через формальные и неформальные связи: жестко иерархические, клиентские, партнерские. Вместе с тем китайская община поддерживает и постоянно обновляет необходимые деловые контакты – официальные, неформальные, нелегальные – с российскими партнерами, нередко создавая общие с ними бизнес-сети⁴¹.

Значительная часть членов китайского сообщества владеет хотя бы начатками русского языка, но число тех, кто знаком в необходимом объеме с законами, касающимися иностранцев в России, на удивление мало. По-видимому, дело здесь в том, что минимальная информация и о законах, и о способах их обходить постоянно циркулирует и обновляется в собственной среде мигрантов; кроме того, никакое знание законов не спасает их от раз-

личных злоупотреблений со стороны чиновников и милиции. Короче говоря, какие-то усилия с целью адаптироваться отнюдь не являются уделом немногих, однако они прекращаются, как только достигнут практически достаточный минимум.

Известно, что современная российская экономика пронизана разнообразными теневыми отношениями. Прибывший в Россию коммерсант неизбежно встраивается в эти отношения, выступая в качестве их жертвы (например, вынужденные выплаты поборов и взяток) и становясь, таким образом, в один ряд с российским коммерсантом. Или же он выступает в качестве субъекта криминальных отношений. В случае «производственной необходимости» возникает феномен «взаимодополняемой» преступности двух сторон, примером чему может служить скупка товара у криминальных структур за «черный» нал, скупка с использованием «откатов» леса, металлолома, биоресурсов с последующей переправкой их через границу. И «пассивное» и «инициативное» участие китайских коммерсантов в российской теневой экономике представляет собой еще один вид их адаптации к российской среде – его можно назвать «криминальной адаптацией».

Приспособление китайских мигрантов к новым условиям их существования предполагает и их примирение с минусами маргинального статуса ради возможности пользоваться открывшимися преимуществами – возможностями относительно высоких заработков (в среднем они сопоставимы с заработками россиян⁴²). Слабость правоприменительной практики в России вынуждает мигрантов развивать способность терпеть дискриминацию, несправедливое отношение к себе, нарушение их человеческих прав.

Интересные данные получила исследовательская группа Амурского государственного университета, в течение 2000–2006 гг. проводившая социологический опрос населения приграничных районов России и КНР: из числа китайских граждан, проживающих на территории России, в пограничном Хэйхэ и в Харбине, желание жить в России постоянно выразили соответственно 39, 24 и 17% опрошенных⁴³. Иными словами, чем больше у мигранта опыт общения с россиянами, тем привлекательнее для него жизнь в нашей стране.

Если обобщить результаты всех проведенных социологических исследований, их итог будет таким: масса китайских мигрантов если не в большинстве своем, то в значительной мере адаптирована к российским условиям, рассматривает Россию как вполне подходящее поле для хозяйственной деятельности и готова на годы связать с нею свой труд или проживая на ее территории (таких – до половины, при этом часть из них хотела бы получить российское гражданство), или же регулярно посещая ее. Не менее благожелательно китайцы смотрят на то, чтобы дети пошли по их стопам. Мало у кого из них вызывает неприятие мысль о смешанных браках (хотя, возможно, некоторых привлекает вариант фиктивного брака). Та далеко не престижная экономическая ниша, которую они занимают на российском рынке, и те скромные бытовые условия, в которые они попадают, их в общем устраивают.

Что же касается отношения россиян к китайским мигрантам, то оно в основных чертах четко вписывается в общую картину отношения к трудовой миграции из-за рубежа: это отношение общества с низким уровнем толерантности к иностранцам, опасющегося конкуренции с ними и в силу ряда обстоятельств зараженного мигрантофобией до такой степени, что недоброжелательное отношение нередко встречают даже русские репатрианты из постсоветских республик. В отношении китайских мигрантов этот общий негативный настрой накладывается на обеспокоенность за будущее российского Дальнего Востока, вследствие чего большинство россиян выступает против переселения к нам жителей Китая. Гораздо более приемлемым представляется им вариант временного пребывания жителей соседней страны в качестве трудовых мигрантов или учащихся. Осознание в России полезности труда мигрантов – это отправная точка для гармонизации отношений мигрантов с российским обществом, фактор, пока еще не раскрытый до конца. Важную

позитивную роль играет здесь и другой фактор: понимание нашей общественностью того обстоятельства, что остановить незаконную деятельность мигрантов, причиняющую ущерб экономике России, – это задача прежде всего самой российской стороны.

Складывающаяся по результатам опросов картина отношения россиян к китайским мигрантам мало чем различается в центральной и восточной частях страны. Примечательно, однако, что на Дальнем Востоке больше, чем в Москве, возражений против оседания китайских мигрантов, но больше и тех, кто одобряет их пребывание в качестве временных работников.

Заметим, что в российском массовом сознании не слишком приветливое отношение к китайским мигрантам и озабоченность «китайской угрозой» легко уживаются с уважительным, оптимистичным настроением в том, что касается российско-китайских отношений. Большинство респондентов положительно оценивает двусторонние отношения (в одном из наших опросов – 70%) и предвидит их укрепление (65%) или сохранение в нынешнем состоянии (15%).

Учебная миграция⁴⁴

По числу студентов, обучающихся за границей, КНР является мировым лидером, однако из сотен тысяч молодых китайцев – учащихся иностранных вузов на долю России приходится всего около 20 тыс. Для сравнения: на долю США – около 200 тыс. Почему китайская молодежь обходит Россию стороной? Здесь просматривается целая сеть взаимосвязанных причин, главная из которых состоит в следующем: получив диплом в США, Великобритании или Австралии, китаец имеет хорошие шансы обрести там работу, а вместе с ней и высокое качество жизни или же найти себе достойное место на родине, где благодаря широкому экономическому и научно-техническому сотрудничеству с Западом такие кадры пользуются большим спросом.

В России, чья собственная молодежь тоже стремится на Запад, жизненные стандарты, доступные среднему квалифицированному специалисту, ныне сплошь и рядом уступают китайским. Плюс к этому иностранцев отталкивают проявления великорусского шовинизма и расизма, а также трудности изучения русского языка. В самом же Китае спрос на выпускников российских вузов невелик, соразмерно относительно скромным масштабам и характеру торгового и инвестиционного российско-китайского сотрудничества и в соответствии с уровнем полученного ими образования.

В свою очередь, качество знаний китайских специалистов, обучающихся в России, определяется двумя факторами. Во-первых, после радикальных перемен в российском обществе в 1990-х гг. и маловразумительной реформы образования уровень последнего существенно понизился, равно как и его престиж. Во-вторых, китайские студенты слабо усваивают вузовскую программу, на что, опять-таки, есть свои причины. Это – недостаточное владение русским языком, проистекающее из того, что для поступления в российские вузы от иностранцев не требуется знание русского, а на подготовительных факультетах обучение русскому языку нередко поставлено плохо. (В опросах свое знание русского языка признали хорошим или адекватным лишь несколько процентов респондентов, а на языковые трудности жалуются даже студенты старших курсов.)

Кроме того, в Россию едут учиться не самые способные и не самые подготовленные молодые люди, зачастую те, кто не сумел поступить в вуз на родине. Некоторые из них вынуждены подрабатывать, поскольку в России стипендии невелики, а система грантов, в отличие от ряда развитых стран, скудна. Будучи не в силах полноценно усвоить учебный материал, студенты переориентируются на обходные пути получения диплома, который

и превращается для них в цель учебы, поскольку признается в КНР и может служить козырем в поисках лучшего места работы, хотя бы и не по специальности.

При всем этом китайские студенты, судя по социологическим опросам, неплохо адаптируются к российскому окружению. То, что мы говорили выше об адаптации китайских коммерсантов, справедливо и в отношении студентов. Однако психологические исследования, проведенные в 2008 и 2009 гг. Т.Г. Стефаненко (МГУ), показали, что «уровень адаптивности китайских студентов очень невысок», налицо «низкий уровень удовлетворенности пребыванием в России»⁴⁵. Аналогичные результаты получены при изучении психологии китайских студентов, обучающихся в других странах. Причины этого ученый видит в свойствах китайской культуры, таких как коллективизм и иерархичность, а также в большой дистанции между китайской и российской/западной культурой поведения. Но этого мало: за время нахождения в другой культуре уровень адаптации китайских студентов повышается, однако в России этого не происходит.

Почему же в таком случае китайские студенты в большинстве своем выражают позитивное мнение о нашей стране, почему многие из них (в нашем опросе – больше половины) хотели бы после окончания учебы остаться в России работать, почему треть студентов желает, чтобы их дети поселились (учились, работали) здесь и лишь незначительная часть студентов отрицательно относятся к созданию смешанных семей?

Объяснить это невозможно без дальнейших исследований. Предварительная гипотеза: давая такие ответы, они поступают в духе канонов конфуцианской культуры – вежливости и уважения к людям с более высоким статусом, особенно если вопросы предлагают представители авторитетных опросных агентств, однако психологи обладают специальными методиками, позволяющими точнее выявить особенности психологического состояния испытуемых.

Интересно: что обнаружится, если подобные психологические исследования провести среди китайских коммерсантов, в основном, судя по опросам, вроде бы приспособившихся к условиям жизни в России? Пока можем лишь констатировать, что попытки деятелей российского образования увеличить приток китайских студентов или продвинуть деятельность российских вузов в Китай, даже стимулируемые политическими импульсами укрепления российско-китайского стратегического партнерства, не дают большого эффекта. Перелом ситуации в лучшую сторону произойдет, по-видимому, только тогда, когда Россия станет привлекательной для высокообразованных иностранных специалистов, а российское образование станет высоко цениться в КНР.

Китайский труд является если не необходимым в строгом смысле этого слова, то, по крайней мере, безусловно полезным для функционирования определенных сегментов российской экономики, таких, как торговля, строительство, сельское хозяйство, особенно на Дальнем Востоке России. Негативные стороны присутствия китайцев, как и других мигрантов, представляют собой проекцию российской теневой экономики на их деятельность и результат слабого контроля со стороны российской власти. Соответственно они могут изживаться только по мере избавления от теневых отношений самого российского общества.

В силу экономических, геополитических, социально-психологических причин основной формой использования китайского труда является и на ближайшее будущее останется привлечение его на временной основе. Его масштабы могут быть увеличены в соответствии с потребностями российской экономики без угрозы «демографической экспансии». Главной сферой хозяйственной деятельности китайских мигрантов остаются малопривлекательные для российского населения отрасли экономики, как правило требующие работников низкой квалификации. Для высококвалифицированных китайских специалистов Россия в обозримой перспективе едва ли будет представлять интерес.

ИЗУЧЕНИЕ ТАЙВАНЯ В РОССИИ

Открытие Тайваня

1990-е гг. стали для российской науки периодом открытия Тайваня. До этого тайваньская тематика в силу политической конъюнктуры и идеологических соображений, обусловленных «холодной войной» и сложными отношениями СССР с КНР, в течение длительного времени находилась под запретом. Единственно, что допускалось и даже поощрялось, – это в соответствии с типичными для СССР того времени убеждениями изображать Тайвань как «непотопляемый авианосец» США, а Чан Кайши как «американскую марионетку»⁴⁶. Однако даже в этих обстоятельствах российским ученым иногда удавалось создавать объективные научные труды, посвященные Тайваню. Самым крупным из них, правда, далеким от злобы дня, была монография Ф.А. Тодер «Тайвань и его история (XIX в.)»⁴⁷. Одна из глав в книге А.В. Меликсетова «Социально-экономическая политика Гоминьдана в Китае (1927–1949)»⁴⁸ была посвящена периоду после перебазирования ГМД на Тайвань.

В конце 1980-х гг. в условиях ослабления идеологических запретов экономические успехи «четырёх тигров» Азии не могли не обратить на себя внимание исследователей. Был опубликован ряд работ, в которых наряду с достижениями Южной Кореи, Сянган и Сингапура достаточно объективно (впрочем, без особых восторгов) рассматривалось и «тайваньское экономическое чудо»⁴⁹. В тот же период увидела свет первая политическая биография Чан Кайши⁵⁰, выдержанная, правда, в сугубо критических тонах.

В новой России у ученых не только появилась возможность, но и возникла потребность свободно изучать запретный прежде Тайвань, от сотрудничества с которым в тот момент ждали многого. Ожидания были взаимными, и стороны быстро наладили контакты, в том числе научные. Деятельность российских ученых на тайваньском направлении сразу же оживилась. С 1992 г. ИДВ РАН стал публиковать продолжающиеся выпуски под названием «Тайвань. Краткие справочные сведения» (позже – «Современный Тайвань. Информационно-аналитические материалы»).

1993 г. ознаменовался всплеском исследований и публикаций по Тайваню. В академических институтах одновременно увидели свет два справочника⁵¹, журнал «Проблемы Дальнего Востока» опубликовал большую подборку материалов о Тайване⁵², в Дипломатической академии МИД РФ состоялась двусторонняя научно-практическая конференция. Пиком «пускового» периода российского тайваневедения стало предприятие в ИДВ РАН издание серийного сборника «Современный Тайвань»⁵³, большая часть материалов которого была представлена нашему читателю впервые.

В настоящее время по пролемам Тайваня опубликовано, по нашим подсчетам, около 500 работ. Изданы и некоторые труды тайваньских авторов, например Ширли Го⁵⁴. В научных центрах стали проводиться конференции по тайваньской проблематике, в том числе с участием тайваньских ученых. Ведущее место здесь занял ИСАА, где в течение многих лет велись исследования по истории КР и ГМД, распространенные затем и на ее тайваньский период. В ИВ РАН и ИДВ РАН были созданы структуры по изучению Тайваня. В организации научной работы по тайваневедению особенно заметную роль сыграл заведующий кафедрой истории ИСАА профессор А.В. Меликсетов. Много усилий в этом направлении приложил также руководивший одним из отделов ИДВ РАН профессор Л.М. Гудошников.

Изучение российско-тайваньских связей

Поскольку изучение Тайваня велось с российского «угла», специалистов, естественно, в первую очередь интересовали проблемы двусторонних связей. Открывшиеся возможно-

сти их установления поставили российскую общественность перед вопросом: что может дать нашей стране сближение с этим небольшим квази-государственным образованием, учитывая его экономический потенциал, его намерения, его место в АТР и прежде всего отношения с материковым Китаем? До какой степени имеет смысл развивать двустороннее сотрудничество в свете интересов и потребностей России?⁵⁵

Тайвань представлялся России как ценный торговый партнер и потенциальный крупный инвестор, обладатель крупнейших золотовалютных запасов. Для Тайваня на первом месте стояло желание если не прорвать, то хотя бы ослабить навязанную ему дипломатическую изоляцию, однако он не собирался пренебрегать и торгово-экономическим сотрудничеством и обещал посредничество в выводе российской продукции на международные рынки, где у Тайваня имелись обширные связи.

Однако ожидания обеих сторон оказались завышенными. Указ президента Б.Н. Ельцина от 15 сентября 1992 г. «Об отношениях между Российской Федерацией и Тайванем» однозначно определил характер этих отношений как неофициальных, не дипломатических. А на развитии инвестиционного сотрудничества сказалось губительным образом качество инвестиционного климата в России плюс некоторые препятствия политического происхождения, к числу которых можно отнести сложности с выдачей Тайваню правительственных гарантий, предполагающих взаимодействие государственных структур⁵⁶. Тем не менее двусторонние торгово-экономические и культурные отношения, достигнув в первой половине 1990-х гг. определенного объема, приобрели стабильный характер с тенденцией к медленному расширению.

Очерк истории становления и эволюции этих отношений до конца 1990-х гг. с четкостью, даже резкостью оценок сделал П.М. Иванов (ИВ РАН). Он же констатировал: «Российско-тайваньские отношения состоялись, стали фактом международной жизни»⁵⁷. В перспективе, по его мнению, «новых качественных изменений ожидать не приходится, да они и не являются необходимым условием для поступательного движения в консервативных рамках достигнутой стабилизации»⁵⁸. Но все же, как отметил М.В. Карпов (ИСАА), «у этих отношений есть будущее, факторы, способные привести к их полному прекращению, вряд ли эффективны»⁵⁹.

Российские исследователи, как и политики, единодушно признали, что состояние отношений между Москвой и Тайбэем по большому счету лимитируется и будет лимитироваться впредь позицией Пекина. «Развивая свои связи с Тайбэем, Россия ни в коем случае не намерена делать это в ущерб интересам КНР и вопреки официальной позиции КНР по тайваньской проблеме», – писал в журнале «Международные отношения» глава Московского представительства в Тайбэе В.И. Трифонов⁶⁰.

Развертывая этот тезис, академик В.С. Мясников (ИДВ РАН) подчеркивал: «Уровень торгово-экономических, научно-технических и культурных связей российских деловых кругов и неправительственных организаций с Тайванем будет зависеть от развития «через-проливных» отношений»⁶¹. На практике эта зависимость, действительно, ощущалась, причем большое значение имела и ее степень. Готовность Москвы считаться с мнением Пекина не означала, что Россия согласна полностью им руководствоваться, поступившись собственными выгодами. Пекин, добиваясь максимальной международной изоляции Тайваня с самого начала 90-х гг., стремился свести к нулю общение с ним России, что существенным образом противоречило ее экономическим интересам. Кроме того, как отмечал П.М. Иванов, «попытки коммунистического Китая навязать России дополнительные ограничения означали дискриминацию РФ по сравнению с другими странами мира, сотрудничающими с КР»⁶². Не удивительно, что российские ученые выступили за более широкое сотрудничество с Тайванем (в границах обязательств перед КНР).

Другие мотивы, определявшие возникновение и развитие российско-тайваньских связей параллельно с приведенными выше, мы находим в одной из работ Е.П. Бажанова

(Дипломатическая академия МИД РФ): «На первых порах российские демократы увлеклись идеей тесного сотрудничества с островом. Тайвань представлялся идеальным экономическим партнером, который мог стать важнейшим в Азии источником инвестиций и проводником российского проникновения на рынки стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Эти надежды подпитывались щедрыми обещаниями и энергичной лоббистской деятельностью тайваньцев в России. Теплые чувства демократов в отношении Тайваня усиливались общностью идеологических ценностей, поддержкой тайваньцами российских реформ, уверенностью молодых кремлевских реформаторов, что будущее Китая принадлежит не компартии, а гоминьдану, правящей партии на острове»⁶³. Однако, после того как упомянутый Указ Б.Н. Ельцина от 15 сентября 1992 г. ввел российско-тайваньские отношения в четкие рамки, пишет автор, Москва вполне добросовестно придерживалась взятых обязательств и правительство КНР не раз благодарило Кремль за поддержку в тайваньском вопросе.

Обстоятельный теоретический анализ желательных, по мнению автора, принципов развития отношений с Тайванем поверх рамок Указа 1992 г. предпринял в своих статьях и монографиях Ю.М. Галенович (ИДВ РАН). Согласно его взглядам, «прекращение, сокращение или замораживание отношений с островной частью Китая только нанесло бы вред нашим национальным интересам»⁶⁴; происшедшее в начале 1990-х гг. установление отношений Москва – Тайбэй – это «избавление от ущербности нашей политики в прошлом, неотъемлемая часть становления независимой и самостоятельной политики нашей страны»⁶⁵. Рассматривая население материка и острова в виде двух частей одной нации, он расценил установление связей Москва – Тайбэй как «еще один позитивный элемент общей картины отношений наших двух наций – России и Чжунхуа» и предложил строить эти отношения, исходя из «совпадения вполне определенных национальных интересов (прежде всего, признания общей заинтересованности в мире, независимости и равноправии) обеих сторон»⁶⁶. С целью налаживания более эффективного сотрудничества с Тайванем автор предлагает придать ему более четкий межгосударственный характер: «вести дело к установлению прямых связей на уровне министров в сфере экономики и культуры»⁶⁷; «исходить из того, что Московско-Тайбэйская координационная комиссия является государственной организацией, а также выделить из бюджета средства для обеспечения деятельности сотрудников»⁶⁸.

Наибольшим вниманием российских ученых пользовались вопросы торгово-экономического и культурного сотрудничества, которое, как отмечал академик М.Л. Титаренко, «имеет весьма хорошие перспективы»⁶⁹. С целью его расширения выдвигался и обсуждался широкий спектр конкретных предложений – от продажи Тайваню сжиженного газа в рамках проекта «Сахалин-2» (В.И. Трифионов⁷⁰, МИД РФ) до создания пресс-клуба при московском представительстве Тайбэйско-Московской координационной комиссии (Ю. Тавровский⁷¹, журнал «Дипломат»). Подвергались анализу и препятствия, тормозящие развитие двусторонних отношений: неразвитость банковской инфраструктуры и недостаточное взаимодействие сторон в банковской сфере (И. Чумаковский⁷², Российский банк регионального развития), высокие инвестиционные риски (В. Черный⁷³, Госдума РФ), чрезмерная сложность бюрократических процедур, отсутствие государственных гарантий (О. Литвинов⁷⁴, ИТАР–ТАСС) и т.д. С сожалением приходится констатировать, что эти препятствия так и не были устранены, предложения не реализованы, и заявления о высоком потенциале российско-тайваньского экономического сотрудничества и его радужном будущем превратились в чисто ритуальные заклинания, украшавшие ход двусторонних контактов.

Важнейшие итоги развития двусторонних связей на начало XXI в. подвел А.В. Лукин (МГИМО(У)), посвятивший Тайваню раздел своей монографии «Медведь наблюдает за драконом». Прочитируем здесь некоторые из них.

«Практически никто в России не считает жителей Тайваня отдельной нацией, отличной от китайской. В то же время относительно понимания реального статуса Тайваня существуют различия».

«Большинство российских политиков и специалистов выступают за активное развитие торговли, экономики, культурного и гуманитарного сотрудничества с Тайванем и поощрение тайваньских инвестиций в Россию».

«В целом интерес к Тайваню в России относительно высок, и Тайвань освещается в СМИ лучше, чем большинство азиатских стран, кроме КНР и Японии».

«В России появилось небольшое, но активное тайваньское лобби».

«Официальная позиция Москвы остается неизменной более пятидесяти лет и вряд ли изменится в обозримом будущем».

«Россия будет поощрять диалог между Пекином и Тайбэем и поддерживать усилия по решению проблемы статуса Тайваня, хотя едва ли она займет активную позицию в этом вопросе»⁷⁵.

Отношения между берегами Тайваньского пролива

Отношения между континентальным Китаем и о. Тайвань были, естественно, центральной темой тайваньских исследований в России. На протяжении 1990-х гг. они оставались весьма напряженными, несмотря на отказ Тайбэя от реваншистских планов Чан Кайши и выдвижение Пекином принципов мирного объединения по формуле «одно государство, два строя». Главная причина сохранения напряженности заключалась в подъеме на острове сепаратистских тенденций, спровоцированных эйфорией после успешного перехода Тайваня от авторитарного режима к демократической системе. Пекин неоднократно напоминал о возможном применении силы в случае провозглашения Тайваня независимым государством. Начиная с 2000 г. обстановка в Тайваньском проливе еще более обострилась в связи с тем, что в результате всеобщих выборов к власти в Тайбэе пришли представители крайних сепаратистских сил, отвергающие принцип «одного Китая» и добивающиеся официального провозглашения независимости Тайваня.

Российские специалисты внимательно отслеживали состояние отношений Пекин – Тайбэй, оценивая влияние на них таких факторов, как смена руководства в Пекине⁷⁶, выдвижение концепции «мирного подъема» Китая⁷⁷, усилия тайваньских лидеров по внедрению собственной государственной атрибутики и воспитанию «тайваньской идентичности»⁷⁸ и т.д. А.А. Писарев (Тамканский университет, Тайбэй) обратил внимание на парадоксальность борьбы двух берегов вокруг формы, в которую облечен нынешний статус Тайваня, именуемого себя «Китайской Республикой»⁷⁹: Пекин, считающий Тайвань своей провинцией, категорически возражает против изменения этого названия, фиксирующего, казалось бы, международно-политическую самостоятельность острова. Дело здесь в том, что виртуальные границы Китайской Республики в целом совпадают с границами КНР, и это обстоятельство подчеркивает историческое единство материка и острова как частей одного Китая. Смена же названия, например, на «Тайвань» отменяет виртуальные границы и, следовательно, оставляет за данным квази-государственным образованием лишь ту территорию, которую оно реально контролирует, а это подрывает принцип «одного Китая».

Общий вывод российских экспертов относительно развития ситуации в Тайваньском проливе состоял в том, что использование силы едва ли будет иметь место вследствие крайне неблагоприятных для КНР экономических, а также международно-политических последствий и нынешний статус Тайваня не будет нарушен. А.Г. Ларин (ИДВ РАН), проанализировав факторы, влияющие на состояние тайваньской проблемы, заключил: «В ситуации вокруг Тайваня происходят процессы, одни из которых делают нынешнее

положение острова менее устойчивым, другие, наоборот, способствуют закреплению статус-кво... В итоге же, несмотря на нынешнее достаточно напряженное состояние отношений через пролив, положение Тайваня остается достаточно стабильным... В долгосрочном плане указанные процессы работают на перспективу объединения обеих частей Китая»⁸⁰.

Возможность грядущего объединения Китая российские специалисты, как правило, связывали с ожиданием в отдаленном будущем трансформации китайского общества. «Думается, – писал Л.П. Делюсин (ИМЭПИ РАН), – что дальнейшее осуществление реформ, расширение рыночных отношений, демократизация политической системы благоприятно повлияли бы на процесс решения тайваньской проблемы»⁸¹.

Вместе с тем в России внимательно исследовали феномен постоянно возрастающего экономического сближения сторон, справедливо полагая, что оно увеличивает заинтересованность Пекина в поддержании стабильности тайваньской экономики, создает мощный императив для смягчения политической атмосферы в Тайваньском проливе и, возможно, будут способствовать объединению. Так, еще в 1990-х гг. С.Г. Лузянин и Е.И. Сафронова (ИДВ РАН) высказали плодотворную мысль: «На наш взгляд, руководство КНР поступит дальновидно, если усилит свой курс на экономическое вращение Тайваня в тело материкового Китая, приглушив императивный тон в переговорах с тайваньским руководством»⁸². (Позже, с конца нулевых годов, в отношениях через пролив вслед за изменением ряда обстоятельств возобладала и оказалась успешной именно такая тенденция). В.В. Михеев (ИДВ РАН) предложил: «В свете глобализации перенести внимание пекинских и тайбэйских лидеров с вопроса, кто прав, а кто виноват в дрящущейся десятилетиями конфронтации, на другой вопрос: как создать Единый рынок и единую экономику в Восточной Азии с участием Японии, Кореи, АСЕАН, может быть, России, а также материкового Китая и Тайваня»⁸³. А.И. Салицкий (ИМЭМО РАН) пришел к выводу о необратимости интеграционных процессов⁸⁴. В.В. Кузнецова (Институт практического востоковедения) высказала предположение, что в конечном счете благодаря процессу углубления экономической интеграции «между материком и островом сформируется «естественная» экономическая территория, в рамках которой государственные границы полностью утратят свое значение»⁸⁵.

Естественно, что отношения двух берегов неизменно рассматривались с учетом положения Тайваня в системе региональных международных отношений, исходя из восприятия тайваньской проблемы как «одной из ключевых проблем в системе обеспечения региональной безопасности»⁸⁶. Это обстоятельство, а также интерес к развитию торгово-экономических отношений с Тайванем побуждали российских экспертов, признавая тайваньскую проблему внутренним делом Китая, вместе с тем однозначно высказываться в пользу мирных способов ее решения. В частности, они изучали возможности сотрудничества обеих частей Китая в вопросах международной безопасности (Ю.В. Цыганов⁸⁷). В призывах Тайваня к созданию региональной системы коллективной безопасности была замечена (А.В. Воронцов, ИВ РАН) даже «общая или близкая основа с видением проблем безопасности и сотрудничества в АТР Москвой»⁸⁸.

Несколько работ было посвящено относительно узкой теме двусторонних отношений Тайваня с Японией (В.Б. Амиров⁸⁹ из ИМЭМО РАН, И.В. Гордеева⁹⁰ из Высшей школы экономики, А.В. Воронцов⁹¹). Более важные и содержательные связи – между Тайванем и США – неизменно входили в качестве составной части в работы, посвященные китайско-американским отношениям, однако статей, в которых эти связи стояли бы в центре анализа, оказалось относительно немного. Возможно, дело заключалось в том, что позиция США, при всех ее подвижках, по большому счету оставалась константой. (Среди немногочисленных работ такого характера можно назвать в качестве примера статью С.М. Труша⁹² из Института США и Канады РАН.) Однако ближе к концу нулевых годов появились две монографии, которые позволили в значительной степени закрыть этот пробел.

В монографии Г.В. Зиновьева (МИД РФ) «История американско-китайских отношений и тайваньский вопрос» рассматривается в разбивке по периодам вся история тайваньской проблемы от момента ее возникновения и до середины нулевых годов. Оценивая перспективы ее решения, автор отмечает, что предлагаемое рядом американских политологов так называемое «промежуточное соглашение» (отказ от формального провозглашения независимости острова в обмен на отказ от применения против него силы на определенный период) представляется маловероятным. «Тем не менее, – заключает он, – по сути именно такая политика сторон, пусть и без какого-либо соглашения между ними, и является на сегодняшний день самым приемлемым и объективно возможным вариантом развития ситуации в этой потенциально горячей точке»⁹³.

Работа Г.В. Зиновьева содержит большое количество новых или малоизвестных фактов и интересных наблюдений. Она показывает, в частности, насколько трудным и сложным был, при всей его постепенности, поворот Пекина к нынешней политике сотрудничества с Тайванем. «Китайский лидер, – пишет автор, – пошедший на некоторое послабление в отношении Тайваня, не говоря о серьезном пересмотре политики, даже в случае существенных подвижек в связях берегов пролива стал бы уязвимой мишенью для своих оппонентов, стоящих на моральной высоте борьбы за единство родины»⁹⁴. Работа, написанная в период проявления крайнего сепаратизма в политике Тайбэя, заканчивается на достаточно тревожной ноте: «Если всем сторонам удастся избежать перерастания постоянно возникающих проблем в серьезный кризис, это само по себе будет одним из наиболее благоприятных вариантов развития событий»⁹⁵.

Монография Я.В. Лексютинной (СПбГУ) «Проблема Тайваня во внешней политике США» посвящена широкому кругу тем: правовым и концептуальным основам тайваньской политики Вашингтона, лежащим в ее основе интересам США, процессам принятия решений по Тайваню, влиянию на них китайского и тайваньского лобби, военному сотрудничеству сторон, наконец, возможным сценариям развития ситуации в Тайваньском проливе. Автор исходит из того, что «противостояние Пекина и Тайбэя в вопросе политического будущего Тайваня – существенный фактор дестабилизации ситуации в Восточной Азии, а вовлеченность в это противостояние Соединенных Штатов выводит проблему на глобальный уровень»⁹⁶.

В монографии убедительно показано, что «в Вашингтоне нет единства мнений относительно курса в отношении Тайваня, в процессе принятия решений сталкиваются различные интересы», сложным образом взаимодействуют исполнительная и законодательная ветви власти, а также входящие в них ведомства⁹⁷. Это обстоятельство является важным фактором в формировании политики США. Общий итог соперничества различных сил оказывается таким: «США не заинтересованы в существовании независимого Тайваня, но в высшей степени заинтересованы в существовании разделенного Китая. Именно сохранение статус-кво в максимальной степени отвечает интересам Вашингтона»⁹⁸.

Написанная в тот же период напряженности в отношениях материка и острова, что и монография Г.В. Зиновьева, работа Я.В. Лексютинной содержит «опасения относительно того, что растущая экономическая и военная мощь Китая увеличивает его готовность пойти на решение проблемы силовым путем», причем «демократизация политической жизни на острове делает ситуацию в проливе еще менее предсказуемой»⁹⁹. (Заметим, что в настоящее время острота тайваньской проблемы существенно смягчилась, однако обострились отношения между КНР и США, в силу чего проблема сохраняет свое значение потенциально опасного узла противоречий в Восточной Азии. Поэтому монография не теряет своей актуальности).

Военные и военно-политические аспекты взаимоотношений в Тайваньском проливе рассматривались как с точки зрения баланса сил между Пекином и Тайбэем, так и в системе «треугольника» КНР – США – Тайбэй. Практически все авторы были единодушны в том, что соотношение сил и интересов всех причастных к проблеме сторон, а равно

и степень осознания ими последствий возможного конфликта делают военное столкновение маловероятным. По мнению А.В. Болятко, рассмотревшего различные сценарии гипотетического конфликта между берегами, «чисто военного решения проблема Тайваня не имеет», а поэтому «периодические взрывы напряженности в зоне Тайваня, риторика политических и военных руководителей вряд ли означают, что та или другая сторона всерьез намерена менять сложившуюся ситуацию»¹⁰⁰.

Это вывод не был поколеблен исследованием В.Б. Кашина (ИДВ РАН), обнаружившего в середине нулевых годов, что благодаря достижениям Народно-освободительной армии Китая в технической модернизации и боевой подготовке соотношение сил в Тайваньском проливе уже изменилось и у КНР появились реальные шансы на проведение успешной операции по захвату острова¹⁰¹. П.Б. Каменнов (ИДВ РАН) отметил, что «одним из направлений военной модернизации Китая является подготовка НОАК к возможному использованию в качестве силового аргумента при решении тайваньской проблемы, включая сценарии с военным участием США. Это диктует необходимость оснащения войск и сил флота боевыми средствами, способными повысить издержки США по проведению эффективного военного вмешательства или сделать его невозможным»¹⁰².

С 2008 г. началось быстрое сближение Пекина и Тайбэя в экономической, культурной и гуманитарной сферах и смягчение общей политической атмосферы в отношении двух берегов, обусловленное выработкой нового политического курса на материке и приходом к власти в Тайбэе сторонников принципа «одного Китая». Исследования В.И. Трифонова¹⁰³, А.Л. Верченко¹⁰⁴, А.Г. Ларина¹⁰⁵ и других российских китаеведов показали, что на современном этапе правительство КНР, нарастив свою экономическую мощь и влияние в АТР на фоне торможения роста тайваньской экономики, сделало ставку на экономическую интеграцию материка с островом и укрепление их общей китайской идентичности, убрав в запасники силовые приемы. На этом пути оно добилось значительных успехов, которые, кажется, понемногу начинают побуждать общественное мнение и на Тайване, и в США к пересмотру прежних взглядов на перспективы сохранения статус-кво Тайваня.

Политические процессы на Тайване

Среди исследований на эту тему центральное место заняла появившаяся в конце 1990-х гг. монография Л.М. Гудошниковой и К.А. Кокарева «Политическая система Тайваня»¹⁰⁶. В монографии дан тщательный структурный и функциональный анализ основных политических институтов острова и их эволюции с конца 1940-х гг., подробно рассмотрены центральные и местные органы управления, избирательная система, политические партии, история принятия Конституции.

В числе движущих сил демократического процесса на Тайване авторы назвали: общее изменение международного климата, начатое перестройкой в СССР; вступление КНР на путь реформ, ослабившее конфронтацию между Пекином и Тайбэем; влияние США с их нелюбостью к тоталитарным режимам; реформаторские усилия как «сверху», так и «снизу», включая лагерь оппозиции. Полезным дополнением к монографии послужила подготовленная теми же авторами книга «Многopартийность на Тайване»¹⁰⁷, содержащая уставы основных политических партий.

В 2004 г. увидела свет монография «Как управляется Китай: эволюция властных структур Китая в XX – начале XXI века»¹⁰⁸, в которой несколько разделов (подготовленных двумя названными выше авторами, а также Н.Л. Мамаевой и Г.А. Степановой, обе из ИДВ РАН), посвященных Тайваню, представляли собой еще один шаг вперед в изучении политической системы острова.

Отдельные аспекты эволюции политической системы Тайваня из числа рассмотренных выше разрабатывались более подробно в статьях Г.А. Степановой¹⁰⁹ (ИДВ РАН)

и других авторов. В.Ц Головачев (ИВ РАН) дал развернутый анализ проблем, с которыми столкнулась после прихода к власти впервые за всю историю Тайваня нанесшая поражение Гоминьдану радикально-сепаратистская Демократическая прогрессивная партия¹¹⁰. Анализ особенностей ее политики предприняли В. Малявин и Чэнь Цзявэй, показавшие, что причиной ее последовавшего спустя несколько лет поражения послужила «неспособность согласовать национальные интересы Тайваня с внешней политической ситуацией и интересами отдельных групп населения»¹¹¹. Э.О. Батчаев (ИДВ РАН) выступил с содержательным тезисом: в тайваньской политической культуре «по-прежнему сильны архаичные, авторитарные черты; при том что в политической практике острова явно закрепились важные демократические стереотипы и соответствующие демократическим ценностям политические ориентации»¹¹².

Ряд статей был посвящен актуальной для российского читателя теме коррупции. А.Н. Карнеев (ИСАА) в своих статьях показал, что демократизация на Тайване сопровождалась расцветом теневых отношений – оргпреступности, махинаций с общественными фондами и т.п. (так называемое «черное золото»); этот феномен есть «продукт определенных условий эволюции общества», вследствие чего «борьба с такими явлениями потребует, вероятно, больше времени, чем предполагалось, и не будет ограничиваться только областью правоохранительной деятельности»¹¹³. В.А. Козырев (ИСАА) проанализировал огромную роль местных группировок, по сути своей неполитических, с которыми, однако, вынуждены считаться в борьбе за влияние все политические партии¹¹⁴.

Успехи демократизации политической системы Тайваня вслед за утверждением «экономического чуда» побудили российских политологов попытаться ответить на вопрос: не может ли модернизация на Тайване послужить в какой-то мере моделью для развития материкового Китая? История тайваньской модернизации как будто бы подтверждала тезис о том, что расширение рыночных отношений ведет к демократизации политической системы, а в рыночных реформах в КНР проглядывало определенное повторение тайваньского опыта. А.В. Меликсетов писал по этому поводу: «Сегодняшний Тайвань демонстрирует кое-что существенное из будущего развития КНР и позволяет лучше представить и понять, в частности, логику политического развития КНР... Второй исторический социальный эксперимент на Тайване завершен. Дело теперь за КПК – надо сделать правильные выводы!»¹¹⁵. Вместе с тем Л.М. Гудошников и К.А. Кокарев в одной из своих работ предостерегали от упрощений: «Процировать опыт 20-миллионного острова на страну с более чем миллиардным населением вряд ли корректно»¹¹⁶. Добавим, что, на наш взгляд, прямое заимствование тайваньского опыта материком невозможно не столько из-за несоответствия масштабов, сколько из-за различий в условиях, к которым прежде всего относится разрыв в уровнях жизненных стандартов.

А.Г. Ларин предпринял попытку сопоставить особенности процесса модернизации на Тайване, в КНР и в России. С его точки зрения, опыт Тайваня вместе с китайским доказывает, что в современном мире для успешной модернизации необходимы: во-первых, рыночные, т.е. основанные на конкуренции, отношения в экономике, которые в России так и не сложились; во-вторых, сильное государство, способное играть роль регулятора рыночной стихии и направлять ее деятельность в интересах общества в целом. Таким регулятором вполне может быть авторитарный режим, по крайней мере, в период утверждения рыночных отношений и достижения обществом достаточно высокого уровня жизни; в-третьих, наличие стоящих перед обществом вызовов общенационального масштаба, явственно определяющих его судьбу, включая и судьбу политической элиты. Осознание таких вызовов побуждает правящие круги проявлять заботу о реальных интересах масс в целях консолидации общества и стимулирования его творческой активности и выработать реалистические стратегии развития¹¹⁷.

Сравнение путей развития Тайваня и материкового Китая подводило исследователей к вопросу: сокращается или увеличивается с течением времени различие между

их общественными системами? К.М. Барский (МГИМО(У)) обнаружил по обе стороны Тайваньского пролива «первые признаки тенденции конвергенции политсистем», а именно: в КНР – «неуклонное возвращение страны на магистральный путь развития китайской цивилизации», а на Тайване – шаги с целью «стабилизации политсистемы, развития конструктивного начала во взаимодействии различных политических сил на благо государства». Автор выдвигал предположение, что «конвергенция политических культур, а может быть, и политических систем постепенно создаст уникальные условия для развития нормального диалога, поиска путей урегулирования тайваньской проблемы»¹¹⁸. С высоты наших сегодняшних знаний очевидно, что указанная конвергенция была достаточно поверхностной и пока еще не получила продолжения.

Экономическое развитие Тайваня

На этом направлении исследований еще в 1990-е гг. появились две крупные по проблематике монографии. А.А. Максимов (ИВ РАН) в своей пионерской работе¹¹⁹ рассмотрел важнейшие аспекты экономического развития острова начиная со времени японской колонизации и до конца 1980-х гг. Отдельную главу он посвятил роли государства в экономике Тайваня, что представляло особый интерес для российской общественности, переживавшей в тот момент болезненный процесс ломки советской плановой системы. «Если бы не активное воздействие государства на формирование отраслевых, технологических и социальных пропорций производственного процесса, то, безусловно, рыночное саморегулирование осуществлялось бы с огромными социальными и экономическими издержками», – доказывал автор¹²⁰.

Монография А.В. Островского «Тайвань накануне XXI века»¹²¹, будучи подготовлена профессионалом-экономистом, вышла далеко за рамки экономики Тайваня, охватывая фактически все основные аспекты внутренней жизни острова, его отношения с материком и международные связи. Квинт-эссенция впечатляющего прогресса Тайваня, по мысли автора, заключается в следующем: «В 80-е годы на Тайване была сделана попытка объединить возможности рыночной экономики, которую с 50-х гг. насаждали США, а ранее Япония, и плановой экономики... Именно большие экономические достижения позволили Тайваню провести политические реформы и осуществить либерализацию политической жизни. И именно такая последовательность реформ – сначала экономические, а затем на базе достижений экономических реформ – политические – позволила говорить о «тайваньском чуде»¹²².

По мнению автора, тайваньская экономика «в основе своей выстроена на принципах ленинского нэпа». В настоящее время в России могут быть использованы отдельные элементы тайваньского опыта, в том числе: передача земли в руки тех, кто ее обрабатывает, создание научно-технических парков, борьба с инфляцией одновременно с защитой сбережений населения, внедрение тайваньской экзаменационной системы при найме на работу в государственные структуры. «Государство должно держать под контролем те отрасли экономики, которые имеют определяющее значение для судеб страны, и обеспечивать социальную защиту населения»¹²³.

Помимо монографий, ряд важных исследований российских ученых нашел свое отражение в научных статьях. Назовем здесь для примера работы П.М. Мозиаса¹²⁴ (ВШЭ), В.Г. Гельбраса¹²⁵, Э.О. Батчаева¹²⁶, В.В. Кузнецовой¹²⁷, О.Н. Борох¹²⁸ (ИДВ РАН). В.А. Мельянцев (ИСАА) в статье «Тайвань: слагаемые эффективного экономического развития» развивал ту мысль, что «главным образом успех Тайваня определялся ответственной *проактивной* политикой правительства», и заканчивал цитатой: «Нет бедных и богатых стран, есть только плохо и хорошо управляемые страны»¹²⁹. В.А. Козырев показал, что специфика кризиса 1998 г. на Тайване «во многом определялась особыми отношениями

в рамках модели «партийно-государственные элиты – предпринимательские круги», постоянно воспроизводящей элементы «кумовского» капитализма»¹³⁰.

«Модернизация Тайваньского общества» – таково название монографии, в которой В.Г. Буров (Институт философии РАН) развил комплексный подход к названной теме, не только рассматривая политическую и экономическую модернизацию, но и уделяя особое внимание ее идеологическим аспектам. Последнее и составляет яркую особенность книги. Сопоставляя модернизационные процессы на материке и на острове, проткавшие на едином этническом «материале», автор делает вывод: на Тайване начали раньше и ушли гораздо дальше, используя в интересах модернизации конфуцианские этико-политические традиции. На Тайване «идея развития соединяется с собственным социокультурным комплексом, именно он служит духовной основой модернизации», несмотря на очевидное влияние западной, американской культуры¹³¹. В Китае же этому препятствует утверждение марксизма в качестве государственной доктрины, и потому там перед обществом возникла непростая задача «синтеза конфуцианства и марксизма», который (синтез) «вполне возможен, учитывая совпадение некоторых их идейных установок»¹³².

История Тайваня

История Тайваня нашла свое отражение в очерке П.М. Иванова¹³³, остающимся до нынешнего времени ее наиболее цельным и полным изложением в российском китаеведении. Однако большое количество самых разнообразных сюжетов, относящихся к различным периодам истории Тайваня, от древнейших времен и до наших дней, рассмотрено в статьях и докладах, приводить которые в рамках коллективной монографии нет возможности. Отметим лишь две значительные публикации, посвященные истории российско-китайских отношений: «20 лет российско-тайваньских отношений (1991–2011): история, современность, перспективы» В.Ц Головачева¹³⁴ и подготовленное А.В. Ивановым (МГИМО(У)) исследование «Без политики. Отношения России с Тайванем, Гонконгом и Макао»¹³⁵.

Одна из глав в монографии Ю.М. Галеновича «Цзян Чжунчжэн, или Неизвестный Чан Кайши»¹³⁶ была отведена тайваньскому периоду деятельности китайского лидера. В ней автор опровергает представление о Чан Кайши как об американском «ставленнике» на якобы «оккупированном» США острове.

В монографии А.Г. Ларина «Два президента, или Путь Тайваня к демократии»¹³⁷, представляющей собой политическую биографию Цзян Цзинго и Ли Дэнхуэя, поставлен ряд теоретико-методологических проблем: что заставило прочно утвердившийся диктаторской режим с его экономическими успехами начать преобразование самого себя в многопартийную систему? – Заставили помимо определенных внешних факторов именно эти экономические успехи. Экономический прогресс сопровождался возникновением значительного слоя интеллигенции, формированием мощного класса предпринимателей и менеджеров из частного сектора – они и стали движущей силой демократизации. Чем объяснить «гладкость» тайваньского взлета, прошедшего без «великих потрясений»? – Тому есть несколько причин: изначальное существование в исходном обществе среднего класса; наличие в этом обществе альтернативных выборов в местные органы власти; учение Сунь Ятсена с его настроением на сотрудничество всех слоев общества; чувство ответственности элиты за единство общества в условиях внешних вызовов.

Духовная культура Тайваня

Не осталась без внимания российских специалистов и духовная культура Тайваня. А.В. Ломанов в своих работах, посвященных философским вопросам, показал, что «тайваньские философы находятся внутри потока развития современной китайской культуры,

вместе с тем их характеризует открытость идеям современной западной философии, профессиональность в исследованиях»¹³⁸. По его мнению, одной из задач ученых на Тайване, как и на материке, должно стать «подведение прочных демократических оснований под конфуцианские идеалы социальной гармонии и равенства людей»¹³⁹. Любопытно, что в те же годы Л.С. Переломов (ИДВ РАН) задался непростым вопросом: существует ли тайваньское конфуцианство?¹⁴⁰ Похожий вопрос был поставлен филологом В.Ф. Сорокиным: существует ли «тайваньская литература»?¹⁴¹. Из двух возможных ответов – «тайваньская литература является самостоятельной» и «она является особой, но органичной частью великой китайской культуры» – автор признал правильным второй¹⁴². Аборигенной литературе посвятил свои исследования Б.Л. Рифтин¹⁴³.

Изучение культуры Тайваня включало также в себя труды по тайваньской кинематографии (монография С.А. Торопцева¹⁴⁴, ИДВ РАН), изобразительному искусству (Е.В. Завадская¹⁴⁵, ИВ РАН), религии (П.М. Иванов¹⁴⁶, К.М. Тертицкий¹⁴⁷, ИСАА, Е.А. Завидовская¹⁴⁸).

Современные российские ученые подняли огромный пласт этнографических проблем, для ознакомления с которыми, ввиду ограниченного объема этой главы, мы вынуждены отослать читателя к обзорной статье В.Ц. Головачева «Изучение этнографической истории Тайваня в российском востоковедении XIX–XXI вв.»¹⁴⁹. Однако некоторые имена мы здесь все же приведем: М.Ф. Чигринский, Б.Л. Рифтин, С. Кучера, А.Н. Хохлов, Ю.А. Азаренко, А.Э. Белогорова внесли достойный вклад в отечественное тайваневедение.

Итак, российские ученые, открыв для себя Тайвань, смогли создать картину важнейших составляющих тайваньской проблематики; выявить тенденции развития ситуации на острове и вокруг него, начиная с «межбереговых» отношений; определить оптимальную позицию России по тайваньскому вопросу и его значение для нас. Были накоплены знания и сформированы оценки как по основным аспектам тайваневедения, так и по целому ряду более частных. Это было осуществлено в условиях недостатка информации, небольшими силами, главным образом китаеведов, нехватка которых не позволила сделать большего на этом важном направлении синологии. Большинство важнейших прогнозных оценок, высказанных российскими специалистами, оказались правильными: о длительном сохранении статус-кво Тайваня; о том, что Пекин не станет применять силу против Тайваня; о возрастающей, а в конечном счете решающей роли экономической интеграции для эволюции отношений двух берегов в направлении их объединения.

Примечания

¹ См.: «Россия и Китай на дальневосточных рубежах» с разными подзаголовками, выпуски 1–9 / Амурской гос. ун-т. Центр гуманитарных программ «Даурия». Благовещенск, 2000–2010. См. также продолжение этой серии: Россия и Китай: социально-экономическое взаимодействие между странами и приграничными регионами. Благовещенск, 2011.

² См., например, последний выпуск: Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: матер. III Междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Д.В. Буяров. Благовещенск – Хэйхэ – Харбин. 15–20 мая 2013 г. Вып. 3. Благовещенск, 2013.

³ См.: Российско-китайское сотрудничество: проблемы и решения (материалы Всероссийской научно-практической конф., МГИМО(У) МИД РФ, Москва, 21–22 декабря 2006 г.). Центр исследований Восточной Азии и ШОС / Ред. А.В. Лукин. М., 2007.

⁴ См, напр.: Тренин Д. Китайская проблема России. М., 1998; *Он же*. Миграционная ситуация на Дальнем Востоке и политика России: науч. докл. Вып. 7. М., 1996.

⁵ К настоящему времени вышло пять монографий. Назовем здесь последнюю из них: Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / Ред. В.И. Дятлов. Иркутск, 2011. Их методологической особенностью является широкое использование «кейсового» метода, основанного на глубоких интервью, включенном наблюдении и т.д.

- ⁶ Вацук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этноэмиграционные процессы в Приморье в XX век. Владивосток, 2002.
- ⁷ Дацышен В.Г. Китайцы в Сибири в X–XX вв.: проблемы миграции и адаптации. Красноярск, 2008.
- ⁸ Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М., 2009.
- ⁹ Назовем здесь несколько важнейших монографий: Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX – начало XX в.). Омск, 1999; Галлямова Л.И. Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX – начале XX в. Владивосток, 2000; Ткачева Г.А. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России в 20–30-е годы XX в. Владивосток, 2000; Аленко А.В. Зарубежный капитал и предпринимательство на Дальнем Востоке России (конец XVIII в. – 1917 г.). Хабаровск, 2001; Синиченко В.В. Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Иркутск, 2003; Петров А.И. История китайцев в России. 1856–1917. СПб., 2003; Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). Владивосток, 2004; Позняк Т.З. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). Владивосток, 2004; Залесская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Владивосток, 2009; Друзьяка А.В. Исторический опыт государственного регулирования внешней миграции на юге Дальнего Востока России (1858–2008 гг.). Благовещенск, 2010; Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток, 2011.
- ¹⁰ Здесь необходимо отметить монографию, целиком посвященную полузапретной в то время проблеме: Соловьев В.Ф. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917). М., 1989.
- ¹¹ Витковская Г., Зайончковская Ж. Новая сталинская политика на Дальнем Востоке: надежды и реалии // Перспективы дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия / Под ред. Г. Витковской и Д. Тренина. М., 1999. С. 80–120.
- ¹² Гельбрас В.Г. Китайская реальность России. М., 2001.
- ¹³ Гельбрас В.Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции. М., 2004.
- ¹⁴ Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России. Владивосток, 1998.
- ¹⁵ Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI в.) М., 2005.
- ¹⁶ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона. Владивосток, 2006.
- ¹⁷ Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (китайцы и кавказцы в Иркутске). М., 2000.
- ¹⁸ Краткий анализ представлений россиян о китайской миграции в Россию дан в монографии: Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М., 2007.
- ¹⁹ Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона. С. 414.
- ²⁰ Гельбрас В.Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции. С. 84.
- ²¹ Там же. С. 143.
- ²² Там же. С. 146.
- ²³ Александрова М.В. Программа соразвития Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая в свете целесообразности привлечения китайской рабочей силы России // Привлечение трудовых мигрантов или аутсорсинг? Материалы круглого стола. М., 2011. С. 111.
- ²⁴ Баженова Е., Островский А. Потенциал китайской миграции в Россию: оценки и перспективы // Миграция в России 2000 – 2012. Хрестоматия. В 3 т. Т. 1: Миграционные процессы и актуальные вопросы миграции. М., 2013. Ч. 2. С. 191.
- ²⁵ Гельбрас В.Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции. С. 42.
- ²⁶ См., напр.: Рыбаковский Л., Захарова О., Миндогулов В. Нелегальная миграция в приграничных районах Дальнего Востока: история, современность, последствия. М., 1994. С. 35–39.
- ²⁷ Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М., 2009. С. 301.
- ²⁸ Портяков В., Ларин А. Миграционная ситуация в Китае // Региональное измерение трансграничной миграции в Россию / Науч. ред. С.В. Голунов. М., 2008. С. 103–115. О возможном увеличении китайской диаспоры см. также: Баженова Е., Островский А. (Указ. соч.).
- ²⁹ См. высказывания М.Н. Балдано и А.П. Забияка в дискуссии на эту тему: Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Мост через Амур // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып. 7. Благовещенск. 2006. С. 420 и далее.
- ³⁰ Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М., 2009. С. 308–311.

- ³¹ *Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008. С. 207.
- ³² *Александрова М.В.* Программа соразвития Дальнего Востока... С. 113.
- ³³ *Мотрич Е.Л.* Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России и проблемы китайской миграции // Российско-китайское сотрудничество: проблемы и решения (матер. Всерос. науч.-практич. конф., МГИМО(У) МИД РФ, г. Москва, 21–22 декабря 2006 г.). Центр исследований Восточной Азии и ШОС / Ред. А.В. Лукин. М., 2007. С. 136–137.
- ³⁴ *Мясников В.С.* Дальний Восток России: миграционная политика // Миграция. 1996. № 1. С. 18–20.
- ³⁵ *Витковская Г., Зайончковская Ж.* Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке: надежды и реалии // Перспективы дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия / Под ред. Г. Витковской и Д. Тренина. М., 1999. С. 80–120.
- ³⁶ См.: Там же. С. 87. См. также: *Зайончковская Ж.* Возможно ли организовать переселение на Дальний Восток? // Миграция. М., 1997. № 3. С. 14.
- ³⁷ *Портяков В.Я.* Китайцы идут? Миграционная ситуация на Дальнем Востоке России // МЖ. 1996. № 2. С. 85–88.
- ³⁸ *Рыбаковский Л.Л., Тарасова Н.В., Сигарева Е.П., Гришианова А.Г., Кожевникова Н.И.* Концепция миграционной политики в южных районах Дальнего Востока. М., 1999. С. 33. См. также: *Рыбаковский Л.Л.* Миграционная ситуация на Дальнем Востоке: история и современность Востока. М., 1999.
- ³⁹ Подробное описание результатов опросов см. в указанных выше работах Г. Витковской и Ж. Зайончковской, В.Г. Гельбраса, В.Л. Ларина, Е.Л. Мотрич, А.Г. Ларина. См. также: *Понкратова Л.А., Забияко А.П., Кобызов Р.А.* Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск, 2009.; *Алагуева Т., Васильева К., Островский А.* Образ россиянина в глазах китайцев и образ китайцев в глазах россиян на сопредельной территории // ПДВ. 2007. № 4. С. 126–134; *Ларина Л.Л.* Дальний Восток и его окружение глазами рядового дальневосточника. URL: http://www/dvforum.ru/2008/doclads/ks2_larina.aspx; *Рязанцев С.В., Ян Хунмэй.* Китайская миграция в Россию: тенденции, последствия и подходы к урегулированию. М., 2010.
- ⁴⁰ Своего рода опорными узлами в этой структуре служат «китайские рынки» (на самом деле совсем не обязательно состоящие из одних китайцев). См., напр.: *Дятлов В., Кузнецов В.* «Шанхай» в центре Иркутска. Экология китайского рынка // Байкальская Сибирь: Из чего складывается стабильность / Редкол.: В.И. Дятлов, С.А. Панарин, М.Я. Рожанский. М., Иркутск. 2005. С. 166–187. См. также подборку статей «Тема номера: «Чайнатауны» в России» / Под ред. В.И. Дятлова // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 3–58.
- ⁴¹ Различные формы взаимодействия китайских мигрантов с российской стороной, исследованные с помощью «кейсовой» методики, см., напр.: Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации / Науч. ред. В.И. Дятлов. Екатеринбург, 2009.
- ⁴² См.: *Ларин А.Г.* Китайские мигранты в России. История и современность. М., 2009. С. 173–175; *Рязанцев С.В.* Социально-экономическая адаптация и миграционные установки китайских мигрантов в России // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: матер III Междунар. науч.-практич. конф. Благовещенск – Хэйхэ – Харбин 15–20 мая 2013 г. Вып. 3 / Отв. ред. Д.В. Буяров. Благовещенск, 2013. С. 326–332.
- ⁴³ *Забияко А.П.* Диаспоризация: китайский опыт // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Мост через Амур. Благовещенск. 2006. Вып. 7. С. 252.
- ⁴⁴ Эту тему исследует А.А. Маслов. См.: *Маслов А.А.* Россия – Китай: этапы и проблемы образовательного обмена в XX–XXI веках // Сотрудничество России и КНР в сфере образования: анализ прошлого и перспективы будущего / Науч. ред. Н.Е. Боровская. М., 2009. С. 133–159.
- ⁴⁵ *Стефаненко Т.Г.* Адаптация китайских студентов в России: проблемы и пути совершенствования // Сотрудничество России и КНР в сфере образования: анализ прошлого и перспективы будущего. М., 2009. С. 231–247.
- ⁴⁶ См., напр.: *Барышников В.Н.* Тайваньский вопрос в китайско-американских отношениях (1949–1958). М., 1969; *Капустин Д.Т.* Тайвань и Южная Корея в китайско-американских отношениях (1969–1979). М., Наука, 1980.
- ⁴⁷ *Тодер Ф.А.* Тайвань и его история (XIX в.). М., 1978.
- ⁴⁸ *Меликсетов А.В.* Социально-экономическая политика Гоминьдана в Китае (1927–1949). М., 1977.
- ⁴⁹ См., напр.: *Сычева В.А.* Трудники четырех «маленьких драконов». М., 1991.
- ⁵⁰ *Воронцов В.Б.* Судьба китайского Бонапарта. М., 1989.
- ⁵¹ Тайвань: справочник для деловых людей. М., 1993.

- ⁵² Тригубенко М.Е., Кондрашова Л.И., Оникиенко А.Ф., Корнейчук Н.Н. Тайвань: справочник. М., 1993.
- ⁵³ Современный Тайвань / Отв. ред. П.М. Иванов. Иркутск, 1994.
- ⁵⁴ Го Ширли. Экономическая политика Тайваня. М., 1999.
- ⁵⁵ Ярким примером такого подхода может служить статья А. Писарева «Два берега Китая» и интересы России (Pro et Contra. М., 1998. Т. 3. № 1. С. 101–114).
- ⁵⁶ Подробнее см.: Мозиас П. Перспективы инвестиционного сотрудничества России с Тайванем // ФиБ. М., 1997. № 4. С. 39–42.
- ⁵⁷ Иванов П.М. Современное состояние российско-тайваньских отношений // Тайваньский пролив в Азиатско-Тихоокеанском стратегическом контексте. М., 1998. С. 40.
- ⁵⁸ Иванов П.М. Некоторые проблемы развития российско-тайваньских отношений на современном этапе // Российско-тайваньские отношения и их роль в развитии Азиатско-Тихоокеанского региона: докл. конф. М., 1997. С. 49.
- ⁵⁹ Карпов М.В. Эволюция пекинского фактора в треугольнике отношений Москва – Пекин – Тайбэй // Российско-тайваньские отношения и их роль в развитии Азиатско-Тихоокеанского региона: докл. конф. М., 1997. С. 58.
- ⁶⁰ Трифонов В. Российско-тайваньские контакты // МО. 1998. № 6. С. 53.
- ⁶¹ Мясников В.С. Стратегическое взаимодействие России с Китаем и проблема Тайваня // Проблемы модернизации Тайваня: матер. науч. конф. 8 декабря 2000 г. / Сост. Ларин. М., 2001. С. 12.
- ⁶² Иванов П.М. Некоторые проблемы развития российско-тайваньских отношений на современном этапе // Российско-тайваньские отношения и их роль в развитии Азиатско-Тихоокеанского региона: докл. конф. М., 1997. С. 49, 45.
- ⁶³ Бажанов Е. Тайваньская проблема. Позиции Тайбэя, Пекина, Вашингтона и Москвы // Проблемы и перспективы развития торговли-экономических, дипломатических, научных и культурных связей между Россией и Тайванем: материалы Междунар. конф. М., 2004. С. 14–15.
- ⁶⁴ Галенович Ю.М. Тайвань – отрезанный ломоть Китая? // Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе: матер. науч. конф. 4 мая 2000 г. М., 2000. С. 102.
- ⁶⁵ Галенович Ю.М. Углубление взаимопонимания – ключ к развитию сотрудничества России и Тайваня // Российско-тайваньские отношения и их роль в развитии Азиатско-Тихоокеанского региона: докл. конф. М., 1997. С. 24.
- ⁶⁶ Галенович Ю.М. Москва – Пекин, Москва – Тайбэй. М., 2002. С. 625.
- ⁶⁷ Там же. С. 628.
- ⁶⁸ Там же. С. 633.
- ⁶⁹ Титаренко М.Л. Об отношениях между Россией и Тайванем в условиях российско-китайского стратегического взаимодействия // Модернизация Тайваня и перспективы отношений с Россией: сб. матер. науч. конф. ИМЭМО / Отв. ред. Г.И. Чуфрин. М., 2003. С. 8.
- ⁷⁰ Трифонов В. Некоторые аспекты развития российско-тайваньских отношений // Проблемы и перспективы развития торговли-экономических, дипломатических, научных и культурных связей между Россией и Тайванем: матер. Междунар. конф. М., 2004. С. 111.
- ⁷¹ Тавровский Ю. Имидж Тайваня в России // Проблемы и перспективы развития торговли-экономических, дипломатических, научных и культурных связей между Россией и Тайванем: матер. Междунар. конф. М., 2004. С. 83.
- ⁷² Чумаковский И. Взаимодействие банков России и Тайваня: перспективный сектор двустороннего сотрудничества // Проблемы и перспективы развития торговли-экономических, дипломатических, научных и культурных связей между Россией и Тайванем: матер. Междунар. конф. М., 2004. С. 59.
- ⁷³ Черный В. О торгово-экономической кооперации в российско-тайваньских отношениях к 2003 году // Проблемы и перспективы развития торговли-экономических, дипломатических, научных и культурных связей между Россией и Тайванем: матер. Междунар. конф. М., 2004. С. 118.
- ⁷⁴ Литвинов О. Проблемы российско-тайваньского взаимодействия // Проблемы и перспективы развития торговли-экономических, дипломатических, научных и культурных связей между Россией и Тайванем: матер. Междунар. конф. М., 2004. С. 107.
- ⁷⁵ Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М., 2007. С. 467–469.
- ⁷⁶ Ломанов А.В. Новое руководство в Пекине и перспективы отношений двух берегов Тайваньского пролива // На пути к созданию механизма обеспечения мира и стабильности в Тайваньском проливе. М., 2005. С. 11.

- ⁷⁷ Карнеев А.Н. Теория «мирного подъема Китая» и Тайвань // На пути к созданию механизма обеспечения мира и стабильности в Тайваньском проливе. М., 2005. С. 43.
- ⁷⁸ Головачев В.Ц. Тайвань на заре XXI века – смена символов, ритуалов и предрассудков // Подъем Китая: значение для глобальной и региональной стабильности. М., 2005. С. 331.
- ⁷⁹ Писарев А.А. Отношения между берегами и «партийная дипломатия» // Подъем Китая: значение для глобальной и региональной стабильности. М., 2005. С. 242.
- ⁸⁰ Ларин А.Г. Отношения «через пролив»: некоторые итоги и перспективы // Проблемы модернизации Тайваня: матер. науч. конф. 8 декабря 2000 г. М., 2001. С. 40.
- ⁸¹ Делюсин Л.П. Выступление по докладу проф. Чжэн Шу-пина // Опыт разделенных государств и отношения между двумя берегами Тайваньского пролива (матер. конф.). М., 1997. С. 16.
- ⁸² Лузянин С.Г., Сафронова Е.И. Некоторые социально-политические аспекты тайваньской действительности на рубеже веков // Проблемы модернизации Тайваня: матер. науч. конф. 8 декабря 2000 г. М., 2001. С. 112.
- ⁸³ Mikheev V. Mainland China – Taiwan relations in the light of globalization // Проблемы модернизации Тайваня: матер. науч. конф. 8 декабря 2000 г. М., 2001. С. 29–30.
- ⁸⁴ Салицкий А.И. КНР–Тайвань: перспективы экономической интеграции // Модернизация Тайваня и перспективы отношений с Россией: сб. матер. науч. конф. ИМЭМО / Отв. ред. Г.И. Чуфрин М., 2003. С. 49–53.
- ⁸⁵ Кузнецова В.В. Экономические связи Тайваня с КНР: проблемы безопасности острова // Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе: матер. науч. Конф. 4 мая 2000 г. М., 2000. С. 279.
- ⁸⁶ Дыганов Ю.В. Тайвань в структуре региональной безопасности Восточной Азии. М., 1999. С. 35, 118.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ Воронцов А.В. Тайбэй – Пекин – международное сообщество // Тайваньский пролив в Азиатско-Тихоокеанском стратегическом контексте. М., 1998. С. 84.
- ⁸⁹ Амиров В.Б. Экономические связи Японии с КНР и Тайванем: тенденции развития и вопросы стратегии // Модернизация Тайваня и перспективы отношений с Россией: сб. матер. науч. конф. ИМЭМО / Отв. ред. Чуфрин Г.И. М., 2003. С. 59–68.
- ⁹⁰ Гордеева И.В. Об особенностях современной позиции Японии в отношении Тайваня // ПДВ. 2012. № 1. С. 38–48.
- ⁹¹ Воронцов А.В. Тайваньский пролив в контексте современной ситуации в Восточной Азии // Подъем Китая: значение для глобальной и региональной стабильности. М., 2007. С. 178–194.
- ⁹² Труш С.М. Эволюция трехсторонних отношений США – КНР – РФ и проблема Тайваня // Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе: матер. науч. конф. 4 мая 2000 г. М., 2000. С. 152–164.
- ⁹³ Зиновьев Г.В. История американо-китайских отношений и тайваньский вопрос. Томск, 2007. С. 305.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ Там же. С. 292.
- ⁹⁶ Лексютина Я.В. Проблема Тайваня во внешней политике США. СПб., 2009. С. 3.
- ⁹⁷ Там же. С. 182–183.
- ⁹⁸ Там же. С. 181.
- ⁹⁹ Там же. С. 4.
- ¹⁰⁰ Болятко А.В. Военно-политические аспекты ситуации в районе Тайваньского пролива // Модернизация Тайваня и перспективы отношений с Россией: сб. матер. науч. конф. ИМЭМО. Отв. ред. Г.И. Чуфрин. М., 2003. С. 8, 19. 17–21.
- ¹⁰¹ Кашин В.Б. Новые нюансы военно-политической ситуации в Тайваньском проливе // ПДВ. 2005. № 1. С. 13–19.
- ¹⁰² Каменнов П.Б. КНР: военная политика на рубеже веков. М., 2008. С. 124–126.
- ¹⁰³ Трифонов В.И. Пекин – Тайбэй: перспективы диалога // Современный Тайвань: справ.-аналит. матер. Вып. 11 (19). М., 2010. С. 38–54.
- ¹⁰⁴ Верченко А.Л. Возвращение Гоминьдана: некоторые итоги // Современный Тайвань. Справочно-аналитические материалы. Вып. 11 (19). М., 2010. С. 24–37; Она же. Четвертое поколение руководства КПК: отношения через Тайваньский пролив и позиция России // XLIV науч. конф. «Общество и государство в Китае». М., 2014. Ч. 1. С. 281–291.
- ¹⁰⁵ Ларин А. Сотрудничество берегов Тайваньского пролива: достижения, проблемы, перспективы // ПДВ. 2012. № 4. С. 13–26.

- ¹⁰⁶ Гудошников Л.М., Кокарев К.А. Политическая система Тайваня. М., 1999.
- ¹⁰⁷ Многопартийность на Тайване / Сост. Л.М. Гудошников. М., 1999.
- ¹⁰⁸ Как управляется Китай: эволюция властных структур Китая в XX – начале XXI века / Под ред. М.Л. Титаренко. М., 2001.
- ¹⁰⁹ См., напр.: Степанова Г.А. Модернизация партийной системы на Тайване // Проблемы модернизации Тайваня: матер. науч. конф. 8 декабря 2000 г. М., 2001. С. 120–133.
- ¹¹⁰ Головачев В.Ц. Проблемы и трудности тайваньского президента: к первой годовщине со дня вступления Чэнь Шуйбяня в должность президента Китайской Республики // Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе: матер. науч. конф. 4 мая 2000 г. М., 2000. С. 116–127.
- ¹¹¹ Малявин В., Чэнь Цзявэй. Демократическая прогрессивная партия и особенности политического строя на Тайване // ПДВ. 2012. № 6. С. 128.
- ¹¹² Батчаев Э.О. Становление демократической политической культуры на Тайване // Проблемы модернизации Тайваня: матер. науч. конф. 8 декабря 2000 г. М., 2001. С. 134–145.
- ¹¹³ Карнеев А.Н. Перипетии борьбы с «черным золотом» на Тайване после президентских выборов // Проблемы модернизации Тайваня: матер. науч. конф. 8 декабря 2000 г. М., 2001. С. 164, 165. См. также: Карнеев А.Н. Президентские выборы на Тайване, проблемы «черного золота» и политической трансформации // Модернизация Тайваня и перспективы отношений с Россией: сб. матер. науч. конф. ИМЭМО / Отв. ред. Г.И. Чуфрин. М., 2003. С. 192–223.
- ¹¹⁴ Козырев В.А. Феномен местной фракционности и демократизация на Тайване // Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе: матер. науч. конф. 4 мая 2000 г. М., 2000. С. 224–245.
- ¹¹⁵ Меликсетов А.В. Тайваньский прецедент // Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе: матер. науч. конф. 4 мая 2000 г. М., 2000. С. 7, 9.
- ¹¹⁶ Гудошников Л.М., Кокарев К.А. Политическая система Тайваня. М., 1999. С. 193.
- ¹¹⁷ Ларин А.Г. Тайваньская модернизация на фоне российской и китайской // МЭиМО. М., 2011. № 12. С. 79–88.
- ¹¹⁸ Барский К.М. Эволюция политической системы Тайваня: последствия для геополитической ситуации в АТР // Российско-тайваньские отношения и их роль в развитии Азиатско-Тихоокеанского региона: сб. докл. М., 1997. С. 108, 109.
- ¹¹⁹ Максимов А.А. Экономика Тайваня: итоги и перспективы развития. М., 1991.
- ¹²⁰ Там же. С. 129.
- ¹²¹ Островский А.В. Тайвань накануне XXI века. М., 1999.
- ¹²² Там же. С. 11.
- ¹²³ Там же. С. 200.
- ¹²⁴ Мозиас П.М. Экономическая политика Тайваня при президенте Чэнь Шуйбяне // МЭиМО. М., 2003. № 11. С. 51–60; Он же. Финансовая реформа на Тайване // Общество и государство в Китае: XXXIV науч. конф. М., 2004. С. 161–170.
- ¹²⁵ Гельбрас В.Г. Экономические связи с материковым Китаем как фактор модернизации Тайваня // Проблемы модернизации Тайваня: матер. науч. конф. 8 декабря 2000 г. М., 2000. С. 57–69.
- ¹²⁶ Батчаев Э.О. Тайваньский опыт приватизации предприятий общественного сектора // ПДВ. 1997. № 3. С. 95–100.
- ¹²⁷ Проблемы модернизации Тайваня: матер. науч. конф. 8 декабря 2000 г. М., 2001. С. 70–79.
- ¹²⁸ Борох О.Н. Экономическая мысль современного Тайваня: взгляд из России // Российско-тайваньские отношения и их роль в развитии Азиатско-Тихоокеанского региона: сб. докл. М., 1997. С. 112–129.
- ¹²⁹ Мельянцева В.А. Тайвань: слагаемые эффективного экономического развития // Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе: матер. науч. конф. 4 мая 2000 г. М., 2000. С. 282, 291.
- ¹³⁰ Козырев В.А. Местный финансовый кризис на Тайване 1998–1999 гг. и его особенности // Проблемы модернизации Тайваня: матер. науч. конф. 8 декабря 2000 г. М., 2001. С. 180.
- ¹³¹ Бузов В.Г. Модернизация тайваньского общества. М., 1998. С. 212.
- ¹³² Там же. С. 197.
- ¹³³ Иванов П.М. Очерк истории Тайваня. Современный Тайвань. Иркутск, 1994. С. 28–86.
- ¹³⁴ Головачев В.Ц. 20 лет российско-тайваньских отношений (1991–2011): история, современность, перспективы // В потоке научного творчества: к 80-летию академика В. С. Мясникова. М., 2011. С. 412–431.

- ¹³⁵ *Иванов А.В.* Без политики. Отношения России с Тайванем, Гонконгом и Макао // Россия и Китай. Четыре века взаимодействия. История, современность и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А.В. Лукина. М., 2013. С. 513–609.
- ¹³⁶ *Галенович Ю.М.* Цзян Чжунчжэн, или Неизвестный Чан Кайши. М., 2000.
- ¹³⁷ *Ларин А.Г.* Два президента, или Путь Тайваня к демократии. М., 2000. Часть этой темы отражена также в монографии: *Галицкий В.П.* Цзян Цзинго: трагедия и триумф сына Чан Кайши. М., 2002.
- ¹³⁸ *Ломанов А.В.* Современная философия на Тайване: тенденции и перспективы // ПДВ. 1995. № 3. С. 130.
- ¹³⁹ *Ломанов А.В.* Тайвань на рубеже веков: философские традиции и культурная идентичность // Гоминьдан и Тайвань: история и современность: матер. науч. конф. 23 апреля 1999 г. / Ред. А.Н. Карнеев, В.А. Козырев. М., 1999. С. 161.
- ¹⁴⁰ *Переломов Л.С.* Существует ли тайваньское конфуцианство? // Перспективы сотрудничества Китая, России и других стран Северо-Восточной Азии в конце XX – начале XXI века. В 2 ч. М., 1997. Ч. 2. С. 35–39.
- ¹⁴¹ *Сорокин В.Ф.* Существует ли «тайваньская литература»? // ПДВ. 1993. № 5. С. 129–137.
- ¹⁴² *Сорокин В.Ф.* Об особенностях развития региональной литературы на Тайване // Проблемы модернизации Тайваня: матер. науч. конф. 8 декабря 2000 г. М., 2001. С. 183–189.
- ¹⁴³ *Рифтин Б.Л.* Предания о злых духах в фольклоре аборигенов Тайваня // Восточная демонология. От народных верований к литературе. М., 1998. С. 44–60.
- ¹⁴⁴ *Торопцев С.А.* Кинематография Тайваня. М., 1998.
- ¹⁴⁵ *Завадская Е.В.* Тайваньский постмодернизм (1981–1992) // ПДВ. М., 1995. № 3. С. 138–148.
- ¹⁴⁶ *Иванов П.М.* Христианство на Тайване // Гоминьдан и Тайвань: история и современность: матер. науч. конф. 23 апреля 1999 г. / Ред.-сост. А.Н. Карнеев, В.А. Козырев. М., 1999. С. 137–146.
- ¹⁴⁷ *Тертицкий К.М.* Синкретические религии на Тайване // Гоминьдан и Тайвань: история и современность: матер. науч. конф. 23 апреля 1999 г. / Ред.-сост. А.Н. Карнеев, В.А. Козырев. М., 1999. С. 119–136.
- ¹⁴⁸ *Завидовская Е.А.* Народная религия современного Тайваня: храмовые организации и праздники. СПб., 2012.
- ¹⁴⁹ *Головачев В.Ц.* Изучение этнографической истории Тайваня в российском востоковедении XIX–XXI вв. // Восток (Oriens). М., 2012. № 6. С. 162–170.

Глава IX

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ КИТАЕВЕДЕНИЕ О ПРОБЛЕМАХ МОДЕРНИЗАЦИИ И МОДЕЛЯХ РАЗВИТИЯ КИТАЯ

ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКИХ КИТАЕВЕДОВ 1990-х гг.

Кризис европейского социализма на рубеже 1990-х гг. оказал решающее воздействие на ход мировой истории. Во-первых, положив конец биполярному миру, он дал толчок формированию многополярности и создал тем самым благоприятные предпосылки для роста разнообразия, диверсификации социально-экономических и культурных моделей. Во-вторых, направив общественное развитие большинства стран бывшего социалистического лагеря по новому руслу, он, по крайней мере, на время поставил под сомнение альтернативность исторического развития в Европе, задав импульс к универсализации в этой части света. В то же самое время социалистические страны Азии, не изменив свой общественный строй, дали еще один шанс социалистической альтернативе развития, но уже на Востоке. Ценой сохранения азиатской версии социализма стал ее отказ от некоторых фундаментальных положений марксизма. На протяжении более 20 лет игравший роль последнего оплота мирового социализма, Китай сегодня в очередной раз стоит перед серьезными вызовами и испытаниями, которые не исчерпываются экономическими трудностями, порожденными мировым кризисом, и связаны с нарастанием социально-экономических проблем в китайском обществе и идейно-политических дискуссий в КПК. В связи с этим представляется обоснованным и полезным провести некоторые параллели между развитием событий в Восточной Европе, СССР и КНР четверть века назад и тем, что сейчас происходит в Китае, и оценить прошедший 25-летний период с точки зрения избранных моделей социально-экономического развития.

* * *

К началу 1990-х гг. отечественное китаеведение не просто испытывало влияние протекавших в обществе идейно-политических процессов, в известной степени оно было их непосредственным объектом, а некоторые его представители – активными участниками. На протяжении трех десятилетий, с середины 1950-х гг. находившееся на переднем плане идеологической борьбы между КПСС и КПК, международного коммунистического движения в целом, китаеведение в полной мере испытывало все трансформации, харак-

терные для общественной мысли того периода. С началом «перестройки» официальные ориентиры, служившие руководством в его деятельности, были поставлены под сомнение, а затем в течение очень короткого промежутка времени после 1991 г. полностью отвергнуты. Одновременно радикальные реформы, которые уже набрали непреодолимую скорость, дали возможность по-новому посмотреть как на историю и сущность общественного строя в СССР, так и на внешний мир, пересмотреть или подвергнуть углубленному анализу фундаментальные представления о характере и содержании общественного развития.

Существовавшие в экспертном сообществе и ранее различия во взглядах на характер социально-экономического строя современного Китая получили дальнейшее развитие, впервые появилась возможность открытого соперничества различных научных школ и течений. Снятие идеологических ограничений быстро привело к поляризации мнений. На этот процесс с самого начала серьезное влияние оказывала интеллектуальная мода – Китай из недавнего принципиального оппонента превратился в важный аргумент в развернувшихся в российском обществе дискуссиях. Понятие «переключки реформ» стало не только частью официальной государственной пропаганды процессов обновления социализма во всем мире, но и поводом для критики и упреков в развернувшейся в СССР политической борьбе. Китаеведение вместе со всем обществом разделилось на два лагеря: на сторонников и противников социализма, а проводившиеся в обеих странах преобразования воспринимались как исторический выбор в пользу того или иного пути. Социально-политические и идеологические конфликты в СССР/России, а также в бывших социалистических странах Восточной Европы прямо переносились на азиатские государства. Содержательный анализ их моделей развития часто подменялся откровенным неприятием и критиканством, которым противостояла не менее откровенная апологетика оставшихся верными социализму стран Азии. Основанием для обеих позиций служило яркое различие в результатах реформ в Китае и в России.

Одной из характерных черт этих процессов стал повышенный интерес к Китаю со стороны широкого круга обществоведов-некитаистов, в том числе таких известных лидеров демократического движения в России, как Е. Гайдар, Г. Попов и другие¹. Являясь крупнейшей социалистической страной, Китай всегда представлял значимую альтернативу советскому пути, служил обязательной референтной точкой при анализе общественного развития и остался ею после смены общественного строя в России. Ссылки на него были почти такой же обязательной чертой дискуссий о выборе дальнейшего пути развития, как и ссылки на развитые западные страны с рыночной экономикой и демократической политической системой.

Обращение к Китаю и другим социалистическим странам Азии помимо прочего должно было помочь понять причины драматических изменений в Восточной Европе и в СССР. «Каковы причины столь быстрого развала? Что будет его ближайшим результатом? Как это скажется на общих судьбах мирового социализма?»² Все эти вопросы предполагали, что даже кризис и поражение реформ не исключают нового этапа борьбы между капитализмом и социализмом. Однако к указанным событиям было и другое отношение, связанное с постановкой вопроса, «есть ли будущее у социализма вообще и как самостоятельной формации, и как особой ветви христианского учения о справедливости, равенстве, свободе». Высказывалась точка зрения о том, что судьбы социализма, по-видимому, «сейчас решаются на Востоке, это последний шанс доказать его жизненную силу»³.

Отличительной особенностью изучения Китая в тот период было и то, что независимо от политических симпатий научное и экспертное сообщество пользовалось марксистской методологией и категориальным аппаратом. Уйти от понятия «социализм» в этой системе координат было невозможно, что серьезно ограничивало проблемное поле дискуссий. Явным было желание вписать Китай в уже существующие модели, свести его специфику

преимущественно к запаздыванию в развитии, обусловленному материально-технической отсталостью. Вместе с тем фундаментальные преобразования в экономике при сохранении однопартийной политической системы заставляли искать промежуточные определения модели общественного развития Китая, такие, как «постсоциалистическое», «посттоталитарное», «полутоталитарное» общество. Одновременно Китай воспринимался как азиатская страна с особым типом государства и общества, которая в силу этого обстоятельства обладает естественным правом на особый путь развития. Иногда этот путь рассматривался как временный, с неизбежным впоследствии переходом к «цивилизованному», «современному», «рыночному» обществу, которое противостояло, как считалось, уже сошедшему с исторической сцены социализму и отождествлялось с либеральным, западным обществом. Однако постепенно по мере успехов реформ Китай превращался в родовое понятие альтернативы универсальному, западному пути, будь то в рамках социалистической парадигмы развития или в рамках моделей цивилизационного разнообразия.

После 1991 г. для значительной части китаеведов, особенно представителей старшего поколения, Китай стал последним и самым главным символом социализма в мире, что требовало его поддержки и защиты, а также поиска теоретической аргументации для обоснования проводимых им экономических преобразований. Последовательные сторонники социализма в России шли вслед за китайской практикой, за партийными документами и китайскими авторами. Из этого следовали реферативность изложения, марксистские концептуальные построения и категории, крен в сторону развития производительных сил, вытекавший из задач, поставленных КПК в тот период, недооценка на фоне экономической отсталости специфики китайской культуры и цивилизации. В то же время их важным достоинством было желание выстроить единую линию развития Китая после 1949 г., показать объективную необходимость и историческую обусловленность реформ в рамках самого социалистического строя, что точно отражало направление и динамику социально-экономических процессов, показывая их связь с предыдущим периодом. В целом они хорошо ориентировались в изменениях китайской политики, которые действительно были продолжением споров в руководстве КПК относительно путей развития еще с 1950-х гг. Особенно это было справедливо на протяжении 1980-х гг., когда ведущую роль играли Дэн Сяопин, Чэнь Юнь и другие представители старшего поколения. Отечественные авторы также в полной мере пользовались преимуществами, которые давал марксистский категориальный аппарат, довольно точно отражавший реальность китайской общественно-политической жизни.

Начало реформ в Китае китайское руководство связывало прежде всего с восстановлением истинного облика марксизма-ленинизма, отказом от волюнтаризма и восстановлением экономического детерминизма. Причины предшествующих искривлений в периоды «большого скачка» и «культурной революции» объяснялись желанием перескочить через этап общественного развития и перейти к коммунизму в условиях бедности, осуществить «бедный социализм»⁴. Поэтому текущие экономические преобразования, развитие товарного, а затем и рыночного хозяйства воспринимались этими исследователями как обязательный урок у капитализма, восстановление естественно-исторического пути, аналогичного по своему смыслу периоду ленинского НЭПа.

В соответствии с ленинской теорией развитие социализма в Китае подразделялось на два этапа: на первом – проведение социалистических преобразований, т.е. утверждение новых производственных отношений, на втором – всемерное развитие производительных сил. В соответствии с этим делением в 1956 г. Китай «вступил в социализм» и завершил первый этап, после чего начался второй этап, когда под существующие производственные отношения подводилась современная материально-техническая база. Вслед за китайскими партийными документами современное состояние КНР обществоведы называли «начальным этапом социализма» (НЭС), «неполным социализмом». Это состояние характеризо-

валось как переходное к полному социализму, когда уровень развития производственных отношений будет приведен в соответствие с уровнем производительных сил⁵.

В соответствии с этой периодизацией внутри НЭС выделялись две стадии: с 1956 г. – утверждение социалистических отношений; после 1978 г. – социалистическая модернизация, т.е. приведение в соответствие производительных сил и производственных отношений, с акцентом на развитии производительных сил⁶. Продолжительность второго периода НЭС до середины XXI в. предоставляла не только большие возможности для поиска новых переходных форм и экспериментов, но и надежду на ренессанс социалистической идеи в мировом масштабе. Социализм переставал выглядеть закостенелой догмой и вновь становился развивающейся системой не только в теории, но и на практике. Все это в совокупности служило основанием и для признания разнообразных моделей социализма⁷.

Однако необходимость возвращения к однажды уже пройденному этапу требовала особой исторической логики и соответствующего концептуального оформления. Именно это обстоятельство помогло признанию этой категорией отечественных специалистов теории, или, как тогда предпочитали называть, концепции «строительства социализма с китайской спецификой», которая в данной системе координат выглядела закономерной реакцией на ошибочные методы социалистического строительства, допущенные в предшествующие годы. Корректными представлялись и выбранные китайской стороной объяснения: экономическая отсталость – слабая материально-техническая база и специфика природно-демографических условий – большое население при небольшом количестве пахотной земли. Все эти объяснения выглядели вполне убедительными с марксистской точки зрения, поскольку не опровергали его «всеобщих истин». Концепция «начального этапа социализма», принятая на XIII съезде КПК, развивала и утверждала эту теоретическую линию, указывая на полуколониальный, полуфеодальный характер китайского общества, т.е. более четко определяя национальную специфику историческими и социально-экономическими причинами, и поэтому социализм, появившийся в этом обществе «во многом отличается от социализма, появившегося в капиталистическом обществе»⁸.

В соответствии с этими представлениями решался вопрос о многообразии форм собственности, соотношении плана и рынка, товарной и даже рыночной экономики. В такой конфигурации оставалось место и для борьбы между социализмом и капитализмом, характерной для классических представлений о закономерностях строительства социалистического строя⁹. При этом власть КПК и ее бескомпромиссная борьба с «буржуазной либерализацией» выглядели надежной гарантией движения по социалистическому пути. В результате, несмотря на поражение социализма в СССР, социалистическая идея и социалистический строй продолжали существовать и развиваться, сохраняя и формационную модель истории с некоторыми несущественными дополнениями. Среди недостатков такого подхода были известный догматизм и недооценка глубины преобразований в Китае.

Но были и другие, прямо противоположные по выводам работы. Отдельно можно выделить группу обществоведов, специально не занимавшихся Китаем, для которых обращение к его опыту было продиктовано желанием найти дополнительные аргументы для обоснования своей логики рассуждений, включить Китай в общие закономерности, заставить его работать на универсальные, общесоциологические схемы. Общей чертой таких работ являлось слабое знание китайской истории и реалий и, как следствие, приоритет готовых схем над фактами, нацеленность не на изучение китайского опыта, а на подтверждение им западных, европейских теоретических моделей и объяснительных конструкций¹⁰. Эти авторы давали «свою проекцию» событий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы на развитие азиатских государств, в том числе Китая¹¹.

Так, М. Тригубенко была высказана мысль, что сталинская модель социализма нанесла странам Азии «еще больший вред», чем европейским странам, «замедлив их движение от неразвитого общества к более прогрессивному»¹². Характеризуя общественный строй

в Китае и в других социалистических странах, она называла его «тоталитарным», «неадекватным понятию социализма», «феодално-бюрократическим социализмом», противостоящим «мировой цивилизации, которой достиг капитализм»¹³.

Автор предлагала свою трактовку периодизации переходного периода в странах Азии, сущности политической власти, причин отстаивания их лидерами идей социализма. Среди таких мер по отстаиванию социализма она выделила создание новой теории применительно к современным реалиям, в том числе теории социализма с китайской спецификой. Вместе с тем, она признавала, что популярность социализма на Востоке связана с антиимпериализмом, поскольку только социализм гарантирует «царство национальной свободы» и дает основание идеологам азиатских концепций оставлять за социализмом право быть самостоятельной формацией со своим способом производства и надстройкой¹⁴. Но на самом деле, по ее мнению, «социализм – это утопия, и надо вливаться бескомпромиссно и не теряя времени в мировое сообщество»¹⁵. Препятствия для этого заключались в том, что руководство этих стран реализует концепцию планово-товарной экономики без политических реформ, без «самореформирования политической системы»¹⁶.

Политические реформы были одним из ключевых пунктов при оценке модели общественного развития Китая. Сторонниками европоцентричных концепций отсутствие политических реформ связывалось с тем, что за 12 лет экономической реформы в Китае политические конфликты еще не созрели, в отличие от Восточной Европы, где реформы «начались гораздо раньше» и успели созреть политические конфликты¹⁷. Но были и те, кто придерживался прямо противоположной точки зрения: «К концу 70-х годов в Советском Союзе реформами еще не пахло; в ряде восточно-европейских стран... в той или иной мере проводились эксперименты рыночного характера», однако «общей картины это не меняло»¹⁸. Все это указывало на то, что различные группы ученых опираются на принципиально разный фактический материал и, как следствие, не могут проводить широкие сравнительные исследования и делать обоснованные и точные выводы.

Анализ различных концепций о социализме, по мнению М. Тригубенко, позволяет говорить о том, что «ничего «собственно» социалистического в этих учениях уже нет», в них есть «апробированные мировым опытом идеи продвижения стран бывшей соцсистемы к новому обществу, чтобы влиться в единый процесс перехода в новое качественное состояние мировой цивилизации, а именно постиндустриального мирового сообщества». Соцстраны должны стать «винтиками единой громадной машины перестройки», поскольку, выбрав идею социализма, эти страны оказались «в хвосте мирового прогресса и мировой цивилизации»¹⁹. Автор не допускает мысли о конвергенции, речь может идти лишь о приобщении социализма «впервые за всю историю своего существования» к «общецивилизационным достижениям и ценностям»²⁰. Однако политический каркас старой экономической системы не может преобразоваться самостоятельно и «должен быть ниспровергнут революционным путем»²¹.

Следует, однако, признать, что авторы основной массы работ, посвященных Китаю, не занимали крайних позиций. Они хотели увидеть в проводимых преобразованиях свидетельств поступательного движения Китая, но часто на том этапе им не хватало теоретической смелости выйти из дихотомии «социализм – капитализм».

Говоря о начале трансформации модели развития Китая, важно было зафиксировать характер начальной точки преобразований. Существовавший в КНР социально-экономический общественный строй характеризовался преимущественно в марксистских понятиях: «государственный социализм», «начальный этап социализма», «сталинская модель»²². Близость социально-экономического строя в СССР и в КНР не вызывала сомнений. «И хотя уже на начальном этапе развития КНР многое стало отличаться от советской практики, следует признать, что построение «реального социализма» в главных, основных чертах выдерживало маршрут, освоенный и развитый в СССР»²³.

Это была высокоцентрализованная, планомерно-распределительная система с монопольным положением государственной формы собственности, командно-административными методами управления под полным контролем со стороны Компартии. Таким образом, общие характеристики начальной точки реформ большинством исследователей под сомнение не ставились – это была советская модель социализма с некоторыми непринципиальными отличиями. Поэтому одинаковыми были проблемы и противоречия: жесткое подчинение экономической политики политическим целям, экстенсивный характер развития, почти полное игнорирование факторов эффективности производства, расточительный подход к трудозатратам и т.д.²⁴ Все это предопределило, что рано или поздно Китай, как и СССР, должен был встать перед необходимостью коренных социально-экономических преобразований, перехода «к рынку от практически идентичной административно-командной системы»²⁵.

Вторым обязательным элементом анализа было выделение этапов реформы. При проведении реформы в Китае обозначились два направления теоретического поиска, нашедших выражение в концепциях «начального этапа социализма» и «строительства социализма с китайской спецификой», которые развивались параллельно. «При этом первая привлекала внимание к несовершенству концепций переходного периода, т.е. к «белым пятнам» марксизма, а вторая – к особенностям развития Китая»²⁶.

Общей начальной точкой трансформации был избран 3-й Пленум ЦК КПК 11-го созыва (1978) и последовавший за ним старт экономической реформы, которая «изменила вектор исторического развития»²⁷, «фактически заново стали формироваться основные слагаемые стратегии социально-экономического развития Китая»²⁸, начался «переход к новой стратегии социально-экономического и политического развития»²⁹. В качестве следующего поворотного момента был выделен XII съезд КПК, провозгласивший концепцию строительства социализма с китайской спецификой, и 3-й Пленум ЦК КПК 12-го созыва (1984), положивший начало этапу широкомасштабной реформы.

Ключевой точкой по единодушному мнению был XIII съезд КПК, продемонстрировавший комплексный подход к изменению модели общественного развития Китая. Во-первых, это выражалось во внимании к экономическому развитию: Китаю необходимо пройти через длительную начальную стадию развития, на которой преобладает осуществление индустриализацию и модернизацию производства и реализовать всеобщий закон соответствия производственных отношений и производительных сил. Во-вторых, в Отчетном докладе ЦК впервые говорилось о необходимости проведения «реформы политической системы». Заявленные на XIII съезде КПК китайские реформы по постановке проблем и решений в наибольшей степени напоминали советский опыт «перестройки», выглядели ее прямым, но более успешным продолжением. Еще одной критической точкой стал 1992 г., положивший начало курсу на создание в Китае социалистической рыночной экономики.

Смысл экономической реформы в Китае отечественные китаеведы, следуя китайским официальным документам, видели в обеспечении условий для наращивания производительных сил, быстрого и устойчивого роста производства и повышения жизненного уровня населения. При этом высказывалось мнение, что в 1980-е гг. Китай не отказался от социализма, но «подходы к реализации идей социализма изменились существенно», прежде всего, за счет использования различных форм хозяйственной деятельности, ранее не вписывавшихся в традиционные представления о социализме³⁰. Целью преобразований экономической системы было создание «социально ориентированной и государственно регулируемой рыночной экономики»³¹. При этом резонно указывалось, что социалистическая рыночная экономика может быть как «промежуточной ступенью на пути к социализму», так и «промежуточной ступенью к капиталистическому рынку»³².

В этот период был сформулирован принципиальный вопрос, на который необходимо было дать ответ, чтобы оценить перспективы развития Китая: является ли модель разви-

тия Китая специфическим путем или она может претендовать на специфичность целей? Основанием для такой постановки вопроса служило «обновление в целом представлений о социализме в современном мире»³³. Для этого нужно было определить, что «в создаваемой новой общественно-экономической модели будет соответствовать смысловому определению “рыночная экономика” и что сохранит за собой понятие “социалистическая”, насколько они будут “органически сочетаться”» друг с другом³⁴. Одним из решающих факторов при ответе на этот вопрос было отношение к политической реформе.

Мнения по этому вопросу высказывались полярные. Часть ученых считала, что одну из ведущих ролей играет противоречие между идеологической монополией и политическим авторитаризмом КПК и увеличением частнособственнических и смешанных структур в народном хозяйстве КНР³⁵. Указывалось также, что на практике идет медленная, не всегда отчетливо выраженная деидеологизация не только экономической, но и в какой-то мере общественно-культурной жизни, эта тенденция и логика экономического развития с течением времени могут привести «к существенным сдвигам в ряде опор политической конституции КНР»³⁶. Политическая реформа «сильно запаздывала», что создавало трудности по мере углубления экономической реформы³⁷, в то время как, по словам Ю.М. Галеновича, «политическая модернизация представляла бы собой важнейшую основу успеха в деле превращения государства в богатое и сильное, основу модернизации экономики страны»³⁸.

Существовала и другая точка зрения. Политический строй адекватен социокультурным условиям Китая, «в случае быстрой политической демократизации материкового Китая его ожидает хаос, дезинтеграция и даже гражданская война и развал»³⁹, а причина успехов Китая в том, что китайское руководство отодвинуло политическую реформу на отдаленное будущее⁴⁰. Сохранение основ прежней политической системы обеспечило стабильные общественно-политические условия проведения экономических преобразований, а неудачи России объясняются приверженностью «курсу на первоочередность политических реформ»⁴¹. Более того, сохранить Китай удалось в результате «балансирования политической централизации и экономической децентрализации и культивирования духа высокого национального патриотизма»⁴².

Другим принципиальным критерием стало определение конечной точки преобразований, относительно которой мнения расходились также достаточно серьезно. Китаю отказывалось в праве на создание некоего «уникального для мировой практики и притом якобы вполне стабильного типа “рыночного социализма”», это называлось не критичным компилятивным восприятием «китайского политико-пропагандистского шаблона», призванным «завуалировать реальное положение вещей и вероятное развитие событий в этой стране». Обосновывалось мнение, что в Китае будут развиваться все основные базисные процессы, характерные «для любой современной рыночно-переходной экономики». Современный Китай не опровергает, «а лишь в национально-специфической форме подтверждает такого рода всеобщие истины»⁴³. Государство в Китае «не может вовсе повернуть вспять объективный исторический процесс становления института частной собственности и формирования демократической, многосубъектной структуры имущественных отношений»⁴⁴.

В то же время указывалось, что в Китае, «в сущности, на практике произошел отказ от принципиальных марксистских постулатов, они остались лишь в идеологии, пропаганде»⁴⁵. «социализм с китайской спецификой по многим параметрам совсем не совпадает с моделью социализма, начертанной классиками марксизма-ленинизма»⁴⁶.

Только оценка с точки зрения развития китайской цивилизации в целом могла окончательно примирить внутренние противоречия складывавшейся системы, где экономика не соответствует надстройке, и представить ее как вполне жизнеспособную модель развития, но не китайского государства в западном понимании, а китайской цивилизации. В связи с этим предлагалось использовать принципиально новые методологические

принципы. Например, указывалось, что «классификация стран на капиталистические и социалистические, особенно применительно к странам Азии, вообще неприемлема»⁴⁷, что модернизация носит цивилизационный, социокультурный характер, ее нельзя сводить к чисто техническим параметрам⁴⁸.

Уже к середине 1990-х гг. связь традиционного Китая и современности постепенно получает всеобщее признание, а китайская специфика перестает быть только характеристикой социализма, завоевывает самостоятельное место и приобретает характер сущности китайского типа развития.

Утверждение о том, что реформы «азиатских драконов» не могли служить для Китая аналогом потому, что проходили в странах несравненно меньших по масштабам, а главное потому, что «это были страны иной системы, с иной политической и идеологической платформой»⁴⁹, теряет популярность и сторонников. Связь и схожесть преобразований в Китае с преобразованиями в странах «конфуцианского культурного ареала» – Тайванем, Южной Кореей, Сингапуром – становится общепризнанной⁵⁰.

Появляются работы, которые выходят за традиционные социально-экономические представления при описании *современного* Китая. Китай оставался в них цивилизационной целостностью, переживающей лишь один из этапов своего развития, характеризующийся возросшей ролью социально-экономических факторов. «Реформы и открытость в КНР это никоим образом не перерыв или рубеж в истории Нового Китая и тем более не огромные реформы или изменения в социальной структуре Китая; в общем и целом это всего-навсего этап накоплений в сфере индустриализации и некий преемственный этап в развитии индустриализации; с точки зрения духовности эта преемственность исторического плана является еще более тесной»⁵¹, культурно-исторические доминанты Китая «определяют общее направление развития» преобразований⁵².

Китайский опыт развития в течение последних двух десятилетий XX в. заставил поставить вопросы о «критериях прогресса в АТР», а модернизацию на Востоке описывать как процесс «взаимного влияния восточного и европейского типов цивилизации»⁵³. «Основой модернизации традиционного общества может стать не просто заимствование западных ценностей, но и синтез принципов западной технократической культуры с восточными духовными традициями, при сохранении национальной культурной идентичности и цивилизационной самобытности»⁵⁴.

РОССИЙСКОЕ КИТАЕВЕДЕНИЕ НАЧАЛА XXI в.

О НОВОМ ЭТАПЕ МОДЕРНИЗАЦИИ И ПОИСКЕ БОЛЕЕ АДЕКВАТНОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Начало XXI в. стало естественным рубежом в осмыслении социально-исторических путей развития Китая. Историю нового российского китаеведения применительно к изучению модернизации и модели развития КНР можно подразделить на два периода, используя известную формулу М.С. Капицы «два десятилетия – два китаеведения». Этому способствовал целый ряд обстоятельств. Переходный период, длившийся все ельцинское десятилетие, подошел к концу, и новое руководство страны очень быстро дало понять, что наступил период не только политической консолидации и наведения порядка в экономике и государственном управлении, но и поиска собственной модели развития, свободной от политической конъюнктуры, слепого копирования либеральных рецептов и соответствующей историческим, культурным и социально-экономическим условиям России. Не сразу, но эти перемены все-таки задали благоприятный внешний фон для конструктивного вектора изучения китайского опыта модернизации. Другой важной причиной возросшего интереса к Китаю стали очевидные различия в результатах реформ, без всяких сомнений и однозначно свидетельствовавшие об их успехах в КНР и неудачах в России. Успех ки-

тайских преобразований в начале XXI в. выражался уже не только в устойчиво высоких темпах роста и существенном продвижении в решении важнейших социально-экономических проблем, но и в не менее успешном преодолении серьезных вызовов глобализации, которые не стали, как предрекали одни и опасались другие, непреодолимыми для КНР. Сравнение с китайскими реформами стало обязательным атрибутом исследования России последних двух десятилетий.

Не меньшее значение имело международное признание китайского опыта, начало которому положило встраивание Китая в мировую экономику и последовавшее за ним вступление в ВТО, которое сразу же привело к увеличению темпов роста и повышению места Китая в мире по объему ВВП. Изменение отношения к результатам китайских реформ проявилось в выдвинутом Дж. Рамо в 2004 г. противопоставлении «вашингтонскому консенсусу» «пекинского консенсуса», который, отвергая рекомендации МВФ по либерализации экономики, воплощал привлекательные для многих развивающихся стран методы экономического развития и решения социальных проблем. Внимание к Китаю усилилось после создания БРИКС, предлагавшего историческую и социально-экономическую альтернативу западным моделям развития. Свою лепту внесли дискуссии о перспективах образования G2, «чимерики» и т.д., которые также дали новый повод для широких сравнений. В итоге после безвременья 1990-х гг. в начале XXI в. взору китаеведов предстала новая реальность, которую они постарались описывать тоже по-новому.

Следствием этих процессов стал быстрый рост числа публикаций, в той или иной степени затрагивающих китайские реформы и их результаты. В 2000-е гг. о Китае стали писать так много, что в этом массиве литературы стало трудно ориентироваться, находить действительно профессиональные и оригинальные тексты и мысли. В России наметилась мощная тенденция к профанации китаеведения в части, касающейся общих проблем. Отличительной особенностью массового взгляда на Китай стали отрывочные, фрагментарные, непрофессиональные рассуждения сотен авторов, которые рассеивали их по своим публицистическим, научно-популярным и псевдонаучным статьям. Их невежество и некомпетентность часто дополнялись влиянием политической конъюнктуры, идеологическими пристрастиями, свойственными и предыдущему периоду, информация о Китае часто носила «поверхностный, односторонний и даже тенденциозный характер»⁵⁵. Как показывает практика, одним из наиболее строгих критериев профессионального отношения к изучению китайского опыта являются ссылки на оригинальные, китаезычные источники и литературу. Несмотря на растущий объем англоязычных переводов, профессиональным китаеведам хорошо известно, что в целом ряде случаев на английский, как и на другие иностранные языки, в соответствии с редакционной политикой информ-агентств КНР некоторые китайские понятия переводятся не точно. Так, например, «гармоничное социалистическое общество» часто переводится как «гармоничное общество», что неминуемо ведет к искажению смысла.

Тем не менее нет ничего удивительного в том, что в этот период к Китаю все чаще стали обращаться не китаеведы – экономисты, социологи, политологи, представители других областей общественных наук. Некоторые обществоведы пытались компенсировать недостаток знания китайских реалий привлечением в качестве соавторов китайских ученых⁵⁶. Но практика такого рода совместных работ пока так и не получила широкого распространения. Значительное внимание со стороны представителей академического сообщества к китайской проблематике нашло отражение в целом ряде работ. В Институте философии РАН был переведен и издан «Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае. (2001–2010)», под редакцией Хэ Чуаньци⁵⁷. В Центре проблем модернизации и развития ИМЭМО РАН завершена работа по написанию коллективной монографии «Китайская цивилизация» под редакцией В.Г. Хороса. В Институте Европы РАН по инициативе Т.Т. Тимофеева было проведено несколько заседаний Межинститутского совета по цивилизациям, посвящен-

ного проблемам цивилизационного развития, социально-экономическим и политическим моделям современного Китая⁵⁸.

Активно формировались региональные китаеведческие центры не только в Сибири и на Дальнем Востоке, где складывается своя школа китаеведения, отличительной чертой которой является детальная, скрупулезная проработка китайских текстов, но и в других регионах. Однако энергия, живой интерес и мотивация там пока не подкреплены сформировавшимися научными школами. Есть основания полагать, что уже в обозримой перспективе этот недостаток будет преодолен и на Востоке России сформируется несколько новых, не уступающих столичным, центров китаеведения.

Для профессионального сообщества в целом широкое международное признание было важной, но все же не самой значимой причиной углубленного изучения китайского опыта. Модель, которая формировалась в КНР на протяжении 20 лет реформ, в начале XXI в. стала демонстрировать историческую ограниченность, очевидную не только для китайских ученых и политиков, но и для зарубежных китаеведов, которые в отличие от большинства сторонних наблюдателей понимали истинные причины и знали конкретные детали успехов, а не только внешний, привлекательный фасад реформ. С началом XXI в. Китай вступил в новый этап развития, поскольку «потенциал дальнейших, не менее радикальных перемен» в общественной жизни «далеко не исчерпан»⁵⁹. Приход к власти нового поколения китайских руководителей в 2002 г. стал организационной и кадровой предпосылкой для модификации существующей модели развития, а китаеведам дал повод проанализировать промежуточные итоги реформ, зная не только начальную точку, но и результаты – как позитивные, так и негативные.

Авторы появившихся после 2000 г. монографий и комплексных, обобщающих работ детально разбирали опыт преобразований, теоретические и практические модели реформ в отдельных областях⁶⁰. Далеко не случайно, что именно тогда были задуманы и появились такие фундаментальные труды, как «Энциклопедия духовной культуры Китая» в шести томах, удостоенная Государственной премии РФ⁶¹, и 10-томная «История Китая с древнейших времен до начала XXI в.»⁶². Отметим, что и «Энциклопедия», и постепенно издаваемая «История Китая» представили широкую картину цивилизационного и исторического развития страны, одновременно складывали основу нового концептуального осмысления китайской истории – задачи, все-таки в большей степени свойственной отдельным авторам и авторским монографиям.

Обобщив богатый фактический материал и созрев для осмысления крупных проблем, китаеведы, не встречая идеологических преград, стали выпускать работы по самым общим проблемам современного Китая. Понятие «модель», отражая идеологически нейтральную версию размышлений о китайском пути развития, постепенно завоевывало все большее признание. То же, и дааже в значительно большей степени, происходило с понятием «модернизация». Когда стало ясно, что изменения в Китае носят фундаментальный характер, не вписывающийся в нормативные представления ни о социализме, ни о капитализме, термин «модернизация» оказался весьма кстати и получил максимально широкое распространение. Вместе с тем рассуждения о модернизации в Китае, как правило, были прямым продолжением интерпретации курса КПК на «четыре модернизации» и почти не связывались с теорией модернизации⁶³.

Традиция, связывавшая развитие Китая с социализмом, преобладавшая на протяжении предыдущего десятилетия, не растеряла своих сторонников, но в их позиции появлялись существенно новые моменты. Продолжая описывать Китай в понятиях социалистической формации и марксистской научной системы, они признавали, что опыт китайских преобразований и понимание социализма с китайской спецификой коренным образом отличаются от прежних представлений и практики социалистического строительства. Обоснованием такой позиции служил марксистский тезис о переходе социализма от уто-

пии к науке, который «еще очень далек от завершения»⁶⁴. Социализм понимался прежде всего как развитие производительных сил и обеспечение социальной справедливости. Эти цели могли быть достигнуты с использованием рынка, на который возлагались основные функции по поддержанию быстрого экономического роста и который вполне «уживался» с руководством КПК и социалистическими принципами социальной справедливости.

На общем фоне признания позитивной роли рынка встречались и более осторожные оценки совместимости рыночной экономики и социализма. Указывалось, что либеральные реформы в КНР в 1980–1990-е гг., «носившие порой размашистый и скороспелый характер», к которым, в частности, были отнесены «реформирование народных коммун и массовый переход к семейному подряду», способствовали подъему производительных сил и народного благосостояния и в целом отвечали социально-экономической и демографической ситуации в стране. «Однако этап либеральных реформ, проводившихся в 1979–1994 гг. и направленных на создание рыночных отношений, не оправдал очень важных надежд реформаторов. Возводимый рынок в КНР не «сработал» как главный инструмент рационального распределения и использования ресурсов. Напротив, расползание свободного предпринимательства стало причиной массового дублирования в строительстве, создания избыточных мощностей», что вызвало затоваривание, снижение доходов и заработной платы и остановку предприятий, низкой оставалась производительность труда»⁶⁵. Из этого делался вывод, что сейчас перед Китаем стоит задача создания не свободного рынка, «а формирования нормативно-правовой социалистической рыночной экономики при государственном макрорегулировании и доминирующем положении общественной собственности, распределении по труду и развитию других укладов». «Переход к такой модели рынка не означает отказа от планового ведения хозяйства, правда, в измененной форме»⁶⁶. В таком контексте успехи китайских реформ связывались не только с переходом к рынку, но и с проведением широкомасштабной индустриализации»⁶⁷.

Радикализм экономических преобразований и отказ от старых представлений о социализме объяснялись характером нового старта, когда «фактически заново стали формироваться основные слагаемые стратегии» и была взята на вооружение первоначальная схема социально-экономического развития, отвергающая ускоренное развитие социализма»⁶⁸. Новизна подхода заключалась в рассмотрении социализма как «довольно устойчивой и самостоятельной стадии развития, как могущий иметь многие самостоятельные этапы и потому занимающий собой довольно длительное время период»⁶⁹. Все это давало основание для концептуального оформления этого исторического этапа, «в течение которого развитие всех традиционно считавшихся несоциалистическими форм хозяйственной деятельности, соответствующих форм распределения и т.п. могло бы быть и рассматриваться как естественный путь создания необходимой для социализма цивилизованности», «заменяющий капиталистическую формацию и по содержанию, и по срокам»⁷⁰. На протяжении всего этого этапа КПК развивает многоукладную экономику, ведет создание материальных и духовных основ социализма, укрепляет ведущую роль общественной государственной собственности»⁷¹.

В 2000-е гг. следствием изменений в китайском идейно-теоретическом дискурсе и утверждения длительности НЭС, составляющей 100 лет и более, стало вытеснение на периферию научных интересов утративших свою актуальность рассуждений об этапах социалистического строительства и соответственно об их критериях, снижение интереса к обсуждению вопросов собственности, классов и классовой борьбы: в Китае «отказались от мышления категориями классового антагонизма»⁷². Социалистическая модель, таким образом, постепенно подходила к исчерпанию своей классической проблематики и, утратив ее, остановилась на пришедшей еще из 1960–1970-х гг. идее конвергентного развития.

Довольно широкое распространение идеи конвергентности отражало переходный характер китайской социально-экономической модели и свидетельствовало не только

о значительной эволюции идей социализма, «но и о существенном приближении... к выросшим на эволюционной почве теориям “конвергенции”, “смешанной экономики”, идеям “институционализма”», в основе которых лежат «идея сближения двух общественных систем и необходимости “социального контроля над производством”», где сосуществуют различные по уровню производительные силы, формы собственности и распределения, где «в определенное соответствие с “многоцветным” базисом приведена и политическая надстройка»⁷³, а «идея эффективности рыночной экономики, взятая у капитализма, соединилась с идеей социальной защищенности трудящихся, сохраненной от социализма»⁷⁴. При этом социалистическим элементом социалистической рыночной экономики предлагалось считать не только выработку мер социальной защиты тружеников, но и учет интересов предпринимателей и «их защиту от негативных проявлений стихийности рынка»⁷⁵. Социалистический характер преобразований обосновывался также посильной социальной платой за внедрение рыночных начал в экономику⁷⁶.

В целом путь Китая означал «такое «усовершенствование» социализма, которое приближает его к капитализму в деталях рыночного механизма, но сохраняет отличия от капитализма в виде иного характера субъектов товарных отношений и иной увязки интересов между работодателями и наемными работниками»⁷⁷, а китайская социалистическая смешанная экономика «в праве претендовать на статус особого общественного строя, конвергентного по своей сущности»⁷⁸.

Следует особо отметить, что конвергентный характер общественного строя в Китае связывался не только с эволюцией социалистической теории и приближением его к западным социально-экономическим моделям, но и с китайской философской традицией: в основе «конвергентного симбиоза элементов капитализма и социализма» лежит даосская диалектика «сочетания двух в одном» (*хэ эр эр и*)⁷⁹.

Отличительными чертами преобразований, способствовавшими успеху, помимо постепенности, преемственности, опоры на практику назывались четкая постановка цели, разработка идеологии, выработка стратегии и долгосрочное поэтапное планирование⁸⁰, возможность для безболезненного отката назад в процессе реформ⁸¹, творческий подход к стратегии развития, когда «собственные преимущества используются в сочетании с допускающими адаптацию к китайским условиям достижениями других стран»⁸², «движение не напролом, а в обход, не разрушение существующих структур, а их дополнение новыми, не «вместо», а «вместе»»⁸³. Отдельно отмечалось «сохранение китайским руководством политической организации в малотрансформированном виде»⁸⁴ и вторичность политического реформирования перед экономическим, на базе сильной просвещенной и деятельной государственной власти⁸⁵, при сохранении преимущественного положения общественной собственности⁸⁶. Главным в китайском опыте перехода к рынку единодушно называлось сохранение и «усиление роли государства»⁸⁷.

На период после 2000 г. пришли самые крупные социально-экономические изменения: из аграрного, с преобладанием сельского населения, государства Китай превратился в государство урбанизированное, с преобладанием городского населения, стал второй экономической, первой промышленной и торговой, третьей космической державой мира. Эти успехи полностью соответствовали первоначальным целям реформ, ориентированным на рост экономических показателей.

Превращение в мирового лидера по темпам роста и стремительное наращивание совокупной мощи способствовали смене критериев его оценки с идеологических на количественные, в первую очередь экономические (абсолютные значения ВВП и размеры ВВП на душу населения, структура экономики и т.д.) и социальные (структура занятости, качество рабочей силы, уровень расходов на питание и белка в рационе питания, продолжительность жизни, имущественное неравенство, система социального обеспечения и др.). Эти показатели, в равной степени применимые и к социалистическому Китаю, и к капитали-

стическому Западу, стирали отличия, которые раньше было принято связывать с формационными критериями. Идеологически обоснованного стадийного превосходства уже не требовалось в условиях, когда темпы роста и успехи социально-экономического развития служили убедительным доказательством не только жизнеспособности китайской модели, но и ее исторических перспектив. Место периодизации социалистического строительства заняла периодизация построения рыночной экономики, которая, как правило, совпадала с основными этапами экономической реформы⁸⁸.

Однако постепенно наступало осознание того, что достижения китайской модернизации не тождественны эффективной модели развития. В 2000-е г. отчетливо проявились изъяны быстрого экономического роста: высокая энерго- и ресурсозатратность, региональные и отраслевые дисбалансы, ухудшение экологической ситуации, растущее социальное неравенство, коррупция, разрыв власти и народа, разложение системы ценностей, деградация морали и т.д. Результатом экономического роста не стало соединение рыночной эффективности и социальной справедливости⁸⁹. Более того, оказалось, что рынок не гарантирует социальной справедливости⁹⁰, а «существующая модель экономического роста не позволяет одновременно обеспечивать эффективный быстрый экономический рост и стабильное повышение уровня благосостояния населения»⁹¹.

Все это заставило провести ревизию китайского опыта, оценивать его не только с точки зрения эффективности методов проведения реформ, но и с точки зрения конечного результата. Такая ревизия показала, что административные методы стимулирования экономического роста наиболее позитивно сказывались на начальной стадии проведения рыночных реформ, а затем «их негативный эффект стал преобладать над позитивным» и способствовать упрочению экстенсивной модели роста⁹². Если раньше отсутствие политических реформ считалось преимуществом китайской модели, которое позволило провести успешные экономические преобразования, то затем внимание стало обращаться на «отставание политической реформы»⁹³. Делался вывод, что мобилизационная модель модернизации «изжила себя» и должна быть своевременно «заменена новой, обеспечивающей более пропорциональное развитие основных отраслей, устойчивое развитие, стабильность»⁹⁴, учитывающей интересы комплексного и более интенсивного развития китайского социума и человека⁹⁵. Таким образом, встала задача осуществить еще один переход – теперь уже от модели роста к модели развития. Связь между развитием и экономическим ростом предлагалось измерять через благосостояние: «экономический рост – количественный показатель, отображающий увеличение размера действительного выпуска в совокупности и на душу населения, экономическое развитие – это процесс изменения народного хозяйства с получением качественных результатов», это «изменение благосостояния населения в результате роста экономики»⁹⁶.

В этих условиях перед китаеведами встала новая задача: представить нормативную цель модернизации не как приближение к уже известному, передовому мировому уровню, измеряемому количественно, а как поиск качественной социально-исторической определенности. «Доказав жизнеспособность своей модели, целью Китая стало уже не соответствие конкретному примеру или теоретически обоснованной модели, а новая стратегия развития, формирующая новую идентичность»⁹⁷. Преобладающей была точка зрения, что модернизация в Китае осуществляется для построения гармоничного общества с высокоразвитой материальной, духовной и политической культурой⁹⁸, которая «являет собой альтернативу традиционному западному либеральному варианту развития»⁹⁹. Для обозначения отличия от нормативной модели социализма использовались понятия «конфуцианский социализм»¹⁰⁰, «китайская форма социализма»¹⁰¹, «неосоциализм»¹⁰², китайское издание «государственного капитализма»¹⁰³ и др.

Подчеркивая уникальный характер преобразований, отечественные исследователи вслед за китайскими авторами вводили новые целевые ориентиры – «социалистическое

гармоничное общество», общество «сяокан», которое давало шанс вести строительство гармоничного общества, а не повторять путь западной модернизации и дополняло идею построения сильного государства, провозглашенную раньше. В результате этого в КНР произошло возвращение к традиционной китайской формуле «сильное государство, богатый народ»¹⁰⁴.

Другим важным показателем изменения подходов к изучению китайской модернизации стали вопросы политической реформы. Широко распространенное положение о том, что рыночные преобразования в Китае возможны лишь при сильной власти, требовало развития. По мнению ряда авторов, включение в социально-экономическую модель рыночных механизмов означало серьезный пересмотр предназначения, роли и функций авторитарной власти и положило «начало перехода от тоталитаризма к авторитаризму»¹⁰⁵. В дальнейшем рыночные реформы должны «привести к сущностному демократическому преобразованию авторитаризма», что продемонстрирует «переходный характер авторитаризма как политической системы»¹⁰⁶. Речь, таким образом, шла о «поступательном процессе, ведущем в перспективе к формированию гражданского общества, которое будет способно стать партнером и оппонентом авторитарной власти»¹⁰⁷, и к построению правового государства¹⁰⁸. В других работах, наоборот, обращалось внимание на способность китайской политической системы к внутреннему совершенствованию, повышению эффективности при сохранении позитивной роли в экономических и социальных процессах. Специфика «новых подходов и решений в рамках характерной для КНР авторитарной политической системы советского типа» заключается в поиске их «как бы в недрах правящей партии»¹⁰⁹. В целом, «Китаю удалось институализировать систему воспроизводства власти в рамках традиционной политической культуры и в соответствии с задачами модернизации». И сейчас «в Китае функционирует модернизированная авторитарная система, сохранившая генетические черты традиционной культуры и способная эффективно отвечать на вызовы времени»¹¹⁰.

Все указанные выше особенности убеждали отечественных исследователей в том, что китайские реформы не укладываются полностью ни в представления о социалистическом строительстве, ни в представления о формировании либеральной рыночной экономики и демократической политической системы. Первым шагом к разработке собственного категориального аппарата стало разграничение понятий, в частности, разделялось понимание методов преобразований, стратегии развития и концептуально оформленного результата, проводились различия между «переходом» и «реформой»¹¹¹, реформа хозяйственной системы стала рассматриваться в качестве инструмента реализации целей модернизации¹¹², разграничивались понятия «модернизация», «реформа» и «стратегия развития»¹¹³, было предложено комплексное определение модели развития и дана характеристика «китайской модели»¹¹⁴.

Уникальность китайского опыта способствовала категоричности оценок: «...особенности китайского хозяйства и управления им вряд ли стоит представлять в виде модели, которую можно легко перенести на почву других развивающихся или переходных стран», поэтому китайский опыт «носит принципиально антимодельный (мультимодельный) характер»¹¹⁵.

Тем не менее сравнительные исследования служили важным инструментом концептуализации социально-экономических и политических изменений в Китае. Главными референтными точками при оценке результатов китайских реформ и зрелости модели развития Китая оставались Россия, страны Восточной Азии и бывшие социалистические страны Восточной Европы¹¹⁶. Различие Китая и России в проведении реформ объяснялось тем, что они, имея «сходную социалистическую ориентацию развития, избрали принципиально различные векторы трансформации: Россия трансформирует начатую в 1917 г. и законченную в 1991 г. модернизацию социалистического типа в капиталистическую модернизацию

общества, а КНР трансформирует начатую в 1949 г. модернизацию социалистического типа в смешанную модернизацию, сочетающую социалистическое и капиталистическое начала»¹¹⁷.

Быстрый рост экономики сделал популярными прогнозы развития Китая, как в Китае и на Западе, так и в России¹¹⁸. Несмотря на общепризнанные успехи, оценка перспектив его развития была очень осторожной. Реформа в Китае сравнивалась с широкомасштабным социально-экономическим экспериментом, превратившимся в растянутую эпоху реформации с «непредсказуемым»¹¹⁹ или «открытым финалом»¹²⁰. Такие оценки объяснялись прежде всего незавершенностью перехода к рыночной модели¹²¹. Направление эволюции Китая по-прежнему лежало между рыночным социализмом, конфуцианским капитализмом и созданием принципиально нового «смешанного общества»¹²². Мера новизны и оригинальности формирующейся в Китае социально-экономической и политической модели оценивалась по-разному: от признания, что при переходе от традиционного общества к современному Китай может лишь «внести в эту общую тенденцию свои, возможно, весьма существенные черты, отвечающие его национальным особенностям»¹²³, до утверждений, что китайский пример общественных преобразований «меняет сложившиеся в рамках формационного подхода представления о линейном характере общественного процесса как последовательной смене формаций, когда капиталистическую формацию с неизбежностью сменяет коммунистическая (социалистическая) и никак иначе»¹²⁴, а его поиски – это «попытка прорыва в принципиально новый тип общества»¹²⁵.

Главная причина такого разброса мнений заключалась в том, что западная наука до сих пор не выдвинула концепций, удовлетворительно объясняющих успешное развитие Китая и обосновывающих его перспективы¹²⁶, а также в том, что «сейчас в чистом виде нет ни модели капитализма, ни модели социализма»¹²⁷. Промежуточный характер китайского общества подталкивал к обобщениям более широкого плана, выходящим за рамки сугубо китаеведческих дискуссий. Например, отмечалось, что в Китае прирост ВВП достигался в основном за счет деревни, в то время как на протяжении всей современной экономической истории экономический рост достигался в основном за счет города. 75% прироста ВВП за счет деревни означает, что «индустриализация происходит без урбанизации»¹²⁸.

Попытки описать развитие Китая через сочетание различных теоретических моделей задавали лишь самую общую рамку и требовали существенных дополнений и уточнений, наиболее ярко выразившихся идеей конвергентного развития. В сущности, они повторяли известное определение, которое применялось к Китаю до 1949 г., – «полуфеодальное, полуколониальное» государство. Эти характеристики ни сами по себе, ни в их взаимосвязи не давали возможностей для дальнейшего продвижения в понимании китайского феномена. Понятия «полуфеодальное» и «полуколониальное» «между собой никак не состыкуются»¹²⁹. Перейти барьер сочетания «полу-полу» применительно к современному Китаю мешало отсутствие новых концептуальных построений, учитывающих и объясняющих все специфические особенности пореформенной КНР. Отличие Китая от западного мира было крайне сложно удовлетворительно описать сочетанием различных западных подходов даже с привлечением традиционных китайских понятий, таких, как «сяокан».

Успех решения задачи по созданию собственного, оригинального категориального аппарата и новых объяснительных конструкций, вероятно, заключается в сотрудничестве китаеведов и профессиональных философов, экономистов, представителей других общественных наук. В связи с этим актуально, что к анализу китайской модели стали приходиться не только от китайских реалий, но и от теории, в основе которой лежат новые методологические приемы. Модернизация рассматривается уже не только как процесс перехода от традиционного общества к современному, но и как «вид глубоких изменений цивилизации», которые «приобретают иной характер и требуют новых подходов к

изучению»¹³⁰. В этом движении выделяются новые стадии модернизации: первичная, относящаяся к индустриальному обществу, и вторичная, относящаяся к информационному обществу, каждой из которых соответствуют свои индикаторы и свои количественные оценки. Процессы первичной и вторичной модернизации в современном мире идут параллельно, образуя «интегрированную модернизацию»¹³¹.

Характерной чертой поиска теоретических оснований китайской модели стало появление работ, в которых современное развитие Китая пытались осмыслить через использование новых методологических подходов, прежде всего теории систем. На этой методологической платформе вызревали представления о путях развития и структуре общества, отвергавшие господствовавшие в недавнем прошлом представления о создании новых, прогрессивных, гомогенных структур. Современное трансформирующееся общество представало как анклавно-конгломеративный тип, эффективно сочетающий традиционное и современное и способный привести к появлению прежде таких, казалось бы несочетаемых и противостоящих друг другу явлений, как «рыночный социализм» или «конфуцианский капитализм»¹³².

Среди новых методологических подходов следует отметить теорию институциональных матриц, которая в равной степени может описывать страны как Востока, так и Запада. Ее сторонники считают, «что в мире существуют два типа социального устройства обществ, отличающиеся спецификой образующих их исходных матричных структур... Один тип – это централизованные иерархические политические структуры с преобладанием редиистрибутивных экономических институтов (и соответствующих им форм собственности) и с доминированием в общественном сознании ценностей коммунитарного плана, т.е. ценностей, в которых закрепляется примат коллективного над личным, целого над частным». К странам, в которых доминирует такая X-матрица, относится Китай, а также Россия, Индия и другие государства. Другой тип – «это самоуправляющиеся «снизу» политические структуры федеративного типа, с рыночными экономическими институтами (т.е. с доминированием частной собственности) и соответственно с преобладанием личностных, индивидуалистических ценностей в массовом сознании», к ним относятся США и страны Западной Европы»¹³³.

В этот период китаеведение в своих лучших работах вышло за пределы страновых рамок, стало вносить свой уникальный вклад в обществознание, который соответствовал вкладу Китая в мировое развитие. Отмечая, что китайская попытка прорыва в принципиально новый тип общества «не лишена элементов утопизма и идеологического маневрирования, требует научного осмысления и принятия новой серии неординарных подходов с непредсказуемыми последствиями»¹³⁴, китаеведы в целом были единодушны в том, что этот поиск сможет «дать колоссальному по численности населению этой страны более обеспеченную и достойную человека жизнь»¹³⁵.

Примечания

¹ Об оценках китайских реформ в России см.: *Портяков В.Я.* Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. М., 1998. С. 86; *Ганишин Г.А.* Экономика КНР: реформа и развитие. Эволюция социально-экономического эксперимента // ИБ ИДВ РАН. М., 1997. № 3. С. 7. О западных оценках китайской модели развития в первой половине 1990-х гг. см.: *Бергер Я.М.* Китайская модель развития и «Большой Китай» // Китай на пути к рынку. Модель развития, демография, образование. М., 1996. С. 12–61.

² *Бутенко А.П.* Вместо предисловия // *Тригубенко М.Е.* Азиатский «синдром» социализма. М., 1991. С. 5.

³ *Тригубенко М.Е.* Азиатский «синдром» социализма. С. 12, 13.

⁴ *Сидихменов В.Я.* Эволюция представлений о социализме в КНР (1953–1994 гг.) // ИБ ИДВ РАН. М., 1996. № 12. С. 134–135.

- ⁵ Сидихменов В.Я. Эволюция представлений о социализме в КНР (1953–1994 гг.). С. 137. Такая периодизация не была общепризнанной: и после 1956 г. Китай был «обществом переходного периода». См.: Пивоварова Э.П. Строительство социализма с китайской спецификой. Поиск пути. М., 1992. С. 292.
- ⁶ Сидихменов В.Я. Эволюция представлений о социализме в КНР (1953–1994 гг.). С. 139.
- ⁷ Там же. С. 165.
- ⁸ Там же. С. 140.
- ⁹ Там же. С. 164.
- ¹⁰ См., например, утверждение: «Все страны Азии в прошлом являлись зависимыми, лишенными своей государственности»; Тригубенко М.Е. Азиатский «синдром» социализма. С. 29.
- ¹¹ Бутенко А. Вместо предисловия // Тригубенко М.Е. Азиатский «синдром» социализма. С. 10.
- ¹² Тригубенко М.Е. Азиатский «синдром» социализма. С. 12.
- ¹³ Там же. С. 15, 16, 30, 32, 36.
- ¹⁴ Там же. С. 31, 34.
- ¹⁵ Там же. С. 27.
- ¹⁶ Там же. С. 36, 80.
- ¹⁷ Там же. С. 13.
- ¹⁸ Ганишин Г.А. Экономика КНР: реформа и развитие. Эволюция социально-экономического эксперимента. С. 105; Карлусов В.В. Частное предпринимательство в Китае. М., 1996. С. 5.
- ¹⁹ Тригубенко М.Е. Азиатский «синдром» социализма. С. 16.
- ²⁰ Там же. С. 17.
- ²¹ Там же. С. 23–24.
- ²² Ганишин Г.А. Экономика КНР: реформа и развитие. Эволюция социально-экономического эксперимента. С. 12. Китай заимствовал сталинскую модель социализма. Портяков В.Я. Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. С. 49.
- ²³ Ганишин Г.А. Экономика КНР: реформа и развитие. Эволюция социально-экономического эксперимента. С. 12. В 1950-е г. КНР выбрала советскую модель развития.
- ²⁴ Там же. С. 17.
- ²⁵ Кондрашова Л., Корнейчук Н. КНР: реформа и региональная экономическая политика // ИМЭПИ РАН. М., 1998. С. 133.; Титаренко М.Л. Россия и Восточная Азия.: вопросы международных и межцивилизационных отношений. М., 1994. С. 232, 234, 243.
- ²⁶ Виноградов А.В. Социализм или китайская специфика // IV МНК ККЦи: тез. докл. М., 1993. С. 100.
- ²⁷ Ганишин Г.А. Экономика КНР: реформа и развитие. Эволюция социально-экономического эксперимента. С. 4.
- ²⁸ Пивоварова Э.П. Строительство социализма с китайской спецификой. Поиск пути. С. 19.
- ²⁹ Титаренко М.Л. Россия и Восточная Азия. С. 239.
- ³⁰ Пивоварова Э.П. Строительство социализма с китайской спецификой. Поиск пути. С. 310, 54.
- ³¹ Пивоварова Э.П. Социализм с китайской спецификой: Итоги теоретического и практического поиска. М., 1999. С. 252.
- ³² Портяков В.Я. Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. С. 106.
- ³³ Пивоварова Э.П. Строительство социализма с китайской спецификой. Поиск пути. С. 71.
- ³⁴ Ганишин Г.А. Экономика КНР: реформа и развитие. Эволюция социально-экономического эксперимента. С. 208.
- ³⁵ Карлусов В.В. Частное предпринимательство в Китае. С. 31.
- ³⁶ Ганишин Г.А. Экономика КНР: реформа и развитие. Эволюция социально-экономического эксперимента. С. 8.
- ³⁷ Пивоварова Э.П. Строительство социализма с китайской спецификой. Поиск пути. С. 309; Карлусов В.В. Частное предпринимательство в Китае. С. 13, 31.
- ³⁸ Галенович Ю.М. К вопросу о национальном самосознании китайцев в конце XX в. // ИБ ИДВ РАН. М., 1999. № 7. С. 123.
- ³⁹ Буров В.Г. Модернизация тайваньского общества. М., 1998. С. 209.
- ⁴⁰ Титаренко М.Л. Китай: цивилизация и реформы. М., 1999. С. 95.
- ⁴¹ Портяков В.Я. Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. С. 194.
- ⁴² Кондрашова Л., Корнейчук Н. КНР: реформа и региональная экономическая политика. С. 5.
- ⁴³ Карлусов В.В. Частное предпринимательство в Китае. С. 279–280.
- ⁴⁴ Там же. С. 261.
- ⁴⁵ Буров В.Г. Модернизация тайваньского общества. С. 202.

- ⁴⁶ Пивоварова Э.П. Социализм с китайской спецификой: Итоги теоретического и практического поиска. С. 255. Образно эту ситуацию смены идеологических ориентиров выразил В. Буров. Дэн Сяопин поступает по принципу «то, что хорошо для Китая, хорошо и для марксизма», а Мао Цзэдун занимал противоположную позицию: «то, что хорошо для марксизма, хорошо и для Китая». Буров В.Г. Модернизация тайваньского общества. С. 203.
- ⁴⁷ Буров В.Г. Модернизация тайваньского общества. С. 210.
- ⁴⁸ Там же. С. 4–5.
- ⁴⁹ Ганишин Г.А. Экономика КНР: реформа и развитие. Эволюция социально-экономического эксперимента. С. 105.
- ⁵⁰ См., например: Буров В.Г. Модернизация тайваньского общества. С. 194, 205.; Портяков В.Я. Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. С. 106, 210; Титаренко М.Л. Китай: цивилизация и реформы. С. 12.
- ⁵¹ Галенович Ю.М. К вопросу о национальном самосознании китайцев в конце XX в. С. 45.
- ⁵² Гельбрас В. Китай после Дэн Сяопина: проблемы устойчивого развития // Полис. М., 1995. № 1. С. 29–39.
- ⁵³ Титаренко М.Л. Россия и Восточная Азия. С. 10, 25.
- ⁵⁴ Титаренко М.Л. Китай: цивилизация и реформы. С. 11–12.
- ⁵⁵ Буров В.Г. Китай и китайцы глазами российского ученого. М., 2000. С. 3–4. Автору самому пришлось редактировать текст, который начинался словами «о Китае теперь пишут, кажется, все».
- ⁵⁶ См., например: Хабibuлин А.Г., Шахрай С.М., Синьют Я. Модернизация государства и права на современном этапе: российско-китайский взгляд // Гос. НИИ системного анализа Счетной Палаты Российской Федерации. М., 2006. 208 с.
- ⁵⁷ Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае. (2001–2010) / Под ред. Хэ Чуаньци. М., 2011.
- ⁵⁸ См.: Альманах. Вызовы XXI в. На переломе. М., 2007; Альманах. Форум-2008. Новое в междисциплинарных исследованиях и дебатах. М., 2008; Альманах. Форум-2009. Цивилизационные и национальные проблемы в кризисных условиях. М., 2009; и др.
- ⁵⁹ Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая. М., 2009. С. 31.
- ⁶⁰ Бони Л.Д. Китайская деревня на пути к рынку. М., 2005; Муромцева З.А. Китайская Народная Республика: путь к индустриализации нового типа. М., 2009; Смирнов Д.А. Идеино-политические аспекты модернизации Китая: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину. М., 2007; Современное право КНР (Обзор законодательства) / Сост. и ред. Л.М. Гудошников, П.В. Трощинский. М., 2012.
- ⁶¹ Духовная культура Китая: энциклопедия. В 6 т. / Гл. ред. академик М.Л. Титаренко. М., 2006–2012.
- ⁶² История Китая с древнейших времен до начала XXI в. В 10 т. / Гл. ред. серии академик С.Л. Тихвинский. Т. II, VII. М., 2013; Т. X. М., 2014.
- ⁶³ Одними из первых работ, в которых рассматривается развитие Китая как модернизационный проект, стали монографии: Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М., 2005; Кондрашова Л.И. Китай ищет свой путь. М., 2006.
- ⁶⁴ Пивоварова Э.П. Социализм с китайской спецификой. М., 2011. С. 6.
- ⁶⁵ Наумов И.Н. Стратегия экономического развития КНР в 1996–2020 гг. М., 2001. С. 149–150.
- ⁶⁶ Там же. С. 178–179.
- ⁶⁷ Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире: Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М., 2012. С. 142. См. также: Наумов И.Н. Стратегия экономического развития КНР в 1996–2020 гг. С. 151; Островский А.В. Проблемы формирования и реализации стратегии экономического и социального развития Китая // Проблемы экономического роста и развития производительных сил в КНР. М., 2007. С. 10–12.
- ⁶⁸ Пивоварова Э.П. Социализм с китайской спецификой. С. 31–32.
- ⁶⁹ Там же. С. 305.
- ⁷⁰ Там же. С. 307, 312.
- ⁷¹ Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире: Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. С. 181.
- ⁷² Пивоварова Э.П. Социализм с китайской спецификой. С. 323.
- ⁷³ Там же. С. 325.
- ⁷⁴ Там же. С. 323.
- ⁷⁵ Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире: Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. С. 194.
- ⁷⁶ Кондрашова Л.И. Китай ищет свой путь. С. 222; Бони Л.Д. Китайская деревня на пути к рынку. С. 477–478; и др.

- ⁷⁷ Кондрашова Л.И. Китай ищет свой путь. С. 306.
- ⁷⁸ Там же. С. 307.
- ⁷⁹ Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире: Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. С. 182.
- ⁸⁰ Там же. С. 166–167.
- ⁸¹ Наумов И.Н. Стратегия экономического развития КНР в 1996–2020 гг. С. 26–27.
- ⁸² Бородич В.Ф. Проблемы трансформации политических систем России и Китая (конец XX – начало XXI в.): Опыт сравнительного анализа. М., 2008. С. 5.
- ⁸³ Кондрашова Л.И. Китай ищет свой путь. С. 221.
- ⁸⁴ Бородич В.Ф. Проблемы трансформации политических систем России и Китая (конец XX – начало XXI в.): Опыт сравнительного анализа. С. 238.
- ⁸⁵ Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире: Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. С. 166, 167.
- ⁸⁶ Бони Л.Д. Китайская деревня на пути к рынку. С. 481.
- ⁸⁷ Островский А.В. Китайская модель перехода к рыночной экономике. М., 2007. С. 27; Бони Л.Д. Китайская деревня на пути к рынку. С. 478; Наумов И.Н. Стратегия экономического развития КНР в 1996–2020 гг. С. 57, 191.
- ⁸⁸ См.: Лапердина В.В. Экономический рост КНР: изменение модели развития. (1993–2009). М., 2011. С. 75–116; Кондрашова Л.И. Китай ищет свой путь. С. 160–161, 183–210.
- ⁸⁹ Кондрашова Л.И. Китай ищет свой путь. С. 312.
- ⁹⁰ Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая. С. 63.
- ⁹¹ Лапердина В.В. Экономический рост КНР: изменение модели развития. (1993–2009). С. 196.
- ⁹² Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая. С. 9.
- ⁹³ Кондрашова Л.И. Китай ищет свой путь. С. 271.
- ⁹⁴ Бони Л.Д. Китайская деревня на пути к рынку. С. 486.
- ⁹⁵ Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая. С. 5.
- ⁹⁶ Лапердина В.В. Экономический рост КНР: изменение модели развития. (1993–2009). С. 162, 167.
- ⁹⁷ Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. С. 209.
- ⁹⁸ Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире: Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. С. 207.
- ⁹⁹ Там же. С. 165.
- ¹⁰⁰ Переломов Л.С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М., 2007. С. 213.
- ¹⁰¹ Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире: Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. С. 181.
- ¹⁰² Борох О., Ломанов А. Неосоциализм Ху Цзиньтао и современная идеология КНР // Pro et Contra. М., 2005. № 3. С. 20.
- ¹⁰³ Буров В.Г. Современный китайский марксизм. К итогам XVII съезда КПК // Свободная мысль. М., 2008. № 2. С. 39.
- ¹⁰⁴ Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая. С. 23; Кондрашова Л.И. Китай ищет свой путь. С. 245.
- ¹⁰⁵ Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая. С. 8, 12.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 11, 12.
- ¹⁰⁷ Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая. С. 13; Кондрашова Л.И. Китай ищет свой путь. С. 271.
- ¹⁰⁸ Кондрашова Л.И. Китай ищет свой путь. С. 308.
- ¹⁰⁹ Гудошников Л.М. Заключение // Как управляется Китай. Эволюция властных структур Китая в конце XX в. – начале XXI в. М., 2004. С. 467. См. также: Мамаева Н.Л. Партия и власть. Компартия Китая и проблемы реформы политической системы. М., 2007. С. 72.
- ¹¹⁰ Виноградов А.В. Политическая модернизация Китая // МЭиМО. М., 2011. № 6. С. 93–94.
- ¹¹¹ Островский А.В. Китайская модель перехода к рыночной экономике. М., 2007. С. 174.
- ¹¹² Портяков В.Я. От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI в. М., 2006. С. 222.
- ¹¹³ Кондрашова Л.И. Китай ищет свой путь. С. 55, 143, 180.
- ¹¹⁴ Портяков В.Я. От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI в. С. 224.
- ¹¹⁵ Салицкий А.И., Тацкий В.В. Китайский опыт: сравнительные аспекты и значение // «Третий мир» полвека спустя. М., 2013. С. 225.
- ¹¹⁶ См., например: Бутенко А.П. Неравномерность развития и историческое забегание: Сравнительный анализ развития СССР, России, Китая и Вьетнама. М., 2000; Бородич В.Ф. Проблемы трансформации

- политических систем России и Китая (конец XX – начало XXI в.): Опыт сравнительного анализа; Сравнительный анализ общих черт и особенностей переходного периода в России, Китае и Вьетнаме. М., 2012; и др.
- ¹¹⁷ *Бородич В.Ф.* Проблемы трансформации политических систем России и Китая (конец XX – начало XXI в.): Опыт сравнительного анализа. С. 5–6. Следует отметить, что движение России оценивалось и как более сложное, нелинейное, возвратно-поступательное. См.: *Виноградов А.В.* Власть, бизнес и коррупция в Китае // ПДВ. 2014. № 1. С. 95.
- ¹¹⁸ Среди них монографии: *Кузык Б., Титаренко М.* Китай – Россия – 2050: стратегия соразвития. М., 2006; *Портяков В.* Перспективы дальнейшего возвышения Китая и его возможные геополитические последствия // ПДВ. 2013. № 2. С. 57–67. Интересы к этой проблеме добавили работы А. Maddison «Chinese Economic Performance in the Long Run» (Paris, 2007), Ху Аньгана «Чжунго – 2030» (Китай – 2030) (Пекин, 2011).
- ¹¹⁹ *Кондрашова Л.И.* Китай ищет свой путь. С. 223.
- ¹²⁰ *Бородич В.Ф.* Проблемы трансформации политических систем России и Китая (конец XX – начало XXI в.): Опыт сравнительного анализа. С. 201.
- ¹²¹ *Бони Л.Д.* Китайская деревня на пути к рынку. С. 389; *Бергер Я.М.* Экономическая стратегия Китая. С. 59.
- ¹²² *Кондрашова Л.И.* Китай ищет свой путь. С. 283, 308.
- ¹²³ *Бергер Я.М.* Экономическая стратегия Китая. С. 44.
- ¹²⁴ *Бородич В.Ф.* Проблемы трансформации политических систем России и Китая (конец XX – начало XXI в.): опыт сравнительного анализа. С. 5, 237.
- ¹²⁵ *Кондрашова Л.И.* Китай ищет свой путь. С. 315.
- ¹²⁶ *Бергер Я.М.* Экономическая стратегия Китая. С. 57.
- ¹²⁷ *Кондрашова Л.И.* Китай ищет свой путь. С. 303.
- ¹²⁸ *Бони Л.Д.* Китайская деревня на пути к рынку. С. 407.
- ¹²⁹ *Кондрашова Л.И.* Китай ищет свой путь. С. 275.
- ¹³⁰ *Лалин Н.И., Тусунян Г.А.* Вступительное слово к русскому изданию // Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). М., 2011. С. 8, 7.
- ¹³¹ Там же. С. 8–9.
- ¹³² *Богатуров А.Д., Виноградов А.В.* Модель равноположенного развития: варианты «сберегающего» обновления // Полис. М., 1999. № 4. С. 61.
- ¹³³ *Кирдина С.Г., Кондрашова Л.И.* Институциональный анализ китайской модели: теоретическая дискуссия и прогноз // ВНИ ИЭ. М., 2009. № 3. С. 33–34.
- ¹³⁴ *Кондрашова Л.И.* Китай ищет свой путь. С. 315.
- ¹³⁵ *Пивоварова Э.П.* Социализм с китайской спецификой. С. 322.

Заклучение

Книга «Основные направления и проблемы развития российского китаеведения» – первое в китаеведении России исследование, обобщающее труды российских китаеведов 1990-х – начала 2000-х гг. по заявленным направлениям, которые в сумме и составляют основную часть базового содержания российской синологии последних десятилетий¹. Комплексный подход к изучению развития китаеведения позволяет сделать определенные выводы о его состоянии, достижениях и недоработках, а также о проблемах, которые тормозят развитие процесса дальнейшего развития синологии в России. Авторами исследования была проделана огромная работа, однако она осуществлялась с большим воодушевлением и удовлетворением общими результатами. Широкий охват проблем в рамках каждого направления, отражение имевших место в китаеведческих работах дискуссионных вопросов, обозначение малоизученных проблем, констатация факторов, замедляющих научный процесс, отдельные попытки прогнозирования развития китаеведения, оценка результатов научных исследований с учетом достижений русского и советского китаеведения – все это дает широкую картину непрерывного процесса продвижения науки вперед. Специфика китаеведения, предметом изучения которого является отличная от других цивилизация, требующая для ее понимания более длительной подготовки исследователей, включая фактор овладения китайским языком, предполагает, по мнению многих авторов, и наличия дополнительных критериев при выработке государственной политики относительно развития китаеведения. Особое внимание обращается также на тот факт, что уровень развития китаеведения прямо пропорционален состоянию россий-

¹ Как уже упоминалось ранее, не все важные направления отечественной синологии нашли полное и всестороннее отражение в данном исследовании. В центре нашего труда находилось изучение российского китаеведения, посвященного изучению проблем нового и новейшего времени, включая период реформ и открытости. Работы 1990-х и начала 2000-х гг. по древнему и средневековому Китаю, как и специфические исследования по переводу и комментированию древних текстов, языкознанию, дающие представление о формировании китайской цивилизации, хотя и исследуются в ряде глав монографии, преимущественно во введении и в главе VI, однако требуют особого внимания и изучения в самостоятельных специальных исследованиях.

ско-китайских отношений, которые в условиях современного мира по своему значению выдвигаются на передние рубежи внешней политики России.

Не углубляясь в подробности, отметим, что по всем представленным в книге направлениям констатируется в целом положительный результат, который доказывается каждым автором конкретным анализом написанных китаеведами работ. В каждой главе выделяются направления исследований, продолжающие прежние наработки, и обозначаются сюжеты, которые развивались на рубеже веков, с учетом новой источниковедческой базы и требований современной науки и политики. Так, представлена тщательная характеристика новых источников по всем направлениям. Впечатляют серии документальных сборников по российско-китайским отношениям, которые, как показывают реалии сегодняшнего дня, более чем актуальны, по «коминтерноведению», дающие уникальную информацию по советско-китайским отношениям и внутренним проблемам Китая. Представлен процесс использования новых архивных документов для корректировки историками ряда оценок, связанных с развитием российско-китайских отношений прошлого и настоящего, проблемами политической истории Китая нового и новейшего времени, прежде всего китайского революционного движения 20–40-х гг. XX в., характеристикой гоминьдановского режима, объяснением причин победы демократических сил во главе с КПК в 1949 г.

Внимание китаеведов к новой и новейшей истории Китая отражено в ряде интересных работ, в материалах научных внутренних и международных конференций, в выходе в свет учебников и учебных пособий для вузов, в том числе и в ряде регионов. На это направление обращаем особое внимание, поскольку речь идет о будущем российского китаеведения.

Констатируем массовый выход китаеведческой тематики за пределы основных центров китаеведения, сосредоточенных в Москве, Санкт-Петербурге и Владивостоке. Изучение Китая в настоящее время характерно для целого ряда научных центров Читы, Кубани (Кубанский государственный университет), Барнаула, Томска, Екатеринбурга, Челябинска, Казани, Улан-Удэ, Иркутска и др.², что является признаком роста интереса к Китаю в вузах и научных кругах страны.

Между тем более интенсивное развитие китаеведения в 2000-х гг. не закрывает полностью существующие в историографии Китая пробелы. Наряду с появлением интересных работ по внешней политике Китая и российско-китайским отношениям, по партийной тематике (истории КПК, ГМД, малых и демократических партий в новое и новейшее время), справочных и энциклопедических изданий, с расцветом жанра политических биографий требуются дальнейшие усилия китаеведов в изучении системы регионального милитаризма в постсиньхайский период, политики властных структур КР в нанкинское десятилетие и в период антияпонской войны, включая проблемы внешней политики КР в течение этих исторических периодов. В истории КНР в силу ряда объективных и субъективных причин недостаточно изучены проблемы «культурной революции», советско-китайских отношений вплоть до начала их урегулирования в 1986 г., а также политическая история страны с начала политики реформ и открытости.

Имеет место расширение содержания политической истории КНР за счет изучения политической системы и права КНР в период реформ и открытости. В книге делается вывод, что именно в 1990-е гг. началось всестороннее изучение политики реформ и открытости, получившее впоследствии обозначение эпохи Дэн Сяопина. Разработки этого периода в сферах экономики, политической системы и права современного Китая, деятельности Компартии Китая в процессе политических преобразований страны, а также в области

² Более подробная информация об ученых указанных центров содержится в главах монографии.

совершенствования управления страной легли в основу фундаментальных трудов, появившихся в 2000-е гг.

Российские историки, как отмечается в монографии, провели тщательное исследование в области формы отношений между Россией и Китаем. 1996 г. выступает годом выбора в пользу развития равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI в., оформленного уже статьями договора 2001 г. о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР. Говоря о модели взаимодействия двух государств, авторы монографии обращают внимание на наличие в историографии различных точек зрения. В рамках уточнения отдельных не вполне ясных формулировок, существующих в исторической литературе, они отмечают, что установившийся между странами уровень стратегического партнерства является вторым по значимости после союзнических отношений, однако в условиях современных международных отношений он имеет ряд преимуществ.

Связь науки и практики наиболее ощутима в сфере международных отношений и внешней политики Китая и России. Впервые в данной книге на основе ясных фактов и доказательств представлена роль китаеведения в научном обеспечении позитивного развития российско-китайских отношений. Получили освещение дискуссионные вопросы роли китайской миграции в России, выделены и тщательно изучены «болевые точки» в истории пограничных проблем, особенности приграничных региональных связей. На основе изучения широкого круга российских исследований сделан вывод о доминирующей в историографии точки зрения, согласно которой не алармизм, но мирный характер отношений россиян с китайскими мигрантами является доминирующим в обществе. Эта обоснованная российскими авторами точка зрения опровергает тезисы некоторых экспертов о широком распространении в России настроений о неминуемой «китайской угрозе». В монографии сделан вывод о недостаточном внимании российских китаеведов к изучению одного из важнейших направлений внешней политики КНР – отношению к АТР, которое ряд российских исследователей считают основным среди направлений внешней политики КНР.

Значительным событием в развитии китаеведения явилось начало публикации 10-томного академического издания «История Китая с древнейших времен до начала XXI века» (главный редактор серии академик С.Л. Тихвинский). В 2013 г. вышли в свет два тома: т. VII: «Китайская Республика: 1912–1949» (отв. ред. д.и.н. Н.Л. Мамаева) и т. II: «Эпоха Чжаньго, империи Цинь и Хань: V в. до н.э. – III в. н.э.» (отв. ред. д.и.н. Л.С. Переломов); в 2014 г. опубликован т. X: «Тайвань, Сянган (Гонконг), Аомэнь (Макао), китайская диаспора за рубежом» (отв. ред. д.и.н. Л.М. Гудошников, к.и.н. Г.А. Степанова). Все три тома готовились в Институте Дальнего Востока РАН, под эгидой которого по мере готовности увидят свет еще два тома. Десятитомная серия «История Китая», рассчитанная на широкие слои населения, позволит читателю ознакомиться с историей Китая и будет способствовать укреплению дружбы народов РФ и КНР.

Экономическая реформа, с которой началась новая эра в истории Китая, как следует из нашей работы, была и остается предметом тщательного и подробного изучения китаеведами-экономистами, особенно в ИДВ РАН. Экономисты института, по сути, охватили все и глобальные, и частные темы экономического развития страны, отслеживали нюансы в формировании экономической модели. Изучаются как общие стратегические проблемы экономического развития, проблемы народонаселения, финансовой политики, инвестиционной политики, так и конкретные проблемы, связанные в основном с исследованием состояния отраслей народного хозяйства, включая промышленность, сельское хозяйство, транспорт и т.д. Методика изучения – от конкретного к общему – себя оправдывает, о чем свидетельствует подготовка фундаментальных исследований по экономической полити-

ке в Китае, проанализированных в главе V. Особо отметим, что китаеведы-экономисты, отслеживающие все нюансы экономической политики КНР, адекватно осветили новый акцент в экономической модели, констатированный ими в начале XXI в. По их мнению, он выражается в перенесении центра тяжести экономической политики на достижение высокого уровня научно-технического прогресса и развитие военно-промышленного комплекса. Эти направления, как показано в нашем исследовании, по мнению китаеведов-экономистов, занимают все большее место в корректировке экономической модели и становятся важной составной частью инновационной политики КНР. Есть все основания считать мнение экономистов о наличии необходимых условий в КНР для наращивания ее экономической мощи в XXI в. и о перспективе роста жизненного уровня населения как основанное и подтвержденное научными исследованиями.

Важным моментом истории и развития отечественного китаеведения является тот факт, что наука о Китае началась еще в XVIII веке с изучения китайской философии, которая в дальнейшем стала основой духовной жизни страны. Важное место в сфере исследования китайской философии занимало и занимает до сих пор изучение и перевод на русский язык философско-нравственных трудов Китая. Уточнение этих переводов и комментарии к обновленным и новым переводам остаются важными направлениями философских исследований в ИВ РАН, ИДВ РАН, Санкт-Петербургском Институте восточных рукописей РАН, на Восточном факультете СПбГУ.

Значение философии в духовной жизни Китая всегда было очень значительным. Не случайно в китаеведении в области изучения китайской философии оформились такие направления как «*Философия и китайская цивилизация*», «*Философия и китайская культура*». В 1990-е и 2000-е гг. китаеведы-философы обратились к новым проблемам: китайская мысль в контексте глобализации, сопоставление конфуцианства и протестантизма, перспективы современного конфуцианства. Российское китаеведение пришло к заключению, что российские исследования конфуцианства как феномена китайской мудрости находятся на самом высоком международном уровне. Наиболее популярной формой исследований в области китайской философии являются справочно-энциклопедические издания.

В ряд определяющих направлений в изучении китайской философии и религии в постсоветские годы вошли изучение современной роли конфуцианства, выявление специфики теоретико-методологических оснований китайской традиционной мысли, исследование наследия неоконфуцианства, роли китайской философии нового и новейшего времени в контактах цивилизаций Китая и Запада, исследование практических аспектов современной религиозной жизни в Китае.

Наиболее значимым и весомым достижением в новом тысячелетии стало создание комплексной энциклопедии «*Духовная культура Китая*».

Культура и образование наряду с философией и религией, как убедительно представлено в исследованиях российских китаеведов прошлого и настоящего, занимают очень значительное место в общей характеристике китайской цивилизации, придают ей особый колорит и оказывают сильное влияние на человеческий фактор. Большие успехи российское китаеведение демонстрирует в изучении образования. Причем в этой области имеют место значительные инновации, а именно акцент на бинарном сопоставлении процессов модернизации систем образования в КНР и в РФ. К области инноваций китаеведы относят также выход изучения образования и культуры за рамки китаеведения – в контекст общетеоретических работ по сравнительной педагогике, экономике и социологии образования. Нельзя не отметить и развитие новаторского направления – этнопсихологии. Не останавливаясь подробно на освещении темы китайской культуры, комплексно представленной в соответствующей главе, отметим тенденцию выхода исследований на новый

уровень, характеризующийся большей глубиной, широким охватом исходного материала и многогранностью. В области философии, культуры и образования, как, собственно, и по другим направлениям, представленным в работе, российское китаеведение приобрело настолько высокий международный авторитет, что само стало предметом научных исследований.

Отметим, что работы по изучению культуры и образования, а также по ряду некоторых других направлений в основном пишутся российскими специалистами старшего поколения, в связи с чем возникает проблема преемственности поколений ученых. Число китаеведов молодого возраста является незначительным, дальнейшее развитие китаеведения без снижения достигнутого уровня исследований требует государственной поддержки, в том числе финансовой. При этом является необходимым сохранение преемственности поколений, чтобы старшее поколение «успело» передать свои знания молодому.

Российское китаеведение своими исследованиями само по себе является пропагандистом достигнутых столетиями знаний о Китае, вовлекая в свою орбиту новые научные кадры. На этом направлении активно действует и Китай, используя продуманную политику привлечения молодежи к изучению китайского языка и китайской культуры в так называемых институтах Конфуция, созданных Китайским правительством во многих странах мира. В современном Китае язык занимает чрезвычайно высокое место в системе духовных ценностей. Вместе с иероглифической письменностью он воспринимается как носитель древнейшей китайской цивилизации и гарантия сохранения культурной идентичности в условиях глобализации. Распространение литературного языка путунхуа за пределами Китая осуществляется согласно принятой в КНР программе развития языка и письменности на 2012–2020 гг. и рассматривается в качестве «мягкой силы» государства.

Продолжая уже затронутую тему об изучении китайской миграции в России как достаточно популярную и в науке, и особенно в СМИ, отметим, что научный уровень российских исследований в изучении данного направления заметно повысился по мере более активного использования китаеведами социологических опросов населения России. Думается, что ряд выводов, сделанных в главе VIII в связи с возбуждающей общество точкой зрения о реальности «китайской угрозы», можно считать вполне обоснованными и закрывающими эту тему на данный период времени. Выводы состоят в том, что, во-первых, российское население не имеет возражений относительно временного пребывания граждан Китая в России, но выступает против переселения китайцев в Россию, а во-вторых, существующая у части населения России озабоченность «китайской угрозой» легко уживается с положительным отношением к развитию и укреплению российско-китайских отношений.

Изучение Тайваня в российском китаеведении занимает значительное место. Надо сказать, что именно в начале 1990-х гг. в России открылась возможность для свободного изучения Тайваня. Примечательно, что этот интерес к Тайваню у российской общественности и в науке сохранился, а в СМИ России освещается даже лучше, чем в большинстве СМИ азиатских стран. Центральной темой тайваневедения в России оставалась вплоть до настоящего времени тема, связанная с отношениями между континентальным Китаем и китайской провинцией Тайвань. В историографии рассматривается множество проблем исторического, политического, демократического развития острова, характеризуется позиция России, поддерживающей формулу Пекина «одно государство – два строя», отмечается ее стабильность, изучается позиция США по вопросу отношений между берегами.

Открыв для себя Тайвань, российские ученые сформировали картину важнейших составляющих тайваньской проблематики и определили тенденции развития ситуации

на острове. Большинство важнейших прогнозных оценок, высказанных российскими специалистами, оказались правильными: о длительном сохранении статус-кво Тайваня; о неприменении Пекином в обозримом будущем силы против Тайваня; о возрастающей роли экономической интеграции для эволюции отношений между двумя берегами в направлении их объединения.

Следует отметить, что проблемы модернизации и формирования модели развития Китая – одно из интереснейших направлений китаеведения. Однако, несмотря на большой интерес, проявляемый историками и политологами к его изучению, оно не имеет четкого определения и решения в силу ряда объективных и субъективных причин. То, что Китай развивается и многого добивается на своем пути, является фактом. Объяснить содержание и перспективы политики развития очень сложно, для этого нужно хорошо знать многие науки, прежде всего историю, социологию, экономику, политологию, юриспруденцию. Одновременно необходимо знать все реалии современного Китая, особенности экономической модели, административной и политической системы, специфику формирования общественных и политических организаций и гражданского общества. Это направление можно считать самым многовариантным и дискуссионным. Вместе с тем, как следует из монографии, политология постепенно разрабатывает новое видение данной проблематики и методы исследования этих возможных моделей развития страны.

Модернизация рассматривается уже не только как процесс перехода от традиционного общества к современному, но и как вид глубоких цивилизационных изменений, требующих новых научных подходов к их изучению. На этом пути выделяются новые стадии модернизации: первичная, относящаяся к индустриальному обществу, и вторичная, относящаяся к информационному обществу. Параллельное развитие первичной и вторичной модернизации в современном мире образуют интегрированную модернизацию. Появился ряд работ, в которых предпринимается попытка осмыслить современное развитие Китая через использование новых методологических подходов, прежде всего теории систем. Результатом ее применения к китайской действительности современное трансформирующееся общество выглядит как сочетающее традиционное и современное и обладающее способностью к соразвитию таких явлений, как «рыночный социализм» и «конфуцианский капитализм». В качестве нового методологического подхода развивается теория институциональных матриц, которая в равной степени может описывать как страны Востока, так и Запада и ряд других. Разброс мнений по различным темам и проблемам, связанным с определением специфики китайской модернизации и моделей развития очень многообразен. Общий настрой китаеведов, занимающихся этими неординарными проблемами, как следует из IX главы монографии, довольно оптимистичен и исходит из практики, в том числе свидетельствующей о способности Китая к адаптации к новым реалиям современного мира.

Каждое представленное в монографии направление исследований российских китаеведов вносит свой немалый вклад в общее состояние российского китаеведения 90-х гг. XX в. – начала XXI в., который в целом вполне соизмерим с прежними достижениями российских исследователей Китая. Комплексный подход к изучению российской синологии обеспечивает создание общей картины исследования Китая с позиции различных проблем и направлений. Используя даже очень жесткие критерии при оценке уровня развития китаеведения, можно с уверенностью констатировать стабильность и поступательный характер этого процесса, всесторонний охват проблем и направлений и высокий уровень исследований.

Эта монография, как можно ожидать, вызовет большой интерес не только у специалистов-китаеведов нашей страны и за рубежом, но и будет востребована в широких слоях населения. Интерес к российскому китаеведению уже давно проявляют ученые КНР и

других стран, поэтому весьма возможно, что книгой заинтересуются и на Востоке, и на Западе. В отечественном китаеведении она поможет сформироваться более комплексному подходу к изучению Китая, который обеспечит всестороннее изучение страны, ближайшего соседа России и авторитетного субъекта международных отношений.

Написанная коллективом авторов монография со всей определенностью продемонстрировала ведущие позиции в отечественном китаеведении Института Дальнего Востока РАН – преемника Института китаеведения АН СССР (1956–1960). Институт Дальнего Востока, отметивший в 2006 г. свое 50-летие, приближается к своему 60-летию, демонстрируя новые успехи и достижения в развитии российского китаеведения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

G2	– «Большая двойка» в составе США и КНР
ISCP	– Международное общество изучения китайской философии
AAC	– «Азия и Африка сегодня» (журнал)
АВПРИ	– Архив внешней политики Российской империи
АВП РФ	– Архив внешней политики Российской Федерации
АлтГУ	– Алтайский государственный университет
АмГУ	– Амурский государственный университет
АН СССР	– Академия наук СССР
АОН Китая	– Академия общественных наук Китая
АП РФ	– Архив президента Российской Федерации
АРАН	– Архив Российской Академии наук
АРВМ	– автономный район Внутренняя Монголия
АСЕАН	– Ассоциация государств Юго-Восточной Азии
АТР	– Азиатско-Тихоокеанский регион
АТЭС	– организация Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества
БП	– «Бизнес и политика» (журнал)
БРИКС	– группа из пяти быстроразвивающихся стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика
ВА	– «Восточный архив» (журнал)
ВАПД	– Всекитайская ассоциация последователей даосизма
ВБ	– «Внешнеэкономический бюллетень»
ВВП	– внутренний валовой продукт
ВВС	– Военно-воздушные силы
ВЗФЭИ	– Всероссийский заочный финансово-экономический институт
ВИ	– «Вопросы истории» (журнал)
ВКП(б)	– Всесоюзная коммунистическая партия большевиков
ВНИ	– «Вестник научной информации» (журнал)
ВНР	– Венгерская Народная Республика
ВОКС	– Всесоюзное общество культурной связи с заграницей
ВСНП	– Всекитайское собрание народных представителей
ВТО	– Всемирная торговая организация
ВТС	– Военно-техническое сотрудничество
ВФ	– «Вопросы философии» (журнал)
ВШЭ	– Высшая школа экономики
Вьетн.	– вьетнамский
ГМД	– Гоминьдан (Национальная партия)
Госсовет	– Государственный Совет
Дальбюро ЦК РКП(б)	– Дальневосточное бюро ЦК РКП(б)

ДВО МИД СССР	– Дальневосточный отдел Министерства иностранных дел СССР
ДВО РАН	– Дальневосточное отделение РАН
ДВР	– Дальневосточная Республика
ДиК	– «Деньги и кредит» (журнал)
ЕАК	– Европейская Ассоциация Китаеведения
ЕС	– Европейский Союз
ЖЗЛ	– серия «Жизнь замечательных людей»
ЖМЖБ	– «Жэньминь жибао» (газета)
ЗабГУ	– Забайкальский государственный университет
ИБ ИДВ	– Информационный бюллетень ИДВ РАН
ИВ РАН (АН СССР)	– Институт востоковедения РАН (АН СССР)
ИДВ РАН (АН СССР)	– Институт Дальнего Востока РАН (АН СССР)
ИККИ	– Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала
ИМ	– «Информационные материалы» (журнал)
ИМЭМО РАН	– Институт мировой экономики и международных отношений РАН
ИМЭПИ РАН	– Институт международных экономических и политических исследований РАН
ИНИОН РАН	– Институт научной информации по общественным наукам РАН
ИРИ РАН	– Институт российской истории РАН
ИСАА	– Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова
ИФ	– «История философии» (журнал)
ИЭ	– Институт экономики РАН
ИЭМСС АН СССР	– Институт экономики мировой социалистической системы Академии наук СССР
КВЖД	– Китайско-Восточная железная дорога
КИ (Коминтерн)	– Коммунистический Интернационал
КНР	– Китайская Народная Республика
КПК	– Коммунистическая партия Китая
КПСС	– Коммунистическая партия Советского Союза
КР	– Китайская Республика
Культурол.	– культурологический
КУТВ	– Коммунистический университет трудящихся Востока
КУТК	– Коммунистический университет трудящихся Китая
МВД СССР	– Министерство внутренних дел СССР
МВТ СССР	– Министерство внешней торговли СССР
МВФ	– Международный валютный фонд
МГИМО(У)	– Московский государственный институт международных отношений (университет)
МГППУ	– Московский городской психолого-педагогический университет
МГУ	– Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МЖ	– «Международная жизнь» (журнал)
МИД	– Министерство иностранных дел
МЛШ	– Международная ленинская школа
МН	– «Московские новости» (газета)
МНР	– Монгольская Народная Республика
МНК ККЦИМ	– Международная научная конференция «Китай, китайская цивилизация и мир: история, современность, перспективы»
МО	– «Международные отношения» (журнал)

МПП	– малые политические партии
МЭиМО	– «Международная экономика и международные отношения» (журнал)
НАТО	– Организация Северо-Атлантического договора
НГ	– «Независимая газета»
НИС	– новые индустриальные страны
НКВД РСФСР	– Народный комиссариат иностранных дел РСФСР
ННИ	– «Новая и новейшая история» (журнал)
НОА	– Народно-освободительная армия
НОАК	– Народно-освободительная армия Китая
НПККСК	– Народный политический консультативный совет Китая
НРА	– Национально-революционная армия Национального (гоминьдановского) правительства
НЭП	– новая экономическая политика
НЭС	– начальный этап социализма
ОГК	– «Общество и государство в Китае» (коференция)
ОМС ИККИ	– Отдел международной связи ИККИ
ПБ	– Политбюро
ПВ	– «Петербургское востоковедение» (журнал)
ПДВ	– «Проблемы Дальнего Востока» (журнал)
ПК	– Постоянный комитет
ППС	– паритет покупательной способности
Профинтерн	– Интернационал профсоюзов
ПЭ	– «Пространственная экономика» (журнал)
РАН	– Российская академия наук
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГАСПИ	– Российский государственный архив социально-политической истории
РГВА	– Российский государственный военный архив
РГУУ	– Российский государственный гуманитарный университет
РГНФ	– Российский гуманитарный научный фонд
РДМ	– Российская духовная миссия
Ревбюро	– Революционное бюро
РИК	– Россия, Индия, Китай
РККА	– Рабоче-крестьянская Красная армия
РКП(б)	– Российская коммунистическая партия большевиков
РФ	– Российская Федерация
РЭЖ	– «Российский экономический журнал»
СМ	– «Свободная мысль» (журнал)
СМИ	– средства массовой информации
СНП	– Собрание народных представителей
СО АН СССР	– Сибирское отделение Академии наук СССР
СО РАН	– Сибирское отделение РАН
СП	– совместное предприятие
СПб	– Санкт-Петербург
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет
СРВ	– Социалистическая Республика Вьетнам
СССР	– Союз Советских Социалистических Республик
СУАР	– Синьцзян-Уйгурский автономный район
СФРЮ	– Социалистическая Федеративная Республика Югославия

США	– Соединенные Штаты Америки
УРО	– Уральское отделение
ФиБ	– «Финансы и бизнес» (журнал)
ФиК	– «Финансы и кредит» (журнал)
ЦК	– Центральный Комитет
ЧССР	– Чехословацкая Советская Социалистическая Республика
ШОС	– Шанхайская организация сотрудничества
ЭИ	– «Экспресс информация» (журнал)
ЭКО	– «Всероссийский экономический журнал»
ЭП	– Энергетическая политика
ЮКОС	– Российская нефтяная компания, существовавшая в 1993–2007 гг.
ЮМЖД	– Южная Маньчжурская железная дорога

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Антология китайской лирики VII–IX вв. по Р. Хр. М.–Пг., 1923.
- Антология мировой философии. В 4 т. М., 1969–1973. Т. 1. Ч. 1.
- Бамбуковые страницы. Антология древнекитайской литературы / Сост., вступ. ст., коммент. И.С. Лисевича. М., 1994.
- Бантыш-Каменский Н.Н.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год, составленное по документам и материалам, хранящимся в Московском архиве Государственной коллегии иностранных дел в 1792–1803 году. Казань, 1882.
- Беседы и суждения. Лунь юй / Научн. пер. и исследов. А.Е. Лукьянов; поэтическое переложение В.П. Абраменко. М., 2011.
- В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг. Новые документы главного военного советника / Сост., отв. ред., авт. введ. и примеч. А.И. Картунова. М., 2003.
- ВКП(б), Коминтерн и Китай: документы. В 5 т. М., 1994–2007. Т. I: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае, 1920–1925. М., 1994; Т. II: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае, 1926–1927. В 2 ч. М., 1996; Т. III: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае, 1927–1931. В 2 ч. М., 1999; Т. IV: ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае, 1931–1937. В 2 ч. М., 2003; Т. V: ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны, 1937 – май 1943. М., 2007.
- Воробьев В.* Неизвестные страницы пограничных переговоров с Китаем // МЖ. М., 2006. № 12.
- Воробьев В.* Об урегулировании пограничных вопросов с КНР (Заметки, навеянные воспоминаниями китайских дипломатов) // ПДВ. М., 2012. № 2.
- Гэ Хун.* Баопу-цзы / Пер. с кит., коммент., предисл. Е.А. Торчинова // Петербургское востоковедение. СПб., 1999.
- Дао дэ цзин / Прозоритмический пер. с древнекит. и исследов. А.Е. Лукьянова, поэтический пер. В.П. Абраменко. М., 2009.
- Документы внешней политики СССР. Т. I–X. М., 1957–1965.
- Древнекитайская философия: собрание текстов. В 2 т. М., 1972–1973.
- Дэн Сяопин.* Строительство социализма с китайской спецификой. М., 1997; М., 2002.
- Избранные произведения прогрессивных китайских мыслителей нового времени, 1840–1898 / Сост. и общ. ред. Н.Г. Сенин, Ян Хиншун. М., 1961.
- Избранные сутры китайского буддизма / Пер. с кит. Д.В. Поповцева, К.Ю. Солонина, Е.А. Торчинова. СПб., 1999.
- Карл Радек о Китае. Документы и материалы / Ред. и сост. А.В. Панцов. М., 2005.
- Картунова А.И.* В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг. Документированный очерк. Документы. М., 1979.
- Киреев Г.В.* Россия – Китай. Неизвестные страницы пограничных переговоров. М., 2006.

- Китайская Народная Республика в 1950-е годы: сб. док. В 2 т. / Под ред. В.С. Мясникова. Т. I: Взгляд советских и китайских ученых. М., 2009; Т. II: Друг и союзник Нового Китая. М., 2010.
- Китайские рабочие на Урале в годы Первой мировой войны. Документы и комментарии. Российско-китайский науч. проект / Отв. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург, 2010.
- «Китайский вопрос по-прежнему остается сложным» / Письмо Мао Цзэдуна И.В. Сталину. 1946 г. // Исторический архив. М., 2006. № 4.
- Китайский философ Мэн-цзы / Пер. с кит., примеч. П.С. Попова. М., 1998. Репринт издания 1904 г.
- Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу) / Пер. с кит., вступ. ст. и коммент. Л.С. Переломова. М., 1968.
- Коммунистический Интернационал и китайская революция. Документы и материалы. М., 1986.
- Конрад Н.И. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве / Пер. и исслед. М.-Л. 1950.
- Конрад Н.И. У-цзы. Трактат о военном искусстве / Пер. и коммент. М., 1958.
- Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / Пер. с кит. и коммент. А.И. Кобзева и др. М., 2004.
- Конфуциева летопись «Чуньцю» («Вёсны и осени») / Пер. и примеч. Н. И. Монастырева; исслед. Д.В. Деопика и А. М. Карапетянца. М., 1999. Репринт издания 1876 г.
- Лао Цзы. Дао-Дэ цзин, или Трактат о Пути и Морали / Пер. с древнекит., предисл., послесл. Л.И. Кондрашовой. М., 2003.
- Ледовский А. Две телеграммы из переписки Мао Цзэдуна с И.В. Сталиным // ПДВ. М., 2000. № 6.
- Ледовский А. О визите в Москву делегации Коммунистической партии Китая в июне – августе 1949 г. // ПДВ. М., 1996. № 4.
- Ледовский А.М. Переговоры И.В. Сталина с Мао Цзэдуном в декабре 1949 – феврале 1950 г. // ННИ. М., 1997. № 1.
- Ледовский А. Секретная миссия А.И. Микояна в Китай (январь – февраль 1949 г.) // ПДВ. М., 1995. № 2, 3.
- Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий 1937–1952. М., 1999.
- Ледовский А.М. Стенограмма переговоров И.В. Сталина с Чжоу Эньлаем в августе – сентябре 1952 г. // ННИ. М., 1997. № 2.
- Ли Дачжао. Избр. произв. / Отв. ред. Н.Г. Сенин, М.Л. Титаренко. М., 1989.
- Линь-цзи лу / Пер. с кит., вступ. ст., коммент. и грамат. очерк И.С. Гуревич. СПб., 2001.
- Лунь юй. Изречения Конфуция, учеников его и других лиц. СПб. 1910.
- Люйши чуньцю (Вёсны и осени господина Люя) / Сост. И.В. Ушаков; пер. Г.А. Ткаченко. М., 2010.
- Мао Цзэдун. Автобиография. Стихи / Сост., предисл., коммент., пер. с кит. и англ. А.В. Панцова. М., 2008.
- Мао Цзэ-дун. Избр. произв. В 4 т. М., 1952.
- Мао Цзэдун. Революция и строительство в Китае. М., 2000.
- Мартынов А.С. Конфуцианство. «Лунь юй». В 2 т. / Пер. с кит. А.С. Мартынова. СПб., 2001.
- Мировицкая Р.А. К истории подписания Договора о ненападении между Советским Союзом и Китайской Республикой (21 августа 1937 г.): Документы и материалы, август – сентябрь 1937 г. // Восток – Россия – Запад: к 70-летию академика В.С. Мясникова. М., 2001.
- Мировицкая Р.А. Не публиковавшееся Дополнительное соглашение к Договору о дружбе, союзе и взаимопомощи между СССР и КНР (14 февраля 1950 г.) // Китай в диалоге цивилизаций: к 70-летию академика М.Л. Титаренко. М., 2004.
- Мясников В.С. Особенности становления договорных отношений России с Китаем // Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916. М., 2006.
- Неизвестные письма Сун Цинлин и Сунь Ятсена М.М. Бородину // ПДВ. М., 2003. № 3.
- Не публиковавшаяся речь И.В. Сталина о Китае / Публ. и коммент. А. Картуновой // ПДВ. М., 2001. № 1.
- О сознании (Синь): Из философского наследия Чжу Си / Пер. с кит. А.С. Мартынова, И.Т. Зограф, вступ. ст. и коммент. к пер. А.С. Мартынова. М., 2002.
- Переломов Л.С. Конфуций. «Лунь юй» / Исслед., пер. с кит., коммент. М., 1998.
- Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом: документы, август 1923 г. – 1926 г. / Сост. отв. ред.-подг., автор предисл. А.И. Картунова, гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 2008.
- Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы / Редкол.: Г.М. Адиебеков (отв. ред.-подг.), К.М. Андерсон, К.К. Ширина (отв. ред.-подг.). М., 2004.
- П.Ф. Юдин о беседах с Мао Цзэдуном. Докладные записки И.В. Сталину и Н.С. Хрущеву. 1951–1957 гг. / Публ. подг. В.Г. Бухерт // Исторический архив. М., 2006. № 4.
- Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916 / Под общ ред. В.С. Мясникова. М., 2006.
- Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы / Сост. П.Е. Скачков и В.С. Мясников. М., 1958.

- Русско-китайские отношения в XVII–XX вв. М., 1969–2011:
- Русско-китайские отношения в XVII веке: материалы и документы. Т. 1: 1608–1683 / Отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. Л.И. Думан. М., 1969.
- Русско-китайские отношения в XVII веке: материалы и документы. Т. 2: 1686–1691 / Отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. Л.И. Думан. М., 1972.
- Русско-китайские отношения в XVIII веке: материалы и документы. Т. 2: 1725–1727 / Отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. В.С. Мясников. М., 1990.
- Русско-китайские отношения в XVIII веке: материалы и документы. Т. 3: 1727–1729 / Отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. В.С. Мясников. М., 2006.
- Русско-китайские отношения в XVIII веке: документы и материалы. Т. 6: 1752–1765 / Отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. В.С. Мясников. М., 2011.
- Русско-китайские отношения в XIX веке: материалы и документы. Т. 1: 1803–1807 / Отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. В.С. Мясников. М., 1995.
- Русско-китайские отношения в XX веке: документы и материалы. Т. 3: Советско-китайские отношения, сентябрь 1931 – сентябрь 1937 / Отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. В.С. Мясников. М., 2010.
- Русско-китайские отношения в XX веке: документы и материалы. Т. 4: Советско-китайские отношения, 1937–1945. Кн. 1, 2 / Отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. В.С. Мясников. М., 2000.
- Русско-китайские отношения в XX веке: документы и материалы. Т. 5: Советско-китайские отношения, 1946 – февраль 1950. Кн. 1, 2 / Отв. ред. С.Л. Тихвинский, ред. В.С. Мясников. М., 2006.
- Сань цзы цзин (Канон трех иероглифов). СПб., 1779.
- Сань цзы цзин (Троесловие) / Отв. ред. М.Л. Титаренко. М., 2013.
- Сань-цзы-цзинь или Троесловие. СПб., 1829.
- Саркисова Г.И.* Из истории российско-китайских отношений: Международный акт о порядке российско-китайской торговли через Кяхту и пограничном режиме (8 февраля 1792 г.) (по архивным материалам). // Восток – Запад. Ист.-лит. альманах. 2011–2012. М., 2013.
- Саркисова Г.И.* К пользе казенного интереса и купечества (Архивные материалы о деятельности полномочного комиссара И.И. Кропотова на российско-китайской границе в Кяхте в 1768 г.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М., 2013. Вып. XVIII.
- Саркисова Г.И.* Миссия российского курьера И.И. Кропотова в Пекин в 1762–1763 гг. (архивные материалы) // Восток – Россия – Запад: к 70-летию академика В.С. Мясникова. М., 2001.
- Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881. СПб., 1889.
- Советско-китайские отношения. 1917–1957: сб. докл. / Отв. ред. И.Ф. Курдюков М., 1959
- Сунь Ятсен.* Избр. произв. / Вступ. ст. С.Л. Тихвинского. М., 1964.
- Сунь Ятсен.* Избр. произв. 2-е изд., испр. и доп. М., 1985.
- Сыма Цянь.* Исторические записки. В 9 т. М., 1972–2010: Т. 1. 1972 (2001); Т. 2. 1975 (2003); Т. 3. 1984; Т. 4. 1986; Т. 5. 1987; Т. 6. 1992; Т. 7. 1996; Т. 8. 2002; Т. 9. 2010.
- Тихвинский С.* О «секретном демарше» Чжоу Эньлая и неофициальных переговорах КПК с американцами в июне 1949 г. // ПДВ. М., 1994. № 3.
- Троесловие: (Сань-цзы-цзин) / Пер. с кит., предисл. и примеч. Ю.М. Галеновича. М., 2010; доп. изд.: М., 2012.
- Философы из Хуайнани: Хуайнаныцзы. М., 2004.
- Цзян Цзэминь.* О социализме с китайской спецификой: сб. высказываний по темам. В 2 т. М., 2002.
- Цзян Цзэминь.* Реформа. Развитие, стабильность: статьи и выступления. М., 2002.
- Цюй Цюбо.* Очерки и статьи. М., 1959.
- Цюй Цюбо.* Публицистика разных лет. М., 1979.
- Чжан Бо-дуань.* Главы о прозрении истины / Пер. с кит., предисл., коммент. Е.А. Торчинова. СПб., 1994.
- Чжан Цзай.* Исправление неразумных / Пер., коммент. и вступ. ст. А. С. Рысакова. М., 2013.
- Чжоу Дунь и ренессанс конфуцианской философии. М., 2009.
- Чтимая книга: древнекитайские тексты и перевод «Шан шу» («Шу цзин») и Малого предисловия («Шу сюй») / Подгот. древнекит. текстов и ил., пер., прим. и предисл. В.М. Майорова, послесл. В.М. Майорова и Л.В. Стеженской. М., 2014.
- Шевелев К.* К 80-летию образования Компартии Китая: новые документы // ПДВ. М., 2001. № 4.
- Шевелев К.В.* Сунь Ятсен и советско-китайские отношения: новые архивные документы // ПДВ. М., 1996. № 6.
- Шицзин (Книга песен и гимнов). М., 1957 (1-е изд.), 1987 (2-е изд.).
- Штейн В.М.* Гуань-цзы / Исслед. и пер. М., 1959.
- Щуцкий Ю.К.* Китайская классическая «Книга перемен» / Пер. и исслед., предисл. Н.И. Конрада. М., 1960.

- Шуцкий Ю.К.* Китайская классическая «Книга перемен». 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. А.И. Кобзева. М., 1993.
- Экономическая реформа в КНР: Преобразования в городе, 1979–1984: документы / Отв. ред. В.Н. Ремыга. М., 1994. (пер. с кит.)
- Экономическая реформа в КНР: Преобразования в городе, 1985–1988: документы / Отв. ред. И.Б. Шевель. М., 1993. (пер. с кит.)
- Экономическая реформа в КНР: Преобразования в деревне, 1978–1988: документы / Отв. ред. Л.Д. Бони. М., 1993. (пер. с кит.)

Дневники и мемуары

- Верещагин Б.Н.* В старом и новом Китае. Из воспоминаний дипломата. М., 1999.
- Елизаветин А.И.* Записки советского посла. М., 2012.
- Крутиков К.А.* На китайском направлении. Из воспоминаний дипломата. М., 2003.
- Федоренко Н.Т.* Беседы с Мао Цзэдуном на пути в Москву. Декабрь 1949 г. // НИИ. М., 1996. № 6.

Литература

На русском языке

- 30 лет реформ в КНР: опыт, проблемы, уроки // XVII МНК ККЦиМ: тез. докл. В 2 ч. М., 2008.
- 60 лет КНР: Шестидесятилетие дипломатических отношений СССР/РФ и КНР // XVIII МНК ККЦиМ: тез. докл. В 2 ч. М., 2009.
- Абаев Н.В.* Чань-буддизм и культура психической деятельности в средневековом Китае. Новосибирск, 1983.
- Абаев Н.В.* Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. Новосибирск, 1989.
- Абраменков А.В.* Совместные свободные экономические зоны в российско-китайском сотрудничестве // Российский внешнеэкономический вестник. М., 2010. № 8.
- Авдокушин Е.Ф.* Свободные (специальные) экономические зоны. М., 1993.
- Авдокушин Е.Ф., Жариков М.В.* Страны БРИКС в современной мировой экономике. М., 2013.
- Аграрная проблема Китая (конец XX – начало XXI в.) / Отв. ред. В.И. Шабалин. М., 2009.
- Аграрно-крестьянская проблема в Китае в первой половине XX века. М., 1994.
- Аджимамудова В.С.* Тянь Хань: портрет на фоне эпохи. М., 1993.
- Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К.* Организационная структура Коминтерна (1919–1943). М., 1997.
- Адибеков Г.М., Шириня К.К.* Предисловие // Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Док. М., 2004.
- Актуальные проблемы экономики КНР / Отв. ред. В.Я. Портяков // ИБ ИДВ РАН. М., 1999. № 5.
- Алагуева Т., Васильева К., Островский А.* Образ россиян в глазах китайцев и образ китайцев в глазах россиян на сопредельной территории // ПДВ. М., 2007. № 4.
- Александрова М.В.* Вступление Китая в ВТО и перспективы российско-китайского торгово-экономического сотрудничества // Ловушки либерализации: (Китай и ВТО). М., 2001.
- Александрова М.В.* Китай и Россия: особенности регионального экономического взаимодействия в период реформ. М., 2003.
- Александрова М.В.* Особенности российско-китайского взаимодействия в области лесопромышленного комплекса // ВНИ. М., 2003. № 4.
- Александрова М.В.* Программа соразвития Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая в свете целесообразности привлечения китайской рабочей силы России // Привлечение трудовых мигрантов или аутсорсинг? Материалы круглого стола. М., 2011.
- Александрова М.В.* Российско-китайское инвестиционное сотрудничество: вчера, сегодня, завтра // Российско-китайское сотрудничество в Северо-Восточной Азии: к устойчивому развитию и взаимному процветанию. М., 2012.
- Александрова М.В.* Сибирь и Синьцзян: возможности и направления взаимодействия // ВНИ. Реформы вчера, сегодня, завтра. М., 2001. № 11.

- Александрова М.В.* Состояние, проблемы и потенциал приграничного и межрегионального сотрудничества РФ и КНР // Российско-китайские отношения: состояние, перспективы. М., 2005.
- Александрова М.В.* Экономическое взаимодействие регионов России и Китая в период реформ. М., 2005.
- Алексамян А.Г.* Манихейство в Китае: (опыт историко-философского исследования). М., 2008.
- Алексахина С.Н.* Опыт проведения экономических реформ в экспериментальных сельских районах КНР // ИБ ИДВ РАН. М., 1998. № 7.
- Алексахина С.Н.* Основные проблемы и тенденции формирования отраслевой структуры сельского хозяйства КНР // ИБ ИДВ РАН. М., 1991. № 13.
- Алексахина С.Н.* Северо-Восточный регион КНР: проблемы и предпосылки устойчивого развития // Усиление Китая: внутренние и международные аспекты // XV МНК ККЦиМ: тез. докл. В 2 ч. М., 2005. Ч. 1.
- Алексеев В.М.* Китай. М.–Л., 1940.
- Алексеев В.М.* Китайская литература (историко-библиографический очерк) // Китай: история, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость: сб. ст. / Под ред. В.М. Алексеева, Л.Н. Думана, А.А. Петрова. М.–Л., 1940.
- Алексеев В.М.* Китайская поэма о поэте: стансы Сыкун Ту (837–908): пер. и исслед. (с прил. кит. текстов). Пг., 1916.
- Алексеев В.М.* Наука о Востоке: ст. и док. М., 1982.
- Алексеев В.М.* Рабочая библиография китаиста. Книга руководств для изучающих язык и культуру Китая. СПб., 2010.
- Алексеев В.М.* Труды по китайской литературе. В 2 кн. Кн. 1. М., 2002; Кн. 2. М., 2003.
- Алексеев В.М.* Учение Конфуция в китайском синтезе // Труды по китайской литературе. В 2 кн. М., 2003.
- Аленко А.В.* Зарубежный капитал и предпринимательство на Дальнем Востоке России (конец XVIII в. – 1917 г.). Хабаровск, 2001.
- Аллаберт А.В.* Место конфуцианства в модернизации Китая (конец XX – начало XXI века). М., 2008.
- Алтайский М., Георгиев В.* Антимарксистская сущность философских взглядов Мао Цзэ-дуна. М., 1969. Альманах. Вызовы XX в. На переломе. М., 2007.
- Альманах. Форум-2008. Новое в междисциплинарных исследованиях и дебатах. М., 2008.
- Альманах. Форум-2009. Цивилизационные и национальные проблемы в кризисных условиях. М., 2009.
- Альтернативность исторического развития Китая во второй половине XX в.: матер. науч. конф. 13 мая 1998 г. М., 1999.
- Амиров В.Б.* Соединенные Штаты: демистификация Китая? // Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности. М., 2007.
- Амиров В.Б.* Экономические связи Японии с КНР и Тайванем: тенденции развития и вопросы стратегии // Модернизация Тайваня и перспективы отношений с Россией: сб. матер. науч. конф. ИМЭМО / Отв. ред. Г.И. Чуфрин. М., 2003.
- Андреева Н.В.* Проблемы и перспективы создания зоны свободной торговли между Китаем и АСЕАН. Дис. ... канд. экон. наук. М., 2005.
- Анисимов А.Н.* К оценке реального потенциала народного хозяйства КНР // РЭЖ. М., 1994. № 7.
- Анисимов А.Н.* Эконометрический анализ развития КНР. М., 1991.
- Анисимова И.В., Бармин В.А., Лысенко Ю.А., Старцев А.В.* История Синьцзяна: учеб. пособие. Барнаул, 2012.
- Антиповский А.А., Боровская Н.Е., Франчук Н.В.* Политика в области науки и образования в КНР: 1949–1979 гг. М., 1980.
- Антонов В.И.* О реформе органов государственной власти КНР в 1993–1994 гг. // Китайские традиции, культура и проблемы модернизации // V ККЦиМ: тез. докл. М., 1995.
- Арапова Т.Г.* Дальневосточный фарфор в России 17–20 вв. СПб., 1994.
- Арутюнянц А.Р., Свечников Д.В.* Юань выходит на российский валютный рынок // ЭКО. Новосибирск, 2010. № 11.
- Архив российской китаистики. В 2 т. / Отв. ред. А.Р. Вяткин. М., 2013.
- Архипов В.Я.* Бум в экономических отношениях Австралии с Китаем // Российский внешнеэкономический вестник. М., 2007. № 9.
- Асланов Р.М.* КПК: формирование стратегии на современном этапе (1977–1997) // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999. М., 1999.
- Асланов Р.М.* О роли КПК в государстве и обществе Китая // Как управляется Китай: Эволюция властных структур Китая в конце XX – начале XXI в. М., 2004.
- Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая / Вступ. ст., пер. и коммент. Л.Д. Позднеевой. М., 1967.

- Афанасьев Е.В., Логвинов Г.С.* Россия и Китай: на пороге нового тысячелетия // МЖ. М., 1995. № 11–12.
- Афонасьева А.В.* Зарубежные китайцы – бизнес в КНР: Экономическая деятельность зарубежных китайцев и реэмигрантов в КНР в ходе реформ (1979–2010 гг.). М., 2013.
- Афонасьева А.В., Каменнов П.Б., Островский А.В., Савинский С.П.* Наука и инновации как фактор социально-экономического развития Китая. // Научная и инновационная политика: Россия и мир 2011–2012 / Под общ. ред. Н.И. Ивановой, В.В. Иванова. М., 2013.
- Ахметиш Н.Х.* Переходные процессы в КНР: государство и общество (80–90-е годы) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13: Востоковедение. М., 1996. № 2.
- Ба Цзинь.* Избранное: сборник / Отв. ред. Л. Губарева, сост. и предисл. В. Сорокина. М., 1991.
- Бадалян Л., Криворотов В.* Особый путь Китая: новая парадигма производства – объектно-ориентированный дизайн и проблемы освоения труднодоступных территорий // ПДВ. М., 2011. № 4.
- Бажанов Е.* Тайваньская проблема. Позиции Тайбэя, Пекина, Вашингтона и Москвы // Проблемы и перспективы развития торгово-экономических, дипломатических, научных и культурных связей между Россией и Тайванем: матер. Междунар. конф. М., 2004.
- Бажанов Е.П.* Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. М., 2007.
- Баженова Е.* Население Китая в эпоху модернизации и экономических реформ // ПДВ. М., 2009. № 5.
- Баженова Е.С., Островский А.В.* Население Китая. М., 1991.
- Баженова Е.С., Островский А.В.* От Цинхя до Циндао: (Особенности экономической реформы в западных и восточных регионах КНР) // ПДВ. М., 2005. № 2.
- Баженова Е., Островский А.* Потенциал китайской миграции в Россию: оценки и перспективы // Миграция в России 2000–2012. Хрестоматия. В 3 т. Т. 1: Миграционные процессы и актуальные вопросы миграции. М., 2013. Ч. 2.
- Баженова Е., Островский А.* Синьцзян – новый облик древнего Шелкового пути. Алматы, 2012.
- Баженова Е., Островский А.* Трудовые ресурсы Китая // Отечественные записки. М., 2008. № 3.
- Баженова Е.С.* 1 300 000 000. Население Китая: стратегия развития и демографической политики. М., 2010.
- Баженова Е.С.* Китай в демографическом измерении. М., 1992.
- Баженова Е.С.* Синьцзян и новые горизонты великого Шелкового пути: (Внешняя торговля) // ПЭ. Хабаровск, 2011. № 2.
- Баженова Е.С.* Экономические и демографические аспекты современного развития Синьцзяна // ИМ ИДВ РАН. Сер. В: Общество и государство в Китае в ходе реформ. М., 2011. Вып. 26.
- Базьлев В.Н., Сорокин Ю.А.* Интерпретативное переводоведение. Пропедевтический курс: учеб. пособие. Ульяновск, 2000.
- Бакланов П.Я.* Факторы и направления развития российско-китайского сотрудничества // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. Владивосток, 2007. № 3.
- Балакин В.* Инвестиционная стратегия Китая в межкризисный период (1998–2008 гг.) // ПДВ. М., 2013. № 4.
- Балакин В.И.* Инвестиционная стратегия США, Японии и Евросоюза в отношении КНР. М., 2002.
- Балюк И.А., Портяков В.Я.* Рынок ценных бумаг в Китае. Рынок облигаций в КНР. Рынок акций в КНР. Вторичный рынок ценных бумаг // ИМ ИДВ РАН. Сер.: Проблемы экономического развития и сотрудничества в Северо-Восточной Азии. М., 1998. Вып. 6.
- Балюк М.А., Балюк И.А.* Экономическая реформа в КНР: государство и рынок. М., 1996.
- Бардаль А.* Транспортные связи Дальнего Востока РФ с Китаем: текущее состояние и перспективные проекты // ПДВ. М., 2010. № 5.
- Бармин В.А.* О деятельности КИ в создании Компартии в Синьцзяне 20-х – 30-х гг. XX в. // Вести Барнаульского гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. Барнаул, 2005. № 5.
- Барский К.* Центральная Азия под «непромокаемым зонтиком» ШОС // МЖ. М., 2012. № 5.
- Барский К.* Шанхайская организация сотрудничества накануне саммита в Бишкеке: основные задачи момента // МЖ. М., 2013. № 5.
- Барский К.М.* Эволюция политической системы Тайваня: последствия для геополитической ситуации в АТР // Российско-тайваньские отношения и их роль в развитии Азиатско-Тихоокеанского региона: сб. докл. М., 1997.
- Барышников В.Н.* Тайваньский вопрос в китайско-американских отношениях (1949–1958). М., 1969.
- Батчаев Э.О.* Становление демократической политической культуры на Тайване // Проблемы модернизации Тайваня: матер. науч. конф. 8 декабря 2000 г. М., 2001.
- Батчаев Э.О.* Тайваньский опыт приватизации предприятий общественного сектора // ПДВ. М., 1997. № 3.
- Бахтин М.М.* Особенности китайской литературы и ее история // Бахтин М.М. Эстетическое наследие и современность. Саранск, 1992.

- Белов Е.А. К истории русско-китайских отношений в Синьцзяне в период Синьхайской революции (1911–1913) // ПДВ. М., 1995. № 2.
- Белов Е.А. Краткая история Синьхайской революции 1911–1913: учеб. пособие. М., 2001.
- Белов Е.А. Россия и Китай в начале XX века: русско-китайские противоречия в 1911–1915 гг. М., 1997.
- Белов Е.А. Россия и Монголия (1911–1919 гг.) / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 1999.
- Белов Е.А. Тибетская политика России (1900–1914 г.) // Восток (Oriens). М., 1994. № 3.
- Белов Е.А. Учанское восстание в Китае (1911 г.). М., 1971.
- Белова А.С. КНР: неистребимый «черный» рынок акций // ААС. М., 2010. № 12.
- Белова А.С. Фондовый рынок КНР на современном этапе: система регулирования // ПДВ. М., 2010. № 6.
- Белоглазов Г.П. Аграрная реформа в Маньчжурии (Северо-Восточный Китай) 1945–1949 гг. Владивосток, 2009.
- Белозерова В.Г. Искусство китайской каллиграфии. М., 2007.
- Бергер, Я. Дэн Сяопин и экономические реформы в Китае // ПДВ. М., 2003. № 5.
- Бергер Я. Использование иностранных инвестиций в Китае // Инвестиции в России. М., 2004. № 3.
- Бергер Я. О достоверности экономического роста Китая и «китайской угрозе» // ПДВ. М., 2002. № 6.
- Бергер Я.М. Еще раз о китайской модели развития // Восток (Oriens). М., 2012. № 2.
- Бергер Я.М. Китайская модель развития и «Большой Китай» // Китай на пути к рынку. Модель развития, демография, образование. М., 1996.
- Бергер Я.М. Социально-экономическое развитие и углубление рыночных реформ в Китае // ПДВ. М., 2004. № 1.
- Бергер Я.М. Экономика Китая: о трудностях мнимых и реальных // СМ. М., 2011. № 9.
- Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая. М., 2009.
- Бергер Я., Михеев В. Фондовый рынок КНР // МЭиМО. М., 2008. № 6.
- Бернадский Ю.И. Развитие приграничного сотрудничества: каковы сами – таковы и сани // ЭКО. Новосибирск, 2010. № 11.
- Бир Р. Энциклопедия тибетских символов и орнаментов. М., 2011.
- Бирюлин Е.В. Закон КНР о предотвращении загрязнения окружающей среды твердыми отходами // ЭИ ИДВ РАН. М., 1997. № 8.
- Бирюлин Е.В. Проблема экстремальных ситуаций и стихийных бедствий в природоохранном законодательстве КНР // Китай на пути модернизации и реформ // Х МНК ККЦиМ: тез. докл. М., 1999. Ч. 1.
- Бирюлин Е.В., Кранина Е.И. Экологические проблемы КНР: опыт правового регулирования. М., 2005.
- Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М., 1997.
- Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Модель равноположенного развития: варианты «сберегающего» обновления // Полис. М., 1999. № 4.
- Богословский В.А. Политика XIII Далай-ламы в Тибете. М., 2002.
- Бокщанин А.А., Непомнин О.Е., Степугина Т.В. История Китая: древность, средневековье, новое время. М., 2010.
- Большой китайско-русский словарь по русской графической системе. В 4 т. / Под ред. И.М. Ошанина. М., 1983–1984.
- Болятко А.В. Военно-политические аспекты ситуации в районе Тайваньского пролива // Модернизация Тайваня и перспективы отношений с Россией: сб. матер. науч. конф. ИМЭМО / Отв. ред. Г.И. Чурфин М., 2003.
- Бони Л. Китай принимает вызов мирового рынка: стратегическая программа ускорения роста конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции на мировом рынке, 2003–2007 гг. // ПДВ. М., 2003. № 6.
- Бони Л.Д. Итоги, проблемы, перспективы перехода к рынку китайской деревни // ПДВ. М., 1998. № 1.
- Бони Л.Д. Китайская деревня на пути к рынку. М., 2005.
- Бони Л.Д. Рынок в китайской деревне (1978–1995 гг.). В 2 ч. // ИБ ИДВ РАН. М., 1997. № 5,6.
- Бони Л.Д., Волкова Л.А. Модернизация аграрного сектора // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999 / Отв. ред. М.Л. Титаренко. М., 1999.
- Боревская Н.Е. Интернационализация российских вузов: китайский вектор как часть Азиатско-тихоокеанского направления. М., 2013.
- Боревская Н.Е. Государство и школа: опыт Китая на пороге III тысячелетия. М., 2003.
- Боревская Н.Е. Китайская образовательная стратегия в азиатском контексте // Педагогика. М., 1997. № 3.
- Боревская Н.Е. Китайские педагогические об образовательных реформах в новой России // Педагогика. М., 2007. № 10.
- Боревская Н.Е. Модернизация или вестернизация? (Специфика китайской школы) // ПДВ. М., 1993. № 4.
- Боревская Н.Е. Негосударственные образовательные учреждения в Китае // Педагогика. М., 1999. № 1.

- Боревская Н.Е.* Новые механизмы финансирования высшей школы в КНР: китайский опыт в российском контексте. М., 2009.
- Боревская Н.Е.* Образование на Тайване / Современный Тайвань. Справочно-аналитические материалы // ИБ ИДВ РАН. М., 1992. Вып. 2.
- Боревская Н.Е.* Образовательная политика в Китае и России: сравнительный анализ // Педагогика. М., 1996. № 1.
- Боревская Н.Е.* О восприятии идей мировой педагогики в Китае // Педагогика. М., 1991. № 9.
- Боревская Н.Е.* Особенности китайской педагогики и системы образования в контексте этнопсихологии. М., 2007.
- Боревская Н.Е.* От школы классической к школе постиндустриальной // Китай на пути модернизации и реформ. М., 1999.
- Боревская Н.Е.* Очерки истории школы и педагогической мысли в Китае. М., 2002.
- Боревская Н.Е.* Регионализация как составная стратегии образования в Китае в 90-е годы // ПДВ. М., 1997. № 3.
- Боревская Н.Е.* Реструктуризация финансирования государственной системы образования в КНР // ПДВ. М., 2001. № 2.
- Боревская Н.Е.* Система императорских экзаменов в Китае // Педагогика. М., 2005. № 10.
- Боревская Н.Е.* Советская педагогика в оценках китайских ученых // Педагогика. М., 2007. № 8.
- Боревская Н.Е.* Традиции и современность в процессе модернизации системы образования в КНР // Образование в современном мире: достижения и проблемы. М., Пятигорск, 2009.
- Боревская Н.Е.* Управление образованием в Китае // Педагогика. М., 1992. № 11–12.
- Боревская Н.Е.* Школа в КНР. 1957–1972 гг. М., 1974.
- Боревская Н.Е., Гудошников Л.М.* Образовательное законодательство и образовательная система Китая // Образовательное законодательство и образовательные системы зарубежных стран. М., 2007.
- Боревская Н.Е., Торонцев С.А.* Китайская культура во времени и пространстве. М., 2010.
- Бородич В.Ф.* Проблемы трансформации политических систем России и Китая (конец XX – начало XXI в.): опыт сравнительного анализа. М., 2008.
- Борох Л.Н.* Конфуцианство и европейская мысль на рубеже XIX–XX веков. Лян Цичао: теория обновления народа. М., 2001.
- Борох О.Н.* Обсуждение проблем политической экономии в Китае во время дискуссий 1957 г. // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 5: Экономика. СПб., 2011. Вып. 2.
- Борох Л.Н.* Общественная мысль Китая и социализм (начало XX века). М., 1984.
- Борох О.* Перспективы экономики КНР: зарубежные оценки в зеркале китайской критики // ПДВ. М., 2003. № 3.
- Борох О.Н.* Современная китайская экономическая мысль. М., 1998.
- Борох О.Н.* Судьба экономиста в изменяющемся Китае: Чэнь Чжэньхань и его взгляды // ИМ ИДВ РАН. Сер. Е: Проблемы новейшей истории Китая. М., 2011. Вып. 1.
- Борох О.Н.* Экономическая мысль современного Тайваня: взгляд из России // Российско-тайваньские отношения и их роль в развитии Азиатско-Тихоокеанского региона: сб. докл. М., 1997.
- Борох О.* Экономические дискуссии в КНР в посткризисный период // ПДВ. М., 2011. № 4.
- Борох О., Ломанов А.* Неосоциализм Ху Цзиньтао и современная идеология КНР // Pro et Contra. М., 2005. № 3.
- Борох О., Ломанов А.* От «мягкой силы» к «культурному могуществу» // Россия в глобальной политике. 2012. № 4. <http://globalaffairs.ru/number/Ot-myagkoi-sily-k-kulturnomu-mogushestvu-15643>
- Бубенцов Е.В.* Духовный мир и традиции китайского крестьянства // ИБ ИДВ РАН. М., 1998. № 7.
- Бубенцов Е.В.* Сельское хозяйство Китая в 80-е гг.: динамика и проблемы развития // ИБ ИДВ РАН. М., 1993. № 12.
- Буланже П.А.* Будда. Конфуций. Жизнь и учение / Сост. С.В. Игошина. М., 1995.
- Бузов В.Г.* Изучение китайской философии в СССР // Великий Октябрь и развитие советского Китаеведения. М., 1968.
- Бузов В.Г.* Китай и китайцы глазами российского ученого. М., 2000.
- Бузов В.Г.* Марксизм и конфуцианство // ВФ. М., 2011. № 6.
- Бузов В.Г.* Мировоззрение китайского мыслителя XVII века Ван Чуань-шаня. М., 1976.
- Бузов В.Г.* Модернизация и духовные традиции в Китае // Китай: поиск гармонии: к 75-летию академика М.Л. Титаренко. М., 2009.
- Бузов В.Г.* Модернизация тайваньского общества. М., 1998.
- Бузов В.Г.* О переводе китайских классических философских текстов // Китай на пути к возрождению: к 80-летию академика М.Л. Титаренко. М., 2014.
- Бузов В.Г.* Современная китайская философия. М., 1980.

- Буров В.Г. Современный китайский марксизм. К итогам XVII съезда КПК // СМ. М., 2008. № 2.
- Буров В.Г. Социализм с китайской спецификой // Исторические судьбы социализма. М., 2004.
- Бутенко А. Вместо предисловия // Тригубенко М.Е. Азиатский «синдром» социализма. М., 1991.
- Бутенко А.П. Неравномерность развития и историческое забегание: Сравнительный анализ развития СССР, России, Китая и Вьетнама. М., 2000.
- Быков А.И. Экономическое сотрудничество в рамках ШОС: основные направления и перспективы развития. М., 2011.
- Быков Ф.С. Зарождение общественно-политической и философской мысли в Китае. М., 1966.
- Бэй-гуань: Краткая история российской духовной миссии в Китае / Сост. Б.Г. Александров. СПб., 2006.
- Ванин В.И. Государственный капитализм в КНР. М., 1974.
- Варакина М.И., Гурулева Т.Л. Экологические проблемы КНР: культурно-нравственный аспект. Чита, 2011.
- Васильев В.П. Очерки истории китайской литературы. СПб., 1880.
- Васильев В.П. Религии Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм. СПб., 1873.
- Васильев К.В. Истоки китайской цивилизации. М., 1998.
- Васильев Л.С. Древний Китай. В 3 т. Т. III. М., 2006.
- Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской мысли (формирование основ мировоззрения и менталитета). М., 1989.
- Вахрушин И. Фондовый рынок КНР: итоги развития: задачи и перспективы // ПДВ. М., 2011. № 5.
- Вахрушин И.В. Построение многоуровневого фондового рынка в Китае // Финансовая аналитика, проблемы и решения. М., 2013. № 8.
- Вахрушин И.В. Рынок ценных бумаг в КНР. Дис. ... канд. экон. наук. М., 2009.
- Вахрушин И.В. Факторы образования кризиса фондового рынка Китая // Финансовая аналитика, проблемы и решения. М., 2013. № 7.
- Вахрушин И.В. Фондовый рынок КНР и кризис // ААС. М., 2010. № 9.
- Вахрушин И.В. Фондовый рынок КНР. М., 2013.
- Вацук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этноэмиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток, 2002.
- Вековой путь Китая к прогрессу и модернизации: К 100-летию Синьхайской революции» // XIX МНК ККЦиМ: тез. докл. М., 2011.
- Веремеев Н.В. Договоренность о более тесном экономическом партнерстве между Гонконгом и КНР 2003 г. // Московский журнал международного права. М., 2012. № 4 (88).
- Верченко А.Л. Возращение Гоминыдана: некоторые итоги // Современный Тайвань. Справочно-аналитические материалы. М., 2010. Вып. 11 (19).
- Верченко А.Л. Китайские народные праздники. М., 2002.
- Верченко А.Л. Повседневная жизнь // История Китая с древнейших времен до начала XX века. В 10 т. Т. VII: Китайская Республика (1912–1949). М., 2013.
- Верченко А.Л. События Синьхайской революции в донесениях российского императорского консульства в Ханькоу // Восток (Oriens). М., 2012. № 4.
- Верченко А.Л. Четвертое поколение руководства КПК: отношения через Тайваньский пролив и позиция России // XLIV науч. конф. ОГК. М., 2014. Ч. 1.
- Веселов В.Т., Смирнов А.А. Россия, Китай, Индия: оптимальные формы и главные направления сотрудничества // Восток (Oriens). 1998. № 6.
- Взаимодействие России с Китаем и другими партнерами по Шанхайской организации сотрудничества. М., 2008.
- Взлетающий феникс. Современная китайская проза. М., 1995.
- Виноградов А.В. Китайская модель модернизации: поиски новой идентичности. М., 2005 (1-е изд); 2008 (2-е изд).
- Виноградов А.В. Политическая модернизация Китая // МЭиМО. М., 2011. № 6, 7.
- Виноградов А.В. Россия – Китай: параметры общности политической системы / КНР: проблемы демократизации и государственного управления // ИМ ИДВ РАН. Сер. В: Общество и государство в Китае в период реформ. М., 2007. Вып. 21.
- Виноградов А.В. Социализм или китайская специфика // IV МНК ККЦиМ: тез. докл. М., 1993. Ч. 2.
- Виноградов А.П. Власть, бизнес и коррупция в Китае // ПДВ. М., 2014. № 1.
- Виноградова Н.А. Ландшафтная архитектура // Духовная культура Китая: энциклопедия. В 6 т. Т. 6 (доп.). М., 2010.
- Виноградова Н.А. Пань Тянь-шоу и традиции живописи гохуа. М., 1993.
- Витковская Г., Зайончковская Ж. Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке: надежды и реалии // Перспективы дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия / Под ред. Г. Витковской и Д. Тренина. М., 1999.

- Власов С.Н., Тырцев С.А.* Перспективы российско-китайского сотрудничества в банковской сфере. Хабаровск, 2002.
- Внуков К.П.* Советология КНР и советско-китайские отношения (1970–1990 г.) // ИБ ИДВ РАН. М., 1992. № 8.
- Волкова Л.* Сельское хозяйство Китая // ПДВ. М., 2011. № 6.
- Волкова Л.А.* Проблемы регулирования подряда на землю в китайской деревне в 90-е гг. // Проблемы и потенциал устойчивого развития Китая и России в XXI веке // VII МНК ККЦиМ: тез. докл. М., 1996. Ч. 1.
- Волкова Л.А.* Реформа в китайской деревне. М., 1990.
- Волкова Л.А.* Социальные аспекты реформы в деревне // ИБ ИДВ РАН. М., 1999. № 6.
- Волкова Л.А., Коркунов И.Н.* Продовольственная проблема в Китае в условиях перехода к рынку // ПДВ. М., 1997. № 2.
- Волохова А.* Образ Китая в современной России. М., 2007 // ПДВ. М., 2008. № 4.
- Волохова А., Воропаева О.* Изменения в мире в начале 90-х годов и роль КНР: оценки китайских политологов // ПДВ. М., 1994. № 6.
- Волохова А.А.* Основы китайской дипломатии. М., 2007.
- Воробьев В.* Некоторые аспекты подготовки стратегии Шанхайской организации сотрудничества // МЖ. М., 2013. № 7.
- Воробьева Т.А.* Китай в эпоху перемен (1978–2005). Киров, 2005.
- Воронина М.В., Макарова Н.С., Собакина Д.М.* Инвестиционная привлекательность России для Китая. М., 2010.
- Воронова Т.А., Пермякова Е.В.* Сравнительный анализ современной бизнес-среды в России и Китае // Российский внешнеэкономический вестник. М., 2010. № 10, 11.
- Воронцов А.В.* Тайбэй – Пекин – международное сообщество // Тайваньский пролив в Азиатско-Тихоокеанском стратегическом контексте. М., 1998.
- Воронцов А.В.* Тайваньский пролив в контексте современной ситуации в Восточной Азии // Подъем Китая: значение для глобальной и региональной стабильности. М., 2007.
- Воронцов В.Б.* Судьба китайского Бонапарта. М., 1989.
- Воскресенский А.Д.* Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. М., 1995.
- Воскресенский А.Д.* Исторические омуты книги профессора Акихиро Ивасита // *Акихиро Ивасита*. 4000 километров проблем. Российско-китайская граница. М., 2006.
- Воскресенский А.Д.* Китай во внешнеполитической стратегии России // Внешняя политика и безопасность современной России (1991–1998): хрестоматия. В 2 т. М., 1999.
- Воскресенский А.Д.* Политические системы и модели демократии на Востоке. М., 2007.
- Воскресенский А.Д.* Размышления над новой книгой // Вестн. РАН. 2001. № 7.
- Воскресенский А.Д.* Россия и Китай: потенциал, перспективы, вызовы и проблемы регионального измерения отношений // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток, 2008.
- Воскресенский А.Д.* Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999.
- Воскресенский Д.Н.* Литературный мир средневекового Китая: китайская классическая проза на байхуа: собрание трудов. М., 2006.
- Восприятие в Китае образа России // *Тихвинский С.Л.* Избр. произв. В 5 кн. Кн. 6 (доп.). М., 2012.
- Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / Ред. В.И. Дятлов. Иркутск, 2011.
- Врагова Н.К., Симутина Н.Л.* Межбанковские расчеты как фактор цивилизованного развития внешне-торговых отношений приграничных регионов России и Китая // ДиК. М., 2007. № 2.
- Врадий С. Ю.* Линь Цзэсюй. Патриот, мыслитель, государственный деятель цинского Китая. Владивосток, 1993.
- Всероссийская научная конференция «Социально-экономическое положение современного Китая» (Москва, 11.03.2011) // ИМ ИДВ РАН. Сер. Ж: Социально-экономическое положение современного Китая. В 2 ч. М., 2012.
- Второй международный форум экономистов России и Китая (29–30 сент. 2004 г.): сб. докл. СПб., 2004.
- Вэнь Цзянь, Горбеец Л.А.* Даосизм в современном Китае // Петербургское Востоковедение. СПб., 2005.
- Гайда И.В.* Время и драматургия (театр КНР начала 90-х годов) // ИБ ИДВ РАН. М., 1995. №1.
- Гайда И.В.* Театр // КНР 55 лет. Политика. Экономика. Культура. М., 2004.
- Галенович Ю.М.* «Белые пятна» и «болевы точки» в истории советско-китайских отношений. В 2 т. Т. 1: От октября 1917 г. до октября 1949 г.; Т. 2: СССР и КНР (1949–1991 гг.). В 2 кн. М., 1992.
- Галенович Ю.М.* Возвращение Лю Шаоци. М., 2008.
- Галенович Ю.М.* Дао Ху-гуана. М., 2008.

- Галенович Ю.М. Девиз Ху Цзиньгао: социальная гармония в Китае. М., 2006.
- Галенович Ю.М. К вопросу о национальном самосознании китайцев в конце XX в. // ИБ ИДВ РАН. М., 1999. № 7.
- Галенович Ю.М. Китайские метаморфозы: Китай на пороге XXI века. М., 2006.
- Галенович Ю.М. Китайское чудо или китайский тупик? М., 2002.
- Галенович Ю.М. Коммунистическая партия Китая перед своим XVIII съездом // Десятилетие устойчивого развития // ИМ ИДВ РАН. Сер. В: Общество и государство в Китае в период реформ. М., 2012. Вып. 27.
- Галенович Ю.М. Мао Цзэдун вблизи. М., 2005.
- Галенович Ю.М. Москва – Пекин, Москва – Тайбэй. М., 2002.
- Галенович Ю.М. Прав ли Дэн Сяопин, или Китайские инакомыслящие на пороге XXI века. М., 2000.
- Галенович Ю.М. Пэн Дэхуай и Мао Цзэдун. М., 2005.
- Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке: Граница. М., 2001.
- Галенович Ю.М. Рубеж перед стартом: китайская проблема для России и США на пороге XXI века. М., 1999.
- Галенович Ю.М. Самоутверждение сыновей Тайваня. М., 2002.
- Галенович Ю.М. Тайвань – отрезанный ломоть Китая? // Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе: матер. науч. конф. 4 мая 2000 г. / Ред. А.Н. Карнеев, В.А. Козырев. М., 2000.
- Галенович Ю.М. Углубление взаимопонимания – ключ к развитию сотрудничества России и Тайваня // Российско-тайваньские отношения и их роль в развитии Азиатско-Тихоокеанского региона: сб. докл. М., 1997.
- Галенович Ю.М. Уход из жизни Дэн Сяопина и изменения в китайском руководстве / Китай на рубеже тысячелетий // ИМ ИДВ РАН. Сер. В: Общество и государство в Китае в ходе реформ. М., 1998. Вып. 3.
- Галенович Ю.М. Цзян Чжунчжэн, или Неизвестный Чан Кайши. М., 2000.
- Галенович Ю.М. Чжао Цзыян и реформы в Китае. М., 2012.
- Галлицкий В.П. Цзян Цзинго: трагедия и триумф сына Чан Кайши. М., 2002.
- Галлямова Л.И. Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX – начале XX в. Владивосток, 2000.
- Гальперин А.Л. Русская историческая наука о зарубежном Дальнем Востоке в XVIII – середине XIX в.: краткий обзор // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1956. Вып. 2.
- Ганишин В.Г. Китай и его соседи. На пути к гражданскому обществу. М., 2004.
- Ганишин В.Г. Китай: искушение либерализмом. М., 2009.
- Ганишин В.Г. Формирование гражданского общества в России и Китае. М., 2007.
- Ганишин Г.А. Восточный Китай – «локомотив» экономического развития // ИМ ИДВ РАН. Сер.: Проблемы экономического развития и сотрудничества в Северо-Восточной Азии. М., 1999. Вып. 11.
- Ганишин Г.А. Западный Китай – важный резерв ускорения экономического роста // Китайская Народная Республика в 1999 г. М., 2001.
- Ганишин Г.А. Региональная политика и размещение производительных сил // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999 / Отв. ред. М.Л. Титаренко. М., 1999.
- Ганишин Г.А. Северо-Западный Китай в фокусе перспектив экономического развития страны // Перспективы сотрудничества Китая, России и других стран Северо-Восточной Азии в конце XX – начале XXI в. // VIII МНК ККЦиМ: тез. докл. М., 1997. Ч. 1.
- Ганишин Г.А. Экономика КНР: реформа и развитие. Эволюция социально-экономического эксперимента // ИБ ИДВ РАН. М., 1997. № 3.
- Ганишин Г.А. Экономика современного Китая: возможности и реальность // ИБ ИДВ РАН. М., 1992. № 9.
- Ганишин Г.А. Экономическая реформа в Китае: эволюция и реальные плоды. М., 1997.
- Ганишин Г.А., Ушаков И.В. Китай: Экономико-географический очерк. М., 2004.
- Гао Ман. Память сердца: Анна Ахматова и Китай // ПДВ. 1990. № 3.
- Гао Ман. Пушкин и мы // Наш современник. 1999. № 10.
- Гарушняц Ю. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т II // ПДВ. М., 1997. № 4.
- Гельбрас В. Китай после Дэн Сяопина: проблемы устойчивого развития // Полис. М., 1995. № 1.
- Гельбрас В. Китай: «У пчелы спина полосатая, но тигром ее не назовешь» // Вопр. экономики. М., 2003. № 3.
- Гельбрас В. «Общий рынок» по-китайски: с помощью экспорта КНР стремится догнать и перегнать США // ААС. М., 2003. № 4.
- Гельбрас В. Реформы в КНР: проблема оценки итогов // МЭиМО. М., 1995. № 7.

- Гельбрас В.Г. Китайская Народная Республика: возрождение национальной идеи // Национальная идея: идеология, миф. М., 2004.
- Гельбрас В.Г. Китайская реальность России. М., 2001.
- Гельбрас В.Г. КНР – АСЕАН: факторы притягивания и отталкивания // Современные тенденции развития регионального экономического сотрудничества в Восточной Азии: матер. науч. конф. М., 2003.
- Гельбрас В.Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции. М., 2004.
- Гельбрас В.Г. Экономика Китайской Народной Республики: важнейшие этапы развития, 1949–2007: курс лекций. М., 2007.
- Гельбрас В.Г. Экономическая реформа в КНР: очерки, наблюдения, размышления. М., 1990.
- Гельбрас В.Г. Экономические связи с материковым Китаем как фактор модернизации Тайваня // Проблемы модернизации Тайваня: матер. науч. конф. 8 декабря 2000 г. М., 2001.
- Георгиевский С.М. Важность изучения Китая. СПб., 1890.
- Георгиевский С.М. Принципы жизни Китая. СПб., 1888.
- Герасимова Т.Г. Продолжающееся издание ИДВ РАН «Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура» и его место в развитии отечественного китаеведения // Образ Китая в современной России. М., 2007.
- Гирич Л.М. Постановление ЦК КПК об ускорении научно-технического прогресса в КНР // Китайская Народная Республика в 1995–1996 гг. М., 1997.
- Глобализация экономики Китая / Под ред. В.В. Михеева. М., 2003.
- Го Мо-жо. Философия древнего Китая. Десять критических статей / Общ. ред. и послеслов. Н.Т. Федоренко. М., 1961. (пер. с кит).
- Го Циюн. Исследования современного конфуцианства в КНР / Пер. с кит. А. Калкаевой // ПДВ. М., 2008. № 1.
- Го Ширли. Экономическая политика Тайваня. М., 1999.
- Головачев В.Ц. 20 лет российско-тайваньских отношений (1991–2011): история, современность, перспективы: к 80-летию академика В. С. Мясникова. М., 2011.
- Головачев В.Ц. Изучение этнографической истории Тайваня в российском востоковедении XIX–XXI вв. // Восток (Oriens). М., 2012. № 6.
- Головачев В.Ц. Проблемы и трудности тайваньского президента: к первой годовщине со дня вступления Чэнь Шуйбяня в должность президента Китайской Республики // Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе: матер. науч. конф. 4 мая 2000 г. / Ред. А.Н. Карнеев, В.А. Козырев. М., 2000.
- Головачев В.Ц. Тайвань на заре XXI века – смена символов, ритуалов и предрассудков // Подъем Китая: значение для глобальной и региональной стабильности. М., 2005.
- Головачева Л.И. Изучение «Лунь юй» и гипотеза развития китайской письменности // ПДВ. М., 2000 № 3.
- Головачева Л.И. Конфуций поистине непросто // XL науч. конф. ОГК. М., 2010.
- Голосова Е.В. Ландшафтное искусство. М., 2008.
- Гольгина К.И. «Великий предел»: Китайская модель мира в литературе и культуре (I–XIII вв.). М., 1995.
- Гончаров С.Н. Заметки о военно-техническом сотрудничестве Китая с СССР и Россией во 2-й половине XX в. М., 2013.
- Гончарук А. Атомная отрасль Китая: новый большой скачок? // Индекс безопасности. М. 2011. Т. 17. № 4.
- Гончарук А.В. Атомная энергетика КНР после Фукусимы // ААС. М., 2011. № 11, 12.
- Горбачев Б.Н. Вооруженные силы Китая: роль в общественно-политической жизни КНР в 1949–1979 годы. М., 1999.
- Горбунова С.А. Буддийские объединения в истории Китая XX в. (10-е – 90-е годы) // ИБ ИДВ РАН. М., 1998. № 2.
- Горбунова С.А. Китай: религия и власть: история китайского буддизма в контексте общества и государства. М., 2008.
- Гордеева И.В. Об особенностях современной позиции Японии в отношении Тайваня // ПДВ. М., 2012. № 1.
- Городецкая О.М. Поэтика иероглифа: (Размышления переводчика) // Восток (Oriens). М., 2002. № 6.
- Городецкая О.М. Четырежды «четыре печальных стиха»: К вопросу о принципах перевода китайской поэзии // XXXIII науч. конф. ОГК: тез. докл. М., 2003.
- Государственный строй КНР / Отв. ред. Л.М. Гудошников. М., 1988.
- Готлиб О.М. Основы грамматики китайской письменности. М., 2006.
- Границы Китая: история формирования / Под общ. ред. В.С. Мясникова, Е.Д. Степанова. М., 2001.
- Грибова Н.В. Развитие банковской системы Китая в современных условиях // Россия и глобальная экономика. М., 2007. № 8.

- Григорьев А.М.* Китайская политика ВКП(б) и Коминтерна. 1920–1937 // История Коммунистического Интернационала 1919–1943. Документальные очерки. М., 2002.
- Грицак Е.Н.* Тибет. М., 2005.
- Гудошников Л.М.* Становление и модернизация правовых институтов // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999. М., 1999.
- Гудошников Л.М., Асланов Р.М., Степанова Т.А.* Политическая система Китайской Народной Республики (структура основных институтов власти). М., 1996.
- Гудошников Л.М., Кокарев К.А.* Важный шаг в объединении Китая (о некоторых политико-юридических аспектах воссоединения Сянган с КНР) // Востоковедение и мировая культура: к 80-летию академика С.Л. Тихвинского. М., 1998.
- Гудошников Л.М., Кокарев К.А.* Политическая система Тайваня. М., 1999.
- Гудошников Л.М., Степанова Г.А.* Российские центры китаеведения: основные направления исследований в конце 1990-х годов // Образ Китая в современной России. Некоторые проблемы китайской истории и современной политики КНР в исследованиях российских и зарубежных ученых / Отв. ред. Н.Л. Мамаева. М., 2007.
- Гудошников Л., Яковлев М.* Обновление законодательства КНР о политико-юридических органах // ПДВ. М., 1996. № 1.
- Гумилев Л.Н.* Древний Тибет. М., 1996.
- Гуревич И.С.* Историческая грамматика китайского языка: язык прозы на байхуа периода Сун – Юань (пинхуа). СПб., 2008.
- Гурьян Н.В.* Стрoение первого китайского словаря «Эр я». Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
- Гусаров В.Ф.* Некоторые положения теории пути Хань Юя. М., 1977.
- Гусаров В.Ф.* Некоторые положения теории пути Хань Юя // Письменные памятники Востока // Историко-филол. исслед. Ежегодник 1972. М., 1977.
- Давыдов А.* КНР – США – Россия: обещают ли перемены во власти власть перемен? // ПДВ. М., 2013. № 2.
- Дагданов Г.Б.* Мэн Хаожань в культуре средневекового Китая. М., 1991.
- Дальний Восток и Забайкалье в России и АТР.* Хабаровск, 2007.
- Данилов В.Е.* Государственные промышленные предприятия КНР в условиях экономической реформы (1978–1990 гг.) // ИБ ИДВ РАН. М., 1991. № 7.
- Дао и даосизм в Китае.* М., 1982.
- Дарбасов В.Р., Борисов В.Д.* Аграрная реформа в Китае: опыт и проблемы. Якутск, 2002.
- Дацьишен В.Г.* История Российской духовной миссии в Китае. Гонконг, 2010.
- Дацьишен В.Г.* Китайцы в Сибири в X–XX вв.: проблемы миграции и адаптации. Красноярск, 2008.
- Дацьишен В.Г.* Митрополит Иннокентий Пекинский. Гонконг, 2011.
- Дацьишен В.Г.* Новая история Китая: учеб. пособие. Красноярск, 2003.
- Дацьишен В.Г.* Русско-китайская война. Маньчжурия 1900 г. СПб., 1996.
- Деваева Е.И.* Внешняя торговля Дальнего Востока России // ПДВ. М., 2005. № 4.
- Деваева Е.И.* Структура внешнеторговых потоков Дальнего Востока России // ПДВ. М., 2006. № 4.
- Деваева Е.И.* Экономическое сотрудничество Дальнего Востока России со странами Северо-Восточной Азии: состояние, проблемы, перспективы // ПДВ. М., 2004. № 1.
- Деваева Е.И., Котова Т.Е.* Товарные рынки Северо-Восточной Азии: ориентиры для экспорта Дальнего Востока России // ПЭ. Хабаровск, 2010. № 4.
- Дейч Т.* Китай – Африка: экономические отношения на рубеже XXI в. // ААС. М., 2006. № 4.
- Дейч Т.* Китайский капитал на рынках Африки // ААС. М., 2008. № 9.
- Дейч Т.Л.* Африка в стратегии Китая. М., 2008.
- Дейч Т.Л.* Китай и Африка: время перемен (80-е годы). М., 1992.
- Дейч Т.Л.* Опыт китайско-африканского экономического сотрудничества. М., 1998.
- Дейч Т.Л., Шубин В.Г.* Китай и Южная Африка: эволюция взаимоотношений. М., 1999.
- Деловой Китай: Экономика и связи Китая с Россией.* М., 2005. Т. 6, 7.
- Деловой Китай: Экономика и связи Китая с Россией.* М., 2005. Т. 8 (спец. вып.).
- Делюсин Л.* Китай: Модернизация и учение Конфуция // ААС. М., 2001. № 7.
- Делюсин Л.П.* Выступление по докладу проф. Чжэн Шу-пина // Опыт разделенных государств и отношения между двумя берегами Тайваньского пролива: (матер. конф.). М., 1997.
- Делюсин Л.П.* Китай в поисках путей развития. М., 2004.
- Делюсин Л.П.* Некоторые размышления о начале советско-китайского конфликта // Россия и современный мир. М., 1998. № 3.
- Демидо Н.Ю.* Архитектура // Духовная культура Китая: энциклопедия: В 6 т. Т. 6 (доп.). М., 2010.

- Дикарев А.Д. Демографические проблемы национальных меньшинств Китайской Народной Республики. М., 1996.
- Долгов К.М. Духовная культура Китая. Критический анализ и краткое изложение Энциклопедии «Духовная культура Китая» (в 6 т.). 2-е изд., доп. М., 2011.
- Доронин Б.Г. Конституции и политическая система Китайской Народной Республики. СПб., 2007.
- Древнекитайская философия. Эпоха Хань / Отв. ред. В.Г. Буров. М., 1990.
- Друзья А.В. Исторический опыт государственного регулирования внешней миграции на юге Дальнего Востока России (1858–2008 гг.). Благовещенск, 2010.
- Ду Фу / Проект Наталии Азаровой. М., 2012.
- Дубровская Д.В. Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552–1775 гг.). М., 2000.
- Духовная культура Китая: энциклопедия. В 6 т. / Гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 2006–2010. Т. 1: Философия. М., 2006; Т. 2: Мифология. Религия. М., 2007; Т. 3: Литература. Язык и письменность. М., 2008; Т. 4: Историческая мысль. Политическая и правовая культура. М., 2009; Т. 5: Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. М., 2009; Т. 6 (доп.): Искусство. М., 2010.
- Дятлов В., Кузнецов В. «Шанхай» в центре Иркутска. Экология китайского рынка // Байкальская Сибирь: Из чего складывается стабильность / Редкол. В.И. Дятлов, С.А. Панарин, М.Я. Рожанский. М., Иркутск. 2005.
- Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). М., 2000.
- Дятлов В.И., Рыжова Н.П., Шармашкева Н.Ж., Троякова Т.Г., Нестерова Е.И. «Чайнатаунь» в современной России / Отв. ред. В.И. Дятлов // Этнографическое обозрение. 2008. № 4.
- Егоров К.А. Представительная система Китая: история и современность. М., 1998.
- Елихина Ю.И. Тибетская живопись (тангка) из собрания Ю.Н. Рериха. СПб., 2010.
- Емельянова Т.М. Низовые органы самоуправления // Политическая система и право КНР в процессе реформ 1978–2005 гг. М., 2007.
- Емельянова Т.М. Проблемы женского движения в КНР (90-е годы) // Китайские традиции, культура и проблемы модернизации // V МНК ККЦиМ: тез. докл. М., 1995.
- Емельянова Т.М. Сравнительное исследование организаций самоуправления в Китае // Перспективы сотрудничества Китая, России и других стран Северо-Восточной Азии в конце XX – начале XXI века // VIII МНК ККЦиМ: тез. докл. М., 1998.
- Еремеев В.Е. «Книга перемен» и исчисление смыслов: статьи, очерки, доклады. М., 2013.
- Еремеев В.Е. Символы и числа «Книги перемен». М., 2005.
- Ефимов Г.В. Историко-библиографический обзор источников и литературы по новой и новейшей истории Китая. Л., 1980.
- Жигулева В.В. От плана к рынку: опыт КНР в области реформы системы ценообразования (1978–2005 гг.). М., 2006.
- Жигулева В.В. Проблемы рынка потребительских товаров в Китае // Китай и АТР на пороге XXI в. // IX МНК ККЦиМ: тез. докл. М., 1998. Ч. 1.
- Жигулева В.В. Становление рынка недвижимости в Китае // БП. М., 1997. № 12.
- Жигулева В.В. Страховой рынок Китая // Финансы. М., 2000. № 7.
- Жигулева В.В. Финансовая политика Китая после вступления в ВТО // ААС. М., 2013. № 6.
- Жуков В.В. Китайский милитаризм. 10–20-е годы XX в. М., 1988.
- Забайкальский край в трансграничном взаимодействии с КНР (региональное сотрудничество) / Ред. Н.А. Абрамова. Чита, 2010.
- Забяко А.П. Диаспоризация: китайский опыт // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып. 7: Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Мост через Амур. Благовещенск. 2006.
- Забяко А., Хаймурзина М. Понятие «религия» в трудах современных конфуцианцев // ПДВ. М., 2014. №1.
- Завадская Е.В. Ихэюань – сад, творящий гармонию. М., 1991.
- Завадская Е.В. Тайваньский постмодернизм (1981–1992) // ПДВ. М., 1995. № 3.
- Завидовская Е.А. Народная религия современного Тайваня: храмовые организации и праздники. СПб., 2012.
- Завидовская Е.А. Постмодернизм в современной прозе Китая. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
- Завидовская Е.А. Храмовые объединения и религиозная жизнь крестьян современного Китая. СПб., 2009.
- Завьялова О.И. Большой мир китайского языка. М., 2010.
- Завьялова О.И. Диалекты китайского языка. М., 1996.
- Завьялова О.И. Китайские диалекты и современное языкознание в КНР // Вопр. языкознания. 2009. № 6.

- Завьялова О.И.* Сино-мусульманские тексты: графика – фонология – морфонология // *Вопр. языкознания.* М., 1992. № 6.
- Зазерская Т.Г.* Советские специалисты и формирование военно-промышленного комплекса Китая (1949–1960 годы). СПб., 2000.
- Зайончковская Ж.* Возможно ли организовать переселение на Дальний Восток? // *Миграция.* 1997. № 3.
- Зайончковская Ж.* Перед лицом иммиграции. Соседство с Китаем поможет решить проблему острого дефицита рабочей силы // *Pro et Contra.* 2005. № 3 (30).
- Залесская О.В.* Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Владивосток, 2009.
- Занегин Б.Н.* США и Китай: конфликтный потенциал // *США – Канада: экономика, политика, культура.* 1999. № 3–4.
- Зельницкий А.Д.* Китайский «религиозный синкретизм». СПб., 2008.
- Зинин С.В.* Космос и человек в китайской культуре: звезды и восемь ветров «ба фэн». М., 1993.
- Зинин С.В.* Новые западные исследования по средневековой китайской литературе // *Восток (Oriens).* М., 1993. № 6.
- Зинин С.В.* Протест и пророчество в традиционном Китае: Жанр *яо* с древности до XVII века н.э. СПб., 1993.
- Зиновьев Г.В.* История американо-китайских отношений и тайваньский вопрос. 2-е изд. Томск, 2007.
- Зиновьев Г.В.* Китай и сверхдержавы. История внешней политики КНР (1949–1991). СПб., 2010.
- Значение научно-технического прогресса в экономике КНР в начале XXI в. // *ИМ ИДВ РАН. Сер. А: Проблемы экономического развития и сотрудничества в Северо-Восточной Азии.* М., 2001. Вып.15.
- Зограф И.Т.* Хрестоматия по китайскому языку (ранний байхуа и поздний вэньянь). СПб., 2005.
- Иванов А.В.* Без политики. Отношения России с Тайванем, Гонконгом и Макао // *Россия и Китай. Четыре века взаимодействия. История, современность и перспективы развития российско-китайских отношений* / Под ред. А.В. Лукина. М., 2013.
- Иванов А.И.* Материалы по китайской философии. Школа Фа. Хань Фэй-цзы. СПб., 1912.
- Иванов П.М.* Малые партии Китая в борьбе за демократию (1928–1947 гг.). М., 1999.
- Иванов П.М.* Некоторые проблемы развития российско-тайваньских отношений на современном этапе // *Российско-тайваньские отношения и их роль в развитии Азиатско-Тихоокеанского региона: докл. конф.* М., 1997.
- Иванов П.М.* Очерк истории Тайваня. Современный Тайвань. Иркутск, 1994.
- Иванов П.М.* Современное состояние российско-тайваньских отношений // *Тайваньский пролив в Азиатско-Тихоокеанском стратегическом контексте.* М., 1998.
- Иванов П.М.* Христианство на Тайване // *Гоминьдан и Тайвань: история и современность: матер. науч. конф. 23 апреля 1999 г.* / Ред.-сост. А.Н. Карнеев, В.А. Козырев. М., 1999.
- Иванов П., свящ.* Из истории христианства в Китае. М., 2005.
- Иванчиков А.Г.* Теоретические и практические аспекты привлечения иностранной технологии в КНР. М., 1991.
- Изотов Д.А.* Валютный курс и внешняя торговля КНР // *ПЭ. Хабаровск,* 2009. № 3.
- Изотов Д.А.* Внешняя торговля Китая: реакция на изменение валютного курса // *ПЭ. Хабаровск,* 2011. № 4.
- Изотов Д.А.* Оценка опыта КНР по выравниванию региональной дифференциации мерами трансфертной политики // *ПЭ. Хабаровск,* 2007. № 4.
- Изотов Д.А.* Пока только намерения: первые итоги реализации программы сотрудничества между восточными регионами России и Северо-Востоком КНР (2009–2018 гг.) // *ЭКО. Новосибирск,* 2011. № 3.
- Изотов Д.А., Кучерявенко В.Е.* Экономическое развитие Китая на современном этапе: (аналитический обзор). Хабаровск, 2007. Приложение к журналу ПЭ. Вып. 1.
- Илларионов А.* Секрет китайского экономического чуда // *Вопр. экономики.* М., 1998. № 4.
- Институт Дальнего Востока. Годы, люди, труды. Информационно-библиографический справочник / Отв. ред. М.Л. Титаренко. М., 2006.
- Интернационализация высшего образования: тенденции, стратегии, сценарии будущего. М., 2010.
- Ипатова А.С.* Важный документ в истории Российской духовной миссии в Китае (нач. XIX в.) // *В потоке научного творчества: к 80-летию академика В.С. Мясникова.* М., 2011.
- Ипатова А.С.* История российско-китайских отношений в документах и материалах // *ННИ.* М., 2013. № 2.
- Ипатова А.С.* История российско-китайских отношений в документах и материалах (XVII–XX вв.) // *ННИ.* М., 2013. № 2.
- Ипатова А.С.* Место Российской духовной миссии в Китае в истории российско-китайских отношений // *Востоковедение и мировая культура: к 80-летию академика С.Л. Тихвинского.* М., 1998.

- Ипатов А.С.* Научно-дипломатические функции Российской духовной Миссии в Пекине // Святитель Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский, апостол Америки и Сибири и его наследие. М., 2000.
- Ипатов А.С.* Посольство С.Л. Владиславича-Рагузинского по материалам его «Статейного списка» (1725–1729) // Вековой путь Китая к прогрессу и модернизации: К 100-летию Синьхайской революции // XIX МНК ККЦиМ: тез. докл. М., 2011.
- Ипатов А.С.* Российско-китайские отношения в XVII – первой трети XVIII в. Фрагменты истории (по материалам документальной серии «Русско-китайские отношения в XVII–XX вв.») / Китай в эпицентре глобальных проблем АТР // XX МНК ККЦиМ: тез. докл. М., 2013.
- Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки: посвящается 70-летию И. П. Петрушевского / Отв. ред. Г.В. Ефимов. Л., 1968. Вып. 2.
- История Востока. В 6 т. / Гл. редкол.: Р.Б. Рыбаков, М.С. Капица и др. М., 2002–2008.
- История китайской философии / Общ. ред. и послесл. М.Л. Титаренко. М., 1989.
- История Китая: учебник / Под ред. А.В. Меликсетова. М., 1998 (1-е изд.); 2002 (2-е изд.).
- История Китая с древнейших времен до начала XXI века. В 10 т. / Гл. ред. С.Л. Тихвинский. М., 2013–2014. Т. II: Эпоха Чжаньго, Цинь и Хань (V в. до н.э. – III в. н.э.) / Отв. ред. Л.С. Переломов. М., 2013; Т. VII: Китайская Республика (1912–1949) / Отв. ред. Н.Л. Мамаева. М., 2013; Т. X: Тайвань, Сянган (Гонконг), Аомэнь (Макао), зарубежная китайская диаспора / Отв. ред. Л.М. Гудошников, Г.А. Степанова. М., 2014.
- История Коммунистического Интернационала 1919–1943. Документальные очерки. М., 2002.
- История российской духовной миссии в Китае: сб. ст. / Ред. С.Л. Тихвинский и др. М., 1997.
- Как управляется Китай. Эволюция властных структур Китая в 80–90-е гг. XX века / Под ред. М.Л. Титаренко. 2001.
- Как управляется Китай. Эволюция властных структур Китая в конце XX в. – начале XXI в. / Под ред. М.Л. Титаренко. М., 2004.
- Калюжная Н.М.* Традиция и революция: Чжан Бинлинь – китайский мыслитель и политический деятель нового времени. М., 1995.
- Каменнов П.Б.* Военное строительство в 90-е гг. // ПДВ. М., 1997. № 3.
- Каменнов П.Б.* КНР: военная политика на рубеже веков. М., 2008.
- Каменнов П.Б.* Модернизация военно-промышленного комплекса КНР: достижения и проблемы // РЭЖ. М., 2012. № 3.
- Каменнов П.Б.* Мощная инновационная держава // ЭИ ИДВ РАН. М., 2012. № 2.
- Каменнов П.Б.* Проблемы обороны // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999 / Отв. ред. Титаренко М.Л. М., 1999.
- Каменнов П.Б., Островский А.В.* КНР. Анализ глобальных тенденций инновационной политики // Инновационная политика: Россия и мир 2002–2010 / Под общей ред. Н.И. Ивановой, В.В. Иванова. М., 2011.
- Канаев Е.А.* Конфликт из-за островов Южно-Китайского моря: история, характер урегулирования, перспективы эволюции. М., 2007.
- Капустин Д.Т.* Тайвань и Южная Корея в китайско-американских отношениях (1969–1979). М., 1980.
- Карпатьянц А.М., Крушинский А.А.* Современные достижения в формальном анализе «Дао дэ цзина» // От магической силы к моральному императиву: категория дэ в китайской культуре. М., 1998.
- Каретина Г.С.* Военно-политические группировки Северного Китая (Эволюция китайского милитаризма в 20–30-е годы XX в.). Владивосток, 2001.
- Каретина Г.С.* Традиционная культура и процесс модернизации в Китае // Россия и АТР. Владивосток, 2009. № 4.
- Каретина Г.С.* Чжан Цзолинь: политическая борьба в Китае в 20-е годы XX в. М., 1984.
- Карлусов В. и др.* Китай в ВТО: уроки поддержки национального бизнеса // ПДВ. М., 2004. № 1.
- Карлусов В., Калашиников Д.* Государственная поддержка предпринимательства в условиях вступления Китая в ВТО // Проблемы теории и практики управления. М., 2004. № 3.
- Карлусов В.В.* Частное предпринимательство в Китае. М., 1996.
- Карнеев А.Н.* Перипетии борьбы с «черным золотом» на Тайване после президентских выборов // Проблемы модернизации Тайваня: матер. науч. конф. 8 декабря 2000 г. М., 2001.
- Карнеев А.Н.* Президентские выборы на Тайване, проблемы «черного золота» и политической трансформации // Модернизация Тайваня и перспективы отношений с Россией: сб. матер. науч. конф. ИМЭМО / Отв. ред. Г.И. Чуфрин. М., 2003.
- Карнеев А.Н.* Теория «мирного подъема Китая» и Тайвань // На пути к созданию механизма обеспечения мира и стабильности в Тайваньском проливе. М., 2005.

- Карнеев А.Н., Козырев В.А., Писарев А.А. Власть и деревня в республиканском Китае (1911–1949) / Под ред. А.В. Меликсетова. М., 2005.
- Карнов М.В. Очерки политической экономии «социализма с китайской спецификой»: «многоколейный ленинизм» // Восток (Oriens). М., 2011. № 3, 4.
- Карнов М.В. «Социализм с китайским лицом» или капитализм по-китайски? // Восток (Oriens). М., 1996. № 3.
- Карнов М.В. Эволюция пекинского фактора в треугольнике отношений Москва – Пекин – Тайбэй // Российско-тайваньские отношения и их роль в развитии Азиатско-Тихоокеанского региона: докл. конф. М., 1997.
- Карнов М.В. Экономические реформы и политическая борьба в КНР (1984–1989). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.
- Картунова А.И. Забытый участник I съезда КПК // ПДВ. М., 1989. № 2.
- Картунова А. К завершению издания серии сборников документов «ВКП(б), Коминтерн и Китай. 1920 – май 1943 гг.» // ПДВ. М., 2008. № 1.
- Картунова А. Нейман-Никольский – участник I съезда КПК // ПДВ. М., 2006. № 4.
- Картунова А.И. Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1923 г. – июль 1927 г.). М., 2000 (1-е изд.); М., 2001 (2-е изд.).
- Кафаров П.И. (Палладий). Китайско-русский словарь. В 2 т. Пекин, 1888.
- Кашин В.Б. Новые нюансы военно-политической ситуации в Тайваньском проливе // ПДВ. М., 2005. № 1.
- Кашина Н. Российско-китайское инвестиционное сотрудничество: региональный аспект // Инвестиции в России. М., 2007. № 12.
- Кива А.В. Китайская модель реформ // ВИ. М., 2002. № 5.
- Кирдина С.Г., Кондрашова Л.И. Институциональный анализ китайской модели: теоретическая дискуссия и прогноз // ВНИ ИЭ РАН. М., 2009. № 3.
- Киреев А.А. КНР – США: экономические отношения // Традиционный Китай на пути к модернизации. М., 2013.
- Киселев В., Юркевич А. Становление современного понимания философии в Китае и творчество Ху Ши // ПДВ. М., 2006. № 5.
- Кистанов В. Антикитайская сеть Японии. Токио создает сдержки и противовесы Пекину по всему миру // НГ. 10.07.2013.
- Китай // БСЭ. 2-изд. 1954. Т. 21.
- Китай в ВТО: уроки поддержки национального бизнеса // ПДВ. М., 2004. № 1.
- Китай в XXI веке: шансы, вызовы и перспективы // XI МНК ККЦиМ: тез. докл. М., 2000. Ч. 1.
- Китай в диалоге цивилизаций: к 70-летию академика М.Л. Титаренко. М., 2004.
- Китай в мировой и региональной политике: история и современность.: ежегодный сб. ИДВ РАН. М., 2008. Вып. XIII (спец.).
- Китай в мировой политике. М., 2001.
- Китай в начале XXI в. М., 2011. (пер. с вьетн.).
- Китай в эпицентре глобальных проблем АТР // XX МНК ККЦиМ: тез. докл. М., 2013.
- Китай глазами китайских друзей. М., 2012.
- Китай и Россия: общее и особенное в социально-экономическом развитии: сб. / Под ред. Л.В. Никифорова, Т.Е. Кузнецовой, М.Б. Гусевой. М., 2005.
- Китай и Россия: развитие экономических реформ / Под ред. Л.В. Никифорова и др. М., 2003.
- Китай и Россия: социально-экономическая трансформация / Под ред. Л. В. Никифорова, Т.Е. Кузнецовой, М.Б. Гусевой. М., 2007.
- Китай: инвестиционная стратегия и перспективы для России / Отв. ред. Л.В. Новоселова. М., 2008.
- Китай: история в лицах и событиях. М., 1991.
- Китай: история, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость: сб. ст. / Под ред. В.М. Алексеева, Л.Н. Думана, А.А. Петрова. М.–Л., 1940.
- Китай: краткий исторический словарь. Волгоград, 1997.
- Китай на пути к рынку. Модель развития, демография, образование. М., 1996.
- Китай на пути к возрождению: к 80-летию академика М.Л. Титаренко. М., 2014.
- Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999 / Отв. ред. М.Л. Титаренко. М., 1999.
- Китай: плюсы и минусы эволюционного перехода к рынку: сб. ст. М., 1996.
- Китай: поиск гармонии: к 75-летию академика М.Л. Титаренко. М., 2009.
- Китай, Польша и Россия: стратегия трансформации, структурный поворот / Отв. ред. Л.В. Никифоров, Т.Е. Кузнецова, М.Б. Гусева. М., 2010.
- Китай, Польша, Россия. Стратегические приоритеты развития: общие и особенные / Отв. ред. Л.В. Никифоров, Т.Е. Кузнецова. М., 2012.

- Китай, Россия, страны АТР и перспективы межцивилизационных отношений в XXI веке // XII МНК ККЦиМ: тез. докл. В 3 ч. М., 2001.
- Китай: угрозы, риски, вызовы развитию / Под ред. В.В. Михеева. М., 2005.
- Китай: шансы и вызовы глобализации // XIV МНК ККЦиМ: тез. докл. М., 2003.
- Китайская культура 20–40-х годов и современность. М., 1993.
- Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. М., 1973.
- Китайская Народная Республика: экономика, политика, культура в 1991 г. / Гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 1994.
- Китайская Народная Республика: экономика, политика, культура в 1992 г. / Гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 1994.
- Китайская Народная Республика: экономика, политика, культура в 1993–1994 гг. / Гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 1995.
- Китайская Народная Республика: экономика, политика, культура в 1995–1996 гг. / Гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 1997.
- Китайская Народная Республика: экономика, политика, культура в 1997 г. / Гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 1999.
- Китайская Народная Республика: экономика, политика, культура в 1998 г. / Гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 2000.
- Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура в 2001 г. / Гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 2002.
- Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура в 2004–2005 гг. / Гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 2005.
- Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура в 2006 г. / Гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 2007.
- Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2010–2011 гг. / Гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 2011.
- Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2012–2013 гг. / Гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 2013.
- Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура: к 60-летию КНР. М., 2009.
- Китайская пейзажная лирика. В 2 т. М., 1999.
- Китайская философия и современная цивилизация: сб. ст. М., 1997.
- Китайская философия: энциклопедический словарь / Под ред. М.Л. Титаренко. М., 1994.
- Китайские педагоги об образовательных реформах в новой России // Педагогика. М., 2007. № 10.
- Китайские политологи о перспективах развития китайско-американских отношений после обмена визитами между Цзян Цзэмином и Б. Клинтон / Сост., авт. предисл. В.Н. Барышников // ЭИ ИДВ РАН. М., 1999. № 4.
- Китайские реформы и Россия. В 2 т. / Сост. и ред. А.М. Круглов. М., 2000.
- Китайские социальные утопии. М., 1987.
- Китайский поэт Золотого века. Ли Бо: 500 стихотворений в переводе С. Торопцева. М., 2011.
- Китайско-русский словарь / Под ред. И.М. Ошанина. М., 1952; 1955 (2-е изд., испр. и доп.).
- Книга дворцовых интриг. Евнухи у кормила власти в Китае / Под общ. ред. Д.Н. Воскресенского. М., 2002.
- КНР – ВТО: итоги первых лет // ЭИ ИДВ РАН. М., 2005. № 2.
- КНР 55 лет: политика, экономика, культура / Гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 2004.
- КНР в России за последние десять лет (1999–2009 гг.) // ПДВ. М., 2009. № 5.
- Кобзев А.И. Восток и Запад в эпоху информационной революции / II Всерос. конф. «Китайская философия и современная цивилизация» // ИМ ИДВ РАН. Сер.: Идеино-теоретические тенденции в современном Китае: национальные традиции и поиски путей модернизации. М., 1996. Вып. 1.
- Кобзев А.И. Дэ и коррелятивные ей категории в китайской классической философии // От магической силы к моральному императиву: категория дэ в китайской культуре. М., 1998.
- Кобзев А.И. Учение Ван Янмина и классическая китайская философия. М., 1983.
- Кобзев А.И. Учение о символах и числах в китайской классической философии. М., 1993.
- Кобзев А.И. Философия китайского неоконфуцианства. М., 2002.
- Кобзев А.И. Энциклопедизм китайской культуры и энциклопедия «Духовная культура Китая» // Китай: поиск гармонии: к 75-летию академика М.Л. Титаренко. М., 2009.
- Коваленко В.Н. Формирование «Большого Китая»: Экономическое взаимодействие Гонконга и КНР / Под ред. С.Ф. Сутырина. СПб., 2012.
- Козлов А.А. Глобализация и взаимодействие Китая со странами АСЕАН // Китай в XXI веке: шансы, вызовы и перспективы // XI МНК ККЦиМ: тез. докл. М., 2000. Ч. 1.

- Козлов А.А. Гонконг накануне возвращения в Китай // МЖ. М., 1996. № 4.
- Козырев В.А. Местный финансовый кризис на Тайване 1998–1999 гг. и его особенности // Проблемы модернизации Тайваня: матер. науч. конф. 8 декабря 2000 г. М., 2001.
- Козырев В.А. Феномен местной фракционности и демократизация на Тайване // Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе: матер. науч. конф. 4 мая 2000 г. / Ред. А.Н. Карнеев, В.А. Козырев. М., 2000.
- Кокарев К.А. Политический режим и модернизация Китая. М., 2004.
- Коледенкова Н. Машиностроительный комплекс КНР // ПДВ. М., 2011. № 5.
- Коледенкова Н. Черная металлургия КНР // ПДВ. М., 2009. № 1.
- Коледенкова Н. Черная металлургия КНР: возможности и реальность // ПДВ. М., 2001. № 6.
- Коледенкова Н.Н. Машиностроение КНР: современное состояние и перспективы развития // ИМ ИДВ РАН. Сер.: Проблемы экономического развития и сотрудничества в Северо-Восточной Азии. М., 1999. Вып. 10.
- Коледенкова Н.Н. Современное состояние черной металлургии КНР и основные направления технического прогресса // ИБ ИДВ РАН. М., 1999. № 10.
- Колотов В.Н. Восточноазиатская дуга нестабильности как основной элемент системы региональной безопасности // Актуальные проблемы региональной безопасности современной Азии и Африки. СПб., 2013.
- Колотов В.Н. Вьетнам между США и КНР: историко-политологический анализ современной геополитической ситуации в регионе // Основные тенденции политического и экономического развития стран современной Азии и Африки. СПб., 2011.
- Колчин С., Ма Хайтао, Тон Вэй. Налоговая система в России и Китае. М. – Пекин, 2010 (тексты на русск. и кит. яз.).
- Комиссаров С.А., Азаренко Ю.А., Тимонова Е.В., Хачатурян О.А. Искусство китайской архитектуры. Новосибирск, 2011.
- Комиссина И.Н., Куртов А.А. Шанхайская организация сотрудничества: становление новой реальности. М., 2005.
- Коммунистическая партия Китая: история и современные проблемы: к 80-летию Коммунистической партии Китая. М., 2001.
- Кондратьева Е.Б. Грамматические особенности китайского языка эпохи Тан. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007.
- Кондрашевский А.Ф., Румянцева М.В., Фролова М.Г. Практический курс китайского языка. В 2 т. М., 2000.
- Кондрашова Л., Корнейчук Н. КНР: реформа и региональная экономическая политика. М., 1998.
- Кондрашова Л., Островский А. Урбанизация в КНР // ПДВ. М., 2000. № 3.
- Кондрашова Л.И. Индустриализация // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999 / Отв. ред. М.Л. Титаренко. М., 1999.
- Кондрашова Л.И. Китай ищет свой путь. М., 2006.
- Кондрашова Л.И. Приватизация с китайской спецификой: (Проблема классификации форм собственности) // РЭЖ. М., 2004. № 7.
- Кондрашова Л.И. Современные споры вокруг «Китайской модели». // Науч. докл. ИДВ РАН – 2011 / Гл. ред. М.Л. Титаренко. М. 2012.
- Кондрашова Л.И. Стоит ли укрепляться юаню? // ААС. М., 2010. № 8.
- Кондрашова Л.И. Точку ставить рано: начался «третий акт» китайской реформы // ААС. М., 2004. № 10.
- Конфуцианство в Китае: проблемы теории и практики. М., 1982.
- Коркунов И.Н. Сельское хозяйство КНР на рубеже XXI в. в свете программы развития экономики до 2010 года // Китай на пути модернизации и реформ // Х МНК ККЦИМ: тез. докл. М., 1999, Ч. 1.
- Коробова А.Н. Эволюция творчества Фэн Цзицзя. От остроконфликтных сюжетов к «прозе родного города». Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009.
- Корсун В.А. Внешняя политика Китая на пороге XXI века. М., 2002.
- Корсун В.А. Пекин и Тайбэй в борьбе за «советское наследие» // Российско-тайваньские отношения и их роль в развитии Азиатско-Тихоокеанского региона: сб. докл. М., 1997.
- Костяева А.С. Тайные общества Китая в первой четверти XX века. М., 1995.
- Котельникова Т.В. Семь лекций по истории Китая. Чита, 2005.
- Котляров Н. Присоединение Китая к ВТО: Анализ китайско-американских договоренностей // МЭиМО. М., 2003. № 6.
- Котляров Н.Н. Китайско-американские противоречия в области двусторонней торговли // ВБ. М., 2003. № 6.
- Котляров Н.Н. Экономические отношения КНР с США. М., 2003.

- Кочергин И.В. Регионоведение: Китай: учеб. М., 2013.
- Кочкин П. Основные факторы и тенденции развития экономических отношений между СРВ и КНР // ПДВ. М., 2006. № 5.
- Кравцова М.Е. История культуры Китая: учеб. пособие. СПб., 1998.
- Кравцова М.Е. Поэзия вечного просветления: Китайская лирика второй половины V – начала VI века. СПб., 2001.
- Кравцова М.Е. Поэзия древнего Китая: Опыт культурологического анализа. СПб., 1994.
- Кравцова М.Е. Хрестоматия по литературе Китая. Повествовательная проза. Поэзия. Драма. СПб., 2004.
- Кранина Е. Развитие животноводства Китая // ПДВ. М., 2011. № 6.
- Кранина Е. Роль аквакультуры в обеспечении продовольственной безопасности Китая // ПДВ. М., 2010. № 2.
- Кранина Е.И. Проблемы развития животноводства и водных промыслов в Китае // ПДВ. М., 1999. № 6.
- Кранина Е.И. Экологические проблемы устойчивого развития современной китайской деревни. М., 2008.
- Кривцов В.А. Эстетика даосизма. М., 1993.
- Круглов А.М. Сельские (волостно-поселковые) предприятия в КНР: роль и место в народном хозяйстве, проблемы и перспективы. В 2 ч. // ИБ ИДВ РАН. М., 1997. № 7, 8.
- Крушинский А. СССР, Коминтерн и китайский фактор Второй мировой войны // ПДВ. М., 2013. № 3.
- Крушинский А.А. Логика Древнего Китая. М., 2013.
- Крушинский А.А. Логика «И цзина»: дедукция в древнем Китае. М., 1999.
- Крюков В. Сунь Ятсен и «Третья революция»: шаньдунский вариант // ПДВ. М., 2001. № 6.
- Крюков В.М. Текст и ритуал. Опыт интерпретации древнекитайской эпиграфики эпохи Инь – Чжоу. М., 2000.
- Кузнецов В.С. Буддийский фактор во внешней политике КНР. М., 2006.
- Кузнецов В.С. Внешняя политика Китая в 1923–1937 гг. В 2 ч. М., 1992.
- Кузнецов В.С. Ислам в общественно-политической жизни КНР. М., 2002.
- Кузнецов В.С. Ислам в политической истории Китая. В 3 ч. // ИМ ИДВ РАН. М., 1996. № 7, 8, 9. Ч. 1: VIII в. – 60-е годы XIX в.; Ч. 2: 60-е годы XIX в. – 30-е годы XX в.; Ч. 3: 30-е годы XX в. – 1949 г.
- Кузнецов Д. Место, роль и политика КНР в международных отношениях в зеркале китайского общественного мнения // Современный Китай в системе международных отношений. М., 2012.
- Кузнецов И.Б. Китай – шанс России на новую экономику? // ЭКО. Новосибирск, 2011. № 1.
- Кузнецов С.Г. О некоторых проблемах банковской системы Китая // ДиК. М., 2003. № 9.
- Кузнецова В.В. Банковская система КНР. М., 2003.
- Кузнецова В.В. Экономические связи Тайваня с КНР: проблемы безопасности острова // Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе: матер. науч. конф. 4 мая 2000 г. / Ред. А.Н. Карнеев, В.А. Козырев. М., 2000.
- Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай – Россия 2050: стратегия соразвития. М., 2006.
- Кузык Б.Н., Шаумян Т.Л. Индия–Россия: стратегия партнерства в XXI веке. М., 2009.
- Кузьменко Л.И. Китайский фарфор с конца XVI до 80-х годов XVII в. // Грани творчества: сб. науч. ст. М., 2005. Вып. 2.
- Кулешиов В., Атанов Н., Безруков Л., Коржубаев А., Малов В., Санеев Б., Сысоева Н. О некоторых аспектах совершенствования российско-китайского межрегионального сотрудничества // ПДВ. М., 2010. № 6.
- Кулешиов В.В. Развитие Сибири и грани сотрудничества с Китаем // Экономическая наука современной России. М., 2002. № 1.
- Кулик А.Б. Российско-китайское экономическое сотрудничество // БП. М., 1997. № 12.
- Кулик Б.Т. Влияние советско-китайского конфликта на международные отношения // ИБ ИДВ РАН. М., 1997. № 13.
- Кулик Б.Т. К истории отношений КПСС и КПК (1956–1966 гг.) // Китай в мировой и региональной политике (история и современность). М., 2002.
- Кулик Б.Т. Китайская Народная Республика в период становления (1949–1952) // ПДВ. М., 1994. № 5, 6.
- Кулик Б.Т. О феномене внешней политики КНР. 1954–1956 гг. // ИБ ИДВ РАН. М., 1995. № 3.
- Кулик Б.Т. Советско-китайские отношения на пути к нормализации (1997–1989 г.) // ИБ ИДВ РАН. М., 1999. № 2.
- Кулик Б.Т. Советско-китайский раскол: причины и последствия. М., 2000.
- Кулик Б.Т. Строительство социализма с китайской спецификой // ННИ. М., 2003. № 5.
- Куликова Г.В. Россия–Китай: народная дипломатия. М., 2012.
- Кульнева П. Либерализация инвестиционного режима в Китае: новый этап // МЭМО. М., 2009. № 12.

- Кундадзе Г.Ф. Китай во внешней политике Японии // Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности. М., 2007.
- Курбатов В.П. Актуальные проблемы КНР: демография, агросфера, экология. М., 1996.
- Кучера С. Древнейшая и древняя история Китая. Древнекаменный век. М., 1996.
- Кучера С. История, культура и право древнего Китая: собрание трудов. М., 2012.
- Кычанов Е.И., Мельниченко Б.Н. История Тибета с древнейших времен до наших дней. М., 2005.
- Лаврушин О.И., Гончаренко Л.И., Маркина Е.В. Опыт реформирования финансовых и банковских систем России и Китая // ФиК. М., 2009. № 7.
- Лазарева Т.В. Автономный район Внутренняя Монголия – 60 лет со дня образования / КНР: поиски стабильности на пике мирового финансового кризиса // ИМ ИДВ РАН. Сер. В: Общество и государство в Китае в период реформ. М., 2009. Вып. 24.
- Лазарева Т.В. Кадровое строительство в национальных районах КНР (1949–1999). М., 2001.
- Лазарева Т.В. Проблемы малочисленных национальностей в КНР / Перспективы сотрудничества Китая, России и других стран Северо-Восточной Азии в конце XX – начале XXI века // VIII МНК ККЦИМ: тез. докл. М., 1998.
- Лазарева Т.В. Проблемы миграции и перемещения неханьского населения КНР в современных условиях / КНР: проблемы демократизации и государственного управления // ИМ ИДВ РАН. Сер. В: Общество и государство в Китае в период реформ. М., 2007. Вып. 21.
- Лазарева Т.В. Развитие и прогресс Синьцзяна (по материалам китайской печати) / Внутренняя политика КНР: история и современность // ИМ ИДВ РАН. Сер. В: Общество и государство в Китае в период реформ. М., 2011. Вып. 26.
- Лапердина В.В. Анализ экономического роста КНР на рубеже веков: проблемы оценки ВВП. Науч. докл. М., 2009.
- Лапердина В.В. Экономический рост КНР: Изменение модели развития (1993–2009 гг.). М., 2011.
- Латин Н.И., Тусунян Г.А. Вступительное слово к русскому изданию // Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). М., 2011.
- Ларин А.Г. Два президента, или Путь Тайваня к демократии. М., 2000.
- Ларин А.Г. Китайские мигранты в России и современность. М., 2009.
- Ларин А.Г. Отношения «через пролив»: некоторые итоги и перспективы // Проблемы модернизации Тайваня: матер. науч. конф. 8 декабря 2000 г. М., 2001.
- Ларин А. Сотрудничество берегов Тайваньского пролива: достижения, проблемы, перспективы // ПДВ. М., 2012. № 4.
- Ларин А.Г. Тайваньская модернизация на фоне российской и китайской // МЭиМО. М., 2011. № 12.
- Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона. Российско-китайские отношения на рубеже XX–XXI веков. Владивосток, 2006.
- Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России. Владивосток, 1998.
- Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х годов: проблема регионального взаимодействия. Владивосток, 1998.
- Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – начало XXI в. М., 2005.
- Ларин В.Л. Россия и Китай на пороге третьего тысячелетия: кто же будет отстаивать наши национальные интересы? Взгляд с российского Дальнего Востока // Внешняя политика и безопасность современной России (1991–1998): хрестоматия. В 2 т. М., 1999.
- Ларина Л.Л. Дальний Восток и его окружение глазами рядового дальневосточника. URL: http://www/dvforum.ru/2008/doclads/ks2_larina.aspx
- Лебедева Н.А. Сяо Хун. Жизнь, творчество, судьба. Владивосток, 1999.
- Лексютина Я. Обострение напряженности в Южно-Китайском море: взгляд из ЮВА, КНР и США // ПДВ. М., 2011. № 5.
- Лексютина Я.В. Проблема Тайваня во внешней политике США. СПб., 2009.
- Лексютина Я.В. США и Китай: линии соперничества и противоречий. СПб., 2011.
- Ленков П.Д. Философия сознания в Китае. Буддийская школа фасян (вэйши) // ПВ. СПб., 2006.
- Леонов С., Домнич Е. Инновационная политика Китая: роль прямых и косвенных экономических стимулов // ПДВ. М., 2010. № 6.
- Ли Фантин. Китайская пейзажная живопись жанра «горы-воды» («шаньшуйхуа»): эволюция и некоторые параллели. Дис. ... канд. искусств. М., 2003.
- Ли Цзи Шен, Казаринова О.В. Экономические реформы в Китае: учеб. пособие по спец. «Мировая экономика». Киров, 2001.
- Ли Юй. Полуночник Вэйян, или Подстилка из плоти. М., 1996.
- Линь Юйтан. Китайцы: моя страна и мой народ. М., 2010.

- Лисевич И.С. Мозаика древнекитайской культуры. М., 2010.
- Литвинов О. Проблемы российско-тайваньского взаимодействия // Проблемы и перспективы развития торгово-экономических, дипломатических, научных и культурных связей между Россией и Тайванем: матер. Междунар. конф. М., 2004.
- Литература и искусство КНР начала 90-х годов. М., 1992.
- Личность в традиционном Китае. М., 1992.
- Ломанов А. Постконфуцианская философская мысль Тайваня и Гонконга: 50–70-е годы XX в. // ПДВ. М., 1993. № 5.
- Ломанов А. Современная философия на Тайване: тенденции и перспективы // ПДВ. М., 1995. №3.
- Ломанов А. Хэ Линь и современное конфуцианство // ПДВ. М., 1999. № 5.
- Ломанов А., Борох О. Политические инновации КПК в контексте идейно-теоретических дискуссий в Китае (к итогам 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва) // ПДВ. М., 2004. № 1.
- Ломанов А., Борох О. Стратегия создания «могущественного культурного государства» (о решениях 6-го пленума ЦК КПК 17-го созыва) // ПДВ. М., 2012. № 1.
- Ломанов А.В. Новое руководство в Пекине и перспективы отношений двух берегов Тайваньского пролива // На пути к созданию механизма обеспечения мира и стабильности в Тайваньском проливе. М., 2005.
- Ломанов А.В. Современная философия на Тайване: тенденции и перспективы // ПДВ. М., 1995. № 3.
- Ломанов А.В. Современное конфуцианство: философия Фэн Юлани. М., 1996.
- Ломанов А.В. Судьбы китайской философской традиции во второй половине XX века. Фэн Юлань и его интеллектуальная эволюция // ИБ ИДВ РАН. М., 1998. № 1.
- Ломанов А.В. Тайвань на рубеже веков: философские традиции и культурная идентичность // Гоминьдан и Тайвань: история и современность: матер. науч. конф. 23 апреля 1999 г. / Ред.-сост. А.Н. Карнеев, В.А. Козырев. М., 1999.
- Ломанов А.В. Христианство и китайская культура. М., 2002.
- Лопатина А.В. Китай и Всемирная торговая организация: Политическая игра и объективная реальность // ВНИ ИМЭПИ РАН. М., 2001. № 9.
- Лоу Цинси. Десять этюдов по китайской архитектуре. М., 2009.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути. М., 1994.
- Лузянин С. Монголия: между Китаем и советской Россией (1912–1924) // ПДВ. М., 1995. № 2.
- Лузянин С. Ялтинская конференция и проблемы международно-правового оформления МНР накануне и в годы Второй мировой войны // ПДВ. М., 1995. № 2.
- Лузянин С.Г. Внешняя политика Китая: от регионального к глобальному // Российско-китайское сотрудничество в Северо-Восточной Азии: к устойчивому развитию и взаимному процветанию. М., 2012.
- Лузянин С.Г. Российско-китайское стратегическое партнерство: региональное, культурно-цивилизационное и образовательное измерения // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток, 2008.
- Лузянин С.Г., Мамонов М.В. Китай в глобальных и региональных измерениях: ресурсы и маршруты «возвышения» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М., 2011.
- Лузянин С.Г., Сафронова Е.И. Некоторые социально-политические аспекты тайваньской действительности на рубеже веков // Проблемы модернизации Тайваня: матер. науч. конф. 8 декабря 2000 г. М., 2001.
- Лукин А., Мочульский А. Шанхайская организация сотрудничества: структурное оформление и перспективы развития // Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО(У) МИД России. М., 2005. Вып. 2.
- Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М., 2007.
- Лукьянов А.Е. Дао «Книги Перемен». М., 1993.
- Лукьянов А.Е. Древнекитайская философия: курс лекций. М., 2011–2012. Ч. I: Становление китайской философии. Лекция 1: Миф и мифология. М., 2011; Лекция 2: Древнекитайский космос. М., 2012; Лекция 3: Архетипы культуры Дао. М., 2012; Лекция 4. Понятие философии у древних китайцев. М., 2012; Лекция 5: «Ши цзин» («Канон песен») в истоках философии. М., 2012; Лекция 6: «И цзин» («Канон перемен») – от архетипической графической системы к философскому слову. М., 2012.
- Лукьянов А.Е. Истоки Дао: древнекитайский миф. М., 1992.
- Лукьянов А.Е. Лаоцзы (философия раннего даосизма). М., 1991.
- Лукьянов А.Е. Лао-цзы и Конфуций: философия Дао. М., 2000.
- Лукьянов А.Е., Феоктистов В.Ф. Программа курса лекций «История китайской философии» для студентов философских факультетов высших учебных заведений России. М., 1998.
- Лукьянов А.Е., Абраменко В.П., Хуан Лилян. Лунь юй («Суждения и беседы»): учеб. пособие для старшеклассников, учащихся колледжей, студентов. М., 2012.
- Льлова М.С. Особенности развития фондового рынка Китая // Актуальные валютно-финансовые проблемы мира. М., 2007. Вып. 5.

- Лычагин А.И.* Китай: реформы в интересах народа: новейшая история реструктуризации государственных предприятий КНР. Н. Новгород, 2004.
- Любомудров А.В.* Прямые иностранные инвестиции в экономику Китая // Российский внешнеэкономический вестник. М., 2010. № 2, 3.
- Люди и идеи: К 50-летию ИДВ РАН / Отв. ред. А.В. Островский. М., 2006..
- Лян Шумин.* В чем специфика китайской культуры? / Пер. с кит. А. Калкаевой // ПДВ. М., 2004. № 4.
- Мазырин В.* КАФТА – новый формат экономического взаимодействия в Восточной Азии // МЭиМО. М., 2010. № 11.
- Майборода Д.* Саммиты КНР – ЕС // ПДВ. М., 2010. № 3.
- Макеев Ю.* Фондовый рынок Китая // Рынок ценных бумаг. М., 2003. № 5.
- Макиенко К.* Опасно ли торговать оружием с Китаем? // Pro et Contra. М., 1998. № 1.
- Макроэкономическое регулирование аграрной сферы в КНР / Отв. ред. И.Н. Коркунов // ИБ ИДВ РАН. М., 1999. № 6.
- Максимов А.А.* Экономика Тайваня: итоги и перспективы развития. М., 1991.
- Машиновская Т.А.* Очерк истории китайской классической драмы в жанре цзацзюй (XIV–XVII вв.). М., 1996.
- Малявин В.* Конфуций. М., 1992. (ЖЗЛ).
- Малявин В., Чэнь Цзявэй.* Демократическая прогрессивная партия и особенности политического строя на Тайване // ПДВ. М., 2012. № 6.
- Малявин В.В.* Китай в 16–17 вв.: Традиция и культура. М., 1995.
- Малявин В.В.* Китайская цивилизация. М., 2000.
- Малявин В.В.* Молния в сердце. Духовное пробуждение в китайской традиции. М., 1997.
- Малявин В.В.* Основные этапы развития школьного образования в древнем и средневековом Китае // Очерки истории школы и педагогической мысли древнего и средневекового Востока. М., 1988.
- Малявин В.В.* Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового времени. М., 2000.
- Малявин В.В.* Чжуан-цзы. М., 1985.
- Мамаев А.* Развитие рынка программного обеспечения в КНР // ПДВ. М., 2006. № 5.
- Мамаев А.В.* Развитие наукоемких и высокотехнологичных производств в Китае (на примере нанотехнологий). Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2006.
- Мамаева Н.Л.* Гоминьдан в национально-революционном движении Китая (1923–1927). М., 1991.
- Мамаева Н.Л.* Коминтерн и Гоминьдан (1919–1929). М., 1999.
- Мамаева Н.Л.* Коммунистическая партия Китая в процессе реформы политической системы КНР // Как управляется Китай: Эволюция властных структур Китая в конце XX – начале XXI в. М., 2004.
- Мамаева Н.Л.* Коммунистическая партия Китая – ядро политической системы // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999. М., 1999.
- Мамаева Н.Л.* КПК на рубеже тысячелетий // Коммунистическая партия Китая: история и современные проблемы: к 80-летию Коммунистической партии Китая. М., 2001.
- Мамаева Н.Л.* Партия и власть. Компартия Китая и проблемы реформы политической системы. М., 2007.
- Мамаева Н.Л.* Синьхайская революция и идея конституционного правления // ПДВ. М., 2011. № 5.
- Мамаева Н.Л.* Современные историки КНР о республиканском периоде истории Китая (1912–1949). От старых стереотипов к новым подходам // ННИ. М., 2009. № 6.
- Мандрыка Н.Н.* Связь в КНР (80-е – 90-е гг.) // Китай в XXI веке: шансы, вызовы и перспективы // IX МНК ККЦиМ: тез. докл. М., 2000. Ч. 1.
- Мандрыка Н.Н.* Транспорт и связь // Китайская Народная Республика в 1995–1996 гг. М., 1997.
- Манежев С.А.* Иностранный капитал в экономике КНР. М., 1990.
- Мардашев А.* Китайская Народная Республика и Европейский союз: процесс становления всестороннего стратегического партнерства и перспективы его дальнейшего развития // ПДВ. М., 2009. № 3.
- Мартынов Д.Е.* Кан Ю-вэй: жизнеописание. Казань, 2010.
- Мартынов Д.Е.* Конфуцианское учение и маоизм: из истории социально-политической теории и практики Китая в XX веке. Казань, 2006.
- Мартынов Д.Е.* Конфуцианское учение: учеб. пособие. Казань, 2009.
- Масалимова Д.Д.* Поэзия государства Цзинь (1115–1235 гг.). Улан-Удэ, 2001.
- Маслов А.А.* Россия – Китай: этапы и проблемы образовательного обмена в XX–XXI веках // Сотрудничество России и КНР в сфере образования: анализ прошлого и перспективы будущего / Науч. ред. Н.Е. Боревская. М., 2009.
- Машина О.А.* Научно-технический потенциал КНР: прогнозы и реальность // Общество, государство, политика. М., 2011. № 1.
- Машина О.А.* Особенности научно-технического прорыва КНР // Общество, государство, политика. М., 2011. № 2.

- Международный молодежный экономический форум «Россия и Китай: вектор развития»: матер. науч.-практ. конф., 11–16 октября 2012 г. Благовещенск, 2013.
- Меликсетов А.В. Социально-экономическая политика Гоминьдана в Китае (1927–1949). М., 1977.
- Меликсетов А.В. Тайваньский прецедент // Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе: матер. науч. конф. 4 мая 2000 г. / Ред. А.Н. Карнеев, В.А. Козырев. М., 2000.
- Мелихов Г.В. Белый Харбин. М., 2003.
- Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991(1-е изд.); 1994 (2-е изд.)
- Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924). М., 1997.
- Мельникова Н.И. Проблемы единого фронта и сотрудничества между Гоминьданом и КПК в первые годы войны // История Китая с древнейших времен до начала XXI века. В 10 т. / Гл. ред. С.Л. Тихвинский. Т. VII. М., 2013.
- Мельянцева В.А. Тайвань: слагаемые эффективного экономического развития // Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе: матер. науч. конф. 4 мая 2000 г. / Ред. А.Н. Карнеев, В.А. Козырев. М., 2000.
- Меньшиков Л.Н. Об изучении китайских письменных памятников // Проблемы советского китаеведения. М., 1973.
- Меньшикова М.Л. Китайские шелковые ткани из Египта // Сообщения Государственного Эрмитажа. СПб., 1997. Вып. 57.
- Меньшикова М.Л. Ли Хун-чжан и Николай II: к вопросу об истории некоторых китайских вещей в коллекции Эрмитажа // Кунсткамера: Этнографические тетради. СПб., 1995. Вып. 7.
- Миграционная ситуация на Дальнем Востоке и политика России: науч. докл. Вып. 7. М., 1996.
- Милюбанов С.Д. Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов. М., 1995.
- Милюбанов С.Д. Востоковеды России (XX – начало XXI века): биобиблиограф. словарь. В 2 кн. М., 2008.
- Минакир П.А. Россия – Китай на Дальнем Востоке: мнимые страхи и реальные угрозы // ПЭ. Хабаровск, 2009. № 3.
- Минаков Ю.В. Экологическая ситуация в Китае на современном этапе // Проблемы и потенциал устойчивого развития Китая и России в XXI веке // VI МНК ККЦиМ: тез. докл. М., 1999. Ч. 1.
- Мировая экономика: прогноз до 2020 года / Под ред. А.А. Дынкина. М., 2007.
- Мировицкая Р.А. Китайская государственность и советская политика в Китае. Годы Тихоокеанской войны: 1941–1945. М., 1999.
- Михеев В. Китайская головоломка // Pro et Contra. М., 2005. № 3.
- Михеев В.В. Демократизация Китая: уровень, проблемы, тенденции // МЭиМО. М., 2006. № 7.
- Михеев В.В. Китай и азиатский регионализм // МЖ. М., 1999. № 9.
- Михеев В.В. Китай – Япония. Стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире. М., 2009.
- Михеев В.В. Российские подходы к проблеме участия России в азиатско-тихоокеанской интеграции // ПДВ. М., 1997. № 1.
- Мишин И.А. Микроэлектронная промышленность КНР в системе международного разделения труда // Россия и глобальная экономика. М., 2006. № 6.
- Многopартийность на Тайване / Сост. Л.М. Гудошников. М., 1999.
- Модернизация профессионального образования: теория, опыт, проблемы. М., 2012.
- Мозиас П. Перспективы инвестиционного сотрудничества России с Тайванем // ФиБ. М., 1997. № 4.
- Мозиас П. Экономическое взаимодействие России и Китая: от двустороннего формата к региональному // МЭиМО. М., 2011. № 11.
- Мозиас П.М. Китайский фактор во внешнеэкономической политике России // Финансы, деньги, инвестиции. М., 2009. № 2.
- Мозиас П.М. Финансовая реформа на Тайване // XXXIV науч. конф. ОГК: докл. М., 2004.
- Мозиас П.М. Экономическая политика Тайваня при президенте Чэнь Шуйбяне // МЭиМО. М., 2003. № 11.
- Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул, 2003.
- Моисеев Л.П. Через ШОС снимается масса проблем // МЖ. М., 2010. № 6.
- Молодцова Л.И. Китай углубляет реформу. М., 1995.
- Монзеллер Г.О. Религии в Китае // Китай: история, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость: сб. ст. / Под ред. В.М. Алексеева, Л.Н. Думана, А.А. Петрова. М.–Л., 1940.
- Мороз И.Т. Девятая Российская духовная миссия: (К истории ее отправления в Пекин) // История Российской духовной миссии в Китае. М., 1997.
- Мороз И.Т. Из истории русско-китайских отношений в 1901–1902 гг. (по материалам российских архивов) // Восток – Россия – Запад: исторические и культурологические исследования: к 70-летию академика В.С. Мясникова. М., 2001.

- Мороз И.Т.* Китайское посольство Тулишэня к калмыцкому хану Аюке на Волгу (1712–1715 гг.) // ВА. 2009. № 2(20).
- Мороз И.Т.* О первом китайском посольстве в Москву (1729–1732) // Раздвигая горизонты науки: к 90-летию академика С.Л. Тихвинского. М., 2008.
- Мороз И.Т.* Первое китайское посольство в Санкт-Петербург (1732 г.) // ВА. 2010. № 2(22).
- Мороз И.Т.* Посольство Ю.А. Головкина и 9-я Российская духовная миссия в Китае // Православие на Дальнем Востоке: памяти святителя Николая, апостола Японии, 1836–1912. СПб., 1996.
- Мороз И.Т.* Российско-китайские пограничные отношения (Кяхта-Маймайчэн) // Востоковедение и мировая культура: к 80-летию акад. С.Л. Тихвинского. М., 1998.
- Мороз И.Т.* Судьба русско-китайского Московского договора 1896 г. // Китай в диалоге цивилизаций: к 70-летию академика М.Л. Титаренко. М., 2004.
- Москалев А.А.* Национальный вопрос: поиски и находки // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999. М., 1999.
- Москалев А.А.* Нация и национализм в Китае: эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму. М., 2005.
- Москалев А.А.* Теоретическая база национальной политики КНР (1949–1999). М., 2001.
- Мост через Амур. Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке: сб. материалов международного исследовательского семинара / Отв. ред. В.И. Дятлов. М., Иркутск, 2004.
- Мосяков Д.В.* Политика Китая в отношении стран Юго-Восточной Азии и ее влияние на безопасность и баланс сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Актуальные проблемы региональной безопасности современной Азии и Африки. СПб., 2013.
- Мотрич Е.Л.* Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России и проблемы китайской миграции // Российско-китайское сотрудничество: проблемы и решения. (матер. Всерос. науч.-практич. конф., МГИМО(У) МИД РФ, 21–22 декабря 2006 г.) / Ред. А.В. Лукин. М., 2007.
- Мугрузин А.С.* Аграрно-крестьянская проблема в Китае в первой половине XX века. М., 1994.
- Мугрузин А.С.* Аграрные отношения в Китае в 20–40-х годах XX в. М., 1970.
- Муромцева З.* Промышленная политика КНР в 2006–2015 гг. в свете задач индустриализации нового типа // ПДВ. М., 2011. № 4.
- Муромцева З.А.* Индустриальное развитие КНР в условиях экономической реформы (1978–1990 гг.) // ИБ ИДВ РАН. М., 1992. № 11.
- Муромцева З.* Фармацевтика Китая в XXI веке // ПДВ. М., 2005. № 1.
- Муромцева З.А.* Китайская Народная Республика: путь к индустриализации нового типа. М., 2009.
- Муромцева З.А.* Реформа в промышленности КНР: трудный путь // Обозреватель. М., 1996. № 8.
- Муромцева З.А.* Углубление реформы в государственном секторе промышленности // ПДВ. М., 1998. № 3.
- Муромцева З.А.* Химическое производство как индикатор индустриального развития КНР // ПДВ. М., 2011. № 3.
- Мясников В.С.* Дальний Восток России: миграционная политика // Миграция. 1996. № 1.
- Мясников В.С.* Десятилетие дружбы // Китайская Народная Республика в 1950-е годы: сб. док. В 2 т. / Под ред. В.С. Мясникова. Т. I. М., 2009.
- Мясников В.С.* Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы, XVII–XX вв. М., 1996.
- Мясников В.С.* Историко-культурные особенности экономического взаимодействия России с Китаем // Россия во внешнеэкономических отношениях: уроки истории и современность. М., 1993.
- Мясников В.С.* Россия и Китай: перспективы партнерства в АТР в XXI в. // Внешняя политика и безопасность современной России (1991–1998): хрестоматия. В 2 т. М., 1999.
- Мясников В.С.* Семь особенностей и семь моделей отношений России с Китаем (Россия и Китай на пороге тысячелетий) // Российское самодержавие и бюрократия: сб. ст. в честь Н.Ф. Демидовой. М.–Новосибирск, 2000.
- Мясников В.С.* Стратегическое взаимодействие России с Китаем и проблема Тайваня // Проблемы модернизации Тайваня: матер. науч. конф. 8 декабря 2000 г. М., 2001.
- Намозов О.* Китай, ВТО и мировая экономика // МЭиМО. М., 2002. № 11.
- Наумов И.Н.* Проблемы формирования и подъема уровня жизни населения КНР. М., 1993.
- Наумов И.Н.* Стратегия экономического развития КНР в 1996–2020 гг. и проблемы ее реализации. М., 2001.
- Неглинская М.А.* Производство расписных эмалей в пекинских придворных мастерских XVIII в. // Восток (Oriens). М., 2006. № 1.
- Непомнин О.Е.* История Китая XX века. М., 2011.
- Непомнин О.Е.* История Китая: эпоха Цин. М., 2005.

- Нестерова Е.И.* Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Владивосток, 2004.
- Ни Жуйцинъ.* Ба Цзинь и Л.Н. Толстой. Слово и мысль Льва Толстого. Казань, 1993.
- Никифоров В.Н.* Очерк истории Китая. II тысячелетие до н.э. – начало XX столетия / Отв. ред. Н.Л. Мамаева. М., 2002.
- Новая история Китая / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 1972.
- Новейшая история Китая. 1917–1927. М., 1983.
- Новейшая история Китая. 1928–1949. М., 1984.
- Новикова Е.В.* Китайский сад – модель взаимоотношений Человека и Природы // Человек и природа в духовной культуре Востока. М., 2004.
- Новоселова Л.* Новейшие проблемы государственного регулирования инвестиционной сферы в КНР // РЭЖ. М., 2007. № 11, 12.
- Новоселова Л.* О реализации инвестиционной составляющей стратегии экономического роста в КНР // РЭЖ. М., 2006. № 4.
- Новоселова Л.* Российско-китайское экономическое взаимодействие: проблемы оживления инвестиционной составляющей // РЭЖ. М., 2008. № 1, 2.
- Новоселова Л.* Экономическая реформа и государственное регулирование в КНР // ПДВ. М., 1999. № 1.
- Новоселова Л.В.* Инвестиционная политика и экономическая реформа в КНР. М., 1995.
- Новые моменты в экономической политике КНР / Отв. ред. В.Н. Ремыга // ИБ ИДВ РАН. М., 1994. № 1.
- Носов М.Г., Смольников С.В.* ЕС – Китай на пути к глобальному партнерству. М., 2005.
- О китайско-американских отношениях на современном этапе (К саммитам между председателем КНР Цзян Цзэминем и президентом США Б. Клинтонем) // ЭИ ИДВ РАН. М., 1997. № 10.
- Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае. (2001–2010). М., 2011 (пер. с англ.)
- Образ Китая в современной России. Некоторые проблемы китайской истории и современной политики КНР в исследованиях российских и зарубежных ученых / Отв. ред. Н.Л. Мамаева. М., 2007.
- Обсуждение сборника статей «История и современное состояние китайско-российских отношений» (Кайфэн, 2004, на кит. яз.) (Круглый стол) // ПДВ. М., 2005. № 3, 4.
- Ольсевич Ю.Я.* Влияние хозяйственных реформ в России и КНР на экономическую мысль Запада: учеб. пособие. М., 2007.
- Опыт реформирования финансовых и банковских систем России и Китая. В 2 ч. М., 2009.
- Опыт реформирования финансовых и банковских систем России и Китая (по материалам Международного форума «Опыт реформирования финансовых и банковских систем России и Китая», состоявшегося в Финансовой академии при Правительстве РФ) // ФиК. М., 2009. № 7.
- Орлова Н.А.* Арифмосемиотика в реконструкции В.Е. Еремеева // *Еремеев В.Е.* «Книга перемен» и исчисление смыслов: статьи, очерки, доклады. М., 2013.
- Осенчук В.В.* Чань-буддийская живопись и академический пейзаж периода Южная Сун (XII–XIII вв.) в Китае. М., 2001.
- Основные отрасли и сферы экономики современного Китая. В 2 кн. / Под ред. А.В. Островского. М., 2012. Кн. 2.
- Основные тенденции политического и экономического развития стран современной Азии и Африки. СПб., 2011.
- Особенности организации и учебно-воспитательной деятельности 12-летней школы в Азии. М., 2003.
- Островский А.* Выход из кризиса: специфика Китая // Проблемы теории и практики управления. М., 2009. № 6.
- Островский А.* Россия и Китай: изменения в социальной структуре общества // ПДВ. М., 2013. № 3.
- Островский А., Титаренко М.* Интересы России в США и перспективы использования многостороннего сотрудничества со странами региона для развития российского Дальнего Востока // ПДВ. М., 1995. № 2.
- Островский А.В.* Возможности Китая в решении энергетической проблемы // ЭП. М., 2010. Вып. 4, 5.
- Островский А.В.* Китайская модель перехода к рыночной экономике. М., 2007.
- Островский А.В.* КНР: проблемы занятости, трудоустройства, подготовки кадров. М., 1993.
- Островский А.В.* Некоторые особенности экономического развития КНР за 60 лет (1949–2009 гг.) // ПДВ. М., 2009. № 6.
- Островский А.В.* Опыт Китая в решении социальных проблем в условиях перехода к рыночной экономике // Науч. докл. ИДВ РАН – 2011 / Гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 2012.
- Островский А.В.* Основные проблемы китайской экономики в 12-й пятилетке (2011–2015 гг.) // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2012–2013. М., 2013.

- Островский А.В.* Особенности экономического взаимодействия России и Китая // Россия и Китай: сотрудничество в условиях глобализации. М., 2005.
- Островский А.В.* Перспективы и возможности России в энергетическом сотрудничестве в Северо-Восточной Азии // Перспективы энергетики. М., 2003. Т. 6. № 10.
- Островский А.В.* Подготовиться к мировому кризису – китайский рецепт // ЭКО. Новосибирск, 2009. № 5.
- Островский А.В.* Проблемы формирования и реализации стратегии экономического и социального развития Китая // Проблемы экономического роста и развития производительных сил в КНР. М., 2007.
- Островский А.В.* Россия в АТЭС: экономическая стратегия взаимодействия // Россия – Китай: развитие регионального сотрудничества в XXI веке: Второй Междунар. форум, 25–29 апреля 2012 г. Чита – Маньчжурия, 2012.
- Островский А.В.* Современная экономика КНР: проблемы, угрозы, перспективы // ЭКО. Новосибирск, 2008. № 8.
- Островский А.В.* Тайвань накануне XXI века. М., 1999.
- Островский А.В.* Формирование рынка рабочей силы в КНР. М., 2003.
- Островский А.В.* Экономические реформы в КНР: уроки для России // ЭИ ИДВ РАН. М., 2000. № 2.
- Ось мировой политики XXI в.: обострение борьбы за ресурсы в Азии и Африке / Под ред. А.М. Хазанова. М., 2012.
- Охотникова Л.М.* Основные направления развития топливно-энергетического комплекса Китая / Экономика Китая вступает в XXI век / Отв. ред. М.Л. Титаренко. М., 2004.
- Охотникова Л.М.* Решение проблем энергообеспечения в Китае // Проблемы и потенциал устойчивого развития Китая и России в XXI веке // VIII МНК ККЦИМ: тез. докл. М., 1997. Ч. 1.
- От магической силы к моральному императиву: категория дэ в китайской культуре / Отв. ред. Л.Н. Борох, А.И. Кобзев. М., 1998.
- Охотникова Л.М.* Топливо-энергетическая промышленность // Китайская Народная Республика в 1998 г. М., 2000.
- Оценка учебных успехов учащихся в школах за рубежом в контексте стандартов образования. М., 2005.
- Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.
- Ощепков И.* Перспективы поставок российского углеводородного сырья в Северо-Восточный Китай // ПДВ. М., 2003. № 5.
- Палкин С.Е.* Энергетический треугольник: Китай, Россия, Казахстан // ЭКО. Новосибирск, 2011. № 1.
- Панцов А.В.* Дэн Сяопин. М., 2013. (ЖЗЛ).
- Панцов А.В.* Мао Цзэдун. М., 2007. (ЖЗЛ).
- Панцов А.В.* Рассказы о Мао Цзэдуне. В 2 кн. Ростов-на-Дону, Краснодар. 2009. Кн. 1: Любовь и революция, или Приемный сын Богхисаттвы; Кн. 2: Революция без любви, или Бунт – дело правое.
- Панцов А.В.* Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М., 2001.
- Парамонов В.В., Строков А.В., Столповский О.А.* Россия и Китай в энергетике Центральной Евразии: соперники или партнеры? Барнаул, 2012.
- Парамонов В.В., Строков А.В., Столповский О.А.* Россия и Китай в энергетике Центральной Евразии: соперники или партнеры? Присутствие России и Китая в отраслях ТЭК стран Центральной Азии: состояние, проблемы и перспективы. Барнаул, 2011.
- Парамонов В.В., Строков А.В., Столповский О.А.* Центральная Азия в энергетической стратегии Китая. Последствия и возможности для России // ЭП. М., 2010. Вып. 4, 5.
- Пащенко Е.* Экономическая реформа в КНР и гражданское право. М., 1997.
- Педин А.В.* Индия и Китай ищут пути к сотрудничеству // Китай в мировой и региональной политике (История и современность) // ИБ ИДВ РАН. М., 1995. № 3.
- Педин А.В.* Китайско-индийские отношения на современном этапе // Новые акценты и тенденции во внешней политике Китая // ИБ ИДВ РАН. М., 1994. № 7.
- Педин А.В.* Отношения Китая с центральноазиатскими государствами СНГ // ИБ ИДВ РАН. М., 1996. № 13.
- Переломов Л.С.* Изучение проблем древнего Китая // Проблемы советского китаеведения. М., 1973.
- Переломов Л.С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981.
- Переломов Л.С.* Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М., 2007.
- Переломов Л.С.* Конфуций: жизнь, учение, судьба. М., 1993.
- Переломов Л.С.* Конфуций и конфуцианство с древности по настоящее время (V в. до н.э. – XXI в.). М., 2009.
- Переломов Л.С.* Россия о Конфуции // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999. М., 1999.
- Переломов Л.С.* Слово Конфуция. М., 1992.

- Переломов Л.С.* Существует ли тайваньское конфуцианство? // Перспективы сотрудничества Китая, России и других стран Северо-Восточной Азии в конце XX – начале XXI века. В 2 ч. М., 1997. Ч. 2.
- Переломов Л.С.* Сяокан Дэн Сяопина – символ построения социализма с китайской спецификой // XXXIV науч. конф. ОГК: докл. М., 2004.
- Песков Ю.С.* Проблемы и перспективы сотрудничества России и Китая со странами Центральной Азии – членами СНГ // ПДВ. М., 1997. № 4.
- Петров Ю.С.* СССР – КНР: от конфронтации к партнерству. М., 2007.
- Петров А.* Китайская философия // БСЭ. Т. 32. М., 1936.
- Петров А.* Ян Чжу – вольнодумец древнего Китая // Советское востоковедение. М., 1940. № 1.
- Петров А.А.* Ван Би (226–249): Из истории китайской философии // Тр. Ин-та Востоковедения АН СССР. М.–Л., 1936. Т. 13.
- Петров А.А.* Ван Чун – древнекитайский материалист и просветитель. М., 1954.
- Петров А.А.* Очерк философии Китая // Китай: история, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость: сб. ст. / Под ред. В.М. Алексеева, Л.Н. Думана, А.А. Петрова. М.–Л., 1940.
- Петров А.А.* Философия Китая в русском буржуазном Китаеведении (критико-библиографический очерк) // Библиография Востока. Вып. 7 (1934). М.–Л., 1935.
- Петров А.И.* История китайцев в России. 1856–1917. СПб., 2003.
- Петухов И.* О развитии промышленности микроэлектроники и создании суперкомпьютеров в КНР // ПДВ. М., 2009. № 2.
- Петухов И.А.* Перспективы реализации программы создания международных бизнес-инкубаторов (международных коммерческих инкубационно-инновационных центров в Китае) // ИБ ИДВ РАН. М., 1999. № 10.
- Петушкова В.В.* Экономические аспекты современных экологических проблем КНР: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2003.
- Пивоварова Э.* Экономическая мысль в КНР // Научные труды Международного Союза Экономистов и Вольного экономического общества России. М., 2006. Т. 19 (63).
- Пивоварова Э.П.* Опыт акционирования в КНР // БП. М., 1997. № 12.
- Пивоварова Э.П.* Социализм с китайской спецификой. М., 2011.
- Пивоварова Э.П.* Социализм с китайской спецификой: итоги теоретического и практического поиска. М., 1999.
- Пивоварова Э.П.* Строительство социализма со спецификой Китая: поиск пути. М., 1992.
- Пивоварова Э.П.* Уроки хозяйственной реформы в КНР // РЭЖ. М., 1997. № 5, 6.
- Пивоварова Э.П.* Что такое «социализм с китайской спецификой»? // ААС. М., 2011. № 8.
- Пиковер А.* Интернет и развитие электронной торговли в КНР // ПДВ. М., 2009. № 1.
- Писарев А.* «Два берега Китая» и интересы России // Pro et Contra. М., 1998. № 1.
- Писарев А.А.* Отношения между берегами и «партийная дипломатия» // Подъем Китая: значение для глобальной и региональной стабильности. М., 2005.
- Плахов А.* Всего 33. Звезды мировой кинорежиссуры. Винница, 1999.
- Плотников А.* Авиапром Китая – успехи и трудности // ПДВ. М., 2007. № 6.
- Подолько Е.О.* Эволюция внешнеполитических концепций Китайской Народной Республики. М., 2006.
- Пожилков И.Е.* Стальной воитель. Из жизни юньнаньского генерала Чжу Дэ. Тамбов, 2014.
- Пожилков И.Е.* Чжу Дэ. Политическая биография. М., 2011.
- Позднеева Л.Д.* Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая: Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы (VI–IV вв. до н.э.). М., 1967.
- Позднеева Л.Д.* История китайской литературы: собр. трудов. М., 2011.
- Поздняев Д., свящ.* Православие в Китае (1900–1997 гг.). М., 1998.
- Позняк Т.З.* Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Владивосток, 2004.
- Покровский Н.Н.* Русско-китайские отношения в XVII–XVIII вв. Т. 1–4. М., 1969–1990 // ННИ. М., 1992. № 2.
- Политическая система и право КНР / Отв. ред. М.Л. Титаренко. М., 2007.
- Политическая система и право КНР в процессе реформ 1978–2005 / Рук. авт. кол. Гудошников Л.М. М., 2007.
- Полтерович В.М.* Стратегии институциональных реформ. Китай и Россия // Экономика и математические методы. М., 2006. Т. 42. Вып. 2.
- Полякова Т.В.* Энергетические проблемы китайской экономики // Аналитические доклады Института международных исследований МГИМО(У) МИД России. М., 2011. Вып. 2 (26).

- Померанцева Л.Е.* Поздние даосы о природе, обществе и искусстве («Хуайнаньцзы» – II в. до н.э.). М., 1979.
- Понкратова Л.* Трансграничные обмены и взаимодействие приграничных регионов России и Китая // ПДВ. М., 2010. № 6.
- Понкратова Л.А., Забияко А.П., Кобызов Р.А.* Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск, 2009.
- Попов П.С.* Изречения Конфуция, учеников его и других лиц. СПб., 1910.
- Попов П.С.* Китайский пантеон. СПб., 1907.
- Попов П.С.* Китайский философ Мэн-цзы. СПб., 1904 (пер. с кит.).
- Попов П.С.* Русско-китайский словарь. СПб., 1879; Пекин, 1896; Токио, 1900.
- Попова Л.В.* Внешнеэкономическая стратегия Китая. Проблемы формирования и реализации. СПб., 2012.
- Попова И.Ф.* Политическая практика и идеология раннетанского Китая. М., 1999.
- Попова Л.В.* Прямые зарубежные инвестиции КНР: основные тенденции и перспективы для мировой экономики // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 5: Экономика. СПб., 2011. Вып. 2.
- Попова Л.В.* Присоединение Китая к ВТО: опыт переговоров и первые результаты // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 5: Экономика. СПб., 2006. Вып. 2.
- Портяков В.* Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их современная интерпретация // ПДВ. М., 2012. № 5.
- Портяков В.* Внешнеполитический инструментарий Китайской Народной Республики в процессе перемен // ПДВ. М., 2011. № 1.
- Портяков В.* О некоторых аспектах внешней политики Китайской Народной Республики в 2012 г. // ПДВ. М., 2013. № 3.
- Портяков В.* О некоторых особенностях внешней политики Китая в 2009–2011 гг. // ПДВ. М., 2012. № 2.
- Портяков В.* «Он уважать себя заставил...»: Китай и Россия в экономическом измерении // Pro et Contra. М., 1998. № 1.
- Портяков В.* Перспективы дальнейшего возвышения Китая и его возможные геополитические последствия // ПДВ. М., 2013. № 2.
- Портяков В.* Проблемы обеспечения социально-политической стабильности в КНР // ПДВ. М., 1998. № 2.
- Портяков В., Ларин А.* Миграционная ситуация в Китае // Региональное измерение трансграничной миграции в Россию / Науч. ред. С.В. Голунов. М., 2008.
- Портяков В.Я.* Банки и банковская деятельность в Китайской Народной Республике // БП. М., 1997. № 12.
- Портяков В.Я.* Иностранные банки в Китае // Китайская Народная Республика в 1995–1996 гг. М., 1997.
- Портяков В.Я.* Китай в мировой торговле услугами // Китай на пути модернизации и реформ // X МНК ККЦИМ: тез. докл. М., 1999. Ч. 1.
- Портяков В.Я.* Китайские реформы в российских оценках // БП. М., 1997. № 5.
- Портяков В.Я.* Китайские ученые о российских реформах // БП. М., 1997. № 4.
- Портяков В.Я.* Китайцы идут? Миграционная ситуация на Дальнем Востоке России // МЖ. 1996. № 2.
- Портяков В.Я.* Об экономической роли государства в Китае: (в порядке постановки проблемы) // ПДВ. М., 2003. № 4.
- Портяков В.Я.* От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао // Китайская Народная Республика в начале XXI в. М., 2006.
- Портяков В.Я.* Поиск путей социально-экономического развития в Китайской Народной Республике (конец 70-х – первая половина 90-х годов). Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 1999.
- Портяков В.Я.* Путь китайских реформ // ПДВ. М., 1999. № 4.
- Портяков В.Я.* Россия и Китай в мировой экономике // Становление евразийской безопасности. М., 2005.
- Портяков В.Я.* Россия и Китай: сотрудничество в условиях глобализации. М., 2005.
- Портяков В.Я.* Рынок акций в Китае // ПДВ. М., 1998. № 3.
- Портяков В.Я.* Становление Китая как ответственной глобальной державы. М., 2013.
- Портяков В.Я.* Сюй Минь. Экономические реформы в Китае и СССР/России: проблемы сопоставления и взаимовлияния // Восток (Oriens). М., 1997. № 5, 6.
- Портяков В.Я.* Торговля Китая и России с государствами Центральной Азии // Россия и Китай в Шанхайской организации сотрудничества. М., 2006.
- Портяков В.Я.* Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. М., 1998.
- Портяков В.Я.* Экономическая реформа в Китае (1979–1999 гг.). М., 2002.
- Портяков В.Я., Шабалин В.И.* О сопоставлении динамики роста экономических потенциалов России и Китая // ПДВ. М., 1993, № 1.
- Порунов А.Н.* Китай: от инвестиций к инновациям // ЭКО. Новосибирск, 2006. № 8.
- Поршнев Е.Б.* Религиозные движения позднесредневекового Китая: Проблемы идеологии. М., 1991.

- Поршнева Е.Б. Учение «белого лотоса» – идеология народного восстания. 1796–1804 гг. М., 1972.
- Постоянство пути. Избранные танские стихотворения в переводах В.М. Алексеева. СПб., 2000.
- Потапов М. К вопросу об устойчивости китайской экономики в период мировых и региональных кризисов // ПДВ. М., 2013. № 3.
- Потапов М. Китай и Всемирная торговая организация: Последствия вступления КНР в ВТО для самого Китая, региональной и глобальной экономики // Глобализация экономики Китая / Под ред. В.В. Михеева. М., 2003.
- Потапов М. Проблемы присоединения Китая к ВТО: плюсы и минусы // ПДВ. М., 2000. № 3.
- Потапов М., Салицкий А. Китай и ВТО: что делать России? // ПДВ. М., 2002. № 5.
- Потапов М.А. Влияние мирового экономического кризиса на внешнеэкономические связи КНР // Тихоокеанская Азия: экономические и политические последствия глобального финансового кризиса. М., 2010.
- Потапов М.А. Внешнеэкономическая модель развития стран Восточной Азии. М., 2004.
- Потапов М.А. Внешнеэкономическая политика Китая (1980–1990 гг.). М., 1995.
- Потапов М.А. Внешнеэкономическая политика Китая: проблемы и противоречия. М., 1998.
- Потапов М.А. Внешнеэкономическая политика реформенного Китая (конец 70-х – 90-е гг.). Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2000.
- Потапов М.А. Внешнеэкономический курс // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999 / Отв. ред. М.Л. Титаренко. М., 1999.
- Потапов М.А. Вступление КНР в ВТО: плюсы и минусы для китайской экономики и внешней торговли // Ловушки либерализации (Китай и ВТО). М., 2001.
- Потапов М.А. Газовый рынок Китая и перспективы российско-китайского сотрудничества // ПДВ. М., 2002. № 3.
- Потапов М.А. Диверсификация экспортной политики Газпрома: освоение рынка Китая // Новые высокие технологии газовой, нефтяной промышленности, энергетики и связи. М., 2003. Т. 2.
- Потапов М.А. КНР: Опыт стран – членов ВТО по защите национальных интересов на внутреннем и внешнем рынках // МЭиМО. 2002. № 8.
- Потапов М.А. Россия и Китай // Россия: интеграция в мировую экономику. М., 2002.
- Потапов М.А., Салицкий А.И., Шахматов А.В. Экономика современной Азии: учеб. М., 2011.
- Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб., 1993.
- Присяжный М.Ю., Фомина М.М. Мировое хозяйство: экономико-географическая характеристика Восточной Азии и Китая. Якутск, 2008.
- Проблемы модернизации Тайваня: матер. науч. конф. 8 декабря 2000 г. М., 2001.
- Проблемы становления Шанхайской организации сотрудничества и взаимодействия России и Китая в Центральной Азии / Отв. ред. А.В. Болятко. М., 2005.
- Продовольственная безопасность КНР и роль государственного регулирования / Отв. ред. И.Н. Коркунов. М., 2002.
- Пути обретения бессмертия: даосизм в исследованиях и переводах Е.А. Торчинова // Петербургское востоковедение. СПб., 2007.
- Путин В. Россия и меняющийся мир // МН. 27.02.2012.
- Путь золота и киновари: даосские практики в исследованиях и переводах Е.А. Торчинова // Петербургское востоковедение. СПб., 2007.
- Радуль-Затуловский Я.Б. Конфуцианство и его распространение в Японии. М.–Л., 1947.
- Развитие и углубление стратегического взаимодействия России и Китая: докл. участников международной науч. конф. (Москва, 9–10 октября 2007 года). М., 2008.
- Развитие и углубление стратегического взаимодействия России с Китаем. М., 2009.
- Развитие региональных систем профессионального образования в России и Китае: современное состояние и основные тенденции / Отв. ред. Н.Е. Боровская, С.А. Иванов, Чжу Сяомань. М., 2010.
- Раздвигая горизонты сотрудничества: к 90-летию академика С.Л. Тихвинского. М., 2008.
- Революция и реформы в Китае новейшего времени: поиск парадигмы развития: сб. ст. / Ред.-сост. В.А. Козырев. М., 2004.
- Ревуцкий А.В. Зерновая проблема в стратегии обеспечения продовольственной безопасности КНР. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2001.
- Региональная политика: опыт России и Китая / Отв. ред. Л.И. Кондрашова. М., 2007.
- Региональное развитие и региональная экономическая политика РФ и КНР. М., 2000.
- Резван Е.А. Между Туркестаном и Тибетом: Салары. СПб., 2010.

Рерих Ю.Н. Тибетская живопись. М., 2002.

Рецензия на книгу «Россия и Китай: изменения в социальной структуре общества» / Отв. ред. М.К. Горшков, Ли Пэйлинь, З.Т. Голенкова. М., 2012 // ПДВ. М., 2013. № 3.

Рифтин Б.Л. Предания о злых духах в фольклоре аборигенов Тайваня // Восточная демонология. От народных верований к литературе. М., 1998.

Рогачев И.А. Проблемы и перспективы двустороннего сотрудничества // Китай на пути модернизации и реформ, 1949–1999. М., 1999.

Рогов В. Лу Синь. Подлинная история А-Кью. М., 1960.

Родионов А.А. Лао Шэ и проблема национального характера в китайской литературе XX в. СПб., 2006.

Родионов М.А., Авраменко С.В., Литвинова Е.В. Внешнеторговые связи России и Китая по вопросам продовольственного обеспечения // Национальная безопасность России: проблемы и пути обеспечения. М., 2011. Вып. 4 (13).

Романов А.Н., Поляк Г.Б., Тон Вэй. Бюджетные реформы в России и Китае. М.–Пекин, 2009.

Романова Г.Н. Предпринимательство, земледелие, промыслы китайских мигрантов на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX в.) // ПДВ. М., 2013, № 6.

Российский Дальний Восток и Северо-Восточная Азия. Проблемы экономического сотрудничества / Рук. проекта М.Л. Титаренко, А.В. Островский. М., 1998.

Российско-китайские отношения. Состояние, перспективы. М., 2005.

Российско-китайское сотрудничество в Северо-Восточной Азии: к устойчивому развитию и взаимному процветанию: докл. Междунар. российско-китайской конф (Южно-Сахалинск, 10–11 октября 2011 года). М., 2012.

Российско-китайское сотрудничество: проблемы и решения: (матер. Всерос. науч.-практич. конф., МГИМО(У) МИД РФ,

Россия – Китай – Украина: пути экономической реформы в деревне / Отв. ред. А.В. Островский // ИБ ИДВ РАН. М., 1994. № 5.

Россия в АТЭС: новые возможности в новых условиях: матер. Второй науч.-практич. конф. «Россия в АТЭС и АТР» / Отв. ред. И.Д. Иванов, М. Л. Титаренко. М., 2000.

Россия и Китай в Шанхайской организации сотрудничества. М., 2006.

Россия и Китай: взаимное восприятие (прошлое, настоящее, будущее) // XVI МНК ККЦиМ: тез. докл. М., 2006.

Россия и Китай: изменения в социальной структуре общества / Отв. ред. М.К. Горшков, Ли Пэйлинь, З.Т. Голенкова. М., 2012.

Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: матер. III Междунар. науч.-практ. конф. Благовещенск – Хэйхэ – Харбин. 15–20 мая 2013 г. / Отв. ред. Д.В.Буяров. Благовещенск, 2013. Вып. 3.

Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: матер. Междунар. науч.-практич. конф. (Благовещенск – Хэйхэ) / Отв. ред. Д.В.Буяров. Благовещенск, 2011.

Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 1–9. Благовещенск, 2000–2010.

Россия и Китай: сотрудничество в условиях глобализации / Отв. ред. В.И. Шабалин, науч. рук. М.Л. Титаренко. М., 2005.

Россия и Китай: социально-экономическое взаимодействие между странами и приграничными регионами / Под общ. ред. Л.А. Понкратовой, А.А. Забияко. Благовещенск, 2011.

Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А.В. Лукина. М., 2013.

Россия – Китай: образовательные реформы на рубеже XX–XXI вв. Сравнительный анализ / Отв. ред. Н.Е. Боровская, В.П. Борисенков, Чжу Сяомань. М., 2007.

Россияне и китайцы в эпоху перемен: сравнительное исследование в Санкт-Петербурге и Шанхае начала XXI в. / Под общ. ред. Е.Н. Даниловой, В.А. Ядова, Пан Давэя. М., 2012.

Рубин В.А. Идеология и культура Древнего Китая (четыре силуэта). М., 1970

Рубин В.А. Личность и власть в древнем Китае: собрание трудов / Отв. ред. А.И. Кобзев. М., 1999.

Рудько-Силиванов В.В. О межбанковском российско-китайском сотрудничестве на Дальнем Востоке // ДиК. М., 2002. № 11.

Рудько-Силиванов В.В., Зубрилова Н.В. Российско-китайское межбанковское сотрудничество: состояние, проблемы, перспективы // ДиК. М., 2007. № 12.

Румянцев А.М. Истоки и эволюция «идей Мао Цзэ-дуна» (об антимарксистской сущности маоизма). М., 1972.

Рыбаковский Л., Захарова О., Миндогулов В. Нелегальная миграция в приграничных районах Дальнего Востока: история, современность, последствия. М., 1994.

- Рыбаковский Л.Л.* Миграционная ситуация на Дальнем Востоке: история и современность Востока. М., 1999.
- Рыбаковский Л.Л., Тарасова Н.В., Сигарева Е.П., Гришанова А.Г., Кожевникова Н.И.* Концепция миграционной политики в южных районах Дальнего Востока. М., 1999.
- Рыжова Н.* Влияние приграничной торговли на экономическое развитие Китая и России // *Вопр. экономики.* М., 2009. № 6.
- Рыжова Н.* Роль приграничного сотрудничества в развитии окраинных городов Китая и России // *ПДВ.* М., 2009. № 4.
- Рыжова Н.П.* Развитие окраинных регионов КНР: роль «Приграничного пояса открытости» // *ПЭ.* Хабаровск, 2008. № 4.
- Рыков С.Ю.* Методология науки и философия. Изучение в России китайских наук, языков и образования // *Духовная культура Китая: энциклопедия.* В 6 т. М., 2006–2010. Т. 5: Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. М., 2009.
- Рыкова С.Л.* Ранние годы жизни и деятельности Чэнь Дусю (1879–1914 гг.). М., 2004.
- Рынок энергетических ресурсов Китая: интересы и возможности России /* Отв. ред. А.В. Островский. М., 2011.
- Рысакова П.И.* Система образования в китайском обществе. М., 2010.
- Рябченко Н.П.* Советско-китайский конфликт, 60-е – начало 80-х годов // *Россия и АТР.* Владивосток, 1998. № 2, 4.
- Рябченко Н.П.* Третья Гражданская революционная война в Китае: путь КПК к победе // *Россия и АТР.* Владивосток, 2009. № 3.
- Рязанцев С.В.* Социально-экономическая адаптация и миграционные установки китайских мигрантов в России // *Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: матер. III Междунар. науч.-практ. конф. Благовещенск – Хэйхэ – Харбин 15–20 мая 2013 г. /* Отв. ред. Д.В. Буяров. Благовещенск, 2013. Вып. 3.
- Рязанцев С.В., Ян Хунмэй.* Китайская миграция в Россию: тенденции, последствия и подходы к урегулированию. М., 2010.
- Савинский С.П.* Реформа бюджетной системы КНР. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1996.
- Савинский С.П., Смахтин Д.А.* Банки развития Китая // *ДиК.* М., 2007. № 5.
- Сазонов С., У Цзы.* Скоростные поезда Китая: успехи, проблемы, уроки // *ПДВ.* М., 2012. № 1.
- Сазонов С.Л.* Мировой экономический кризис и железнодорожный транспорт Китая // *Экономика КНР: меры по преодолению влияния мирового финансового кризиса.* М., 2010.
- Сазонов С.Л.* Порядок и класс: решение проблем городского транспорта в КНР // *ПДВ.* М., 2011. № 3.
- Сазонов С.Л.* Реформа транспортной системы КНР и мировой финансово-экономический кризис // *ПДВ.* М., 2010. № 2.
- Сазонов С.Л.* Россия – Китай: сотрудничество в области транспорта. М., 2012.
- Сазонов С.Л.* Транспорт Китайской Народной Республики. М., 2012.
- Салицкий А.И.* Взаимодействие КНР с мировым хозяйством. М., 2001.
- Салицкий А.И.* КНР – Тайвань: перспективы экономической интеграции // *Модернизация Тайваня и перспективы отношений с Россией: сб. матер. науч. конф. ИМЭМО /* Отв. ред. Г.И. Чуфрин. М., 2003.
- Салицкий А.И., Тацкий В.В.* Китайский опыт: сравнительные аспекты и значение // *«Третий мир»* полвека спустя. М., 2013.
- Салицкий А.И.; Макеев Ю.А., Шахматов А.В.* К вопросу о ценовой конкурентоспособности КНР, Индии и России // *ПДВ.* М., 2005. № 4.
- Самосюк К.Ф.* Портреты тангутских императоров // *Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского.* СПб., 1993.
- Саркисова Г.И.* В.Ф. Братищев и его миссия в Пекине в 1757 г. // *ПДВ.* М., 1993. № 3.
- Саркисова Г.И.* Российский дипломат В.Ф. Братищев (новые материалы к биографии) // *XII науч. конф. ОГК: тез. докл.* М., 1991. Ч. 3.
- Саркисова Г.И.* Из истории подготовки и заключения Международного акта о порядке русско-китайской торговли через Яхту и пограничном режиме (8 февраля 1792 г.) // *Исторические события в жизни Китая и современность.* М., 2013.
- Сафронова Е.И.* К вопросу о роли преемственности и традиций в построении современного политико-экономического курса КНР относительно развивающихся стран. Новые акценты и тенденции во внешней политике Китая // *ИБ ИДВ РАН.* М., 1994. № 7.
- Сафронова Е.И.* Отношение КНР к сотрудничеству «Юг – Юг» как средству установления нового международного экономического порядка // *ИБ ИДВ РАН.* М., 1999. № 2.

- Свешников А.А. Внешнеполитические концепции КНР и концептуальные представления китайских специалистов-международников // ИБ ИДВ РАН. М., 1994. № 4; 1999. № 1.
- Севальнев В.В. Особенности развития инновационного сектора КНР в последние годы // ИМ ИДВ РАН. Сер. В: Общество и государство в Китае в ходе реформ. М., 2012. Вып. 27.
- Северо-Восточный Китай на рубеже XX–XXI вв.: науч.-справ. изд. / Гл. ред. В.Л. Ларин. Владивосток, 2005.
- Селихов Д. Роль транснациональных корпораций КНР в развитии национальной инновационной системы // ПДВ. М., 2012. № 5.
- Селищев А.С. Развитие банковской системы Китая // ДиК. М., 2004. № 11.
- Семенов И.И. Афоризмы Конфуция. М., 1987.
- Семин А.В. Китай–Япония: и партнеры, и соперники // ААС. М., 1998. № 9.
- Семин А.В. Токио – Пекин: непростой диалог // ПДВ. М., 1999. № 3.
- Семин А.В. Японо-китайские отношения в многополярном мире // ПДВ. М., 1998. № 3.
- Семин А.В. Японо-китайские отношения: состояние, проблемы и тенденции (конец XX – начало XXI века). М., 2008.
- Сенин Н.Г. Философские и общественно-политические взгляды Сунь Ятсена. М., 1956.
- Серова С.А. Китайский театр и традиционное китайское общество. XVI–XVII вв. М., 1990.
- Серова С.А. Китайский театр – эстетический образ мира. М., 2005.
- Серова С.А. Религиозный ритуал и китайский театр. М., 2013.
- Серова С.А. Театральная культура Серебряного века в России и художественные традиции Востока (Китай, Япония, Индия). М., 1999.
- Сибирякова О.С. Экономическое развитие провинции Сычуань. М., 2013.
- Сидихменов В.Я. Эволюция представлений о социализме в КНР (1953–1994 гг.) // ИБ ИДВ РАН. М., 1996. № 12.
- Синецкая Э.А. Автопортрет китайского горожанина. М., 1997.
- Синиченко В.В. Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков. Иркутск, 2003.
- Синьхайская революция и республиканский Китай: век революций, эволюции и модернизации: сб. ст. / Отв. ред. В.Ц. Головачев. М., 2013.
- Скачков П.Е. Библиография Китая. М., 1960.
- Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.
- Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974.
- Сладковский М.И. Китай – основные проблемы истории, экономики, идеологии. М., 1978.
- Сладковский М.И. Очерки развития внешнеэкономических отношений Китая. М., 1953.
- Сладковский М.И. Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М., 1957.
- Слово о живописи из Сада с горчичное зерно. М., 1969.
- Смирнов Д.А. XV съезд КПК и идеологическая платформа социалистической модернизации КНР // Китай и АТР на пороге XXI века // IX МНК ККЦиМ: тез. докл. М. 1998. Ч. 2.
- Смирнов Д.А. Идеино-политические аспекты модернизации Китая: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину. М., 2005.
- Смирнов Д.А. Особенности трансформации идеино-политической основы модернизации КНР // ПДВ. М., 2011. № 5.
- Смирнова О.В. Институты денежного обращения Китая и финансово-экономические показатели их деятельности // ФиК. М., 2013. № 20.
- Смолин Г.Я. Они бросили вызов Небу: о крестьянской войне 874–901 гг. в Китае. Ч. 1, 2. СПб., 1999–2000.
- Современное образование и реформа школы 20–40 гг. // Китайская культура 20–40-х годов и современность. М., 1989.
- Современное право КНР (Обзор законодательства 1978–2010). М., 2012.
- Современный Китай: Социально-экономическое развитие. Национальная политика. Этнопсихология / Отв. ред. Д.В. Буяров. М., 2011.
- Современный Тайвань / Отв. ред. П.М. Иванов. Иркутск, 1994.
- Соколов-Ремизов С.Н. Между прошлым и будущим. Живопись и каллиграфия Китая и Японии на рубеже веков // XXVIII науч. конф. ОГК; тез. докл. М., 1998.
- Солнцев О.Г. Особенности денежно-кредитной политики КНР // Проблемы прогнозирования. М., 2008. Вып. 5.
- Соловьев В.Ф. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917). М., 1989.

- Сопоставление уровней экономического развития Китая и России / Отв. ред. В.И. Шабалин // ИБ ИДВ РАН. 1993. № 9.
- Сорокин В., Торопцев С., Боревская Н. Изучение проблем китайской культуры в ИДВ РАН // ПДВ. М., 2006. №1.
- Сорокин В.Ф. Об особенностях развития региональной литературы на Тайване // Проблемы модернизации Тайваня: матер. науч. конф. 8 декабря 2000 г. М., 2001.
- Сорокин В.Ф. Существует ли «тайванская литература»? // ПДВ. М., 1993. № 5.
- Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX – начало XX вв.). Омск, 1999.
- Сотникова И.Н. Коминтерн и начало коммунистического движения в Китае // ПДВ. М., 2011. № 8.
- Сотникова И.Н. Роль Ван Мина в разработке и осуществлении стратегии и тактики КПК в 30-е годы // ИБ ИДВ АН СССР. М., 1991. № 11.
- Сотрудничество России и КНР в сфере образования: анализ прошлого и перспективы будущего / Науч. ред. Н.Е. Боревская. М., 2009.
- Софьянников И. Реформа системы валютного регулирования в Китае // ПДВ. М., 2003. № 1.
- Социальное измерение экономической реформы в КНР (1978–1997) / Отв. ред. Пивоварова Э.П. // ИБ ИДВ РАН. М., 1998. № 3.
- Социально-экономическое положение современного Китая // ИМ ИДВ РАН. Сер. Ж: Социально-экономическое положение современного Китая. М., 2012.
- Социальные последствия рыночных преобразований в КНР (1978–2002 гг.) / Отв. ред. Э.П. Пивоварова. М., 2004.
- Спешнев Н.А. Дискуссия об этнопсихологии китайцев // Восток – Запад: Ист.-лит. альманах, 2005–2006. М., 2006.
- Спирин В.С. Построение древнекитайских текстов. М., 1976.
- Спичак Д.А. Китайский авангард Кремля. Революционеры Китая в московских школах Коминтерна (1921–1939). М., 2012.
- Спрогис Е.В. Внешнеэкономические связи КНР; Спрогис Е.В. Развитие внешнеэкономических связей КНР в 1996–2000 гг. // Экономика КНР в преддверии XXI в. (1991–2000). ИБ ИДВ РАН. М., 1997. № 2.
- Спрогис Е.В. Вызовы и возможности экономического сотрудничества // Pro et Contra. М., 1998. № 1.
- Спрогис Е.В. О некоторых проблемах развития двусторонних торгово-экономических связей // БП. М., 1997. № 12.
- Сравнительный анализ общих черт и особенностей переходного периода в России, Китае и Вьетнаме / Отв. ред. А.В. Островский, До Тиен Шам. М., 2012.
- Стабурова Е.Ю. Политические партии и союзы в Китае в период Синьхайской революции / Отв. ред. Делюсин Л.П. М., 1992.
- Старостина А.Б. Философия истории Лян Шумина. М., 2009.
- Степанов Е.Д. Китай на морских рубежах // ИБ ИДВ РАН. М., 1994. № 4.
- Степанов Е.Д. Пограничная политика в системе внешнеполитических приоритетов КНР (1949–1994 гг.) // ИБ ИДВ РАН. Сер.: Международные отношения стран Северо-Восточной Азии. М., 1996. Вып. 1.
- Степанов Е.Д. Политика начинается с границы. Некоторые вопросы пограничной политики КНР второй половины XX в. М., 2007.
- Степанов Е.Д. Правовые аспекты территориальных споров в Южно-Китайском море // ИМ ИДВ РАН. Сер.: Международные отношения стран Северо-Восточной Азии. М., 1997. Вып. 3.
- Степанова Г.А. Демократические партии в политической системе КНР. М., 1999.
- Степанова Г.А. Модернизация партийной системы на Тайване // Проблемы модернизации Тайваня: матер. науч. конф. 8 декабря 2000 г. М., 2001.
- Степанова Г.А. Система многопартийного сотрудничества в Китайской Народной Республике. М., 1999.
- Стефаненко Т.Г. Адаптация китайских студентов в России: проблемы и пути совершенствования // Сотрудничество России и КНР в сфере образования: анализ прошлого и перспективы. М., 2009.
- Сторожук А.Г. Художественные концепты и проблемы творчества в литературе эпохи Тан. Дис. ... д-ра филол. СПб., 2006.
- Сторожук А.Г. Юань Чжэнь: Жизнь и творчество поэта эпохи Тан. СПб., 2001.
- Сторожук А.Г. Три учения и культура Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм в художественном творчестве эпохи Тан. СПб., 2010.
- Страны СНГ и Балтии в глобальной политике Китая. М., 2013.
- Стратегия превращения Китая в супериндустриальное государство (1996–2050) / Отв. ред. М.Л. Титаренко М., 2002.

- Стровский Л.Е., Цзян Цзин. Китай после вступления в ВТО. Адаптация мировой экономики к условиям мирового хозяйства. М., 2007.
- Структурные изменения экономики Китая (70–90-е гг.) / Отв. ред. Л.М. Гирич // ИБ ИДВ РАН. М., 1997. № 12.
- Сурков В.В. Гарантии и риски частных инвестиций в проекты строительства инфраструктуры: опыт Китая // Экономика строительства. М., 2003. № 5.
- Сычева В.А. Трудности четырех «маленьких драконов». М., 1991.
- Тавровский Ю. Имидж Тайваня в России // Проблемы и перспективы развития торгово-экономических, дипломатических, научных и культурных связей между Россией и Тайванем: матер. Междунар. конф. М., 2004.
- Тайвань. Справочник для деловых людей. М., 1993.
- Таскина Е. Харбин – продукт контактов стран-соседей // ПДВ. М., 1999. № 4.
- Теоретико-методологические основы экономической интеграции России в Азиатско-Тихоокеанском регионе / Под общ. ред. В.Г. Белкина. Владивосток, 2005.
- Терентьева Т. Вывоз капитала как фактор реализации внешнеэкономической стратегии КНР // ПДВ. М., 2011. № 5.
- Терентьева Т.Г. Китайские инвестиции за рубежом // Усиление Китая: внутренние и международные аспекты // XV МНК ККЦИМ: тез. докл. М., 2005. Ч. 1.
- Терентьева Т.Г. Основные направления китайской политики «выхода за рубеж» // ИМ ИДВ РАН. Сер. В: Общество и государство в Китае в ходе реформ. Вып. 19. Ч. 2. М., 2005.
- Терентьева Т.Г., Новоселова Л.В. Ввоз и вывоз капитала // Китайская Народная Республика в 2004–2005 гг. М., 2005.
- Тертицкий К. Китайцы: традиционные ценности в современном мире. В 2 ч. М., 1994.
- Тертицкий К.М. Китайские синкретические религии в XX в. М., 2000.
- Тертицкий К.М. Синкретические религии на Тайване // Гоминьдан и Тайвань: история и современность: матер. науч. конф. 23 апреля 1999 г. / Ред.-сост. А.Н. Карнеев, В.А. Козырев. М., 1999.
- Тимофеев О.А. Американо-китайские отношения на современном этапе: события, процессы, тенденции // Современный Китай в системе международных отношений. М., 2012.
- Титаренко М.Л. Взаимовыгодное партнерство, обращенное в XXI век // ПДВ. М., 1997. № 3.
- Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008.
- Титаренко М.Л. Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение. М., 1985.
- Титаренко М.Л. Жизнестойкость и стабильность китайской цивилизации – условие развития Китая по пути реформ и модернизации // Востоковедение и мировая культура: к 80-летию академика С.Л. Тихвинского. М., 1998.
- Титаренко М.Л. Китай в пост-Дэнзовскую эпоху и российско-китайские отношения // МЖ. М., 1995. № 5.
- Титаренко М.Л. Китай: цивилизация и реформы. М., 1999.
- Титаренко М.Л. Китайская философия и будущее китайской цивилизации // Китайская философия и современная цивилизация: сб. ст. М., 1997.
- Титаренко М.Л. Модернизация Китая: шансы и вызовы времени. М., 2000.
- Титаренко М.Л. Об отношениях между Россией и Тайванем в условиях российско-китайского стратегического взаимодействия // Модернизация Тайваня и перспективы отношений с Россией: сб. матер. науч. конф. ИМЭМО / Отв. ред. Чуфрин Г.И. М., 2003.
- Титаренко М.Л. О роли российского китаеведения в развитии диалога российской и китайской цивилизаций // Образ Китая в современной России. М., 2007.
- Титаренко М.Л. О феномене китайского социализма: Размышления по поводу дискуссий о китайском социализме и итогов XVIII съезда КПК // ПДВ. М., 2013. № 2.
- Титаренко М.Л. Россия: безопасность через сотрудничество: Восточно-Азиатский вектор. М., 2003.
- Титаренко М.Л. Россия и Восточная Азия: вопросы международных и межцивилизационных отношений. М., 1994.
- Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М., 2012.
- Титаренко М.Л. Россия лицом к Азии. М., 1998.
- Титаренко М.Л. Экономическое взаимодействие России с Китаем // ЭКО. Новосибирск, 2008. № 3.
- Тихвинский С.Л. Век стремительных перемен: сб. ст. М., 2005.
- Тихвинский С.Л. Восприятие в Китае образа России. М., 2008.
- Тихвинский С.Л. Движение за реформы в Китае и Кан Ювэй. М., 1959.

- Тихвинский С.Л.* Избр. произв. В 5 кн. М., 2006. Кн. 1: История Китая до XX века. Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ювэй; Кн. 2: История Китая первой четверти XX века: Доктор Сунь Ятсен. Свержение маньчжурской монархии и борьба за республику; Кн. 3: История Китая, 1919–1949. Борьба за объединение и независимость Китая. Чжоу Эньлай; Кн. 4: Отечественная и всемирная история. Великая отечественная война, внешняя политика и международные отношения; Кн. 5: Воспоминания дипломата и заметки историка. Автор о себе, своих коллегах-историках и дипломатах.
- Тихвинский С.Л.* Избр. произв. Кн. 6 (доп.). Образ России в Китае. О нормализации российско-японских отношений. Рецензии. Забавные случаи дома и за рубежом. М., 2012.
- Тихвинский С.Л.* Китай и всемирная история. М., 1987.
- Тихвинский С.Л.* Путь Китая к объединению и независимости. 1898–1949. По материалам биографии Чжоу Эньлая. М., 1996.
- Тихвинский С.Л., Делюсин Л.П.* Некоторые проблемы изучения истории Китая // Проблемы советского Китаеведения. М., 1973.
- Ткачева Г.А.* Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России в 20–30-е годы XX в. Владивосток, 2000.
- Ткаченко Б.И.* Восточная граница между Россией и Китаем в договорах и соглашениях XVIII–XX веков. Владивосток, 1998.
- Ткаченко Б.И.* Восточная граница между Россией и Китаем в документах и фактах. Владивосток, 2010.
- Ткаченко Г.А.* Космос, музыка, ритуал. Миф и эстетика в «Люйши чуньцю». М., 1990.
- Ткаченко Г.А.* Культура Китая: словарь-справочник. М., 2008.
- Тодер Ф.А.* Тайвань и его история (XIX в.). М., 1978.
- Толстой Л.Н.* Изложение китайского учения // Буланже П. Жизнь и учение Конфуция. М., 1903.
- Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. В 90 т. М., 1928–1958.
- Томберг И.Р.* Энергетика КНР в мирохозяйственном контексте. М., 2013.
- Томберг Р.И.* Китай в глобальной конкуренции за нефть Африки. М., 2011.
- Томберг Р.И.* КНР – Африка: экономические связи // ААС. М., 2011. № 7.
- Торопцев С.А.* Жизнеописание Ли Бо – Поэта и Небожителя. М., 2009.
- Торопцев С.А.* Изображение и слово в китайском «новом кино» // ПДВ. М., 1998, № 4.
- Торопцев С.А.* К «Красному гаоляну» через Ницше, Фромма, Лаоцзы // Восток – Запад: взаимодействие цивилизаций. М., 1992. № 1.
- Торопцев С.А.* Кинематография Тайваня. М., 1998.
- Торопцев С.А.* Китай // История зарубежного кино. М., 2005.
- Торопцев С.А.* Китайское кино в «социальном поле». М., 1993.
- Торопцев С.А.* Китайское стихотворение и его русская интерпретация // Институт Конфуция СПбГУ. СПб., 2010. № 3.
- Торопцев С.А.* Ли Бо. М., 2014. (ЖЗЛ).
- Торопцев С.А.* Локус культуры в китайской ментальности // Отечественные записки. М., 2008. № 3.
- Торопцев С.А.* «Международный бренд» китайского кино – режиссер Чжан Имоу. М., 2008.
- Торопцев С.А.* «Новое кино» Тайваня. М., 1997.
- Торопцев С.А.* Очерк истории китайского кино. 1966–1986. М., 1979.
- Торопцев С.А.* Реальное и чувственное («восточный» и «западный») типы сексуальных отношений в фильмах КНР // ПДВ. М., 1996. № 6.
- Торопцев С.А.* Свеча на закатном окне: Заметки о китайском кино. М., 1987.
- Торопцев С.А.* Тайваньское кино на скрещении традиций и авангарда (творческий облик режиссера Хоу Хаосяня) // ПДВ. М., 1997. № 3
- Торопцев С.А.* Трудные годы китайского кино. М., 1975.
- Торчинов Е.А.* Даосизм: опыт историко-религиоведческого описания. СПб., 1993.
- Торчинов Е.А.* Пути философии Востока и Запада: познание запредельного // Петербургское Востоковедение. СПб., 2007.
- Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации / Науч. ред. В.И. Дятлов. Екатеринбург, 2009.
- Тренин Д.* Верные друзья? Как Россия и Китай воспринимают друг друга. М., 2012.
- Тренин Д.* Китайская проблема России. М., 1998.
- Тригубенко М.Е.* Азиатский «синдром» социализма. М., 1991.
- Тригубенко М.Е., Кондрашова Л.И., Оникиенко А.Ф., Корнейчук Н.Н.* Тайвань: справочник. М., 1993.
- Трифонов В.* Некоторые аспекты развития российско-тайваньских отношений // Проблемы и перспективы развития торгово-экономических, дипломатических, научных и культурных связей между Россией и Тайванем: матер. Междунар. конф. М., 2004.

- Трифонов В. Российско-тайваньские контакты // МО. 1998. № 6.
- Трифонов В.И. Пекин – Тайбэй: перспективы диалога // Современный Тайвань: справочно-аналитические материалы. М., 2010. Вып. 11 (19).
- Трифонов В.И. Ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе: столкновение линий на сотрудничество и противоборство // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М., 2012. Вып. XVII.
- Трокурова И., Пелевина К. Перспективы Китая на рынке энергоресурсов // ПДВ. М., 2010. № 5.
- Трошина Е.А. Инвестиционная активность китайских нефтегазовых компаний за рубежом // ВБ. М., 2003. № 11.
- Трощинский П.В. Основные этапы формирования правовой системы Китайской Народной Республики // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. М., 2012. № 4.
- Трощинский П.В. Юридическая ответственность в праве Китайской Народной Республики. М., 2011.
- Труш С.М. Эволюция трехсторонних отношений США – КНР – РФ и проблема Тайваня // Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе: матер. науч. конф. 4 мая 2000 г. / Ред. А.Н. Карнеев, В.А. Козырев. М., 2000.
- Тулохонов А.К., Зомонова Э.М. Асимметрия социально-экономического развития приграничных территорий России и Китая // АТР. Владивосток, 2009. № 2.
- Углубление экономических реформ в Китае и их социально-политические последствия // Китай: шансы и вызовы глобализации // XIV МНК ККЦиМ: тез. докл. М., 2003.
- Унтура Г.А. Экономика знаний в Китае и России: проблемы и перспективы // ПЭ. Хабаровск, 2009. № 4.
- Усиление Китая: внутренние и международные аспекты // XV МНК ККЦиМ: тез. докл. М., 2005. Ч. 1.
- Усов В.Н. Дэн Сяопин и его время. М., 2009.
- Усов В.Н. Изучение истории КНР советскими и российскими учеными (основные этапы исследования) // Китай: поиск гармонии: к 75-летию академика М.Л. Титаренко / Отв. ред. Л.С.Г. узинин. М., 2009.
- Усов В.Н. История КНР. В 2 т. М., 2006. Т. I: 1949–1965 гг., Т. II: 1966–2004 гг.
- Усов В.Н. Китайский Берия Кан Шэн. М., 2004.
- Усов В.Н. КНР: от «большого скачка» к «культурной революции». В 2 ч. // ИБ ИДВ РАН. М., 1998. № 4, 5.
- Усов В.Н. КНР: от «культурной революции» к реформам и открытости (1976–1984 гг.). М., 2003.
- Усов В.Н. Последний император Китая. Пу И (1906–1967). М., 2003.
- Ушаков И.В. Экологический лабиринт. М., 2008.
- Уянаев С. Интересы Китая в БРИКС: отражение роли и стратегии КНР в мире // ПДВ. М., 2012. № 6.
- Уянаев С. Проблема трехсторонних отношений России, Индии и Китая: предисл. // Взаимодействие России, Индии и Китая в XXI в.: проблемы, перспективы, направления. В 2 т. М., 2004. Т. 1.
- Уянаев С. Россия – Индия – Китай: 12-я трехсторонняя конференция ученых // ПДВ. М., 2013. № 1.
- Уянаев С., Портяков В. Об итогах 11-й трехсторонней конференции ученых России, Индии и Китая // ПДВ. М., 2012. № 1.
- Фактор Китая во взаимоотношениях РФ и США: заочный «круглый стол» российских и американских китаеведов // ПДВ. М., 2012. № 2.
- Федоренко Н.Т. Цюй Юань: истоки и проблемы творчества. М., 1986.
- Федоровский А.Н. Корейский полуостров и Китай // Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности. М., 2007.
- Феоктистов В.Ф. Китайская классическая философия и современность (к методологической постановке вопроса) // Китайская философия и современная цивилизация: сб. ст. М., 1997.
- Феоктистов В.Ф. Становление отечественной философской синологии // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999 / Отв. ред. М.Л. Титаренко. М., 1999.
- Феоктистов В.Ф. Философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы: иссл. и пер. М., 1976.
- Феоктистов В.Ф. Философские трактаты Сюнь-цзы: исследов., пер., размышления китаеведа. М., 2005.
- Филонов С. В. Золотые книги и нефритовые письма: даосские письменные памятники III–VI вв. // Петербургское Востоковедение. СПб., 2011.
- Философия китайского буддизма / Пер. с кит. Е.А. Торчинова. СПб., 2001.
- Фицджеральд С.П. Китай. Краткая история культуры. М., 1998 (пер. с англ.)
- Фортыхина Е.А. Экологическая безопасность энергетической политики Китая // Рынок энергетических ресурсов Китая: интересы и возможности России / Отв. ред. А.В. Островский. М., 2011.
- Форум – 2009. Цивилизационные и национальные проблемы в кризисных условиях: альманах. М., 2009.
- Фроленков В.С. Современные торгово-экономические отношения КНР с центральноазиатскими странами – членами ШОС и Туркменистаном. М., 2009.

- Фэн Ю-лань. Краткая история китайской философии / Науч. ред., предисл. Е.А. Торчинова. СПб., 1998.
- Хабидулин А.Г., Шахрай С.М., Синьют Я. Модернизация государства и права на современном этапе: российско-китайский взгляд. М., 2006.
- Ходов Л. Китайская валюта укрепляет свои позиции в мировой экономике // ПДВ. М., 2013. № 4.
- Хорос В.Г. Цивилизации в глобализирующемся мире. М., 2009.
- Хузми Д.В. Образно-символический мир в поэзии Се Тяо (V в.). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.
- Хузиятова Н.К. Модернистские тенденции в творчестве китайских писателей 1980-х годов как поиск идентичности в контексте глобализации. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008.
- Цзинь, Пин, Мэй / Пер. В.С. Манухина, вступ. ст. Б.Л. Рифтина. Иркутск, 1994.
- Цыганов Ю.В. Тайвань в структуре региональной безопасности Восточной Азии. М., 1999.
- Цыплаков С. Российско-китайские торгово-экономические связи: извилистый подъем // ПДВ. М., 2008. № 6.
- Цыплаков С., Попов Е. Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество: проблемы и перспективы // ПДВ. М., 2003. № 4.
- Цыренов Д.Г. Проблемы создания системы современных предприятий в КНР. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2006.
- Цянь Сюнь. Мое скромное мнение о соединении марксизма с традиционной китайской культурой // ВФ. М., 2011. № 6.
- Чайна-тауны в России // Этнографическое обозрение. 2008. № 4.
- Черкасский Л. Ай Цин – поданный Солнца. Книга о поэте. М., 1993
- Черная И.П. Дальневосточная модель приграничного сотрудничества: источник роста или тупик развития? // ЭКО. Новосибирск, 2006. № 5.
- Черная И.П. Проблемы управления развитием приграничного региона в условиях глобализации. Владивосток, 2006.
- Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток, 2011.
- Черный В. О торгово-экономической кооперации в российско-тайваньских отношениях к 2003 году // Проблемы и перспективы развития торгово-экономических, дипломатических, научных и культурных связей между Россией и Тайванем: матер. Междунар. конф. М., 2004.
- Чжан Бинлинь. Избр. проз.: 1894–1913 гг. / Пер. с кит., сост., авт. введ. Н.М. Калужная. М., 2013.
- Чжан Синьсинь, Сан Е. Дракон меняет облик. Китайцы сегодня. М., 1992.
- Чжань Янь. Китайский костюм эпохи Мин: Орнамент, декоративные особенности и символика. Дис. ... канд. искусств. М., 2003.
- Чуванкова В. Государственная поддержка мелкого и среднего предпринимательства в КНР: новый этап // ПДВ. М., 2013. № 3.
- Чуванкова В. Частное предпринимательство в экономике КНР в условиях глобального кризиса // ПДВ. М., 2009. № 3.
- Чуванкова В.В. Индивидуальная и частная форма хозяйствования в Китае // ПДВ. М., 1998. № 2.
- Чуванкова В.В. Развитие частного предпринимательства в КНР // ПДВ. М., 2011. № 6.
- Чуванкова В.В. Социальный аспект индивидуального и частного предпринимательства в условиях развития рыночной экономики // Социальные последствия рыночных преобразований в КНР (1978–2002 гг.). М., 2004.
- Чуванкова В.В. Социальный аспект развития индивидуального и частного предпринимательства // ИБ ИДВ РАН. М., 1998. № 3.
- Чудодеев Ю.В. Крах монархии в Китае. М., 2013.
- Чумаковский И. Взаимодействие банков России и Тайваня: перспективный сектор двустороннего сотрудничества // Проблемы и перспективы развития торгово-экономических, дипломатических, научных и культурных связей между Россией и Тайванем: матер. Междунар. конф. М., 2004.
- Шаринов Д.Н. Формирование и регулирование фондового рынка. Дис. ... канд. экон. наук. М., 2001.
- Шевелев К.В. Предыстория единого фронта в Китае и первый съезд КПК // Коммунистическая партия Китая: история и современные проблемы. К 80-летию Коммунистической партии Китая. М., 2001.
- Шевель И. Реформа банковской системы в Китае // ПДВ. М., 2003. № 6.
- Шевель И.Б. Валютное регулирование в КНР // ПДВ. М., 1997. № 4.
- Шевель И.Б. Государственный бюджет // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999 / Отв. ред. М.Л. Титаренко. М., 1999.
- Шевель И.Б. Реформа банковской системы Китая // ПДВ. М., 1999. № 5.
- Шевель И.Б. Реформа налоговой системы Китая // ПДВ. М., 1997. № 2.

- Шейнгауз А.С.* Новый феномен восточно-азиатской экономики – китайский лесной комплекс (образ состояния и перспектив) // ПЭ. Хабаровск, 2006. № 4.
- Шилов А.П.* Конец древности: О духовном кризисе современного китайского общества и поиске новых ценностей. М., 2009.
- Широков Г.К., Лунев С.И.* Россия, Китай и Индия в современных глобальных процессах. М., 1998.
- Шифман А.* Лев Толстой и Восток. М., 1960 (1-е изд.); 1971 (2-е изд., перераб. и доп.).
- Шишкин М.* Автомобилизация в Китае // ПДВ. М., 2006. № 1.
- ШОС: экономическая интеграция и национальные интересы / Под ред. А.И. Татаркина, В.А. Черешнева, А.Ф. Расулова. УРО ИЭ РАН. М., 2010.
- Шредер К.* Реформирование банковской системы Китая // ДиК. М., 2006. № 5.
- Эдер Л.В.* Современное состояние и прогноз развития нефтяного рынка Китая // ЭКО. Новосибирск, 2005. № 2.
- Экономика Китая, России и стран АТР в условиях глобализации // Китай, Россия, страны АТР и перспективы межцивилизационных отношений в XXI веке // XII МНК ККЦИМ: тез. докл. В 3 ч. М., 2001. Ч. 1.
- Экономика КНР в преддверии XXI в. (1991–2000) / Отв. ред. И.Н. Наумов // ИБ ИДВ РАН. М., 1997. № 2.
- Экономика КНР вступает в XXI век / Отв. ред. и авт. предисл. М.Л. Титаренко. М., 2004.
- Экономика КНР на пути в XXI век / Отв. ред. И.Н. Наумов // ИБ ИДВ РАН. М., 1999. № 10.
- Экономика КНР: 10 лет после вступления в ВТО // ИМ ИДВ РАН. Сер. Ж: Социально-экономическое положение современного Китая. М., 2013. Вып. 19. Ч. 1, 2.
- Экономика КНР: меры по преодолению влияния мирового финансового кризиса: сб. ст. / Отв. ред. А.В. Островский. М., 2010.
- Экономическая дипломатия в эпоху глобализации / Под ред. Л.М. Капицы. М., 2010.
- Экономическая реформа в КНР: возможности использования китайского опыта в России / Отв. ред. А.В. Островский, В.Я. Портяков // ИБ ИДВ РАН. М., 1996. № 4.
- Экономическая реформа в КНР: на рубеже веков / Отв. ред. А.В. Островский А.В. М., 2008.
- Экономическая стратегия КНР в XXI веке и вопросы сотрудничества с Россией / Сост. П.Б. Каменнов. М., 2010.
- Экономическое развитие и международное сотрудничество в Северо-Восточной Азии / Отв. ред. П.А. Минакир. Владивосток, 2001.
- Экономическое сотрудничество Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Хабаровск, 2007.
- Эскиндаров М.А., Перская В.В.* Точки сопряжения экономических стратегий развития государств-членов АТЭС и ШОС при переходе к многополярности (методологические подходы и инструментарий выявления сфер взаимного интереса). М., 2013.
- Юань Кэ.* Мифы древнего Китая. М., 1965 (1-е изд.); 1987 (2-е изд.).
- Юлина Н.С.* Сегодня о статье «Философия в России сегодня» // ИФ. М., 2003. № 10.
- Юркевич А.Г.* Москва – Кантон, 1920-е: помощь СССР Гоминьдану и две стратегии объединения Китая. М., 2013.
- Яковлев А.Г.* Биполярность – главный параметр мирового сообщества и вчера, и сегодня, и завтра / Китай в мировой и региональной политике (История и современность) // ИБ ИДВ РАН. М., 1997. № 13.
- Яковлев А.Г.* Россия и Китай: состояние и перспективы отношений / Китай в мировой и региональной политике. История и современность // ИБ ИДВ РАН. М., 1995. № 3.
- Яковлев А.Г.* Россия, Китай и Индия в условиях становления новой биполярности мира // ИБ ИДВ РАН. М., 1996. № 13.
- Якубовский В.Б.* Становление сотрудничества в Северо-Восточной Азии: роль Китая // Китай и мир. Актуальные проблемы изучения экономики, политики, истории и культуры Китая // II МНК ККЦИМ: тез. докл. М., 1991. Ч. 1.
- Ян Хин-шун.* Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М.–Л. 1950.
- Ян Хиншун.* Материалистическая мысль в древнем Китае / Предисл. М.Л. Титаренко. М., 1984.
- Ян Юн-го.* История древнекитайской идеологии / Общ. ред. и вступ. ст. Ян Хин-шуна. М., 1957.
- Янгутов Л.Е.* Единство, тождество и гармония в философии китайского буддизма. Новосибирск, 1995.
- Янгутов Л.Е.* Китайский буддизм: тексты, исследования, словарь. Улан-Удэ, 1998.
- Янгутов Л.Е.* Традиции Праздникапарамиты в Китае. Улан-Удэ, 2007.
- Янгутов Л.Е.* Философское учение школы Хуаянь. Новосибирск, 1982.
- Яскина Г.С., Аносова Л.А.* Сямьнь: свободная экономическая зона (становление, развитие, управление). СПб., 1995.
- Яизэн Хуан.* Капитализм по-китайски: государство и бизнес. М., 2010 (пер. с англ.).

На китайском языке

- 20–21 шицзи чжицзяо чжун э цзяоюй гайгэ бикзяо (Россия – Китай: образовательные реформы на рубеже XX–XXI вв. Сравнительный анализ). Beijing, 2006.
- Боревская Н.Е.* Элосы кэ цзюй чжи дэ яньцзю (Изучение системы императорских экзаменов в России) // Кэ цзюй чжи дэ чжунцзе юй кэ цзюй сзе дэ синци (Конец императорской экзаменационной системы и расцвет ее изучения [ред. Лю Хайфэн. Ухань, 2006.
- Вайгожэнь кань чжунго цзяоюй (китайское образование глазами иностранцев) / Ред. Юань Гуйжэнь. Пекин, 2012.
- Жэньминь жибао. 23.01.2014.
- Ли Бай цзай элосы цянъцзай чжиинь (Тонкое ощущение в России поэзии Ли Бо сквозь тысячелетия) // ЖМЖБ. 23.11.2012.
- Ли Теин.* Гайгэ кайфан таньсо (Исследования о реформах и открытости). Пекин, 1999.
- Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу.* Чжунго цзинци гайгэ юй фачжань (Китайская экономическая реформа и развитие). Шанхай, 1999
- Ломанов А.В.* Элосы чжунгосюэ (Российское китаеведение). Чунцин, 2011.
- Мамаева Н.Л.* Синьхай гэмин хэ гохуэйчжи (Синьхайская революция и парламентаризм // Чжунго шэхуэй кэсюэ юань бао (Газета Академии общественных наук Китая). 11.09.2011.
- Рифтин Б.Л.* Цун шэньхуа дао гуйхуа. Тайвань юаньчжуминь шэньхуа гуши бицзю яньцзю (От рассказов о богах к рассказам о злых духах. Сравнительное изучение мифов и сказок Тайваня). Тайчжун, 1998.
- Синь баньцзы и да байби (Крупный промах нового руководства) // *Чжэньминь.* Гонконг. 05.2013. № 427.
- Ху Аньган.* Чжунго – 2030 (Китай – 2030). Пекин, 2011.
- Цзян Чанбинь.* Чжун э гоцзе дундуань дэ яньбянь (Эволюция восточного участка китайско-российской границы). Пекин, 2007.
- Цюши. Пекин. 1999. № 6.
- Чжу Дацю, Цзян Хунвэй, Хуа Ли.* Сулянь цзети чжи хоу дэ элосы чжунгосюэ яньцзю (Исследование китаеведения в России после распада СССР). Харбин, 2013.
- Чжун э даньсин дицюй чжиэ цзяоюй: дяоча юй бицзю фэньси. (Развитие региональных систем профессионального образования в России и Китае: исследование и сравнительный анализ). Пекин, 2010.
- Чжунго тунцзи чжайяо – 2010 (Китайский статистический справочник – 2010). Пекин, 2010.
- Чжунго тунцзи чжайяо – 2012 (Китайский статистический справочник – 2012). Пекин, 2012.
- Чжунго тунцзи чжайяо – 2013 (Китайский статистический справочник – 2013). Пекин, 2013.
- Чжунго цзиньдай бу пиндэн тьяоюэ няньбяо (Хронология неравноправных договоров в новой истории Китая). Пекин, 2012.
- Элосы чжунго сюэ (Российское китаеведение) / Отв. ред. Ли Сяотао, Се Чжоу. Чунцин, 2011.
- Ян Годун.* Эго ханьсюэ ши ци 1917 нянь (История российского китаеведения начиная с 1917 г.). Пекин, 2006.

На западноевропейских языках

- Borevskaya N.* The PRC Educational Modernization Strategy: the Shift of a Paradigm? // Berliner China-Hefte. Berlin, 2003. № 25.
- Borevskaya N.* The Role of the State in Educational Reform in the PRC // The Challenge of Eastern Asian Education: Implications for America. Albany, 1997.
- Borevskaya Nina Y.* Searching for Individuality: Educational Pursuits in China and Russia // Education, Culture, & Identity in Twentieth-Century China. Ann Arbor, 2001.
- Bray M. & Borevskaya N.* Financing Education in Transitional Societies: Lessons from Russia and China // Comparative Education. Taylor & Francis, Ltd. 2001. Vol. 37. № 3.
- Educational Reforms in Russia and China at the Turn of the 21st Century: A Comparative Analysis / Eds. N.Ye. Borevskaya. V.P. Borisenkov & Xiaoman Zhu. Hong Kong, 2010.
- Encyclopedia of Chinese philosophy / ed. Cua A.C. New York – London, 2003.
- Foreign Relations of the United States (FRUS), 1949. The Far East: China. Wash. 1978. Vol. 8.
- Kina: istorija, kultura, religija // Vladimir Vjačeslavovič Maljavin. Beograd, 2008.
- Legge J.* The Chinese Classics: with a Translation, Critical and Exegetical Notes, Prolegomena and Copious Indexes. In 5 vol. Hong Kong, London, 1861–1872.
- Legge J.* The life and teaching of Confucius. N. Trübner, 1887.

- Le Mystere des metaphors dans la poesie Li Bo. Par Sergey Toroptsev // *Metaphores et cultures: En mots et en images*. Paris, 2012.
- Lukin. A.* Russia and Ascendant China // *China Rise: Threat or Opportunity?* Singapore, 2013.
- Maddison A.* Chinese Economic Performance in the Long Run. Paris, 2007.
- Ostrovskiy A.* Economic Reforms in the PRC and Taiwan: Implications for Russia // *Tamkang Journal of International Studies*. Taipei, 1997. № 1.
- Portyakov V.* Russian-Chinese Relation: Current Stage and Future Prospects // *Revolutions*. Poznan, 2013. Vol. 1. Issue 1.
- Saich T.* The Origins of the First United Front in China. The Role of Sneefliet (alias Maring). 2 vols. Leiden, 1991.
- Sotnikova I.* Russian historiography of the Xinhai Revolution// *Journal of Modern Chinese History*. Beijing, June 2012. Vol. 6. № 1.
- Toroptsev S.* The Space of the Subjective // *Cinemaya*. Delhi, 1992. № 16.
- Toroptsev S.* The Viewer Viewed // *Cinemaya*. Delhi, 1991. № 12.
- Voskressenski. A.* The Structural Stages of Russian-Chinese Cooperation after the Collapse of the USSR and Prospects for the Emergence of a Forth Stage // *Eurasian Review*. Seoul, Nov. 2012. Vol. 5.

Периодические издания

На русском языке

- Азия и Африка сегодня
 Актуальные проблемы региональной безопасности современной Азии и Африки.
 Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО
 (У) МИД России
 АТР (Азиатско-Тихоокеанский регион)
 Библиография Востока
 Бизнес и политика
 Вести Барнаульского государственного педагогического университета
 Вестник научной информации ИЭ РАН
 Вестник РАН
 Вестник РГНФ
 Вестник Санкт-Петербургского университета
 Внешнеэкономический бюллетень
 Вопросы истории
 Вопросы философии
 Вопросы экономики
 Вопросы языкознания
 Восток (Oriens)
 Восточный архив
 Время новостей
 Гуманитарные науки
 Деньги и кредит
 Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения
 Инвестиции в России
 Индекс безопасности
 Институт Конфуция СПбГУ
 История философии
 Коммерсант
 Кунсткамера: Этнографические тетради
 Международная жизнь
 Международные отношения
 Международные процессы
 Миграция
 Мировая экономика и международные отношения
 Московские новости

Московский журнал международного права
Научные труды Международного Союза Экономистов и Вольного экономического общества России
Наш современник
Независимая газета
Новая и новейшая история
Обозреватель
Общество, государство, политика
Отечественные записки
Педагогика
Перспективы энергетики
Петербургское востоковедение
Полис
Проблемы Дальнего Востока
Проблемы прогнозирования
Проблемы советского Китаеведения
Проблемы теории и практики управления
Пространственная экономика
Российский внешнеэкономический вестник.
Российский экономический журнал
Россия в глобальной политике
Россия и АТР
Россия и глобальная экономика
Россия и современный мир
Россия – Китай: XXI век
Рынок ценных бумаг
Свободная мысль
Советское востоковедение
Сообщения Государственного Эрмитажа
Финансовая аналитика, проблемы и решения
Финансы
Финансы, деньги, инвестиции
Финансы и бизнес
ЭКО (Всероссийский экономический журнал)
Экономика и математические методы
Экономика строительства
Экономическая наука современной России
Энергетическая политика
Этнографическое обозрение

На китайском языке

Бицзяо цзяоюй яньцзю
Вайцань
Жэньминь жибао
Чжэнмин

На западноевропейских языках

Berliner China-Hefte
Cinéma
Comparative Education
Comparative Education Review
Eurasian Review
Journal of Modern Chinese History
Pro et Contra
Tamkang Journal of International Studies

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абаев Н.В. 11, 13, 232, 325
Аблова Н.И. 88
Абраменков А.В. 185, 325
Абраменко В.П. 215, 235, 322, 343
Абрамова Н.А. 182, 335
Авдокушин Е.Ф. 158, 162, 180, 182, 325
Авраменко С.В. 185, 352
Аджимамудов В.С. 258, 325
Адибеков Г.М. 49, 92, 323, 325
Адибекова Ж.Г. 49, 57
Азаренко Ю.А. 261, 284, 340
Азаров Н.М. 254, 260, 335
Ай Сыци 230
Ай Цин 257, 359
Акимов А.В. 8
Акихиро Ивасита 140, 150, 331
Алагуев Т.Г. 286, 325
Александр I 28, 29
Александрова М.В. 11, 137, 141, 145, 148, 150, 170, 171, 184, 285, 286, 325, 326
Александров Б.Г. 237, 330
Алексамян А.Г. 226, 237, 326
Алексахина С.Н. 160, 175, 179, 188, 326
Алексеев В.М. 6, 7, 9, 13, 20, 81, 191, 193, 202–204, 216, 229, 230–233, 239, 242, 245, 253, 254, 257, 260, 323, 326, 338, 349, 351
Аллаберт А.В. 219, 236, 326
Алтайский М.Л. – см. Титаренко М.Н.
Амиров В.Б. 144, 151, 278, 288, 326
Андерсон К.М. 48, 49, 323
Андреева Н.В. 185, 326
Аникеева С.М. 11, 12, 96
Анисимов А.Н. 8, 95, 157, 177, 326
Анисимова И.В. 326
Анна Иоанновна 26
Аносова Л.А. 162, 180, 360
Антипов К.В. 145
Антиповский А.А. 258, 326

Антонов В.И. 108, 123, 326
Арапова Т.Г. 258, 326
Арутюнянц А.Р. 186, 326
Архипов В.Я. 186, 326
Асланов Р.М. 12, 13, 64, 69, 90, 94, 99, 111, 122, 123, 326, 334
Астафьев Г.В. 8, 12, 89
Атанов Н.И. 150, 341
Афанасьев Е.В. 146, 327
Афонасьева А.В. 176, 189, 327
Ахматова А.А. 54, 241, 243, 257, 332
Ахметшин Н.Х. 64, 103, 104, 106, 123, 327
Аюка, хан 48, 346

Б

Ба Цзинь 241, 257, 258, 327, 347
Бадалян Л.Г. 176, 188, 327
Бажанов Е.П. 11, 66, 93, 275, 287, 327
Баженова Е.С. 8, 138, 149, 160, 168, 175, 180, 181, 183, 188, 285, 327
Базылев В.Н. 260, 327
Бакланов П.Я. 171, 184, 327
Балакин В.И. 137, 148, 173, 187, 327
Балашова Э.В. 242
Балдано М.Н. 285
Балюк И.А. 178, 327
Балюк М.А. 178, 327
Бантыш-Каменский Н.Н. 23, 46, 322
Баньди, чиновник 26
Бармин В.А. 93, 95, 326, 327
Барский К.М. 142, 151, 282, 289, 327
Барышников В.Н. 132, 148, 286, 327, 339, 347
Басманов М.И. 10
Батчаев Э.О. 281, 282, 289, 327
Бахтин М.М. 257, 327
Безруков Л.А. 150, 341
Белелюбский Ф.Б. 13
Белкин В.Г. 183, 356
Белль А., фон (Bell A., von) 226

Белов Е.А. 71, 94, 131, 147, 328
 Белова А.С. 173, 187, 328
 Белоглазов Г.П. 74, 95, 328
 Белогурова А.Э. 284
 Белозерова В.Г. 284
 Белоусов С.Р. 11
 Беляков А.В. 88
 Бенкендорф А.Х. 15
 Бергер Я.М. 2, 149, 164, 166, 174, 181, 186, 187, 306, 308, 309, 310, 328
 Бергсон А. (Bergson H.) 193
 Березный Л.А. 12
 Берзин Я.К. 39
 Беринг В. (Bering V.) 27
 Бернадский Ю.И. 171, 185, 328
 Бир Р. (Beer R.) 259, 328
 Бирюлин Е.В. 64, 161, 170, 180, 183, 328
 Бичурин Н.Я. (Иакинф) 3, 6, 12–14, 20, 190, 215, 228, 238
 Блаватская Е.П. 250
 Блажкина А.Ю. 209
 Блюмхен С.И. 211
 Блюхер В.К. 42, 43, 49, 66, 67, 71, 322
 Богатуров А.Д. 130, 147, 310, 328
 Богомолов Д.В. 31
 Богословский В.А. 80, 95, 328
 Бо Ибо 61
 Бо Цзюйи 10
 Бокль Г. (Buckle H.) 216
 Бокщанин А.А. 79, 95, 328
 Болятко А.В. 150, 280, 288, 328, 351
 Бони Л.Д. 8, 11, 157, 160, 176, 178, 179, 188, 308–310, 325, 328
 Боревская Н.Е. 13, 247, 250–253, 257, 258, 259, 260, 261, 286, 326, 328, 329, 344, 351, 352, 355, 361
 Борисенков В.П. 260, 352
 Борисов В.Д. 182, 334
 Бородавкин А.Н. 139
 Бородин М.М. 37, 43–45, 65, 67, 71, 93, 323
 Борох Л.Н. 11, 199, 211, 212, 216, 217, 232, 235, 329
 Борох О.Н. 8, 89, 149, 157, 159, 175, 178, 181, 188, 259, 282, 289, 309, 329, 343
 Братищев В.Ф. 26, 27, 47, 48, 353
 Брус Вл. (Brus Wł.) 153
 Брэй М. (Bray M.) 253
 Бубенцов Е.В. 160, 180, 329
 Бубнов А.С. (Ивановский) 45
 Буланже П.А. 17, 21, 215, 216, 232, 235, 236, 326, 329, 357
 Буров (Георгиев) В.Г. 9, 11, 20, 194, 195, 198, 200, 208, 218, 229, 230, 231, 232, 235, 236, 237, 283, 289, 307, 308, 309, 326, 329, 330, 335
 Бутенко А.П. 306, 307, 309, 330
 Бухарин Н.И. 67
 Бухерт В.Г. 91, 323

Буяков А.М. 94
 Буяров Д.В. 182, 184, 284, 286, 352, 353, 354
 Быков А.И. 186, 330
 Быков Ф.С. 195, 231, 330

В

Ван Би 8, 20, 192, 193, 231, 349
 Ван Вэй 242
 Ван Мин 40, 55, 92, 355
 Ван Хунвэнь 76
 Ван Цзясян 40
 Ван Ци 18, 88
 Ван Чуань-шань (Ван Чуаньшань) 198
 Ван Чун 193, 201, 231, 349
 Ван Ян-мин (Ван Янмин) 193, 194, 197, 213, 231, 339
 Ванин В.И. – см. Шабалин В.И. Варакина М.И. 183, 330
 Васильев В.П. 6, 7, 12, 13, 20, 190, 191, 193, 221, 228, 253, 330
 Васильев К.В. 62, 93, 330
 Васильев Л.В. 62, 92
 Васильев Л.С. 11, 13, 62, 93, 198, 232, 330
 Васильева К.К. 286, 325
 Вахрушин И.В. 173, 186, 330
 Ващук А.С. 285, 330
 Вельгус В.А. 82
 Вербист Ф. (Verbiest F.) 226
 Веремеев Н.В. 186, 330
 Верещагин Б.Н. 66, 93, 140, 325
 Верченко А.Л. 72, 87–89, 94, 97, 280, 288, 330
 Веселов В.Т. 148, 330
 Веселовский Д.Л. 231
 Веселовский Н.Л. 238
 Виноградов А.В. 2, 11, 95, 116, 123, 307–310, 328, 330
 Виноградов А.О. 145
 Виноградов А.П. 330
 Виноградова Н.А. 13, 258, 261, 330
 Витковская Г.С. 265, 285, 286, 330
 Владиславич-Рагузинский С.Л. 25, 26, 47, 48, 337
 Власов С.Н. 172, 182, 186, 331
 Внуков К.В. 132, 139, 147, 331
 Вогель Э. (Vogel E.) 149
 Войтинский Г.Н. 12, 38, 64, 65, 69
 Волкова Л.А. 8, 11, 157, 160, 179, 188, 328, 331
 Волохова А.А. 97, 133, 148, 149, 331
 Воробьев В.Я. 139, 142, 150, 151, 322, 331
 Воробьева Т.А. 75, 95, 331
 Воронина М.В. 187, 331
 Воронова Т.А. 185, 331
 Воронцов А.В. 278, 288, 331
 Воронцов В.Б. 286, 331
 Воропаева О.Н. 133, 148, 331

Воскресенский А.Д. 10, 48, 116, 120, 123, 124, 129,
130, 136, 140, 141, 146, 147, 150, 331
Воскресенский Д.Н. 10, 11, 78, 95, 240, 254, 257,
260, 331, 339
Врагова Н.К. 186, 331
Врадий С.Ю. 58, 92, 331
Вэнь Цзябао 170
Вэнь Цзянь 224, 236, 331
Вяткин А.Р. 10, 96, 326
Вяткин Р.В. 8, 10

Г

Гайда И.В. 240, 244, 255, 258, 261, 331
Галенович Ю.М. 8, 10, 13, 84, 96, 102, 122–124, 132,
137, 139, 147–150, 181, 276, 287, 290, 307, 308,
331, 332
Галицкий В.П. 70, 290, 332
Галлямова Л.И. 285, 332
Гальперин А.Л. 4, 332
Ганшин В.Г. 95, 118, 124, 332
Ганшин Г.А. 11, 158, 159, 175, 178, 179, 188,
306–308, 332
Гао Ман 243, 257, 332
Гарвер Дж. (Garver J.) 149
Гартен Дж. (Garten J.) 164
Гарушняц Ю.М. 8, 49, 74, 332
Гегель Г. (Hegel G.) 7
Гельбрас В. Г. 11, 101, 122, 129, 157, 164, 174, 177,
181, 182, 185, 187, 265–267, 282, 285, 286, 289,
308, 332, 333
Георгиев В.Г. – см. Буров В.Г.
Георгиевский С.М. 6, 7, 12, 13, 20, 190, 191, 228, 333
Герасимова Л.А. 285, 330
Герасимова Т.Г. 88, 89, 97, 333
Гирич Л.М. 161, 178, 180, 333, 356
Глунин В.И. 8, 12, 48, 49, 55, 92
Глухарева О.Н. 13
Голенкова З.Т. 182, 352
Головачев В.Ц. 94, 281, 283, 284, 288–290, 333, 354
Головачева Л.И. 211, 234, 284, 333
Головкин Ю.А. 28, 29
Голосова Е.В. 261, 333
Голубев И.С. 241, 242
Голунов С.В. 285, 350
Гольгина К.И. 240, 257, 333
Го Можо 7 195
Гончаренко Л.И. 342
Гончаров С.Н. 169, 183, 333
Гончарук А.В. 183, 333
Горбачев Б.Н. 109, 123, 333
Горбачев М.С. 131
Горбунова С.А. 13, 55, 88, 90, 224, 225, 236, 333
Гордеева И.В. 278, 288, 333
Горобец Л.А. 224, 236, 331

Городецкая О.М. 212, 260, 333
Горшков М.К. 182, 352
Горький А.М. 7
Готлиб О.М. 256, 261, 333
Го Хэньюй 11, 36, 48
Го Циюн 220, 236, 333
Го Ширли (Го Ваньжун) 287, 333
Грибова Н.В. 173, 186, 333
Григорьев А.М. 8, 11–13, 48, 49, 55, 68, 93, 334
Грицак Е.Н. 259, 334
Гришанова А.Г. 286, 353
Грубе В. (Grube W.) 228
Губарева Л.Г. 257, 327
Губер А.А. 81
Гудошников Л.М. 11, 13, 64, 82, 88, 93, 95, 97, 106,
107, 114, 115, 120, 123, 149, 181, 260, 274, 280,
281, 289, 308, 309, 313, 329, 333, 334, 337, 345, 349
Гумбольдт В. фон (Humboldt W., von) 11
Гумилев Л.Н. 62, 93, 334
Гунсунь Лун 195, 196
Гуревич И.С. 223, 236, 323, 334
Гурулева Т.Л. 183, 330
Гурьян Н.В. 261, 334
Гусаров В.Ф. 9, 21, 198, 232, 334
Гусева М.Б. 181, 182, 338
Гу Яньу 215
Гэ Хун 236, 322

Д

Давыдов А.С. 144, 145, 148, 151, 334
Давыдова М.Б. 20, 47
Дагданов Г.Б. 242, 257, 334
Дай Цзитао 230
Данилов В.Е. 179, 334
Данилова Е.Н. 182, 352
Дарбасов В.Р. 182, 334
Дацзышен В.Г. 11, 75, 95, 96, 138, 147, 237, 263, 285,
334
Деваева Е.И. 150, 171, 185, 334
Дейч Т.Л. 132, 148, 151, 162, 181, 186, 187, 334
Делюсин Л.П. 8, 9, 11, 13, 90, 92, 131, 147, 237, 278,
288, 334, 355, 357
Демидо Н.Ю. 90, 240, 261, 334
Демидова Н.Ф. 20, 46, 47, 346
Денисов А.И. 11, 139
Деофик Д.В. 235, 323
Державин Г.Р. 73
Дикарев А.Д. 160, 180, 335
Димитров Г. 40
Дионисий (Поздняев Д.А.), протоиерей 237
Диттмер Л. (Dittmer L.) 149
Долгов К.М. 207, 233, 335
Домнич Е.Л. 189, 342
Доронин Б.Г. 11, 13, 82, 95, 335

Достоевский Ф.И. 14
 Дрейер Дж. (Dreyer J.) 149
 Друзяка А.В. 285, 335
 Дубинин Ю.А. 148
 Дубинский А.М. 12
 Дубровская Д.В. 225, 237, 335
 Ду Вэймин 208, 213, 220
 Ду Фу 254, 260, 335
 Дудченко Г.Б. 285, 330
 Думан Л.И. 8, 12, 46, 231–233, 324, 326, 338, 349
 Дун Чжуншу 201
 Дынкин А.А. 165, 181, 345
 Дэ Син 26
 Дэн Сяопин 61, 65, 69, 76, 78, 83, 84–86, 93, 95, 96–99, 102, 104, 187, 293, 307, 322, 328, 332, 348, 358
 Дятлов В.И. 265, 269, 284–286, 331, 335, 346, 357

Е

Егоров К.А. 64, 93, 107, 123, 335
 Екатерина II 27
 Елизаветин А.И. 139, 150, 325
 Елихина Ю.И. 259, 335
 Ельцин Б.Н. 129, 275, 276
 Емельянова Т.М. 64, 108, 119, 123, 335
 Еремеев В.Е. 11, 210, 211, 220, 234, 335, 347
 Ефимов Г.В. 9, 12, 70, 88, 97, 335, 337

Ж

Жариков М.В. 182, 325
 Желоховцев А.Н. 240
 Жигулева В.В. 173, 175, 179, 186, 188, 335
 Жуков В.В. 73, 94, 335
 Журавлева В.П. 97
 Жэнь Биши 40
 Жэнь Цзюйюй 195

З

Забияко А.П. 182, 183, 236, 285, 286, 335, 350, 352
 Завадская Е.В. (Виноградова) 13, 245, 258, 261, 284, 290, 335
 Завидовская Е.А. 222, 236, 254, 260, 284, 290, 335
 Завьялова О.И. 6, 89, 243, 244, 258, 261, 335, 336
 Задоев Т.П. 6
 Зазерская Т.Г. 76, 95, 336
 Зайончковская Ж.А. 265, 285, 286, 330, 336
 Залеская О.В. 285, 336
 Занегин Б.Н. 132, 148, 336
 Захарова Н.В. 257
 Захарова О.Д. 285, 353
 Зельницкий А.Д. 221, 236, 336
 Зинин С.В. 257, 336
 Зиновьев Г.В. 144, 151, 279, 288, 336

Зиновьев Г.Е. 41, 67
 Зограф И.Т. 214, 234, 323, 336
 Зоммер Н.И. 228
 Зоимова Э.М. 185, 188, 358
 Зорге Р. 39
 Зубрилова Н.В. 186, 352

И

Иакинф – см. Бичурин Н.Я.
 Иванов А.В. 11, 283, 290, 336
 Иванов А.И. 7, 20, 138, 239, 336
 Иванов В.В. 189, 327, 337
 Иванов И.Д. 178, 352
 Иванов П.М. 58, 59, 74, 92, 226, 237, 275, 283, 284, 287, 289, 290, 336, 354
 Иванов П., свящ. 237, 336
 Иванов С.А. 260, 351
 Иванова Н.И. 189, 327, 337
 Иванчиков А.Г. 162, 181, 336
 Игошина С.В. 235, 329
 Измайлов Л.В. 25
 Изотов Д.А. 171, 175, 176, 185, 188, 336
 Илларионов А.Н. 156, 177, 336
 Илюшечкин В.П. 13
 Иннокентий (Попов-Вениаминов), митрополит Московский и Коломенский 337
 Иннокентий (Фигуровский), митрополит Пекинский 237, 334
 Ин-син Люн Т. 208
 Ионов А.Ю. 215
 Иоффе А.А. 38, 65, 68
 Ипатова А.С. 8, 12, 13, 26, 35, 46, 47, 48, 88, 89, 97, 147, 148, 336, 337
 Исаенко Б.С. 6
 Итс Р.Ф. 12

К

Казаринова О.В. 182, 342
 Калашников Д.Б. 185, 337
 Калкаева А.Б. – см. Старостина А.Б.
 Калужная Н.М. 54, 58, 91, 92, 211, 337, 359
 Каменнов П.Б. 95, 149, 158, 161, 177, 180, 181, 189, 280, 288, 327, 337, 360
 Канси, император 5
 Канаев Е.А. 136, 149, 337
 Кан Шэн 40, 61, 83, 84, 96, 358
 Кан Ювэй (Кан Ю-вэй) 12, 72, 81, 199, 217, 232, 357
 Кант И. (Kant I.) 7
 Капица Л.М. 149, 360
 Капица М.С. 10, 12, 13, 298
 Капустин Д.Т. 286, 337
 Карапетьянц А.М. 210, 234, 235, 323, 337

- Карахан Л. М. 37, 38, 44, 45, 49, 323
 Каретина Г.С. 73, 94, 337
 Карлусов В.В. 11, 172, 179, 185, 307, 337
 Карнеги Д. (Carnegie D.) 127, 130, 145, 262
 Карнеев А.Н. 74, 75, 95, 281, 288–290, 332, 336–338, 340, 341, 343, 345, 356, 358
 Карпов Г.Г. 35
 Карпов М.В. 102, 122, 175, 178, 188, 275, 287, 338
 Каргунова А.И. 8, 11, 12, 42, 43, 49, 54, 55, 64–66, 69, 87, 93, 322, 323, 338
 Кафаров П.И. (Палладий) 6, 7, 20, 190, 220, 338
 Кашин В.Б. 148, 280, 288, 338
 Кашина Н.В. 185, 338
 Кива А.В. 338
 Кирдина С.Г. 310, 338
 Киреев А.А. 185, 338
 Киреев Г.В. 139, 140, 150, 322
 Киселев В.А. 235, 338
 Кистанов В.О. 143, 151, 338
 Клепиков В.З. 246
 Клименко А.Ф. 145, 150
 Клинтон Б. (Clinton W.) 132, 148, 339, 347
 Кобзев А.И. 10, 96, 194, 197, 205, 207, 209–211, 213, 216, 229, 231, 233–235, 237, 323, 325, 339, 352
 Кобызов Р.А. 286, 350
 Ковалев Е.Ф. 8, 12
 Коваленко В.Н. 172, 186, 339
 Кожевникова Н.И. 286, 353
 Козлов А.А. 161, 180, 339, 340
 Козырев В.А. 74, 75, 94, 95, 281, 282, 289, 290, 332, 336, 338, 340, 341, 343, 345, 351, 356, 358
 Кокарев К.А. 64, 95, 106, 113, 115, 120, 123, 280, 281, 289, 334, 340
 Коледенкова Н.Н. 160, 176, 179, 189, 340
 Колоколов В.С. 6
 Колотов В.Н. 136, 149, 151, 340
 Колчин С.П. 186, 340
 Комиссаров С.А. 261, 340
 Комиссина И.Н. 150, 340
 Кондратьева Е.Б. 256, 261, 340
 Кондрашевский А.Ф. 258, 340
 Кондрашова Л.И. 8, 11, 157, 159, 174, 179, 181, 187, 188, 215, 287, 307, 308, 309, 310, 323, 338, 340, 351, 357
 Конрад Н.И. 7, 200, 231, 232, 242, 323, 324
 Конфуций 7, 14–18, 20, 21, 86, 190, 191, 194–196, 198, 199, 201, 204, 211, 214, 215, 230–235, 237, 257, 260, 315, 323, 329, 333, 334, 343, 344, 348, 350, 354, 357, 362
 Коржубаев А.Г. 141, 150, 341
 Коркунов И.Н. 160, 161, 179, 188, 331, 340, 344, 351
 Корнай Я. (Kornai J.) 153
 Корнейчук Н.Н. 159, 179, 287, 307, 340, 357
 Коробова А.Н. 260, 340
 Королева В.А. 285, 330
 Коротков Н.Н. 6
 Корсун В.А. 136, 137, 149, 340
 Костяева А.С. 57, 92, 340
 Котельникова Т.В. 75, 95, 340
 Котенко Р.В. 235
 Котляров Н.Н. 172, 185, 340
 Котова Т.Е. 185, 334
 Кочергин И.В. 182, 340
 Кочетова С.М. 13
 Кочкин П.Е. 186, 341
 Кравцова М.Е. 11, 191, 231, 242, 254, 257, 260, 341
 Кранина Е.И. 160, 170, 176, 180, 183, 189, 328, 341
 Криворотов В.Ф. 176, 188, 327
 Кривцов В.А. 8, 12, 212, 234, 341
 Кроль Ю.Л. 11, 82
 Кропотов И.И. 26, 27, 28, 47, 48, 324
 Круглов А.М. 147, 179, 339, 341
 Кругман П. (Krugman P.) 163
 Крутиков К.А. 66, 93, 325, 341
 Крушинский А.А. 210, 212, 220, 234, 337, 341
 Крушинский А.С. 149, 93, 341
 Крюгер И. (Krüger Ch.) 48, 49
 Крюков В.М. 13, 73, 74, 94, 256, 261, 341
 Крюков М.В. 148, 149, 181
 Куа А. (Cua A.) 233, 361
 Кузнецов В.С. 12, 13, 131, 147, 225, 237, 286, 335, 341
 Кузнецов Д.В. 149, 341
 Кузнецов И.Б. 184, 341
 Кузнецов С.Г. 173, 186, 341
 Кузнецова В.В. 173, 186, 278, 282, 288, 341
 Кузнецова Т.Е. 181, 182, 338
 Кузык Б.Н. 19, 21, 123, 124, 149, 151, 165, 181, 310, 341
 Кузьменко Л.И. 261, 341
 Кулешов В.В. 141, 150, 171, 184, 341
 Кулик А.Б. 129, 146, 341
 Кулик Б.Т. 10, 11, 21, 75, 76, 89, 95, 131, 136, 137, 147, 149, 341
 Куликова Г.В. 88, 135, 149, 341
 Кульнева П.В. 187, 341
 Кульчицкая И.Б. 148
 Кунадзе Г.Ф. 143, 145, 151, 342
 Курбатов В.П. 160, 180, 342
 Курдюков И.Ф. 46, 324
 Куртов А.А. 150, 340
 Кучера С.Р. 13, 62, 78, 93, 95, 284, 342
 Кучерявенко В.Е. 175, 188, 336
 Кычанов Е.И. 13, 82, 95, 342
 Кюзаджан Л.С. 13

Л

- Лавров С.В. 139
 Лаврушин О.И. 342
 Лазарева Т.В. 80, 96, 106, 123, 124, 342

Лао-цзы (Лао Цзы) 11, 14, 16, 194–196, 201, 231, 233, 343, 360
 Лао Шэ 7, 260, 352
 Лапердина В.В. 175, 187, 309, 342
 Лапин Н.И. 310, 342
 Лапина З.Г. 62, 92
 Ларин А.Г. 2, 129, 137, 148, 149, 263, 277, 280, 281, 283, 285, 286–290, 342, 350
 Ларин В.В. 36
 Ларин В.Л. 11, 127, 129, 138, 140, 146, 147, 150, 265, 285, 286, 342
 Ларина Л.Л. 286, 342
 Лебедева Н.А. 257, 342
 Легг Дж. (Legge J.) 16
 Ледовский А.М. 8, 13, 20, 47, 48, 54, 89, 91, 131, 147, 323
 Лейтнер М. (Leitner M.) 11, 36, 48, 49
 Лексютина Я.В. 136, 144, 149, 151, 279, 288, 342
 Ленин В.И. 41, 67
 Ленков П.Д. 223, 236
 Леонов С.Н. 189, 342
 Леонтьев А.Л. 6, 190
 Ле-цзы 196, 200, 201, 209
 Ли Бо (Ли Бай) 10, 254, 260, 339, 357, 361
 Ли Дачжао 9, 200, 232, 323
 Ли Дэньхуэй 283
 Ли Пэйлинь 182, 352
 Ли Пэн 164
 Ли Сяотао 21, 97, 361
 Ли Теин 177, 361
 Ли Фанпин 259, 342
 Ли Хун-чжан (Ли Хунчжан) 258
 Ли Цзи Шен (Ли Цзишен) 182
 Ли Цзунъу 259
 Ли Цинчжао 10
 Ли Чжоу 177, 361
 Ли Юй 257, 342
 Линь Бяо 60, 199
 Линь Ифу 177, 361
 Линь Цзэской 58, 92, 331
 Линь Юйтан 250, 259, 342
 Лисевич И.С. 241, 242, 259, 343
 Литвинова Е.В. 185, 352
 Литвинов М.М. 31
 Литвинов О.В. 276, 287, 343
 Логвинов Г.С. 146, 327
 Ло Жунбан 217
 Лозинский М.Л. 241
 Ломанов А.В. 2, 10, 89, 137, 149, 208, 217, 235, 237, 251, 259, 283, 287, 290, 309, 329, 343, 361
 Ломоносов М.В. 10, 86, 318
 Лопатина А.В. 172, 185, 343
 Лоу Цинси 259, 343
 Лубо-Лесниченко Е.И. 21, 258, 343

Лузянин С.Г. 10, 89, 97, 132, 137, 141, 142, 145, 148, 150, 152, 278, 288, 343, 358
 Лукин А.В. 11, 21, 135, 138, 141, 149, 150, 276, 284–287, 290, 336, 343, 346, 352
 Лукин В.П. 127
 Лукьянов А.Е. 10, 96, 194, 205, 207, 208, 215, 216, 233, 235, 322, 343
 Лунев С.И. 148, 360
 Лу Синь 7, 8, 20, 352
 Лылова М.С. 186, 344
 Лысенко Ю.А. 95, 326
 Лычагин А.И. 175, 188, 344
 Лю Данянь 81
 Лю Хайфэн 259, 361
 Лю Хуаян 222
 Лю Шаоци 9, 34, 52, 60, 61, 84, 96, 131, 230, 331
 Лю Шипэй 198
 Лю Шусянь 208, 220
 Любомудров А.В. 187, 344
 Лян Цисюн 195
 Лян Цичао 195, 199, 211, 216, 217, 230, 235, 329
 Лян Шумин 12, 200, 218, 230, 235, 344, 355

М

Мазырин В.М. 186, 344
 Майборода Д.Ю. 151, 344
 Майоров В.М. 215, 234, 324
 Макарова Н.С. 187, 331
 Макеев Ю.А. 175, 186, 188, 344, 353
 Макиенко К.В. 146, 175, 344
 Максимов А.А. 282, 289, 344
 Малиновская Т.А. 244, 258, 344
 Малов В.Ю. 150, 341
 Малявин В.В. 11, 13, 205, 232, 233, 234, 241, 257, 259, 281, 289, 344
 Мамаев А.В. 176, 189, 344
 Мамаева Н.Л. 1, 2, 10–12, 55, 56, 64, 82, 87–89, 92–95, 97, 122–124, 148, 309, 313, 334, 337, 344, 347, 361, 366
 Мамонов М.В. 152, 343
 Мандрыка Н.Н. 160, 179, 344
 Манежев С.А. 181, 344
 Манухин В.С. 257
 Мао Дунь 7
 Мао Цзэдун 9, 54, 61, 65, 84, 87, 93, 96, 308, 323, 332, 348
 Мардашев А.А. 151, 344
 Маринг Г. – см. Снефлит
 Маркина Е.В. 342
 Мартынов А.С. 11, 82, 211, 214, 234, 323
 Мартынов Д.Е. 96, 217, 219, 228, 235, 236, 237, 344
 Маршалл Дж. (Marshall G.) 53
 Масалимова Д.Д. 260, 344

- Маслов А.А. 13, 286, 344
 Ма Хайтао 186, 340
 Машкина О.А. 189, 344, 345
 Маяковский В.В. 7
 Мейерхольд В.Э. 239
 Меланьин И.И. 12
 Меликсетов А.В. 8, 13, 92, 274, 281, 286, 289, 345
 Мелихов Г.В. 60, 92, 147, 345
 Мельникова Н.И. 11, 49, 55, 87, 97, 345
 Мельянцев В.А. 282, 289, 345
 Меньшиков Л.Н. 11, 197, 231, 241, 345
 Меньшикова М.Л. 258, 345
 Микоян А.И. 34, 52, 91, 131, 323
 Миллер Э. (Miller E.) 149
 Мин, династия 11, 78, 259, 359
 Минакир П.А. 182, 184, 345, 360
 Минаков Ю.В. 161, 180, 345
 Миндогулов В.В. 285, 353
 Мировицкая Р.А. 8, 12, 13, 20, 33, 47, 48, 59, 69, 88, 92, 131, 147, 148, 323, 345
 Михеев В.В. 142, 146, 151, 161, 180, 186, 278, 328, 345
 Мицкевич А. (Mickewicz A.) 149
 Мишин И.А. 176, 189, 345
 Мо Ди – см. Мо-цзы
 Мо-цзы (Мо Ди) 11, 192, 194, 195, 196, 197, 201, 231, 356
 Мозиас П.М. 170, 184, 287, 289, 345
 Моисеев В.А. 79, 95, 151, 345
 Мокрецкий А.И. 145
 Молодцова Л.И. 157, 177, 178, 345
 Молотов В.М. 33
 Монастырев Н.И. 323, 235
 Монзелер Г.О. 202
 Монтескье Ш.-Л., де (Montesquieu Ch.-L., de) 216
 Мороз И.Т. 8, 12, 20, 35, 46, 47, 48, 139, 345, 346
 Морозов Ю.В. 145
 Москалев А.А. 13, 80, 89, 96, 119, 123, 124, 148, 346
 Мосяков Д.В. 136, 149, 346
 Мотрич Е.Л. 269, 286, 346
 Моу Цзунсань 213, 217, 220
 Мочульский А.Ф. 150, 343
 Мугрузин А.С. 8, 95, 346
 Мудров Б.Б. 6
 Мур Г. (Moore G.) 149
 Муриан И.Ф. 13
 Муромцева З.А. 8, 11, 159, 176, 179, 189, 308, 346
 Мытаров Т.Е. 231
 Мэддисон А. (Maddison A.) 310, 362
 Мэй Ланьфан 7, 32
 Мэн Хаожань 257, 334
 Мятлев В.А. 27
- Н**
- Най Дж. (Nye J.) 249
- Намозов О.Ш. 172, 185, 346
 Наполеон Бонапарт (Napulione Buonaparte) 29
 Нарочницкий А.Л. 81
 Наумов И.Н. 89, 158, 178, 180, 181, 308, 309, 346, 360
 Невилл Р. (Neville R.) 208
 Неглинская М.А. 261, 346
 Нейман В.А. (Никольский) 65, 93, 338
 Непомнин О.Е. 12, 79, 82, 90, 95, 250, 328, 346
 Неронов Р.М. 89
 Нестерова Е.И. 285, 335, 347
 Нешумов Ю.А. 140
 Не Юаньдун 220
 Ни Жуйцинъ 258, 347
 Никифоров В.Н. 8, 12, 63, 70, 93, 97, 182, 338, 347
 Никифоров Л.В. 181, 338
 Николай II 258, 345
 Николай, свт. 346
 Никольский М.М. 8, 65, 93, 338
 Никсон Р. (Nixon R.) 9
 Ницше Ф. (Nietzsche F.) 193, 258, 357
 Ни Чжифу 84
 Новгородская Н.Ю. 20, 47
 Новгородский Ю.В. 8
 Новикова Е.В. 261, 347
 Новоселова Л.В. 11, 156, 158, 161, 173, 177, 180, 187, 338, 347, 356
 Носов М.Г. 151, 347
- О**
- Обама Б. (Obama B.) 144
 Окладников А.П. 13
 Ольденбург С.Ф. 214, 221
 Ольсевич Ю.Я. 182, 347
 Омельченко О.А. 80
 Оникиенко А.Ф. 287, 357
 Орлова Н.А. 234, 347
 Осенмук В.В. 261, 347
 Островерхов А.Н. 72
 Островский А.В. 2, 7, 8, 11, 97, 128, 148, 149, 160, 161, 166, 168–170, 174, 175, 178–184, 187–189, 285, 286, 289, 308, 309, 325, 327, 337, 340, 344, 347, 348, 352, 353, 355, 358, 360
 Островский Н.А. 7
 Охотникова Л.М. 160, 179, 183, 348
 Ошанин И.М. 6, 9, 203, 233, 243, 328, 339
 Ощепков И.А. 183, 348
- П**
- Пайкес А.К. 38
 Палкин С.Е. 183, 348
 Палладий – см. Кафаров П.И.
 Панарин С.А. 286, 335
 Пан Давэй 182, 352

Панцов А.В. 49, 67, 70, 85, 93, 96, 97, 322, 348
 Пань Тяньшоу 258, 330
 Панюшкин А.С. 7
 Парамонов В.В. 182, 183, 348
 Пащенко Е.Г. 64, 108, 123, 348
 Педин А.В. 148, 348
 Пелевина К.А. 183
 Переломов Л.С. 9, 10, 12, 21, 82, 89, 96, 97, 198, 199,
 208, 211, 215, 218, 231, 232, 234, 235, 237, 284,
 290, 309, 313, 323, 337, 348, 349
 Перская В.В. 186, 360
 Песков Ю.С. 136, 137, 142, 148, 149, 349
 Петлин И. 23
 Петр I 5, 25
 Петр III 47
 Петров А.А. 7, 8, 20, 35, 191–193, 202, 231, 233, 326,
 338, 349
 Петров А.И. 285
 Петров В.В. 10
 Петровский В.Е. 145
 Петрушевский И.П. 97
 Петухов И.А. 149, 177, 180, 189, 349
 Петушкова В.В. 170
 Пивоварова Э.П. 8
 Пиковер А.В. 177, 189, 349
 Пиотровский Б.Б. 258
 Писарев А.А. 11, 92, 95, 138, 277, 288, 338, 349
 Плахов А.С. 258, 349
 Плотников А.Н. 176, 189, 349
 Подолько Е.О. 145, 151, 349
 Пожилов И.Е. 73, 94, 349
 Позднеева Л.Д. 9
 Позняк Т.З. 285, 349
 Покровский Н.Н. 48
 Полтерович В.М. 175, 188, 349
 Поляк Г.Б. 186, 352
 Полякова Т.В. 183
 Померанцева Л.Е. 9
 Понкратова Л.А. 150, 182, 183, 185, 286, 350, 352
 Попов Г.Х. 292
 Попов Е.В. 184, 359
 Попов Е.Н. 184
 Попов П.С. 6, 7, 20, 190, 233, 234, 235, 323, 350
 Попова И.Ф. 63, 82, 93, 350
 Попова Л.В. 171, 172, 185, 187, 350
 Попова О.Н. 97
 Поповцев Д.В. 236
 Портяков В.Я. 2, 8, 11, 95, 104, 123, 124, 137,
 147–149, 151, 152, 157, 161, 177, 178, 180, 181,
 184, 187, 269, 285, 286, 306–310, 325, 327, 350,
 358, 360
 Порунов А.Н. 189, 350
 Поршнева Е.Б. 221
 Пострелова Т.А. 13
 Потапов В.И. 11

Потапов М.А. 158, 161, 163, 171, 175, 180–185, 188,
 351
 Примаков Е.М. 132
 Присяжный М.Ю. 182
 Пу И 83, 96, 358
 Пу Сунлин 10
 Пубаев Р.Е. 80
 Пузицкий Е.В. 21
 Путин В.В. 19, 351
 Пушкин А.С. 14, 15, 18, 257, 332
 Пэн Бай 9
 Пэн Дэхуай 60, 84, 96, 332

Р

Равски Т. (Ravski Th.) 163, 164
 Радек К.Б. 41, 45, 49, 322
 Радуть-Затуловский Я.Б. 194, 231
 Разов С.С. 139
 Рамо Дж. (Ramo J.) 299
 Раскольников Ф.Ф. 67
 Рассохин И.К. 6
 Расулов А.Ф. 186, 360
 Рахимов Т.Р. 13, 89
 Рахманин О.Б. 10, 12
 Ревуцкий А.В. 176, 189, 351
 Резван Е.А. 259, 351
 Ремыга В.Н. 178, 325, 347
 Рерих Ю.Н. 259, 261, 335, 351
 Решетов А.М. 13
 Рифтин Б.Л. 10, 13, 21, 242, 257, 284, 290, 352, 361
 Риччи М. (Ricci M.) 225, 237, 335
 Рогачев А.П. 10
 Рогачев И.А. 128, 139, 146, 352
 Роговая Л.А. 49
 Рогов В.Н. 7, 20, 352
 Родионов А.А. 260, 352
 Родионов М.А. 185
 Рожанский М.Я. 286, 335
 Розенберг О.О. (Rosenberg O.) 221
 Рой М.Н. 67
 Романов А.Н. 186, 352
 Романова Г.Н. 11, 138, 352
 Россохин И.К. 27
 Роуч С. (Roach S.) 163
 Рубин В.А. 90, 216, 232, 235, 352
 Рудова М.Л. (Пчелина) 13
 Рудько-Силиванов В.В. 186, 352
 Румянцев А.М. 235, 352
 Румянцев М.К. 6
 Румянцева М.В. 258, 340
 Руссо Ж.-Ж. (Rousseau J.-J.) 216
 Рыбаков В.М. 13, 82
 Рыбаков Р.Б. 337
 Рыбаковский Л.Л. 269, 285, 286, 353

Рыжова Н.П. 171, 176, 184, 188, 335, 353
 Рыжов Н.И. 150
 Рыков С.Ю. 233, 353
 Рыкова С.Л. 70, 94, 353
 Рысаков А.С. 215, 234, 324
 Рысакова П.И. 259, 353
 Рябченко Н.П. 74, 95, 131, 147, 353
 Рязанцев С.В. 286, 353

С

Савинский С.П. 160, 180, 186, 189, 327, 353
 Сазонов С.Л. 171, 176, 184, 189, 353
 Салицкий А.И. 163, 175, 181, 182, 188, 278, 288, 309, 351, 353
 Самойлов Н.А. 11
 Самосюк К.Ф. 258, 353
 Сан Е 241, 257, 359
 Санеев Б.Г. 150, 341
 Саприка Д.А. 162
 Саркисова Г.И. 8, 12, 20, 35, 47, 48, 324
 Сафронова Е.И. 132, 137, 145, 148, 278, 288, 343, 353
 Свечников Д.В. 186, 326
 Свешников А.А. 133, 137, 142, 148, 149, 354
 Севистунова Н.П. 13
 Севальнев В.В. 189, 354
 Сейч Т. (Saich T.) 49, 362
 Селиванова Е.Ф. 158
 Селихов Д.М. 189, 354
 Селищев А.С. 173, 186, 354
 Семанов В.И. 257
 Семененко И.И. 11, 232, 354
 Семин А.В. 132, 137, 148, 151, 354
 Сенин Н.Г. 8, 232, 322, 323, 354
 Серебряков Е.А. 10
 Серебряный А.Я. 62
 Серова С.А. 212, 240, 244, 254, 255, 258, 261, 354
 Се Тяо 253, 260, 359
 Се Чжоу 21, 97, 361
 Сибирякова О.С. 175, 188, 354
 Сигарева Е.П. 286, 353
 Сидихменов В.Я. 306, 307, 354
 Симонов К.М. 7, 8, 12
 Симутина Н.Л. 186, 331
 Синецкая Э.А. 61, 92, 354
 Синиченко В.В. 285, 354
 Синьбой Я. 308, 359
 Си Цзиньпин 141, 150, 230
 Скачков К.А. 6, 12, 20, 21, 22, 46, 323, 354
 Скачков П.Е. 3, 4, 6, 12
 Скрипкин А.В. 62
 Сладковский М.И. 8, 10, 12, 13, 20, 89, 92, 354
 Смахтин Д.А. 173, 186, 353
 Смирнов А.А. 148, 330
 Смирнов Д.А. 2, 64, 69, 82, 88, 95, 100, 113, 120, 122–124, 308, 354
 Смирнова О.В. 186, 354
 Смолин Г.Я. 63, 82, 93, 354
 Смольников С.В. 151, 347
 Снефлит Г. (Sneefliet H., Маринг Г.) 49, 64–66, 362
 Собакина Д.М. 187, 331
 Соколов С.Н. 240
 Соколов-Ремизов С.Н. 258, 354
 Солнцев В.М. 6
 Солнцев О.Г. 173, 186, 354
 Солнцева М.Г. 179
 Соловьев В.Ф. 285, 354
 Солонин К.Ю. 236, 322
 Сорокин В.Ф. 10, 21, 240, 244, 257, 284, 290, 327, 355
 Сорокин Ю.А. 260, 327
 Сорокина Т.Н. 285, 355
 Сотникова И.Н. 11, 36, 55, 69, 88, 92, 94, 355
 Софьянников И.Р. 174, 187, 355
 Спафарий Н.Г. 25
 Спешнев Н.А. 240, 250, 259, 355
 Спирин В.С. 11, 197, 231, 355
 Спичак Д.А. 70, 94, 355
 Спрогис Е.В. 129, 146, 161, 180, 355
 Стабурова Е.Ю. 58, 92, 355
 Стадвелл Дж. (Studwell J.) 163
 Сталин И.В. 33, 34, 39–42, 44, 52, 53, 64, 91, 147, 323
 Старостина (Калкаева) А.Б. 11, 218, 220, 235, 236, 333, 344, 355
 Старцев А.В. 79, 95, 326
 Степанов Е.Д. 133, 135, 136, 148, 149, 181, 333, 355
 Степанова Г.А. 13, 59, 64, 88, 92, 93, 97, 108, 115, 118, 123, 280, 289, 313, 334, 337, 355
 Степугина Т.В. 79, 95, 328
 Стефаненко Т.Г. 273, 286, 355
 Столповский О.А. 182, 183, 348
 Столыпин П.А. 269
 Стомоняков Б.С. 31, 32
 Сторожук А.Г. 212, 234, 253, 260, 355
 Стровский Л.Е. 171, 185, 356
 Строков А.В. 182, 183, 348
 Стужина Э.П. 13
 Стюарт Дж. (Stewart J.) 35
 Сун, династия 11, 213, 244, 261, 334, 347
 Сун Цзывэнь 33, 59
 Сун Цинлин 65, 93, 323
 Сунь Фо 32, 33
 Сунь-цзы 200, 201, 232, 323
 Сунь Ятсен 21, 38, 49, 54, 66, 73, 87, 91, 94, 232, 324, 341, 357
 Сурков В.В. 187, 356
 Сутьрин С.Ф. 186, 339
 Сухарчук Г.Д. 11
 Сыкун Ту 7, 20, 326
 Сыма Цянь 21, 324
 Сысоева Н.М. 150, 341

Сычев В.Л. 13
 Сычев Л.П. 13
 Сычева В.А. 286, 356
 Сычева Н.С. 13
 Сюй Бэйхун 32
 Сюй Минь 147, 350
 Сюй Фугуань 217
 Сянь-цзы 192, 195, 196, 200, 201, 210, 216, 231, 235, 358
 Сяо Хун 257, 342

Т

Тавровский Ю.В. 276, 287, 356
 Тайской 224
 Тан, династия 11, 63, 223, 234, 243, 256, 260, 261, 340, 355
 Тан Дуаньчжэн 220
 Тан Сытун 12
 Тан Цзюньи 217, 220
 Тан Шэнчжи 43
 Тао Юаньмин 10
 Тарасова А.И. 20
 Тарасова Н.В. 286, 353
 Таскина Е.П. 132, 147, 356
 Таскин В.С. 13, 231
 Татаркин А.И. 186, 360
 Таций В.В. 309, 353
 Терентьева Т.Г. 161, 187, 356
 Тертицкий К.М. 13, 221, 236, 290, 356
 Тимонова Е.В. 261, 340
 Тимофеев О.А. 144, 151, 356
 Тимофеев Т.Т. 299
 Тимофеева Н.Н. 70
 Титаренко (Алтайский) М.Л. 2, 9–11, 19–21, 36, 48, 49, 63, 82, 88–90, 93, 95–98, 109, 110, 122–124, 128, 129, 137, 143, 146, 148, 149, 151, 157, 161, 165, 178–181, 183, 184, 189, 194–196, 200, 201, 204, 205, 207, 208, 228, 231–233, 235–237, 268, 276, 286, 287, 289, 307–310, 323, 324, 326, 328, 329, 332, 335–341, 346–349, 351, 352, 355, 356, 358–360, 366
 Титов А.С. 55, 60
 Тихвинский С.Л. 7–10, 12, 13, 20, 21, 24, 36, 46–48, 52, 58, 60, 61, 80–82, 89, 91, 92, 94, 96, 97, 122, 123, 140, 141, 147, 148, 150, 199, 200, 232, 237, 250, 308, 313, 324, 328, 331, 334, 336, 337, 345–347, 351, 356, 357
 Ткаченко Б.И. 9, 11, 21, 140, 147, 150, 205, 213, 233, 234, 323, 357
 Тодер Ф.А. 274, 286, 357
 Тойнби А. (Тоунбее А.) 133
 Толстой Л.Н. 14–18, 21, 216, 243, 258, 347, 357, 360
 Томберг И.Р. 169, 357
 Томберг Р.И. 183, 186, 357

Тон Вэй 186, 340, 352
 Торопцев С.А. 2, 13, 240, 250, 257, 258, 259, 260, 261, 290, 329, 355, 357
 Торчинов Е.А. 11, 13, 216, 223, 228, 236, 237, 357
 Тренин Д.В. 130, 145, 147, 151, 357
 Тригубенко М.Е. 287, 294, 295, 306, 307, 330, 357
 Трифионов В.И. 89, 144, 145, 149, 151, 276, 287, 288, 357, 358
 Троекурова И.С. 183, 358
 Троцкий Л.Д. 41, 67
 Трошина Е.А. 187, 358
 Трощинский П.В. 64, 115, 116, 123, 308, 358
 Трумэн Г. (Truman Н.) 53
 Труш С.М. 149, 288, 358
 Тулина И.А. 88
 Тулишэнь 48, 346
 Тулохонов А.К. 185, 188, 358
 Турчак Т.В. 2
 Тусунян Г.А. 310, 342
 Туши (Тоси) 26
 Ту Шунь 199
 Тырцев С.А. 182, 186, 331
 Тянь Хань 258, 325

У

У Дэ 84
 У Пэйфу 41, 44, 73
 У Цзы 353
 Ульянов М.Ю. 96
 Унтура Г.А. 189, 358
 Уолдрон А. (Waldron А.) 164
 Усов В.Н. 13, 60, 69, 70, 77, 82, 92, 95–97, 358
 Ушаков И.В. 170, 183, 188, 234, 323, 332, 358
 Уянаев С.В. 89, 137, 143, 145, 151, 358

Ф

Фа Цзан 199
 Фадеев А.А. 7
 Фань Чжэн 201
 Федоренко Н.Т. 7, 8, 10, 20, 54, 91, 231, 325, 333, 358
 Федоровский А.Н. 151, 358
 Фельбер Р. (Felber R.) 11, 48, 49
 Феоктистов В.Ф. 11, 69, 89, 194, 208, 209, 216, 227, 231, 232, 233, 235, 237, 343, 358
 Филонов С.В. 223, 224, 236, 358
 Фицджеральд С. (Fitzgerald Ch.) 243, 257, 358
 Флоринский В.Ф. 46
 Фомина М.М. 182, 351
 Фортигина Е.А. 170, 183, 358
 Франчук Н.В. 258, 326
 Фроленков В.С. 186, 358
 Фролова М.Г. 258, 340

Фромм Э. (Fromm E.) 258, 357
 Фрунзе М.В. 37, 45
 Фэйрбэнк Дж. (Fairbank J.) 81
 Фэн Дин 230
 Фэн Цицай 260, 340
 Фэн Юйсян 38, 43, 44, 45, 73
 Фэн Юлань 195, 199, 235, 343

Х

Хабибулин А.Г. 308, 359
 Хазанов А.М. 186, 348
 Хаймурзина М.А. 236, 335
 Хаматова А.А. 6
 Хань, династия 9, 21, 86, 97
 Хань Фэйцзы 11, 20, 196
 Хань Юй 9, 21, 198, 212, 232, 334
 Харнский К.А. 12
 Хачатурян О.А. 261, 340
 Хвостов В.М. 81
 Хмелев А.П. (Аппен) 67
 Ходов Л.Г. 174, 187, 359
 Хорос В.Г. 299, 359
 Хоу Вайлу 7, 195, 203
 Хоу Хаосянь 258, 357
 Хохлов А.Н. 12, 82, 90, 96, 284
 Хрущев Н.С. 54, 136
 Ху Аньган 310, 361
 Ху Сяньчжан 88
 Ху Цзиньги 38, 44
 Ху Цзиньгао 78, 84, 95, 96, 103, 117, 123, 124, 181, 230, 249, 309, 329, 332, 350
 Ху Цюйюань 195
 Ху Цяому 230
 Ху Ши 12, 191, 200, 230, 235, 338
 Ху Яобан 84, 104
 Хуа Гофэн 76
 Хуа Ли 237, 361
 Хуан Куань 201
 Хуан Лилян 235, 343
 Хуан Юй 7
 Хуан Яшэн (Яшен Хуан) 164, 360
 Хуземи Д.В. 260, 359
 Хузиятова Н.К. 260, 359
 Хун-жэнь 223
 Хуэй Ши (Хуэй Цзы, Хуй Ши) 193, 195, 196
 Хэ Линь 200, 235, 343
 Хэ Фан 133
 Хэ Чуаньци 299, 308

Ц

Цай Фан 177, 361
 Цзинь, династия 244, 257, 258, 260, 327, 344, 347, 359
 Цзун-ми 223

Цзян Тинфу 31
 Цзян Хунвэй 237, 361
 Цзян Цзин 171, 185, 356
 Цзян Цзинго 33, 34, 92, 283, 290, 332
 Цзян Цзэминь 65, 78, 85, 93, 95, 103, 104, 117, 124, 148, 181, 230, 309, 324, 339, 347, 350
 Цзян Цин 61, 76, 220
 Цзян Чанбинь 149, 361
 Цзян Чжунчжэн – см. Чан Кайши
 Цин, династия 11, 15, 23, 79, 95, 217, 346
 Цинь, династия 21, 86, 97, 313, 337
 Цинь Шихуан 86
 Цыганов Ю.В. 288, 359
 Цыплаков С.С. 184, 359
 Цыренов Д.Г. 175, 188, 359
 Цюй Цюбо 7, 9, 230, 232, 324
 Цюй Юань 8, 10, 20, 358
 Цянь Му 217
 Цянь Сюнь 220, 236, 359

Ч

Чан Г. (Chang G.) 163
 Чан Кайши (Цзян Чжунчжэн) 31–34, 38, 43, 53, 71, 85, 87, 96, 200, 226, 230, 274, 277, 283, 290, 332
 Чебоксаров Н.Н. 13
 Черешнев В.А. 186, 360
 Черкасский Л.Е. 10, 241, 257, 359
 Черная И.П. 171, 184, 359
 Чернолуцкая Е.Н. 285, 330, 359
 Черномырдин В.С. 164
 Черный В.В. 276, 287, 359
 Чернышевский Н.Г. 14
 Чертков В.Г. 16
 Чжан Бо-дуань (Чжан Бодуань) 236, 324
 Чжан Бинлинь 54, 58, 91, 92, 198, 211, 337, 359
 Чжан Вэй 150
 Чжан Готоа 41
 Чжан Имоу 245, 261, 357
 Чжан Синьсинь 241, 257, 359
 Чжан Цзай 201, 215, 234, 324
 Чжан Цзолинь 44, 73, 94, 337
 Чжан Чуньцяо 76
 Чжань Янь 259, 359
 Чжао Цзыян 84, 85, 96, 332
 Чжоу, династия 256, 261, 341
 Чжоу Дуньи 215, 234, 324
 Чжоу Эньлай 10, 21, 34, 35, 40, 53, 60, 61, 81, 91, 92, 323, 324, 357
 Чжоу Юндун 88
 Чжу Дацю 227, 237, 361
 Чжу Дэ 60, 73, 94, 349
 Чжу Си – см. Чжу-цзы
 Чжу Сяньпин 18
 Чжу Сяомань 260, 351, 352

Чжуан-цзы 11, 194, 195, 196, 200, 201, 209, 214,
232, 234, 323, 344

Чжу-цзы 214

Чжэн Шу-пин (Чжэн Шупин) 288, 334

Чигринский М.Ф. 284

Чичерин Г.В. 38, 44, 49, 323

Чуванкова В.В. 175, 179, 188, 359

Чудодеев Ю.В. 12, 95, 359

Чумаковский И.О. 276, 287, 359

Чуфрин Г.И. 145, 287, 288, 289, 326, 328, 337, 353,
356

Чэ Юйлинь 220

Чэн Чжунгъин 208

Чэнь Бода 61

Чэнь Дусю 9, 69, 70, 94, 230, 353

Чэнь Лифу 200, 230

Чэнь Мин 220

Чэнь Хаосу 15

Чэнь Цзявэй 281, 289, 344

Чэнь Чжэньхань 188, 329

Чэнь Шуйбянь 289, 333, 345

Чэнь Юнь 9, 61, 293

Ш

Шабалин В.И. (Ванин В.И.) 8, 11, 20, 147, 178, 184,
188, 325, 330, 350, 352, 355

Шан Ян 11, 201

Шаринов Д.Н. 173, 186, 359

Шаумян Т.Л. 143, 151, 341

Шахматов А.В. 175, 182, 188, 351, 353

Шахназарова Э.Н. 57, 92, 325

Шахрай С.М. 308, 359

Шевелев К.В. 11, 13, 48, 49, 54, 55, 89, 91, 93, 94,
324, 359

Шевель И.Б. 158, 178, 180, 186, 325, 359

Шейнгауз А.С. 176, 189, 360

Шепелева Н.В. 139

Шик О. (Šik O.) 153

Шилов А.П. 220, 236, 360

Шириня К.К. 49, 57, 92, 323, 325

Широков Г.К. 148, 360

Шитов А.В. 115

Шифман А.И. 21, 360

Шишкин М.А. 176, 189, 360

Шлындов А.В. 137

Шредер К. (Schroeder K.). 173, 186, 360

Штейн В.М. 200, 232, 324

Штукин А.А. 7

Шубин В.Г. 148, 334

Шэн Шидай 31, 40

Шэнь Чжихуа 131

Щ

Щербатской Ф.И. 221

Щечилина В.Н. 36

Щуцкий Ю.К. 7, 20, 193, 216, 231, 235, 324, 325

Э

Эдер Л.В. 183, 360

Эйдлин Л.З. 10

Эренбург Г.Б. 8, 12

Эскиндаров М.А. 186, 360

Ю

Юань, династия 243, 334

Юань Гуйжэнь 260, 361

Юань Кэ 10, 21, 360

Юань Чжэнь 260, 355

Юань Шикай 72, 73, 74

Юдин П.Ф. 54, 91, 323

Юлина Н.С. 228, 237, 360

Юрин И.Л. 65

Юркевич А.Г. 70, 94, 235, 338, 360

Юрьев М.Ф. 8, 12, 55, 60

Ю Сюаньмэн 220

Я

Ядов В.А. 182, 352

Якимова Е.В. 235, 358

Яковлев А.Г. 89, 128, 132, 133, 146, 148, 360

Яковлев М.А. 107, 123, 334

Яковлев П.Я. 215

Якубовский В.Б. 142, 180, 360

Ян Годун 259, 361

Ян Сюнь 201

Ян Сяньчжэнь 7, 12, 230

Ян Хиншун 194, 231, 232, 322, 360

Ян Хунмэй 353

Ян Цзэ 30

Ян Чжу 21, 192, 193, 195, 196, 200, 201, 231, 349

Янгутов Л.Е. 11, 13, 194, 199, 222, 232, 236, 360

Янь Бэймин 195

Янь Сишань 73

Янь Цзинцэн 7

Ян Юнго 195, 199

Яо Вэньюань 76

Ярославцев Г.Б. 241

Яскина Г.С. 162, 180, 360

Яхонтов С.Е. 6

Яшэн Хуан – см. Хуан Яшэн

СПИСОК АВТОРОВ МОНОГРАФИИ

Виноградов Андрей Владимирович, д-р полит. наук
Ларин Александр Георгиевич, кнд. филол. наук
Ломанов Александр Владимирович, д-р ист. наук
Мамаева Наталья Леонидовна, д-р ист. наук
Островский Андрей Владимирович, д-р экон. наук
Портяков Владимир Яковлевич, д-р экон. наук
Смирнов Дмитрий Анатольевич, канд. ист. наук
Титаренко Михаил Леонтьевич, акад. РАН
Торопцев Сергей Аркадьевич, д-р ист. наук
Турчак Татьяна Михайловна, старший научн. сотр.

SUMMARY

The book «The main directions and problems of Russian Sinology» is a pioneering work. Group of authors set out to give an overall picture of the development of domestic Sinology in the new conditions of post-Soviet time, i.e. during the 90s. XX century, zero and 10th years of the XXI century. Work written by the team of authors of the Institute of Far Eastern Studies, which is a continuation of the Institute of Chinese Studies, Academy of Sciences of the USSR and approaching the anniversary of his sixtieth birthday. Russian Sinology directions presented in this fundamental work, include some extent the basic components of Chinese civilization. An important area that studies the domestic Sinology, as shown by the authors include such areas as the history of China, its domestic and foreign policy, and emphasizes the study of Russian-Chinese relations and themes – China in the international system, the development of the political system and law China, the state of the economy and economic reforms, Chinese philosophy and religion, culture and education, the Chinese migration to Russia and the Taiwan issue, finally, summing up at the same time stimulating the development of certain areas – problems of modernization and the search for optimal models of China's development.

The present study is very specific. The authors, who are professionals in the field of the scientific areas which they characterize, go beyond the traditional review of the scientific literature; usually deeply about the content sources and literature, identify new problems and discussion questions, analyze the content of studies reached in Sinology database and based on its own knowledge.

Specificity of work is not only a wide coverage of the scientific literature and in-depth insight into the research, but also to the study of active treatment of the source base that is characteristic, in fact, for each test in the monograph direction of Sinology, but especially for the history and philosophy. We emphasize not only the historical significance, but also political significance multivolume series of documents «Russian-Chinese relations in the XVII-XX centuries. (Moscow, 1969-2011; edition continues). This series of documents, as well as a series of «The CPSU (b), the Comintern and China», prepared with the assistance of the East Asian University of Berlin (Germany), has received worldwide acclaim. Publication in Russia widest evidence base even more increased scientific authority of the Institute of Far Eastern Studies, in which these studies were carried out.

A characteristic feature of Russian Sinology 90s – early 2000s that writing serves the fundamental general works considered in the scientific community one of the important criteria achieved in science level. Denote the publication of a multivolume work «Spiritual Culture of China: Encyclopedia: [6 t] (ed. M.L.Titarenko. M., 2006-2010), marked by Russia in 2010 State Prize. Well underway over the ten-history of China – «China from ancient times to the beginning of the XXI Century» (ed. Tikhvinsky S.L). In 2013 saw the light of T. VII – «Republic of China (1912-1949)» (Ed. Mamaeva N.L.) and T. II – «Zhanguo, Qin and Han Epoch (V c. BC. – III century AD.) (Ed. Perelomov L.S.), in 2014 was published by T. X – «Taiwan,» «Sianggang» (Hong Kong)», «Aomen (Macao)» and «Overseas Chinese diaspora» (Ed.. Gudoshnikov L.M., G.A. Stepanova). The remaining volume being prepared for publication. All of the above work preparing by scholars of various oriental scientific centers of the country – led by the initiator of these works and a recognized leader in the Russian Sinology in the study – the Institute for Far Eastern Studies, which provided the principal amount and Sinologist professionals to work on the preparation of these fundamental general works. Publication of such major works – the result of many years of efforts of scientists from different generations and indicator of Russian Sinology,

Authors managed to give a comprehensive monograph characteristic development of Sinology, allocate «their» direction of the main problems, attention Sinologist professionals identify lesser known areas to identify studies using new methodological approaches, formulate a number of controversial issues. Without going into details, which the reader can find in the course of reading this work, we note the fact that the Russian Sinologists working with great enthusiasm and passion of the Chinese theme, overcame many obstacles on your way to understanding the internal logic of the development of Chinese civilization. Process of comprehension of Chinese wisdom – not easy and fast. China scholars know that the study of China – the case of all human life.

It is necessary to mention one more fundamental in the study of China moment. Every author, if possible, giving a presentation on the achievements Sinologist – predecessors in the study of these problems and the directions. Sinology past, his present and future perspectives are merged into a single entity in the study, indicating that the continuity of research in China, the strength of the traditions in the study Nominated one of the leading places in the world for a number of important indicators.

Well seen in each chapter link history with modernity, which is especially clearly manifested during the stage of reform and opening. Most clearly, this relationship can be traced in the study of China's foreign policy, Sino-Russian relations. As follows from the book, Russian Sinologist participation in different kinds of hearings, meetings and seminars organized by the authorities of the Russian Federation on international issues affecting the Russian-Chinese relations, becomes stable factor. This practice has a direct bearing on the scientific substantiation of the Russian-Chinese relations.

On the basis of the work can be done a number of policy conclusions, namely, the development of domestic Chinese Studies carried out in the framework of international standards, demonstrates the significant progress which achievement largely contributes to the development of Sinology in regions of the country, and has good prospects for further development – in the case of material and financial state support.

In the contradictory conditions of the modern world and against the background of a new stage of rapprochement between Russia and China on the development of Russian Sinology, which in the past has had an impact on the formation of the Russian-Chinese relations have a special role.

Оглавление

От ответственного редактора	3
Введение. Российское китаеведение и его роль в становлении диалога цивилизаций и российско-китайского стратегического партнерства	5
Российское китаеведение: историческая связь и преемственность поколений	5
Китай и русская культура: познавая мудрость народов	13
Российское китаеведение и современные российско-китайские отношения	18
Глава I. Публикация документальных серий и крупных сборников документов как характерная черта изучения истории Китая в России 1990-х гг. –начала 2000-х гг.	22
Документальная серия «Русско-китайские отношения в XVII–XX вв.» – основной источник для изучения истории двусторонних отношений	22
Документальная серия «ВКП(б), Коминтерн и Китай» – важная составляющая «коминтерноведения» и база для изучения многослойного внутриполитического процесса в Китае 1920–1940-х гг.	35
Документальные сборники о политике Коминтерна и СССР в Китае, революционном движении и внутриполитической ситуации в стране	41
Глава II. Российские исследования истории Китая: внутренняя политика	50
Публикация исторических источников. 1990-е г.	51
Российская историография внутренних проблем Китая. 1990-е г.	55
Публикация исторических источников и российская историография Китая 2000-х гг. Внутренняя политика	64
Глава III. Российские исследования политической системы и права КНР	98
1990-е г.	98
2000-е г.	109
Глава IV. Основные направления и особенности изучения в России международных отношений и внешней политики Китая	125
Период 1990-х г.	125
Период нулевых и начала 10-х гг. XXI в.	134

Глава V. Свет и тени китайской экономики в новейшей отечественной историографии	153
Российская историография 90-х г. XX в. о китайской экономической реформе. . .	155
Китайская экономика в XXI в. глазами российских китаеведов	162
Глава VI. Изучение Китайской философии и религии	190
Формирование и развитие школ изучения китайской философии в России	191
Создание словарных энциклопедических исследований философии Китая	201
Исследование традиционной китайской философии	208
Изучение китайской мысли нового и новейшего времени	216
Исследование религий Китая	220
Итоги и перспективы изучения китайской философии в России	226
Глава VII. Изучение китайской культуры и образования в России на рубеже тысячелетий	238
Изучение китайской культуры и образования в России в 90-х гг. XX в.	239
Российское китаеведение начала XXI в. о состоянии и развитии китайской культуры и образования.	248
Глава VIII. Исследования китайской миграции в России и проблем Тайваня	262
Китайские мигранты в России	262
Изучение Тайваня в России.	274
Глава IX. Отечественное китаеведение о проблемах модернизации и моделях развития Китая	291
Исследования российских китаеведов 90-х гг. XX века	291
Российское китаеведение начала XXI века о новом этапе модернизации и поиске более адекватной модели развития	298
Заключение	311
Список сокращений	318
Библиография	322
Указатель имен	364
Список авторов монографии	376
Summary	377
Оглавление	389

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ
РОССИЙСКОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ**

Верстка Е.Э. Болушаева

Издательство
«Памятники исторической мысли»
115597 Россия, Москва, ул. Воронежская, 38–334
ЛР № 063460 от 08.07.99

Подписано в печать 20.09.2014. Формат 70×100 1/16
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Уч.-изд. л. 34,8. Усл.п.л. 30,9
Тираж 500 экз. Заказ №